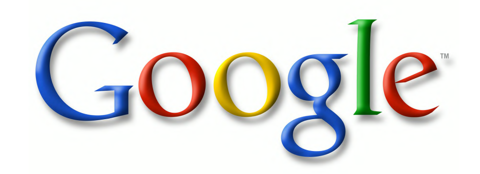
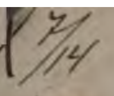

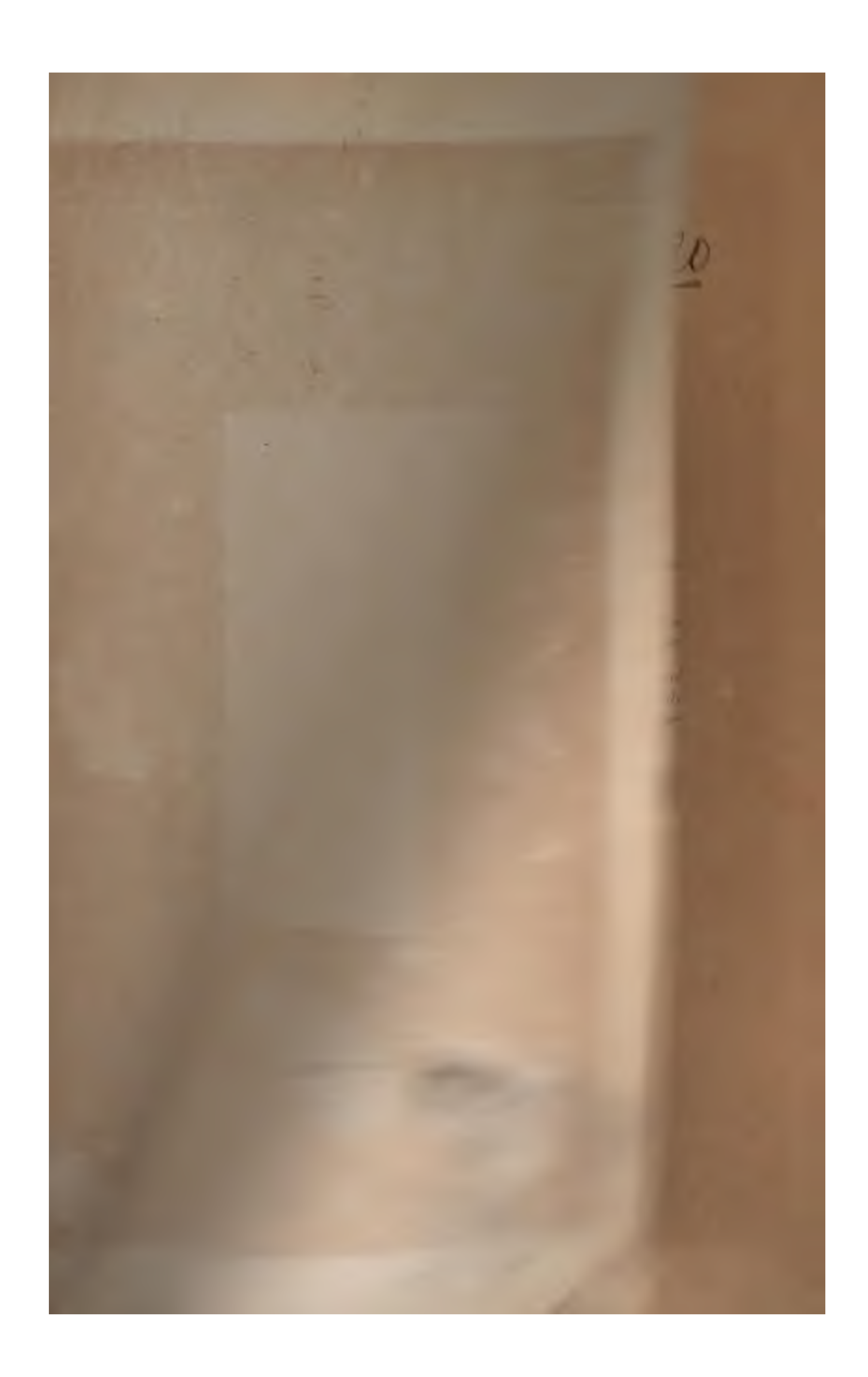

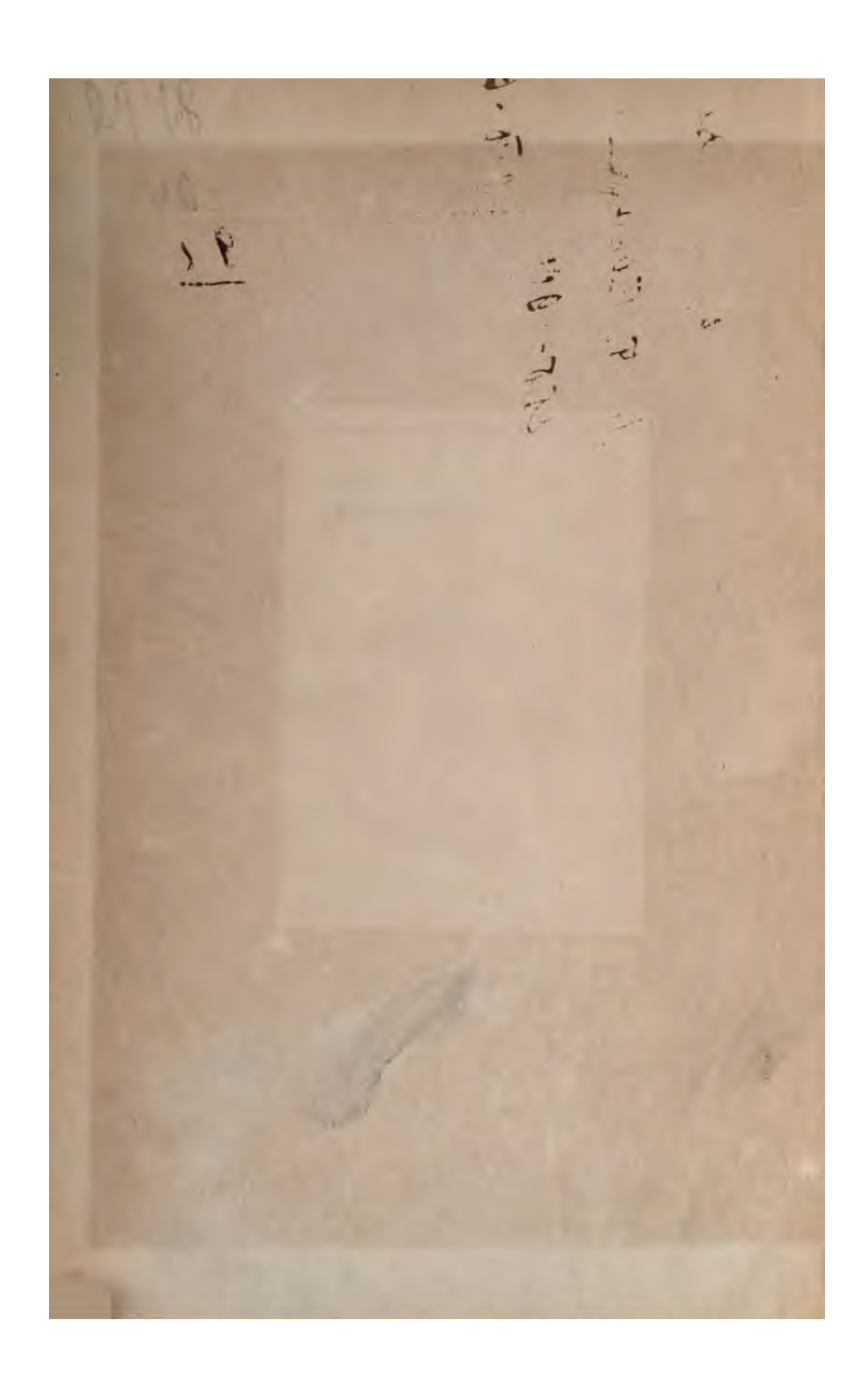

X 7/14

X 7/14
Gift of
William Ohlandt
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

١٢

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА

Дни минувшіе и рѣчи
Ужь замолкшія давно.
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

И я не будущимъ, а прошлымъ оживленъ!
В. Истоминъ.

«Не извращай описанія событій. Побѣду изображай какъ побѣду, а пораженіе описывай какъ пораженіе».
(Наказъ Персидскаго Государя Наср-эддинъ-шаха Исторіографу Риза-кули-хану).

«Цари и вельможи! Покровительствуйте Музамъ: онѣ благодарны».
Погодинъ.

«Пою... дондеже есмь».

Николая Барсукова

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича. В. О., 5 л., 28
1900

2911

ИЗДАНІЕ

Потомственнаго Почетнаго Гражданина

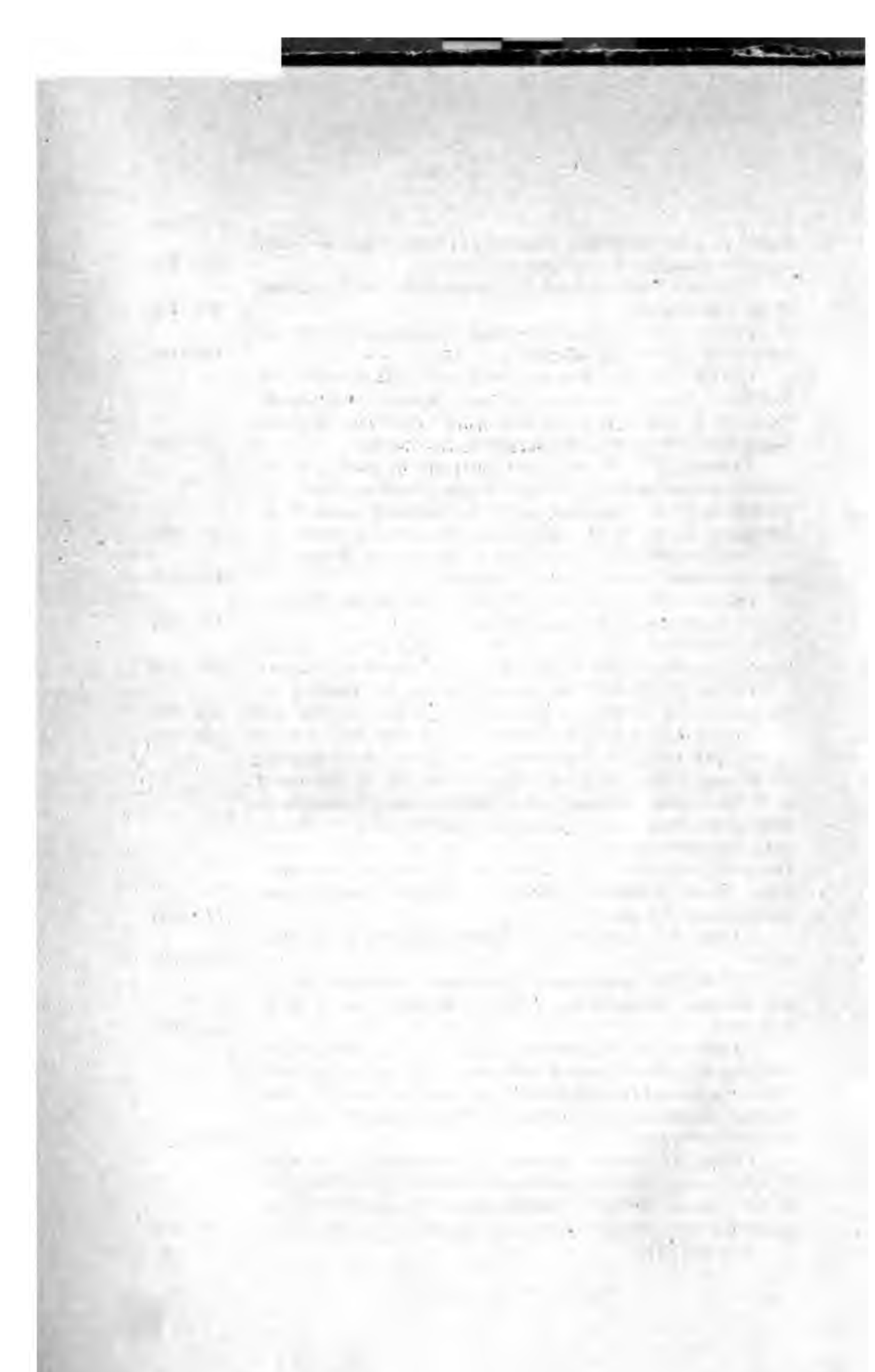
Александра Николаевича

МАМОНТОВА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I.

„Божіею Милостію,
Мы, Александръ Вторый,
Императоръ и Самодержецъ
Всероссійскій, Царь Польскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ. Неисповѣдимому въ путяхъ своихъ Богу угодно было поразить всѣхъ насъ неожиданнымъ страшнымъ ударомъ. Любезнѣйшій Родитель нашъ Государь Императоръ Николай Павловичъ, послѣ кратковременной, но тяжкой болѣзни, развившейся въ послѣдніе дни съ неимовѣрною быстротою, скончался сего 18 февраля. Никакія слова не могутъ выразить скорби нашей, которая будетъ скорбію и всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ. Смиряясь предъ таинственными судьбами Небеснаго Промысла, мы только въ немъ ищемъ Себѣ утѣшенія и отъ Него одного ожидаемъ себѣ дарованія намъ силъ для подъятія бремени, волею Его на насъ возлагаемаго. Какъ оплакиваемый нами любезнѣйшій Родитель нашъ посвящалъ всѣ свои усилія, всѣ часы своей жизни, трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ, такъ и мы въ сей печальный, но и торжественный важный часъ, вступая на прародительскій нашъ престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, предъ лицемъ невидимо соприсутствующаго намъ

Бога, пріемлемъ священный обѣтъ имѣть всегда единою цѣлію благоденствіе Отечества нашего. Да руководимые, покровительствуемые призвавшимъ насъ къ сему великому служенію Провидѣніемъ, утвердимъ Россію на высшей степени могущества и славы, да исполняются чрезъ насъ постоянныя желанія и виды Августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ: Петра, Екатерины, Александра Благословеннаго и Незабвеннаго нашего Родителя. Испытанное усердіе любезныхъ нашихъ подданныхъ, теплыя мольбы ихъ, соединенныя съ нашими, предъ алтаремъ Всевышняго, будутъ намъ пособіемъ. Призываемъ ихъ къ сему, повелѣвая имъ съ тѣмъ вмѣстѣ учинить присягу въ вѣрности намъ и Наслѣднику нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу. Данъ, въ С.-Петербургѣ, въ 18-й день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова 1855-е, Царствованія же нашего въ первое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ" [1]).

Въ полночь, 19 февраля 1855 г., А. С. Хомяковъ писалъ графинѣ А. Д. Блудовой: „Судьбы Божіи неисповѣдимы и неотразимы. Есть человѣкъ, котораго сердце теперь исполнено глубочайшей скорби и невольнаго страха передъ великимъ служеніемъ, на которое онъ призванъ. Дай Богъ, чтобы нашлись люди, которые бы съумѣли ему сказать слово отрады; дай Богъ, чтобы его успокоили. Пусть только вѣритъ онъ Россіи: она никогда не выдавала, никогда не выдастъ своего государя. Будутъ мундирныя, будутъ форменныя молитвы; но, не дожидая ихъ, нынче ночью уже десятки, сотни, тысячи станутъ на колѣни, въ своихъ домахъ и помолятся невидимо и неслышно, но усердно и тепло за него, за его счастіе и крѣпость въ подвигѣ жизни. Не думаю, чтобъ такія молитвы были безплодны" [2]).

„Въ самый день смерти императора Николая I-го, Александръ II-й", — повѣствуетъ Татищевъ, — „повелѣлъ Государ-

ственному Совѣту собраться на другой день, въ исходѣ 1-го часа по-полудни, на собственной половинѣ его императорскаго величества. 19 февраля, представленію государю предшествовало засѣданіе Государственнаго Совѣта, при чемъ Совѣтъ выслушавъ высочайшій манифестъ, мнѣніемъ положилъ: принести присягу на вѣрность подданства государю императору и наслѣднику его цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу. Вслѣдъ за тѣмъ Совѣтъ, въ полномъ составѣ перешелъ во внутренніе покои Зимняго Дворца, гдѣ императоръ Александръ II-й обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Въ годину тяжкихъ испытаній, посѣтило насъ новое несчастіе. Мы лишились отца и благодѣтеля всей Россіи. Покойный государь, мой незабвенный родитель, любилъ Россію, и всю жизнь постоянно думалъ объ одной только ея пользѣ. Каждое его дѣйствіе, каждое его слово, имѣли цѣлію одно и тоже: пользу Россіи. Въ постоянныхъ и ежедневныхъ трудахъ его со мною, онъ говорилъ мнѣ: Хочу взять себѣ все непріятное, и все тяжкое, только бы передать тебѣ Россію устроенною, счастливою и покойною. Провидѣніе судило иначе, и покойный государь въ послѣдніе часы своей жизни, сказалъ мнѣ: Сдаю тебѣ мою команду, но къ сожалѣнію, не въ такомъ порядкѣ какъ желалъ, оставляя тебѣ много трудовъ и заботъ. Я отвѣчалъ ему: Ты *) вѣрно будешь тамъ молиться за твою Россію, и за дарованіе мнѣ помощи.— О, вѣрно, буду—отвѣчалъ онъ. Я увѣренъ въ этомъ, потому что душа его была душа чистая. Въ этой надеждѣ на молитвы моего незабвеннаго родителя, и въ упованіи на помощь Божію, на которую я всегда надѣялся и надѣюсь, я вступаю на родительскій престолъ“. При сихъ словахъ, государь императоръ изволилъ осѣнить себя знаменіемъ креста. Послѣ нѣкотораго молчанія, отъ сильнаго внутренняго волненія, государь продолжалъ: „Помните, господа, что Государственный Совѣтъ есть высшее въ Государствѣ сословіе, и потому

*) „Мы всегда говорили другъ-другу ты“.

долженъ подавать собою примѣръ всего благороднаго, полезнаго и честнаго. Покойный государь, въ послѣднія минуты жизни, передавая мнѣ волю свою, о разныхъ предметахъ государственнаго управленія, поручилъ мнѣ благодарить Государственный Совѣтъ, за усердную его службу, въ продолженіе его царствованія. Исполняя эту волю моего незабвеннаго родителя, я надѣюсь, что Совѣтъ будетъ и при мнѣ продолжать дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовалъ при покойномъ государѣ, то-есть: благородно, чисто и честно. Другихъ дѣйствій отъ этого высшаго учрежденія, я и не ожидаю. Независимо отъ особой благодарности всему Совѣту, покойный государь, въ свои послѣднія минуты, вспоминая о своихъ сотрудникахъ, поручилъ мнѣ по-имянно благодарить министровъ, работавшихъ съ нимъ въ его царствованіе. Васъ, князь Александръ Ивановичъ (Чернышовъ), покойный государь велѣлъ особенно благодарить за вашу долговременную и прекрасную при немъ службу, и поручилъ мнѣ, обнять васъ за него. И васъ, графъ Карлъ Васильевичъ (Нессельроде), покойный государь благодаритъ за вашу службу. Въ васъ, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ (Орловъ), государь имѣлъ друга, постоянно ему преданнаго и вѣрнаго. И васъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ (Киселевъ), покойный благодаритъ за службу ему. Графъ Дмитрій Николаевичъ (Блудовъ), покойный государь васъ также бзагодаритъ за вашу полезную ему службу. И васъ, графъ Петръ Андреевичъ (Клейнмихель),—васъ, графъ Панинъ, покойный государь благодаритъ за вашу ему службу. И васъ, Туркуль. Также и васъ, князь Голицынъ,—за порядокъ по вашей части. И васъ, Норовъ и Брокъ. Тебя, милый братъ (великій князь Константинъ Николаевичъ), государь особенно поручилъ благодарить за прекрасное начало твоей службы“.

Послѣ этого обращенія къ членамъ Государственнаго Совѣта и министрамъ, государь съ пламеннымъ патріотическимъ чувствомъ обратился съ рѣчью къ Петербургскому Дворянству и сказалъ: „Я желалъ васъ видѣть, господа, чтобы передать вамъ слова покойнаго нашего благодѣтеля... Онъ былъ уже

такъ слабъ, что не могъ даже читать самъ выраженія вашихъ чувствъ. Эта обязанность была возложена на меня. Ваше усердіе, господа, усладило его послѣднія минуты. Выслушавъ все, онъ сказалъ: Благодари ихъ, благодари искренно; скажи имъ, что я никогда не сомнѣвался въ ихъ преданности, а теперь еще болѣе убѣдился. Благодарю васъ, господа! Я увѣренъ, что эти слова глубоко залягутъ въ вашемъ воспоминаніи. Вы—во главѣ другихъ: передайте ихъ всѣмъ. Времена трудныя. Я всегда говорилъ покойному государю, что твердо уповаю, что Богъ, милостію своею, сохранитъ Россію. Я надѣялся дожить вмѣстѣ до дней радостныхъ, но Богу угодно было рѣшить иначе. Я въ васъ, господа, увѣренъ, я надѣюсь на васъ. Я увѣренъ, что Дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго. Не унывать! Я съ вами, вы—со мною"! Потомъ, перекрестившись, государь прибавилъ: „Господь да поможетъ намъ! Не посрамимъ земли Русскія"! И, обнявъ губернскаго предводителя, заключилъ: „Въ лицѣ вашемъ еще разъ благодарю все Дворянство. Прощайте, господа, Богъ съ вами"! [3]).

Князь В. А. Черкасскій писалъ Погодину: „Государь принималъ во Дворцѣ депутацію Петербургскихъ дворянъ и, говорятъ, прекрасно говорилъ" [4]).

Манифестъ о восшествіи на престолъ императора Александра II-го повезъ въ Москву генералъ-адъютантъ Ланской, при рескриптѣ къ графу А. А. Закревскому, въ которомъ было между прочимъ начертано: „Первопрестольный градъ, колыбель моя, соединитъ свои слезы и молитвы съ моими".

Но Москва была недовольна тѣмъ, что ей не передали по телеграфу слова императора Николая I, обращенныя къ ней за нѣсколько часовъ до его кончины и увѣковѣченныя княземъ П. А. Вяземскимъ въ его извѣстномъ стихотвореніи [5]).

21 февраля 1855 года, митрополитъ Филаретъ писалъ къ исполнявшему обязанность оберъ-прокурора Св. Сvнода А. И. Карасевскому: „Богъ праведный, но и милосердный, посѣтилъ

насъ, какъ выражается Святая Церковь, печалію, но потомъ исполнилъ сердца наши радостію, оправдавъ надъ нами царствовать возлюбленнаго Ему благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича. Привѣтствую васъ сею радостію. Да будетъ сей даръ Божій въ благословеніе Отечеству нашему! О принесеніи его императорскому величеству вѣрноподданнической присяги въ Москвѣ, вчера въ 3-мъ часу по-полудни, сегодня донесено мною Святѣйшему Сѵноду. Все совершилось мирно и торжественно... Мы скоро узнали о посѣщеніи Божіемъ на Отечество наше: но ничего не могли дѣлать въ ожиданіи указанія свыше. Между тѣмъ, генералъ-губернаторъ и князь С. М. Голицынъ предложили мнѣ, чтобы главное собраніе для присяги было въ каѳедральной церкви Чудова монастыря; потому что въ Успенскомъ соборѣ, по состоянію ихъ здоровья, быть не могутъ; и присовокупили, что они берутъ на себя оправдать сіе распоряженіе предъ государемъ императоромъ. На сіе я почелъ долгомъ согласиться, принявъ въ разсужденіе, что отсутствія сихъ особъ допустить не должно... Въ началѣ 3-го часа, между двумя стѣнами народа, наполнявшаго Кремль, достигъ я церкви, и не скоро дошелъ до алтаря: такъ наполнена была церковь. Облачась и вышедъ изъ алтаря съ высочайшимъ манифестомъ въ рукахъ, я остановился на предалтарномъ амвонѣ, и, предъ чтеніемъ, перекрестился; то же сдѣлали всѣ присутствующіе, какъ одинъ. Чтеніе слушано въ глубокомъ молчаніи. Потомъ молитвословіе клира, колѣнопреклоненная молитва к многолѣтіе благочестивѣйшему государю императору. Присяга произнесена также мною, и повторена за мною присутствующими. Долго стоялъ я, держа на Евангеліи крестъ, и смотрѣлъ на тѣснившихся наперерывъ для цѣлованія, съ желаніемъ, чтобы они всегда такъ ревностно стремились исполнить волю цареву“ [6]).

Въ Погодинскомъ архивѣ сохранился листокъ, писанный, по нѣкоторымъ признакамъ, со словъ С. Т. Аксакова, подъ заглавіемъ: *Мысли и чувства по выслушаніи высочайшаго манифеста, отъ 18-го февраля 1855 года*, въ которомъ читаемъ:

„Была страшная година: шелъ Наполеонъ на Александра; побѣдоносный галлъ съ порабощенною Европою шелъ на смиренную Русь... Погибъ великій завоеватель, погибли побѣдоносные легіоны; восторжествовала и освободила Европу смиренная Русь.

„Еще страшнѣе пришла година: опять Наполеонъ, рука въ руку съ обезумѣвшей Британіей, ведетъ Галльскіе легіоны, и опять идетъ съ ними вся Европа, но уже не рабой послушной; собственной злобою пылая, идетъ она сокрушить великую Русь, которая сорокъ лѣтъ оскорбляла ее своимъ могуществомъ, смиреніемъ, благодушіемъ и Православіемъ.

„Идутъ они, прикрываясь личиною мнимыхъ защитниковъ разрушающагося Исламизма. Крестъ защищаетъ луну, Евангеліе—Алкоранъ; просвѣщеніе сражается за невѣжество, человѣколюбіе—за законность тиранства магометанъ надъ православными христіанами.

„И опять стоитъ противъ Наполеона Александръ со смиренною Русью. Онъ пріемлетъ скипетръ и корону въ самое рѣшительное и грозное мгновеніе; онъ обѣщаетъ возвесть Русскую землю на высшую степень славы и могущества: сочувствуетъ и вѣритъ ему смиренная Русь, крестомъ осѣняетъ чело—и горе врагамъ ея" [7]).

II.

Но день присяги былъ омраченъ событіемъ, которое многими было принято за зловѣщее знаменіе. „Не должно оставлять",—писалъ митрополитъ Филаретъ А. И. Карасевскому,— „неизвѣстнымъ вашему превосходительству происшествіе, которое, послѣ свѣтлаго вчерашняго дня, сдѣлало для меня темнымъ вечеръ. Предъ тѣмъ, какъ у меня должна была начаться всенощная, для приготовленія къ священнослуженію нынѣшняго дня, явился ко мнѣ сакелларій Успенскаго собора и объявилъ, что второй колоколъ Ивановской колокольни, называемый реутъ, упалъ, пробивъ два пола и три свода и что отъ сего

два человѣка тяжело, четыре легко ранены, а три лишились жизни. Нынѣ слышалъ я, что при разобраніи падшихъ матеріаловъ, еще найдены двое умершихъ. Я поручилъ сакелларію немедленно составить донесеніе и представить въ Сvнодальную Контору. При семъ, предвидя, что не могу нынѣ быть въ Сvнодальной Конторѣ, вчерашнимъ вечеромъ пригласилъ я состоящаго въ должности прокурора (А. А. Лопухина) и предложилъ объявить Сvнодальной Конторѣ мое мнѣніе, чтобы составлена была слѣдственная коммиссія изъ Новоспасскаго архимандрита (Агапита), изъ состоящаго въ должности прокурора и изъ архитектора... Относительно причины паденія колокола, достовѣрно то, что мѣстное начальство въ семъ невиновно... Изъ словесныхъ свѣдѣній отъ сакелларія должно заключить, что никто въ семъ не виноватъ. Въ 1812 году, реутъ упалъ и лишился части своихъ ушей. Какъ оставшіяся уши не могли держать его, то верхнюю часть его просверлили и сквозь отверстіе пропустили желѣзы, которыя бы поддерживали его въ замѣнъ потерянныхъ ушей. Теперь оказывается, что, какъ говоритъ сакелларій, эта мѣдная верхушка колокола отдѣлилась отъ него, и такъ сіи остальныя уши съ своими желѣзами не выдержали его тяжести. Можетъ быть, ржавчина постепенно переѣдала верхушку колокола; а во время звона боковое движеніе колокола, при дѣйствіи мороза, способствовало отдѣленію верхушки отъ тяготѣющаго надъ (?) нею колокола въ двѣ тысячи пудовъ" [8]).

Само собою разумѣется, что Погодинъ не могъ остаться равнодушнымъ къ этому несчастному событію. Въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 20 февраля 1855 года, онъ записалъ: „Упалъ колоколъ. Что за удивительное событіе! Женщина выглядывающая изъ верхняго окошка: *жива ли Аннушка? Я* жива. Что это значитъ? Къ Самарину".

К. И. Невоструевъ доставилъ Погодину слѣдующую историческую справку о павшемъ колоколѣ: „По справкѣ, оказалось: упалъ вторый по величинѣ колоколъ, тотъ самый, который, въ 1812 г., падалъ отъ взрыва. Имя ему *реутъ*, а въ

просторѣчіи *ревунъ*. Онъ не имѣлъ одного уха, отъ чего въ народѣ также слылъ карнаухимъ... Литъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ".

Для предупрежденія толковъ, Погодинъ вздумалъ описать это событіе, но встрѣтилъ въ этомъ препятствіе со стороны графа А. А. Закревскаго. 23 февраля 1855 года, Ѳ. П. Корниловъ писалъ Погодину: „графъ Арсеній Андреевичъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за сообщеніе ему любопытнаго замѣчанія вашего объ упавшемъ колоколѣ... Но печатать онаго онъ не разрѣшилъ, находя, что это не остановитъ, но еще болѣе распространитъ толки" [9]).

Митрополитъ Филаретъ, отстаивая предъ Святѣйшимъ Сунодомъ возстановленіе *реута*, между прочимъ писалъ: „Реутъ извѣстенъ и замѣчателенъ, какъ колоколъ особенно хорошаго звука. Если, бывъ просверленъ и поднятъ, вновь дастъ услышать свой голосъ, всѣ будутъ довольны, и это будетъ побѣда надъ бывшимъ разрушительнымъ событіемъ. Но если не будетъ сдѣланъ опытъ сохранить его, а прямо разобьютъ его и выльютъ новый, который уступитъ ему въ звукѣ, то, вѣроятно, многіе скажутъ: зачѣмъ поспѣшили разбить прежній, а не постарались сохранить его" [10])?

Трудны были всѣ эти дни для престарѣлаго митрополита, и 4 марта 1855 года, онъ писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Трудно было мнѣ все сіе время по моему здоровью, и по затруднительности распоряженій. Вы видѣли въ соборѣ частицу сихъ затрудненій. Указъ о панихидѣ былъ полученъ; а указа о манифестѣ и восшествіи на престолъ не получено. И я на указѣ о панихидѣ долженъ былъ сдѣлать распоряженіе о присягѣ" [11]).

21 мая 1855 года, изъ Царскаго Села, обнародованъ другой высочайшій манифестъ, въ которомъ начертано: „На случай кончины нашей прежде достиженія любезнѣйшимъ сыномъ нашимъ и наслѣдникомъ нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія императоровъ, правителемъ Государства до совершеннолѣтія его, назначается нами

любезнѣйшій братъ нашъ великій князь Константинъ Николаевичъ“ [12]).

По поводу обнародованія этого манифеста, митрополитъ Филаретъ писалъ ректору Академіи архимандриту Алексѣю слѣдующее: „Манифестъ о назначеніи великаго князя Константина Николаевича правителемъ, въ случаѣ несовершеннолѣтія наслѣдника престола, есть предохранительная мѣра, за которую вѣрноподданные должны быть благодарны царствующему государю императору. Такъ и покойный назначалъ великаго князя Михаила“ [13]).

III.

Вступленіе на престолъ императора Александра II многими встрѣчено съ упованіемъ на лучшее будущее. Племянникъ И. И. Дмитріева, носившій въ душѣ своей преданія старины, М. А. Дмитріевъ, привѣтствовалъ это событіе *Одою на восшествіе на Престолъ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II*, въ которой между прочимъ читаемъ:

...Но солнце вновь явилось намъ!
Ты—наше солнце, Царь нашъ новый!...

Прими вѣнецъ, къ вѣнцу рожденный!
И власти скипетръ, опредѣленный
Тебѣ съ рожденія судьбой!
Младенецъ встрѣченный Москвой
Въ ея Кремлѣ, въ ея святынѣ,
Ты нашъ съ тѣхъ поръ; ты нашъ отнынѣ,
Какъ повелитель и отецъ!...

...Твоя великая страна
Великой требуетъ управы!
То правды путь, не шумной славы,
И неусыпный царскій трудъ!
Но за него твои потомки
Скорѣй, чѣмъ за побѣды громки,
Тебѣ любовью воздадутъ!

Война не есть уставъ природы!
Пройдетъ она; вздохнутъ народы;

И помнитъ внукъ, какъ давній сонъ,
Что шелъ въ Москву Наполеонъ:
И пашетъ поле безоружный!
Но хлѣбъ и правда вѣчно нужны!
Блаженъ народъ, гдѣ мирный плугъ
Не позабытъ безъ воздаянья;
Гдѣ, мимо всѣхъ, къ бѣдѣ страданья,
Къ обидѣ Царь склоняетъ слухъ!

Доступный Царь есть образъ Бога!...
. . . .
...Но знаемъ мы: ты кротокъ духомъ!
Давно полна Россія слухомъ
Небесной благости твоей [14])...

„Утѣшительные вѣсти,—писалъ митрополитъ Филаретъ къ Антонію,—о новомъ государѣ, какъ онъ въ первые часы явилъ себя царемъ въ полной силѣ и мудрости“ [15]).—„Порадуйтесь, —писалъ Ѳ. И. Прянишниковъ къ Погодину,—что Богъ оставилъ Россію въ рукахъ умнаго и твердаго царя“.

Изъ своего уединенія въ Сызранскомъ селѣ Богородскомъ, М. А. Дмитріевъ, 21-го марта 1855 года, писалъ Погодину: „Поздравляю васъ со вступленіемъ на престолъ благодушнаго государя. Я какъ то, въ предчуствіи моемъ, предвижу благополучіе для Россіи. Дай Богъ“! Въ другомъ письмѣ (отъ 31 марта) Дмитріевъ писалъ: „При добромъ царствованіи и мы сдѣлаемся авось лучше. *Любовь изгоняетъ страхъ*, сказано у апостола Павла. А вмѣстѣ съ страхомъ изгналась бы такая подлость, которая перешла всѣ предѣлы, тотъ обманъ, въ которомъ, такъ-сказать, стакнулась вся Россія, и на которыхъ выросли поколѣнія“...

Погодинъ просилъ Дмитріева писать о Сенатѣ. На эту просьбу послѣдній отвѣчалъ: „Вы пишете, чтобъ я писалъ объ Сенатѣ. Ни за что въ свѣтѣ!

Infandum jubes renovare dolorem!

Virg.

Сенатъ улучшился бы самъ собою, еслибъ улучшились всѣ начала. Ложь, страхъ, самоуправство властей, поклоненіе не закону, а силѣ, недовѣрчивость, подозрительность; излишняя

довѣренность къ лицамъ избраннымъ и любимымъ; пресѣченіе, мимо ихъ, всѣхъ путей правды: вотъ наши болѣзни; а не Сенатъ. Сенатъ дуренъ отъ нихъ. Исправленіе одного какого-нибудь понятія повело бы уже къ неисчислимому благу; напримѣръ, чтобы мимо закона, по дѣламъ судебнымъ, не было высочайшихъ повелѣній".

По поводу отзыва Погодина о Московской цензурѣ, Дмитріевъ писалъ: „Ваши слова о Московской цензурѣ подтверждаютъ, сказанное мною. Страхъ все еще дѣйствуетъ. Скоро ли отъ него освободишься! Ко мнѣ пишутъ, что хотятъ пересмотрѣть цензурный уставъ. Этого мало! Надобно сдѣлать, чтобы не было министерскихъ предписаній, которыми одними руководствуются цензоры, оставляя уставъ безгласнымъ. Надобно кому-нибудь открыть государю, что въ прошедшее царствованіе предписаніе, подписанное министромъ, было выше устава, подписаннаго государемъ. Надобно убавить у цензоровъ ихъ позорнаго жалованья, и въ замѣну освободить ихъ отъ страха. Да мало ли что надобно! Вы въ письмахъ своихъ находили ошибочною нашу политику; но она была еще въ цвѣтущемъ состояніи въ сравненіи съ тѣмъ, что было внутри Россіи. Написать объ этомъ нельзя, потому что это будетъ порицаніе прошедшаго, сильнѣйшее вашего! Трудно будетъ государю. Да и кто надоумитъ на все это. Кто изъ близкихъ это знаетъ? Военные не знаютъ; а Панины и другіе побоятся, потому что и сами участвовали въ умноженіи общей безурядицы; да Панинъ еще и не понимаетъ ничего этого, а другіе и боятся понять! Одно средство государю: не вѣрить однимъ избраннымъ, и дать доступъ слову всякаго добраго и знающаго подданнаго. Надобно имѣть въ памяти басню Крылова: Орелъ и Кротъ".

Въ письмѣ своемъ, отъ 8 іюля 1855 года, М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Какъ вамъ понравилась моя ода? Я думаю, васъ прежде всего удивило, какъ и Аксакова, что это ода! А Аксаковъ, не читая, обрадовался возвращенію такой старины! Вамъ извѣстно, я думаю, что, хотя и хва-

лили ее, тѣмъ не менѣе она возбудила въ Москвѣ много толковъ, не совсѣмъ благопріятныхъ для автора. А именно: дивились, что я не упомянулъ ни словомъ о въ Бозѣ почивающемъ великомъ государѣ, и пугались, что я напомянулъ о о хлѣбѣ и о правдѣ. Что касается до перваго, то и митрополитъ Филаретъ, въ словѣ своемъ на день рожденія нынѣшняго государя, ни словомъ не упомянулъ о прежнемъ; а касательно втораго — говорить правду владыкамъ всегда было правомъ стихотворцевъ. Но чтобы разомъ уничтожить всѣ эти толки казеннаго усердія и вошедшаго въ привычку страха, я рѣшился поднести мою оду, черезъ графа Блудова, самому государю императору. Нынѣ я получилъ отъ графа Блудова отвѣтъ, что государь принялъ мою оду съ особеннымъ благоволеніемъ, и поручилъ ему изъявить мнѣ оное. Это только и было мнѣ нужно. Однако нужно, чтобъ объ этомъ знали. О такихъ подношеніяхъ всегда извѣщаютъ въ газетахъ; но Петербургскіе конечно объ этомъ не напечатаютъ. И потому я послалъ, чрезъ моего сына *), напечатать о томъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Если же самъ редакторъ не рѣшится, то на этотъ случай, я послалъ къ сыну письмо къ попечителю, и въ доказательство,—подлинное письмо графа Блудова. Вы понимаете, что мнѣ это особенно нужно. Если же и это не подѣйствуетъ, я буду писать къ Норову" [16]).

Дѣйствительно, М. А. Дмитріеву пришлось обратиться изъ Сызрани къ А. С. Норову съ письмомъ слѣдующаго содержанія: „Напечатавъ мою оду на восшествіе на престолъ государя императора, я имѣлъ счастіе поднести ее его императорскому величеству, и получилъ увѣдомленіе отъ графа Блудова, что государь императоръ соизволилъ принять сію оду съ особеннымъ благоволеніемъ, поручивъ ему изъявить мнѣ оное. Желая сдѣлать о семъ извѣстнымъ, чрезъ посредство *Московскихъ Вѣдомостей*, я, по отсутствію моему изъ Москвы, поручилъ это моему сыну, и препроводилъ для до-

*) Ѳедора Михайловича. *Н. Б.*

казательства подлинное письмо графа Блудова. Но, не смотря на этотъ документъ статсъ-секретаря, имѣющаго право объявлять высочайшія повелѣнія, не смотря на то убѣжденіе, представляющееся съ перваго взгляда, что никто не осмѣлится наклепать на себя публично и печатно монаршее благоволеніе, боязливая Московская цензура, въ продолженіе нѣсколькихъ уже недѣль, дѣлаетъ мнѣ въ этомъ затрудненіе, обѣщаетъ и не рѣшается даже представить о томъ на разрѣшеніе вашего высокопревосходительства. Опасаясь, что она и до нынѣ еще не рѣшилась на это и въ такой крайности, непобѣдимой никакими обыкновенными путями, я осмѣливаюсь безпокоить васъ симъ письмомъ моимъ и покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство разрѣшить цензурѣ напечатаніе о томъ въ газетахъ, по самой простой, посланной мною программѣ, по образцу обыкновенныхъ подобныхъ извѣстій".

Послѣ переписки съ Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ, А. С. Норовъ счелъ нужнымъ обратиться по сему предмету къ самому графу Д. Н. Блудову, который, 15 ноября 1855 года, отвѣчалъ ему: „Съ своей стороны, не вижу препятствія къ дозволенію дѣйствительному статскому совѣтнику Дмитріеву, напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о принятіи съ благоволеніемъ поднесеннаго мною государю императору экземпляра оды г. Дмитріева. Разумѣется, что при семъ должны быть употреблены самыя выраженія письма моего къ автору оды".

Увѣдомляя объ этомъ (30 ноября 1855 г.) Московскій Цензурный Комитетъ, А. С. Норовъ прибавилъ: „нужнымъ считаю присовокупить, что г. Дмитріевъ поставленъ въ извѣстность о таковомъ моемъ распоряженіи чрезъ Сызранскій Земскій Судъ".

Въ тоже время И. С. Аксаковъ писалъ князю Д. А. Оболенскому: „Возникаетъ новая эра государственнаго бытія, начинается новая эра и для нравственно-общественнаго существованія каждаго русскаго. И конечно каждый отъ всей

глубины души благословитъ новаго царя на подвижническій путь, ему предлежащій, и пожелаетъ, чтобы царствованіе его было обильно плодами тепла и свѣта, добра и разума, и богато всякою честностію. Не знаю, что будетъ дальше, но первый манифестъ всѣмъ по сердцу. Желательно было бы, чтобы новый царь чаще обращался къ народу съ своимъ царственнымъ словомъ и чтобы полною безбоязненною искренностью скрѣплялись естественныя узы, связывающія подданныхъ съ государемъ. Впрочемъ, минута такъ важна, что молчаніе ей приличнѣе, чѣмъ обычное разглагольствованіе"... [17]) Подобныя же мысли выражалъ и Хомяковъ, напримѣръ, въ письмѣ своемъ къ Гильфердингу: „Дай Богъ, доброй воли и яснѣйшаго пониманія молодому государю! Особенно дай Богъ ему довѣрія къ Россіи и невѣрія къ тѣмъ, кто оподозриваетъ всякое умственное движеніе. Мы дошли до великихъ бѣдъ и срама по милости одного умственнаго сна; но перемѣны не могутъ быть слишкомъ быстрыми". Но къ А. Н. Попову, Хомяковъ съ нѣкіимъ сомнѣніемъ писалъ: „Съумѣемъ ли мы оправдать себя теперь, или наша бездѣйственность докажетъ, что мы даже не заслуживаемъ возможности дѣйствовать? Скорыхъ перемѣнъ я не жду, но характеръ будущаго царствованія будетъ непремѣнно зависить отъ того, кто первые подадутъ голосъ: честные или бездушные? Это рѣшитъ отчасти вопросъ: можно или нѣтъ уважать эту землю; можно или нѣтъ довѣрять ей и позволить мыслить вслухъ и жить общительно? Велика отвѣтственность на всѣхъ и на каждомъ. Дай Богъ намъ того, чего не достаетъ у многихъ: истинной любви къ добру, правдѣ и Россіи... А какая вѣроятно идетъ фабрикація клеветъ? Какъ стараются напугать, заподозрить и пр.? Должно быть, просто любо" [18])!

IV.

Въ Москвѣ, манифестъ и рескриптъ къ графу А. А. Закревскому произвели сильное впечатлѣніе, и Москвичи почувствовали сердечную потребность выразить свои чувства и мысли предъ своимъ землякомъ,—воцарившимся императоромъ Александромъ II-мъ.

Подъ 20-мъ февраля 1855 г., Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Извѣстіе отъ Хомякова о необходимости адреса. Поѣхалъ въ Чудовъ монастырь. Молился. Думалъ". Хомяковъ же, въ письмѣ своемъ къ Погодину, писалъ: „Въ собраніи, въ 2 часа, собираются всѣ и генералъ-адъютантъ изъ Питера. Адресъ необходимъ. Если есть готовый, вези! Я послалъ свой къ Самарину. Самаринъ тебя очень зоветъ. Адресъ необходимъ. Отецъ умеръ: неужели сыну не скажутъ, что мы о немъ жалѣемъ".

Но К. С. Аксаковъ написалъ Погодину укорительное письмо за то, что онъ не поѣхалъ въ Петербургъ, на похороны императора Николая. „Пользуясь тѣмъ"—писалъ онъ Погодину,—„что Иванъ ѣдетъ въ Москву, пишу къ вамъ, чтобы поговорить хотя заочно кой о чемъ. Вы конечно читали рескриптъ государя Филарету; рескриптъ очень замѣчателенъ. Слова, обращенныя собственно къ Филарету, показались мнѣ довольно сухи: быть можетъ самъ Филаретъ виноватъ въ томъ тономъ своего письма, вѣроятно, казеннымъ; но замѣтили ли вы полное чувства обращеніе къ Москвѣ въ этомъ рескриптѣ, обращеніе тѣмъ болѣе замѣчательное, что оно вовсе не было вынуждено содержаніемъ рескрипта? Видно, что государь помнитъ, что онъ родился въ Москвѣ, видно, что онъ придаетъ этому значеніе, что ему пріятно говорить объ этомъ. Въ первый день своего царствованія, государь уже писалъ печатно къ Закревскому: *Москва, колыбель моя*. Въ рескриптѣ къ Филарету, онъ выражается: *родная мнѣ Москва; по волѣ Провидѣнія, Я родился подъ сѣнію древней, отечественной, православной*

святыни. Но Москва молчитъ и не торопится сказать ласковое слово своему уроженцу, не отвѣчаетъ ничѣмъ на его привѣтъ, полный любви! Это жаль, и какъ-то странно. Извѣстіе о восшествіи новаго царя застаетъ Московское Дворянство въ Собраніи: оно не посылаетъ къ нему ни адреса, ни депутаціи. Филаретъ не ѣдетъ въ Петербургъ. *Вы, человѣкъ лично знакомый государю, имѣющій... значеніе представителя Москвы, — не ѣдете тоже.* Депутація Черткова была не по приговору Дворянства, и была, говорятъ, смѣшна. За что же встрѣчается такъ холодно доброе расположеніе Александра Николаевича? Не будемъ ли мы сами виноваты, если оно не выростетъ ко всеобщему благу? Пусть, сохраняя все достоинство свое, Москва скажетъ, что и она помнитъ, что государь нынѣшній родился въ Кремлѣ и имѣетъ это благимъ предзнаменованіемъ. Вотъ бы что, между прочимъ, совѣтовалъ я сдѣлать вамъ. Вы знаете сколько добрыхъ слуховъ ходитъ о государѣ. Соберите всѣ эти слухи и напишите маленькій о нихъ отчетъ, подъ названіемъ: *Слухи о государѣ Александрѣ Николаевичѣ во время его воцаренія.* Въ началѣ надо объяснить, что слухи могутъ быть невѣрны, но что они важны во всякомъ случаѣ, ибо выражаютъ всегда, какъ думаетъ страна о государѣ, чего желаетъ и чего отъ него надѣется... Написавъ это, пошлите Блудову".

Въ Погодинскомъ архивѣ сохранился автографическій черновикъ написаннаго Ю. Ѳ. Самаринымъ адреса, котораго такъ желалъ и Хомяковъ, и К. С. Аксаковъ. Вотъ его содержаніе: „Государь! По волѣ Божіей, великая судьба совершилась. Всѣ помыслы, всѣ чувства твоихъ вѣрноподданныхъ сливаются въ глубокое, душевное сочувствіе съ твоею несказанною, сыновнею скорбью; всѣ уста соединяются въ единой молитвѣ, да дастъ тебѣ Господь Свою отраду и силу для перенесенія ниспосланнаго Имъ испытанія. Тяжки времена, въ которыя Богъ полагаетъ на твою главу царскій вѣнецъ; но, мужайся царь Россіи! Мы твердо, несомнѣнно вѣримъ, что Господь не оставитъ Своею милостью

сердечнаго союза царя съ его подданными. Московское Дворянство, также какъ и весь Русскій народъ, готово принести на служеніе тебѣ и Отечеству всѣ свои силы, достояніе и жизнь".

Мы не знаемъ, дошелъ ли этотъ адресъ по назначенію, но знаемъ только изъ письма Томашевскаго къ Погодину, что „царь принималъ депутацію Московскихъ дворянъ", и что онъ говорилъ „отъ души, просто, умилительно хорошо, и не двусмысленно" [19]).

Съ кончиною императора Николая I, по свидѣтельству А. О. Смирновой, „во Дворцѣ нѣтъ болѣе чего-то такого, что придавало церемоніямъ важность и величіе. Какъ эти люди,—продолжаетъ Смирнова, — плохо воспитаны! Громко болтаютъ, смѣются, толкаются! Какъ страшно будетъ, когда спадетъ эта внѣшность, какая ужасная пустота обнаружится передъ всѣми! Даже Віельгорскіе недовольны, по видимому, своимъ настоящимъ положеніемъ. Мишель (отецъ) *) говорилъ мнѣ: „Я больше ничего не знаю; я потерялъ руководящую нить новостей; при этомъ Дворѣ все дѣлается таинственно и втихомолку". Въ другомъ письмѣ, А. О. Смирнова писала: „Графъ Блудовъ печаленъ. Онъ вчера мнѣ признавался: каждодневно молюсь я Богу, чтобы онъ простилъ мнѣ то чувство презрѣнія, которое я испытываю противъ всѣхъ людей въ настоящее время. Въ Пасхальную ночь, Киселевъ сказалъ ему, съ явнымъ намѣреніемъ его уколоть: вотъ два вымирающіе Русскіе варварскіе обычаи: пасхальныя лобзанія и кареты въ четыре лошади" [20]).

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, близко принимая къ сердцу интересы переживаемаго времени, дѣлился своими чувствами въ письмахъ къ родителямъ и такъ писалъ имъ, отъ 8-го апрѣля 1855 года: „Положеніе какое-то странное; всѣ въ недоумѣніи, никто не проченъ, никто не знаетъ настоящаго

---

*) Достопочтенный графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій.
Н. Б.

пути, которымъ хочетъ идти Правительство. Государь все живетъ какъ наслѣдникъ, живетъ въ прежнихъ комнатахъ, носитъ генералъ-адъютантскій мундиръ. Очень усиливается Ростовцовъ, котораго въ Петербургѣ называютъ Мазариномъ".

Въ другомъ письмѣ И. С. Аксакова читаемъ: „Все слухи, да слухи, все таже томительная неопредѣленность, но какъ и они интересны, то сообщаю вамъ всѣ Московскія политическія сплетни. Броку *) плохо и на его мѣсто прочатъ Княжевича или Позена. Государь намѣренъ лично слушать доклады только министровъ Иностранныхъ Дѣлъ, Финансовъ и Военнаго, а прочіе будутъ докладывать Государственному Совѣту и Комитету Министровъ. Преслѣдованіе раскольниковъ прекращено. Императрица подарила Тютчевой Маколея. Нессельродъ хочетъ подписать миръ и выдти въ отставку... Вообще въ Петербургѣ какъ-то стало глухо и менѣе говорятъ, чѣмъ въ послѣдніе дни царствованія Николая Павловича. Это понятно: прежніе связи при Дворѣ ослабѣли, еще не опредѣлилось ни направленіе, ни положеніе отдѣльныхъ лицъ, всѣ еще въ недоумѣніи... Погодинъ не ѣдетъ къ намъ по случаю дорогъ. Къ нему на Дѣвичье поле доступъ не очень легокъ и третьяго дня онъ остался ночевать у Самарина. Оба вечера мы сидѣли до 4-го часа, но разговоръ былъ объ Іоаннѣ Лѣствичникѣ и т. п. До такой степени всѣмъ надоѣло вертеться около слуховъ и гаданій" [21]).

V.

Склонность государя допустить Русское платье и бороду весьма обрадовала словенофиловъ. „Здѣсь всѣ радуются",—писалъ Хомяковъ къ Гильфердингу,—„проявленію стремленія къ *народному* и *Русскому*. Не знаю, какъ въ Питерѣ. Освобожденіе отъ наружнаго подражанія важно, какъ знамя, вызывающее освобожденіе мысли отъ чужаго авторитета, какъ вызовъ

*) Бывшій тогда министръ Финансовъ.
Н. Б.

къ самомышленію. Въ добрый часъ молвить". О томъ же писалъ Хомяковъ и А. Н. Попову: „Здѣсь всѣ радуются Русской одеждѣ или стремленію къ ней. Такъ ли у васъ въ Питерѣ? Даже прежніе враги Русскаго платья повеселѣли, какъ будто они сами его желали, да желать не смѣли" [22]).

И. С. Аксаковъ извѣщалъ своихъ родителей, что „камергерамъ и придворнымъ чинамъ даются какія-то богатыя Русскія платья". Въ другихъ своихъ письмахъ И. С. Аксаковъ сообщаетъ: „Говорятъ, государь сказалъ о бородѣ, въ отвѣтъ на вопросъ о бородѣ и Русскомъ платьѣ вообще: „А мнѣ какое дѣло? Пусть одѣваются какъ хотятъ"... Государю недавно представляли рисунки боярскихъ костюмовъ; онъ сказалъ, что теперь покуда онъ это намѣреніе отложитъ, но изъ всѣхъ словъ видно, что ему очень хочется ввести Русское платье, и въ обществѣ Петербургскомъ даже дамы толкуютъ о сарафанахъ. Выйдетъ страшное безобразіе, но нужды нѣтъ: чрезъ все это должно пройти. Каммергеровъ переименовываютъ въ стольниковъ, камеръ-юнкеровъ—въ ключниковъ" [23]).

„Придворныя новости", — писалъ Погодину П. С. Савельевъ,—„состоятъ покуда только въ проектахъ новыхъ мундировъ. Придворнымъ чинамъ хотятъ дать боярскіе кафтаны и бобровыя шапки. Эта невинная забава имѣетъ по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что убьетъ наши нелѣпые фраки. Л. А. Перовскій надѣлъ уже стрѣлковый кафтанъ, Русскіе сапоги и генеральскія эполеты. Впервые является при Дворѣ Русскій кафтанъ съ звѣздами". Въ томъ же письмѣ Савельевъ сообщаетъ и слѣдующее: „Въ заключеніе сообщу довольно любопытную для васъ вещь, показывающую, какъ любознательна царствующая императрица. Когда Перовскій представлялъ государю найденныя въ Псковской губерніи гривенки, то онъ велѣлъ показать ихъ и императрицѣ. Она пожелала знать подробно, что такое гривна, отъ чего теперь гривна равняется десяти копѣйкамъ, и мнѣ поручено написать для нея объ этомъ записку".

А. И. Кошелевъ съ радостію извѣщаетъ Погодина о слѣ-

дующемъ: „Скажу вамъ радость: въ Сапожковскомъ уѣздѣ начинаютъ носить Русское платье. На дняхъ, на обѣдѣ, было семь, а въ будущую субботу должно быть за столомъ у насъ девять человѣкъ въ Русскихъ платьяхъ. Теперь въ Сапожковскомъ уѣздѣ надѣли Русское платье пять Кошелевыхъ, три Ивановскихъ, трое Протасовыхъ, одинъ Колюбакинъ, всего двѣнадцать человѣкъ. Есть надежда, что эта мода перейдетъ и за границы Сапожковскаго уѣзда“.

Супруга же А. И. Кошелева, Ольга Ѳедоровна, представила Погодину, изъ Песочни, цѣлое разсужденіе о необходимости облечься въ Русское платье, и мы представляемъ это разсужденіе въ его *подлинномъ* видѣ. „Прежде чѣмъ начну свое письмо, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ“,—писала она,—„прошу васъ убѣдительно читать меня одинъ и не говорить о моемъ письмѣ и не показывать его. Назовите это какъ хотите, но когда я пишу кому, мнѣ очень непріятно чтобы читалъ другой и это меня связываетъ; а хочется мнѣ вамъ сказать безостановочно задуманное — и кажется мнѣ это легко относительно васъ, потому что вѣрю вашей откровенности, и просто скажете, согласны вы или не согласны, потому и потому—и не будете насмѣхаться надъ собственно мыслью моей или надъ изложеніемъ ея. Дѣло идетъ о Русскомъ нарядѣ. Вы знаете на что Александръ Ивановичъ и я (кстати объ Александрѣ Ивановичѣ, онъ съ недѣлю уѣхалъ въ Лебедянь) мы сшили себѣ Русскія платья и надѣваемъ ихъ, но желательно было бы носить ихъ. Кажется мнѣ, время совершенно по тому приспѣло: и война, и перемѣна покроя служащимъ военнымъ и статскимъ, и новое царство и сила времени, и важность теперешнихъ событій, все это отымаетъ у перемѣны платья характеръ тщеславный и колоритъ партій; вещь выходитъ серьезная и естественная и для ограниченныхъ умовъ, чисто дѣло патріотизма, пожалуй и квасняго. Но согласитесь, что носить мнѣ одной невозможно, выскочкой никто изъ нашего слабаго пола не согласится быть—во-первыхъ, по свойственной стыдливости; во-вторыхъ, что роль партій, по моему, жен-

щинѣ не слѣдъ выдерживать потому уже, что дѣло женщины въ обществѣ мирить людей, а не дразнить ихъ; въ-третьихъ, что непріятно, очень непріятно, чтобъ не сказать оскорбительно, въ дѣлѣ серьезномъ имѣть характеръ тщеславія, игры, костюма, который надѣваешь ради того, что къ лицу. Ну теперь что же вамъ дѣлать, скажете вы, какъ упрочить? А вотъ вы извините, что я такъ просто говорю—знаю пословицу, что у бабы волосъ дологъ и пр.: но такъ и быть прочтите до конца и отвѣтьте мнѣ что и какъ. Не выпускайте въ *Москвитянинѣ* Парижскую моду и оговоритесь въ томъ, что вы это нарочно сдѣлали, что стыдно теперь и пр. пора сбросить иго моды Французской и пр. Какъ нарочно, носили въ прошломъ году платья въ обхватъ ногъ, а нынѣшняя картинка приказываетъ такую ширину, что едва въ дверь взойдешь; однимъ словомъ, у васъ слово живое, сильное. Подбивайте насъ на это дѣло статьей въ *Москвитянинѣ*, да другою—въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Пусть и въ Питерѣ прочтутъ; да главное, надо чтобы въ провинціи надѣли а то въ Петербургѣ испортятъ покрой. А чтобы женщины надѣли, нужно чтобы тужчины уговаривали, а мы люди пустые, глупые, полъ слабый и робкій, безъ поддержки мужчинъ не годимся въ дѣлѣ общественномъ; а за нами то вамъ будетъ легче, не смотря на то что вы полъ сильный и твердый, люди все умные а за нами отъ васъ совершенно отымется колоритъ партіи и электрически двинется столь дѣльно желаемое. Напишите, что знаете черезъ корреспондентовъ своихъ, что въ нѣсколькихъ губерніяхъ, я вамъ могу назвать четыре, въ которыхъ нѣсколько семействъ одѣлись по-русски (но *чуръ меня* не называть и даже Сапожковскій уѣздъ не нужно); а безъ поддержки и возбужденія они же непремѣнно бросятъ. Теперь самая минута, не правда ли? Позже будетъ труднѣе—да еще потому необходимо поспѣшить, что обшиваться долго, да въ деревнѣ покроемъ не ошибешься—а къ зимѣ будетъ у всѣхъ готово. Я себѣ сдѣлаю обще-русскій—и мѣстное—а потомъ мы можемъ другъ у друга перенимать что̀ удобнѣе, что̀ кра-

сивѣе и составятся наряды на всѣ вкусы, на всѣ лица. Любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, пожалуйста не сѣтуйте на меня, что я васъ своимъ письмомъ отвлекаю отъ другаго занятія, но мнѣ кажется это дѣло очень серьезнымъ, давно объ этомъ думала, что это не напишетъ никто; но вчера запала мнѣ мысль вамъ прямо написать. Кому лучше васъ! Но вчера по случаю праздника была съ гостьми цѣлый день а въ умѣ все писала и представлялась мнѣ вся ваша статья и дѣйствіе ея—сегодня сѣла и вотъ сколько наскребла. Извините, сочинять письма не умѣю, округлять фразъ и проч. не по мнѣ. Но вы меня поняли, я увѣрена, и увѣрена что не будете насмѣхаться надо мной и надъ грамматическими погрѣшностями. Желаю вамъ отъ души всякаго успѣха—будьте здоровы и Богомъ хранимы. Отвѣтьте мнѣ скорѣй, скорѣй. Погода у насъ чудная. Занимаюсь садкой деревьевъ и кустовъ въ саду. Жду въ концѣ октября сына, которому даютъ коммиссіи въ Воронежъ и Тамбовъ. Что за грустное время. Безпрестанно, при извѣстіяхъ, сердце сжимается и духъ падаетъ" [24]).

И. С. Аксаковъ спрашивалъ своихъ родителей: „Серьезно надѣваетъ Самаринъ Русское платье или такъ, чтобы иногда тѣшить себя дома? Видно, приспѣваетъ время" [25]).

VI.

Наступалъ день преподобныхъ Зосима и Савватія, Соловецкихъ Чудотворцевъ, 17 апрѣля 1855 года,—день рожденія воцарившагося государя.

Недоумѣвая, послать или не послать ко дню рожденія государя икону, митрополитъ Филаретъ писалъ Антонію: „Я въ недоумѣніи, послать ли икону государю императору ко дню его рожденія? Что дѣлается по принятому правилу и обычаю: то дѣлаю съ мыслію: такъ должно; и остаюсь въ покоѣ въ отношеніи къ послѣдующему. Но когда представляется что-либо свыше обычая: тогда спрашиваю себя: кто есмь азъ, чтобы поступать съ дерзновеніемъ? и не нахожу

отвѣта. Если бы мнѣ рѣшиться писать государю, то надлежало бы въ случаѣ, преимущественно важномъ, при восшествіи его на престолъ; но я и тогда не рѣшался. Почему теперь быть смѣлѣе? Нынѣшній генералъ-губернаторъ при покойномъ государѣ началъ писать поздравительныя письма, и получать отвѣтные рескрипты. Не знаю какъ это дѣлалось: но это особенность царскаго намѣстника въ столицѣ, какъ онъ себя представляетъ. Къ государынямъ императрицамъ я писалъ потому, что на то была ихъ воля. Къ государю императору писалъ о пожертвованіи; и тогда сказалъ, что не вдругъ рѣшился писать собственно къ нему. При покойномъ государѣ о пожертвованіи, сколько помню, писалъ я къ оберъ-прокурору, для доклада его величеству. Преподобный Сергій не прогнѣвается, что я, по моему недостоинству, не сдѣлаю себя посланникомъ Его къ государю, и преподателемъ его благословенія: и за мое недостоинство не уменьшитъ Своихъ молитвъ о немъ къ Богу, и непосредственно подастъ ему Свое благословеніе... Таковы мои помыслы. Однако икону оставляю у себя, чтобы еще подумать. Если не рѣшусь послать, возвращу ее".

Икона была возвращена [26]).

Но Погодинъ, въ данномъ случаѣ, не руководствовался правилами митрополита Филарета и дерзнулъ въ тотъ день обратиться къ государю съ письмомъ и при ономъ приложить записку подъ заглавіемъ: *Царское время*.

По этому поводу въ *Дневникѣ* Погодина, 1855 года, мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *11 апрѣля*: „Набросалъ о Царскомъ времени. Обдумывалъ письмо, письмо поздравительное".

— *21* — —: „Отправилъ статью къ Назимову съ письмомъ. Кошелевъ доволенъ также статьею".

— *24* — —: „Письмо положено на столъ камердинеромъ въ день рожденія".

Замѣчательная записка Погодина *Царское время* была препровождена по назначенію при слѣдующемъ письмѣ: „Государь!

Среди торжественныхъ славословій, коими оглашается нынѣ вся Россія, позволь смиренному труженику Исторіи, удостоенному издавна высочайшаго твоего благоволенія, принести тебѣ искреннее поздравленіе.

„Благослови Богъ твое царствованіе и ниспошли тебѣ помощь свыше довершить все доброе, начатое твоимъ незабвеннымъ родителемъ, исправить все оказавшееся несогласнымъ съ пользами Отечества, восполнить недостающее и предпринять нужное для содѣйствія счастія твоихъ подданныхъ, которые встрѣтили тебя съ такою любовію и такими надеждами.

„Приношу тебѣ малую лепту отъ своихъ трудовъ и размышленій, и почту себя счастливымъ, если этотъ краткій мой очеркъ, внушенный чувствомъ неограниченной къ тебѣ преданности, дастъ поводъ разсмотрѣть тщательно вопросъ важнѣйшій въ нашемъ государственномъ быту, вопросъ о *царскомъ времени*“ [27]).

„Время царское,—писалъ Погодинъ,—дороже всего на свѣтѣ. Оно должно быть сберегаемо и соблюдаемо до послѣдней минуты, для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственныхъ, для размышленія о существенныхъ предметахъ управленія.

„Занимать царя частностями и подробностями, развлекать формами и церемоніями—есть величайшее гражданское преступленіе.

„Петръ I, отличавшійся отъ природы особенной дѣятельностію, и работавшій во всю жизнь отъ утра до вечера, жаловался часто на недостатокъ времени. А у него въ управленіи было только десять милліоновъ. Теперь Русское государство считаетъ до семидесяти милліоновъ жителей; слѣдовательно, число дѣлъ умножилось всемеро, по естественному приращенію народонаселенія; въ семдесятъ разъ—по вновь возникшимъ разнообразнымъ отношеніямъ между гражданами, неимѣющимъ сравненія съ прежними. Въ такой же соразмѣрности всѣ дѣла стали сложнѣе, мудренѣе и труднѣе для рѣшенія. Войско Петра I едва равнялось одному нынѣшнему отдѣльному

корпусу. Что такое была торговля, внѣшняя и внутренняя, финансовая часть, при немъ, и что онѣ при насъ! О печати ему нечего было почти думать, между тѣмъ какъ для современнаго государя печать есть одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ заботы. Сравните число служащихъ чиновниковъ, которыхъ надо руководствовать, наблюдать, награждать и наказывать. А донесенія объ особыхъ происшествіяхъ со всѣхъ концовъ Имперіи, оффиціальные пріемы, осмотры, путешествія, проэкты, доносы, жалобы, мнѣнія! Присоедините множество дѣлъ, назову ихъ искусственными,—дѣлъ пустыхъ и ничтожныхъ, коимъ придается иногда важность для полученія лишней аудіенціи, для сообщенія докладу разительности, при чемъ запутываются понятія, и должны напрягаться умственныя способности, съ заблужденіемъ часто въ награду!

„Мы не говорили еще о внѣшнихъ отношеніяхъ, кои ограничивались при Петрѣ I сосѣдними государствами. Нынѣ, къ Русскому царю везутся депеши изъ всѣхъ пяти частей свѣта, изъ Европы и Азіи, Африки, Америки и Австраліи. Политика отдаленнѣйшихъ государствъ, со всѣми ея превратностями, связь ихъ между собою, требуютъ неусыпнаго вниманія. До какихъ же колоссальныхъ размѣровъ достигло количество дѣлъ, повергаемыхъ на высочайшее воззрѣніе, рѣшеніе, утвержденіе! Мысль цѣпенѣетъ!

„И вотъ Русскій царь дѣлается первымъ труженикомъ своего Царства, несчастнѣе послѣдняго батрака, у котораго, послѣ тяжкихъ ежедневныхъ трудовъ, остается все-таки нѣсколько времени для беззаботнаго отдохновенія. У Русскаго царя нѣтъ этого времени — для возношенія своего духа къ Богу и теплой сердечной молитвы, нѣтъ времени для вкушенія тихихъ радостей въ кругу своего семейства; ему некогда подумать о себѣ, о важнѣйшихъ человѣческихъ вопросахъ и задачахъ земной жизни; ему некогда заглянуть въ книгу и освѣжить свою мысль, свое чувство. Предъ его глазами мелькаютъ безпрестанно длинные списки текущихъ обязанностей, и встаютъ грознымъ привидѣніемъ высокія груды

безконечныхъ дѣлъ, подъ которыми онъ долженъ проводить свои черты, груды, кои завтра смѣняются новыми, и такъ далѣе, безъ конца... Сизифова работа!

„Есть ли физическая, не только умственная возможность заниматься ими, съ перерывами и отвлеченіями, еще болѣе тягостными, безъ противуестественнаго напряженія, безъ неизбѣжнаго утомленія, безъ разслабленія всѣхъ силъ, иногда медленнаго, но всегда гибельнаго, не зародивъ во глубинѣ своего сердца этого страшнаго внутренняго червя тоски, досады, неудовольствія, который подточитъ самое крѣпкое тѣлесное здоровье, и истомитъ самую твердую душу? Какое зрѣніе не притупится отъ однихъ взглядовъ, бросаемыхъ по заказу на всю эту пестроту?

„Несчастная система, низведшая во гробъ, вмѣстѣ со внѣшними неожиданными ударами, покойнаго императора Николая Павловича! Въ порывѣ неограниченнаго своего усердія ко благу Отечества, онъ хотѣлъ дѣлать все самъ, работалъ въ продолженіе тридцати почти лѣтъ, не думая о себѣ, и палъ наконецъ жертвою царственнаго долга, самимъ на себя возложеннаго. Увлекшись блистательнымъ примѣромъ предка, онъ не подумалъ, что со временъ Петра I обстоятельства перемѣнились, и что Петровское дѣланіе, перенесенное въ наше время, становится оптическимъ обманомъ, что большая часть дѣлъ, не смотря на видимую непосредственную зависимость отъ государя, обращаются такимъ образомъ въ добычу частнаго произвола, застрахованнаго священнымъ царскимъ именемъ, и потому безнаказаннаго, или дѣлается, такъ сказать, сама собою по установленному порядку, вопреки, часто, его желанію, въ ущербъ общей пользѣ, въ противоположность Россіи по бумагамъ съ Россіею въ натурѣ.

„Первая, по моему мнѣнію, задача Государственному Совѣту въ наше время, — разобрать и опредѣлить, какія дѣла должны быть представляемы на высочайшее воззрѣніе, и какія, безъ малѣйшаго нарушенія самодержавной власти, могутъ быть рѣшаемы разными отдѣльными высшими вѣдомствами.

„Вторая задача,—опредѣлить, въ какой степени можетъ быть допущена гласность, въ видахъ предохраненія правительственныхъ и прочихъ рѣшеній отъ произвольности и учрежденія надъ ними новой необходимой инстанціи — бдительнаго общаго мнѣнія, безъ котораго само правительство остается часто во тьмѣ.

„Эта гласность, въ предѣлахъ благоразумной осторожности, доставитъ еще государю и его ближайшимъ сотрудникамъ средства узнавать людей, которыхъ при прежней системѣ узнавать было невозможно, а въ тѣсномъ кругѣ приближенныхъ мудрено дѣлать и выборъ. Даръ выбирать людей, впрочемъ очень рѣдкій въ Исторіи всѣхъ государствъ, лишился нынѣ почти своей цѣны и значенія, потому что государь, по ходу дѣлъ, не можетъ быть въ такомъ близкомъ общеніи съ народомъ, въ какомъ былъ Петръ I и Екатерина II. Этотъ случайный даръ долженъ замѣниться дѣйствіями гласности и общаго мнѣнія.

„Государь, освободясь изъ-подъ бремени гнетущихъ его, часто безъ нужды и пользы, дѣлъ, облегчась, такъ сказать, во всѣхъ своихъ движеніяхъ, войдя въ свои человѣческія права, возможетъ посвящать полное вниманіе на дѣла, достойныя его высокаго сана, употреблять свое время на спокойныя размышленія о великой царской обязанности, обращать свой умъ, куда заблагоразсудится, и вести Богомъ ввѣренный ему народъ къ великой его цѣли, по избранному пути, такъ, какъ Богъ ему на сердце положитъ. Господи! вразуми его, спаси, сохрани и помилуй“ [28])!

Записка эта пришлась по душѣ М. А. Дмитріеву, и онъ писалъ Погодину: „Сколько истины въ томъ, что государю, за этимъ хламомъ дрянныхъ дѣлъ, некогда заняться дѣломъ и некогда отдохнуть! Никто, никогда еще не говорилъ у насъ этой правды, и такой правды! Честь вамъ! Но вообразите, что для одного этого нужно передѣлать всю систему правительства! Въ такую зашли мы трущобу! Вотъ что надобно: 1) Уничтожить Совѣтъ и учредить другой, изъ немногаго числа лицъ,

чтобы этотъ Совѣтъ былъ въ полномъ смыслѣ Совѣтъ государя: тогда онъ будетъ и Государственный. Его дѣло было бы разсматривать не дѣла, а высшіе вопросы Государства, внѣшніе и внутренніе. 2) Дать власть нынѣшняго Совѣта Сенату. Но передъ этимъ истребить всѣ предписанія министровъ къ оберъ-прокурорамъ, которыя болѣе ослабили силу и унизили власть Сената, чѣмъ самое учрежденіе Совѣта. Этими предписаніями Сенатъ доходитъ до absurdum, и государь ничего этого не подозрѣваетъ! Сенатъ опредѣляетъ поднести государю докладъ, и по закону имѣетъ на это право. А циркулярное предписаніе велитъ, чтобы опредѣленіе, по которому Сенатъ заключаетъ докладъ, оберъ-прокуроръ присылалъ на просмотръ къ министру. Министръ тоже имѣетъ на это право, ибо онъ генералъ-прокуроръ, тотъ же оберъ-прокуроръ высшаго разряда: оберъ-прокуроръ есть только его délégué! А изъ этого выходитъ, что чуть только дѣло немножко щекотливо, или противъ сильнаго лица, министръ предписываетъ дать противъ Сената предложеніе. И все это, вредя сущности дѣла и уничтожая силу закона, не выходитъ изъ законнаго порядка! Весь же этотъ порядокъ напоминаетъ стихи Княжнина о лекарѣ:

И лучше онъ хотѣлъ по книгѣ уморить,
Чѣмъ жизнь по естеству больному подарить!

Да мало ли что! А учрежденіе жандармовъ, которое способствовало не къ уничтоженію, а къ систематической организаціи взяточничества, при которой уже не боятся! Въ цензурѣ тоже. *Отечественныя Записки* имѣли покровителемъ Владиславлева; а онъ былъ адъютантомъ графа Бенкендорфа. И потому имъ все съ рукъ сходило, а въ Москвѣ не пропускали ничего! Въ вашей бумагѣ о цензурѣ, какъ вамъ не пришло въ голову написать еще одно замѣчаніе: 1) Что уставы цензурные всѣ хороши; но что цензоры слѣдуютъ не имъ, а неизвѣстнымъ намъ секретнымъ предписаніямъ министровъ. 2) Что эти предписанія, даже при такомъ государѣ, который болѣе всѣхъ бывшихъ и будущихъ былъ —

jaloux de son pouvoir, отмѣняли уставъ, имъ же подписанный, отмѣняли его же законъ, и онъ или не зналъ этого, или допускалъ это! Покойный государь чрезвычайно заботился о централизаціи, и никакъ не замѣтилъ, что онъ ввелъ вредную централизацію лицъ, а не дѣлъ! Эта же централизація лицъ отразилась и въ централизаціи покровительства дурнымъ людямъ и въ централизаціи взятокъ, которыя только въ его царствованіе дошли до обезпеченія, по восходящей линіи, и до ужасныхъ размѣровъ!“ [29]).

VII.

Въ минуту воцаренія императора Александра II-го, Россія, переживала тяжелое время... Защита Севастополя стоила ежедневно геройскому гарнизону неисчислимыхъ потерь. Подкрѣпленія подходили медленно и въ недостаточномъ числѣ... Съ призывомъ государственнаго ополченія, напряжены были до крайнихъ предѣловъ боевыя силы государства; не менѣе истощены были и его финансовыя средства, а между тѣмъ къ веснѣ слѣдовало ожидать вторженія Турокъ въ Закавказье и появленія Англо-Французскаго флота въ Финскомъ заливѣ. Наши берега на Бѣломъ морѣ и Восточномъ океанѣ оставались совершенно открытыми для непріятельскихъ нападеній... Изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ, если не считать папы, одинъ только король Неаполитанскій обнаруживалъ къ намъ искреннее дружеское расположеніе. Война грозила стать всеобщею. Россіи приходилось вступить въ борьбу со сплотившеюся воедино противъ нея всею Европою. Въ виду этой грозной опасности, императоръ Александръ II не смутился и не палъ духомъ, но бодро и твердо приступилъ къ выполненію намѣченной имъ двойной задачи: все стараніе приложить къ заключенію мира почетнаго; если это окажется недостижимымъ, собрать и направить всѣ вещественныя и нравственныя силы Россіи на отраженіе ея враговъ. Такую рѣшимость государь ясно выразилъ въ рѣчи, съ которою

обратился къ явившимся привѣтствовать его воцареніе дипломатическимъ представителямъ иностранныхъ государствъ. Государь разъяснилъ чужеземнымъ дипломатамъ, что отвѣтственность за кровопролитную войну отнюдь не должна падать на императора Николая I; торжественно объявилъ имъ, что останется вѣренъ чувствамъ, одушевлявшимъ его родителя, и будетъ строго придерживаться началъ, руководившихъ политикою Александра I и Николая I. „Начала эти“,—сказалъ императоръ,—„суть начала Священнаго союза. Если этотъ союзъ болѣе не существуетъ, то вина за то лежитъ, конечно, не на моемъ отцѣ. Его намѣренія всегда были прямодушны и честны, и если, въ послѣднее время, онѣ не вездѣ оцѣнены по достоинству, то я не сомнѣваюсь, что Богъ и Исторія воздадутъ имъ должную справедливость“. При этихъ словахъ государь строго взглянулъ на смущеннаго Австрійскаго посланника графа Эстергази и затѣмъ продолжалъ: „Я готовъ протянуть руку примиренія, на условіяхъ, принятыхъ моимъ отцомъ; но если совѣщанія, которыя откроются въ Вѣнѣ, не приведутъ къ почетному для насъ результату, тогда я, господа, во главѣ вѣрной моей Россіи, и весь народъ смѣло вступимъ въ бой“.

Въ циркулярѣ къ дипломатическимъ представителямъ Россіи, государственный канцлеръ развилъ мысли, высказанныя государемъ иностраннымъ дипломатамъ при пріемѣ ихъ. „Съ почтительностію сына“,—писалъ графъ Нессельроде,—„императоръ воспринимаетъ изъ наслѣдія своего родителя два обязательства, равно ему священныя: первое требуетъ отъ его величества развитія всѣхъ силъ, предоставленныхъ ему волею Всевышняго для защиты цѣлости и чести Россіи. Второе—возлагаетъ на него долгъ: съ настойчивостью посвятить свою заботливость совершенію дѣла мира, основанія котораго уже утверждены императоромъ Николаемъ“.

Русскимъ уполномоченнымъ на Вѣнскихъ совѣщаніяхъ, князю А. М. Горчакову и В. П. Титову, предписывалось строго придерживаться приведенныхъ выше четырехъ пунктовъ [30]).

Но самъ государь не довѣрялъ Вѣнскимъ конференціямъ. Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 21 марта 1855 г., мы находимъ слѣдующую запись: „Главное, что государь не вѣритъ Вѣнскимъ конференціямъ". Еще въ январѣ 1855 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Д. П. Сѣверину: „Я по простотѣ своей держусь въ политикѣ одного правила, и понимаю въ политикѣ одно: il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée. Особенно же когда разбойники лѣзутъ въ комнату съ угрозою. А до сей поры я въ Нѣмецкой политикѣ того не вижу. Вижу, что все мало по малу, дѣлаютъ уступки и угождаютъ разбойникамъ, а намъ даютъ совѣты и наставленія. Ни одна еще кошка не смѣла перейти на нашу сторону прямо и открыто. Боюсь болѣе Вѣны нежели Севастополя, боюсь болѣе дѣятельности одного Горчакова нежели бездѣйствія другого. Вотъ тебѣ моя политическая исповѣдь" [31]).

Недовѣрчиво относился къ Вѣнѣ и митрополитъ Московскій Филаретъ, который 30 апрѣля 1855 года писалъ Антонію: „Время природы иногда улыбается; а время человѣческое все болѣе хмуритъ брови. Кажется, Австрія хочетъ исполнить въ совершенствѣ предсказаніе умершаго перваго своего министра, что она удивитъ міръ своею неблагодарностію" [32]).

Протоіерей А. Г. Лебединцевъ, сообщаетъ какъ слухъ (11 апр. 1855) высокопреосвященному Иннокентію: „Говорятъ, что князь Горчаковъ своему брату главнокомандующему писалъ изъ Вѣны и просилъ скорѣе порадовать доброю вѣстію, необходимою для лучшаго хода переговоровъ" [33]).

Хомяковъ же оставался доволенъ дѣятельностью нашихъ дипломатовъ въ Вѣнѣ, и писалъ Гильфердингу: „Что у насъ дѣлается въ мірѣ политическомъ? Что въ военномъ? Тяжело, но не безнадежно; а все-таки дай Богъ мира! Однако, Горчаковъ и Титовъ не совсѣмъ такъ осрамились, какъ мы боялись. Документъ хорошъ, но не достало немножко художественнаго выраженія и не довольно выпуклости въ выставленіи нашей правоты. Впрочемъ, и за то спасибо. Замѣтна пе-

ремѣна къ лучшему противъ прежнихъ нотъ, и общественное мнѣніе приписываетъ это государю. Что же скажутъ объ этомъ въ чужихъ краяхъ“ [34])?

Самъ же В. П. Титовъ писалъ изъ Вѣны (24 апр.) своему другу Погодину: „Спасибо за твою увѣренность, что мы съ Горчаковымъ не посрамимъ Русской земли. Не смотря на трудность и бѣды временъ, слава ея чиста и высока между самими врагами. Да благословитъ и укрѣпитъ Богъ нашихъ Крымскихъ богатырей. Будущее прекрасно, просторно. Все, съ помощію Всевышняго, разовьется и поспѣетъ въ свою пору и время, лишь бы мы сами себѣ не измѣнили, и продолжали подвизаться единодушно, постоянно, просвѣщенно. Стремясь къ благородной цѣли, дразнить никого не слѣдуетъ и незачѣмъ. На взглядъ, Западъ враждебенъ. Но со временемъ и онъ отдастъ намъ справедливость. Кланяйся за меня Хомякову, Свербеевымъ, Елагинымъ, Шевыреву, Кошелевымъ“ [35]).

Въ это самое время пронесся слухъ о мирѣ. Хомяковъ отнесся сочувственно къ этому слуху. „Здѣсь“,—писалъ онъ, 14 марта 1855 года, къ графинѣ А. Д. Блудовой,— „сильные слухи о мирѣ. Дай Богъ, въ добрый часъ! Испорченнаго не исправишь, и теперь можно только желать подешевле отдѣлаться, въ надеждѣ со временемъ поправиться. Если мы поняли свои ошибки и твердо рѣшились идти по новымъ, болѣе естественнымъ путямъ, нетрудно будетъ намъ воротить съ лихвою то, что теперь потеряемъ вслѣдствіе цѣлаго ряда ошибокъ или, лучше сказать, вслѣдствіе ошибочной системы, какъ дипломатической, такъ и внутренней политики. Но о прошломъ говорить нечего. Оно должно служить урокомъ, а не предметомъ какихъ бы то ни было укорительныхъ и праздныхъ пересудовъ: на будущее всѣ смотрятъ съ надеждою; это чувство общее“ [36]).

Но не всѣ относились такъ радостно къ этимъ слухамъ о мирѣ, какъ Хомяковъ. Явились и горячіе противники его. „Кажется“,—писалъ С. Т. Аксаковъ къ Погодину,— „дѣло кон-

чено и миръ непремѣнно будетъ заключенъ. Говорить о нашемъ положеніи теперь не слѣдуетъ; о немъ не слѣдуетъ и думать, чтобъ не сойти съ ума. Я по крайней мѣрѣ, стараюсь увѣрить себя, что заѣхалъ въ Россію какъ-то случайно, что помню отеческую землю какъ будто во снѣ, что я поселился въ Россіи, устроилъ свое благосостояніе и посреди семейства, подъ защитой моихъ привилегій, доживаю спокойно мой вѣкъ. Какая мнѣ надобность до оскорбленія народной гордости чуждаго мнѣ государства, до помраченія его славы, до его внутренняго безобразія!.. Но вотъ о чемъ слѣдуетъ намъ переговорить: время страха и слабости пройдетъ скоро, опять появится храбрость, твердость и апетитъ. Слѣдовательно, надобно ожидать гоненій и слѣдовательно, нужна величайшая осторожность. Я · употреблю всѣ силы вразумить своихъ и прошу васъ хорошенько поговорить объ этомъ съ Константиномъ“ [37]).

О Петербургѣ, въ апрѣлѣ 1855 года, А. О. Смирнова, писала въ Москву слѣдующее: „Представьте себѣ, что Петербургъ меня считаетъ въ большомъ фаворѣ при всѣхъ дворахъ; говорятъ, что я интриговала и добилась всего черезъ бѣдную Анну Тютчеву, состоящую при молодой императрицѣ. На Аннѣ сосредоточена ненависть всѣхъ партій, враждебныхъ старику Блудову. Этотъ бѣдный старикъ слыветъ за подстрекателя, за *войну во чтобы то ни стало*, такъ какъ онъ присоединился къ мнѣнію великаго князя Константина, и они вдвоемъ утверждали, что невозможно сдѣлать дальнѣйшія уступки; что лишь только мы уступимъ по первому пункту, Наполеонъ найдетъ способъ опять повести войну, такъ какъ война есть sine qua non его дальнѣйшаго существованія во Франціи. Мнѣ даже дѣлали съ горечью упреки за мою любовь къ Константину. Мнѣ сообщили то, что̀ произошло въ Совѣтѣ, и прибавили: вашъ дорогой любимецъ Константинъ поддержалъ Блудова. Я отвѣчала: Я въ восторгѣ отъ этого и, когда я его увижу, я его поздравлю. А вотъ танцмейстеръ меня ненавидитъ, Богъ знаетъ за что, можетъ быть

потому, что его посредственность стоила намъ пораженій и я никогда не увлекалась (geschwärmt) имъ" [38]).

7 апрѣля 1855 г., митрополитъ Филаретъ писалъ къ Антонію: „Надежды о мирѣ поколебались, чего и прежде опасаться надлежало. Австрія все говоритъ о мирѣ, и собрала армію, какой никогда не имѣла, и заключила договоръ съ нашими врагами. Теперь она трактуетъ о мирѣ: въ тоже время вновь учреждаетъ у себя военное министерство. Это ли миролюбіе? Никогда столько не говорили о мирѣ, какъ въ послѣдніе года два. Не это ли время, о которомъ сказано: *егда бо рекутъ: миръ и утвержденіе, тогда внезапу нападетъ на нихъ всегубительство, якоже болѣзнь во чревѣ имущей, и не имутъ избѣжати* (1 *Сол.* V, 3)? Борьба около Севастополя усиливается, и можетъ сдѣлаться рѣшительною. Господи, спаси царя и воинство и царство" [39]).

VIII.

Участникъ Севастопольской обороны, графъ Л. Н. Толстой, писалъ: „Уже шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ просвистало первое ядро съ бастіоновъ Севастополя и взрыло землю на работахъ непріятеля; и съ тѣхъ поръ тысяча бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ бастіоновъ въ траншеи и изъ траншей на бастіоны и ангелъ смерти не переставалъ парить надъ ними.

„Тысячи людскихъ самолюбій, успѣли оскорбиться, тысячи успѣли удовлетвориться, тысячи — успокоиться въ объятіяхъ смерти. Сколько розовыхъ гробовъ и полотняныхъ покрововъ! А все тѣ же звуки раздаются съ бастіоновъ, все также съ невольнымъ трепетомъ и страхомъ смотрятъ въ ясный вечеръ Французы изъ своего лагеря на желтоватую изрытую землю бастіоновъ Севастополя, на черныя движущіяся въ немъ фигуры нашихъ матросовъ и считаютъ амбразуры, изъ которыхъ сердито торчатъ чугунныя пушки; все также въ трубу разсматриваетъ съ вышки телеграфа, штурманскій унтеръ-офи-

церъ пестрыя фигуры Французовъ, ихъ батареи, палатки, колонны, движущіяся по Зеленой горѣ и дымки вспыхивающіе въ траншеяхъ; и все съ тѣмъ же жаромъ стремятся съ различныхъ сторонъ свѣта разнородныя толпы людей, съ еще болѣе разнородными желаніями, къ этому роковому мѣсту. А вопросъ нерѣшенный дипломатами, все еще не рѣшается порохомъ и кровью...

..."На бастіонѣ и на траншеѣ выставлены бѣлые флаги, цвѣтущая долина наполнена тѣлами, прекрасное солнце спускается къ синему морю и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотистыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди—христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія,—глядя на то, что они сдѣлали, съ раскаяніемъ не упадутъ вдругъ на колѣна передъ Тѣмъ, кто давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго, вмѣстѣ со страхомъ смерти, любовь къ добру и прекрасному, и со слезами радости и счастія не обнимутся какъ братья? Нѣтъ!...

"Но не мы начали эту войну, не мы вызвали это страшное кровопролитіе. Мы защищаемъ только родной кровъ, родную землю и будемъ зашищать ее до послѣдней капли крови" [40])...

Мы же обратимся къ описанію событій Севастопольской обороны.

На мѣсто князя А. С. Меншикова, главнокомандующимъ войсками въ Крыму былъ назначенъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Прибытіе князя Горчакова "придало"—пишетъ протоіерей Лебединцевъ—"нашимъ дѣйствіямъ характеръ болѣе рѣшительный. 9-го марта онъ обозрѣвалъ наши укрѣпленія и мѣстность, причемъ воодушевлялъ солдатъ ласковымъ словомъ, чего никогда не слышали отъ князя Меншикова, и вѣстію, что идутъ къ намъ войска, снаряды и довольствіе въ огромномъ количествѣ"... Князь Меншиковъ, оставляя Крымъ и слагая причину малыхъ успѣховъ на посредственность генераловъ, его окружавшихъ, сказалъ: "и Ерофеичъ мнѣ не помогъ" [41]).

„Назначеніе Горчакова“,—свидѣтельствуетъ Погодинъ,— „принадлежитъ покойному“ [42]). — „Съ вступленіемъ Горчакова“,—писалъ И. С. Аксаковъ,—„въ управленіе, солдаты перестали голодать“ [43]). Но отецъ Аксакова писалъ слѣдующее къ Погодину: „По моему, горизонтъ нашъ также мраченъ и я не радъ отставки Меншикова и еще менѣе—назначенію Горчакова“ [44]).

Прибытіе князя Горчакова въ Севастополь совпало съ мученическою кончиною адмирала Истомина.

7-го марта 1855 года, въ 10 часовъ утра, ядро брошенное съ Французской батареи, оторвало голову адмиралу Владиміру Ивановичу Истомину.

„Истоминъ“,—по свидѣтельству его племянника В. К. Истомина,—„принадлежалъ къ тому тѣсному кружку, въ которомъ первыя мѣста занимали П. С. Нахимовъ и В. А. Корниловъ... За Синопскій бой Истоминъ произведенъ въ контръ-адмиралы, и въ этомъ чинѣ засталъ его грозный 1854 годъ. Когда послѣ Альминскаго сраженія и отступленія арміи князя Меншикова въ Бахчисарай, обнаженный Севастополь, съ скромнымъ составомъ Черноморскихъ экипажей и самой незначительной частью сухопутныхъ войскъ, ожидалъ нападенія непріятелей съ Сѣверной стороны, Истоминъ былъ назначенъ командиромъ Сѣвернаго укрѣпленія. Впослѣдствіи, когда эту должность принялъ на себя В. А. Корниловъ, Истоминъ назначенъ къ нему начальникомъ штаба; а когда убѣдились въ неожиданномъ движеніи непріятеля на беззащитную Южную сторону, Истоминъ получилъ въ командованіе четвертую оборонительную дистанцію Малахова кургана... Въ теченіе полугода, не раздѣваясь, Истоминъ отстаивалъ ввѣренную ему позицію... Въ кровавый день октябрьской бомбардировки, Истоминъ имѣлъ несчастіе лишиться товарища и друга В. А. Корнилова. Съ этого дня до самой кончины, не смотря на рану руки и контузію головы, Истоминъ буквально ни на одинъ день не покинулъ бастіона... Онъ не допускалъ возможности покинуть живымъ Малахова кургана и, по выра-

женію очевидцевъ, съ какою-то суровою страстностью исполнялъ свою обязанность. И велика была его сила на Малаховомъ курганѣ! Истоминъ и курганъ срослись въ одно нераздѣльное понятіе для Севастополя. Предчувствія Истомина сбылись; ему не суждено было остаться въ живыхъ, не суждено было пережить оставленія Севастополя"...

9-го марта 1855 года, изъ Севастополя, осиротѣлый П. С. Нахимовъ писалъ брату страстотерпца, Константину Ивановичу Истомину слѣдующее: „Любезный другъ Константинъ Ивановичъ! Общій нашъ другъ Владиміръ Ивановичъ убитъ непріятельскимъ ядромъ. Вы знали наши дружескія съ нимъ отношенія, и потому я не стану говорить о своихъ чувствахъ, о своей глубокой скорби при вѣсти объ его смерти. Спѣшу вамъ только передать объ общемъ участіи, которое возбудила во всѣхъ потеря товарища и начальника, всѣми любимаго. Оборона Севастополя потеряла въ немъ одного изъ своихъ главныхъ дѣятелей, воодушевленнаго постоянно благородною энергіею и геройскою рѣшительностію; даже враги наши удивляются грознымъ сооруженіямъ Корнилова бастіона и всей четвертой дистанціи, на которую былъ избранъ покойный, какъ на постъ самый важный и въ началѣ самый слабый. По единодушному желанію всѣхъ насъ, бывшихъ его сослуживцевъ, мы погребли тѣло его въ почетной и священной могилѣ для Черноморскихъ моряковъ, въ томъ склепѣ, гдѣ лежитъ прахъ незабвеннаго адмирала Михаила Петровича, и первая вмѣстѣ высокая жертва защиты Севастополя, покойный Владиміръ Алексѣевичъ. Я берегъ это мѣсто для себя, но рѣшился уступить ему. Извѣщая васъ любезный другъ, объ этомъ горестномъ для всѣхъ насъ событіи, я надѣюсь, что для васъ будетъ отрадною мыслію знать наше участіе и любовь къ покойному Владиміру Ивановичу, который жилъ и умеръ завидною смертію героя. Три праха въ склепѣ Владимірскаго собора будутъ служить святынею для всѣхъ настоящихъ и будущихъ моряковъ Черноморскаго флота. Посылаю вамъ кусокъ Георгіевской ленты, бывшей на шеѣ

покойнаго въ день его смерти, самый же крестъ разбитъ на мелкія части"...

Этотъ кусокъ ленты, какъ святыня, хранится у племянника покойнаго адмирала, В. К. Истомина [45]).

„Ночь на 7-е марта"—повѣствуетъ протоіерей Лебединцевъ—„была одна изъ ужаснѣйшихъ. Полагаютъ, что непріятелемъ брошено бомбъ и ядеръ до четырехъ тысячъ. Идя къ утрени, я едва не подвернулся подъ осколки бомбы, лопнувшей у самыхъ воротъ церковныхъ"...

IX.

Въ день Благовѣщенія 1855 года, осада и оборона Севастополя возобновилась съ удвоенною силою.

„Страстную седмицу",—повѣствуетъ протоіерей Лебединцевъ,—„мы провели, благодареніе Богу, не испытывая особенныхъ страховъ. При слушаніи Страстей Христовыхъ, спокойствіе молящихся болѣе нарушено было сверканіемъ въ окнахъ огня, чѣмъ звуками выстрѣловъ... Свѣтлый праздникъ, съ 5 часа утра, страшно уже омраченъ дымомъ и ужасами открытой бомбардировки, которою такъ долго стращали враги наши. Во время утрени, стоя у престола, нѣсколько разъ ощущалъ я такое сотрясеніе отъ выстрѣловъ на самое зданіе церкви, что полъ подъ ногами колебался. Богъ вѣсть, что будетъ, но спѣшу извѣстить васъ, что настала наконецъ, часъ, кажется, рѣшительный. Не знаю, впрочемъ, кто первый открылъ огонь—мы или непріятели. Можетъ быть, что и мы. Ибо слышно было о планѣ князя Горчакова, имѣвшемъ скоро исполниться. Онъ предполагалъ привлечь вниманіе непріятелей на Севастополь и вдругъ устремиться на нихъ всѣми силами отъ Чоргуна, гдѣ все къ тому готово и куда перевелъ онъ свою квартиру. Вчера вечеромъ былъ онъ, по случаю перваго дня праздника, въ городѣ и слушалъ литургію въ Михайловской церкви. Темная ночь, въ которую бдѣли и ожидали перваго праздничнаго часа, хотя и была освѣщена молніями пушеч-

наго огня, но этотъ огонь былъ обыкновенный и не нарушалъ въ храмахъ Божіихъ спокойствія и сладостныхъ минутъ пасхальной службы. Они переполнены были православными воинами, коимъ, впрочемъ, объявлено было всякую минуту быть готовыми и къ другой службѣ. Потому и для свѣтлаго дня начальники были въ тѣхъ же сѣрыхъ шинеляхъ, какъ и солдаты. То есть, мы праздновали Пасху, подобно Израилю, стоя, препоясавшись, и съ жезлами въ рукахъ, будучи готовы на все отъ непріятелей, знакомыхъ по Пасхѣ Одесской. Разсказывали, будто бы они даже присылали парламентера съ предложеніемъ на три дня праздника перемирія, но что князь Горчаковъ, сославшись на ихъ прошлогоднія дѣйствія у Одессы, не далъ вѣры слову ихъ; такъ будто бы и отвѣчалъ. Хотя внѣшняго освѣщенія на храмахъ теперь не было у насъ, но ихъ прекрасно освѣщалъ народъ, не вмѣщавшійся въ храмахъ и съ свѣчами стоявшій на дворѣ и по улицѣ, гдѣ стояли ряды съ пасхами, приготовленными для освященія. На бастіонахъ пасхальная служба была совершена іеромонахами...

...„Какъ въ праздникъ Рождества Христова, такъ и теперь, обычнаго по городу христославленія мы не совершали. Ибо нѣтъ къ кому идти: два-три купца, да и тѣ выѣхали ради праздника къ семействамъ въ Симферополь. Были впрочемъ у митрополита; намѣревался я быть у губернатора, Нахимова и у Сакена, но узнавъ, что они принимали праздничные визиты въ четыре часа, какъ скоро возвратились отъ литургіи, я не могъ безпокоить ихъ въ 9 часу. Посѣтилъ съ пѣніемъ церковнымъ раненыхъ и также сестеръ, въ ихъ квартирѣ, и затѣмъ возвратился домой...

...„Время къ обѣднѣ, но громъ бомбардировки еще ни на минуту не смолкалъ...

...„Иду на молитву подъ страхомъ... Ужели у Бога не нашлось лучшихъ молитвенниковъ, что и мнѣ грѣшному пришлось возносить общественную молитву въ такомъ мѣстѣ и въ такое время?..

...„Чтобы въ праздникъ не дѣлать неприличнаго празд-

нику, лукавые Англофранцузы вчера посадили вмѣсто себя въ траншеи Турокъ, которые, бывъ рады случаю и чести, непомѣрно ярились штуцернымъ огнемъ, даже залпами“ [46]).

Съ трепетнымъ чувствомъ слѣдя съ Дѣвичья Поля за происходившемъ въ Севастополѣ, Погодинъ, подъ 9 мая 1855 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Севастополь. Это жертвоприношеніе и священнодѣйствіе“.

По свѣдѣніямъ сообщеннымъ въ Петербургъ, А. О. Смирнова, писала въ Москву: „Союзники бомбардировали пасхальный крестный ходъ. Ихъ извѣстили, что это наше празднованіе Пасхи, полагая, что они прекратятъ огонь на нѣсколько часовъ; они же, напротивъ, стали бомбардировать съ яростью. Одна изъ сестеръ милосердія была ранена. Серафима Ушакова, та самая, что̀ говорила „я только бомбы боюсь“, пріѣхавъ въ Севастополь, возымѣла необычайную храбрость: она ходитъ на четвертый бастіонъ, знаменитый бастіонъ смерти, подымаетъ раненыхъ и поитъ солдатъ чаемъ. Явилась такая отвага. Она легко ранена осколкомъ гранаты, убившей нѣсколько человѣкъ рядомъ съ нею. Всѣ очень довольны сестрами. Мой мужъ отправилъ двѣнадцать фельдшеровъ къ Пирогову. Онъ всѣхъ очаровываетъ, повидимому не знаетъ усталости, раненые его любятъ, и онъ ихъ вылѣчиваетъ. Старшая сестра изъ тѣхъ, которыя посланы великою княгиней Еленой, ведетъ для нея журналъ. Она говоритъ, что бомбардировка усилилась на Страстной недѣлѣ, особенно въ Великую Пятницу и на зарѣ Свѣтлаго Воскресенья. Въ крестный ходъ, на Южной и Корабельной, бомбы падали каждыя пять минутъ, много было убитыхъ (и раненыхъ); они умирали при пѣніи Христосъ Воскресе! Англичане, годъ тому назадъ, бомбардировали пасхальный крестный ходъ въ Одессѣ, когда городъ былъ не защищенъ. Вотъ цивилизація во всей ея прелести“ [47])!

Долгъ справедливости обязываетъ замѣтить, что нѣкоторыя свѣдѣнія, сообщаемыя въ этомъ письмѣ, опровергаются вышеприведеннымъ письмомъ очевидца, протоіерея Арсенія Гавриловича Лебединцева.

Желаніе конца томительной войны было до такой степени сильно у защитниковъ Севастополя, что они готовы были „принять и штурмъ съ радостію... И чѣмъ скорѣе, тѣмъ было бы лучше“.

„Доктора и сестры“,—свидѣтельствуетъ протоіерей Лебединцевъ,—„не спятъ ни днемъ, ни ночью. Тяжкое зрѣлище въ жилищахъ слезъ, стоновъ и смерти. Духовныя требованія духовными выполняются съ примѣрнымъ усердіемъ и аккуратностію. Богослуженіе въ церкви моей идетъ неопустительно. Вчера легло одно ядро у меня предъ порогомъ“.

Въ апрѣлѣ 1855 года, произошла смѣна Французскихъ главнокомандующихъ. На мѣсто Канробера назначенъ Пелисье. 13 апрѣля 1855 года, протоіерей Лебединцевъ писалъ: „Сегодня въ 1 часу послѣдовало общее согласіе на уборку тѣлъ. Французы вышли на это печальное зрѣлище очень разряженными. Впрочемъ, въ полдень у нихъ были салюты съ кораблей: нѣтъ ли у нихъ торжества? Тутъ же удостовѣрились, что у нихъ мѣсто Канробера заступилъ Пелисье, потерявшій руку въ Алжирѣ. Принято тѣлъ нашихъ пятьсотъ; число тѣлъ Французовъ полагаютъ тысячу пятьсотъ“ [48]).

X.

12-го апрѣля 1855 года, П. С. Нахимовъ отдалъ слѣдующій приказъ по Севастопольскому порту: „Геройская защита Севастополя, въ которой семья моряковъ принимаетъ такое славное участіе, была поводомъ къ безпримѣрной милости монарха ко мнѣ, какъ къ старшему въ ней. Высочайшимъ приказомъ, отъ 27-го числа минувшаго марта, я произведенъ въ адмиралы. Завидная участь имѣть подъ своимъ начальствомъ подчиненныхъ, украшающихъ начальника своими доблестями,—выпала на меня. Я надѣюсь, что гг адмиралы, капитаны и офицеры дозволятъ мнѣ здѣсь выразить искренность моей признательности сознаніемъ, что, геройски отстаивая драгоцѣнный для государя и Россіи Севастополь, они доста-

вили мнѣ милость незаслуженную. Матросы! мнѣ ли говорить вамъ о вашихъ подвигахъ на защиту роднаго намъ Севастополя и флота! Я съ юныхъ лѣтъ былъ постояннымъ свидѣтелемъ вашихъ трудовъ и готовности умереть по первому приказанію; мы сдружились давно;—я горжусь вами съ дѣтства. Отстоимъ Севастополь, и если Богу и императору будетъ угодно, вы доставите мнѣ случай носить мой флагъ на гротъ-брамъ-стеньгѣ съ тою же честью, съ какою я носилъ его, благодаря вамъ, и подъ другими клотиками; вы оправдаете довѣріе и заботы о насъ государя и генералъ-адмирала и убѣдите враговъ Православія, что на бастіонахъ Севастополя мы не забыли морскаго дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія Черноморскихъ моряковъ. Прошу всѣхъ частныхъ начальниковъ, приказъ сей прочесть при собраніи своихъ командъ“ [49]).

Князь Меншиковъ, по поводу производства Нахимова въ адмиралы, сказалъ: „его сдѣлали безполезнымъ. Его было дѣло равнять корабли, тянуть веревки, смочить снасти и со всѣми браниться“. Приведя эти слова, протоіерей Лебединцевъ замѣтилъ: „Кажется, генералъ-адмиралъ лучше понимаетъ Нахимова, чѣмъ бывшій морской министръ“.

„Моряки“—свидѣтельствуетъ о. Лебединцевъ, „почти восемь мѣсяцевъ защищая Севастополь своею грудью, не могутъ безъ негодованія говорить о бездѣйствіи арміи и какомъ-то холодномъ равнодушіи ея генераловъ. Наконецъ, почти нѣтъ флота; перевелись и матросы и офицеры. Отъ экипажа осталось всего тридцать шесть человѣкъ... Кому Севастополь — не родной, тотъ не пойметъ болѣзни моряка... Нахимовъ съ трудомъ теперь находитъ и своихъ больныхъ, о коихъ онъ заботился болѣе, чѣмъ отецъ: они стали рѣдки на перевязочныхъ пунктахъ и въ госпиталяхъ. Много есть прекрасныхъ сторонъ въ этомъ адмиралѣ, между прочимъ память о морякахъ-покойникахъ. Въ этомъ мѣсяцѣ я служилъ для него три панихиды: 5-го числа—по Корниловѣ, 11-го—по Лазаревѣ и 15-го—по Истоминѣ. Онъ не забываетъ дней кончины ихъ. „Очень

мала теперь семья наша“,—говорилъ онъ мнѣ на могилѣ,—„и неудобно теперь собираться сюда, но долженъ исполнить долгъ свой“. Владимірскій храмъ будетъ теперь какъ бы на гробахъ мучениковъ. Два адмирала пали за вѣру, и третьяго кончина была страдальческая, если покойникъ смотрѣлъ на свои страданія, какъ должно“.

По поводу производства Нахимова въ адмиралы, протоіерей Лебединцевъ писалъ высокопреосвященному Иннокентію: „Адмиралъ Нахимовъ, по случаю производства своего въ этотъ чинъ, приказалъ по флоту благодарить семью моряковъ сознаніемъ, что незаслуженную милость монаршую онъ получилъ за доблести своихъ товарищей. Словесно же онъ выражался, что въ случаѣ вторженія непріятелей въ городъ, онъ первый долженъ пасть при защитѣ его. Такъ онъ понимаетъ ту славу, которую пріобрѣли Черноморцы въ послѣднее время, и не хотѣлъ бы пережить ея“.

Одинаково съ Нахимовымъ и самъ протоіерей Лебединцевъ смотрѣлъ на свои священническія обязанности. „Что намъ дѣлать“,—писалъ онъ,—„въ случаѣ бы Господь попустилъ вторженіе непріятелей въ городъ. Думаю, что мы не должны оставлять Церкви, пока не будемъ отозваны отъ нея начальствомъ или прогнаны непріятелемъ. Такъ по крайней мѣрѣ я понимаю долгъ священника и святость храма Божія и такъ готовъ поступить въ надеждѣ на милость Божію“.

Замѣчательно, что во время адской осады Севастополя, спокойно проживалъ въ немъ митрополитъ Агаѳангелъ, и 29 апрѣля 1855 года, протоіерей Лебединцевъ писалъ Иннокентію: „Преосвященный митрополитъ здравствуетъ по старчески и хотя ядра и ракеты съ моря летали чрезъ его квартиру (непріятели перепробовали свои снаряды со всѣхъ сторонъ по городу, и все напрасно: не горитъ городъ), сидитъ дома неподвижно. Непонятно, почему старецъ не согласился на ваше предложеніе ѣхать въ Одессу или Корсунь, гдѣ нашелъ бы пріютъ, покой и довольствіе. Впрочемъ, „*сѣмя*

свято—стояніе всякаго града, а его санъ и старчество непорочное сами говорятъ въ пользу этого *стоянія*" [30]).

Къ концу апрѣля 1855 года, положеніе наше подъ Севастополемъ еще болѣе ухудшилось. Прибывшія изъ Южной арміи подкрѣпленія не возстановили равновѣсія силъ, потому что тогда же подоспѣли къ союзникамъ подкрѣпленія несравненно сильнѣйшія. Къ тому же, главное начальство, какъ мы уже знаемъ, надъ Французскою арміею перешло отъ „нерѣшительнаго Канробера въ руки энергичнаго и настойчиваго Пелисье". Борьба миною и сапою закипѣла съ новою силою вокругъ Севастополя, а Англо-Французскій флотъ, овладѣвъ Керчью, вошелъ въ Азовское море и бомбардировалъ Бердянскъ, Маріуполь и Таганрогъ [31]).

„Слухъ о занятіи непріятелемъ Керчи,—писалъ протоіерей Лебединцевъ, — произвелъ у насъ тревожное впечатлѣніе. Впрочемъ, унынія ни въ чемъ не замѣтно. Напротивъ, и это объясняютъ какимъ-то особымъ соображеніемъ нашего главнокомандующаго". Но это настроеніе вскорѣ перемѣнилось на другое. Наканунѣ приступа къ Севастополю, т.-е. 24 мая 1855 г., протоіерей Лебединцевъ писалъ: „Уже слышится неудовольстіе и на дѣйствія новаго главнокомандующаго; даже въ самомъ штабѣ его недовольны его бездѣйствіемъ, говоря: князь Меншиковъ хотя что-нибудь по крайней мѣрѣ дѣлалъ. Благодаря зною, очень впрочемъ тяжелому для раненыхъ больныхъ, днемъ мы пользуемся совершенною тишиною, но по ночамъ нѣтъ покою и безопасности нигдѣ. Въ послѣднюю ночь однимъ осколкомъ бомбы на фронтонѣ съ восточной стороны церкви разбито всевидящее око и самый фронтонъ поврежденъ; другой осколокъ пробилъ каменный сводъ въ алтарѣ, именно между престоломъ и царскими дверями, и потомъ разбилъ икону на стѣнѣ алтаря, два осколка достигли моей квартиры ... Всякій разъ болѣе убѣждаюсь въ храненіи Божіемъ и пока будетъ оно надъ храмомъ Божіимъ, не рѣшусь оставить его"...

XI.

3 мая 1855 года, изъ Севастополя Н. И. Пироговъ писалъ своей супругѣ въ С.-Петербургъ: „Я по немногу собираюсь въ дорогу съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что Севастополь не будетъ взятъ, а если падетъ, то не отъ недостатка мужества, а отъ интригъ и личностей. Посмотримъ, что будетъ дѣлаться на Балтійскомъ. Я не знаю, какъ можно отъ меня ожидать, чтобы я, пробывъ шесть мѣсяцевъ въ осажденномъ городѣ, еще бы вздумалъ безъ нужды оставаться въ немъ тогда, какъ война, можетъ быть такая же, будетъ свирѣпствовать около мѣстъ, гдѣ находится мое семейство и гдѣ я столько же могу быть полезнымъ, но съ большею пріятностью для себя, потому что буду находиться съ моими или вблизи моихъ".

Въ маѣ же 1855 года, посѣтилъ Петербургъ и Погодинъ, и вотъ что писалъ онъ: „Опять принимаюсь невольно за перо. Сердце мое не то, что́ бьется въ лѣвомъ боку, а историческое, чуетъ грозу надъ Петербургомъ. Когда я, со станціи желѣзной дороги проѣзжалъ по Невскому проспекту и видѣлъ жителей спокойно и беззаботно ходившихъ и ѣхавшихъ взадъ и впередъ, безъ малѣйшей лишней морщины на лицѣ, между тѣмъ какъ въ десяти верстахъ отъ города, въ десяти верстахъ отъ Русскаго престола заряжается непріятельская пушка,— признаюсь, испугался, и въ ту же минуту пришло мнѣ на умъ Евангельское выраженіе: *Бдите и молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ., XXVI, 41).

„Тогда же я сообщилъ свои опасенія многимъ лицамъ, которымъ страхъ мой показался напраснымъ, потому что всѣ мѣры приняты и преграды поставлены.

„Признаюсь, эта самая увѣренность, оказала на меня совершенно противное дѣйствіе. Судьба любитъ всегда, а въ особенности кажется въ наше время, любитъ, думалъ я, какъ будто шутить надъ соображеніями, разсчетами и мѣрами че-

ловѣческими. Чтобъ не подтвердилось это замѣчаніе въ Петербургѣ!

„Какъ бы ни было, Англичане замышляютъ вѣрно что нибудь пагубное! Они оказались несостоятельными въ глазахъ Европы и упали въ общемъ мнѣніи: имъ необходимо подняться опять и дать новое доказательство своей силы и значительности. На Черномъ морѣ они сдѣлать не могутъ ничего въ этомъ родѣ, потому что тамъ заслоняютъ ихъ вездѣ Французы, а на Балтійскомъ—они почти одни и посмотрите, какъ тихо и скромно они начали нынѣшнюю кампанію, въ противоположность прошлогодняго хвастовства. Мы не хотимъ нынѣ предпринимать никакихъ дѣйствій, а только строже блокировать гавани, твердятъ они безпрестанно съ цѣлію усыпить вниманіе: быть тутъ худу! А между тѣмъ, силы собраны страшныя, военныхъ снарядовъ присылается безъ числа. Быть тутъ худу!

„Нэ будетъ ли худо, если сожгутъ у насъ Петербургъ? Осмѣлюсь отвѣчать: Едва ли! Можетъ быть, сожженіе Петербурга будетъ для Россіи благодѣяніемъ небеснымъ, великимъ подвигомъ Русскаго Бога, ангела-хранителя нашего, который бдитъ надъ нашею судьбою и ведетъ насъ, вопреки намъ самимъ, къ великой цѣли, свыше для насъ предназначенной. У меня мелькала уже однажды эта мысль, въ прошломъ году, и я выразилъ ее въ 9-мъ письмѣ о настоящей войнѣ въ отношеніи къ Русской Исторіи.

„Петербургъ исполнилъ свое. Болѣе онъ не можетъ причинить ничего кромѣ вреда. Сами мы не могли бы оставить его, положивъ на него столько трудовъ, денегъ, времени, сотворивъ изъ него почти чудо,—и вотъ сами враги наши берутъ на себя задачу указать намъ нашъ путь и вразумить насъ о нашемъ предназначеніи. Англичане боялись насъ въ Азіи и за Азію начали съ нами войну, а сами, истребивъ Петербургъ, и укажутъ намъ путь въ Азію и дадутъ поводъ утвердить тамъ наше господство, отъ чего мы отказывались сами.

О, люди! Жалкій родъ"!

Изъ Петербурга, Погодинъ вернулся въ мрачномъ расположенiи духа. Узнавъ объ этомъ, Кошелевъ, изъ своего Рязанскаго имѣнiя Песочни, 9-го iюля 1855 года, писалъ ему: „Давно собирался я въ вамъ писать, почтеннѣйшiй Михаилъ Петровичъ, но сперва хлопоты по хозяйству, потомъ гости (Хомяковъ, Самаринъ, графъ Д. Н. Толстой и др.) не позволяли мнѣ этого исполнить. Теперь я боленъ и сижу въ комнатѣ, а потому хоть не твердою рукою, а хочу сказать, что у меня на душѣ. Говорятъ, что вы возвратились въ Москву мрачнѣе ночи. Видно вы выѣхали оттуда румянѣе утра. Нѣтъ, дражайшiй Михаилъ Петровичъ, не должно увлекаться минутными, ничѣмъ не вызванными надеждами, но пуще всего не надобно отчаяваться. Мнѣ кажется, что все идетъ еще лучше чѣмъ мы могли ожидать. Севастопольская защита такъ хороша, что искрами своими она можетъ одушевить всю Россiю. Тридцать лѣтъ насъ душили, становили подъ безвоздушный колпакъ, старались всячески погасить въ насъ и волю и умъ; возможно ли чтобъ вдругъ мы стали опять полными людьми. Слава Богу, что уцѣлѣли люди на Черномъ морѣ; быть можетъ, по милости ихъ и мы будемъ опять людьми. Мы не можемъ стать въ рядахъ нашихъ войскъ; но тѣмъ не менѣе мы должны сражаться и не предаваться ни праздности, ни отчаянiю. Мнѣ кажется, что передъ нами стоитъ врагъ опаснѣе всѣхъ соединенныхъ Англо-Франко и Сардо-Турокъ—стать врозь, есть *ложь*, которая овладѣла всѣмъ и всѣми. И Церковь, и Государство, и всѣ сословiя, и каждый изъ насъ въ отдѣльности волею или неволею ему служитъ. Противъ этого врага намъ надобно всячески сражаться. Вы написали прекрасныя статьи противъ лжи нашей политики въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Переберите другiе предметы, вамъ особенно близкiе и извѣстные, напримѣръ: докажите что строгая, безумная цензура еще болѣе вредна для правительства, чѣмъ даже для гражданъ, ибо правительство ничего не узнаетъ вѣрнаго и должно во всемъ основываться на донесенiяхъ (по необходимости лживыхъ) своихъ чиновниковъ. Хорошо было бы также доказать, что Исторiи,

передѣлываемыя по заказу, только вредны, ибо всѣ знаютъ что въ насъ ложь и даже что остается истины, подъ этою покрышкою, уже не можетъ принести пользы. Я уговаривалъ Хомякова написать о лжи церковной, а Самарина—о лжи правительственной. Я собираюсь написать о лжи помѣщичьей и крѣпостной (т.-е. крѣпостныхъ людей). Очень бы мнѣ хотѣлось уговорить Кирѣевскаго также писать противъ лжи. Онъ могъ бы выбрать своимъ спеціальнымъ врагомъ ложь общественную или частную. Главною причиною слабости нашихъ дѣйствій доселѣ было, какъ мнѣ кажется, неопредѣленіе врага. Мы вооружаемся (и то болѣе на словахъ) то противъ того, то противъ другого; но оставляли въ покоѣ главнаго врага—лжи, которая есть корень всѣхъ злоупотребленій, снѣдающихъ Россію. Правительство и въ особенности царь желаетъ и не можетъ не желать добра Россіи, но онъ мало дѣлаетъ добра Россіи, по неизвѣстности средствъ могущихъ оное осуществить. Мѣстные чиновники по необходимости лгутъ; въ Петербургѣ ничего не знаютъ (прежде они по крайней мѣрѣ знали то, что они ничего не знаютъ относительно Россіи; а теперь, вооруженные лживыми донесеніями и цифрами, они утратили даже и это знаніе); книги и журналы ничего высказать не могутъ; откуда же истина можетъ проявиться? Явно, что мы бродимъ теперь во тьмѣ глубокой и немудрено, что безъ смысла хватаемся за то, чтó намъ подъ руки попадается. Авось хоть эта война убѣдитъ насъ, какъ она убѣдила Англію, въ дрянности нашей административной системы и во лжи нашего положенія. Перечелъ письмо. Вижу, что оно написано несвязно, безтолково, ибо всю ночь былъ у меня жаръ; но отправляю его, ибо увѣренъ, что à bonne entente demi - mot suffit. На дняхъ, т.-е. въ концѣ іюля, будетъ Самаринъ въ Москвѣ. Повидайтесь съ нимъ. Главное дѣло: не опускать рукъ. *Толцыте и отверзется вамъ.* Сейчасъ получилъ на мои записки, посланныя въ С.-Петербургъ, слѣдующій отвѣтъ отъ князя Голицина, *чрезъ полицію*: *Всеподданнѣйшее прошеніе надворнаго совѣтника Кошелева*

съ двумя записками, въ коихъ онъ излагаетъ нѣкоторыя финансовыя свои предположенія, препровождены по принадлежности къ господину статсъ-секретарю Броку. Каково! Славно! Готовлю еще записку объ откупахъ. Пошлю и ее. А потомъ осенью напишу о застоѣ всеобщемъ въ Россіи въ торговомъ и промышленномъ отношеніи. Не разомъ можно пробить стѣну; а и капли камень пробиваютъ".

XII.

Въ день сраженія при Ватерлоо, 25-го мая (по новому стилю 6-го іюня) 1855 года, Пелисье сдѣлалъ приступъ къ Севастополю.

„Плохо, очень плохо намъ",—писалъ протоіерей Лебединцевъ,—„въ послѣдніе дни поколебалась наша увѣренность въ неодолимости Севастополя. 25 мая непріятель открылъ третью адскую бомбардировку; 26-го, около 6 часовъ вечера, бросился на наши редуты Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій и занялъ ихъ: ибо на редутахъ, кромѣ артиллерійской прислуги, почти никого не было; прикрытія были спрятаны отъ бомбъ въ городѣ и поздно поспѣли на помощь. Потери наши убитыми и ранеными не менѣе пяти тысячъ, до ста орудій осталось у непріятелей и до тысячи зарядовъ. Въ плѣнъ попалось пятнадцать офицеровъ и двѣ роты солдатъ. Причиною сему, какъ говорятъ всѣ, наша крайняя оплошность и недостатокъ распорядительности. Сегодня съ утра стало тише. Но эта тишина не возвратитъ войскамъ и намъ прежняго духа. Я вижу въ нашемъ несчастіи попущеніе Божіе, которое, когда нужно наказать, отнимаетъ и умъ у начальниковъ. Всякъ заботится теперь о безопасности своей, которой нѣтъ болѣе и на томъ кускѣ города, который доселѣ считался убѣжищемъ. Въ домѣ у меня ни одного уже окна нѣтъ; только въ самомъ домѣ еще не было бомбы, а кругомъ его буквально все обито. Осколкомъ бомбы пробило алтарь между престоломъ и царскими дверями. Прятаться негдѣ, и

каждую минуту боишься за жизнь, которую если желалъ бы сохранить, то единственно для семейства, которое... Боже мой, какая доля его ожидаетъ, при жалкихъ средствахъ духовнаго попечительства? Думаю поскорѣе исповѣдаться во грѣхахъ и, предавшись волѣ Божіей, ожидать штурма".

На другой день, т.-е. 31 мая, протоіерей Лебединцевъ писалъ: „Непріятели отняли у насъ три редута: Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій. Когда поспѣшили наши резервы изъ города, редуты были возвращены, Волынскій и Селенгинскій—генераломъ Хрулевымъ, а Камчатскій—лично адмираломъ Нахимовымъ, который, по незнанію сухопутнаго дѣла, здѣсь едва не попался въ плѣнъ, но былъ выручень и вынесенъ на рукахъ матросами. Въ то время, какъ Нахимовъ и Хрулевъ на Карниловомъ бастіонѣ хвалились другъ-другу (они — бывшіе друзья) о своемъ успѣхѣ, имъ дали знать, что непріятели опять бросились на редуты, которые и на этотъ разъ остались за нами. Но каково бы ни было впечатлѣніе непріятелей, наше собственное весьма тягостно. Въ одинъ голосъ всѣ говорятъ, что одна надежда на Бога. Осуждая теперешнихъ началовождей, съ сожалѣніемъ стали вспоминать о князѣ Меншиковѣ, у котораго дѣла шли сравнительно лучше. Дѣйствительно, у насъ бываютъ факты, которые весьма стоютъ коммиссіи Ребуна. Напримѣръ, въ послѣднемъ дѣлѣ: въ городѣ не прежде узнали объ угрожавшей опасности, когда сами подвергшіеся опасности дали знать о томъ: бьютъ тревогу, и долго-долго на звукъ барабановъ нѣтъ собирающихся; наконецъ собрались баталіоны и блуждаютъ по улицамъ, спрашивая у подходящихъ, куда именно требуется подкрѣпленіе; солдаты являются на мѣсто съ пустыми сумами и должны были снимать сумы съ убитыхъ и раненыхъ, на сѣверныхъ батареяхъ, которыми преимущественно могли наносить вредъ непріятелю; не оказывается вдругъ снарядовъ во время самаго дѣйствія бомбардированія города, и при томъ днемъ, когда всѣ бодрствуютъ. Бомбардировка, прекратившаяся на четыре часа по случаю уборки тѣлъ, затѣмъ немедля возобновилась и только

30 мая утромъ затихла. Флоту почти нѣтъ мѣста теперь. Онъ расположенъ у бона, между Николаевской и Михайловской батареями. Госпиталь и сестеръ имѣютъ перевести въ Дуванку. Въ Севастополѣ останется только перевязочный пунктъ и тотъ на Сѣверной. Кто можетъ, убирается изъ города: дилижансы вдругъ возвысились отъ восьми рублей выше двадцати рублей только до Симферополя. Митрополитъ вчера имѣлъ отправиться туда же. Въ послѣднюю бомбардировку уже не было мѣста охраняющаго, а хранилъ видимо одинъ Богъ, на котораго и теперь вся надежда. Въ моей квартирѣ или церковномъ домѣ не уцѣлѣло ни одного окна отъ бомбъ, которыя только въ самый домъ и церковь не попадали. Цѣнныя вещи, какъ своей церкви, такъ и кладбищной и Херсонесской, укладываю въ ящики, чтобы отправить въ Симферополь“ [52]).

Въ донесеніи государю князь Горчаковъ называлъ положеніе свое отчаяннымъ. „Теперь я думаю“,—писалъ онъ,— „объ одномъ только: какъ оставить Севастополь, не понеся непомѣрнаго, можетъ быть, болѣе двадцати тысячъ урона. О корабляхъ и артиллеріи и помышлять нечего. Ужасно подумать“. Еще бóльшимъ уныніемъ проникнуты донесенія князя Горчакова военному министру. Въ нихъ, какъ и въ письмахъ къ императору, постоянно „звучитъ одинъ припѣвъ: положеніе безвыходно, но отнюдь не по винѣ главнокомандующаго“; но императоръ Александръ II и не думалъ укорять или порицать несчастливаго вождя. Напротивъ, онъ все стараніе приложилъ къ тому, чтобы ободрить его, утѣшить, возбудить въ немъ упавшій духъ и надежду на успѣхъ. „На счетъ отвѣтственности вашей передъ Россіей“,—писалъ онъ ему,—„если суждено Севастополю пасть—совѣсть ваша можетъ быть спокойна; вы наслѣдовали дѣла не въ блестящемъ положеніи, сдѣлали съ вашей стороны для поправленія ошибокъ все, чтò было въ человѣческой возможности; войска подъ вашимъ начальствомъ покрыли себя новою славою, безпримѣрною въ военной Исторіи, чего же больше“?

Но тѣмъ не менѣе государь не допускалъ мысли объ оставленіи Севастополя. Къ тому же, 6 іюня 1855 года, Севастопольскій гарнизонъ отбилъ повсемѣстно штурмъ, поведенный союзниками послѣ двухдневнаго усиленнаго бомбардированія на Корабельную сторону. Блистательный этотъ подвигъ возбудилъ снова въ защитникахъ Севастополя надежду на успѣхъ. Воспрянулъ духомъ и князь Горчаковъ.

Вѣсть о побѣдѣ тѣмъ болѣе обрадовала государя, что незадолго до того онъ, уступая настояніямъ князя Горчакова, послалъ ему разрѣшеніе въ крайнемъ случаѣ сдать Севастополь союзникамъ. Теперь же государь писалъ князю Горчакову: „Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божіей помощью, что рѣчи не будетъ больше“ [53]).

Но радость была непродолжительна, и непріятель снова возобновилъ свой убійственный огонь по многострадальному граду, продолжавшійся съ особенною силою съ 24 іюня по первыя числа іюля 1855 года [54]).

XIII.

Въ эту тяжкую годину окровавленный и опаленный Севастополь былъ озаренъ посѣщеніемъ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго Иннокентія.

25 іюня 1855 года, высокопреосвященный Иннокентій неожиданно прибылъ утромъ на Сѣверную сторону Севастополя.

Сохранилось современное свидѣтельство объ этомъ достопамятномъ посѣщеніи святителя.

Неизвѣстный намъ почтенный авторъ повѣствуетъ: „Я встрѣтилъ его въ Куринской балкѣ, идя къ раненымъ въ № 4. Мнѣ указали, что въ каретѣ, которая стоитъ, пріѣхалъ архіерей; я пошелъ и увидалъ въ ней Иннокентія. Послѣ почти пяти лѣтъ, онъ мнѣ показался очень постарѣлымъ. Мы съ нимъ встрѣтились, какъ старые знакомые. Я подошелъ къ нему во время; лица, которыя должны его встрѣтить

и принять, по крайней мѣрѣ, позаботиться о ночлегѣ,—тутъ ихъ не случилось, и конечно, онъ былъ доволенъ моими услугами, хотя я для него совершенно постороннее лицо. Пальба въ это время была несильна . . . . . . Онъ замѣтилъ, что предполагалъ гораздо болѣе, нежели видитъ, тѣмъ болѣе, что встрѣтившіяся ему лица были совершенно спокойны, хотя это мѣсто было небезопасно. Я замѣтилъ ему, что въ Севастополѣ никто не въ безопасности, а между тѣмъ, никто о ней и не подумаетъ, и не только здѣсь видите спокойствіе на лицахъ, но и тамъ, гдѣ теперь убиваютъ, на бастіонахъ, и тамъ матросы играютъ въ карты, и сказываютъ сказки, иначе можетъ быть упадокъ духа, а это всего гибельнѣе..... Мы направились въ Сѣверное укрѣпленіе, гдѣ святитель долженъ былъ остановиться. Когда поднялись на гору, то онъ приказалъ остановиться каретѣ, и началъ подробно разспрашивать о всякомъ бастіонѣ (съ этого мѣста видна вся линія, огонь и непріятельскія батареи, траншеи и лагерь). Прежде всего бросились въ глаза редуты: Камчатскій, Волынскій и Селенгинскій, которыми уже владѣлъ непріятель. Въ это время Малаховцы съ Камчатскаго завели живую перестрѣлку. Осматривая всю линію, опоясывавшую южный Севастополь и глядя на непріятельскую позицію, онъ началъ дѣлать свои замѣчанія стратегическія, но, конечно, по старой тактикѣ Суворовской, когда довѣряли штыку болѣе пули и стуцера!—При стуцерахъ это правило сошло на второй планъ, если еще не далѣе. Впрочемъ, точно такія же понятія имѣли до Севастополя и всѣ наши полководцы, лучшіе герои прежнихъ временъ. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи онъ остановился въ пустой солдатской палаткѣ и сейчасъ же нашлись знакомые ему: тутъ встрѣтился съ нимъ генералъ Тетеревниковъ, завязался разговоръ самой близкій о положеніи настоящихъ дѣлъ. Иннокентій говорилъ, что пріѣхалъ посмотрѣть Севастополь и пройти по траншеямъ, но генералъ ему не совѣтовалъ, и спасибо ему. Вѣрно то же самое мнѣніе имѣли, и удержали неумѣстное самоотверженіе главнокомандующій князь Горча-

ковъ и графъ Сакенъ, и весьма благоразумно. Каждый изъ знавшихъ Иннокентія знаетъ, что онъ не боялся смерти и готовъ былъ всегда жертвовать собою. Но его могли ранить и болѣе. Онъ пошелъ бы не одинъ по бастіонамъ. Въ это время собраніе нѣсколькихъ лицъ въ одномъ мѣстѣ привлекло бы все вниманіе непріятеля, и сыпались бы градомъ снаряды туда; а на бастіонахъ и въ траншеяхъ не только нельзя было сказать, что-нибудь командѣ, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы отправляли и Богослуженіе шопотомъ, чтобъ не слышно было непріятелю. И даже до возможной степени сокращали—молитвословія, водосвятія и проч... Какую бы пользу принесло присутствіе Иннокентія въ траншеяхъ? Какое бы дѣйствіе произвела рана его на тѣхъ, кои вѣрою жили, побѣждали и умирали. За симъ я перевозилъ Иннокентія съ Сѣверной на Южную, на катерѣ съ парохода *Эльборусъ.* Онъ ѣздилъ къ графу Сакену. Ему уже сказано было, что по рейду палятъ изъ мортирной батареи, поставленной въ развалинахъ Херсониса; сказали уже, что нѣсколько часовъ раньше упала бомба на корабль *Парижъ.* Съ благословеніемъ, но безъ страха, взошелъ Иннокентій на катеръ, благословилъ гребцовъ. Я спросилъ: благословите отваливать? Съ Богомъ. Ребята ударили въ весла, я сказалъ: навались (морское техническое слово, значитъ: сильнѣй). Окинувъ взоромъ рейдъ и городъ, Иннокентій спросилъ: а гдѣ *Парижъ*?... Я ему разсказалъ имена судовъ, около которыхъ мы шли. Мы были уже на срединѣ бухты, какъ летитъ бомба изъ Херсониса. Я пристально гляжу на архіерея: мнѣ хочется видѣть, какъ на него подѣйствуетъ, и грѣшенъ, признаюсь, хотѣлъ, чтобъ бомба упала поближе — она упала у насъ за кормою, и онъ такъ былъ твердъ, что трудно было уловить перемѣну въ его лицѣ. Я сказалъ: навались; ребята навались, и вотъ идетъ другая, и упала впереди насъ, дѣйствіе то же.

„Упавшія двѣ бомбы нисколько не помѣшали нашему катеру, и мы благополучно пристали къ Графской пристани

(она же Екатерининская). Когда мы вышли изъ катера, Иннокентій замѣтилъ, что тутъ мало поврежденій, и вѣрно сюда мало палятъ? Я проводилъ его до Николаевской батареи, гдѣ квартировалъ графъ Сакенъ, а самъ отправился на свое подворье. У Сакена онъ пробылъ недолго, и когда возвращался, то графская пристань была уже разрушена.

„Обратно владыко переправился безъ всякихъ приключеній и въ этотъ же день успѣлъ еще съѣздить къ главнокомандующему князю Горчакову, на Инкерманскія высоты“.

„На другой день, въ субботу, владыко служилъ обѣдню въ Сѣверномъ укрѣпленіи, въ походной церкви. При богослуженіи присутствовалъ и князь Горчаковъ [55]). Къ молящимся высокопреосвященный обратился съ Словомъ, въ которомъ, между прочимъ сказалъ: По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына Отечества, который бы въ настоящее время не привиталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественные защитники Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими скорбями, не болѣзновалъ вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостію и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, невозможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою и не раздѣлять отъ души всего, что̀ происходитъ въ вами — и радостнаго и печальнаго. Посему-то въ прошедшемъ году, не смотря на то, что городъ вашъ былъ посѣщенъ мною непосредственно предъ тѣмъ, я — при первой вѣсти о вторженіи къ вамъ враговъ—немедленно поспѣшилъ сюда, дабы раздѣлить съ вами самые первые дни опасности; и если, при всѣхъ усиліяхъ, не успѣлъ достигнуть тогда до васъ, то потому, что всѣ пути къ вамъ были уже пресѣчены врагами. Видя сіе, я, подобно птицѣ, кружащейся вокругъ занятаго кѣмъ-либо гнѣзда ея, долго странствовалъ по разнымъ мѣстамъ вокругъ вашего города; и не прежде оставилъ здѣшній полуостровъ, какъ совершенно увѣрившись, что самая главная опасность для

васъ уже прошла, что всѣ, беззащитныя въ вашемъ городѣ мѣста укрѣплены достаточно, и вы можете съ доброю надеждою стать противъ враговъ . . . .

. . . Наконецъ, давнее желаніе наше исполнилось! Благодареніе Богу, мы теперь среди васъ: видимъ ваше лице, слышимъ вашъ голосъ, можемъ осязать васъ руками! Въ семъ случаѣ, прежде всякаго слова, мы желали бы братски обнять всѣхъ васъ и облобызать каждаго тѣмъ святымъ лобзаніемъ, которое апостолъ Павелъ препосылалъ сущимъ въ отдаленіи, возлюбленнымъ ученикамъ и братіямъ своимъ о Христѣ" [56]).

„Послѣ обѣдни",—свидѣтельствуетъ очевидецъ,—„я въ послѣдній разъ принялъ благословеніе святителя. Выходя изъ церкви, въ сопровожденіи главнокомандующаго, онъ благословлялъ солдатъ, тѣснившихся принять благословеніе. На ходу съ нами разговаривалъ и давалъ просфоры" [57]).

XIV.

На другой день, 26-го іюня 1855 года, архіепископъ Иннокентій священнодѣйствовалъ въ Михайловскомъ соборѣ и произнесъ слово: „Не смотря на эти неумолкающіе удары громовые, мы паки съ радостію исходимъ предъ васъ, братія, для второго и послѣдняго собесѣдованія съ вами... Ибо, долго ли намъ быть у васъ? По самому образу настоящей жизни и роду занятій вашихъ здѣсь, мы должны оставить васъ, дабы дать вамъ болѣе досуга и удобности къ великому дѣлу вашему. А между тѣмъ, можно ли было вчера, за одинъ разъ, высказать все, что было у насъ на душѣ?.. Послѣ столькихъ опасностей, вами перенесенныхъ, и посреди столькихъ новыхъ опасностей, вамъ непрестанно угрожающихъ, вы—по необходимости—кажетесь намъ такими людьми, кои уже какъ бы не принадлежатъ нашему міру, и съ коими, по тому самому, нельзя довольно наговориться. Но, о чемъ бесѣдовать? Найдите, если угодно, для сего предметъ вы

сами; только не требуйте, братія мои, чтобы мы начали учить васъ и наставлять чему-либо. Ахъ, теперь, какъ сами видите, время уже не учить и учиться, а творить изученное и дѣйствовать, время — молиться и, если нужно, умирать, какъ подобаетъ христіанину и истинному сыну Отечества! Если бы впрочемъ для кого-либо потребно было вразумленіе, то мы вѣруемъ, что нашъ Наставникъ теперь и Учитель—самъ Духъ Святый, Который никогда не оставляетъ истинно вѣрующихъ безъ необходимыхъ для нихъ тайныхъ озареній въ ихъ сердцѣ, тѣмъ паче не можетъ оставить безъ сего васъ, кои за Вѣру и Отечество полагаете свои души. Внимайте сему Божественному Наставнику, нынѣ глаголющему въ нашей совѣсти; исполняйте вѣрно внушаемое Имъ;— и вы, какъ увѣряетъ возлюбленный ученикъ Христовъ, не потребуете, *да кто учитъ вы* (1, Іоан. II, 27). Что касается до насъ, коимъ выпалъ рѣдкій жребій—быть свидѣтелями вашего безпримѣрнаго положенія, и коимъ, по всей вѣроятности, не представится подобнаго, крайне поучительнаго случая въ другой разъ, то мы погрѣшили бы не только противъ самихъ себя, но и противъ всѣхъ будущихъ слушателей нашихъ, если бы не постарались понять и изучить твердо всю вашу, такъ великую и такъ громогласную, проповѣдь Севастопольскую. Да, братія мои, все, происходящее у васъ здѣсь, я называю не иначе, какъ *проповѣдію всемірною*, которая произносится только на землѣ, а слагается не на землѣ, а на небѣ! Ибо, кто изъ самыхъ первыхъ и дѣятельныхъ виновниковъ и распорядителей настоящей брани можетъ сказать, что происходящее здѣсь совершается не по другимъ причинамъ, а по его волѣ, и окончится, когда и какъ ему угодно? Нѣтъ, къ вамъ—сюда простираетъ теперь взоры вся вселенная; отсюда ожидаютъ рѣшенія своея судьбы цѣлые царства и народы; но никто не вѣдаетъ и не можетъ сказать, что выйдетъ наконецъ изъ этихъ молній и громовъ, коими, какъ нѣкогда Синай (Исх. XIX, 18), окруженъ столько времени нашъ городъ. Въ качествѣ земныхъ посредниковъ при семъ

великомъ дѣлѣ явятся, безъ сомнѣнія, и, можетъ быть, не одинъ Моисей и Ааронъ, но самыя скрижали новаго политическаго завѣта сойдутъ съ неба, написанныя перстомъ Божіимъ (Ис. XXXI, 18). За симъ, братія моя, предаемъ васъ и судьбу вашу въ руцѣ Господа и всемогущей благодати Его. О, да будетъ и преизбудетъ она на каждомъ изъ васъ! Съ радостію поспѣшимъ на свиданіе съ вами, коль скоро откроется къ тому хотя малая удобность. Если же суждено свыше—не срѣтаться намъ болѣе въ этой земной юдоли, то молимъ Господа о единомъ,—да будемъ сподоблены взаимнаго свиданія тамъ, гдѣ нѣтъ болѣе ни печали, ни воздыханій, и гдѣ срѣтившіеся никогда уже не разлучаются. Въ заключеніе, вмѣсто взаимнаго прощальнаго слова, повторимъ слова св. Павла: *Аще живемъ, Господеви живемъ: аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ Господни есмы* (Римл. XIV, 8). Аминь" [58]).

„Въ 8-мъ часу утра", — свидѣтельствуетъ очевидецъ, — „противъ Адмиралтейства я увидѣлъ выстроенныя команды. Люди эти были взяты со всѣхъ батарей съ боевой линіи, по нѣскольку человѣкъ, большей частью съ Георгіемъ, и всѣхъ вѣдомствъ, тутъ были: матросы, армейцы, инженеры и другіе, они были взяты съ своихъ мѣстъ, чтобъ быть при службѣ архіерейской, и послѣ передать своимъ товарищамъ видѣнное и слышанное. Посрединѣ этого каре стоялъ столъ, убранный для освященія воды и аналогій. Я подходилъ уже къ собору, и по времени думалъ, что еще не началась служба; смотрю; какъ уже выходитъ изъ церкви архіерей и со служащими, всѣ внесли иконы, въ сопровожденіи генералитета. Тутъ были: главнокомандующій князь Горчаковъ, графъ Сакенъ, начальникъ штаба Коцебу, дежурный генералъ Ушаковъ, Нахимовъ и другіе. Подошли къ столу, и началось молебствіе съ водоосвященіемъ, послѣ чего архіерей окропилъ святой водой и началъ давать иконы защитникамъ Севастополя: князю Горчакову, Коцебу, графу Сакену, Нахимову и другимъ; иконы были изъ разныхъ мѣстъ, присланныя къ нему: Знаменія Пре-

святыя Богородицы изъ Новгорода, Святителя Митрофана изъ Воронежа, Святителя Николая и другія. При врученіи иконы говорилъ по нѣскольку словъ, при чемъ объяснялъ сочувствіе всѣхъ сыновъ Россіи къ Севастополю, въ знакъ чего изо всѣхъ концовъ изъ Россіи присланы поборники, заступники ихъ странъ, святые предстатели, Святители Николай и Митрофанъ. Я могъ только разслышать, когда онъ вручалъ икону Знаменія Пресвятый Богородицы, тутъ сказалъ, что „это та икона, предъ которою долженъ былъ отступить самъ Андрей Боголюбскій". Все это продолжалось недолго; какъ во время служенія обѣдни, такъ и теперь пальба не прекращалась и нѣсколько бомбъ разрѣшились около собора, не смотря на то, что было еще рано; а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усиливалась, вѣрно поэтому такъ рано все это происходило. До 9-ти часовъ утра все кончилось, и люди возвратились къ своимъ мѣстамъ. Опять замѣчу то же, что еслибъ было позднѣе, то непріятель могъ бы замѣтить на одномъ мѣстѣ большое собраніе людей, и направилъ бы туда болѣе орудій; и очень могло быть, что не далъ бы кончить священнослуженіе".

Послѣ богослуженія высокопреосвященный Иннокентій отправился привѣтствовать Брянскій егерскій полкъ съ его шефомъ. Полкъ этотъ за отбитіе штурма 6-го іюня былъ переименованъ въ полкъ генералъ-адъютанта князя Горчакова, о чемъ только-что полученъ высочайшій приказъ" [59]).

Другой очевидецъ этого событія, Ершовъ, въ своихъ *Севастопольскихъ Воспоминаніяхъ* пишетъ: „Не передать словами всей торжественности иныхъ дней, напримѣръ, 26 іюня, когда преосвященный Иннокентій совершалъ литургію въ Михайловскомъ соборѣ и благословлялъ войска при торжественномъ пѣніи *Спаси, Господи, люди Твоя*"!

XV.

„Да благословитъ Господь",—писалъ протоіерей Лебединцевъ высокопреосвященному Иннокентію,—„и въ обратномъ пути входы и исходы ваши. Сколько посѣщеніе ваше для всѣхъ въ Севастополѣ было нечаянно, и потому еще болѣе радостно, столько нечаянно для меня совершилось отшествіе ваше и потому было прискорбно. Я даже не успѣлъ принять вашего благословенія при отбытіи вашемъ изъ Севастополя . . . . . . Не по своей волѣ, а по вашей, вседа для меня священной, я очутился въ Севастополѣ, гдѣ застигли меня обстоятельства, которыя выше моихъ силъ" [60]).

По возвращеніи изъ Севастополя, высокопреосвященный Иннокентій произнесъ слово въ Одесской Успенской единовѣрческой церкви, въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Послѣ некраткой разлуки, мы опять теперь съ вами! Между тѣмъ, давнее желаніе наше, благодареніе Богу, исполнилось: мы посѣтили нашъ многострадальный Севастополь; видѣли городъ, исполненный героевъ и мучениковъ; смотрѣли вблизи на купину, горящую и несгорающую; слышали громы, неуступающіе звукомъ своимъ, можетъ быть, Сѵнайскимъ, но гораздо губительнѣе ихъ; ибо эти громы, не какъ Божіи, поражаютъ безъ разбору всѣхъ и каждаго. Боже мой, что это за необыкновенное и ужасное положеніе!.. Это не городъ, а пространная пещь Вавилонская, разженная не седмерицею, а семьдесятъ кратъ, въ коей находятся не три отрока, а цѣлая многочисленная рать наша. Представьте дванадесять нынѣшнихъ поприщъ земли, въ видѣ звѣзднаго полукруга, простертыхъ отъ одного до другого края залива морскаго; вообразите, что это протяженіе земли, въ поприще шириною, сдѣлалось огнедышущимъ, такъ что день и нощь извергаетъ изъ себя огнь, жупелъ и смерть. И подъ этимъ огнедышущимъ вѣнцемъ нашъ многострадальный Севастополь!.. И такое мученическое положеніе сего города продолжается не

дни и недѣли, а уже едва не цѣлый годъ! Подлинно, если есть *скорбь велія*, о коей можно сказать, *яковаже не была отъ начала міра* доселѣ (*Матѳ.*, XXIV, 21), то это скорбь и тѣснота Севастопольскія! О! если бы и въ семъ случаѣ сбылись оныя утѣшительныя слова Спасителя: *яко избранныхъ ради прекратятся дніе оны* (*Матѳ.* XIV, 22.). И ужели нѣтъ таковыхъ на пространствѣ святой земли Русской? По столь необычайной тѣснотѣ и озлобленію, продолжающимся при томъ столь долгое время, естественно, братія мои, что мы ожидали увидѣть въ защитникахъ осаждаемаго города хотя мужество, но дошедшее до крайности и истощенія, предполагали найти хотя пламенное желаніе продолжать стоять противу враговъ, но безъ твердой надежды отстоять защищаемое. И что же насъ встрѣтило тамъ? Терпѣніе — безъ конца, мужество — безъ всякихъ предѣловъ и условій, самоотверженіе всецѣлое, упованіе полное и непоколебимое. Да, братія мои, благодареніе Богу, тамъ есть военачальники, неуступающіе духомъ древнимъ великимъ поборникамъ Земли Русской, — такіе военачальники, кои способны и достойны были бы предводить не человѣческими токмо бранями, а и *Господними*!.. (*Апок.* IX, 1). Тамъ есть простые воины, кои умѣютъ дѣйствовать не однимъ оружіемъ вещественнымъ, а и духовнымъ, то-есть, вѣрою и молитвою. Тамъ нашли мы такое презрѣніе смерти, такую любовь къ Отечеству, такую преданность въ волю Божію, что, вмѣсто того, чтобы поучать чему-либо слушавшихъ насъ, мы сами учились у нихъ великой наукѣ жить и умирать за Вѣру и Отечество. Трогательнѣе всего было посѣщеніе тѣхъ храминъ, въ коихъ возлежатъ многочисленные сонмы уязвленныхъ на брани воиновъ нашихъ. Грустно было смотрѣть на это множество жертвъ вражды человѣческой, на этотъ бо́льшею частью цвѣтъ воинства, пожатый и обезображенный огнемъ и мечемъ!.. Но, какъ отрадно было вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть и замѣтить, что эти герои переносятъ свои страданія съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ и благодушіемъ, что на лицахъ ихъ выражается

не скорбь и ропотъ, а довольство собою и самоуспокоеніе: каждый самымъ взоромъ своимъ, кажется, говоритъ намъ: я исполнилъ долгъ свой! Отечество должно быть довольно мною! Когда я возвѣщалъ имъ, что Севастополь нашъ стоитъ и, Богъ дастъ, устоитъ; что кровь ихъ посему пролита не напрасно, ибо гордость враговъ уничтожена; что по всѣмъ краямъ Россіи хвалятъ и прославляютъ ихъ дѣянія и удивляются ихъ мужеству; что благочестивѣйшій государь готовитъ имъ награды и успокоеніе; что святая церковь молится за нихъ—живыхъ и умершихъ, и благословляетъ ихъ труды и подвиги:—о, какъ свѣтлѣли тогда ихъ взоры, какъ воспламенялось блѣдное лице, какъ порывались они выразить, имъ свойственнымъ языкомъ, чувство преданности царю и Отечеству! Среди тысящей страдающихъ отъ недуга не было ни единаго, который пожалѣлъ бы о своей рукѣ или ногѣ, коихъ лишился; но сколько такихъ, кои отъ всей души сожалѣли о томъ, что имъ нельзя снова разить враговъ!.... И отъ врачующихъ не разъ имѣлъ утѣшеніе слышать я, что, не смотря на ихъ внушенія воставшимъ отъ недуга—идти на отдыхъ и покой, или даже возвратиться на время къ роднымъ,—выздоравливающіе просили, какъ милости, немедленно возвратить ихъ подъ стѣны Севастополя, для его защиты" [61]).

XVI.

Вслѣдъ за отбытіемъ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго изъ Севастополя, „Черноморскій флотъ",—свидѣтельствуетъ князь В. И. Васильчиковъ,—„понесъ новую жестокую потерю. 28 числа іюня, Нахимовъ былъ пораженъ пулею въ голову. Не смотря на тяжкую рану, онъ остался живъ, но не приходилъ болѣе въ сознаніе. Черезъ два дня онъ умеръ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Павелъ Степановичъ пережить паденія Севастополя не желалъ. Оставшись одинъ изъ числа всѣхъ сподвижниковъ прежнихъ доблестей флота, онъ искалъ

смерти и въ послѣднее время сталъ болѣе чѣмъ когда-либо выставлять себя на банкетахъ, привлекая вниманіе Французскихъ и Англійскихъ стрѣлковъ многочисленною своею свитою и блескомъ эполетъ, которыхъ онъ во всю осаду не снималъ, точно такъ, какъ Корниловъ и Истоминъ. Онъ былъ пораженъ Французскою пулею въ то время, какъ взойдя на сторожевую караулку 4-го бастіона, онъ въ подзорную трубу разсматривалъ Французскія работы и долго не трогался съ мѣста, какъ бы ожидая того роковаго свинца, который долженъ былъ положить конецъ его доблестной жизни" [62]).

„Адмирала Нахимова",—писалъ протоіерей Лебединцевъ, 12 іюля 1855 года, изъ Севастополя,—„похоронили также въ будущемъ храмѣ Владимірскомъ, со всею честію чину его подобающею. На непріятельскомъ флотѣ приспущены были флаги" [63]).

7-го іюля 1855 года, О. С. Аксакова писала Погодину: „Мы опять встревожены болѣзнію Оленьки—что тутъ дѣлать? Но это не мѣшаетъ сильно грустить о ранѣ Нахимова и о томъ, что Горчаковъ выставилъ *Коцебу* первымъ генераломъ".

Память Нахимова почтилъ и Погодинъ. Написавши о кончинѣ его статью, Погодинъ еще до печати, счелъ долгомъ отправить ее на благоусмотрѣніе великаго князя Константина Николаевича, отъ котораго немедленно же, изъ Стрѣльны, отъ 24 іюля 1855 года, получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Возвращая вашему превосходительству статью вашу о Нахимовѣ, я полагаю болѣе удобнымъ неотлагательно напечатать оную въ газетахъ, не ожидая *Морскаго Сборника*, въ которомъ она потеряетъ достоинство современности. Нѣкоторыя замѣчанія сдѣланы мною на поляхъ" [64]).

Замѣчанія великаго князя Константина, продиктованныя А. В. Головнину, мы приведемъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Погодина.

Погодинъ писалъ: *Нахимовъ получилъ тяжелую рану! Нахимовъ скончался!* Боже мой, какое несчастіе! Эти роковыя слова не сходили съ устъ у Московскихъ жителей въ продол-

женія трехъ послѣднихъ дней. Вездѣ только и былъ разговоръ что о Нахимовѣ. Глубокая, сердечная горесть слышалась въ безпрерывныхъ сѣтованіяхъ. Старые и молодые, военные и невоенные, мужчины и женщины, показывали одинаковое участіе.

„Да, въ короткое время Нахимовъ пріобрѣлъ себѣ общее расположеніе и сдѣлался народнымъ любимцемъ.

„Какъ же это случилось? Чему обязанъ онъ былъ такимъ рѣдкимъ у насъ счастіемъ, такою завидною извѣстностью?

„Синопской побѣдѣ, которой громъ раздался и утѣшилъ Русскія сердца именно въ то время, когда онѣ особенно смущались несчастіями нашихъ внѣшнихъ отношеній; Синопской побѣдѣ сначала, и потомъ—пяти-шести словамъ, сказаннымъ имъ въ разныхъ случаяхъ и разнесшимся съ быстротою молніи по всей Россіи.

„*Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ! Разбить Турокъ—что за важность, а еслибъ другихъ-то-съ! Ахъ, какъ обуты и одѣты Турецкіе матросы, ваша свѣтлость!* *). *Берегите Тотлебена: его замѣнить не кѣмъ, а я что-съ! Хрулева-съ должны мы благодарить за свои аренды-съ*!

„Вотъ эти слова, въ которыхъ сказывалась вся душа, которыми обрисовывался весь человѣкъ, — вотъ эти слова, которыхъ придумать и сочинить не придумаешь и не сочинишь, возбудили общее сочувствіе къ Нахимову, въ оправданіе прекрасной Русской пословицы: сердце сердцу вѣсть подаетъ. Не видавъ въ глаза Нахимова, настоящіе Русскіе люди вообразили и оцѣнили его скоро и вѣрно; по какому-то безотчетному чутью, они поняли, увидѣли, отгадали, что это человѣкъ простой и добрый, посвятившій себя службѣ, преданный своему дѣлу *безъ заднихъ мыслей* **) и дальнихъ видовъ, работающій безъ хвастовства, способный на всякія пожертво-

---

*) Это не ясно.

**) Галлицизмъ.

смерти и въ послѣднее время сталъ болѣе чѣмъ когда-либо выставлять себя на банкетахъ, привлекая вниманіе Французскихъ и Англійскихъ стрѣлковъ многочисленною своею свитою и блескомъ эполетъ, которыхъ онъ во всю осаду не снималъ, точно такъ, какъ Корниловъ и Истоминъ. Онъ былъ пораженъ Французскою пулею въ то время, какъ взойдя на сторожевую караулку 4-го бастіона, онъ въ подзорную трубу разсматривалъ Французскія работы и долго не трогался съ мѣста, какъ бы ожидая того роковаго свинца, который долженъ былъ положить конецъ его доблестной жизни" [62]).

„Адмирала Нахимова",—писалъ протоіерей Лебединцевъ, 12 іюля 1855 года, изъ Севастополя,—„похоронили также въ будущемъ храмѣ Владимірскомъ, со всею честію чину его подобающею. На непріятельскомъ флотѣ приспущены были флаги" [63]).

7-го іюля 1855 года, О. С. Аксакова писала Погодину: „Мы опять встревожены болѣзнію Оленьки—что тутъ дѣлать? Но это не мѣшаетъ сильно грустить о ранѣ Нахимова и о томъ, что Горчаковъ выставилъ *Коцебу* первымъ генераломъ".

Память Нахимова почтилъ и Погодинъ. Написавши о кончинѣ его статью, Погодинъ еще до печати, счелъ долгомъ отправить ее на благоусмотрѣніе великаго князя Константина Николаевича, отъ котораго немедленно же, изъ Стрѣльны, отъ 24 іюля 1855 года, получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Возвращая вашему превосходительству статью вашу о Нахимовѣ, я полагаю болѣе удобнымъ неотлагательно напечатать оную въ газетахъ, не ожидая *Морскаго Сборника*, въ которомъ она потеряетъ достоинство современности. Нѣкоторыя замѣчанія сдѣланы мною на поляхъ" [64]).

Замѣчанія великаго князя Константина, продиктованныя А. В. Головнину, мы приведемъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ Погодина.

Погодинъ писалъ: *Нахимовъ получилъ тяжелую рану! Нахимовъ скончался!* Боже мой, какое несчастіе! Эти роковыя слова не сходили съ устъ у Московскихъ жителей въ продол-

женіи трехъ послѣднихъ дней. Вездѣ только и былъ разговоръ что о Нахимовѣ. Глубокая, сердечная горесть слышалась въ безпрерывныхъ сѣтованіяхъ. Старые и молодые, военные и невоенные, мужчины и женщины, показывали одинаковое участіе.

„Да, въ короткое время Нахимовъ пріобрѣлъ себѣ общее расположеніе и сдѣлался народнымъ любимцемъ.

„Какъ же это случилось? Чему обязанъ онъ былъ такимъ рѣдкимъ у насъ счастіемъ, такою завидною извѣстностью?

„Синопской побѣдѣ, которой громъ раздался и утѣшилъ Русскія сердца именно въ то время, когда онѣ особенно смущались несчастіями нашихъ внѣшнихъ отношеній; Синопской побѣдѣ сначала, и потомъ—пяти-шести словамъ, сказаннымъ имъ въ разныхъ случаяхъ и разнесшимся съ быстротою молніи по всей Россіи.

„*Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ! Разбить Турокъ—что за важность, а еслибъ другихъ-то-съ! Ахъ, какъ обуты и одѣты Турецкіе матросы, ваша свѣтлость!* *). *Берегите Тотлебена: его замѣнить не кѣмъ, а я что-съ! Хрулева-съ должны мы благодарить за свои аренды-съ*!

„Вотъ эти слова, въ которыхъ сказывалась вся душа, которыми обрисовывался весь человѣкъ, — вотъ эти слова, которыхъ придумать и сочинить не придумаешь и не сочинишь, возбудили общее сочувствіе къ Нахимову, въ оправданіе прекрасной Русской пословицы: сердце сердцу вѣсть подаетъ. Не видавъ въ глаза Нахимова, настоящіе Русскіе люди вообразили и оцѣнили его скоро и вѣрно; по какому-то безотчетному чутью, они поняли, увидѣли, отгадали, что это человѣкъ простой и добрый, посвятившій себя службѣ, преданный своему дѣлу *безъ заднихъ мыслей* **) и дальнихъ видовъ, работающій безъ хвастовства, способный на всякія пожертво-

*) Это не ясно.
**) Галлицизмъ.

ванія, готовый всегда пролить кровь за честь своего флага и положить животъ *за любезный свой Севастополь, гдѣ онъ почти родился, воспитывался, служилъ и прославился* *).

„Вотъ какое вдругъ составилось понятіе въ Россіи о Нахимовѣ, и всякими новыми свѣдѣніями, отъ пріѣзжихъ изъ Крыма и чрезъ письма, подтверждались первые предположенія и слухи. Всѣ говорили и писали, что матросы считаютъ и называютъ Нахимова своимъ роднымъ отцемъ, любятъ его какъ родного отца, и готовы по первому слову буквально лѣзть съ нимъ въ огонь и воду. Ребята, вонъ—ѣдетъ нашъ отецъ,—говорили они, завидя издали его адмиральскія эполеты, которыхъ онъ не снималъ никогда, хотя онѣ и служили цѣлью зоркому непріятелю.

„Нахимовъ, самъ солдатъ по преимуществу, понималъ прекрасную, могучую натуру Русскаго солдата, которую напрасно западные враги и ихъ слѣпые послѣдователи обвиняютъ въ машинальности. Нахимовъ находилъ въ ней ту чувствительную струну, которую лишь только умѣй привести въ сотрясеніе, и потомъ дѣлай что̀ хочешь. Онъ постигалъ это великое искусство одушевлять бранные полки и составлять съ ними одно, или эту Суворовскую *науку побѣждать*, которая поднимается иногда надъ всѣми высокими соображеніями тактики и мудреными предначертаніями стратегіи, которая оставляетъ далеко за собою всѣ ухищренія политики и козни дипломаціи, которая не спрашиваетъ никогда о числѣ враговъ, противъ нея вооружившихся, смотритъ смѣло, не мигая, въ жерло пушекъ, на нее направленныхъ, и не понимаетъ только никакихъ невозможностей.

„Достоинъ великаго уваженія умъ, почетное мѣсто наукѣ, необходима вещественная сила, но выше всего на свѣтѣ, какъ на войнѣ, такъ и въ мирѣ, сильнѣе всякихъ пушекъ, штуцеровъ и мортиръ—это духъ.

*) Нахимовъ родился не въ Севастополѣ, воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ. Возмужалъ и полное морское образованіе получилъ въ Балтійскомъ флотѣ, гдѣ командовалъ фрегатомъ Паллада.

„Что такое духъ? Опредѣлять его я теперь не стану, а укажу только на его дѣйствія и чудеса. Духомъ взялъ Суворовъ неприступный Измаилъ; духомъ Румянцовъ разбилъ войско въ десять разъ сильнѣйшее подъ Кагуломъ; духомъ остановили Остерманъ и Ермоловъ Наполеоновы полчища подъ Кульмомъ; духомъ создалъ Лазаревъ эту нравственную армаду въ Черноморскомъ флотѣ и Севастопольской крѣпости, которая представляетъ такое пособіе нашимъ храбрымъ сухопутнымъ войскамъ, и противъ которой тщетно усиливается, впродолженіи цѣлаго года, вся почти Европа съ адскими изобрѣтеніями своихъ Пексановъ, Ланкастеровъ и Минье.

„Съ Нахимовымъ, воспитанникомъ и наслѣдникомъ Лазарева, мы были спокойнѣе и за самый Севастополь, — при всей благодарной довѣренности къ его сподвижникамъ,— мы были увѣрены, что онъ скорѣе погребется подъ его дымящимися развалинами, со всѣмъ вѣрнымъ своимъ гарнизономъ,— чѣмъ уступитъ врагамъ,—и вдругъ услышать, послѣ радостнаго, блестящаго отраженія, что онъ палъ случайно, при обыкновенномъ ежедневномъ осмотрѣ, какъ будто даромъ, о, это горько, это тяжело!

„Память тебѣ вѣчная, достойный Русскій человѣкъ, память тебѣ вѣчная вмѣстѣ со всѣми упавшими, падающими, и, увы, еще упадущими на завѣтныхъ высотахъ Севастополя!

„Честь вамъ, и слава, и горячая благодарность, всѣмъ священнодѣйствующимъ, всѣмъ жертвоприносящимся, по вѣщему царскому слову, за святое и великое дѣло: за вѣру, отечество и братьевъ!

„Подъ Севастополемъ, во время оно, равноапостольный нашъ князь Владиміръ принялъ святое крещеніе водою. Подъ Севастополемъ крещается теперь вся Россія огнемъ и кровію. Севастополь святѣетъ въ нашихъ глазахъ со всякой минутою, возвышаетъ народный духъ, проявляетъ сокровенныя наши силы, искупаетъ грѣхи, привлекаетъ благословеніе Божіе... Севастополь приросъ теперь къ сердцу всякаго Русскаго человѣка, — и не оторвать его нашимъ вра-

гамъ, хоть бы они явились въ новыхъ тысячахъ и тьмахъ, и взяли его десять разъ.

„Безпримѣрная оборона Севастополя останется вѣчнымъ украшеніемъ Русскихъ лѣтописей; имена его защитниковъ, этихъ земныхъ ангеловъ хранителей Отечества, будутъ поминаться нынѣ, присно и во вѣки вѣковъ, вмѣстѣ съ именами воителей Куликова поля, Полтавы, Бородина, и между ними всегда будетъ провозглашаться громко имя добраго, простаго и храбраго Нахимова“ [65])!

„Записку вашу“,—писалъ Погодину, изъ села Песочнаго, отъ 5 августа 1855 года, А. И. Кошелевъ,—„и при ней славную статью о Нахимовѣ я получилъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ. Ваша статья—чудная. Я прочелъ ее сперва для себя, потомъ женѣ, потомъ гостямъ, и всякій разъ съ новымъ удовольствіемъ. Да, сударь, *духъ чудеса творитъ*, а вы духъ—то и хотѣли удушить. Спасибо, отъ души спасибо за эту превосходную статейку. Знаете, я былъ боленъ, когда получилъ вашу статью; получилъ ее вечеромъ и въ тотъ же вечеръ прочелъ ее три раза. Она на меня такъ подѣйствовала, что я всю ночь ее прочиталъ во снѣ, а потому провелъ ночь крайне безпокойную“.

По поводу этой статьи Н. В. Бергъ сообщилъ Погодину слѣдующее письмо къ нему (т.-е. Бергу) капитана перваго ранга Бутакова, слѣдующаго содержанія: „Вчера, любезный Николай Васильевичъ, привезли мнѣ корректурный листокъ превосходной статьи г. Погодина объ Нахимовѣ. Она очаровательно-Русская, но есть одно мѣсто, которое, если не поздно, всякій морякъ попросилъ бы измѣнить: моряки всѣхъ націй всегда считали браннымъ себѣ словомъ названіе *солдатъ*, а именно Нахимовъ больше всякаго другого: *Да, онъ солдатъ-съ! что это за матросъ-съ!* Да не покажется это мелочностью съ моей стороны! Я очень хорошо понимаю, что г. Погодинъ употребилъ это слово въ широкомъ смыслѣ, но съ именемъ Нахимова оно такъ не сходится, что вѣроятно не мнѣ одному покажется, что его лучше бы замѣнить хоть словомъ *воинъ*“ [66]).

Въ то же время Погодинъ дѣлаетъ оригинальное порученіе Н. В. Бергу, пребывавшему тогда въ Севастополѣ, собирать тамъ анекдоты и всякія мелочи о Нахимовѣ и присылать ихъ къ нему, въ Москву. На это Бергъ отвѣчалъ:

„За статейку о Нахимовѣ душевно благодаренъ... Она весьма по сердцу здѣшнимъ воинамъ. Посылаю вамъ письмо объ ней Бутакова... Не мѣшаетъ напечатать экземпляровъ сто отдѣльныхъ и прислать сюда для раздачи по бастіонамъ и кораблямъ. Вы говорите, чтобы я собиралъ о Нахимовѣ анекдоты, мелочи, и скорѣе, чтобы напечатать въ статейкѣ. Вы опять какъ будто не помните, что мы осаждены, и мѣряете Севастополь Московскимъ аршиномъ, забывая, что здѣсь земля дрожитъ у насъ подъ ногами... До разсказыванья ли анекдотовъ“ [67])...

Важное дополненіе къ статьѣ о Нахимовѣ, Погодинъ получилъ и отъ Петра Алексѣевича Васильчикова, который 19 сентября 1855 года, писалъ ему: „Я былъ у васъ вчера по-утру и не засталъ васъ дома, и такъ какъ я завтра собираюсь въ Петербургъ, мнѣ приходится письменно изложить то, о чемъ я надѣялся лично имѣть удовольствіе объясниться съ вами. Въ статьѣ вашей о покойномъ адмиралѣ Нахимовѣ вы приводите слова этого героя-мученика, сказанныя имъ въ отвѣтъ Остенъ-Сакену, когда тотъ уговаривалъ его беречь себя и не подвергать себя безъ нужды опасности, и, если не ошибаюсь, вотъ отвѣтъ Нахимова, какъ вы его передали читателямъ вашимъ: *Что-съ, не бѣда, какъ васъ или меня убьютъ, а вотъ жаль-то будетъ, если что случится съ Тотлебеномъ*. Въ этихъ словахъ есть пропускъ. Нахимовъ, какъ я знаю изъ достовѣрнаго источника, сказалъ: *А вотъ жаль будетъ, если что случится съ Васильчиковымъ или Тотлебеномъ*. Конечно, пропускъ этотъ произошелъ отъ ошибочной передачи вамъ словъ Севастопольскаго героя, конечно отъ этого не уменьшатся достоинства и заслуги доблестнаго начальника штаба въ Севастополѣ, и онъ самъ, какъ человѣкъ дѣйствующій изъ убѣжденія и по долгу, а не изъ славы людской,

не станетъ домогаться огласки собственныхъ подвиговъ; но можетъ быть знающимъ и умѣющимъ цѣнить его людямъ будетъ прискорбно видѣть, что краснорѣчивое перо ваше не воздало ему должной славы, можетъ быть даже нѣкоторые изъ близкихъ къ нему и любящихъ его увидятъ какую-то преднамѣренность въ этомъ пропускѣ, наконецъ каждый хорошій гражданинъ долженъ желать, чтобы, теперь особенно, живое слово нашего Отечества воздавало каждому должное cuique suum tribuito — это одна изъ величайшихъ наградъ тѣхъ, которые съ такимъ самоотверженіемъ жертвуютъ собою въ защиту Отечества. Вотъ на какомъ основаніи я рѣшился обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ, и простите мою. смѣлость".

Въ заключеніе плачевной повѣсти о мученической кончинѣ адмирала Нахимова упомянемъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, какое произвело это событіе на Тимоѳея Николаевича Грановскаго, скончавшагося въ томъ же роковомъ 1855 г.

По свидѣтельству А. В. Станкевича, Т. Н. Грановскій, за мѣсяцъ до своей смерти, отдыхалъ въ деревнѣ, „съ горестнымъ смущеніемъ слѣдилъ за великой борьбой, которую вела тогда Россія, и за всѣми явленіями, сопровождавшими ее"... Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прихода почты, приносившей вѣсти съ мѣста, гдѣ длился упорный бой. „Что-то узнаемъ завтра",— повторялъ онъ наканунѣ дня, въ который ожидалъ газетъ. Съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ говорилъ онъ о Черноморскомъ флотѣ, о морякахъ его. „Былъ же уголокъ въ Русскомъ Царствѣ, гдѣ собрались такіе люди",—повторялъ онъ. Корниловъ и Истоминъ уже пали въ бою. Пришла вѣсть и о смерти Нахимова. „Легъ и онъ,"—говорилъ расстроганный Грановскій.—Что же? Такая смерть хороша; онъ умеръ въ пору. Передъ концомъ своего поприща вызвать общее сочувствіе о себѣ и заключить его такою смертью... Чего же желать болѣе, да и чего бы еще дождался Нахимовъ? Его недоставало возлѣ могилъ Корнилова и Истомина. Тяжела потеря такихъ людей, но страшнѣе всего, чтобы

вмѣстѣ съ ними не погибло въ Русскомъ флотѣ преданіе о правахъ и духѣ такихъ моряковъ, какихъ умѣлъ собрать вокругъ себя Лазаревъ".

XVII.

8 іюля 1855 года, М. А. Дмитріевъ, изъ своего Богородскаго, взывалъ къ Погодину: „Что вы не напишите вашего суда о современныхъ происшествіяхъ? Что это такое? Англичане просто разбойники; Французы,—фанфароны свободы и равенства, эти рабы, проливающіе кровь свою за авантюриста, убѣжавшаго изъ тюрьмы! Нѣтъ! Это война не восточная, не Крымская! Это начало переварки всѣхъ гнилыхъ Европейскихъ стихій! Она кончится не взятіемъ, или отбитіемъ Севастополя. Она, какъ тридцатилѣтняя, будетъ имѣть свои фазы, которыхъ не ожидали начиньщики! Въ 1812 году, было простое тройное правило, а теперь сложное. Россія, безъ сомнѣнія, устоитъ, ибо она сильна par la force d'inertie, которую трудно сдвинуть, хоть это будетъ ей стоить дорого. А Европа, *влаемая всякимъ вѣтромъ ученія* (Ефес., IV, 14), непремѣнно поколеблется въ своихъ основаніяхъ, ежели только это не кончится какими-нибудь четырьмя пунктами, и тому подобнымъ. Но если и кончится такъ, то это будетъ не надолго" [68]).

Погодинъ, какъ бы въ отвѣтъ на это воззваніе, гордый сознаніемъ, что онъ *одинъ говорилъ умершему царю все, что хотѣлъ, безъ малѣйшаго ограниченія*, и что *это останется въ Исторіи* [69]), разразился предъ самымъ исходомъ Севастополя новымъ политическимъ письмомъ, въ которомъ писалъ: „Подобно древней Кассандрѣ, считаю я своимъ злополучнымъ долгомъ возносить по временамъ голосъ и сообщать во всеуслышаніе то, что представляется мысленнымъ моимъ взорамъ среди безпрерывныхъ тщательныхъ наблюденій надъ текущею Исторіей.

„Это второе зрѣніе, это историческое чутье обманывало меня рѣдко (на что могу я представить много осязательныхъ

доказательствъ изъ прежнихъ моихъ политическихъ писемъ) и потому заслуживаетъ довѣрія.

„Говорю такъ, разумѣется, съ тою единственно цѣлью, чтобъ *привлечь* сколько-нибудь *вниманія* къ содержанію настоящей моей записки, дабы она не проскользнула безъ дѣйствія, доставивъ одно занимательное чтеніе.

„Преданность моя престолу извѣстна государю императору съ древнихъ лѣтъ, и онъ знаетъ, что перомъ моимъ водитъ одна искренняя любовь къ Отечеству, которой, не смотря на грубость иногда ея выраженія, отдавалъ справедливость самъ покойный его родитель.

„Обстоятельства такъ важны и страшная развязка приближается такъ быстро, подобно Евангельскому жениху, что судьба пяти дѣвъ-юродивыхъ должна приводить въ трепетъ всякаго истиннаго сына Отечества, кольми паче сановниковъ, находящихся при кормилѣ правленія.

„Общее вниманіе Европы, Россіи, правительствъ, народа устремлено теперь на Севастополь и Кронштадтъ. Точно подъ Севастополемъ разыгрывается страшная драма, надъ Петербургомъ восходитъ грозная туча; но рѣшеніе великаго вопроса происходитъ не тамъ. Это только занавѣсы, за которыми совершается главное дѣйствіе, кроваво-громовые отводы вниманія, и предметы для разговоровъ праздной Европейской публики.

„Не для Севастополя, котораго враги удержать не могутъ, если и возьмутъ, не для Кронштадта, котораго разрушеніе съ самимъ Петербургомъ причинитъ только временный убытокъ (и, можетъ быть, вѣковѣчную пользу) употребляютъ Франція и Англія ежегодно по милліарду, приносятъ въ жертву сотни тысячъ войска, истощаютъ свои силы и ставятъ на карту свою судьбу!

„*Они хотятъ раздѣлить между собою Турцію*, точно какъ въ прошедшемъ столѣтіи раздѣлена была Польша, съ тою разницею, что мы отстраняемся отъ законнаго участія въ наслѣдствѣ, теряемъ плоды столѣтнихъ усилій, подвиговъ и

побѣдъ, отталкиваемся съ презрѣніемъ отъ того вѣнца, до котораго прикасались уже рукою.

„Эта цѣль обнаруживается теперь такъ ясно, что для ея усмотрѣнія не нужно даже второго зрѣнія, а достаточно первое, лишь бы не закрывалось оно туманомъ.

„Уже въ газетахъ говорится о требованіи союзниками проливовъ Константинопольскаго и Дарданельскаго, въ обезпеченіе Турецкаго займа.

„Сильнѣйшія укрѣпленія воздвигаются ими на всѣхъ важнѣйшихъ пунктахъ Чернаго моря, не исключая Крымскихъ береговъ.

„Да—передъ нашими глазами враги *берутъ* во *владѣніе* Турцію. Константинополь, Египетъ, Аравія, Малая Азія, острова, гавани въ Синопѣ, Батумѣ, Трапезунтѣ, Варнѣ, чего добраго въ Еникалѣ, Камышѣ, вознаградятъ ихъ съ лихвою за принесенныя жертвы, и покроютъ съ излишкомъ всѣ ихъ долги, прошедшіе, настоящіе и будущіе.

„Молдавія или Валахія, по старинному плану Талейрана, отдадутся, можетъ быть, Австріи, если это искаріотское государство находится съ ними *въ тайномъ заговорѣ*, въ чемъ едва ли и сомнѣваться можно.

„Изъ Славянскихъ странъ—Болгаріи, Сербіи, Босніи, образуются свободныя государства, которыя рады будутъ получить себѣ политическую независимость отъ кого бы то ни было, и примутъ съ благодарностью западное покровительство.

„А мы? Мы отсидимся на развалинахъ Севастополя, озаренные славою неустрашимости и твердости, оправданные предъ Европою въ приписанныхъ намъ замыслахъ властолюбія, доказавшіе торжественно свою невинность и простосердечіе!

„Но недолго продолжится и это спокойствіе! Польша встанетъ непремѣнно, ободренная и возбужденная врагами, которымъ захочется ослабить насъ вдосталь. Мы должны будемъ спѣшить на западную границу и отстаивать грудью родные предѣлы...

„Неминуемо нападеніе и съ прочихъ сторонъ, которое можно предвидѣть по нравоученію басни Крылова, о львѣ въ старости.

„Вотъ тогда-то отодвинется Россія въ самомъ дѣлѣ на двѣсти лѣтъ назадъ, въ исполненіе западной похвальбы, которую мы слушали съ такою улыбкою презрѣнія, какъ нѣчто нелѣпое и невозможное, вотъ тогда-то вздрогнутъ и застонутъ въ своихъ глубокихъ могилахъ кости Петра, Екатерины, Александра и самого Николая Павловича!

„Въ мудреныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ принимаетъ государь свою державу, разстроенную въ то же время и внутри, хоть ослѣпленные льстецы и славятъ ея благоденствіе! Какая страшная отвѣтственность угрожаетъ ему въ потомствѣ! Какія проклятія посыплются на его покойнаго отца! Какое презрѣніе достанется на долю настоящаго правительства, всѣхъ васъ, допустившихъ и допускающихъ подобные ужасы...

„А они грозятъ намъ—это вѣрно! *Пусть всякій изъ васъ, читающій эти строки*, скажетъ, положа руку на сердце, могутъ ли они случиться съ нами или нѣтъ?

„*Если могутъ*, такъ... такъ подумайте, какъ ихъ отвратить!

„Скажутъ: есть Богъ, Который событіямъ полагаетъ предѣлъ, его же не прейдеши.

„Противъ этого положенія никто спорить не станетъ, но нельзя спорить и противъ другого, что люди съ своей стороны должны дѣлать свое дѣло, предаваясь въ волю Божію, отъ коей всегда зависитъ исходъ.

„Другое возраженіе: предположенія вѣроятны, но все-таки, по тѣмъ, или другимъ причинамъ, могутъ не исполниться, и въ случаѣ ихъ неисполненія, всякое новое наше движеніе можетъ причинить вредъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

„Въ томъ-то и мудрость политики—выбрать такое положеніе, найти такія средства, принять такія мѣры, кои, во всякомъ случаѣ, застраховывая потерю, обезпечивая пользу, не могли бъ причинить намъ никакого вреда, какъ бы ни оборотились обстоятельства.

„Не стану ихъ указывать теперь, чтобъ не отвлекать вниманія отъ главной цѣли моего письма, которая есть—показать, по долгу званія своего и присяги, историческое *значеніе минуты*, возбудить, уяснить *сознаніе опасности* великой, какой не бывало еще въ Русской Исторіи, ни на Куликовѣ полѣ, ни подъ Полтавою, ни въ Бородинѣ, опасности тѣмъ болѣе страшной, что она вовсе какъ будто не примѣчается.

„Какъ бы то ни было, настоящее письмо мое послужитъ, чего оборони Боже, *обвинительнымъ актомъ* нашихъ государственныхъ людей предъ судомъ Исторіи и предъ судомъ потомства, если они, не возвышаясь *надъ формами и формальностями*, оставятъ молодого государя, удрученнаго скорбію, смущеннаго страшной отвѣтственностію, волнуемаго мудреными ежеминутно-новыми обстоятельствами,—безъ дѣятельнаго, ревностнаго, всесторонняго своего содѣйствія, и не постараются облегчить его бремени, превышающаго человѣческія силы".

Письмо свое Погодинъ заключаетъ такъ:

„Въ званіи историка долженъ присовокупить я здѣсь, что отечественная Исторія представляетъ одинъ, впрочемъ разительный, примѣръ для ободренія: въ 1600 годахъ вся Россія доставалась Сигизмунду III, но онъ хотѣлъ взять прежде Смоленскъ,—и далъ время перемѣниться обстоятельствамъ, спастись Россіи! Не будетъ ли теперь *задержка* подъ Севастополемъ имѣть подобное значеніе? О, еслибы! Во всякомъ случаѣ, темная надежда не должна ослаблять дѣятельности!"

Это политическое письмо свое Погодинъ отправилъ въ Петербургъ, къ графинѣ А. Д. Блудовой, и вскорѣ получилъ отъ нея слѣдующій отвѣтъ: „Вяземскому я передала вашу статейку и батюшкѣ тоже; оба васъ благодарятъ, и батюшка говоритъ: все это справедливо, да вы не предлагаете никакого средства сами, чтобы помочь злу" [70])

XVIII.

Престарѣлый фельдмаршалъ князь М. С. Воронцовъ, не найдя исцѣленія своихъ недуговъ въ чужихъ краяхъ, возвратился въ Россію, и 21 іюля 1855 года, изъ Петергофа, съ глубокой грустью писалъ тоже престарѣлому своему другу А. П. Ермолову слѣдующее: „На счетъ силъ я не вижу никакого успѣха и тому болѣе причиною моральныя чувства вообще, безпрестанное безпокойство отъ извѣстій, иногда вѣрныхъ, иногда несправедливыхъ, на счетъ дѣлъ вообще и на счетъ всего, что происходитъ особливо въ Севастополѣ и вообще въ краяхъ, гдѣ я столько лѣтъ жилъ спокойно и старался всѣми силами быть полезнымъ. Теперь къ этому присоединилось и безпокойство на счетъ сына моего. Но на все воля Божія; онъ исполнилъ долгъ свой, когда просился на самое опасное мѣсто, и такъ какъ я уже совершенно неспособенъ для какого-нибудь дѣла, онъ меня замѣняетъ въ исполненіи въ сію критическую минуту священнаго долга каждаго Русскаго. Чѣмъ бы все это ни кончалось, геройская защита Севастополя спасаетъ нашу военную славу и составляетъ одну изъ блистательныхъ страницъ нашей военной Исторіи“ [71]).

Наступалъ послѣдній актъ трагедіи Севастопольской, и только новому Данту было бы подъ силу описать этотъ *Адъ* Севастопольскій. 20 іюля 1855 года, выѣхалъ изъ Владикавказа въ Севастополь, бывшій адъютантъ главнокомандующаго Кавказскою арміею князя М. С. Воронцова, князь Дмитрій Ивановичъ Святополкъ-Мирскій. „По мѣрѣ приближенія къ Симферополю“,—писалъ онъ,—„видъ мѣстности становился все печальнѣе, — пыльная, широкая въ цѣлую версту дорога, и по ней въ нѣсколько рядовъ транспорты повозокъ, нагруженныхъ ранеными и больными,—множество палыхъ лошадей и воловъ, удушливый воздухъ, зной, какое-то красное мрачное солнце въ облакахъ пыли, и ни одного предмета, на кото-

ромъ взоръ могъ бы отдохнуть и успокоиться. Въ свѣтлую звѣздную ночь подъѣхалъ я къ станціи за два перегона отъ Симферополя. Пока перепрягали лошадей, я сѣлъ на крыльцѣ станціоннаго дома. Какіе-то глухіе звуки послышались въ отдаленіи. „Что это“,—спросилъ я ямщиковъ.—„Это стрѣляютъ въ Севастополѣ“—отвѣтили мнѣ. Сердце мое забилось сильнѣе, близость цѣли удвоила нетерпѣніе, и я поскакалъ впередъ съ какой-то лихорадочной поспѣшностью. Симферополь имѣлъ видъ одного громаднаго госпиталя, — вездѣ больные, раненые, похороны. Я проѣхалъ, не останавливаясь. Наконецъ, 30-го іюля 1855 года, вечеромъ, прибылъ я въ главную квартиру Крымской арміи, находившуюся въ это время на Инкерманскихъ высотахъ. Тутъ нашелъ я многихъ знакомыхъ и товарищей, которые тотчасъ же повели меня посмотрѣть Севастополь. Нельзя себѣ представлять картины болѣе торжественной и ужасающей, какъ былъ видъ осажденнаго города съ Инкерманской высоты, въ особенности во время ночи. Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, трескотня ружейной перестрѣлки, крики ура, свѣтящійся полетъ бомбъ и гранатъ, перекрещивающихъ воздухъ въ разныхъ направленіяхъ, и какой-то неопредѣленный, сливающійся въ одно цѣлое шумъ борьбы, движенія, криковъ, приказаній, полный таинственности и ужаса. Адъ! вырывалось невольно восклицаніе, — потому, что то, что̀ было передъ глазами, никогда еще не представлялось человѣческому взору и не имѣло земного названія. Иногда все утихало, и эта таинственная тишина казалась еще ужаснѣе и торжественнѣе... Не могу придумать словъ для выраженія моихъ ощущеній. Это былъ страшный кошмаръ, преслѣдовавшій меня всю ночь...

...„Насколько видъ Крыма, Симферополя, главной квартиры и издали самого Севастополя дѣлалъ мрачное, какое-то безотрадное впечатлѣніе,—настолько впечатлѣніе, производимое видомъ южной стороны Севастополя, было отрадное и успокоивающее. Тутъ вездѣ кипѣла покойная, разумная дѣятельность, безъ суеты и малѣйшаго страха. Команды слѣдо-

вали въ порядкѣ по разнымъ направленіямъ,—офицеры проѣзжали и проходили свободно по улицамъ, какъ въ мирное время, на бульварѣ были даже дамы съ зонтиками въ рукахъ противъ загара отъ солнечныхъ лучей. Между тѣмъ, тутъ же падали и разрывались бомбы, гранаты, ракеты... Но все это представлялись явленіями совершенно обыкновенными... И всѣ вновь прибывшіе невольно, естественно подчинялись такому настроенію... Удивительный духъ, чудный народъ, и сколько для этого нужно вѣры, смиренія и душевнаго спокойствія" [72])!..

„Ежедневныя потери неодолимаго Севастопольскаго гарнизона",—писалъ по этому поводу государь къ князю Горчакову,—„все болѣе ослабляющія численность войскъ нашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводятъ меня еще болѣе къ убѣжденію въ необходимости предпринять что-либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона".

Дабы облегчить отвѣтственность князя Горчакова, государь предлагалъ ему созвать военный совѣтъ: „Пусть жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ сторонъ обсужденъ и тогда, призвавъ на помощь Бога, приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ".

Большинство военнаго совѣта высказалось за наступленіе со стороны рѣки Черной, и князь Горчаковъ рѣшился атаковать союзниковъ въ ихъ укрѣпленіяхъ безъ всякой, однако, надежды на успѣхъ, какъ видно изъ письма его, къ военному министру, писаннаго наканунѣ сраженія, 3-го августа 1855 г.: „Я иду противъ непріятеля потому, что еслибы я этого не сдѣлалъ, Севастополь все равно палъ бы въ скоромъ времени. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осторожно; онъ собралъ невѣроятное множество снарядовъ на своихъ батареяхъ; его подступы насъ стѣсняютъ все болѣе и болѣе, и нѣтъ почти ни одного пункта въ Севастополѣ, который не подвергался бы его выстрѣламъ. Пули свищутъ на

Николаевской площади. Нельзя заблуждаться пустыми надеждами; я иду навстрѣчу непріятелю при самыхъ плохихъ обстоятельствахъ. Его позиція весьма сильна... У меня сорокъ три тысячи человѣкъ пѣхоты, а у непріятеля, если онъ распорядится какъ слѣдуетъ, шестьдесятъ тысячъ... Не оставьте вспомнить о своемъ обѣщаніи — оправдать меня. Если дѣла примутъ дурной оборотъ, я нисколько не виноватъ въ томъ. Я сдѣлалъ всевозможное, но задача была слишкомъ трудна съ самаго прибытія моего въ Крымъ".

4-го августа 1855 года, сраженіе при рѣкѣ Черной было нами проиграно на всѣхъ пунктахъ.

Болѣзненно отозвалось въ душѣ государя скорбное объ этомъ извѣстіе. „Неудачная попытка на Черной", —писалъ онъ къ князю Паскевичу",—доказала, что атаковать намъ союзниковъ съ теперешними силами трудно, если не невозможно. Между тѣмъ, геройскій гарнизонъ Севастополя съ каждымъ днемъ таетъ... Весьма желательно, чтобъ Севастополь могъ удержаться до октября, ибо къ тому времени Горчаковъ получитъ значительное подкрѣпленіе дружинами ополченія. ...Я не скрываю отъ себя всю трудность положенія Севастополя... Будемъ же крѣпиться, молиться и уповать на помощь свыше. Съ нами Богъ, да не постыдимся во-вѣки"!

Князю же Горчакову, государь писалъ: „Да поможетъ намъ Богъ до конца выдержать тяжкое испытаніе, свыше намъ ниспосланное. Вы поймете, что въ душѣ моей происходитъ, когда я думаю о геройскомъ гарнизонѣ Севастополя, о дорогой крови, которая ежеминутно проливается... Сердце мое обливается этою кровью, тѣмъ болѣе, что горькая чаша эта досталась мнѣ по наслѣдству; но я не унываю, а надѣюсь на милость Божію и счастливъ, видя чувства, которыя одушевляютъ васъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества" [73]).

Когда вѣсть о пораженіи при рѣкѣ Черной достигла Москвы, то А. С. Хомяковъ писалъ въ Петербургъ, къ А. Н. Попову, слѣдующее: „Знаете вѣроятно о горячемъ дѣлѣ подъ Севастополемъ. Оно кажется было неудачно; но хорошо то,

что атаковали мы отъ Черной. Значитъ, духъ бодръ. Что-то будетъ, а пора бы Двору нашему пріосаниться; мнѣніе въ Европѣ, кажется, поворачиваетъ въ нашу пользу, а этимъ надобно бы пользоваться, показавъ въ одно время и величайшее миролюбіе и рѣшительное намѣреніе не мириться, покуда хоть одинъ непріятель въ Землѣ Русской" [74]).

XIX.

На другой день послѣ сраженія при рѣкѣ Черной, т.-е. 5 августа 1855 года, Пелисье снова открылъ бомбардированіе Севастополя. „Вчера, т.-е. 10 августа,—пишетъ протоіерей Лебединцевъ, — въ 7 часовъ вечера я служилъ панихиду по адмиралѣ Нахимовѣ, въ присутствіи графа Сакена, адмирала Новосельскаго и др. Ядра и гранаты такъ учащали надъ мѣстомъ покоища адмирала, что просили отступить сколько возможно отъ устава великой панихиды".

18 августа 1855 года, протоіерей Лебединцевъ посѣтилъ графа Д. Е. Остенъ-Сакена, и по поводу этого посѣщенія писалъ: „Засталъ графа слушающимъ всеношную дома. Онъ нездоровъ и пожелалъ говѣть. Думаю, что онъ христіански приготовляется къ рѣшительной минутѣ, которая ожидаетъ насъ".

Самъ протоіерей Лебединцевъ поселился въ минѣ, на Николаевской батареѣ, спасшись чудеснымъ образомъ отъ смерти въ своемъ помѣщеніи, разрушенномъ бомбою въ 12 часовъ ночи. Проснувшись передъ этимъ отъ сильной жажды, онъ вышелъ изъ своей комнаты, въ которой спалъ, для безопасности, на полу, у стѣны, ниже подоконника, но лишь только перешелъ черезъ сѣни въ кухню, бомба влетѣла въ его спальню и, лопнувши здѣсь, разрушила половину церковнаго дома, при чемъ осколкомъ ранила въ ногу спавшаго въ сосѣдней квартирѣ малолѣтняго сына священника Демьяновича. Сожителями протоіерея Лебединцева въ минѣ, были два мич-

мана, изъ коихъ одинъ, нынѣ вице-адмиралъ Вейсъ, былъ недавно Севастопольскимъ городскимъ головой.

Рѣшительная минута наконецъ наступила. 24 августа 1855 года, началось послѣднее бомбардированіе Севастополя, продолжавшееся три дня.

„Севастополь", — повѣствуетъ протоіерей Лебединцевъ, — „кажется болѣе не существуетъ и на бумагѣ. Ибо всѣ управленія, какъ губернское, такъ и комендантское, закрыты, городовыя присутственныя мѣста, а также полиція упразднены. Служащіе люди объявлены свободными отъ своихъ должностей... Съ разсвѣтомъ 24 августа открыта непріятелями новая бомбардировка. Объ ужасахъ той не стану говорить. Чѣмъ долѣе непріятели къ этому варварству приготовляются, тѣмъ становятся превосходнѣе въ этомъ дѣлѣ" [75]).

Наконецъ, 27 августа 1855 г., въ 10 часовъ пополудни, князь М. Д. Горчаковъ отправилъ къ государю слѣдующую телеграмму: „Войска вашего императорскаго величества защищали Севастополь до крайности, но болѣе держаться въ немъ, за адскимъ огнемъ, коему городъ подверженъ, было невозможно. Войска переходятъ на Сѣверную сторону, отбивъ окончательно, 27-го августа, шесть приступовъ, изъ числа семи, поведенныхъ непріятелемъ на Западную и Корабельную стороны; только изъ одного Корнилова бастіона не было возможности его выбить. Враги найдутъ въ Севастополѣ однѣ окровавленныя развалины" [76]).

„Мнѣ кажется, — писалъ протоіерей Лебединцевъ, — что удобнѣе оплакивать, чѣмъ описывать это тяжкое печальное событіе. Омытый кровію, прославленный мужествомъ, обратившій на себя взоръ всего свѣта, затмившій славою всѣ города, какіе когда-либо были осаждаемы, онъ — этотъ знаменитый и вмѣстѣ злополучный городъ, наконецъ, оставленъ нами. Мы не могли ожидать сего; едва ли могли ожидать сами непріятели, того желавшіе".

Въ другомъ письмѣ своемъ, къ Иннокентію, протоіерей Лебединцевъ писалъ: „Много было дней печальныхъ для Се-

вастополя въ послѣднемъ годѣ, но не было дня болѣе печальнаго какъ тотъ, въ который погребенъ Севастополь подъ развалинами своими. Военнаго покойника напутствуютъ въ могилу залпами пушекъ и ружей. Севастополь напутствовалъ себя въ свою могилу собственными залпами, которыхъ громче и страшнѣе отъ вѣка никто не слышалъ. Здѣсь былъ и свой дымъ кадильный, котораго не представить ни одному живописцу, если онъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ страшныхъ облаковъ, кои новымъ, какимъ-то грознымъ небомъ висѣли надъ Севастополемъ. Здѣсь были и свои слезы—это волны моря, которое само содрогалось при взрывѣ береговыхъ укрѣпленій и обливало родные берега волнами, бывшими слѣдствіемъ страшнаго сотрясенія. Если упоминать и о зрителяхъ его послѣдняго исхода, то и въ числѣ многочисленныхъ враговъ, здѣсь бывшихъ, можетъ быть, многіе возвращались отъ страшнаго зрѣлища, *біюще въ перси своя*. Прости Севастополь"!

Наканунѣ паденія Севастополя, 26 августа 1855 года. Шафарикъ писалъ Погодину: „Что провидѣніе и мудрость нашего монарха (т.-е. императора Австрійскаго) оберегли насъ отъ войны," мы благодаримъ Бога и нашего монарха. Что касается до Россіи, то всѣ безпристрастные умѣренные консерваторы желаютъ, чтобы ея сила и терпѣніе показали себя и въ этой грустной и плачевной войнѣ, и не сомнѣваются въ ея конечной побѣдѣ, хотя и сожалѣютъ о настоящихъ бѣдствіяхъ, неизбѣжныхъ съ войной" [77]).

Въ запискахъ своихъ Лореръ сказалъ: „Генералъ-губернаторомъ былъ князь Горчаковъ, братъ того, которому *выпалъ несчастливый жребій сдать Севастополь*". Эти строки дали поводъ князю В. И. Васильчикову заявить слѣдующее: „Сколько мнѣ извѣстно, Севастополя никто, никогда, никому не сдавалъ. . . . Князь Горчаковъ, усмотрѣвъ, что дальнѣйшая оборона Севастополя безполезна и была бы неблагоразумна, вывелъ изъ него войска и отступилъ на Сѣверную сторону бухты. Развѣ это сдача? Мнѣ кажется, что князь Горчаковъ не принадлежалъ къ тому разряду людей, которые могутъ

съ покойнымъ духомъ пережить такое постыдное событіе... Нѣтъ! князю Горчакову не выпадало такого несчастливаго жребія; но за нимъ остается та великая передъ Россіею заслуга, что онъ предусмотрѣлъ неизбѣжную развязку и благовременно принялъ мѣры къ тому, чтобы спасти войска свои отъ необходимости положить оружіе, не цѣлою конечно арміею, но хотя бы отдѣльными частями и командами. . . . Для этого онъ соорудилъ мостъ черезъ бухту, помощію котораго ему удалось сохранить армію и спасти Русскія знамена отъ незаслуженнаго позора, чтобы случилось въ день паденія Малахова Кургана, если бы въ тылу арміи не оказалось сообщенія съ Сѣверной стороны? Мостъ сохранилъ насъ отъ такого безъисходнаго горя . . . Сооруженіе этого моста составляетъ доблестный актъ распорядительности главнокомандующаго, и если дѣло это не было оцѣнено по справедливости современниками, то оно тѣмъ не менѣе дѣлаетъ величайшую честь, какъ главному распорядителю, такъ и исполнителю его, генералу Бухмейеру, заслуги котораго остались невознагражденными и даже незамѣченными. Прекративъ оборону, причинявшую слишкомъ большія потери, князь Горчаковъ отступилъ отъ Севастополя и занялъ съ арміею своею угрожающее противъ непріятелей положеніе, которое заставило ихъ отказаться отъ дальнѣйшаго наступленія и согласиться на мирные переговоры.

„Я знаю, что многочисленные недоброжелатели князя Горчакова упрекаютъ его въ нерѣшительности и нераспорядительности. Настоящій фактъ доказываетъ противное. Между тѣмъ, эти обвиненія, разносимыя стоустною молвою, немало помрачали подобающую ему славу... Не подлежитъ сомнѣнію, что тревожная заботливость объ арміи, свойственная его характеру, причиняла князю немало излишнихъ трудовъ и заботъ; но мнѣ тоже извѣстно, что онъ былъ готовъ отказаться отъ вмѣшательства въ подробности дѣла, всякій разъ, когда ему попадался человѣкъ, заслужившій его довѣріе и готовый откровенно раздѣлить съ нимъ эти труды, эту отвѣт-

ственность. Тогда его натура возвышалась, и чѣмъ болѣе была опасность, тѣмъ онъ становился хладнокровнѣе и спокойнѣе. Совершивъ трудное и доблестное дѣло, онъ не забылъ своихъ подчиненныхъ и осыпалъ ихъ наградами за такой подвигъ, за почипъ и исполненіе котораго вся слава принадлежитъ исключительно ему одному, лично".

Въ заключеніе князь В. И. Васильчиковъ выражаетъ надежду, что „безпристрастное потомство отдастъ должную справедливость маститому воину. Русскій народъ не заклеймитъ себя грубою неблагодарностью къ такимъ дѣятелямъ, каковымъ былъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, весь вѣкъ свой посвятившій на честную и безкорыстную службу родинѣ и исполнявшій долгъ свой съ самоотверженіемъ, достойнымъ великихъ мужей древности" [78]).

XX.

Императоръ Александръ II перенесъ это новое испытаніе съ христіанскою покорностію волѣ Божіей, съ мужественною твердостію государя, исполненнаго вѣры въ Россію.

30 августа 1855 года, въ день своихъ именинъ, онъ воздалъ должное защитникамъ Черноморской твердыни въ слѣдующемъ высочайшемъ приказѣ по Россійскимъ арміямъ: „Долговременная оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной земли... Четырекратно-возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именованъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ... Но есть невозможное и для героевъ. 27-го сего мѣсяца, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, рѣшился перейти на Сѣверную сторону города, оставивъ оса-

ждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины. Скорбя душою о потерѣ столь многихъ и доблестныхъ воиновъ и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбѣ Всевышняго, я признаю святою для себя обязанностію изъявить отъ имени моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому за кровь, пролитую имъ... Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей... А имя Севастополя и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ Русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ".

Князю же Горчакову государь писалъ: „Не унывайте, а вспомните 1812-й годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ—не Россія. Два года послѣ пожара Московскаго, побѣдныя войска наши были въ Парижѣ. Мы тѣ же Русскіе и съ нами Богъ" [79])!

Вѣсть о паденіи Севастополя произвела въ Россіи удручающее впечатлѣніе.

„А моя душа прискорбна есть",—писалъ святитель Московскій своему лаврскому намѣстнику, 31 августа 1855 г.;— „праздники наши Господь обращаетъ въ плачъ. Вчера священнослуженіе совершалъ я съ миромъ, не зная вѣсти уже распространившейся. Но вошелъ къ генералъ-губернатору, къ обѣду, встрѣчаю слова: *Какая печальная вѣсть*! Спрашиваю, что это значитъ, и узнаю о паденіи Севастополя... Сильно поразила меня сія вѣсть, съ возникающими отъ нея мыслями о послѣдствіяхъ. Господь да умилосердится надъ нами грѣшными".

На другой день, т.-е. 1 сентября, митрополитъ писалъ: „Мысль о Севастополѣ наводитъ сумракъ. Господь да даруетъ, еже къ миру и утѣшенію" [80]).

Чувства свои Погодинъ выразилъ лаконически въ слѣдующихъ записяхъ *Дневника* своего 1855 года:

ственность. Тогда его натура усмирялась, и чѣмъ болѣе была опасность, тѣмъ онъ становился хладнокровнѣе и спокойнѣе. Совершивъ трудное и доблестное дѣло, онъ не забылъ своихъ подчиненныхъ и осыпалъ ихъ наградами за такой подвигъ, за починъ и исполненіе котораго вся слава принадлежитъ исключительно ему одному, лично".

Въ заключеніе князь В. И. Васильчиковъ выражаетъ надежду, что „безпристрастное потомство отдастъ должную справедливость маститому воину. Русскій народъ не заклеймитъ себя грубою неблагодарностью къ такимъ дѣятелямъ, каковымъ былъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, весь вѣкъ свой посвятившій на честную и безкорыстную службу родинѣ и исполнявшій долгъ свой съ самоотверженіемъ, достойнымъ великихъ мужей древности" [78]).

XX.

Императоръ Александръ II перенесъ это новое испытаніе съ христіанскою покорностію воли Божіей, съ мужественною твердостію государя, исполненнаго вѣры въ Россію.

30 августа 1855 года, въ день своихъ именинъ, онъ воздалъ должное защитникамъ Черноморской твердыни въ слѣдующемъ высочайшемъ приказѣ по Россійскимъ арміямъ: „Долговременная оборона Севастополя обратила на себя вниманіе не только Россіи, но и всей Европы. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ гарнизонъ Севастопольскій оспаривалъ у сильныхъ непріятелей каждый шагъ родной земли... Четырекратно-возобновляемое жестокое бомбардированіе, коего огонь былъ справедливо именованъ адскимъ, колебало стѣны нашихъ твердынь, но не могло потрясти и умалить постояннаго усердія защитниковъ ихъ... Но есть невозможное и для героевъ. 27-го сего мѣсяца, непріятель успѣлъ овладѣть важнымъ Корниловскимъ бастіономъ, и главнокомандующій Крымскою арміею, щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь, рѣшился перейти на Сѣверную сторону города, оставилъ оса-

ждающему непріятелю однѣ окровавленныя развалины. Скорбя душою о потерѣ столь многихъ и доблестныхъ воиновъ и съ благоговѣніемъ покоряясь судьбѣ Всевышняго, я признаю святою для себя обязанностію изъявить отъ имени моего и всей Россіи, живѣйшую признательность храброму гарнизону Севастопольскому за кровь, пролитую имъ... Нынѣ, войдя снова въ ряды арміи, сіи испытанные герои, служа предметомъ общаго уваженія своихъ товарищей, явятъ, безъ сомнѣнія, новые примѣры тѣхъ же воинскихъ доблестей... А имя Севастополя и имена защитниковъ его пребудутъ вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ Русскихъ, совокупно съ именами героевъ, прославившихся на поляхъ Полтавскихъ и Бородинскихъ".

Князю же Горчакову государь писалъ: „Не унывайте, а вспомните 1812-й годъ и уповайте на Бога. Севастополь не Москва, а Крымъ—не Россія. Два года послѣ пожара Московскаго, побѣдныя войска наши были въ Парижѣ. Мы тѣ же Русскіе и съ нами Богъ" [79])!

Вѣсть о паденіи Севастополя произвела въ Россіи удручающее впечатлѣніе.

„А моя душа прискорбна есть",—писалъ святитель Московскій своему лаврскому намѣстнику, 31 августа 1855 г.;—„праздники наши Господь обращаетъ въ плачъ. Вчера священнослуженіе совершалъ я съ миромъ, не зная вѣсти уже распространившейся. Но вошелъ къ генералъ-губернатору, къ обѣду, встрѣчаю слова: *Какая печальная вѣсть*! Спрашиваю, что это значитъ, и узнаю о паденіи Севастополя... Сильно поразила меня сія вѣсть, съ возникающими отъ нея мыслями о послѣдствіяхъ. Господь да умилосердится надъ нами грѣшными".

На другой день, т.-е. 1 сентября, митрополитъ писалъ: „Мысль о Севастополѣ наводитъ сумракъ. Господь да даруетъ, еже къ миру и утѣшенію" [80]).

Чувства свои Погодинъ выразилъ лаконически въ слѣдующихъ записяхъ *Дневника* своего 1855 года:

Подъ *30 августа*: „Вдругъ, за обѣдомъ вскрикиваютъ извѣстіе, что Севастополь взятъ. Послалъ за газетой. Правда! Такъ и ударило по лбу. Вечеръ и ночь въ страшномъ безпокойствѣ.

— *31* — „Извѣстіе отъ Муханова нѣсколько ободрительнѣе. Гарнизонъ спасенъ. Орудія отчасти. Ѣздилъ обѣдать въ клубъ. Толковалъ съ разными лицами. Ахлестышевъ съ почтеніемъ. Уныніе, но въ карты все-таки играютъ и по-Французски говорятъ".

О. М. Бодянскій весьма живо передаетъ въ своемъ *Дневникѣ* 1855 года (подъ 30 августа) впечатлѣніе, которое произвело въ Москвѣ извѣстіе о паденіи Севастополя. Въ этомъ *Дневникѣ* мы читаемъ: „Андрей мой, пришедши отъ портного, къ которому былъ посланъ, сказалъ, что, молъ, „Севастополь взятъ".—„Какъ?"—„Да такъ-съ", говоритъ, „ужъ и читаютъ: взятъ-молъ, съ бою Французами. Народъ сотнями толпится въ трактирахъ, въ городѣ охаютъ и крестятся отъ ужаса". Провѣрить его нечѣмъ было, но и не вѣрить нельзя. На другой день весь городъ узналъ о томъ изъ особыхъ прибавленій къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* и изъ *Полицейскихъ*. Разсказываютъ одни, что первую вѣсть объ этомъ привезъ какой-то князь Оболенскій, который, прибывши изъ Петербурга по чугункѣ утромъ, успѣлъ де явиться съ представленіемъ къ генералъ-губернатору по случаю тезоименитства государя и распустить вѣсть между собравшимися. По другимъ, будто бы вѣсть эта разнеслась, когда чиновничество находилось въ Чудовѣ монастырѣ, гдѣ графъ Закревскій получилъ депешу по телеграфу, отошедъ къ окну, прочелъ и тотчасъ сообщилъ шепотомъ окружавшимъ его. Ударъ былъ страшный, тѣмъ болѣе, что неожиданъ никѣмъ. Всѣ уже повѣрили и частнымъ, и печатнымъ, своимъ и чужимъ объявленіямъ о недоступности Севастополя. Многіе изъ Москвичей лишились, отъ одной вѣсти о взятіи неодолимаго, своихъ членовъ: напримѣръ, говорятъ объ Ермоловѣ, что у него отнялись на время ноги. Я знаю одного москвича, который со-

звалъ было къ себѣ гостей на обѣдъ, какъ имянинникъ, и когда только подано было первое блюдо, то новый гость изъ почтамта вошелъ къ нему и при всѣхъ разсказалъ о паденіи Севастополя. Гости не могли болѣе продолжать обѣда, встали и черезъ минуту разошлись во-свояси" [81]).

„Вѣсть о паденіи Севастополя", — писалъ Т. Н. Грановскій, — „заставила меня плакать. А какія новыя утраты и позоры готовитъ намъ будущее. Будь я здоровъ, я ушелъ бы въ милицію, безъ желанія побѣды Россіи, но съ желаніемъ умереть за нее. Душа наболѣла за это время. Здѣсь всѣ порядочные люди поникли головами" [82]).

Въ то время, когда совершился разгромъ Севастополя, И. С. Тургеневъ пребывалъ въ своемъ Орловскомъ селѣ Спасскомъ, и оттуда, 5 сентября 1855 г., писалъ С. Т. Аксакову: „Хотѣлось бы написать вамъ о моихъ весьма неудачныхъ охотничьихъ похожденіяхъ, но извѣстіе о Севастополѣ, полученное здѣсь вчера, лишило меня всякой бодрости. Хотя бы мы умѣли воспользоваться этимъ страшнымъ урокомъ, какъ Пруссаки Іенскимъ пораженіемъ" [83])!...

„Сегодня поутру", — писалъ С. Т. Аксаковъ къ своему сыну Ивану, — „получили мы горестное извѣстіе о взятіи или объ отдачѣ Севастополя! Нельзя сказать, чтобъ я не ожидалъ этого, особенно послѣ несчастнаго нападенія на Ѳедюхины горы, гдѣ 12 т. Французовъ отбили и разбили 40 т. Русскихъ. Кромѣ всего другого, паденіе Севастополя рѣшило для меня вопросъ великой важности. Я давно уже подозрѣвалъ, что Русскія войска не могутъ равняться съ Французскими; теперь я убѣдился въ этомъ окончательно. Если мы, въ числѣ 40 т., не могли взять укрѣпленія, защищаемаго 12-ю тысячами, если мы, при равныхъ, вѣроятно, силахъ, не могли удержать такихъ укрѣпленій, какихъ не видывало военное искусство, то дѣло для меня становится ясно. Я вѣрю, что частныхъ явленій храбрости было много, но общаго духа не было, да и быть не могло. Куда возиться намъ съ народомъ, который весь, какъ одинъ человѣкъ, можетъ прійти въ

восторгъ отъ одного восклицанія: „да здравствуетъ Франція!" который весь проникнутъ чувствомъ военной чести и славы, который знаетъ, за что умираетъ. Вѣра Русскаго человѣка тиха и спокойна; онъ можетъ за нее умирать, а не побѣждать. Это страшная разница. То, чему такъ долго не хотѣлось вѣрить, совершилось. Хоть и предупрежденъ я былъ слухами, но чтеніе депеши Горчакова о Севастополѣ перевернуло меня всего. Воображаю, что за отчаянная, баснословная была битва! Пронесся здѣсь слухъ, что Корниловскій бастіонъ мы вновь отбили. Или мало всѣхъ этихъ жертвъ, чтобы пропять и вразумить Россію! Ужасно. Воображаю, какъ дрались! Приказъ арміямъ представляетъ дѣло гораздо въ худшемъ видѣ, нежели депеши Горчакова: въ немъ говорится о Севастопольскихъ герояхъ, какъ о людяхъ, уже окончившихъ свое дѣло и поступающихъ вновь въ ряды арміи. Этотъ приказъ можно было бы такъ написать, что всѣ полѣзли бы отнимать Севастополь! Грустно. Говорятъ, будто Горчаковъ отозванъ. Какъ я былъ бы радъ этому: ни одного счастливаго дѣла во всю кампанію. Могу себѣ представить, какое дѣйствіе произвела на всѣхъ васъ эта новость! Ахъ, какъ тамъ дрались, я думаю. Картина этой битвы безпрестанно мнѣ рисуется. Не ожидалъ я этого. Прощайте".

Въ другомъ письмѣ С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну: „На душѣ такъ грустно и тяжело, какъ никогда не бывало, особенно потому, что не только не видишь исхода изъ настоящаго положенія, но предчувствуешь, напротивъ, что это только начало общихъ бѣдствій. Впечатлѣніе, произведенное отдачею Севастополя, со всѣми пушками и безчисленнымъ множествомъ снарядовъ — не слабѣетъ, а напротивъ, разростается часъ отъ часу болѣе. Съ Севастополемъ былъ связанъ великій вопросъ: его не сюрпризомъ взяли у насъ, а послѣ годовой осады мы сами сдали его, торжественно признавшись предъ цѣлой Европой, что вся Россія не могла противиться какой-нибудь стотысячной Французской арміи. Остальныхъ я ни за что не считаю. Никакихъ положитель-

ныхъ извѣстій нѣтъ. Горчаковъ, за грѣхи Россіи, остается главнокомандующимъ; вѣроятно, онъ отступитъ до Перекопа, если не будетъ отрѣзанъ. Зимовать намъ негдѣ, а у непріятеля все приготовлено для зимовки. Но это бы все ничего: мое отчаяніе происходитъ отъ другихъ причинъ, о которыхъ говорить здѣсь неумѣстно. Я покуда не умѣю владѣть съ собой и по временамъ предаюсь такому волненію, которое мнѣ вредно. Впрочемъ, я работаю изъ всѣхъ силъ надъ собою".

„Какъ неумолима правосудна судьба",—писалъ И. С. Аксаковъ, въ отвѣтъ своему отцу;—„какъ жестока въ своей логикѣ! Признаюсь—я не очень негодую на Горчакова; Севастополь палъ не случайно, не по его милости; я жалѣю, что не было тутъ искуснѣйшаго генерала, чтобы отнять всякій поводъ къ искаженію истины; онъ долженъ былъ пасть, чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т.-е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа. Видно—еще мало жертвъ, мало позора, еще слабы уроки; нигдѣ сквозь окружающую насъ мглу не пробивается луча новой мысли, новаго начала" [84]).

М. А. Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, 12 октября 1855 года, писалъ Погодину: „Послѣ взятія Севастополя, гдѣ и новозаложенный храмъ во имя Равноапостольнаго—достался въ руки враговъ, мнѣ уже не хочется и посылать за газетами... Отступленіе отъ Силистріи и сдача Севастополя—это такіе два акта въ современной жизни Руси, послѣ которыхъ мнѣ такъ больно на душѣ, такъ досадно и грустно, что и сказать не могу . . . Жалко мнѣ объ одномъ, что не въ Москвѣ, не съ вами я, въ настоящее время".

Не унывалъ только В. И. Даль и 19 октября 1855 года, изъ Нижняго, писалъ Погодину: „Вы спрашиваете, каково у насъ въ Нижнемъ, что̀ говоритъ народъ, не падаемъ ли мы духомъ. Сохрани насъ Господи отъ этого, Господь, который попускаетъ все что дѣлается надъ нами и надъ другими, который сверхъ силъ ни на кого тяготы не налагаетъ. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ. Рано ли, поздно ли, золото всплы-

ветъ изъ этой грязи и возьметъ свое. Народъ нашъ всегда и всюду одинаковъ; у него нѣтъ ни понятій, ни чувствъ другихъ, кромѣ довольно яснаго уразумѣнія необходимости, покориться всѣмъ тягостямъ оборонительной войны. Если бы мы вели войну заграничную, то сужденія могли бы еще быть различны; но доколѣ мы сами только отбиваемся отъ наступника, ни въ народѣ, ни въ другихъ сословіяхъ, словомъ, ни въ одной Русской головѣ не можетъ угнѣздиться иной помыселъ, какъ вставать поголовно вкругъ непріятеля, по мѣрѣ того, какъ онъ надвигается впередъ. Чѣмъ онъ далѣе зайдетъ, тѣмъ ему тяжелѣе, а намъ легче. Удобство морского сообщенія, обширность нашихъ береговъ, сила, огромныя средства, умѣнье—все это на его сторонѣ; но намъ стоитъ только не покоряться, и покорить насъ нельзя. Онъ можетъ занять стотысячною арміею любую береговую мѣстность, сдѣлавъ внезапную вылазку—но онъ можетъ держаться на ней только доколѣ будетъ стоять въ такихъ силахъ и не углубится въ материкъ. Какъ бы ни была тѣсна дружба союза—средства на войну такого рода должны истощиться. Устойчивость наша должна взять верхъ. Чѣмъ болѣе непріятель захватитъ, тѣмъ труднѣе ему оградить и удержать занятое, тѣмъ легче будетъ намъ обходить его и поражать по частямъ; а когда настанетъ срокъ неминуемаго перелома, то бѣдствіе наступателя неизбѣжно, а пораженіе его не уступитъ бывшему за нашу память примѣру.

„Какія испытанія суждено намъ перенести до этого вожделѣннаго перелома — это вѣдомо Тому, Кто далъ человѣку волю на все дурное, а Самъ ведетъ его къ добру. Нельзя роптать, нельзя даже увлекаться нетерпѣніемъ, надо каждому дѣлать свое дѣло, предоставивъ промыслу Божію свое. Пора придетъ, не спросясь насъ, какъ и солнышко восходитъ, не спрашиваясь,—и возьмемъ свое. Мы твердо вѣримъ, что пора эта не за горами и что отчизна наша должна вытти изъ борьбы со славою и честію; *наука*, въ томъ значеніи, какъ

понимаетъ слово это народъ, великое дѣло, и она, конечно, послужитъ намъ не къ худу, а къ добру“ [85]).

XXI.

За три дня до паденія Севастополя, по Москвѣ разнесся слухъ о намѣреніи государя прибыть въ первопрестольный градъ. Подъ 24 августа 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ въ клубѣ и игралъ въ карты. Слухъ о долговременномъ пребываніи царя въ Москвѣ. Думалъ, какъ себя держать въ отношеніи къ нимъ. Я долженъ показать имъ получаемыя оскорбленія“.

Тѣмъ не менѣе, этотъ слухъ возбудилъ въ Погодинѣ сомнѣнія, „писать ли о прибытіи государя“, или не писать. „Нѣтъ“, записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 26 августа, „не буду безъ вызова, а мысли зарождаются“.

Въ то же время Погодинъ занялся собираніемъ свѣдѣній о Москвѣ, и на всякій случай написалъ „краткую записку о предметахъ для обозрѣнія Москвы“ [86]).

Между тѣмъ, графиня А. Д. Блудова, 21 августа 1855 года, писала изъ Петербурга къ Погодину слѣдующее: „Я увѣрена, что вы будете очень довольны проѣздомъ государя въ Москву, для поклоненія Святынямъ Московскимъ и поѣздки въ Троицкую Лавру. Она сама по себѣ хороша и полезна, да сверхъ того хороша тѣмъ, что выпутались на сей разъ изъ нелѣпыхъ придворныхъ преданій, которыми хотѣли связать государя. Дѣла наши въ Крыму идутъ *не* хорошо, и многіе хотѣли отсовѣтовать поѣздку въ Москву *на время* въ опасеніи, что если придетъ роковое извѣстіе изъ Крыма въ самое первое пребываніе государя въ Москвѣ, то это сдѣлаетъ дурное впечатлѣніе и охладитъ къ нему народъ. Мнѣ кажется, что опасеніе опять происходитъ отъ иностраннаго склада мыслей—и что *нашъ* народъ, напротивъ, сближается съ царемъ и какъ-то нѣжвѣе ему преданъ именно въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ! — Надѣюсь, что такого дурного

извѣстія *не* будетъ, но вообще положеніе *не веселое*, надѣюсь что Москва покажетъ новую какъ всегда или даже *большую* любовь къ царю! Еще хорошая мысль—30-го августа, въ день имянинъ государя, *выходъ* придворный будетъ *не* въ дворцовой домашней церкви, а въ соборѣ Александро-Невской лавры; стало быть, *народъ* увидитъ, что государь и его семейство молятся по православному. Государь за крестнымъ ходомъ поѣдетъ верхомъ, а государыня въ парадной золотой каретѣ и весь дворъ будетъ ожидать въ соборѣ.

„Прочитавъ извѣстное вамъ письмо князя Горчакова изъ Вѣны, государь сказалъ:—„*Это все однѣ фразы.—Но неужели кто-нибудь въ Россіи могъ думать, что Вѣнскія конференціи серіозны, а не комедія только, чтобъ выиграть время.* И государь и государыня ужасно грустны отъ послѣднихъ извѣстій изъ Севастополя—у насъ тысяча человѣкъ въ день выбываетъ изъ строю!—Намедни государыня (Марія Александровна) залилась слезами, отвѣчая на вопросъ объ этомъ... Пріѣзжаго Герова я видѣла одинъ разъ; теперешнія обстоятельства таковы, и пріѣзжіе сюда Славяне такъ болтаютъ послѣ и разсказываютъ разныя вещи, что, признаться, я стала очень осторожна съ ними, пока продолжается теперешнее положеніе наше. Мы отъ нихъ совершенно отрѣзаны и я совсѣмъ не знаю, какія мысли и намѣренія нашего *Кабинета*, какъ говорится, на ихъ счетъ. Это крѣпко мѣшаетъ мнѣ въ сношеніяхъ съ ними“ [87]).

Письмо это было доставлено Погодину княгинею В. Ѳ. Вяземскою.

Озабоченный предстоявшимъ пріѣздомъ государя въ Москву, митрополитъ Филаретъ, еще 24 августа 1855 года, писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Отъ двухъ или трехъ благородныхъ посѣтителей Лавры извѣстно, что они соблазнились картиною страшнаго суда въ Троицкомъ Соборѣ, гдѣ въ адѣ написаны люди въ мундирахъ съ эполетами, а журналистъ съ торчащею изъ кармана тетрадью. Если что подобное допущено, постарайтесь на сихъ дняхъ поправить“ [88]).

Между тѣмъ, 1 сентября 1855 года, государь, въ сопровожденіи двухъ императрицъ и августѣйшихъ дѣтей своихъ, въѣхалъ въ Москву. Въ день своего пріѣзда, государь въ сопровожденіи высочайшей фамиліи вступилъ въ Успенскій соборъ, и при священныхъ вратахъ его онъ былъ привѣтствованъ митрополитомъ Филаретомъ слѣдующею рѣчью: „Благочестивѣйшій государь! Твой древлепрестольный градъ, которому особенною судьбою даровано было съ радостью предчувствія принять тебя вступившаго въ жизнь, принести первое благодареніе Жизнодавцу, даровавшему тебя Россіи, первую молитву о твоемъ преуспѣяніи, надобно ли изъяснять, съ какими чувствованіями видитъ тебя, какъ исполненіе своихъ моленій, предчувствій, надеждъ, какъ начало новыхъ высшихъ надеждъ Отечества". Въ заключеніе слова владыка сказалъ: „Мы приносимъ Господу еще желаніе узрѣть тебя вскорѣ съ знаменіемъ священнаго помазанія въ твоемъ родительскомъ и прародительскомъ вѣнцѣ среди благословеній Неба и Россіи" [89]).

Наканунѣ пріѣзда государя, т.-е. 1 сентября 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Набросалъ рѣчь государю въ воображеніи. Послѣ обѣда ѣздилъ смотрѣть пріѣздъ государя. Не написать ли къ Назимову или Константину Николаевичу и напомнить о необходимости статьи. Спросить тону. Воротился въ часъ Деляновъ. Разговоръ о Петербургѣ и службѣ". Въ самый же день пріѣзда, въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Думалъ о разстроенномъ положеніи и говорилъ рѣчь въ своихъ четырехъ стѣнахъ, которой никто не спрашиваетъ. Грустно и тяжко".

Не смотря на это, 10 сентября 1855 года, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, огласилось восторженное слово Погодина, напечатанное съ разрѣшенія самого государя. „Вотъ онъ".— писалъ Погодинъ,—„вотъ онъ, нашъ добрый, благодушный, милостивый, вотъ онъ, нашъ первенецъ, что родился въ Кремлѣ, подъ звономъ колоколовъ Ивана Великаго, что крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ, предъ мощами Алексія митрополита,— вотъ онъ, смиренный цесаревичъ, что двадцать лѣтъ ужъ слу-

извѣстія *не* будетъ, но вообще положеніе *не веселое*, надѣюсь что Москва покажетъ новую какъ всегда или даже *большую* любовь къ царю! Еще хорошая мысль—30-го августа, въ день имянинъ государя, *выходъ* придворный будетъ *не* въ дворцовой домашней церкви, а въ соборѣ Александро-Невской лавры; стало быть, *народъ* увидитъ, что государь и его семейство молятся по православному. Государь за крестнымъ ходомъ поѣдетъ верхомъ, а государыня въ парадной золотой каретѣ и весь дворъ будетъ ожидать въ соборѣ.

„Прочитавъ извѣстное вамъ письмо князя Горчакова изъ Вѣны, государь сказалъ:—„*Это все однѣ фразы.—Но неужели кто-нибудь въ Россіи могъ думать, что Вѣнскія конференціи серіозны, а не комедія только, чтобъ выиграть время.* И государь и государыня ужасно грустны отъ послѣднихъ извѣстій изъ Севастополя—у насъ тысяча человѣкъ въ день выбываетъ изъ строю!—Намедни государыня (Марія Александровна) залилась слезами, отвѣчая на вопросъ объ этомъ... Пріѣзжаго Герова я видѣла одинъ разъ; теперешнія обстоятельства таковы, и пріѣзжіе сюда Славяне такъ болтаютъ послѣ и разсказываютъ разныя вещи, что, признаться, я стала очень осторожна съ ними, пока продолжается теперешнее положеніе наше. Мы отъ нихъ совершенно отрѣзаны и я совсѣмъ не знаю, какія мысли и намѣренія нашего *Кабинета*, какъ говорится, на ихъ счетъ. Это крѣпко мѣшаетъ мнѣ въ сношеніяхъ съ ними“ [87]).

Письмо это было доставлено Погодину княгинею В. Ѳ. Вяземскою.

Озабоченный предстоявшимъ пріѣздомъ государя въ Москву, митрополитъ Филаретъ, еще 24 августа 1855 года, писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Отъ двухъ или трехъ благородныхъ посѣтителей Лавры извѣстно, что они соблазнились картиною страшнаго суда въ Троицкомъ Соборѣ, гдѣ въ адѣ написаны люди въ мундирахъ съ эполетами, а журналистъ съ торчащею изъ кармана тетрадью. Если что подобное допущено, постарайтесь на сихъ дняхъ поправить“ [88]).

Между тѣмъ, 1 сентября 1855 года, государь, въ сопровожденіи двухъ императрицъ и августѣйшихъ дѣтей своихъ, въѣхалъ въ Москву. Въ день своего пріѣзда, государь въ сопровожденіи высочайшей фамиліи вступилъ въ Успенскій соборъ, и при священныхъ вратахъ его онъ былъ привѣтствованъ митрополитомъ Филаретомъ слѣдующею рѣчью: „Благочестивѣйшій государь! Твой древлепрестольный градъ, которому особенною судьбою даровано было съ радостью предчувствія принять тебя вступившаго въ жизнь, принести первое благодареніе Жизнодавцу, даровавшему тебя Россіи, первую молитву о твоемъ преуспѣяніи, надобно ли изъяснять, съ какими чувствованіями видитъ тебя, какъ исполненіе своихъ моленій, предчувствій, надеждъ, какъ начало новыхъ высшихъ надеждъ Отечества“. Въ заключеніе слова владыка сказалъ: „Мы приносимъ Господу еще желаніе узрѣть тебя вскорѣ съ знаменіемъ священнаго помазанія въ твоемъ родительскомъ и прародительскомъ вѣнцѣ среди благословеній Неба и Россіи“ [89]).

Наканунѣ пріѣзда государя, т.-е. 1 сентября 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Набросалъ рѣчь государю въ воображеніи. Послѣ обѣда ѣздилъ смотрѣть пріѣздъ государя. Не написать ли къ Назимову или Константину Николаевичу и напомнить о необходимости статьи. Спросить тону. Воротился въ часъ Деляновъ. Разговоръ о Петербургѣ и службѣ“. Въ самый же день пріѣзда, въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Думалъ о разстроенномъ положеніи и говорилъ рѣчь въ своихъ четырехъ стѣнахъ, которой никто не спрашиваетъ. Грустно и тяжко“.

Не смотря на это, 10 сентября 1855 года, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, огласилось восторженное слово Погодина, напечатанное съ разрѣшенія самого государя. „Вотъ онъ“.— писалъ Погодинъ,—„вотъ онъ, нашъ добрый, благодушный, милостивый, вотъ онъ, нашъ первенецъ, что родился въ Кремлѣ, подъ звономъ колоколовъ Ивана Великаго, что крещенъ въ Чудовѣ монастырѣ, предъ мощами Алексія митрополита,— вотъ онъ, смиренный цесаревичъ, что двадцать лѣтъ ужъ слу-

жилъ Отечеству, усердно и безукоризненно, такъ что нигдѣ, никогда и ни отъ кого не послышалось ни малѣйшей на него жалобы,—вотъ онъ, нашъ новый царь, что принявъ таинственное знамя, изъ рукъ покойнаго родителя, ободрилъ народъ въ первую минуту своего царствованія любезными намъ именами Петра, Екатерины и Александра!

„Въ 1837 году, предъ первымъ его посѣщеніемъ Москвы, имѣвъ счастіе писать для него историческую записку, я заключилъ ее слѣдующими словами:

„...Когда императорскій флагъ на кремлевскомъ дворцѣ возвѣститъ его прибытіе, когда большой Успенскій колоколъ начнетъ свой торжественный благовѣстъ, и царская площадь покроется тьмочисленнымъ православнымъ народомъ, и единодушное „ура!“ грянетъ громомъ при видѣ вожделѣннаго державнаго первенца Москвы, пусть онъ всмотрится въ эти лица, пусть онъ вслушается въ эти звуки: онъ услышитъ въ нихъ, онъ прочтетъ въ нихъ, яснѣе всѣхъ лѣтописей, нашу Исторію; онъ постигнетъ по нимъ вѣрнѣе всѣхъ статистическихъ выкладокъ тайну Русскаго могущества, онъ узнаетъ въ эту великую минуту откровенія, что̀ такое Москва, что̀ такое Русскій человѣкъ, что̀ такое святая Русь: предъ нимъ разоблачится ея безконечное будущее, его высокое предназначеніе, и юное, чистое, добродѣтельное сердце его насладится такими чувствованіями, какихъ выше, священнѣе нѣтъ для царей на этомъ свѣтѣ“.

„Мы всѣ, Московскіе жители, мы помнимъ живо этотъ незабвенный для насъ день, мы помнимъ, съ какимъ восторгомъ принятъ былъ августѣйшій наслѣдникъ, начинавшій тогда, по достиженіи совершеннолѣтія, свою царственную службу Отечеству.

„Нынѣшній пріемъ ему, уже Русскому царю, былъ еще торжественнѣе и умилительнѣе. Опасныя, грозныя обстоятельства, въ которыхъ находится Россія, огненное испытаніе, которому она безпрестанно подвергается, мысль объ этомъ неудобоносимомъ бремени, которое по неисповѣдимымъ предна-

чертаніямъ Промысла, пришлось ему вдругъ, паче чаянія, понести на своихъ плечахъ, мысль объ этомъ мудреномъ кормилѣ, которымъ онъ долженъ править, какъ будто застигнутый ночью въ яростную бурю, на открытомъ морѣ,—все это вмѣстѣ возвышало участіе, возбуждало особенное расположеніе, влекло съ новою силою сердца, и безъ того давно ему безусловно преданныя.

„Голубчикъ нашъ! Какой онъ задумчивый! Утѣшь его, Господи!" „Помоги ему, обрадуй его!" „Помилуй насъ!"— вотъ восклицанія, которыя слышались на всякомъ шагу, при всякомъ на него взглядѣ! Объяви онъ свою волю въ эту минуту, и весь народъ встанетъ, какъ одинъ человѣкъ, и бросится, закрывъ глаза, куда ему будетъ угодно, готовый на всякіе труды и пожертвованія...

„Жаль, что западные враги наши не имѣютъ здѣсь своихъ свидѣтелей, которые объяснили бы имъ настоящее положеніе Россіи, и подали бы имъ понятіе о силахъ, таящихся въ глубинѣ ея души, ожидающихъ мгновенія, чтобъ явиться наружу! Они, увлеченные доселѣ призраками своего робкаго воображенія или нечистой совѣсти, вѣрно задумались бы продолжать войну, которой отдаленный успѣхъ не значитъ ничего въ сравненіи съ положительными, настоящими и будущими ихъ потерями, и еще болѣе грозящими коловратностями!

„Надо же было случиться, чтобъ государь, занятый все лѣто обороною сѣвернаго края, какъ бы въ успокоеніе тѣни Петровой, могъ навѣстить насъ, могъ повидаться съ своею родною Москвою, именно въ то время, какъ получено, хотя знающими ожиданное, но тѣмъ не менѣе прискорбное извѣстіе объ оставленіи нами южной части Севастополя.

„Многіе опасались, что это прискорбное извѣстіе помѣшаетъ торжественному излiянію вѣрноподданническихъ чувствъ. Опасенія, происходящія отъ незнакомства съ природою Русской! Напротивъ, чѣмъ грознѣе время, чѣмъ труднѣе обстоятельства, чѣмъ сложнѣе опасности, тѣмъ завѣтъ, союзъ царя и народа бываетъ у насъ тѣснѣе, чище, тверже, святѣе,

лишь бы они понимали другъ друга, какъ учитъ наша Исторія.

„Потеря Москвы не есть потеря Отечества, какъ сказалъ нашъ старый Кутузовъ, въ ту злополучную, или, вѣрнѣе, казавшуюся злополучною годину нашествія на Россію двадесяти языкъ, подъ предводительствомъ перваго военнаго генія въ мірѣ.

„Съ паденіемъ Севастополя, не упала Россія, можно бъ съ бо̀льшимъ правомъ сказать теперь, еслибъ даже и упалъ Севастополь, но Севастополь не упалъ, онъ стоитъ, озаренный славою, въ народномъ сознаніи, и поднимаетъ всѣхъ насъ на высоту своего величія. Безъ искупительныхъ жертвъ не происходитъ въ мірѣ ничего великаго. Чѣмъ жертва чище, тѣмъ успѣхъ вѣрнѣе и долговѣчнѣе. А какъ чиста, высока и свята была Севастопольская жертва, мы всѣ, и самые враги наши, были свидѣтелями почти цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ! Цѣлые двѣнадцать мѣсяцевъ мужественные защитники его стояли необоримою живою стѣною предъ вражьими силами, собранными почти со всей Европы, подъ губительнымъ огнемъ безчисленныхъ орудій всѣхъ родовъ, подъ тлетворнымъ дыханіемъ, кажется, самого злого духа, трудясь отъ утра до вечера и отъ вечера до утра, воздвигая ежеминутно новыя преграды, защищая грудью всякій шагъ. Они не отдали бы и теперь южной части, еслибъ главноначальствующій, „щадя драгоцѣнную своихъ сподвижниковъ кровь“, не рѣшился прервать на время жертвоприношеніе, дать отдыхъ великодушному сонму.

„На одной батареѣ, подверженной преимущественно непріятельскимъ выстрѣламъ, и терявшей ежедневно по какому-то значительному количеству людей, начальство хотѣло смѣнить прислугу. Оставьте насъ, отвѣчали герои, *на три дня насъ станетъ*, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ!

„Вотъ какимъ духомъ одушевленъ Севастополь, вотъ какимъ духомъ одушевлена Москва и вся Россія! Враги встрѣтятъ у насъ много Севастополей, и народъ вѣруетъ, что мы выйдемъ непремѣнно съ честію и славою изъ роковой борьбы. Не можетъ быть, чтобъ крестъ уступилъ полумѣсяцу, не мо-

жетъ быть, чтобъ Христосъ поклонился Магомету. Провидѣніе себѣ не противорѣчитъ. Симъ знаменіемъ побѣдиши, сказано древле, а *сіе знаменіе* въ нашихъ рукахъ, а не вражьихъ. На нашей сторонѣ правда: мы защищаемъ Отечество и ищемъ христіанской свободы братьямъ, а они чего хотятъ, чего ищутъ? Такъ можетъ ли быть, чтобъ Богъ унизилъ насъ предъ ними за правое и святое дѣло, нами предпринятое? Вотъ какъ разсуждаетъ народъ, и кто осмѣлится сказать, чтобъ онъ ошибался? Будемъ же терпѣть и надѣяться!

„Временныя страданія наши служатъ только доказательствомъ, что мы не вполнѣ еще достойны своего высокаго назначенія. Маститый пастырь недавно напомнилъ намъ, что опаснѣйшіе враги наши—это грѣхи. Вонмемъ мудрому гласу, покаемся отъ чистаго сердца, произнесемъ искренній обѣтъ исправленія, примемся всѣ усердно за дѣло, сколько его дѣлать кому достанется.

„Севастополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что есть прекраснаго и высокаго въ Русской природѣ, но тамъ же увидѣли мы и многіе существенные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ Европейской искусственности, или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами. Не станемъ стыдиться гласнаго сознанія въ этихъ недостаткахъ, напротивъ, будемъ благодарны за всякое благонамѣренное указаніе; не будемъ обвинять никого, а всѣ, соединенными силами, приложимъ стараніе объ ихъ отстраненіи, и предадимся спокойно въ волю Божію. Что ему угодно, то и будетъ!

„Для исторической полноты — продолжаетъ Погодинъ— скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ пребываніи царскаго семейства въ Москвѣ.

„Государь пріѣхалъ въ пятницу, въ двѣнадцатомъ часу, предъ полночью. Погода была ужасная, дождь лилъ какъ изъ ведра, но все пространство отъ желѣзной дороги до дворца было усыпано народомъ. Никто, казалось, не слыхалъ дождя и не чувствовалъ никакихъ неудобствъ. Лишь только пока-

зался онъ на крыльцѣ, съ государынею, нашею другою Маріею, и прочими членами своего семейства, какъ грянуло *ура*, и вслѣдъ за его коляскою полилось какимъ-то безпрерывнымъ громкимъ потокомъ звуковъ до самого Кремля.

„Экипажи стояли кучами по всѣмъ площадямъ: и старъ, и младъ хотѣли, если не видѣть, то по крайней мѣрѣ слышать и чувствовать прибытіе дорогихъ гостей.

„Коляска остановилась у Иверской часовни, ярко освѣщенной среди окружающаго мрака. Мудрено передать ощущеніе Русскаго человѣка, Московскаго жителя, при видѣ издали царя и царицы, здѣсь колѣнопреклоненныхъ.

„О шествіи въ Успенскій соборъ по Красному крыльцу, въ сопровожденіи многочисленной свиты, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, при восторженныхъ кликахъ народныхъ, сказано выше. Это одна изъ такихъ минутъ, какія бываютъ только въ Москвѣ.

„Изъ Успенскаго собора, по отслушаніи торжественнаго молебна, нашъ маститый пастырь, повелъ царя, съ подъятымъ крестомъ, въ соборы Архангельскій и Благовѣщенскій... Народныя волны двигались по ихъ направленію.

„На третій день царь принималъ во дворцѣ всѣ Московскія сословія, дворянство и купечество, чиновниковъ и мѣщанъ, всѣхъ безъ исключенія гражданъ, кто только хотѣлъ его видѣть,—и выражалъ всѣмъ свое благоволеніе.

„Потомъ послѣдовали осмотры полевыхъ полковъ, дружинъ ополченія, кадетскихъ корпусовъ,—этихъ разсадниковъ, гдѣ приготовляются новые защитники Отечества,—рядъ минутъ усладительныхъ и незабвенныхъ!

„Ученому сословію и учащемуся юношеству онъ выразилъ свое особенное благоволеніе при общемъ пріемѣ, и обѣщался, при первой возможности, посѣтить нашъ столѣтній Университетъ, имѣющій счастіе считать его своимъ членомъ.

„Во вторникъ, 6-го сентября, царь, по святому обычаю предковъ и по внушенію собственнаго благочестиваго сердца, уѣхалъ помолиться къ Троицѣ-Сергію со всѣмъ своимъ се-

мействомъ: съ царицею-матерью, съ царицею-супругою, со всѣми дѣтьми и великими княгинями.

„Воротясь съ богомолья, царь отправился обозрѣвать войска, расположенныя въ южныхъ предѣлахъ. Можно себѣ вообразить, какое дѣйствіе произведетъ онъ въ войскахъ своимъ появленіемъ. Самъ Богъ внушилъ ему эту благую мысль.

„Великій князь Константинъ Николаевичъ уже уѣхалъ въ Николаевъ, осматривать оборонительныя средства, тамъ приготовленныя.

„Великій князь Николай Николаевичъ за нимъ вскорѣ послѣдовалъ.

„Великій князь Михаилъ Николаевичъ будетъ сопровождать государя въ его путешествіи.

„Наслѣдникъ и меньшіе его братья занимались между тѣмъ обозрѣніемъ Московскихъ достопамятностей. Они учились въ Москвѣ уважать и любить этотъ народъ, которому...

„Нѣтъ, нѣтъ нынѣ народа въ мірѣ выше Русскаго. Мы еще не повредились въ своемъ естествѣ, въ насъ еще живо человѣческое чувство, мы способны еще къ самопожертвованіямъ, мы помнимъ Бога, у насъ есть будущее...

„Государь! Ты даруешь намъ много средствъ учиться, воздѣлывать таланты, въ такомъ обиліи намъ Богомъ ниспосланные, ты даруешь намъ много средствъ усовершенствовать наши способности, чтобъ употребить ихъ на службу тебѣ, Отечеству и человѣчеству. Мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, возбужденій, поощреній, мы ожидаемъ отъ тебя милости, льготы, наряда! Со внутреннимъ устройствомъ, никакіе внѣшніе враги намъ не опасны, никакія несчастія для насъ не страшны!

„Но я измѣнилъ складу и цѣли моей статьи, въ волненіи всѣхъ чувствъ своихъ я увлекся... Пусть простятъ мнѣ мое невольное отступленіе. Не до формъ теперь и формальностей, не до фигуръ и правилъ, не до приличій и условій. Одно у всѣхъ теперь на умѣ, объ одномъ всѣ мы должны думать, къ одному всѣ должны мы стремиться, одного всѣ желать,

объ одномъ всѣ молиться: Отечество, Святая Русь, Боже, царя храни“ [90])!

XXII.

По порученію князя Вас. А. Долгорукова, 23 сентября 1855 г., Богоявленскій писалъ Погодину: „Князь Василій Андреевичъ возложилъ на меня пріятное порученіе увѣдомить васъ объ успѣхѣ вашей прекрасной статьи на встрѣчу императора въ старой и доброй Москвѣ. Этотъ привѣтный кличъ, такъ вѣрно выразившій задушевныя думы и завѣтныя чувства, неизсякающія въ живомъ родникѣ Русскаго сердца,— принятъ въ Петербургѣ со всеобщимъ восторгомъ. Петербургъ завидуетъ, что это слово было произнесено въ Москвѣ, которой вы, милостивый государь, въ эту высокую минуту имѣли честь быть представителемъ, какъ ораторъ. Всѣ ищутъ вашей статьи и жалѣютъ, что она не напечатана въ числѣ шестидесяти милліоновъ. На этотъ разъ всѣ и литераторы, и не-литераторы соединились въ похвалахъ и писателю, и гражданину. Пользуясь случаемъ, я, старый москвичъ, считаю за величайшее удовольствіе свидѣтельствовать вамъ мое глубочайшее почтеніе“.

Въ *Дневникѣ* же своемъ, подъ 20 и 22 сентября 1855 г., Погодинъ записалъ: „Мельгуновъ—съ извѣстіемъ объ успѣхахъ статьи въ образованномъ обществѣ. Кубаревъ—съ извѣстіемъ объ успѣхахъ въ обществѣ нисшемъ. У Давыдова. Вечеромъ къ Аксаковымъ. Восторгъ отъ статьи. Написалъ письмо къ Долгорукому. Думалъ о себѣ. Я, дѣйствительно, какъ юродивый“.

Въ письмѣ же своемъ къ князю Василію Андреевичу Долгорукову, Погодинъ писалъ: „Долгомъ считаю принесть вашему сіятельству искреннюю благодарность за ваше благосклонное вниманіе, которое я увидѣлъ въ порученіи вашемъ. Г. Богоявленскій извѣстилъ меня объ успѣхѣ моей статьи. Во исполненіе вашего приглашенія, сдѣланнаго мнѣ въ Москвѣ.

имѣю честь сообщить вамъ одну мысль, которую въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно, кажется, употребить въ дѣло. Зная недостатокъ вашего времени, постараюсь говорить какъ можно короче. Люди на военную службу нужны—солдаты и офицеры, а у насъ есть цѣлое сословіе, которое не знаетъ что дѣлать съ избыткомъ своихъ членовъ — я говорю о сословіи *духовномъ*. Не одинъ полкъ можно составить изъ монастырскихъ здоровыхъ послушниковъ! Очень знаю, что правительство не хотѣло прежде прибѣгать къ этой мѣрѣ, опасаясь ропота, но нынѣ обстоятельства новыя, и если государь посылаетъ подъ ядра трехъ своихъ братьевъ, то у сельскаго дьячка можно безъ зазрѣнія совѣсти спросить на службу лишняго сына, котораго и кормить ему не чѣмъ. Число мѣстъ по Духовному Вѣдомству уменьшилось, а сословіе расплодилось, къ ущербу своего благосостоянія и нравственности. Открыть ему пути для поступленія въ военную службу, сокративъ ея сроки, предоставивъ нѣкоторыя преимущества, обѣщавъ земли для поселенія по ея окончаніи,—и духовенство должно принять такую мѣру за благодѣяніе, а не за притѣсненіе. Но надо повести дѣло *умѣючи*. Не умѣючи, съ грубыми старыми формами, разумѣется, такая мѣра принесетъ вредъ, а не пользу. Почему бы не очистить и арестантскія роты, остроги,—это, разумѣется, тихомолкомъ".

Далѣе Погодинъ продолжаетъ: „Имѣю и другія мысли, чувствую въ себѣ силу, возможность быть полезнымъ, и готовымъ служить. Мнѣ ненужно ничего: что̀ далъ мнѣ Богъ, того не дастъ мнѣ царь. Мои сорокалѣтнія занятія съ ихъ плодомъ, сочиненіемъ *почти готовымъ*, сулятъ мнѣ все, что человѣкъ-гражданинъ желать себѣ можетъ; слѣдовательно, отвлекаясь отъ труда, наполнявшаго всю мою жизнь, я приношу жертву, въ исполненіе своей присяги, какъ русскій преданный Отечеству и царю. Скажи мнѣ царь: не нужно, замолчи, и я замолчу, не только съ ропотомъ, но даже съ благодарностію, чтобъ возвратиться къ своему любезному царственному дѣлу,—Исторіи Русской;—замолчу съ чистой со-

вѣстью и сознаніемъ истиннаго гражданскаго долга... Обратите вниманіе на мои слова. Вспомните прежнія мои политическія записки: еслибъ обращено было на нихъ дѣйствительное вниманіе, то многое было бы теперь иначе. Вотъ что я хочу сообщить еще вашему сіятельству: Непремѣнно надо дѣйствовать на общее мнѣніе, непремѣнно надо дѣйствовать на народъ, хочетъ ли правительство вести войну, какъ при Александрѣ I, или считаетъ необходимымъ миръ. Къ миру или войнѣ, но надо непремѣнно *приготовлять народъ*, чтобъ ничего не случилось для него нечаянно. Приготовлять народъ не могутъ тѣ наемныя перья, на кои указывалъ мнѣ вашъ чиновникъ, предлагавшій мнѣ полицейскіе матеріалы. Долженъ сказать вашему сіятельству еще нѣсколько словъ о дѣйствіи моей извѣстной статьи. Купцы, мѣщане, чиновники, нисшее дворянство отъ нея безъ памяти, читаютъ, перечитываютъ и учатъ наизусть. Цѣль моя возбудить чувство преданности болѣе и болѣе къ особѣ государя; доказать его доступность и готовность къ всякимъ полезнымъ преобразованіямъ, утѣшить въ потерѣ Севастополя, укрѣпить надежду на благое окончаніе войны для Россіи, достигнута вполнѣ. Но въ высшемъ сословіи слышатся упреки и осужденія: не должно относиться такъ просто къ верховной власти, говорятъ они, и недолжно упоминать о нашихъ недостаткахъ. Такіе судьи не понимаютъ времени, не понимаютъ дѣла и обстоятельствъ, и губятъ то, что желаютъ сохранить, губятъ по невѣдѣнію, хоть нѣкоторые и съ добрымъ намѣреніемъ. Есть у меня средство подѣйствовать и на Европейское мнѣніе, хотя здѣсь я найду, можетъ быть, еще больше возраженій. Главная наша бѣда состоитъ въ томъ, что мы никакъ не хотимъ понять простой истины: Востокъ есть Востокъ, а не Западъ; Западъ есть Западъ, а не Востокъ. Мы увлекаемся Западомъ и примѣняемъ его къ себѣ, что Русскому здорово, то Нѣмцу, т.-е, Западу смерть и наоборотъ. Вотъ еслибы поняли эту пословицу, вы государственные люди, то дѣла пошли бы у насъ иначе, къ вашей

чести, къ славѣ Отечества и государя, къ общему удовольствію".

Письмо свое Погодинъ заключаетъ такими словами: „*Простите простоту моей рѣчи.* Вы слушали меня *снисходительно*, и дали мнѣ смѣлость писать къ вамъ также, не трудясь надъ прісканіемъ пріятныхъ фразъ и льстивыхъ оборотовъ. Изъ отвѣта вашего я увижу, должно ли это первое письмо остаться послѣднимъ".

Князь Вас. А. Долгоруковъ уклонился отъ отвѣта на это письмо, и вмѣсто него Богоявленскій писалъ Погодину слѣдующее: „Князь поручилъ мнѣ благодарить васъ за вниманіе и надѣется, что вы извините ему его невольное молчаніе: онъ долженъ *еженедѣльно*, кромѣ докладовъ, каждый день писать письма на Кавказъ, въ Крымъ, Варшаву, Ригу, Ревель и Гельсингфорсъ. Еслибы вы видѣли, какъ онъ проводитъ время отъ ранняго утра до поздней ночи, то не стали бы и спрашивать. Князь просилъ особенно сказать вамъ, *что онъ вспоминаетъ съ величайшимъ удовольствіемъ минуты, проведенныя въ вашемъ обществѣ, и искренно желаетъ повторенія подобнаго пріятнаго случая*".

Въ Погодинскомъ архивѣ сохранился листокъ, писанный неизвѣстною намъ рукою, содержаніе котораго имѣетъ связь съ вышеприведеннымъ письмомъ Погодина къ князю Вас. А. Долгорукову, по вопросу о наборѣ рекрутъ съ духовенства. „Въ городѣ",—читаемъ въ этомъ листкѣ,—„т.-е. начиная съ Газетнаго переулка и вокругъ Кремля, нынѣшній день ходятъ сильные разговоры, что состоялось высочайшее повелѣніе о наборѣ рекрутъ съ лицъ духовнаго званія и главное, что по этому случаю Филаретъ, митрополитъ Московскій, слагаетъ съ себя управленіе митрополіей (конечно, по прошенію) и удаляется въ свой скитъ; на его мѣсто, одни утверждаютъ, назначенъ Исидоръ, экзархъ Грузіи, другіе—Иннокентій, Херсонскій. Нѣкоторые успѣли даже узнать слова, какія сказалъ Филаретъ по полученіи указа Синода о наборѣ: „Его отецъ меня всегда уважалъ, а онъ не хочетъ слышать никакого

представленія... Старъ я, чтобы гнуться и перемѣнять себя, не зная, изъ чего"! Можетъ быть, вамъ не совсѣмъ интересно читать такія вѣсти, но мнѣ кажется, что въ настоящее время все, что говорятъ *вокругъ Кремля*, какъ бы ни было иногда даже нелѣпо, все не безполезно и для будущаго времени записать".

Но не одни купцы и мѣщане восхищались словомъ Погодина, обращеннымъ къ прибывшему въ Москву государю.

Такъ, П. И. Бартеневъ написалъ къ Погодину слѣдующее восторженное письмо: „Если возвышенныя чувства составляютъ истинное благо души нашей, то глубокая благодарность должна быть воздана человѣку, который умѣетъ пробуждать и оживлять ихъ. Краснорѣчивыя страницы нынѣшняго номера *Московскихъ Вѣдомостей* исполнили меня самыхъ сладкихъ ощущеній; онѣ не выходятъ изъ головы и сами собою заучиваются наизусть" [91]).

„Прочелъ статью Погодина",—писалъ И. С. Аксаковъ къ своимъ родителямъ,—„о пребываніи государя въ Москвѣ. Вѣрю его искренности и понимаю, что положеніе государя дѣйствительно внушаетъ сильное участіе; что же касается до послѣднихъ строкъ статьи, то, хотя онѣ и новость въ наше время (послѣ Николая) и кажутся чѣмъ-то смѣлымъ, однакожъ не думаю, чтобы онѣ имѣли большой успѣхъ" [92]).

Изъ Петербурга графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Не могу добиться узнать, когда бываетъ оказія въ Москву и очень досадно на Оболенскаго, что онъ туда съѣздилъ, не сказавши мнѣ. По почтѣ же, какъ хотите, чтобъ я писала къ вамъ о томъ, что̀ говорятъ объ вашей статьѣ! На всякій случай пишу, что̀ о ней слышала, а если узнаю, что кто-нибудь ѣдетъ, перешлю вамъ письма. Два было мнѣнія здѣсь — одни находили, что первая часть: *Вотъ онъ! вотъ онъ!*— слишкомъ диѳерамбическое. Я, признаться, сама не очень люблю этотъ тонъ въ прозѣ. Другіе, къ моему великому удивленію и смущенію, и (это большая часть бюрократіи и такъ называемаго средняго общества) негодовали на васъ и *на*

цензуру за то, что говорите, что намъ нужно многому учиться, и что отъ государя ждемъ еще многаго. Вообразите, что кричали, какъ можно такія вещи писать? Какъ можно сознаться, что не все у насъ совершенство; какъ можно намекать государю, что онъ можетъ и долженъ нѣкоторыя вещи перемѣнить. Каково? Сами отъ утра до ночи все критикуютъ, а скажи слово правды въ самыхъ приличныхъ выраженіихъ, эта ватага кричитъ и негодуетъ, и ея, дескать, оскорбили вѣрноподданническія и патріотическія чувства. Мнѣ больно видѣть, какъ лесть подлѣйшая, лесть булгаринская, проникла до этихъ душенокъ! Въ высшемъ кругу (кромѣ вступленія) очень понравилась статья и обрадовались, что она была пропущена, какъ признакъ переворота въ цензурѣ и благородной искренности. Вотъ на счетъ вашей статьи. Но теперь должна сказать вамъ упрекъ съ своей стороны. Зачѣмъ вы говорили Аннѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой: „Зачѣмъ пріѣхали они въ Москву? Сидѣли бы дома да плакали"! Что же это за капризы, г-нъ Погодинъ? Пишете сюда: „Что же не ѣдетъ царь? Зачѣмъ не показывается"?—Пріѣхалъ, а вы упрекаете, что пріѣхалъ, а на другой день пишете: *Вотъ онъ*!

„Что касается до статьи вашей",—писалъ Погодину Ѳ. И. Тютчевъ,—„то я навѣрное знаю, что она была читана и перечитана съ большимъ участіемъ и признательностію, и я не понимаю, какимъ образомъ, въ послѣднее время, въ бытность двора въ Москвѣ, вы не имѣли случая сами въ этомъ убѣдиться".

На статью Погодина откликнулся съ своей Михайловой Горы и самъ М. А. Максимовичъ. „Отъ всего сердца обнимаю тебя",—писалъ онъ,—„тебя, душа моя, Русская душа—Погодинъ! За твои усладительныя статьи о Нахимовѣ, о Гоголѣ, и, наконецъ, за твою прекрасную статью о пребываніи въ Москвѣ нашего надежи-царя, нашего второго благословеннаго! Когда ты говоришь о восклицаніяхъ Москвичей: *Голубчикъ нашъ*! *Утѣшь его Господи*!.. Эти сердечныя строки вызываютъ слезу даже и теперь, когда пишу объ нихъ уже по воспоминанію... Спасибо тебѣ! Легче становится на душѣ,

при такихъ утолительныхъ статьяхъ, какъ твои, въ наше грустное смутное время".

Изъ Лѣсного, 18 сентября 1855 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Книгу *Ветерана* я вамъ не посылалъ и не посылаю, по той же причинѣ, по которой сапожникъ безъ сапогъ. У меня нѣтъ ни единаго экземпляра. Но ожидаю присылки изъ-за границы и тогда представлю вамъ. Бумагъ вашихъ я не выручалъ, потому что вамъ самимъ извѣстно, какъ трудно выручить что-нибудь изъ женскихъ рукъ, а тѣмъ паче, когда эти руки августѣйшія; но при свиданіи, можетъ быть, вамъ удалось войти опять во владѣніе своею собственностью. Съ большимъ удовольствіемъ читалъ я статью вашу въ газетахъ. Она и здѣсь вообще понравилась. Надѣюсь, что вы видѣлись съ А. С. Норовымъ и успѣли съ нимъ побесѣдовать и потолковать. По возвращеніи его сюда, думаю, если Богъ дастъ, побывать въ Москвѣ, т.-е. въ теченіе октября. Не знаете ли чего о Московскомъ профессорѣ Щепкинѣ, котораго я видѣлъ за границею въ жалкомъ положеніи здоровья, и не знаете ли чего о трудахъ его, которые онъ намѣревался выслать въ Москву? Онъ вселилъ въ меня большое сочувствіе къ себѣ и свойствами своими, и страданіемъ. Можете, безъ сомнѣнія, узнать о немъ отъ отца его и очень обяжете меня, если передадите мнѣ желаемыя свѣдѣнія" [93]).

Какъ и слѣдовало ожидать, А. В. Никитенко отнесся несочувственно къ статьѣ Погодина, и въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 19 сентября 1855 года, записалъ слѣдующее: „Въ публикѣ много говорятъ о статьѣ Погодина, написанной по случаю пріѣзда государя въ Москву. По-моему, тамъ много самохвальства. „Мы первый народъ въ мірѣ, мы лучше всѣхъ" и т. д. Но тутъ есть одно мѣсто замѣчательное, потому что оно выражаетъ общее чувство—это то, гдѣ авторъ говоритъ о „любезныхъ намъ именахъ Петра, Екатерины, Александра",—о Николаѣ ни слова. Говорятъ, государь самъ пропустилъ

эту статью въ печать. Мусинъ-Пушкинъ не велѣлъ ее перепечатывать въ здѣшнихъ газетахъ“ [94]).

Мы уже замѣтили, что статья Погодина произвела сильное впечатлѣніе во всѣхъ сферахъ. „Читалъ ли ты статью Погодина“?—спрашивалъ Т. Н. Грановскій К. Д. Кавелина,—ее пропустилъ самъ царь, но здѣшніе бары, Закревскій, князь С. М. Голицынъ и проч. въ ярости. Погодинъ хочетъ уѣхать изъ Москвы. „Они мнѣ подкинутъ мертвое тѣло въ садъ,—говоритъ онъ,—и отдадутъ подъ судъ за душегубство“. Вообще здѣшнее высшее общество боится, чтобы новый царь не былъ слишкомъ добръ и не распустилъ насъ. Общество притѣснительнѣе правительства“.

Въ другомъ своемъ письмѣ Грановскій писалъ: „У насъ еще продолжаются толки о статьѣ Погодина. Всю эту бурю поднялъ Филаретъ. А Погодинъ не перестаетъ писать свои безконечныя и безполезныя письма. Теперь избралъ темою проектъ соединенія Россіи съ Индіей посредствомъ желѣзной дороги. Это что-то въ родѣ Александра Ивановича Герцена. Изъ двухъ противоположныхъ лагерей, а выходитъ одинъ и тотъ же вздоръ“ [95]).

XXIII.

Умиленіе, слезы, восторженныя клики сонмища народнаго, произвели радостное впечатлѣніе на душу государя. „Посреди сихъ тяжкихъ обстоятельствъ“,—читаемъ въ письмѣ его къ князю Паскевичу,—„сердцу моему было отрадно въ родной Москвѣ встрѣтить завѣтный задушевный пріемъ. . . . Да поможетъ намъ Богъ выдержать до конца испытаніе, свыше намъ посылаемое. Я не унываю, а надѣюсь на милость Божію и на общее сочувствіе нашей Руси къ правому нашему дѣлу“.

Изъ Лавры преподобнаго Сергія государь взялъ образъ преподобнаго, тотъ самый, что сопровождалъ царя Алексѣя Михайловича во всѣхъ его походахъ, былъ съ Петромъ Ве-

ликимъ подъ Полтавой, а въ 1812 году — съ Московскимъ ополченіемъ, и отправилъ его къ князю Горчакову съ тѣмъ, чтобы сія святая икона оставалась при главной квартирѣ Крымской арміи. „Да помогутъ намъ молитвы преподобнаго Сергія", — писалъ государь князю Горчакову, — „такъ какъ благословеніе его даровало намъ побѣду при Димитріѣ Донскомъ".

Принимая и лобызая въ Лаврѣ этотъ образъ, государь, по свидѣтельству ключаря Успенскаго собора Петра Ильича Виноградова, „почти навзрыдъ плакалъ" [96]).

5 сентября 1855 года, Т. Н. Грановскій писалъ А. В. Станкевичу: „Въ Москвѣ теперь вся царская фамилія. Константинъ Николаевичъ ѣдетъ отсюда въ Николаевъ, государь неизвѣстно куда, въ Варшаву или въ Николаевъ. Народъ встрѣчаетъ ихъ съ восторгомъ. На большомъ пріемѣ, происходившемъ въ самый день нашего пріѣзда сюда, государь очень благосклонно говорилъ съ членами Университета и повторилъ Дворянству замѣчаніе, уже сдѣланное предводителю, на счетъ плохихъ офицеровъ ополченія" [97]).

Въ Москвѣ происходили, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, военныя совѣщанія, къ участію въ которыхъ онъ пригласилъ военнаго министра князя В. А. Долгорукова, генералъ-адъютанта барона Ливена и бывшаго адъютанта и личнаго своего друга князя А. И. Борятинскаго. Плодомъ этихъ совѣщаній была составленная государемъ записка о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Вѣрный своему слову, императоръ Александръ II считалъ паденіе Севастополя лишь началомъ новой войны.

Первоначальное намѣреніе государя было: изъ Москвы отправиться въ Варшаву, для соображенія съ княземъ Паскевичемъ мѣръ на случай войны съ Австріей. Событія въ Крыму заставили его перемѣнить это рѣшеніе и, отложивъ поѣздку въ Варшаву, ѣхать въ Николаевъ, чтобы условиться съ Лидерсомъ, а если можно, то и съ княземъ Горчаковымъ, о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ на югѣ. „При томъ считаю сердечною

обязанностью",—писалъ государь князю Паскевичу,—„лично благодарить славныя войска наши за геройскую защиту Севастополя. Они долгъ свой исполнили свято! Не ихъ вина, что труды ихъ не были увѣнчаны полнымъ успѣхомъ".

Увѣдомляя князя Горчакова о поѣздкѣ въ Николаевъ и о намѣреніи оттуда прослѣдовать въ Крымъ, государь назначилъ ему свиданіе въ Симферополѣ, а въ Николаевъ предписалъ явиться начальнику штаба Крымской арміи князю В. И. Васильчикову и генералу Тотлебену. На случай пріѣзда въ Крымъ, государь „строжайшимъ образомъ" запретилъ дѣлать какія-либо приготовленія для смотровъ войскъ, замѣчая: „они и безъ того много претерпѣли и потому не хочу, чтобы пріѣздъ мой былъ имъ въ тягость".

Государю предшествовали великіе князья Константинъ и Николай Николаевичи. Самъ же государь, въ сопровожденіи великаго князя Михаила Николаевича, выѣхалъ изъ Москвы 8 сентября, и 13-го 1855 г. былъ въ Николаевѣ [98]).

Въ день своего отъѣзда изъ Москвы, государь, по свидѣтельству О. М. Бодянскаго, „послѣ, смотра на Красной площади, возвратившись домой, вскорѣ явился въ Успенскій соборъ съ супругой и матерью. Ключарь собора (какъ самъ разсказывалъ мнѣ), оставшійся одинъ послѣ обѣдни, на всякій случай, едва успѣлъ приказать постлать ковры и, облачась въ епитрахиль, явиться у дверей съ крестомъ и святою водою. Поклонившись и приложившись къ иконамъ, государыня-мать спросила, гдѣ гробъ патріарха Филарета, и когда онъ былъ указанъ, она долго молилась у него и близъ лежащихъ митрополитовъ (Фотія и Кипріяна), равно какъ у Ризы Господней, сильно обливаясь слезами, благословляя сына, который тоже крѣпко плакалъ, обнимая ее; Государыня-супруга стояла поодаль съ заплаканными глазами. Выходя уже почти изъ собора, императрица Александра Ѳеодоровна спросила, гдѣ надпись, сдѣланная въ 1812-мъ году на одномъ изъ столбовъ собора, въ которой сказано, сколько пудовъ золота и серебра взято ими въ ономъ; но ключарь не могъ пока-

зать ея, такъ какъ она еще при возобновленіи была замазана по неосмотрительности завѣдывавшаго этимъ дѣломъ“ [99]).

Въ тотъ же день, т.-е. 8 сентября 1855 года, князь П. А. Вяземскій изъ Петербурга писалъ В. П. Титову: „Всѣ здѣсь заняты отъѣздомъ царя изъ Москвы въ Николаевъ, а кто говоритъ и на Сѣверную часть Севастополя. Присутствіе его, безъ сомнѣнія, ободритъ и воодушевитъ войска, которыя, впрочемъ, по словамъ пріѣхавшаго на дняхъ Анатолія Борятинскаго, не лишились бодрости. За войска можно ручаться. Они герои и мученики. Но хорошо будетъ на мѣстѣ и лично пощупать нашихъ генераловъ; о способности ихъ не мнѣ судить. Но нельзя не сознаться, что нѣтъ имъ счастья; а на войнѣ, какъ въ игрѣ, счастье едва ли не выше умѣнья, или науки. Такъ думалъ и Наполеонъ“ [100]).

Погодинъ же взывалъ къ графинѣ А. Д. Блудовой и къ Ѳ. И. Тютчеву: „*Откликнитесь*. Да надобно *случая*“—отвѣчала ему графиня Блудова,—„чтобъ откликнуться на ваши вопросы, а я ни одной окказіи не имѣла. Пишу нынче два слова по почтѣ. Видимъ, что вы въ такомъ волненіи, что вамъ нужна перемѣна мѣста и кругъ знакомства. Пріѣзжайте сюда—холодно, сыро, грустно, скучно здѣсь, но можетъ быть все это будетъ имѣть успокоительное дѣйствіе на васъ.— Новостей, кромѣ самыхъ печальныхъ, нѣтъ. Государя ждутъ сюда къ 20-му октября, но маршрутъ еще неизвѣстенъ. Онъ здоровъ и не унываетъ—съ любовію и *умиленіемъ* пишетъ о морякахъ Севастопольскихъ, которые теперь уже на батареяхъ въ Николаевѣ“.

Находясь въ возбужденномъ состояніи, Погодинъ вздумалъ ѣхать въ Николаевъ и домогаться тамъ аудіенціи у государя; но друзья отклонили Погодина отъ этого несчастнаго предпріятія. „Что касается до вашего намѣренія,—писала ему графиня А. Д. Блудова,—просить аудіенціи у государя, чтобъ сказать ему въ общихъ *выраженіяхъ*, что положеніе опасно, что система дурна, что люди недостаточно умны, недостаточно учены.... Все это знаетъ и государь, и весь свѣтъ.

Нужно знать, *какъ* и *чѣмъ*, и *кѣмъ* пособить горю. И знаете-ли вы сами это во всѣхъ подробностяхъ? И можете ли въ одной аудіенціи все это ясно и дѣльно высказать? Кажется, не можете? А тогда на что по пустому ѣздить въ Николаевъ, гдѣ ужъ и такъ самыя обстоятельства глаза колятъ своей грубой, неотразимой истиной. Лучше пріѣзжайте сюда на нѣсколько недѣль—посердитесь, побранитесь съ нѣкоторыми людьми, посмотрите поближе на машину здѣшнюю и сдѣлаетесь менѣе *нервнымъ*, и тогда если не можете принести пользы въ настоящемъ, утѣшитесь мыслію, что *избранныхъ мало, а этихъ* избранныхъ Провидѣніе знаетъ и въ свое доброе время укажетъ на нихъ".

„Всѣ ваши здѣшнія друзья",—писалъ Погодину, изъ Петербурга, Ѳ. И. Тютчевъ,—„того мнѣнія, что лучше вамъ дождаться возвращенія государева и пріѣхать сюда, въ Петербургъ, чѣмъ ѣхать на авось въ Николаевъ". Въ томъ же письмѣ Тютчевъ писалъ Погодину и слѣдующее: „Теперь, какъ бы ни было грустно и больно, вотъ вамъ мое задушевное роковое убѣжденіе о настоящемъ кризисѣ: дѣло идетъ не о Россіи одной, но о цѣломъ племени. Удержитъ ли оно за собою свою историческую самостоятельность для будущаго развитія или окончательно погубитъ и утратитъ ее. Болѣе тысячи лѣтъ готовилась нынѣшняя борьба двухъ великихъ западныхъ племенъ противу нашего. Но до сихъ поръ все это только были авангардныя дѣла, теперь наступилъ часъ послѣдняго, рѣшительнаго, генеральнаго сраженія . . . Всѣ авангардныя дѣла были нами проиграны, отъ исхода предстоящей битвы зависитъ рѣшеніе вопроса: которой изъ двухъ самостоятельностей должно погибнуть: наша или западная, но одна изъ нихъ должна погибнуть непремѣнно—*быть* или *не быть*, *мы* или *они* . . . Теперь, если мы взглянемъ на себя, т.-е. на Россію, что мы видимъ?.. Сознаніе своего единственнаго историческаго значенія ею утрачено, по крайней мѣрѣ въ такъ называемой образованной, правительственной Россіи. Живетъ ли оно еще въ народѣ, одному Богу извѣстно. Въ

чемъ же это историческое значеніе? А именно въ томъ, что Россіи, какъ единственной представительницѣ самостоятельной всего племени, предназначено было возсоздать эту самостоятельность для всего племени. Этотъ историческій законъ Россіи былъ ея жизненнымъ условіемъ, внѣ коего нѣтъ и для ней самой исторической жизни.—Все это, сознаю, очевидно до пошлости, но вотъ что не пошло: для правительственной Россіи сознаніе этого закона, не смотря на свою очевидность,—болѣе не существуетъ. Она уже не органъ, а просто *наростъ*. Теперь это омертвеніе распространится на всю массу, или, неминуемо, должно вызвать изъ глубины ея, послѣднюю, отчаянную реакцію народной и племенной жизни, не для Россіи одной, но для всего племени; т.-е. *оживутъ ли кости сія?.. Господи Боже, Ты вѣси сія* (Іезек. XXXVIII, 3—4), и что же, скажете, передъ этою необъятною, неразрѣшимою задачею, что же значатъ голосъ и усилія частнаго лица?.. Такъ, вы правы, *Господи помилуй!* и . . . только".

XXIV.

Императрица Марія Александровна, во время пребыванія своего въ Москвѣ, пожелала, чтобы сыновья ея, подъ руководствомъ Погодина, ознакомились съ священными Московскими древностями.

9 сентября 1855 г., Оомъ писалъ Погодину: „Николай Васильевичъ Зиновьевъ поручилъ мнѣ свидѣтельствовать вамъ, милостивый государь Михаилъ Петровичъ, совершенное его почтеніе и покорнѣйше просить васъ, пожаловать завтра къ 11 часамъ утра къ ихъ императорскимъ высочествамъ, дабы до полудня осмотрѣть нѣкоторыя достопримѣчательности въ самомъ Кремлевскомъ дворцѣ, а потомъ, до обѣда, куда-нибудь съѣздить для того, чтобы ознакомить государевыхъ сыновей, сколько возможно, съ древнею столицею. Во всякомъ случаѣ карета будетъ своевременно прислана къ вамъ".

Въ *Запискахъ* же своихъ Ѳ. А. Оомъ писалъ: „Помню

первое мое знакомство съ Погодинымъ, когда я явился къ нему на Дѣвичье Поле и. заставъ его въ свѣтелкѣ, пригласилъ принять на себя ознакомленіе великихъ князей съ достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Не воображалъ я тогда, что смущенный и убитый вѣстью о взятіи Севастополя М. П. Погодинъ, принявъ не безъ нѣкотораго выраженія неудовольствія приглашеніе сопровождать юныхъ князей при осмотрѣ Москвы, въ то же время будетъ тайнымъ наблюдателемъ не столько за системою воспитанія, а за наружною обстановкою и за лицами, окружавшими великихъ князей".

Сама императрица Марія Александровна принимала живое участіе въ этомъ обозрѣніи. Доказательствомъ сего можетъ служить слѣдующая записка, полученная Погодинымъ отъ В. Д. Олсуфьева: „Императрица желаетъ знать, гдѣ находится и какъ называется церковь, о которой вы говорили и которая почитается вами одною изъ древнѣйшихъ въ Москвѣ".

Миссію свою Погодинъ, повидимому, исполнилъ удачно, ибо Н. В. Зиновьевъ ему писалъ: „По докладу моему государынѣ императрицѣ Маріѣ Александровнѣ, ея величество повелѣть мнѣ соизволила, благодарить васъ отъ имени ея за содѣйствіе ваше при осмотрѣ великими князьями достопримѣчательностей Москвы".

Но Погодинъ, какъ замѣтилъ и Оомъ, углубленный въ политическія дѣла, не съ должнымъ усердіемъ исполнялъ возложенное на него императрицею Маріею Александровною порученіе, въ чемъ упрекала его графиня А. Д. Блудова. Она писала ему: „Васъ *нарочно* назначила молодая императрица показать древности Москвы дѣтямъ ея—нарочно съ дѣтьми сама пошла въ Оружейную палату (кажется), а вы опять капризничаете и еле отвѣчаете на вопросы наслѣдника и не стараетесь заинтересовать ребенка. Это замѣтили и мать, и окружающіе, и воля ваша, но эти caprices de jolie femme вамъ не къ лицу, и я не вижу истиннаго патріотизма и желанія добра въ томъ, чтобъ предъ Москвичами или предъ при-

дворными показаться сердитымъ и невѣжливымъ съ женщиною и матерью, съ царицею Русскою. Умѣть привлечь и заинтересовать и показать въ лучшемъ и любезнѣйшемъ видѣ и правду, и Исторію, и историка или, по крайней мѣрѣ, изслѣдователя Исторіи, гораздо полезнѣе, нежели *самому себѣ* составить репутацію *Дунайскаго крестьянина*. Это общій недостатокъ васъ, Москвичей. Ваша личность, или вашъ кружокъ, вамъ дороже *добра*; лишь бы не показаться льстецомъ, вы готовы найти и добродѣтель порокомъ, и умъ глупостью, и простую учтивость униженіемъ. Вотъ вамъ и на вашъ счетъ *правда* въ вашемъ вкусѣ, безъ прикрасъ. Пари держу, что она васъ разсердитъ".

Но Погодинъ въ то время мечталъ попасть въ наставники наслѣднику и роль путеводителя казалась ему мелкою. Въ этомъ поддерживалъ его и графъ А. С. Уваровъ. „Вы слишкомъ извѣстны государю,—писалъ онъ ему, — чтобы идти проселочными тропами; напишите ему, что вы желаете быть наставникомъ наслѣдника, какъ Жуковскій былъ его наставникомъ, и что, чувствуя, что вы можете быть ему полезнымъ, вы прямикомъ къ нему обращаетесь. Это было бы съ вашей стороны хорошо, и для Россіи хорошо".

Но это, къ сожалѣнію, не осуществилось.

Пребываніе въ Москвѣ великой княгини Елены Павловны произвело благопріятное впечатлѣніе на ученыхъ. Къ тому же ее въ то время прочили въ президенты Академіи Наукъ, о чемъ писалъ Погодину графъ А. С. Уваровъ: „Елена Павловна, можетъ быть, будетъ президентомъ" [101]). Одно утро провелъ у нея и Погодинъ [102]). По поводу этого посѣщенія графиня Блудова писала ему: „Что вы говорите о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, что она понимаетъ и вашъ языкъ, и языкъ придворный, совершенно справедливо; знаете ли, почему это? Потому что у нея *умъ* мужской, а *душа* женская, что она понимаетъ именно *недостатки* людскіе, но понимаетъ съ снисхожденіемъ, христіанскою любовію и желаетъ искренно извлечь добро для Россіи изъ всѣхъ способныхъ людей, не

смотря на нѣкоторую разность въ мнѣніяхъ и на недоразумѣнія, въ которыхъ упрямятся часто и тѣ и другіе, по самолюбію или самообольщенію. Побольше бы слѣдовали ея примѣру и недурно бъ было, да къ несчастію, у насъ ни ея, ни такого образа мыслей не умѣютъ цѣнить" [103]).

Т. Н. Грановскій, обласканный великою княгинею Еленою Павловною, спрашивалъ одного своего Петербургскаго друга: „Да скажи правду: какъ подѣйствовали на великую княгиню наши профессора и не показались ли ей мои отзывы о лицахъ и вещахъ черезчуръ откровенными. Сама она произвела превосходное впечатлѣніе. Забѣлинъ въ восторгѣ отъ нея и отъ M-lle Раденъ. За то здѣшнія барыни крайне негодуютъ на нее за время, потраченное съ профессорами и отнятое у нихъ" [104]).

Упомянувъ о великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, нельзя умолчать и о великомъ князѣ Константинѣ Николаевичѣ. Пройдя суровую школу воспитанія, онъ, въ новое царствованіе, выступилъ съ особою энергіею на государственное поприще.

20 августа 1855 года, великій князь Константинъ Николаевичъ сдѣлалъ слѣдующее предписаніе управляющему Морскимъ Министерствомъ: „Желая собрать полныя и подробныя свѣдѣнія о той части населенія Россіи, которая занимается мореходствомъ, рыбными промыслами, судоходствомъ на рѣкахъ и озерахъ, и въ то же время доставить *Морскому Сборнику* рядъ любопытныхъ статей, я поручилъ князю Оболенскому пріискать нѣсколько молодыхъ талантливыхъ писателей, которые уже доказали свои дарованія и которыхъ можно бы съ пособіемъ отъ Морского Вѣдомства отправить на цѣлый годъ въ разные края Россіи, для помянутыхъ изслѣдованій. Прошу, ваше превосходительство, потрудиться также съ своей стороны поискать подобныхъ лицъ, и по мѣрѣ появленія ихъ, объявить имъ: 1) что я желалъ бы отправить *одного* въ Архангельскъ и на берега Бѣлаго моря, *другого*—на озера Ладожское, Онежское и внизъ по Волгѣ, *третьяго*—на Каму

и Оренбургскій край и р. Уралъ, *четвертаго*—въ Астрахань и Каспійское море, *пятаго* въ Остзейскія губерніи, *шестого*—въ Финляндію. 2) Что цѣль командировки ихъ состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать и описать подробно бытъ, нравы и обычаи того населенія, которое занимается промыслами на водѣ и изъ котораго, слѣдовательно, всего бы полезнѣе и натуральнѣе брать матросовъ. Подробной программы для этого изслѣдованія я не считаю нужнымъ давать, предоставляя каждому составлять описанія по собственному усмотрѣнію, но прошу васъ составить для нихъ общія указанія тѣхъ свѣдѣній, которыя могли бы быть особенно полезны для насъ. 3) По мѣрѣ того, что работа этихъ лицъ будетъ подвигаться, я желаю получать отъ нихъ не какія-либо донесенія, а прямо статьи для *Морского Сборника*, въ родѣ прекрасныхъ статей г. Гончарова. 4) Прошу, ваше превосходительство, снабдить этихъ лицъ рекомендательными письмами къ мѣстнымъ начальникамъ, объяснивъ участіе, которое я принимаю въ этомъ дѣлѣ. Я не желаю, чтобы объ этомъ предпріятіи что-либо печаталось прежде того времени, когда оно принесетъ уже желанные плоды".

Посылая къ Погодину копію съ сего предписанія, А. В. Головнинъ, между прочимъ, писалъ ему: „Изъ прилагаемой копіи ваше превосходительство увидите предположеніе его высочества, для исполненія коего Морскому Министерству нужно имѣть нѣсколько молодыхъ даровитыхъ писателей. Не будете ли вы столько добры и не укажете ли намъ на нѣсколько способныхъ лицъ, адресуя ихъ къ Фердинанду Петровичу Врангелю, который условится съ ними. Я увѣренъ, что великій князь будетъ искренно вамъ благодаренъ".

Въ то же время Погодинъ получилъ и слѣдующее письмо отъ князя Д. А. Оболенскаго: „Вамъ писалъ Головнинъ о желаніи великаго князя командировать молодыхъ даровитыхъ литераторовъ для изученія края и составленія статей для *Морского Сборника*. Вы пишете мнѣ, что боитесь обратиться къ лицамъ вами поименованнымъ, ежели я или мое начальство

обратимся къ другимъ. Я признаюсь вамъ, что несовершенно понялъ вашу мысль. Намъ нужно нѣсколько молодыхъ людей, которые бы согласились ѣхать въ разныя мѣста; судить о способностяхъ сихъ молодыхъ людей никто не можетъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которые по своему положенію имѣютъ съ ними постоянное столкновеніе. Поэтому великій князь приказалъ обратиться къ вамъ и Шевыреву и просить васъ рекомендовать талантливыхъ молодыхъ людей. Въ числѣ здѣшнихъ литераторовъ есть также и люди способные, и имъ сдѣлано также предложеніе ѣхать. Условія командировки вамъ также извѣстны изъ письма Головнина, поэтому я несовершенно понимаю, въ чемъ именно встрѣчаете вы затрудненіе. Потрудитесь объяснить. Очень бы мнѣ хотѣлось побывать въ Москвѣ, но не могу и думать оставить теперь Петербургъ,—дѣлъ пропасть, хотя я и заболтался съ вами не въ мѣру“ [105]).

Князь П. А. Вяземскій доставилъ великому князю Константину Николаевичу записку П. А. Валуева, на основаніи которой великій князь, отъ 26 ноября 1855 г., написалъ Ф. П. Врангелю слѣдующее:

„Въ одной весьма замѣчательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжкихъ обстоятельствахъ Россіи, при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго бѣдственнаго положенія, между прочимъ, сказано: „Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ оффиціальную ложь. Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ, постепенно должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то что *есть*, отъ того что *кажется*, *правду* отъ *неправды* или *полуправды*, и рѣдко гдѣ окажется прочная плодотворная польза. Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками, но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочіе.

„Прошу ваше превосходительство, сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ Морского Вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ за нынѣшній годъ, и повторите имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы, а истины, и въ особенности откровеннаго и глубоко-обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ нужно будетъ читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностію".

По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „сей напечатанный циркуляръ былъ послѣ отобранъ" [106]).

Тѣмъ не менѣе, циркуляръ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе. „Всѣ какъ-то стали бодрѣе духомъ",—писалъ С. Т. Аксаковъ своему сыну Ивану,— „да и какъ не ободриться? Мы на каждомъ шагу видимъ, что государь хочетъ правды, просвѣщенія, честности и свободнаго голоса. Университеты растворены настежь; Константинъ Николаевичъ далъ циркуляръ по своему Министерству, разумѣется, съ соизволенія царя, который начинается такъ: „Въ одной весьма замѣчательной запискѣ" и пр. Я чувствую, какъ радостно забьется твое сердце! И едва вѣришь, что наступаетъ время, въ которое честному человѣку можно будетъ говорить правду безъ страха".

Но И. С. Аксаковъ, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся къ циркуляру скептически и писалъ своимъ родителямъ: „Что касается до циркуляра великаго князя, то, разумѣется, я радуюсь всею душею этому явленію, но не то понимаютъ они подъ офиціальною ложью; это не значитъ ложь донесеній, а ложь формализма, ложь, истекающая изъ самого начала административнаго, изъ понятія о казнѣ и проч., и проч., и проч." [107]).

Великій князь Константинъ Николаевичъ относился сочувственно и къ политической дѣятельности Погодина. 27 февраля 1855 года, А. В. Головнинъ писалъ ему: „Князь Оболенскій доставилъ мнѣ по пріѣздѣ изъ Москвы письмо ваше, которое я тогда же представилъ великому князю генералъ-

адмиралу, и его высочество, прочитавъ, тогда же отдалъ августѣйшему брату своему. Вы ошибаетесь, называя Морское Вѣдомство огромнымъ. Оно вовсе не огромно по числу чиновниковъ, которыхъ весьма немного. Очень жаль, что наши газеты и журналы не обращаютъ вниманія читателей на *Морской Сборникъ*. Журнала съ подобнымъ направленіемъ у насъ еще не бывало".

Утѣшенный извѣстіемъ Ѳ. И. Прянишникова о сочувственномъ отношеніи къ нему великаго князя Константина Николаевича, Погодинъ писалъ: „Усердно благодарю васъ, любезнѣйшій Ѳедоръ Ивановичъ, за ваши пріятныя извѣстія, хоть и параллельныя съ непріятными. Вы напоминаете о жалобахъ Евреевъ въ первый годъ странствованія по пустынѣ, на пути изъ Египта. Хорошо, еслибъ мы шли изъ Египта, ну, а какъ мы премъ въ Египетъ, мимо земли обѣтованной? Господи! укажи намъ путь. Лестнымъ почитаю желаніе великаго князя. Я толкался во всѣ двери, и стучался подъ всѣми окошками, но нѣтъ почти нигдѣ ни отвѣту, ни привѣту. А чувствую, что могу сказать и сдѣлать именно теперь много полезнаго. Слѣдовательно, желаніе великаго князя принимаю къ сердцу, съ особенной благодарностію. Посылаю вамъ теперь первыя семь писемъ. Въ составъ этого собранія входятъ мои донесенія 1842 и 1839 годовъ. По моему—онѣ важнѣе прочихъ, потому что всѣ оправдались и утвердились событіями 1848 и слѣдующихъ годовъ, и слѣдовательно, самымъ дѣломъ отклоняютъ обвиненіе въ поэзіи. Прочія четыре я до сихъ поръ не переписывалъ, видя безплодность моихъ усилій. Теперь примусь и пришлю непремѣнно на слѣдующей недѣлѣ. А кончивъ, хочу отправиться въ Сибирь, на Амуръ, чтобы не читать и не знать ничего о новой политикѣ, которая просто сведетъ меня съ ума, если я останусь еще съ ея газетами противными".

Мы уже знаемъ, что Погодинъ, чтобы „найти тонъ" для своей *Древней Русской Исторіи*, давно мечталъ „углубиться въ свой предметъ гдѣ-нибудь на Балтійскомъ морѣ, для живѣй-

шаго воспоминанія о Варягахъ, потомъ въ Кіевѣ, на Днѣпрѣ,—для удѣльнаго періода, и наконецъ, въ Сибири—для Монголовъ и Татаръ". Это дало поводъ одному Московскому сатирику написать слѣдующее посланіе нашему историку:

Отечество наше богато,
Въ немъ всякій деньгу зашибетъ,
Обильно сребро въ немъ и злато:
Понятно, что ты патріотъ.
Но странно, о, старецъ маститый,
Ты вздумалъ Москву покидать,
И градъ старинный, знаменитый,
На степи Монголовъ мѣнять.
Повѣрь мнѣ, ты ѣдешь безплодно,
Свой край покидая родной,
Въ пустыни Сибири холодной,
Въ предѣлы Орды Золотой.
Исторію нашей Россіи
Довелъ ты до ига Татаръ,
И, вспомнивъ шатанья былыя,
Ты прежній почувствовалъ жаръ:
Поѣздить опять изъ разсчета
На счетъ тароватой казны:
Узнать, вишь, припала охота
Характеръ Монгольской Орды.
Не ѣзди,—и смѣло прогоны
Ты можешь въ карманъ положить,
Татарщину всю безъ препоны
Легко и въ Москвѣ изучить.
Пусть дикія рѣчи Островскій
Хвастливо тебѣ говоритъ,
Молчитъ многодумный Садовскій,
Иль шутъ Рамазановъ кричитъ.
Григорьевъ пусть смертнымъ въ забаву
Серьезныя пишетъ статьи,
И Тертій пусть Богу во славу
Поетъ псалмопѣнья свои;
Да, главное, чтобъ неуклонно
Ты свой Москвитянинъ читалъ.
И скажутъ, что ты всесторонне
На мѣстѣ Татаръ изучалъ [108]).

XXV.

Шестинедѣльное пребываніе государя въ Николаевѣ посвящено было приведенію этого важнаго пункта въ оборонительное положеніе, по плану генерала Тотлебена, при чемъ великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи были назначены завѣдывать, первый — инженерною, второй — артиллерійскою частями [109]).

Во время пребыванія государя въ Николаевѣ, Погодинъ получилъ изъ Петербурга, отъ П. С. Савельева, слѣдующее письмо (отъ 6 октября 1855 года): „Я вамъ давно ничего не писалъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, потому, что *не до того*. Всѣ мы въ тревожномъ состояніи духа, никто ничего не дѣлаетъ, никто не принимается за что-нибудь новое, всѣ чего-то ждутъ, и откладываютъ дѣла, говоря: *до того ли теперь*! Когда говоришь о чемъ-либо графу Л. А. Перовскому, онъ отвѣчаетъ: *Помилуйте, до того ли теперь*? Графъ Д. Н. Блудовъ не подписываетъ ни одной бумаги, говоря: *Помилуйте, теперь не до того*! Хорошо, что они чувствуютъ всю знаменательность настоящаго положенія; да жаль, что при этомъ нѣмѣютъ у нихъ руки и головы. Такъ и со всѣми; перечувствуешь много, не сдѣлаешь и не выразишь ничего!... Жаль добраго и человѣчнаго государя; при всѣхъ его добрыхъ желаніяхъ, дѣло не легко поправить. А воровство его чиновниковъ! Говорятъ, въ Николаевѣ онъ ужаснулся! Разсказываютъ, что въ разные банки прислано по нѣсколько милліоновъ денегъ на имя неизвѣстныхъ изъ Севастополя, и о томъ идетъ слѣдствіе.—Вотъ еще достовѣрная быль. Государь встрѣтилъ у молодой императрицы Пирогова, который совершенно откровенно высказалъ правду о воровствѣ въ Севастополѣ. Государь не вѣрилъ, выходилъ изъ себя и говорилъ: *Неправда, не можетъ быть*! и возвышалъ голосъ. А Пироговъ, также возвысивъ голосъ, отвѣчалъ: *Правда, государь, когда я самъ это видѣлъ*. „Это ужасно“!—воскликнулъ нако-

нецъ царь и едва удержался отъ слезъ. Дай Богъ, чтобъ почаще, погромче и поболѣе высказывали истину. Гоголь правъ: не только противъ внѣшнихъ враговъ Отечества надо сражаться, но еще болѣе противъ внутреннихъ... Но для новыхъ вещей нужны и новые сосуды..... „Жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь"! Дѣйствіе этой пословицы испытала на себѣ ваша статья, напечатанная въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ Москвѣ ее пропустили, тамъ былъ царь. А въ Петербургѣ не милуетъ псарь: Мусинъ *) запретилъ перепечатывать ее въ Петербургскихъ газетахъ. Великій Мусинъ, онъ не уступитъ Испанскимъ инквизиторамъ! Сдѣлайте милость, пришлите мнѣ оттискъ этой статейки".

Еще до отъѣзда государя въ Москву, вышелъ въ отставку, съ сложеніемъ съ себя званія генералъ-адъютанта, Бородинскій герой Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ. 21-го августа 1855 года, графиня А. Д. Блудова писала Погодину: „Наша послѣдняя новость—отставка Бибикова и назначеніе Ланского. О личности ни того, ни другого не говорю, потому что ихъ почти не знаю, но боюсь, чтобъ помѣщики съ *крестьянами*, а раскольники съ христіанами не сдѣлались весьма дерзки и круты, воображая въ паденіи Бибикова торжество своей партіи обскурантистовъ и *сонныхъ* людей, желающихъ вѣчно коснѣть во всѣхъ предразсудкахъ и въ своеволіи. Дай Богъ, чтобы чѣмъ-нибудь *явнымъ* государь доказалъ имъ, что они ошибаются" [110]).

Подъ 27 августа 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Назначенъ Ланской, вмѣсто Бибикова. Вотъ назначеніе! Грустно"!

Лучшею характеристикою благородной души Дмитрія Гавриловича Бибикова могутъ служить слѣдующія строки его Бородинскаго товарища и друга князя П. А. Вяземскаго:

---

*) Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ, попечитель Петербургскаго Учебнаго округа. *Н. Б.*

Въ день борьбы за Русь святую
Ты руки не пощадилъ,
А въ дни мира ей другую
Гражданиномъ посвятилъ.

И къ отчизнѣ, и къ престолу
Снова возгорѣвъ огнемъ,
Вѣрный совѣсти глаголу,
Шелъ ты съ ней ея путемъ.

Людямъ свойственны ошибки:
Ошибаться могъ и ты,
Но ты не былъ флюгеръ гибкій
У вертлявой суеты.

Часто и съ двумя руками,
Мѣстъ и почестей ловецъ,
Не сведетъ концовъ съ концами,
Обезсиленный дѣлецъ.

Разъ принявшися за дѣло,
Не боялся ты трудовъ
И одной рукою смѣло
Съ зломъ бороться былъ готовъ.

У иныхъ—примѣръ не новый—
„Двѣ огромныя руки“
На себя служить готовы,
И проворны, и легки;

А на выручку страдальца,
Если въ помощь ихъ зовешь,
Не найдешь живого пальца,
Пол-мизинца не найдешь.

Цѣлый міръ будь имъ поставщикъ,
А радѣть ли о другомъ—
Каждый пальчикъ и суставчикъ
Въ нихъ разбитъ параличемъ.

Если жь гдѣ тобой замѣченъ
Случай пользѣ дань принесть,
Позабывъ, что ты увѣченъ,
Помнишь ты, что совѣсть есть.

А когда сведешь съ кѣмъ дружбу,
Съ другомъ связь твоя крѣпка;
И на дружбу и на службу
Горяча твоя рука [111]).

По выходѣ въ отставку, Д. Г. Бибиковъ, по увѣренію графа А. С. Уварова, сказалъ, что онъ „такъ широко отворилъ двери, что вынесетъ многихъ“.

15 октября 1855 года, воспослѣдовалъ въ Николаевѣ высочайшій рескриптъ, данный на имя главнокомандующаго путями сообщенія и публичными зданіями генералъ-адъютанта генерала отъ инфантеріи графа Петра Андреевича Клейнмихеля, слѣдующаго содержанія: „Графъ Петръ Андреевичъ! Снисходя на просьбу вашу, и увольняя васъ, согласно желанію вашему, по разстроенному здоровью, отъ управленія путями сообщенія и публичными зданіями, я съ особеннымъ удовольствіемъ изъявляю вамъ при семъ мою искреннюю благодарность за долговременную и полезную службу вашу, и за то неутомимо-дѣятельное усердіе, съ коимъ вы постоянно исполняли всѣ возлагаемыя на васъ обязанности. Созданныя подъ руководствомъ вашимъ, во время управленія ввѣренною вамъ частью, по указаніямъ незабвеннаго и вѣчныя памяти достойнаго родителя моего, императора Николая Павловича: постоянный мостъ чрезъ Неву, Николаевская желѣзная дорога, по разнымъ направленіямъ, на значительномъ пространствѣ, шоссе, электромагнитные телеграфы, и многія другія, не менѣе важныя сооруженія, несомнѣнно свидѣтельствуя о заслугахъ вашихъ, останутся вѣчными памятниками вашихъ трудовъ. Оставляя васъ въ званіи моего генералъ-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта, я надѣюсь, что и на этомъ поприщѣ службы вы будете продолжать быть, какъ и прежде, полезнымъ мнѣ и Отечеству. Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный. Александръ“ [112]).

Еще въ мартѣ 1855 года, графъ А. С. Уваровъ писалъ Погодину: „Мнѣ писали, что Клейнмихелю велѣно очистить казенный домъ для великаго князя Михаила Николаевича и сдать счеты Государственному Совѣту за послѣдніе три года своего управленія“.

За два дня до вышеприведеннаго высочайшаго рескрипта, Погодинъ, подъ 12 октября 1855 года, записалъ въ своемъ *Днев-*

никъ: „Обѣдалъ въ клубѣ. Съ Лонгиновымъ. Празднуютъ побѣды надъ внутренними врагами. Клейнмихель и проч. А прочія дѣла плохи. Игралъ въ карты".

„Ежели вѣрить слухамъ",—писалъ къ Погодину князь Д. А. Оболенскій (27 октября 1855 г.),—„то дѣйствительно, великая побѣда одержана нами противъ внутреннихъ враговъ. Клейнмихеля заставили подать въ отставку; эта вѣсть и здѣсь мигомъ разнеслась по всему городу и радость общественная не знаетъ границъ; я, признаюсь, никакъ не ожидалъ, чтобы восторгъ былъ такъ силенъ... Въ моемъ департаментѣ *), гдѣ чиновники не имѣютъ никакого дѣла съ Клейнмихелемъ, всѣ другъ друга отъ избытка чувствъ обнимали;—на улицахъ, всѣ, встрѣчаясь, сообщали новость, какъ бы извѣстіе о рѣшительной побѣдѣ. Кокоревъ пишетъ мнѣ, что когда прочтетъ въ приказѣ объ увольненіи Клейнмихеля, то жертвуетъ на тысячу человѣкъ бѣдныхъ обѣдъ въ теченіе мѣсяца за здоровье царя. По рукамъ ходятъ уже стихи! Какое поразительное зрѣлище. Я читалъ объ этомъ въ Николаевѣ! Что же сказать послѣ того о правительствѣ, которое поставило себя въ такое отношеніе къ общественному мнѣнію? Можетъ ли и въ правѣ ли оно негодовать за то, что берутъ взятки и крадутъ казну. Какое же можетъ быть участіе къ общественному дѣлу, когда возможны подобные факты. Ежели бы объяснить государю все значеніе этой радости общественной при вѣсти о паденіи Клейнмихеля, какъ бы, кажется, тогда не понять ему, въ чемъ дѣло. И сколько утѣшительнаго въ этомъ явленіи, какъ видно, что духовныя силы Россіи подавлены искусственнымъ гнетомъ и какъ при малѣйшемъ предлогѣ общество наше способно выразить негодованіе свое. Значитъ, не замерло въ немъ сознаніе, не смотря на всѣ усилія умертвить его, значитъ вѣрно чуетъ оно, гдѣ истинный врагъ! Я, съ своей стороны, признаюсь еще не вѣрю слуху. *Начну*

---

*) Князь Д. А. Оболенскій служилъ тогда въ Морскомъ Министерствѣ. *Н. Б.*

вѣрить, когда прочту въ приказахъ, но и тогда еще не буду покоенъ. Такого господина, каковъ Клейнмихель, вполовину ломать нельзя; ему слѣдуетъ или сидѣть въ кандалахъ или быть министромъ. О другихъ паденіяхъ говорятъ безъ всякаго основанія, вѣроятно изъ предположенія, что авось съ легкой руки пойдетъ рубить. Нѣтъ, этого не ожидаю. Я пришлю вамъ на дняхъ программу, которую составилъ для себя о томъ, что нужно говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда спрашиваютъ, что̀ же дѣлать? Какъ помочь? Какъ выдти изъ нашего положенія? Я замѣтилъ, что обыкновенно, когда указываютъ на существующее зло, всегда спрашиваютъ,—ну, что же дѣлать?—и при этомъ обыкновенно ожидаютъ указанія на какую-нибудь мѣру, которую бы можно было пустить въ видѣ всеподданнѣйшаго доклада, не понимая того, что данная мѣра можетъ быть дѣйствительна и имѣть смыслъ только вслѣдствіе совершенно другого взгляда на вещи. Ежели взглядъ измѣнится, то отдѣльныя мѣры сами собою будутъ послѣдствіемъ этого измѣненія. Напримѣръ, безпрерывно въ высшихъ краяхъ спрашиваютъ: Какъ сдѣлать, чтобы не воровали казну и чтобы чиновники честно исполняли свои обязанности? Чтобы отвѣчать на подобные вопросы, нужно показать, какъ правительство послѣдовательно убивало въ человѣкѣ вообще, а въ чиновникѣ въ особенности, всякое чистое побужденіе,—какъ чиновникъ на всѣхъ ступеняхъ службы, примирясь со всякой неправдой, охладѣваетъ къ общественному дѣлу, не имѣя никакой поддержки въ общественномъ мнѣніи, никакого нравственнаго вознагражденія за борьбу противъ неправды,—какъ честный человѣкъ съ независимымъ мнѣніемъ преслѣдовался правительствомъ, какъ комунистъ. Какъ невозможно требовать отъ человѣка, чтобы онъ былъ честенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безропотно выносилъ все то, что долженъ былъ выносить всякій служащій, начиная съ министра до писаря. Конечные результаты изслѣдованій подобныхъ вопросовъ очень любопытны; я сдѣлалъ ихъ въ видѣ программы, которую пришлю вамъ на судъ“.

Графиня Блудова, 16 октября 1855 г., писала Погодину: „Что же у васъ говорятъ объ отставкѣ Клейнмихеля? Здѣсь забыли цѣлые два года про Крымъ и Карсъ и праздновали какъ побѣду“ [113]).

28-го февраля 1898 года, Министерство Путей Сообщенія праздновало столѣтіе своего существованія. По поводу этого праздника, князь В. П. Мещерскій писалъ: „Мнѣ сдается, что у нынѣшняго юбиляра, т.-е. у Министерства Путей Сообщенія, есть грѣхъ въ прошломъ, очищеніе отъ коего слѣдовало бы ему желать. Это безучастіе къ возстановленію во всей ея чистотѣ памяти одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей этого вѣдомства, графа Клейнмихеля, бывшаго столь долго министромъ путей сообщенія при императорѣ Николаѣ I и столь долго послѣ пребывающаго въ незаслуженной немилости у Русскаго общественнаго мнѣнія. Клейнмихель сошелъ со сцены какъ разъ къ началу царствованія Александра II, сохранившаго къ нему симпатію и уваженіе; но новая эпоха либеральныхъ вѣяній признала себя въ правѣ загрязнить память и имя графа Клейнмихеля на столько, что вездѣ утвердилась легенда о подкупности графа Клейнмихеля, и Клейнмихельскіе люди, Клейнмихельское время стали какими-то запятнанными... Это одна изъ гнуснѣйшихъ клеветъ того времени. Я съ трудомъ могъ бы указать, вспоминая о различныхъ личностяхъ, видѣнныхъ на своемъ вѣку, болѣе виднаго типа безсребренника, чѣмъ былъ графъ Клейнмихель, и болѣе безкорыстнаго слуги своего государя, чѣмъ онъ. Про его отношенія къ деньгамъ можно было сказать, что они были дѣтски чисты... Но не онъ одинъ былъ таковъ; около него создалась цѣлая плеяда прекрасныхъ, способныхъ, искусныхъ и честныхъ инженеровъ путей сообщенія, которые считали за честь быть Клейнмихельскими, и которыхъ имена Министерство Путей Сообщеній должно было бы вырѣзать на *бѣлыхъ* мраморныхъ доскахъ въ своемъ актовомъ залѣ, для назиданія грядущихъ поколѣній... Разумѣется, были тогда инженеры другихъ правилъ и другихъ нравовъ, но не эти

были Клейнмихельскіе; это были отцы и дѣти того общаго типа мамонолюбцевъ, которые всегда были, всегда есть и всегда будутъ въ этомъ и во всякомъ вѣдомствѣ... Эти либеральныя вѣянія искали олицетворенія немилаго имъ Николаевскаго времени въ какихъ-нибудь образахъ, для удовлетворенія хулою на нихъ своей антипатіи къ минувшей славной эпохѣ Россіи, и обрѣли для этого графа Клейнмихеля, какъ одного изъ любимыхъ и вліятельныхъ сотрудниковъ Николая I; но грѣшно вѣдомству эту клевету на одного изъ славнѣйшихъ его дѣятелей не уничтожить" [114]).

XXVI.

Государь не хотѣлъ покинуть Новороссійскій край, неисполнивъ своего завѣтнаго желанія: посѣтить Крымскую армію и лично поблагодарить ее за оборону Севастополя. „Я полагаю остаться у васъ три дня",—писалъ государь князю Горчакову,—„дабы успѣть объѣхать на занимаемыхъ ими позиціяхъ, по крайней мѣрѣ, большую частъ вашихъ войскъ. Мѣсяцъ тому назадъ, когда положеніе наше было дѣйствительно критическое, я послѣдовалъ вашему совѣту, но теперь намѣренъ это непремѣнно исполнить . . . И такъ, до скораго свиданія. Прошу васъ хранить пріѣздъ мой покуда въ тайнѣ и строжайше запрещаю всякое приготовленіе смотровъ войскъ, которыя желаю видѣть на бивакахъ или на квартирахъ въ томъ видѣ, какъ они есть". Въ отвѣтъ на убѣдительную просьбу князя Горчакова, дозволить, по крайней мѣрѣ, выставить на станціяхъ по нѣскольку конвойныхъ казаковъ, послѣдовалъ отвѣтъ по телеграфу: „Конвой дозволяю. Почетные караулы запрещаю и роты для сего въ Симферополь не приводить. Васъ прошу туда пріѣхать къ вечеру 27 октября" [115]).

По пути въ Крымъ, государь посѣтилъ Одессу. При вступленіи государя въ каѳедральный соборъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій Иннокентій встрѣтилъ его рѣчью, въ коей, между прочимъ, произнесъ: „Еще не возлагалъ ты на

главу свою вѣнца прародительскаго, а уже Провидѣніемъ Божіимъ допущено явиться на немъ—тернамъ!.. Плоть и кровь наша не привыкла къ подобному украшенію на вѣнцахъ царскихъ; но око вѣры въ сихъ самыхъ тернахъ съ благоговѣніемъ и радостію усматриваетъ драгоцѣнное подобіе вѣнца Христова ... Не бойся и да не изнеможетъ душа твоя *отъ двою древу главень дымящихся сихъ* (VII, 4), вѣщалъ нѣкогда пророкъ Исаія вѣнценосному царю Іудину Ахазу, когда два царства Израильское и Ассирійское соединились противъ него войною неправедною. Какъ близко пророческое слово сіе къ намъ и врагамъ нашимъ“ [116]).

Въ Одессѣ государь произвелъ смотръ прибывшему туда Московскому ополченію. „Пересѣвъ на верховую лошадь“,— свидѣтельствуетъ ополченецъ И. С Аксаковъ,—„вмѣстѣ со всею свитою, государь поскакалъ вдоль фронта. Громкое ура, какъ волна, слѣдовала за нимъ. Потомъ государь со свитой остановился на избранномъ для него мѣстѣ, и войско пошло мимо него церемоніальнымъ маршемъ. Сначала прошли армейскіе пѣхотные батальоны, потомъ Смоленское, потомъ Московское ополченія. Государь говорилъ всѣмъ: хорошо, славно, очень порядочно; очень милостиво говорилъ съ начальниками дружинъ. Одному онъ сказалъ: Я васъ долго здѣсь не оставлю. У графа Толстого онъ спросилъ: Откуда ты и служилъ ли въ военной службѣ? прибавивъ: У тебя люди стройно идутъ. Подзывалъ нѣсколько разъ Строгонова, который былъ пѣшкомъ (онъ хромъ и не можетъ садиться на лошадь) и по этой причинѣ, а также и потому, что онъ уже уволенъ, стоялъ сзади государя, въ толпѣ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, генералъ-губернаторомъ. Я стоялъ подлѣ Строгонова. Государь говорилъ Строгонову, что люди хорошо и стройно идутъ... Я хорошо видѣлъ государя и нашелъ, что онъ очень похудѣлъ. Я ожидалъ нѣсколько иного привѣтствія ополченію“ [117]).

28 октября 1855 года, государь, сопутствуемый великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, былъ уже

въ Бахчисараѣ, гдѣ находилась главная квартира Крымской арміи [118]).

„Государь“, — писалъ Погодину Н. В. Бергъ, — „пріѣхалъ сегодня (28 октября) во 2-мъ часу. — Замѣчательное обстоятельство: тотчасъ послѣ того, какъ онъ изъ церкви прошелъ въ домъ, назначенный для его помѣщенія, — надъ этимъ домомъ явились двадцать два орла, которые кружили долго, и потомъ полетѣли по направленію къ Евпаторіи. Потомъ явилось опять столько же, и опять покружили надъ его домомъ, и полетѣли къ Евпаторіи. Надо замѣтить, что до сихъ поръ орловъ здѣсь было очень мало. Во все время, какъ мы здѣсь живемъ, пролетѣло орла два — три.“

Это извѣстіе поразило Погодина, и онъ писалъ: „Здравствуйте, дорогіе гости! Гдѣ вы гуляли, гдѣ вы летали? Здравствуйте, любезные, давно ожиданные гости! Не Суворовъ ли прислалъ васъ съ поздравленіемъ изъ стѣнъ взятаго имъ приступомъ Кинбурна? Не Румянцовъ ли отпустилъ васъ съ береговъ прославленнаго имъ Кагула? Не Потемкинъ ли подаетъ вѣсть изъ покореннаго по его приказанію Измаила? Не Долгорукій ли кланяется съ вами отъ всего завоеваннаго имъ Крыма? Милости просимъ, старые наши орлы! Не измѣняйте же болѣе славнымъ старымъ знаменамъ Русскаго царя“!

28-го ноября 1855 г., Т. И. Филипповъ писалъ И. В. Кирѣевскому: „Назимову разсказывалъ самъ государь, какъ его встрѣтило войско въ Крыму: когда онъ подъѣзжалъ къ Бахчисараю, его завидѣло войско съ крутой, почти отвѣсной горы, и стремглавъ бросилось къ нему, такъ что у него упало сердце, при видѣ такой стремнины. Солдаты остановили коляску, цѣловали его руки и ноги; онъ говорилъ имъ объ усталости, но, разумѣется, они объ ней мало думали. Севастополю поклонился государь въ землю и долго со слезами молился о падшихъ въ бою“ [119]).

Мѣсяцъ назадъ, именно 30 октября 1855 года, въ воскресенье, государь съ великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами слушалъ литургію въ Бахчисарайскомъ

Николаевскомъ соборѣ. Литургію совершалъ протоіерей Арсеній Гавриловичъ Лебединцевъ. Послѣ литургіи государь спрашивалъ отца протоіерея: „Гдѣ получилъ онъ крестъ на Георгіевской лентѣ, и во все ли время осады находился въ Севастополѣ“? За служеніе государь пожаловалъ отцу протоіерею „золотой перстень съ бриллiантами“, а сослужащему діакону Петру Грибанкѣ—золотые часы.

По совершеніи многолѣтія, государь и великіе князья приложились къ образу преподобнаго Сергія, который съ переходомъ главной квартиры въ Бахчисарай, переданъ въ церковь. Бахчисарайскій комендантъ передалъ протоіерею Лебединцеву, что государь, выходя изъ церкви, сказалъ, что въ такихъ церквахъ съ какимъ-то особеннымъ расположеніемъ молишься, .и что государь былъ очень доволенъ служеніемъ [120]).

Передъ отъѣздомъ изъ Крыма, государь въ приказѣ повторилъ выраженіе царской признательности войскамъ.

Въ этомъ приказѣ митрополитъ Московскій Филаретъ обратилъ вниманіе на слѣдующее выраженіе: *Я вами горжусь, какъ онъ* (т.-е. Николай I) *вами гордился* [121]), и писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Благо великимъ, когда близъ ихъ есть одушевленные благочестивою мыслію; и благо симъ, когда они сію мысль искренно представляютъ великимъ. Помню, какъ прежде 1812 года благочестиво мыслящіе жаловались, что въ царственныхъ актахъ употреблялся только свѣтскій языкъ, и имени Божія не встрѣчалось. Сей годъ указалъ, гдѣ искать вѣрной опоры и непобѣдимой силы. Императоръ Александръ началъ говорить христіанскимъ языкомъ. Императоръ Николай Павловичъ говорилъ симъ же языкомъ, и особенно съ силою и назиданіемъ въ послѣднее время. Такъ и благочестивый государь нынѣ царствующій. Но тѣмъ ощутительнѣе разногласитъ вкравшееся нечаянно слово, слишкомъ свѣтское. Нѣкоторые благочестиво мыслящіе изъявляли скорбь, что встрѣчалось отъ лица въ Бозѣ почившаго государя, и встрѣтилось отъ лица нынѣшняго въ похвалу воинамъ изреченіе: *горжусь*

вами. Зачѣмъ, говорятъ, въ языкѣ благочестивѣйшихъ государей вкралось это слово, для него чуждое? Слово Божіе не одобряетъ гордости, и говоритъ: *Богъ гордымъ противится* (I, Петръ, V, 5). Нѣтъ ли средства редактору царскихъ мыслей подать мысль, чтобы онъ, составляя выраженія, испытывалъ ихъ вопросомъ: будутъ ли они въ гармоніи съ благочестивымъ царскимъ духомъ" [122]).

Вмѣстѣ съ войсками, государь почтилъ рескриптомъ и князя Горчакова, въ которомъ начертано: „Князь Михаилъ Дмитріевичъ! Во время пребыванія моего въ Крымской арміи, я съ особеннымъ удовольствіемъ нашелъ, что люди въ полкахъ сохранили бодрый, довольный видъ, не взирая на неимовѣрные труды, перенесенные ими при оборонѣ Севастополя, и что въ войскахъ нисколько не измѣнился тотъ во всѣхъ частяхъ порядокъ, на которомъ основывается благоустройство арміи. Такое отличное состояніе ввѣренныхъ вамъ войскъ свидѣтельствуетъ о неусыпной заботливости и трудахъ, которыми единственно вы могли до того достигнуть, и это въ то время, когда и мысли, и дѣятельность ваши устремлены были на противоборство врагамъ сильнымъ, храбрымъ и не щадившимъ никакихъ жертвъ. По естественному положенію защищаемой части Севастополя, уступая шагъ за шагомъ непріятелю, вы, по благоразумнымъ видамъ опытнаго полководца, оставили ему лишь развалины, заплаченныя дорогою цѣною пролитой крови, и выведя войска путемъ доселѣ небывалымъ, вы вновь готовы встрѣтить враговъ съ тѣмъ мужествомъ, съ которымъ всегда водили въ бой полки наши. Отдавая вамъ полную справедливость за заслуги ваши, мнѣ пріятно повторить здѣсь мою искреннюю признательность, которую выражалъ уже вамъ лично. Прошу васъ, князь, вѣрить въ неизмѣнное мое къ вамъ благоволеніе. *Васъ искренно любящій Александръ*".

Но отдавая должное войскамъ и доблестному вождю ихъ князю Горчакову, государь съ сокрушеніемъ сердечнымъ узнавалъ и то, о чемъ писалъ Погодину К. Д. Кавелинъ. „Если

бы вы могли прочесть сотую долю того, что̀ я по обязанности службы, слѣдовательно *офиціально* читаю о Крымѣ и оргіяхъ тамошняго интендантства и Божіемъ судѣ, совершающемся надъ этой несчастной страной тамошней арміей и сосѣдними краями, —вы бы пришли въ ужасъ! *Сотни тысячъ* тѣлъ людскихъ и скотскихъ гніютъ, заражая воздухъ и людей; дома дышутъ заразой; партія больныхъ побываетъ въ деревнѣ—и деревня вымираетъ вся, до послѣдняго человѣка. А въ сердцахъ людей гніеніе совершается въ размѣрахъ еще громаднѣйшихъ".

31 октября 1855 года, государь, оставивъ великаго князя Николая Николаевича въ главной квартирѣ, отбылъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ изъ Бахчисарая въ Москву [123]).

XXVII.

Вскорѣ по отбытіи государя изъ Крыма, въ Симферополѣ палъ жертвою тифа доблестный другъ страждущаго человѣчества графъ Михаилъ Михайловичъ Вьельгорскій.

Графъ Вьельгорскій былъ предсѣдателемъ коммиссіи, состоявшей подъ покровительствомъ императрицы Маріи Александровны и имѣвшей наблюденіе за провіантскою и госпитальною частями въ Севастополѣ. Въ числѣ членовъ этой коммиссіи состоялъ, между прочимъ, бывшій министръ Юстиціи графъ К. И. Паленъ и графъ Евграфъ Егоровичъ Камаровскій.

Въ половинѣ мая 1855 года, графъ Вьельгорскій прибылъ въ Севастополь. Его пріѣздъ былъ какъ нельзя болѣе во̀-время, потому что распоряженія по госпитальному управленію становились тогда важнѣе, чѣмъ когда-нибудь... Графъ Вьельгорскій нашелъ не сотни, а тысячи страждущихъ... Всякій роковой для Крымской арміи день видѣлъ графа Вьельгорскаго на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій; пока войска наши боролись на Камчатскомъ, Селенгинскомъ и Волынскомъ редутахъ, во время славнаго отбитія штурма

6 іюня, въ дѣлѣ 4-го августа на рѣкѣ Черной, въ продолженіе послѣдней бомбардировки, графъ Вьельгорскій, вмѣстѣ съ достойными нашими врачами, являлся вездѣ, гдѣ помощь его могла быть нужна. „Едва ли кто",—пишетъ очевидецъ,— „кто нравственно выстрадалъ болѣе графа Вьельгорскаго; для доблестныхъ защитниковъ Севастополя существовало увлеченіе героизма и восторга побѣды; для графа Вьельгорскаго даже ликованія побѣды помрачались исключительнымъ видомъ жертвъ, коихъ она стóила; самый достославный день войны былъ для него днемъ скорби, печали и тяжкаго труда" [124])...

Раненаго въ сраженіи, 4 августа 1855 года, при рѣкѣ Черной, князя Д. И. Святополкъ-Мирскаго свезли въ главный перевязочный пунктъ на Мекензіевой горѣ, и здѣсь „6-го августа",—повѣствуетъ самъ князь Святополкъ-Мирскій,— „дверь моей землянки осторожно отворилась и вошелъ человѣкъ еще молодой, не военный, благородной, симпатичной наружности. Онъ тихо, съ благоговѣніемъ, подошелъ ко мнѣ и мягкимъ полнымъ участія голосомъ сказалъ: „Отъ имени государыни императрицы пришолъ узнать, не нуждаетесь ли въ чемъ-нибудь"? Мнѣ показалось, что его освѣщаетъ какой-то ореолъ святости и мученичества. Слезы выступили на мои глаза. Я отвѣчалъ, что благодарю, и ни въ чемъ не нуждаюсь, кромѣ здоровья. Онъ безмолвно простоялъ нѣкоторое время и ушелъ, какъ будто съ сожалѣніемъ. Это былъ графъ Вьельгорскій, присланный въ Крымъ императрицею, для пособія больнымъ и раненымъ. Недаромъ я въ немъ угадалъ мученика. Не долгое время спустя, Вьельгорскій умеръ въ Симферополѣ отъ тифа, которымъ заразился, посѣщая госпитали. Честь ему и слава, — такая смерть еще доблестнѣе и завиднѣе, чѣмъ смерть на полѣ сраженія" [125]).

14 декабря 1855 года, императрица Марія Александровна почтила неутѣшнаго родителя, слѣдующимъ рескриптомъ: „Графъ Михаилъ Юрьевичъ! Оцѣнивъ благородное стремленіе сына вашего, изъявившаго желаніе содѣйствовать

облегченію страданій храбрыхъ воиновъ нашихъ, раненыхъ въ Крымской арміи, я поручила ему исполненіе видовъ и намѣреній моихъ для достиженія сей полезной и священной цѣли. — Благоразумными мѣрами своими и неутомимою дѣятельностію, питаемой и подкрѣпляемой въ немъ, посреди безпрерывныхъ трудовъ, возвышенною любовію къ ближнему и пламеннымъ усердіемъ къ исполненію принятыхъ имъ на себя обязанностей, графъ Вьельгорскій вполнѣ оправдалъ и выборъ мой, и мою довѣренность. Тысячи страдальцевъ и тысячи семействъ, оплакивающихъ милыхъ своихъ ближнихъ, благословляли и благословляютъ еще и нынѣ человѣколюбивыя и истинно-христіанскія его о нихъ попеченія.— Мнѣ пріятно было думать, что, по возвращеніи его въ С.-Петербургъ, буду я имѣть сердечное удовольствіе изъявить ему свою искреннюю благодарность за ревностные труды его и за то, что онъ такъ вѣрно угадалъ мои желанія и съ такимъ успѣхомъ привелъ ихъ въ исполненіе, за что удостоился онъ получить словесную благодарность отъ государя императора, при посѣщеніи его величествомъ Крымской арміи.—Но Господу Богу угодно было распорядить иначе. Съ душевною горестью узнала я о преждевременной и неожиданной кончинѣ сына вашего. Понимаю, сколь велика должна быть скорбь ваша и не умѣю выразить вамъ, съ какимъ участіемъ и соболѣзнованіемъ ее раздѣляю. Но въ печали вашей да будетъ вамъ въ утѣшеніе сладостная мысль, что сынъ вашъ и въ краткой жизни своей ознаменовалъ себя служебною и полезною дѣятельностію и сподобился, по милости Божіей, кончины, которой можетъ пожелать себѣ каждый христіанинъ.—Лишенная отрады изъявить сыну вашему чувство моей благодарности, во имя и въ воспоминаніе его, обращаю ее къ вамъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ дому родительскомъ и въ примѣрѣ семейномъ несомнѣнно почерпнулъ тѣ чувства и тѣ правила, которыя отличали его въ жизни и самую смерть его запечатлѣли незабвенною памятью“ [136]).

Въ семейномъ архивѣ родного племянника почившаго

„мученика“, Михаила Алексѣевича Веневитинова, сохраняется драгоцѣнное письмо И. В. Кирѣевскаго къ А. В. Веневитинову, въ которомъ читаемъ: „Боже мой, какое ужасное извѣстіе сообщилъ намъ А. И. Рейнгардъ! Михаилъ Михайловичъ, это чистое, благородное существо—палъ жертвою этой проклятой войны!—Признаюсь тебѣ, немногихъ изъ падшихъ героевъ Севастополя было мнѣ такъ жаль, какъ его. Другіе отдавали свою жизнь съ самоотверженіемъ, но и съ запальчивостью страсти. Въ немъ горѣлъ чистый огонь самосознательнаго, высокаго самопожертвованія. Героевъ воинскихъ Россія, слава Богу, найдетъ. Но гдѣ найти такого человѣка, какъ былъ онъ, насквозь проникнутаго святостью долга, благородствомъ и возвышенностью убѣжденій.—Всѣ, кто принимаетъ участіе въ общемъ дѣлѣ, слѣдили за его дѣйствіями съ какою-то особенною любовью. Какъ перенесетъ эту потерю Михаилъ Юрьевичъ *)? Въ немъ онъ оживалъ новою жизнію. Тяжело даже подумать о его положеніи. Для Матвѣя Юрьевича **), эта потеря, — я думаю, будетъ почти также чувствительна. Онъ, говорятъ, любилъ его почти какъ сына. Когда я ихъ видѣлъ вмѣстѣ, мнѣ казалось, что иногда,—смотря на Михаила Михайловича, въ его глазахъ выражалось столько невольной любви и нѣжности, что это замѣчаніе мое тогда еще прибавило много прекрасныхъ чувствъ къ тому понятію, которое я имѣлъ о внутреннемъ счастіи вашей рѣдкой, дружной семьи. И вотъ, какъ оборвалось это счастіе семейной любви! Анна Михайловна ***), говорятъ была, больше другихъ дружна съ нимъ. Дай ей Богъ силу и вѣру, чтобы перенести это тяжелое испытаніе! Но за Аполлину Михайловну ****) я боюсь больше всѣхъ. Ея здоровье и безъ того

*) Графъ Вьельгорскій, отецъ Михаила Михайловича. *М. В.*

**) Братъ Михаила Юрьевича. *М. В.*

***) Сестра Михаила Михайловича, впослѣдствіи княгиня Шаховская. *Н. Б.*

****) Рожденная графиня Вьельгорская, супруга А. В. Веневитинова. *Н. Б.*

разстроено, къ тому же она не знаетъ границъ въ движеніяхъ своего прекраснаго сердца. Потому позволь мнѣ тебѣ напомнить, что у васъ въ Петербургѣ теперь находится о. Матвѣй *), котораго слово не безъ духовной силы. Если ты пошлешь за нимъ, то онъ вѣрно не откажется навѣстить васъ. — Я увѣренъ, что бесѣда съ нимъ удержитъ въ христіанскомъ равновѣсіи вѣрующую душу, которая часто тѣмъ способнѣе терять это равновѣсіе, чѣмъ въ ней больше природной любви и самозабвенія. Увлекшись горемъ, мы забываемъ то, что можетъ быть, знаемъ лучше другихъ въ минуты обыкновенныя, забываемъ, что Господь любитъ насъ больше, чѣмъ мать любитъ своего ребенка, что если Онъ, Милосердный, посылаетъ намъ утрату, то видно, это не утрата, а пріобрѣтеніе,—видно это самое лучшее, что только можетъ быть для насъ и для утраченнаго. И кто знаетъ, можетъ быть, эта короткая разлука есть необходимое условіе того, чтобы послѣ полнѣе и внутреннѣе соединиться. И кто намъ сказалъ, что оставляющій земную жизнь разлучается съ нами? Если въ нашемъ сердцѣ то чувство, которое составляетъ и его душевную жизнь, то очевидно, что наше сердце становится мѣстомъ, гдѣ онъ пребываетъ, не мысленно, а существенно сопроницаясь съ нами. Ты поймешь мою мистику, любезный другъ, не смотря на то, что тебя называютъ дѣловымъ и положительнымъ человѣкомъ. Для тебя жизнь сердечная—твоя настоящая. Я помню, какое глубокое, какое продолжительное и проницающее горе овладѣло тобою по кончинѣ твоего брата **)! — Зато послѣ ты одинъ устоялъ въ вѣрѣ, когда друзья твои почти всѣ колебались и падали. Вѣренъ Господь Милосердный и Всемогущій. Онъ не погубитъ чистой любви нашего сердца, что бы ни представлялось въ видимой жизни. Прости меня, любезный другъ, если письмо мое неумѣстно. Подумавши, я чувствую, что недостаточенъ

---

*) См. *Жизнь и Труды М. П. Погодина. Спб. 1894, кн. VIII, 563—569.*

**) Дмитрія Владиміровича, скончавшагося въ 1827 г. *Н. Б.*

сказать слово утѣшительное. Но потребность говорить съ тобой въ эту минуту была сильнѣе другихъ соображеній. Обнимаю тебя“ [127]).

XXVIII.

Въ самомъ началѣ ноября 1855 года, государь прибылъ въ Москву.

Подъ 6—7 ноября 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Кремль. Опоздалъ. Царь уѣхалъ. Въ народѣ. Обѣдня въ Чудовомъ. Вяло. Набросалъ о пріѣздѣ государя. Все отвлеченія. Утѣшительнаго мало. Государь спѣшилъ къ празднику какого-то полка въ Петербургъ. Думалъ какъ бы остановиться. Напишу послѣднее письмо и успокоюсь. Видно Богъ не хочетъ, чтобъ дѣлалось что-нибудь безъ Него. Онъ сдѣлаетъ, что хочетъ“.

10 ноября 1855 года, митрополитъ Филаретъ писалъ къ Антонію: „Государя императора срѣтили мы благополучно. Онъ здравствуетъ и благодушествуетъ. Изволилъ сказать, что предъ образомъ, взятымъ изъ Лавры, съ утѣшеніемъ молился вмѣстѣ съ войскомъ, и у него оставилъ оный. Но Успенскій соборъ, въ которомъ случилось долгонько ждать, не очень милостивъ былъ ко мнѣ, такъ что въ Архангельскомъ, 8 дня, быть я не могъ“ [128]).

Не довольствуясь лаконическими записями своего *Дневника*, Погодинъ написалъ въ Петербургъ, къ своимъ друзьямъ, подробное письмо о послѣднемъ пребываніи государя въ Москвѣ.

„Государь“, — писалъ онъ, — „только-что мелькнулъ въ Москвѣ. Немногимъ посчастливилось его увидѣть. А сколько было приготовленій, намѣреній, сборовъ! Въ послѣднее время ходила по городу мысль встрѣтить его, по древнему обычаю, у Серпуховскихъ воротъ, и возблагодарить всѣмъ міромъ за новую службу, которую Богъ помогъ ему, въ очью нашу, сослужить Отечеству, возблагодарить торжественно за любовь, которую показалъ онъ намъ, посѣтивъ Крымъ, подъ непрія-

тельскими выстрѣлами, поклонившись священнымъ развалинамъ Севастополя, ободривъ подверженную опасности Одессу, одушевивъ войска горячими выраженіями царской милости и признательности, осмотрѣвъ внимательно всѣ наши позиціи, даже до переднихъ аванпостовъ, выслушавъ мнѣнія и совѣты всѣхъ военачальниковъ, прикоснувшись, такъ сказать, съ сердечнымъ участіемъ къ ранамъ и язвамъ нашихъ мужественныхъ воиновъ во всѣхъ походныхъ лазаретахъ и госпиталяхъ, изслѣдовавъ тщательно всѣ пути сообщенія, столько въ настоящихъ обстоятельствахъ важныя, принявъ мѣры противъ несчастныхъ злоупотребленій, привычки и невѣжества, удостовѣрясь въ благонадежности средствъ продовольствія, устроивъ наконецъ подъ личнымъ своимъ, съ братьями, надзоромъ оборону Николаева.

„Какіе полные, прекрасные два мѣсяца, два мѣсяца труда, заботы, попеченія, размышленія, вниманія, состраданія! Какъ ничтожны предъ ними всѣ празднества, увеселенія и забавы дикой пышности, отвратительной роскоши и языческаго великолѣпія! Вотъ они священные терны, которые увидѣлъ на главѣ его нашъ краснорѣчивый Иннокентій. Вотъ они, вотъ истинно царскіе труды, за которые народы преклоняются предъ царями! Вотъ они свѣтозарные лучи „отъ камени честна“, которыми сіяютъ ихъ вѣнцы! Всѣ прочіе тускнутъ предъ ними, если не гаснутъ, для глазъ нашего времени!

„Многіе Московскіе граждане намѣревались выразить свои чувства благодарности царю пожертвованіями на общее дѣло. Успѣлъ, кажется, только Кокоревъ, принесшій сто тысячъ серебромъ въ пользу Вологодскаго и Костромскаго ополченій. Въ газетахъ напечатано еще извѣстіе о представленныхъ ста тысячахъ, ассигнованныхъ г-жею Чебышевой для Измайловской Военной Богадѣльни.

„Съ четверга начались у насъ слухи и ожиданія. Въ пятницу, прочли мы въ *Инвалидѣ* извѣстіе, что государь 30 числа былъ въ Симферополѣ, —и потому рѣшили про себя, что въ Москву не можетъ онъ поспѣть ближе слѣдующей недѣли.

„Въ субботу (5 ноября) пришло извѣстіе, что 31-го государь былъ еще въ Бахчисараѣ и Сѣверной части Севастополя,—и вмѣстѣ разнесся слухъ, что къ вечеру онъ пріѣдетъ въ Москву.

„Никто не хотѣлъ вѣрить. Какъ можно около полуторы тысячи верстъ проѣхать въ пятеро сутокъ по осенней, вѣроятно большею частію дурной дорогѣ! Между тѣмъ, замѣтно было движеніе полиціи по улицамъ, какое бываетъ обыкновенно при подобныхъ ожиданіяхъ. Народъ толпился до самаго вечера по всей дорогѣ отъ заставы до Кремля. Собирались кучки въ городѣ и по Пятницкой, разсчитывали, оглядываясь вдоль улицы. Завтра узнаемъ все въ Кремлѣ, порѣшили наконецъ православные, и разошлись по домамъ.

„Каково же было общее удивленіе и недоумѣніе, когда на другой день узналось въ городѣ, что государь пріѣхалъ ночью, и по утру выйдетъ въ Успенскій соборъ, а оттуда прямо отправится на желѣзную дорогу, въ Петербургъ.

„Всѣ бросились въ Кремль, но до Кремля нескоро дойдешь, какъ ни торопись, изъ Лафертова или Таганки, съ Прѣсни или изъ-подъ Донскаго. Пришли въ Кремль, а его слѣдъ уже простылъ: только колокола доносились издали по пути его поѣзда. Немногіе свидѣтели, которые успѣли рано забраться въ Кремль, разсказывали съ жаромъ вновь приходившимъ изъ всѣхъ воротъ жителямъ о томъ, что они видѣли и слышали. Тотчасъ составились около нихъ кучки, и разспросамъ, восклицаніямъ не было конца!

„Уѣхалъ?—Уѣхалъ. Неужели?—Такъ. Когда?—Въ 10 часовъ. А когда вышелъ?—Въ 9.—А когда пріѣхалъ?—Ночью въ 3-ри. Да когда же онъ спалъ-то?—Видно не спалъ. Сердечный! Голубчикъ! И отдохнуть некогда! Ты послушай еще вотъ что: въ 9 вышелъ, а въ 8 отслушалъ раннюю обѣдню у Спаса за Золотою рѣшеткою, а въ 7 принималъ начальство. Такъ видно и впрямь онъ не ложился? Батюшко ты нашъ! Вотъ, чай, усталъ-то! Помоги ему Господи. Ну, а съ лица-то онъ каковъ? Какъ супротивъ прежняго?—Съ лица и лучше

и бодрѣе и веселѣе. Ой-ли?—Истинно такъ. Самъ ты видѣлъ? —Слышь, ты самъ видѣлъ, ну вотъ, какъ тебя! Какъ же ты попалъ?—Счастье такое послужило, ни одного толчка не получалъ, и ни одинъ фартальный пальцемъ не тронулъ. А въ Чудовѣ, слышь, митрополитъ спросилъ: какъ дѣла наши, ваше величество? Порядочно, — отвѣтилъ онъ, — Богъ милостивъ. Ой ли?—порядочно, Богъ милостивъ, Слава Тебѣ Господи! Эхъ, горе, не увидали мы его! Ребята, въ Чудовѣ молебенъ. Пойдемъ къ молебну! Не пустятъ? Пустятъ. Велѣно, слышь, всѣхъ пускать вездѣ! Али наша молитва не доходитъ. Помолимся и мы.

„Толпа отдѣлилась въ Чудовъ монастырь. Пошелъ и я за нею,—но мы застали только *многія лѣта*. Нечего разсказывать, какіе усердные поклоны въ землю были положены всѣми богомольцами, какими благословеніями сопроводилось драгоцѣнное имя благочестивѣйшаго государя императора Александра Николаевича... и супруги его... и чадъ его...

„Въ трудныхъ обстоятельствахъ принялъ государь свою державу. Ни одно вступленіе на престолъ въ Русской Исторіи не сопрягалось съ такими грозными *внѣшними* опасностями,— но въ утѣшеніе и ободреніе можемъ сказать себѣ и то, что ни одинъ государь, съ начала своего царствованія, не пользовался такимъ общимъ расположеніемъ, такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, такою горячею любовію, безъ примѣси всякихъ другихъ чувствованій отрицательныхъ, какъ онъ. Всѣ сердца къ нему стремятся, и не было, можетъ быть, никогда минуты, болѣе благопріятной, когда-бъ было такъ удобно, такъ легко, сдѣлать всѣ нужныя преобразованія и исправленія. Преобразованія и исправленія *внутреннія* для насъ не только нужны, но необходимы. Скажу болѣе: ими только можемъ мы спастися, ими только можемъ отвратить настоящія опасности и предупредить будущія, кромѣ, разумѣется, гнѣва Божія. Всѣ человѣческія учрежденія, независимо даже отъ лицъ и обстоятельствъ, имѣютъ свои возрасты, свои степени возвышенія и пониженія своего развитія. Ударитъ часъ, и самое лучшее учреж-

деніе, отживъ свой вѣкъ, дѣлается вреднымъ, такъ что даже способные и достойные люди въ его предѣлахъ не могутъ приносить пользы. Здѣсь никто не бываетъ виноватъ, или всѣ раздѣляютъ вину, главнымъ же виновникомъ бываетъ время. *Дніе лукави суть.* Кто знаетъ Исторію, тотъ пойметъ меня, ибо вспомнитъ доказательства моимъ словамъ въ бытописаніяхъ всѣхъ государствъ. Многія формы производства нашихъ дѣлъ сдѣлались такими глубокими колеями, въ которыхъ вязнетъ и лишается движенія всякая мысль, и мертвѣетъ всякая жизнь. Мы привыкли къ нимъ, и потому не чувствовали ихъ пагубнаго вліянія, но настоящая война открыла намъ глаза, и вещи представилися въ настоящемъ свѣтѣ. Благодѣяніе, какого тридцатилѣтній миръ и тридцатилѣтняя тишина доставить намъ были не въ состояніи. Намъ остается воспользоваться этимъ внезапнымъ свѣтомъ, и слѣдовать всюду за нашимъ благодушнымъ царемъ, куда онъ поведетъ насъ и укажетъ намъ путь; намъ остается помогать ему всѣми своими силами: словомъ, дѣломъ и помышленіями. Время—новое, а въ новое время нельзя оставаться съ старыми привычками, нужды—новыя, и старыя средства удовлетворить ихъ не могутъ. Въ новыхъ обстоятельствахъ необходимъ и новый образъ дѣйствія. Стараго, нигдѣ, очевидно не достаетъ.

„Вотъ для чего необходимо общее участіе, общее усердіе; въ общемъ дѣлѣ долженъ участвовать всякій; общаго дѣла по одиночкѣ не сдѣлаешь. Одному и у каши не споро, говаривали наши предки. Великіе и малые, знатные и простые, богатые и убогіе, старые и молодые, мужчины и женщины, должны одинаково посвящать себя всецѣло на службу Отечества.

„Мы, повторяю, отвыкли думать объ общемъ дѣлѣ; мы заботились только о себѣ — и вотъ раздается голосъ почти съ неба! *Имѣяй уши слышати, да слышитъ*".

Это письмо Погодинъ, чрезъ князя Вас. А. Долгорукаго, хотѣлъ представить государю. 3 декабря 1855 г., Богоявленскій писалъ Погодину: „Князь Василій Андреевичъ до

24 ноября жилъ въ Царскомъ Селѣ и наѣзжалъ въ городъ на короткое время; поэтому я долго не могъ улучить минуту поговорить съ нимъ на-единѣ. Онъ читалъ вашу статью съ большимъ удовольствіемъ, но, къ сожалѣнію, не могъ принять на себя представленія ея государю. Причина та, что въ Петербургѣ министры строго держатся опредѣленнаго круга своихъ занятій... Я надѣюсь, что вы меня не выдадите. Говоря съ вами, я не знаю, почему не могу выдумывать дипломатическихъ фразъ и пишу откровенно; не судите меня за это. Посылаю при семъ вашу статью и прошу прощенія за *ея видъ*; она сама виновата: ея буквально *рвали* изъ рукъ“ [129]).

По возвращеніи въ Царское Село, государь былъ обрадованъ донесеніемъ главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ Н. Н. Муравьева, въ которомъ прочелъ: „Божіею милостію и благословеніемъ вашимъ, совершилось наше дѣло. Карсъ у ногъ вашего величества“. Государь собственноручно отвѣчалъ Муравьеву: „Извѣстіе о взятіи Карса, любезный Николай Николаевичъ, обрадовало меня до нельзя. Сердце мое преисполнено благодарности къ благословившему столь блистательнымъ успѣхомъ распорядительность вашу и стойкость храбрыхъ нашихъ Кавказскихъ войскъ... Поздравляю васъ кавалеромъ Св. Георгія 2-й степени, на что вы пріобрѣли неотъемлемое право. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поручаю вамъ передать мое искреннее спасибо всѣмъ ввѣреннымъ вамъ войскамъ... Я ими горжусь, какъ всегда гордился нашими Кавказскими молодцами. Надѣюсь на милость Божію, что паденіе сей гордыни Малой Азіи будетъ имѣть благодѣтельное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ“.

Взятіе Карса завершило побѣднымъ подвигомъ Восточную войну 1853—1856 гг. Ближайшимъ его послѣдствіемъ было пріостановленіе движенія Омера-Паши со стороны занятой Турками Мингреліи [130]).

26 декабря 1855 г., митрополитъ Филаретъ писалъ брату побѣдителя А. Н. Муравьеву: „Поздравляю васъ съ успѣ-

хомъ Николая Николаевича. Мнѣ хотѣлось при взятіи Карса написать ему, хотя и не былъ съ нимъ въ перепискѣ, но силы не было, и не зналъ, куда писать. Вчера узналъ, что онъ въ Тифлисѣ, и тотчасъ написалъ къ нему. Онъ *оюрчи цари многи, и возвесели Израиля*" [131]).

Съ наступленіемъ первыхъ морозовъ, Англо-Французскій флотъ, цѣлое лѣто простоявшій въ виду Кронштадта, и за все время ограничившійся безуспѣшнымъ бомбардированіемъ Свеаборга, отплылъ изъ Балтійскаго въ Нѣмецкое море. Въ Крыму союзники ничего не предпринимали и только изрѣдка перестрѣливались съ нашими аванпостами. Къ зимѣ на всѣхъ театрахъ войны установилось полное затишье [132]).

Наканунѣ Рождества 1855 года, протоіерей Лебединцевъ писалъ высокопреосвященному Иннокентію, изъ Бахчисарая: „Сегодня ожидаютъ сюда генерала Лидерса. Князя Горчакова государь приглашаетъ для чего-то въ С.-Петербургъ; говорятъ, будто бы по случаю безнадежности здоровья князя Паскевича, котораго онъ долженъ занять мѣсто" [133]).

Проѣздомъ черезъ Москву, князь М. Д. Горчаковъ посѣтилъ митрополита Филарета, который по поводу этого посѣщенія писалъ слѣдующее своему лаврскому намѣстнику Антонію: „Что это за несчастіе, что о злоупотребленіяхъ всѣ говорятъ, и никто не можетъ побѣдить ихъ! Князь Горчаковъ, отбывая изъ Крыма, могъ по дорогѣ увидѣть, что нужно поправить, и передать свои замѣчанія преемнику. Князь Горчаковъ, проѣзжая чрезъ Москву, былъ у меня. Я нашелъ его въ здоровьѣ лучше, нежели нѣкоторые говорили. Онъ бодръ; и его разсужденія объемлютъ многое. Онъ очень хвалитъ умъ своего предшественника *) въ Крыму, съ которымъ знакомъ съ молода. Но дивится ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Я, говоритъ, пишу ему: будетъ высадка въ Крымъ; онъ отвѣчаетъ: будетъ высадка въ Константинополѣ. Безъ его требованія, видя нужду, послалъ я ему отрядъ войска, и потомъ

*) Князь А. С. Меншиковъ. *Н. Б.*

Тотлебена. Онъ не спѣшилъ укрѣплять Севастополь. Я сказалъ, что намъ думалось: почему не было дѣйствовано съ нашей стороны зимою. Онъ отвѣчалъ: и я не знаю; Англійское войско было совершенно разстроено, частію и Французское, хотя меньше. Еще изъявляетъ сожалѣніе, что князь Меншиковъ не отдалъ справедливости войску (что я и прежде слышалъ), которое одушевлено наилучшимъ духомъ. Я спросилъ: устоитъ ли Австрія въ этомъ, хотя невѣрномъ неутралитетѣ? Онъ говоритъ: устоитъ въ томъ случаѣ, если мы не потерпимъ значительнаго проигрыша въ войнѣ; одинъ изъ первыхъ министровъ грубый, а другой демократъ, котораго тайная мысль, конечно, есть благопріятствовать демократіи, и слѣдственно неблагопріятствовать Россіи, которая есть главное препятствіе для демократіи“ [134]).

XXIX.

Пользуясь затишьемъ, установившимся на всѣхъ театрахъ войны, обратимся къ инымъ событіямъ нашего повѣтствованія, имѣвшимъ отношеніе къ жизни Погодина и происходившимъ въ 1855 году.

22 іюля 1855 года, министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовъ вошелъ къ государю съ слѣдующимъ всеподданѣйшимъ докладомъ: „Въ Бозѣ почивающему государю императору Николаю Павловичу благоугодно было всемилостивѣйше разрѣшить мнѣ, войти со всеподданѣйшимъ докладомъ о назначеніи товарища министра Народнаго Просвѣщенія, когда представится лицо, достойное занять это мѣсто. Пріемлю смѣлость, нынѣ всеподданнѣйше ходатайствовать предъ вашимъ императорскомъ величествомъ о всемилоствѣйшемъ назначеніи исправляющимъ эту должность, находящагося при высочайшемъ Дворѣ камергера, члена Министерства Финансовъ и академика, дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Вяземскаго. Зная его съ давнихъ лѣтъ и убѣжденный въ его высокихъ душевныхъ достоинствахъ и основательномъ

просвѣщеніи, я смѣю надѣяться, всемилостивѣйшій государь, что онъ достойно будетъ нести таковое званіе, буде воспослѣдуетъ на то высочайшее вашего императорскаго величества соизволеніе".

Въ тотъ же день государь, въ Петергофѣ, начерталъ карандашемъ: *Согласенъ*.

24 іюля, князь Вяземскій представлялся государю и записалъ въ своей *Старой Записной Книжкѣ*: „Поздравилъ меня съ назначеніемъ. Говорилъ о славянскомъ направленіи, о допетровскихъ тенденціяхъ въ литературѣ, о цензурѣ. Благодарилъ за послѣднія мои произведенія".

Еще за нѣсколько дней до своего назначенія товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія, князь П. А. Вяземскій представлялся императрицѣ Маріи Александровнѣ, которую „въ первый разъ отъ роду видѣлъ", и подъ 19 іюля 1855 года, записалъ въ той же книжкѣ слѣдующее: „Очень привѣтлива и мила. Разговоръ около часу". Въ тотъ же день, князь Вяземскій былъ приглашенъ на обѣдъ къ вдовствующей императрицѣ. „Предъ обѣдомъ",—пишетъ князь Вяземскій,— „призывала меня одного. Съ чувствомъ говорила о своей скорби. Милостиво о томъ, что писалъ я за границею и которое всегда обращало на себя вниманіе покойнаго императора. Онъ былъ истинно *Русскій царь*, сказала она".

10 августа 1855 года, князь Вяземскій, въ званіи товарища министра Народнаго Просвѣщенія, былъ въ первый разъ на министерскомъ докладѣ [135]).

Назначеніе князя П. А. Вяземскаго товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія произвело повсюду радостное впечатлѣніе.

„Слышали ль",—писала графиня А. Д. Блудова къ Погодину,—„хорошее назначеніе. Князь П. А. Вяземскій получилъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія. У него съ государемъ былъ разговоръ о цензурѣ, довольно утѣшительный, который вамъ, вѣроятно, Тютчева разсказала" [136]). Весьма сочувственно къ этому назначенію отнесся и Хомяковъ. „Вы

знаете, вѣроятно",—писалъ онъ А. Н. Попову,—„что князь Вяземскій назначенъ въ товарищи къ Норову; едва ли можно было лучше выбрать". А къ Кошелеву онъ писалъ: „Я очень радъ назначенію Вяземскаго" [137]).

Одинъ только И. С. Тургеневъ, неизвѣстно на основаніи какихъ источниковъ, писалъ С. Т. Аксакову: „Князь Вяземскій—вы вѣроятно читали—назначенъ товарищемъ министра Просвѣщенія—только онъ, говорятъ, очень плохъ и слабъ. У Норова, сколько слышно, намѣренія отличныя—что̀ изъ всего этого выйдетъ" [138])? Но С. Т. Аксаковъ, озабоченный въ то время печатаніемъ своей *Семейной Хроники*, отвѣчалъ Тургеневу: „*Хроника* и *Воспоминанія* переписывались на бѣло... Константинъ повезъ отрывки, чтобъ прочесть Назимову, который принимаетъ въ этомъ участіе; если дѣло не сдѣлается въ Москвѣ, то отправлю мою книгу въ Петербургъ, подъ защиту Блудова и князя Вяземскаго; я не слышалъ, что онъ слабъ и плохъ, и очень порадовался его назначенію. Отличныя намѣренія министра ничего не значатъ" [139]).

Въ письмѣ же къ Погодину, С. Т. Аксаковъ весьма рѣзко отзывался о министрѣ. „Прошу васъ", —писалъ онъ,— „не отдавать моей рукописи п...... и д..... Норову... Прочесть что-нибудь извѣстной особѣ — это дѣло другое; но, кажется, трудно теперь" [140]).

Самъ же князь П. А. Вяземскій, вопреки Тургеневу, свидѣтельствовалъ (8 сентября 1855 г.) В. П. Титову о своемъ здоровьѣ слѣдующее: „За свое здоровье долженъ я благодарить Бога. Оно держится и подъ суетами дѣлъ и даже подъ смертоноснымъ паденіемъ Севастополя" [141]).

Князь П. А. Вяземскій, съ присущимъ ему христіанскимъ смиреніемъ и недовѣріемъ къ своимъ силамъ, отнесся къ предстоявшему ему подвигу, и на восторженное привѣтствіе Погодина, отвѣчалъ: „Покорнѣйше и сердечно благодарю васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за всѣ ваши поздравительныя и дружескія привѣтствія, желанія, надежды и прочее и прочее. Дай Богъ бы

вашими устами медъ пить. Признаюсь, эта радость пока наводитъ страхъ. Успѣю ли, будетъ ли возможность оправдать довѣренность, которую мнѣ оказываютъ, ожиданія, которыми встрѣчаютъ мое назначеніе? Вотъ вопросъ, который меня смущаетъ. На А. С. Норова я вполнѣ надѣюсь: онъ человѣкъ честный, благородный и благонамѣренный. Призвавъ меня себѣ въ товарищи, послѣ тридцатилѣтнихъ короткихъ и пріятельскихъ сношеній, онъ сдѣлалъ это съ сознаніемъ. Слѣдовательно, я съ этой стороны покоенъ. Но вообще дѣло и ему, и мнѣ за нимъ, предстоитъ трудное, щекотливое. Впрочемъ, слишкомъ унывать не будемъ — рады стараться! Помолимся Богу, и, авось, молитва за нимъ не пропадетъ. Послужимъ царю и Отечеству, и, авось, служба за ними не пропадетъ, то-есть, принесетъ пользу общему благу. Я и самъ радъ былъ бы хоть на нѣсколько дней побывать въ Москвѣ, посмотрѣть на добрыхъ людей, съ вами потолковать и проч. и проч. Но теперь и думать нечего отлучиться. Надобно выдерживать свой искусъ и свое послушничество. Развѣ позднѣе удастся. Графиня Блудова сообщила мнѣ нѣкоторыя изъ вашихъ послѣднихъ присылокъ. Я все прочелъ съ большимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ. Желалось бы мнѣ имѣть полное собраніе всего, что вы писали въ послѣдніе эти года, и все что впередъ напишете; сдѣлайте милость, высылайте мнѣ. Давайте мнѣ всѣ ваши замѣчанія, предположенія etc по части нашего Министерства,—дорожу мнѣніемъ людей свѣдущихъ, опытныхъ, добросовѣстныхъ. Разумѣется, не могу обѣщать, что все то пойдетъ въ дѣло. Это не отъ меня зависитъ. Но хорошо даже, иное принять къ свѣдѣнію, если не къ исполненію. Далѣе увидимъ, что будетъ и что можно будетъ сдѣлать. Теперь же наша рѣчь впереди, и рѣчь пушекъ. Все наше просвѣщеніе—въ заревѣ Севастопольскомъ. Наши мужественные мученики—сущіе профессора наши на это время: они учатъ насъ, какъ жить и умирать. Передайте мой дружескій поклонъ Шевыреву“.

Въ другомъ письмѣ (отъ 6 октября 1855 года) къ По-

годину, князь Вяземскій писалъ: „Помилуйте, какое же можетъ быть тутъ сомнѣніе, разумѣется, пишите мнѣ всѣ *вчерашнія*, не перебѣленныя письма, а черновыя, горяченькія, только-что изъ печки. Я вамъ на это не отвѣчалъ, потому что почиталъ вашъ вопросъ одною епистолярною формою, и надѣюсь, что вы меня довольно коротко знаете, чтобы вамъ самимъ отвѣчать себѣ на этотъ вопросъ. На то мы и на мѣстѣ чтобы быть на виду и стрѣляли въ насъ. Я радъ всякому указанію, всякому совѣту, всякому даже порицанію. Будетъ ли отъ того прокъ, это другая статья. Въ дѣлахъ жизни усердіе не все превозмогаетъ, и добрая воля не есть еще зиждительная воля. На офиціальныя ваши бумаги, по офиціальномъ разсмотрѣніи оныхъ, будетъ и офиціальный отвѣтъ. Попросите г-на Бартенева, прислать мнѣ для прочтенія его біографическіе матеріалы о Жуковскомъ и скажите ему, что *переводъ* его *) находится въ разсмотрѣніи у Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. У семи нянь дитя безъ глазъ“ [142])

„Вы меня поздравляете“,—писалъ князь Вяземскій къ В. П. Титову,—„и воспѣваете, а я только что не отпѣваю себя. Новое назначеніе мое могло бы во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворить моему самолюбію и даже затронуть душу. И назначеніе было самое милостивое, и представленіе самое радушное и вообще встрѣчено оно было, можно сказать, единогласнымъ сочувствіемъ. Все это очень хорошо и все это цѣню я съ подобающею благодарностію ко всѣмъ и за все. Но, признаюсь, со всѣмъ тѣмъ, преобладающее въ этихъ впечатлѣніяхъ чувство, есть чувство унынія. Вы меня знаете и меня поймете. Можетъ быть, лѣтъ за двадцать тому, открывающаяся мнѣ дѣятельность и расшевелила бы меня и пустился бы я въ нее съ упованіемъ. Теперь, что я? До шестидесяти трехъ лѣтъ дожилъ нулемъ, который въ счетъ не шелъ, странно мнѣ сдѣлаться цифрою, которая все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе и принимается въ разсчетъ другими, при общемъ

---

*) *Исторія Сербіи* Ранке. *Н. Б.*

итогѣ требованій и ожиданій. Тутъ я и не признаю своего цифирнаго достоинства и не надѣюсь обогатить этого итога. Помню примѣръ Дашкова и Блудова. При вступленіи ихъ въ кругъ государственныхъ дѣлъ, можно было надѣяться, что ихъ числительная важность произведетъ значительный оборотъ въ положеніи дѣлъ, или по крайней мѣрѣ, что каждый изъ нихъ сохранитъ свою внутреннюю цѣнность и внесетъ ее въ свою отдѣльную часть. Что же мы видѣли? Вся ихъ личность демонстразировалась. Вся ихъ цѣнность размѣнялась на гомеопатическія дроби. Изъ чего же мнѣ думать, что я буду ихъ искуснѣе, самостоятельнѣе или счастливѣе? Видно, тутъ не цифры виноваты, а виновата ариѳметика. Нѣтъ, какъ ни разсуждай, Севастополю не слѣдовало бы пасть, а мнѣ не слѣдовало бы возвышаться . . . Уваровъ . . . . . Вотъ тоже цифра, которая вездѣ чего-нибудь да стоила бы, а съ нашею ариѳметикою мало принесла пользы. Скажу по совѣсти, что Норовъ очень благонамѣренный человѣкъ, любитъ и понимаетъ просвѣщеніе и довольно настойчивъ и твердъ въ своемъ направленіи. Онъ, можетъ быть, не имѣетъ блестящихъ способностей Уварова, но имѣетъ гораздо болѣе любви и теплоты. Въ этомъ отношеніи я душевно радъ быть товарищемъ Норову, и увѣренъ, что я съ нимъ не оцарапую своей совѣсти.

„Норовъ отправился въ Казань осматривать Университетъ, а я безъ него калифствую на часъ. Вспомните обо мнѣ въ одинъ изъ этихъ вторниковъ и представьте себѣ мою рожу въ Комитетѣ Министровъ, гдѣ я одинъ разъ уже засѣдалъ. Жуковскій спрашивалъ у одного деревенскаго священника, почему отцу нельзя быть при крестинахъ своего младенца? Думаю, отвѣчалъ онъ, потому, что какъ-то неловко и совѣсть убиваетъ. То же могу сказать и о себѣ, когда сажусь въ чужія кресла“ [142]).

Любопытно письмо князя Вяземскаго и къ Шевыреву, которому писалъ: „Мы съ вами не сходились даже и письменно съ тѣхъ поръ, какъ сблизились поприщами нашими. Но не

менѣе того, я не сомнѣваюсь, что вы и молча привѣтствовали меня и доброю мыслію, и добрымъ пожеланіемъ при вступленіи моемъ на вашъ путь. Впрочемъ, я привѣтствовалъ васъ общимъ привѣтомъ въ соборномъ посланіи моемъ къ вашему ректору ... Поздравляю васъ съ допущеніемъ неограниченнаго числа студентовъ во всѣ университеты ... Нельзя отъ души не поблагодарить А. С. Норова; онъ хотя и съ одною ногою, а не ковыляя, бодро и прямо идетъ путемъ просвѣщенія. Дай Богъ сохранить ему довѣренность благонамѣреннаго и благожелающаго царя, и можно надѣяться, что со временемъ, съ осторожностію и постояннымъ терпѣніемъ, сотрутся черныя пятна, которыя затемняли лучи нашего просвѣщенія" [144]).

Тѣмъ же смиренномудріемъ проникнуто и письмо князя П. А. Вяземскаго къ Д. П. Сѣверину. „Сердечно благодарю тебя, милый другъ",—писалъ онъ,—„за письмо твое и поздравленія, хотя и слишкомъ лестныя для моего самолюбія. Твоя радость и могу сказать, общее сочувствіе, которое встрѣтило мое назначеніе, нѣсколько пугаютъ мою робкую душу, потому что эта радость и это сочувствіе возлагаютъ на меня большую отвѣтственность. Отъ меня чего-то ждутъ, это очень лестно, но еще страшнѣе. Впрочемъ, для предупрежденія всякихъ недоразумѣній, спѣшу сказать тебѣ по совѣсти, что я очень люблю и уважаю своего министра. Онъ человѣкъ очень благонамѣренный и теплый къ дѣлу просвѣщенія. Надѣюсь, будемъ дѣлать, что̀ можно въ извѣстныхъ предѣлахъ и подъ опредѣленными условіями. Чѣмъ болѣе живешь, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что добро скоро сказывается, а не скоро дѣлается. А между тѣмъ, добро все-таки не сказка, а обязанность. Отъ исполненія обязанности, какъ ни будь она трудна, будь она даже не вполнѣ сбыточна, отказываться не должно. Не такъ ли? Въ твоемъ отвѣтѣ не сомнѣваюсь. Мы съ тобою люди стараго покроя, однокорытники, совоспитанники и сопитомцы Карамзина и Дмитріева. Они любили и понимали Россію и высоко почитали ея честь и свою. Въ Петер-

бургъ возвритился я послѣ четырехъ-лѣтняго отсутствія, какъ въ пустыню, какъ на кладбище. Мертвыхъ нашелъ я много, а живыхъ своихъ очень мало. Домъ Карамзиныхъ разоренъ смертью и горемъ. Бѣдная Мещерская почти безпрерывно больна. Софьѣ Николаевнѣ (Карамзиной) лучше, но она, безмолвный памятникъ того, что было, не принимаетъ никакого участія въ жизни ея окружающей, и любитъ и страдаетъ молча. Аврора *) предана тихой, но, можно сказать, ясной и кроткой печали. Блудовъ продолжаетъ жаловаться на свое здоровье, но однако же здравствуетъ, хотя старость и на немъ беретъ свое. Дочь его, Іоанна Славянъ и Востока, бодрствуетъ духомъ и тѣломъ и проповѣдуетъ святую брань".

XXX.

Великій князь Михаилъ Павловичъ разсказывалъ князю П. А. Вяземскому, что Гумбольдтъ увѣрялъ его, что нѣкоторые древніе діалекты, совершенно исчезнувшіе между людьми, сохранились отчасти только у попугаевъ въ лѣсахъ Новаго Свѣта. „И мы съ тобою,—писалъ князь Вяземскій своему Арзамасскому товарищу Сѣверину, — да съ Блудовымъ, да пожалуй и съ Уваровымъ, принадлежимъ къ этому племени попугаевъ. Для другихъ наша рѣчь, наши воспоминанія, шутки, сѣтованія,—тарабарская грамота. Я вашъ лѣтописецъ, вашъ запѣвало, а вы мои слушатели. Угоденъ я вамъ, и съ меня довольно" [145]).

Къ числу лицъ, лѣтописцемъ которыхъ считалъ себя князь Вяземскій, принадлежалъ и несчастный К. Н. Батюшковъ. Послѣ долгой, исполненной страданій жизни, онъ наконецъ, 7 іюля 1855 года, скончался въ Вологдѣ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Батюшкова, П. А. Плетневъ (6 января 1855 г.) писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „О состояніи здоровья Батюшкова я нарочно

*) Аврора Карловна Карамзина, въ первомъ бракѣ Демидова. *Н. Б.*

ѣздилъ справляться у сестры его, Ю. Н. Зиновьевой. Но она знаетъ объ этомъ не болѣе меня и васъ. Родственникъ ихъ Гревеницъ, который послѣднее время и ходилъ за больнымъ, объявилъ только, что Батюшковъ внезапно пришелъ въ сознаніе и, услышавъ объ осадѣ Севастополя, попросилъ, чтобы ему собрали поболѣе картъ этой мѣстности, и съ той поры сильно занимается Европейской политикой. Досадно, что никто не переписывается съ Вологдою... Вотъ что значитъ встать изъ гроба, пролежавши въ немъ тридцать лѣтъ. Никому ужъ и дѣла нѣтъ до тебя. Право, страшно пережить тѣхъ, съ кѣмъ дѣлилъ первыя свои впечатлѣнія“ [146]).

Свѣдѣнія о послѣнихъ дняхъ и кончинѣ Батюшкова мы почерпаемъ изъ письма Фортунатова къ Шевыреву: „Предсмертная болѣзнь Батюшкова была непродолжительна. Послѣдній годъ онъ видимо слабѣлъ силами; въ іюнѣ мѣсяцѣ, съ женою и дѣтьми Г. А. Гревеница, отправился онъ въ деревню; предполагали, что сельскій воздухъ укрѣпитъ его силы. Но когда родные увидѣли, что больному становилось хуже и хуже, они перевезли его въ городъ; усилія врача, Ѳ. О. Доброва, были напрасны; организмъ тѣлесный постепенно разрушался. 7-го іюля, вечеромъ, приглашенъ былъ приходскій священникъ, напутствовать его; больной не обнаружилъ желанія приступить къ таинству; тогда обратились къ любимому Батюшковымъ протоіерею Дмитріевской церкви, Всеволоду Писареву, но онъ нашелъ уже Батюшкова умирающимъ, въ безсознательномъ положеніи. А потому до васъ дошло невѣрное извѣстіе о томъ, будто предъ кончиною просвѣтлѣлъ разумъ больного поэта. Но это вѣрно, что больной въ послѣдніе годы былъ гораздо спокойнѣе, даже слѣдилъ за ходомъ современной войны; припоминалъ иногда прошедшее, но смутно; напримѣръ, онъ говорилъ, что Финляндія пріобрѣтена его кровью, но къ этому прибавлялъ сожалѣніе, что Финляндія сдана Русскими Шведамъ.—Вѣрно памятны вамъ письма его, помѣщенныя за нѣсколько лѣтъ въ *Москвитянинъ*, доставленныя въ Редакцію княземъ П. А. Вяземскимъ.

Когда мы получили эту книжку *Москвитянина*, одинъ изъ сыновей Гревеница читалъ ему его письма; онъ, прослушавъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ, сказалъ: *написано очень хорошо*. Но не видно было въ немъ сознанія, что писалъ это онъ самъ...

„Погребеніе Батюшкова происходило 10 іюля, въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, въ которомъ были мы съ вами у преосвященнаго Иринея. Ученое сословіе, гимназіи и семинаріи, по приглашенію начальника губерніи, сопровождало изъ города до монастыря тѣло усопшаго. Во время отпѣванія произнесено надгробное слово протоіереемъ Прокошевымъ. Но какъ Прокошевъ не имѣлъ отъ Г. А. Гревеница никакихъ матеріаловъ, потому и долженъ былъ довольствоваться статьею о Батюшковѣ, Плаксина, помѣщенною въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ*" [147]).

Вскорѣ послѣ Батюшкова, скончался и старый товарищъ его по Арзамасу, графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ, котораго Батюшковъ почтилъ нѣкогда прекраснымъ посланіемъ, автографъ котораго красуется въ библіотекѣ села Порѣчья, и которое заключается знаменитымъ стихомъ:

Подъ сѣвернымъ родился небомъ,
Какъ будто въ Аттикѣ рожденъ.

Послѣдніе дни свои графъ С. С. Уваровъ доживалъ въ Москвѣ. Въ *Дневникѣ* Погодина, 1855 года, сохранился цѣлый рядъ записей о его посѣщеніяхъ Уварова.

Подъ *2 января*: „Обѣдалъ у Уварова. Тамъ и вечеръ".

— *6* — : „Обѣдалъ у Уварова. Новые разсказы о воспитаніи, ученіи. Слышалъ злобный хохотъ. И бестія Леонтьевъ какъ будто хотѣлъ трунить надо мною. Кого же онъ во мнѣ видитъ и чего они хотятъ. Игралъ въ карты".

— *21* — : „У Уварова. Поповъ и Корниловъ. Эгоизмъ и самолюбіе отвратительны".

— *8 марта*: „Обѣдалъ у Уварова. Петербургскія извѣстія. Игралъ въ карты".

Здѣсь, подъ *Петербургскими извѣстіями*, Погодинъ, оче-

видно, разумѣлъ полученное имъ письмо (отъ 4 марта 1855 года) изъ Петербурга, отъ академика М. А. Коркунова. Графъ С. С. Уваровъ до конца своей жизни принималъ живое участіе въ дѣлахъ Академіи Наукъ. Въ то время тамъ происходили, по смерти Павла Николаевича Фусса, выборы въ непремѣнные секретари. По поводу этихъ выборовъ, Коркуновъ писалъ Погодину слѣдующее: „Вчера, въ общемъ собраніи Академіи, было объявлено, что графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ разрѣшаетъ производить выборъ непремѣннаго секретаря, на основаніи академическаго устава... Трудно намъ осилить Нѣмцевъ, которые всѣ дѣйствуютъ согласно, систематически! Мы, Русскіе, не умѣемъ подчиняться системѣ, началу, и до сихъ поръ не можемъ понять, отъ чего Нѣмцы насъ сильнѣе, и не хотимъ стать дружно подъ одно знамя, а все дѣйствуемъ такъ себѣ, зря, по-рыцарски, когда уже прошло время рыцарства. Замѣтьте: въ Россіи есть, кромѣ Академіи, присутственныя мѣста, гдѣ почти одни Нѣмцы или Поляки; такъ, въ Виленской губерніи Русскіе чиновники составляютъ безгласное меньшинство, одну шестыхъ между Поляками; такъ, въ Эрмитажѣ, кромѣ сторожей, нѣтъ ни одного Русскаго. Рейхель—знатокъ монетъ и медалей; а посмотрѣли бы вы мои корректуры его описанія медалей?.. Русскому нумизматику надо знать нашу древнюю палеографію да источники Русской Исторіи. У васъ, въ *Москвитянинѣ*, была статейка князя М. А. Оболенскаго *о Литовскихъ монетахъ*; странно, что ея содержаніе совершенно согласно съ письмомъ моимъ къ графу С. Г. Строганову, писанному о томъ же предметѣ по крайней мѣрѣ за полгода“.

Сдѣлавъ это отступленіе, будемъ продолжать слѣдить за послѣдними днями Уварова, по *Дневнику* Погодина:

Подъ *13 марта*: „Обѣдалъ у Уварова. Вечеромъ провѣряли зады“.

— *2 апрѣля*: „Обѣдалъ у Уварова, къ которому по грязи ходилъ пѣшкомъ“.

— *9 апрѣля*: „Обѣдалъ и вечеръ у Уварова. Читали съ нимъ его отчетъ".

— *17* — : „Обѣдалъ у Уварова и вечеръ у него".

— *26* — : „Обѣдалъ у Уварова и вечеромъ долженъ былъ остаться тамъ же, въ ужасной жарѣ".

— *27* — : „Къ Назимову. Проситъ похлопотать, чтобы Уваровъ назначилъ себѣ преемникомъ Елену Павловну. Къ Уварову пѣшкомъ. Не туда смотритъ! Ему хочется, видно, самому остаться: говоритъ, что указывалъ на Константина Николаевича".

— *9 мая*: „Извѣстіе объ ударѣ Уварова. *Благодарю васъ. Любите сына*".

— *11* — : „У Уварова".

— *13* — : „Обѣдалъ у Уварова. Перекрестилъ меня".

— *14* — : „Вечеромъ у Уварова".

— *19* — : „Обѣдалъ у Уварова".

— *20* — : „Обѣдалъ у Уварова".

— *25 августа*: „Обѣдалъ у Уварова. Чуть дышетъ бѣдный, но все еще парадно. Нѣсколько обремененъ желудокъ".

3—4 сентября: „Большею частію у Уварова умиравшаго".

4 сентября 1855 года, Погодинъ получилъ отъ доктора слѣдующую записку: „Графъ С. С. Уваровъ находится въ весьма опасномъ состояніи и часъ отъ часу ожидаемъ его кончины" [148]).

XXXI.

4 сентября 1855 года, умеръ въ Москвѣ въ домѣ Тучковой, на Арбатѣ, въ Николо-Плотницкомъ переулкѣ, графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ [149]).

„Въ продолженіе пяти лѣтъ", — свидѣтельствуетъ Погодинъ, — „Уваровъ имѣлъ нѣсколько ударовъ. Жизнь его какъ будто боролась со смертію и всякую минуту уступала ей послѣ

сильнаго сопротивленія. Въ нынѣшнемъ году, съ самаго начала, онъ былъ уже очень слабъ и представлялъ собою какую-то развалину. Грустно, тяжко было видѣть его изнеможеннаго, едва передвигавшаго ноги, едва выговаривавшаго слова, тихимъ голосомъ, и воспоминать объ прежней живости, блескѣ, обаяніи. Часто выражалъ онъ желаніе взглянуть еще хоть разъ на свое любимое Порѣчье, но вмѣстѣ и боялся отправиться, чтобъ не умереть дорогою. Предпослѣдній ударъ поразилъ его 9 мая 1855 г. Опомнившись, онъ выразилъ желаніе пріобщиться Святыхъ Таинъ. А прежде онъ все откладывалъ исполненіе этого христіанскаго долга до Порѣчья. Была уже полночь. Сергій Семеновичъ забылся опять. Къ утру, проснувшись, спросилъ тотчасъ: что же священникъ? Ему отвѣчали, что за священникомъ послано. Въ ожиданіи, онъ велѣлъ своему комнатному служителю прочесть вслухъ *Отче Нашъ* и, слѣдуя мысленно за словами молитвы, крестился. Пришелъ священникъ, исповѣдовалъ его и пріобщилъ Святыхъ Таинъ. Ему стало нѣсколько лучше, но вообще было примѣтно, что весь организмъ его былъ пораженъ.

„Сынъ и дочь, вызванные эстафетами изъ Петербурга и Нижняго, прискакали усладить его послѣднія минуты. Онъ ободрился. Воля и привычка брали иногда свое въ живомъ мертвецѣ. По старой памяти, онъ спрашивалъ еще иногда новостей о наукѣ, литтературѣ и политикѣ, и подъ часъ ему хотѣлось даже скрыть свое положеніе, соблюсти любимое decorum. Такъ, 25 августа, въ день своего рожденія, онъ приходилъ на минуту къ нашему обѣденному столу, подвязанный бѣлымъ галстукомъ.

„Дѣти не могли оставаться долѣе: сынъ долженъ былъ вести свою дружину въ Кіевъ; дочь—спѣшить по дѣламъ въ Малороссію.

„Прошло нѣсколько дней, Сергій Семеновичъ оставался въ одномъ положеніи, какъ 2 сентября онъ получилъ новый ударъ, послѣдній, послѣ котораго не приходилъ уже въ себя.

Государь императоръ и государыня императрица прибыли въ тотъ день въ Москву и присылали освѣдомиться объ его здоровьѣ. Полторы сутки пролежалъ онъ въ безпамятствѣ, тяжело и прерывисто дышавшій. Ближнихъ родныхъ никого не было. Передъ его смертнымъ одромъ стояло два-три профессора, какъ бы отъ лица науки, два-три художника, какъ бы отъ лица искусства, два-три университетскихъ врача, какъ бы отъ лица вѣдомствъ, находившихся подъ его начальствомъ, и нѣсколько домашнихъ людей, готовыхъ принять его послѣдній вздохъ. Этотъ вздохъ вылетѣлъ 4 сентября, въ 11 часовъ безъ четверти.

„Нашъ славный художникъ Рамазановъ снялъ съ покойника маску. Профессоръ Анатоміи Иванъ Матвѣевичъ Соколовъ набальзамировалъ тѣло съ отличнымъ успѣхомъ. Онъ свидѣтельствуетъ о необыкновенно правильномъ устроеніи черепа.

„Когда на вопросъ министра Народнаго Просвѣщенія А. С. Норова, во что̀ обошлось бальзамированіе? Соколовъ отвѣчалъ „не болѣе пятидесяти рублей“, то Норовъ воскликнулъ:—„Какъ? Вы шутите“?—„Совсѣмъ нѣтъ, ваше превосходительство: ни больше, ни меньше“. — „Подите жъ тутъ, толкуйте нашимъ Петербургскимъ эскулапамъ, сказалъ Норовъ, которые за скверное бальзамированіе покойнаго государя содрали десять тысячъ червонцевъ. Вотъ вамъ добросовѣстность Нѣмцевъ. Просто разбойники. Уморили да и обокрали.

„Университетское начальство распорядилось о возданіи покойному министру послѣднихъ почестей: шестеро студентовъ, днемъ и ночью, дежурили поочередно передъ гробомъ. Панихиды отправлялись по два раза въ день, въ 12 и 7 часовъ. Хоръ митрополичьихъ пѣвчихъ съ удивительнымъ искусствомъ возглашалъ священныя пѣсни смерти. Служеніе совершалось благоговѣйно. Участвовавшихъ въ молитвѣ всегда было столько, что они не могли помѣщаться въ тѣсныхъ комнатахъ. Профессоры, студенты, чиновники по учебному вѣдомству, на-

чальники, равно какъ и Московскіе граждане изъ всѣхъ сословій, спѣшили поклониться покойнику“ [150]).

При первомъ извѣстіи о кончинѣ Уварова, О. М. Бодянскій, подъ 4-мъ сентября 1855 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Упокой, Господи, умершаго! Не тѣмъ будь помянутъ, онъ былъ весьма умный человѣкъ, единственный министръ, но по сердцу незавидный и довольно мирволившій иностранцамъ, особенно Нѣмцамъ. Жаль было видѣть его, почти всѣми своими клевретами оставленнаго въ Москвѣ, въ послѣдніе годы его пребыванія въ ней, по жестокой болѣзни, не позволявшей уже болѣе жить въ Петербургѣ“ [151]).

„Рѣшено было“, — свидѣтельствуетъ Погодинъ, — „совершить обрядъ отпѣванія въ церкви Университета, который всѣмъ своимъ настоящимъ состояніемъ обязанъ графу Уварову. Всѣ нынѣшніе профессора получили образованіе или утвержденіе въ своихъ должностяхъ подъ его непосредственнымъ начальствомъ; многіе обязаны ему лично“ [152]).

9 сентября 1855 г., въ 3 часа по полудни, былъ выносъ тѣла графа Уварова въ университетскую церковь [153]). Гробъ несенъ былъ профессорами; „потомъ“, — свидѣтельствуетъ Погодинъ, — „принятъ студентами и наконецъ выпрошенъ крестьянами изъ его подмосковныхъ деревень. Первые ордена были несены деканами: орденъ Св. Андрея Первозваннаго несъ Шевыревъ... Впереди, длинной вереницей, шли воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, по два въ рядъ. Порядокъ въ шествіи соблюденъ былъ отличнѣйшій.

„Великая княгиня Елена Павловна, которая относилась къ графу Уварову съ особенной благосклонностію, пріѣзжала въ университетскую церковь и одна отслужила панихиду передъ его гробомъ.

„Сынъ и дочь, оставившіе отца за нѣсколько дней еще съ надеждою, едва успѣли пріѣхать наканунѣ отпѣванія. Отпѣваніе совершалъ митрополитъ Филаретъ. Изъ учебныхъ заведеній были избранные воспитанники, профессора, учители, почти въ полномъ составѣ. Когда, по окончаніи священно-

служенія, гробъ снесенъ былъ съ лѣстницы, нѣкоторые профессора хотѣли, какъ я слышалъ, сказать въ нашихъ великолѣпныхъ сѣняхъ по нѣскольку словъ въ честь покойнаго: профессоръ Меньшиковъ приготовилъ стихи на Греческомъ языкѣ, который особенно былъ любимъ Сергѣемъ Семеновичемъ; профессоръ Леонтьевъ думалъ сказать нѣсколько словъ по-Латынѣ объ его знакомствѣ съ Латинскими классиками и объ его познаніяхъ археологическихъ; профессоръ Шевыревъ, хотѣлъ напомнить его отношенія къ Русской Словесности, участіе въ Арзамасскомъ обществѣ, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Блудовымъ, Дашковымъ, Батюшковымъ, его опыты о Греческой антологіи и починъ въ введеніи гекзаметровъ; я сказалъ бы нѣсколько словъ объ немъ, какъ о министрѣ и объ управленіи Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, о тѣхъ неизвѣстныхъ публикѣ усиліяхъ, какія долженъ онъ былъ употреблять, при противныхъ Европейскихъ обстоятельствахъ, чтобъ охранять университеты и все ученое дѣло. По какому-то недоразумѣнію, наши намѣренія не могли быть исполнены, и гробъ вынесенъ изъ сѣней на улицу среди общаго безмолвія" [154]).

На произнесенія этихъ рѣчей, какъ свидѣтельствуетъ О. М. Бодянскій, не согласился митрополитъ Филаретъ, „считая это языческимъ обычаемъ. Даже за заставой не позволено было прочесть своего краснорѣчія нашимъ витіямъ, и, такимъ образомъ, человѣкъ, столько любившій въ свою жизнь рѣчи и самъ щеголявшій ими, остался безъ рѣчей" [155]).

Это запрещеніе сильно возмутило Погодина, и онъ писалъ: „Но стоятъ же подушки съ орденами при гробѣ, несутся же по улицамъ, ѣдутъ по сторонамъ на лошадяхъ жандармы, играетъ же иногда военная музыка вслѣдъ за пѣніемъ: *Святый Боже, Святый Крѣпкій*, — и даже палятъ пушки. Это все не мѣшаетъ церковному обряду; почему же краткія рѣчи помѣшаютъ ему? Церковь хоронитъ христіанина; служба отдаетъ свой долгъ гражданину; общество поминаетъ своего члена. Рѣчи—это тѣ же цвѣты, которые сыплятся на достой-

ную могилу. Я самъ за сохраненіе старыхъ обычаевъ, но они вѣдь начались же когда-нибудь, безъ примѣра, и сдѣлались обычаями только вслѣдствіе повтореній перваго дѣйствія. Почему же мы не можемъ положить основанія новому обычаю? Въ старину можно было начинать, а теперь нельзя? Здѣсь нѣтъ логики. Наши праправнуки, исполняя нѣкоторые прапрадѣдовскіе обычаи, что же скажутъ объ насъ, своихъ прадѣдахъ. Это были люди мертвенные, автоматы, которымъ никакой новой мысли не приходило въ голову, и которые не оставили ничего для подражанія, и сами только повторяли зады, да и то съ грѣхомъ пополамъ. Впрочемъ, въ Малороссіи произносятся рѣчи свѣтскими лицами при нѣкоторыхъ погребеніяхъ; такъ, я помню о недавнихъ рѣчахъ надъ гробомъ профессора Цыха въ Харьковѣ, фельдмаршала Сакена въ Кіевѣ *). Говорено еще было, что свѣтскими лицами могла быть воздана хвала покойному въ особомъ собраніи. Но собраніе имѣетъ особый характеръ: тамъ нельзя ограничиться пятью-шестью словами, которыя могутъ быть произнесены только именно предъ гробомъ, и, истекая изъ сердца, онѣ произвели бы особенное дѣйствіе...

..."Нѣтъ, не понимаютъ еще у насъ, гдѣ, какъ и чѣмъ можно дѣйствовать на умы"!

Изливъ свое негодованіе, Михаилъ Петровичъ Погодинъ продолжаетъ: "Отъ университетской церкви до заставы гробъ несенъ былъ по разсыпаннымъ цвѣтамъ. Нѣкоторые студенты показали такое усердіе, что почти не перемѣнялись: напрасно крестьяне просили у нихъ позволенія послужить въ послѣдній разъ своему доброму помѣщику. Между этими студентами съ удовольствіемъ замѣтилъ я меньшаго сына графа Строганова, бывшаго попечителя, который съ покойнымъ былъ долго въ разныхъ прерѣканіяхъ по службѣ. Въ 3 часа кончилась печальная процессія. За заставою гробъ положенъ былъ на особо

*) Рѣчь надъ гробомъ фельдмаршала князя Ф. В. фонъ деръ-Остенъ-Сакена была произнесена въ Кіевѣ М. А. Максимовичемъ. *Н. Б.*

устроенныя дроги. Мы отправились, молча, по той дорогѣ Смоленской, по которой такъ часто, веселымъ караваномъ, ѣздили проводить лѣто въ Порѣчьѣ, въ гостяхъ у любезнаго хозяина. Грустно намъ было...

..."На границѣ его владѣнія, на берегу Москвы рѣки, крестьяне встрѣтили гробъ и понесли на рукахъ въ церковь. Тамъ собрались священники изъ окрестныхъ селъ и отслужили панихиду. Изъ церкви понесенъ былъ гробъ опять на рукахъ крестьянами мимо дома... Не въѣхалъ теперь въ ворота нашъ Сергій Семеновичъ... Не могъ взглянуть на свое дорогое Порѣчье... а можетъ быть и взглянулъ... Миръ его праху" [156])!

Въ день погребенія Уварова, Погодинъ получилъ отъ воспитателя великихъ князей, Н. В. Зиновьева, слѣдующую записку: "Вполнѣ сочувствуя потери, понесенной вами въ графѣ С. С. Уваровѣ, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы пожелали отдать послѣдній долгъ, столь уважаемому всѣми покровителю просвѣщенія, тѣмъ болѣе, что вы столько лѣтъ прослужили подъ начальствомъ его" [157]).

14 сентября 1855 года, "въ селѣ Холму, Гжатскаго уѣзда, Смоленской губерніи, бросилъ я",—писалъ Погодинъ,— "послѣднюю горсть земли на гробъ покойнаго графа Сергія Семеновича Уварова. Онъ положенъ въ церкви, рядомъ съ отцомъ и любимымъ братомъ" [158]).

"Погребеніе Уварова,—писалъ П. М. Строевъ къ археографу М. А. Коркунову,—было довольно пышно; но до мѣста погребенія, села Холма, провожали только сынъ да дочь, Погодинъ да Грудевъ; прежніе пилигриммы въ Порѣчье не тронулись отсюда. Sic transit gloria mundi! Кто-то президентомъ Академіи будетъ? Странное дѣло! Ужели я такъ старъ? Со времени столѣтняго юбилея Академіи, когда Погодинъ и я удостоились званій корреспондентовъ, почти вся Академія вымерла. Самые старые академики только съ 1828 года" [159]).

"Печальную вѣсть о смерти графа Уварова",—писалъ Погодину патріархъ Славянской Филологіи Шафарикъ,— "прочелъ

я съ горестію въ газетахъ. Добрые старцы уходятъ одинъ за другимъ. Кто ихъ замѣнитъ? Пусть будетъ благословенна его память. Дай Богъ, чтобы сынъ унаслѣдовалъ вмѣстѣ съ именемъ и добродѣтель и славу отца. Это тѣмъ болѣе желательно, что мы вступаемъ болѣе и болѣе въ то время, когда чистыя и искренно-патріотическія добродѣтели, и въ особенности чистая любовь къ наукѣ, дѣлаются все рѣже и рѣже, и когда эгоизмъ и погоня за литературными выгодами господствуютъ" [160]).

XXXII.

Въ ноябрѣ 1855 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Поздравляю васъ съ президентомъ Академіи графомъ Блудовымъ. Можете сказать намъ: Богъ въ помощь" [161])!

Въ засѣданіи Академіи, бывшемъ 23 декабря 1855 года, новый президентъ обратился къ академикамъ съ слѣдующею рѣчью: „Я не въ первый разъ вступаю въ сіе святилище наукъ,—наукъ и словесности, которая въ наше время можетъ быть еще тѣснѣе прежняго съ ними соединяется. Но доселѣ я былъ только постороннимъ, такъ сказать, свидѣтелемъ дѣйствій Академіи, постороннимъ, усерднымъ почитателемъ трудовъ и достоинствъ ея членовъ. Нынѣ, по волѣ и милостивому довѣрію государя императора, имѣю честь предсѣдательствовать въ семъ первомъ изъ нашихъ ученыхъ обществъ, и думаю однакожь, что во многомъ, въ главномъ, мои отношенія къ Академіи не измѣнились. И теперь, не чувствуя себя въ состояніи быть настоящимъ, въ собственномъ смыслѣ сего слова, ея сотрудникомъ, я буду по обязанности, какъ прежде по одной любви къ познаніямъ и къ изящному въ литературѣ, слѣдовать тщательно и безпристрастно за ходомъ ея разнообразныхъ, почти всеобъемлющихъ въ области ума занятій, душевно радоваться успѣхамъ ея и, какъ смѣю надѣяться, свидѣтельствовать о нихъ предъ августѣйшимъ ея покровителемъ. Нужно ли прибавлять, что,

именуя всемилостивѣйшаго государя нашего покровителемъ Академіи, мы слѣдуемъ не одной обыкновенной формѣ выраженія? Его величество есть въ самомъ дѣлѣ покровитель нашего ученаго общества, потому что онъ есть справедливый цѣнитель всѣхъ трудовъ полезныхъ, что ему вполнѣ извѣстна важность науки, повсюду и можетъ быть еще болѣе въ его обширномъ, исполненномъ жизненной силы царствѣ. Такова впрочемъ была всегда, и съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, счастливая въ семъ отношеніи судьба Россіи. Всегда въ Отечествѣ нашемъ науки, просвѣщеніе находили въ нашихъ государяхъ не только благосклонное вниманіе, но дѣятельное поощреніе и, можно сказать, истинное, постоянное сочувствіе. Сему служитъ свидѣтельствомъ и Исторія нашей Академіи. Учрежденная по мысли и плану Петра Великаго, она не переставала быть предметомъ попечительности всѣхъ его преемниковъ. Въ благословенное царствованіе дочери его, въ ней явился безсмертный Ломоносовъ, первый поэтъ и первый ученый въ преобразованной Петромъ Россіи. Геній сего необыкновеннаго человѣка, который, казалось, былъ судьбою обреченъ на невѣжество, напротивъ, обнималъ почти всѣ отрасли науки, и съ тѣмъ вмѣстѣ указывалъ, и наставленіемъ, и примѣромъ, какъ должно владѣть шедшимъ въ то время также къ преобразованію Русскимъ словомъ. Онъ и содѣйствовалъ сему преобразованію, не во всѣхъ еще, но по крайней мѣрѣ во многихъ и важнѣйшихъ онаго формахъ. Въ немъ мы видимъ соединеніе, или, чтобъ точнѣе выразить мысль мою, сочетаніе, хотя еще не совершенное, положительныхъ свѣдѣній ученаго съ живостію воображенія и искусствомъ писателя. Сіе соединеніе, всегда желательное, нынѣ едва ли не необходимо, если не въ одномъ человѣкѣ, то уже, безъ сомнѣнія, въ сословіяхъ, посвящающихъ себя работѣ ума. Чрезъ него только можетъ быть достигаема двоякая цѣль всякаго ученаго общества, и особенно нашей Академіи. Она не есть заведеніе учебное, какъ была отчасти при началѣ своемъ; но ея предназначеніе осталось двоякое. За пер-

вымъ и главнымъ: содѣйствовать успѣхамъ наукъ, расширенію предѣловъ ихъ, слѣдуетъ непосредственно другое, можетъ быть столь же важное: распространять вкусъ къ познаніямъ и самыя познанія, внѣ круга, всегда довольно тѣснаго, собственно ученыхъ, стараться сдѣлать сіи знанія доступными, привлекательными и для тѣхъ, кои по обстоятельствамъ или по роду иныхъ наукъ, не могли пріобрѣсти ихъ при первоначальномъ воспитаніи. Вѣрнѣйшимъ, или и единственнымъ къ тому средствомъ, единственнымъ, такъ сказать, орудіемъ можетъ служить изящная словесность. Она есть, или должна быть постоянной сотрудницей наукъ, даже самыхъ отвлеченныхъ, и сія мысль, безъ сомнѣнія, была въ виду незабвеннаго, нынѣ почившаго въ Бозѣ императора Николая Павловича, когда онъ соединилъ Академію Петра Великаго съ Академіею Екатерины II, имѣющею главнымъ предметомъ занятій своихъ совершенствованіе отечественнаго языка и слога. Плоды сего соединенія, сей мысли безсмертнаго монарха, конечно, будутъ соотвѣтствовать его ожиданіямъ. Въ томъ ручаются ваши дарованія и обширныя свѣдѣнія, и наше общее усердіе. Но не будетъ ли нужно, сверхъ того, что уже сдѣлано и продолжается, употребить для скорѣйшаго достиженія цѣли, намъ предуказанной, еще другіе способы дѣйствія, и въ томъ числѣ установленіе постояннаго, такъ сказать, посредничества между жаждущими познаній и обществомъ, которое можетъ удовлетворять сей благородной жаждѣ? Осмѣливаюсь, мм. гг., нынѣ же, хотя и мимоходомъ, предложить вамъ сей вопросъ. Впослѣдствіи онъ можетъ быть предметомъ вашихъ размышленій и соображеній, въ коихъ и я дозволю себѣ принять нѣкоторое, по мѣрѣ силъ моихъ, участіе. Между тѣмъ, однакожь, и во всякомъ случаѣ, мы не будемъ терять изъ вида перваго, какъ я замѣтилъ выше, и главнаго предназначенія Академіи, успѣховъ самой науки, коей польза иногда не есть непосредственно-практическая,—употребимъ это модное нынѣ слово,—но всегда дѣйствительная и рано или поздно дѣлается для всѣхъ очевидною.

Стараясь, на томъ или на другомъ поприщѣ, тѣмъ или инымъ образомъ, прибавлять къ массѣ человѣческихъ знаній, мы чрезъ то умножаемъ средства для совершенствованія человѣка и для благосостоянія гражданскихъ обществъ, слѣдственно можемъ, *съ доброю совѣстію*, какъ сказалъ святый Павелъ, утѣшать себя мыслію, что, служа наукѣ, служимъ государю и Отечеству".

Въ отвѣтъ на эту рѣчь, академикъ И. И. Давыдовъ произнесъ слѣдующее: „Сіятельнѣйшій графъ! Имѣю честь принести вашему сіятельству отъ лица моихъ сочленовъ—академиковъ торжественное поздравленіе со всемилостивѣйшимъ государя императора назначеніемъ васъ президентомъ Императорской Академіи Наукъ. Члены всѣхъ трехъ отдѣленій Академіи почитаютъ высочайшее назначеніе и счастіемъ для себя, и выраженіемъ царскаго благоволенія къ высшему сословію ученыхъ, и предзнаменованіемъ новыхъ успѣховъ наукъ для отечественнаго просвѣщенія. Мы почитаемъ себя счастливыми при настоящемъ избраніи, потому что видимъ непосредственнымъ начальникомъ своимъ просвѣщеннаго вельможу, государственнаго мужа и писателя. Если всякій талантъ, всякій трудъ ума находитъ высшую для себя награду въ справедливой оцѣнкѣ самопожертвованія своего для пользы общей, то въ этомъ истинно человѣческомъ и благородномъ желаніи нельзя отказать и труженикамъ наукъ. Кто жъ можетъ быть лучшимъ цѣнителемъ тяжкихъ ученыхъ работъ, ободрителемъ ихъ и совѣтодателемъ, какъ не тотъ, кто самъ, посвятивъ всю жизнь служенію престолу, постоянно слѣдовалъ за ходомъ и совершенствованіемъ наукъ, кому незабвенный творецъ *Исторіи Государства Россійскаго* завѣщалъ продолженіе своего прекраснаго произведенія, кого безсмертный Николай I-й облекъ высшею довѣренностью, избравъ блюстителемъ законодательства и органомъ воли своей предъ всей Россіею? Академія въ назначеніи вашего сіятельства видитъ и выраженіе высочайшаго благоволенія къ ней государя императора. Какъ заслуженный государственный санов-

никъ, вы будете предстательствовать у престола о благѣ Академіи, неразлучномъ съ благомъ Отечества. Всегда памятными останутся заслуги знаменитаго предмѣстника вашего по Академіи, въ продолженіе тридцати семи лѣтъ горячо работавшаго съ академиками; но предѣлы наукъ безграничны, расширяются по мѣрѣ успѣховъ въ нихъ; поэтому еще многія отрасли знаній ожидаютъ благотворнаго покровительства, а ученые живительнаго ободренія. При вступленіи предмѣстника вашего въ Академію, не было и трети нынѣшняго числа академиковъ, и Русское отдѣленіе не входило въ составъ Академіи. Но при нынѣшнемъ направленіи просвѣщенія, утѣшительно намъ думать, что подъ вашимъ начальствомъ совершится предсказаніе перваго Русскаго академика, пѣвца императрицы Елизаветы:

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ:
Дерзайте, нынѣ ободренны,
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

„Въ настоящемъ случаѣ радуетъ насъ и надежда на новые успѣхи отечественнаго просвѣщенія. По мысли великаго преобразователя Россіи и августѣйшаго основателя сей самой Академіи, здѣсь должны усовершенствоваться разныя вѣтви наукъ, составляющихъ не только красу, но и могущество народовъ; отсюда свѣтъ ихъ долженъ разливаться въ дражайшемъ нашемъ Отечествѣ. Въ исторіи Русскаго просвѣщенія живутъ имена *Палласовъ*, *Миллеровъ*, *Шлецеровъ*, *Эйлеровъ*, *Шторховъ*, *Ломоносовыхъ*, *Лепехиныхъ*, *Озерецковскихъ*, *Крашенинниковыхъ*. Мысль вѣнценоснаго генія и нынѣ исполняется; скромность не позволяетъ мнѣ наименовать присутствующихъ въ нынѣшнемъ собраніи ученыхъ знаменитостей и отечественныхъ писателей; но эта мысль еще болѣе ра-

зовьется, съ благословеніемъ Всевышняго, при вашей любви къ наукамъ и къ родному слову.

„И такъ, исполненные благоговѣйной благодарности къ августѣйшему покровителю наукъ и Русскаго просвѣщенія, мы еще разъ привѣтствуемъ васъ, сіятельнѣйшій графъ, съ новымъ монаршимъ къ вамъ довѣріемъ. Видя ваше сіятельство среди насъ, мы радуемся тройственной радостью — радуемся за себя, за Академію и за отечественное просвѣщеніе“ [162]).

28 января 1856 года, И. И. Давыдовъ писалъ Погодину: „О вступленіи въ Академію новаго, знаменитаго и вмѣстѣ добрѣйшаго президента, надобно вамъ напечатать въ *Москвитянинѣ*, съ рѣчью его и моею отвѣтною. Нѣмцы за эту рѣчь на меня злобствовали. Но мнѣ истина и Русь дороже всего на свѣтѣ“.

„Блудовъ президентомъ Академіи кажется дѣла не испортитъ“,—писалъ В. В. Григорьевъ П. С. Савельеву,—„Слава Богу, что не нѣмецъ. А странно, почему въ этой Нѣмецкой Академіи президенты все изъ Русскихъ“?

Когда графъ Д. Н. Блудовъ занялъ президентское кресло Академіи Наукъ, В. М. Ундольскій писалъ А. Н. Попову: „Теперь приходитъ, и можно сказать, пришла пора и вамъ дѣйствовать въ Академіи и превратить ее изъ Нѣмецкой слободы въ православно-Россійскую“.

Въ то же время В. М. Ундольскій мечталъ перейти на службу въ Петербургъ, т.-е., быть вблизи Академіи Наукъ; но мечтанія его не осуществились, и онъ съ горечью писалъ А. Н. Попову: „Попытка перебраться на службу въ Питеръ, какъ видите, не удалась; значитъ, оставя несбыточное, надо снова приниматься за возможное. Что я не честолюбивъ и не искателенъ, это вамъ самимъ, думаю, извѣстно. Но мое собраніе, цѣну и пользу коего вы тоже ясно постигаете, съ перемѣщеніемъ моимъ изъ Москвы, нашло бы болѣе прочную опору, которой оно здѣсь вовсе не имѣетъ. Мысль, что двадцатилѣтніе поиски, усиленные труды и издержки

(по моему состоянію безпримѣрные) могутъ уничтожиться въ нѣсколько часовъ, признаюсь, не покидаетъ меня ни на минуту. Мои ежеминутныя лишенія имѣли цѣль и, какъ смѣю думать, не опрометчивую: собрать письменные памятники не сплошь безъ выбора, но только тѣ, которые объясняютъ литературу, исторію и правовѣденіе, словомъ, памятники говорящіе. Недостатокъ такого собранія весьма ощутителенъ, особливо у насъ въ Москвѣ. Всѣ прежніе собиратели отъ Баузе до Царскаго были обильнѣе меня внѣшними средствами. Этому недостатку старался я помочь внутренними средствами: изученіемъ библіотекъ, знакомствомъ съ собирателями и производителями. Признаюсь не безъ услажденія: успѣхъ превзошелъ мои ожиданія!! Пусть о моемъ собраніи скажутъ знатоки наши: Строевъ, Погодинъ, Шевыревъ, Бѣляевъ, Соловьевъ и вы. Моя же обязанность попечись о его цѣлости. Мечта о Московской Публичной Библіотекѣ никого почти не занимаетъ. Исполненіе ея, конечно, труднѣе моего перемѣщенія въ Петроградъ на службу. Помогите, почтеннѣйшій, или по крайней мѣрѣ, научите, что̀ дѣлать. Довольно сидѣлъ я у моря и ждалъ погоды; но самъ-то я не Погодинъ, оттого и не дождусь ея".

XXXIII.

1855 годъ ознаменованъ въ Исторіи Русской Литературы двумя радостными событіями: назначеніемъ князя П. А. Вяземскаго, о чемъ мы уже говорили, товарищемъ министра Народнаго Просвѣщенія и изданіемъ твореній Пушкина и Гоголя.

Въ концѣ января того года, П. В. Анненковъ выпустилъ въ свѣтъ два первые тома *Полнаго Собранія Сочиненій* А. С. Пушкина.

Изданіе сочиненій Пушкина доставило истинную радость Погодину. Въ *Дневникѣ* его 1855 года, мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *31 января*: „Читалъ Пушкина и приписывалъ, что помнилъ. Былъ очень радъ“.

— *1 февраля*: „Все утро съ великимъ удовольствіемъ за біографіею Пушкина; вспоминалъ и плакалъ“.

— *5* — : „Пріятно было видѣть справедливость, отданную Анненкову Бартеневымъ“.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Погодинъ написалъ Анненкову, и вмѣстѣ съ тѣмъ укорилъ его за несправедливость къ А. С. Хомякову. На этотъ укоръ Анненковъ, 12 февраля 1855 года, отвѣчалъ Погодину: „Вы меня огорчили подозрѣніемъ въ неуваженіи къ такому имени и лицу, какъ Хомяковъ. Въ головѣ у меня не было мысли бросить какую-либо тѣнь на человѣка, которому многіе и за многое говорятъ спасибо (да и я въ томъ числѣ). Значитъ, выразился я рѣзко по недосмотру, а намекнулъ я на него, вслѣдствіе такой замѣтки Пушкина: „2 апрѣля (1833). На дняхъ (въ прошлый четвергъ) обѣдалъ у князя Николая Трубецкаго, съ Вяземскимъ и съ Кукольникомъ, котораго видѣлъ въ первый разъ. Онъ, кажется, очень порядочный молодой человѣкъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ талантъ? Я не дочелъ его *Тасса* и не видалъ его *Руки*. Онъ хорошій музыкантъ. Вяземскій сказалъ объ его игрѣ на фортепіано: Il bredouille en musique comme en vers. Кукольникъ пишетъ *Ляпунова*. Хомяковъ тоже. Ни тотъ, ни другой не напишутъ хорошей трагедіи. Баронъ Розенъ имѣетъ болѣе таланта“! Прошу васъ теперь быть и передъ Хомяковымъ выразителемъ моихъ истинныхъ чувствъ, если бы и онъ нашелъ что-либо непріятное въ моей цитатѣ. За тѣмъ, благодарю васъ за доброе слово о трудѣ моемъ. Если бы вы исполнили намѣреніе свое изложить письменно свои замѣтки, впечатлѣнія, опроверженія и дополненія, — вы дали бы драгоцѣннѣйшій документъ къ *жизненной* сторонѣ біографіи. Что въ молодости и въ кончинѣ есть пропуски—не удивляйтесь. Многое даже изъ того, что уже напечатано и извѣстно публикѣ—не вошло и отдано въ жертву, для того, чтобъ, по крайней мѣрѣ, внутреннюю,

творческую жизнь поэта сберечь всю цѣликомъ. И она, благодаря благороднѣйшему нашему министру и содѣйствiю умнаго Л. В. Дубельта, — сбережена по возможности. Пропасть однакожъ она — эта жизненная сторона — не можетъ совсѣмъ; есть и у меня кой-что, но еще болѣе есть у васъ. Напишите же, сообщите, разъясните обликъ поэта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ скученъ въ бiографiи или гдѣ не дописанъ или криво написанъ. Во всякомъ случаѣ, одобренiе, выраженное вами, сказать безъ фразы, дало мнѣ вѣру въ мою работу. Всякiй будетъ занимателенъ, когда заговоритъ о такомъ человѣкѣ, какъ онъ, но если очевидецъ и прiятель скажетъ: похоже,—это уже другое дѣло".

О томъ же просилъ Анненковъ и въ письмѣ своемъ, отъ 12 апрѣля 1856 года: „Тотъ же неотвязчивый проситель, котораго вы видѣли въ Москвѣ, снова прибѣгаетъ къ вамъ. Дѣло все о Пушкинѣ. Ради Бога, отверзите руку вашу, соберите матерiалы ваши и пособите ему. Время все идетъ: вотъ уже весна на дворѣ и весна въ обществѣ. Я считаю обязанностiю моею передъ публикой договорить начатую рѣчь о Пушкинѣ, когда рѣчь начинаетъ бѣжать вообще изъ-подъ льда со всѣхъ сторонъ. А какъ заговорить безъ вашей помощи? Я буду въ Москвѣ на Ѳоминой недѣлѣ, проѣздомъ, и постучусь у вашей двери. Впустите меня! Если вы дадите мнѣ тогда кусокъ *живаго хлѣба*, я увезу его въ деревню и потружусь надъ нимъ. Обстоятельства у насъ перемѣнчивы. Кто не торопится сказать того, что сказать имѣетъ, тотъ можетъ быть, и не скажетъ уже ничего. Сколько у насъ такихъ молчальниковъ, пропустившихъ свою очередь слова, — сами знаете. Будьте же добры ко мнѣ и разрѣшите мнѣ слово: это отъ васъ зависитъ" [163]).

Экземпляръ своего Пушкина, Анненковъ послалъ также редактору *Московскихъ Вѣдомостей*, М. Н. Каткову, который 6 апрѣля 1855 г., писалъ издателю: „Благодарю васъ отъ всей души за экземпляръ вашего Пушкина. Это драгоцѣнный для меня подарокъ. Мнѣ очень досадно, что *Московскiя Вѣ-*

домости замедлили отзывомъ о вашемъ изданіи. Самъ я не могъ въ послѣднее время заняться основательнымъ изученіемъ дѣла, чтобы написать что-нибудь дѣльное, и поручилъ написать статью одному изъ своихъ сотрудниковъ, предоставляя себѣ впослѣдствіи возвратиться къ дѣлу и написать отъ себя, по окончаніи изданія, болѣе обширную статью о Пушкинѣ. Господинъ, которому было поручено дѣло, внезапно уѣхалъ, не извѣстивъ меня о судьбѣ своей статьи. Теперь она написана другимъ, Бестужевымъ *), молодымъ человѣкомъ, даровитымъ; статья завтра появится въ *Вѣдомостяхъ;* я не очень ею доволенъ, но она послужитъ къ оглашенію вашего изданія въ публикѣ, что теперь всего нужнѣе ... И такъ, не сѣтуйте на меня за равнодушіе къ вашему дѣлу. Я къ нему такъ неравнодушенъ, что еще успѣю надоѣсть и вамъ, и публикѣ толками объ немъ“ [164]).

Дѣйствительно, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* была напечатана критическая статья К. Н. Бестужева-Рюмина съ слѣдующимъ предисловіемъ М. Н. Каткова: „Уже вышли четыре тома прекраснаго изданія сочиненій Пушкина, предпринятаго П. В. Анненковымъ. Предпріятіе это есть событіе важное въ нашей литературѣ. Мы увѣрены, что новое изданіе Пушкина будетъ имѣть благотворное вліяніе на умственную производительность у насъ. Честь и слава даровитому издателю! Сколько усилій, сколько трудовъ, сколько кропотливыхъ разысканій, и притомъ сколько свѣжихъ и остроумныхъ мыслей, высказанныхъ имъ въ біографіи нашего славнаго поэта, и во множествѣ примѣчаній, которыми сопровождается все изданіе!—Мы ждемъ, какъ выйдетъ въ свѣтъ все изданіе, чтобы высказать по поводу его мысли наши о Пушкинѣ; теперь же, чтобы не оставлять нашихъ читателей въ невѣдѣніи о ходѣ изданія, чтобы содѣйствовать, съ своей стороны, оглашенію этого важнаго труда, мы помѣщаемъ статью одного

---

*) Впослѣдствіи профессоръ и академикъ Константинъ Николаевичъ Бестужевъ-Рюминъ. *Н. Б.*

изъ молодыхъ и даровитыхъ изслѣдователей нашей литературы, имя котораго уже встрѣчалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*" [165]).

Вскорѣ М. Н. Катковъ исполнилъ свое обѣщаніе и въ своемъ *Русскомъ Вѣстникѣ*, начавшемся, какъ мы увидимъ, изданіемъ съ 1856 года, написалъ цѣлый рядъ примѣчательныхъ статей о Пушкинѣ, которыя впрочемъ не понравились И. И. Давыдову. „Самонадѣянность редактора *(Русскаго Вѣстника)*", — писалъ онъ Погодину,—„смѣшна, онъ безъ зазрѣнія совѣсти говоритъ, что до него никто не понималъ Пушкина, за неимѣніемъ эстетическихъ началъ; а вышло, что повторяетъ всѣмъ извѣстное, только темнымъ и нескладнымъ языкомъ. Не ожидалъ я этого отъ него, и крайне о немъ сожалѣю. Замашка одинакая съ Н. Полевымъ и Бѣлинскимъ, при недостаткѣ дарованій перваго".

Лѣтомъ того же 1855 года, посѣтилъ Москву П. В. Анненковъ, остановился на Моросейкѣ, у В. П. Боткина, и къ несчастью серьезно заболѣлъ. „Сейчасъ я узналъ",—писалъ Погодину Н. А. Мельгуновъ, „что Пушкинъ занемогъ-было холерой въ Испаніи, но Шекспиръ его спасъ. Въ прозаическомъ переводѣ это значитъ, что Анненковъ, только-что пріѣхавшій изъ Потербурга, занемогъ-было у Боткина, но Кетчеръ помогъ ему" [166]).

XXXIV.

Въ концѣ 1853 года, С. П. Шевыревъ вошелъ въ Московскій Цензурный Комитетъ съ прошеніемъ объ изданіи сочиненій Гоголя съ дополненіемъ найденныхъ послѣ смерти его рукописей: *Авторская Исповѣдь* и пять главъ изъ второго тома *Мертвыхъ душъ*. Не рѣшаясь собственною властью разрѣшить это изданіе, начальникъ Московской Цензуры В. И. Назимовъ, 5 декабря 1853 г., обратился за разрѣшеніемъ къ А. С. Норову, которому, между прочимъ, писалъ: „Новое изданіе сочиненій Гоголя . . . я признаю не только воз-

можнымъ, но еще весьма полезнымъ, по уваженію литературнаго ихъ достоинства, благонамѣренности направленія и нравственности впечатлѣній, производимыхъ ими на читателей. Дѣлать же какія-либо измѣненія или исключенія частныхъ мѣстъ изъ прежняго изданія ... я полагаю неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что это могло бы уронить въ глазахъ читателей, достоинство новаго изданія, въ явный ущербъ наслѣдниковъ покойнаго Гоголя ... Притомъ позволительно думать, что сочиненія Гоголя, составляющія одно изъ украшеній нашей литературы, заслуживаютъ снисхожденія со стороны Цензуры".

По предписанію А. С. Норова, Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ опредѣлено было печатныя четыре части передать цензору Ржевскому для новаго просмотра, а рукописи — цензору Похвисневу, которымъ и представить свои о нихъ заключенія въ Комитетъ. Разсмотрѣніе это продолжалось цѣлый годъ, и только 30 ноября 1854 года, В. И. Назимовъ, отправляя А. С. Норову, въ подлинникахъ, согласно его требованію, донесенія цензоровъ Ржевскаго и Похвиснева, писалъ: „Оставаясь и нынѣ при томъ же мнѣніи, какъ относительно благонамѣренности сочиненій Гоголя, такъ и высокаго ихъ значенія въ нашей литературѣ, долгомъ считаю обратиться вновь къ вашему превосходительству съ прежнею моею покорнѣйшею просьбою, объ исходатайствованіи высочайшаго разрѣшенія на изданіе сочиненій этого писателя безъ перемѣнъ и исключеній, которыя не только повредятъ ихъ достоинству, но и могутъ дать поводъ къ злоупотребленію въ пріисканіи по прежнимъ изданіямъ выпущенныхъ мѣстъ, которое придастъ имъ такое толкованіе, какого прежде они никогда не имѣли".

Въ заключеніе своего письма, Назимовъ указывалъ министру Народнаго Просвѣщенія на слѣдующее: „Неизлишнимъ считаю обратить благосклонное вниманіе вашего превосходительства и на состояніе семейства покойнаго Гоголя. Наслѣдники его до сихъ поръ лишаются законнаго своего достоянія и семейство не пользуется никакимъ плодомъ трудовъ

писателя, который принесъ столько пользы и славы Отечеству".

Въ то время, когда министръ Народнаго Просвѣщенія предписалъ членамъ Главнаго Управленія Цензуры разсмотрѣть дѣло объ изданіи сочиненій Гоголя, онъ, 29 января 1855 года, получилъ слѣдующій рескриптъ великаго князя Константина Николаевича: „Авраамъ Сергѣевичъ. Я узналъ на дняхъ, что въ Главное Управленіе Цензуры поступило на разсмотрѣніе полное собраніе сочиненій Гоголя, которое предполагается издать въ пользу его семейства, при чемъ сверхъ сочиненій, уже напечатанныхъ и которыя полагается напечатать вновь, есть и вовсе неизданныя. Въ то же время до свѣдѣнія моего дошло, будто есть цензоры, которые затрудняются пропустить нѣкоторыя мѣста, напечатанныя въ первомъ изданіи его сочиненій, и не соглашаются на изданіе нѣкоторыхъ еще ненапечатанныхъ рукописей. Обстоятельства эти побуждаютъ меня обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что пропуски въ новомъ изданіи тѣхъ мѣстъ, которыя уже были однажды напечатаны, только обратятъ на нихъ всеобщее вниманіе, а при томъ всѣмъ извѣстныя личныя свойства Гоголя, его теплая вѣра, его любовь къ Россіи и преданность престолу, служатъ, кажется, ручательствомъ благонамѣренности всего, что онъ писалъ, и изъемлетъ отъ мелочной разборчивости цензоровъ. Посему я просилъ бы ваше превосходительство обратить на эти обстоятельства вниманіе Главнаго Управленія Цензуры и пригласить оное имѣть ихъ въ виду при разборѣ помянутыхъ сочиненій. Я тѣмъ болѣе желалъ бы, чтобы они были скорѣе напечатаны, что даже въ моей библіотекѣ нѣтъ полнаго собранія сочиненій Гоголя, которыя уже не находятся въ продажѣ. Я буду искренно благодаренъ за ваше просвѣщенное содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ".

На этотъ рескриптъ А. С. Норовъ отвѣчалъ: „Мнѣ весьма пріятно и утѣшительно донести вашему императорскому высочеству, что, вполнѣ раздѣляя изложенныя въ рескриптѣ,

которымъ вашему высочеству угодно было почтить меня, мнѣнія ваши, милостивѣйшій государь, о лицѣ и о сочиненіяхъ Гоголя, я еще до полученія сего рескрипта сдѣлалъ распоряженіи о предложеніи таковаго мнѣнія Главному Управленію Цензуры, въ случаѣ, если мѣстная Цензура встрѣтитъ затрудненія при разсмотрѣніи его сочиненій. То высокое покровительство, которое благоугодно было вашему высочеству оказать нынѣ памяти сего отличнаго писателя, не можетъ не быть драгоцѣнно для отечественнаго просвѣщенія".

Рескриптъ великаго князя Константина Николаевича имѣлъ благодѣтельное вліяніе на судьбу изданія сочиненій Гоголя. Даже самъ Л. В. Дубельтъ отозвался такъ: „По уваженію того, что сочиненія Гоголя въ общемъ направленіи вполнѣ благонамѣренны; что исключеніе изъ новаго изданія нѣкоторыхъ мѣстъ, помѣщенныхъ въ прежнихъ, заставитъ почитателей автора пріискивать выпущенныя мѣста по первому изданію, а это придастъ видъ преступнаго и тому, въ чемъ не было и нѣтъ ничего преступнаго; что съ тѣмъ вмѣстѣ упадетъ достоинство новаго изданія, и наслѣдники Гоголя не получатъ тѣхъ выгодъ, которыя пріобрѣтены для нихъ литературными заслугами умершаго ихъ родственника,—я полагаю справедливымъ, исходатайствовать разрѣшеніе на напечатаніе, какъ прежде издавныхъ четырехъ томовъ сочиненій Гоголя, такъ и представленныхъ въ рукописи посмертныхъ его трудовъ, безъ всякихъ исключеній и измѣненій".

Высочайшее соизволеніе на печатаніе сочиненій Гоголя „безъ всякихъ исключеній и измѣненій" послѣдовало въ Царскомъ Селѣ, 15 мая 1855 года.

28 ноября 1855 года, Т. И. Филипповъ писалъ И. В. Кирѣевскому: „Не думайте, чтобы я добровольно лишалъ себя такъ долго удовольствія съ вами говорить; дѣла весьма разнообразныя по предметамъ, но всѣ одинаковыя по свойству, т.-е. прескучныя и утомительныя, у меня отнимали все время. Я даже ничего до сихъ поръ не написалъ изъ задуманнаго мною; но не могу себя и винить въ этомъ сильно;

скоро устрою себѣ непремѣнно досугъ и напишу о Гоголѣ. Статья объ немъ, объясняющая его побужденія и цѣли, необходима въ настоящее время: толки о второй части *Мертвыхъ душъ* до такой степени нелѣпы, что можно выйти изъ себя нетерпѣливому человѣку. Я сдѣлалъ такое замѣчаніе: пока обличеніе касалось негодяевъ чиновниковъ и помѣщиковъ, нашъ братъ такъ былъ доволенъ Гоголемъ, что чудо. Какъ рѣшительно бросились на язвы нашего быта, произведенныя грубостію, невѣжествомъ и т. п., что не изъ Европы! Дошло дѣло до ученаго и литературнаго сословія, и профессоры разсердились такъ же, какъ прежде сердились патріоты, набивающіе карманъ „на счетъ нѣжно любимаго ими Отечества". Гоголь гдѣ-то сказалъ: „плутъ-потомокъ посмѣется, а плутъ-современникъ не станетъ смѣяться"; можно сказать и такъ: "професоръ-потомокъ посмѣется, а профессоръ-современникъ разсердится" [167]).

Изданіе сочиненій Гоголя, дало Погодину рѣшимость напечатать его письма къ нему. Въ день Пасхи, 27 марта 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Заутреня и обѣдня. Послѣ вечерни, у священника; сдѣлалось дурно, вѣроятно, вслѣдствіе перемѣны пищи. Читалъ Гоголевскія письма".

Во время печатанія писемъ Гоголя, Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ С. Т. Аксакова (27 декабря 1855 г.): „Сердечно радъ, что вамъ любо въ вашемъ уединеніи *). ...О письмахъ Гоголя я вчера говорилъ съ цензоромъ. Онъ признался, что, по желанію В. И. Назимова, вымарывалъ больше для того, чтобъ отвратить васъ отъ намѣренія печатать письма Гоголя... Средство довольно оригинальное! Но, любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ, можно ли такой важный вопросъ: печатать или не печатать и что именно печатать, — свертѣть около пальцевъ и рѣшить мнѣ одному? Объ этомъ надобно было заранѣе подумать и посовѣтоваться,

*) Въ Кирѣевѣ, у Ивана Ѳедоровича Мамонтова. *Н. Б.*

а не тогда, когда надобно тискать. По слѣпотѣ моей, по суетѣ, въ которой живу, я не знаю, какъ исполнить ваше желаніе, которое близко моему сердцу. Сегодня постараюсь прочесть всѣ письма, а завтра попрошу къ себѣ цензора и немедленно доставлю все къ Митѣ. — Сами же вы говорите, что всѣ частности растолкуютъ вкось и вкривь, и такъ, разсудите, какой важный вопросъ вы мнѣ задаете“ [168]).

Какъ бы то ни было, но письма Гоголя къ Погодину были напечатаны въ *Москвитянинѣ* съ слѣдующимъ примѣчаніемъ послѣдняго: „Не думалъ я печатать такъ скоро этихъ писемъ, но вышедшая біографія Гоголя (Кулиша) представляетъ безъ нихъ такіе пробѣлы, что оставлять ихъ въ неизвѣстности сдѣлалось непозволительнымъ.—Я разсудилъ напечатать ихъ особо въ журналѣ... Здѣсь они явятся въ своей особой совокупности и въ этомъ отношеніи представятъ занимательность другого рода“.

XXXV.

По выходѣ въ свѣтъ сочиненій Пушкина и Гоголя, у Погодина явилась счастливая мысль написать по поводу этихъ изданій нѣсколько словъ. Написанная такимъ образомъ статья появилась въ *Москвитянинѣ*, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Новое изданіе Пушкина и Гоголя.*

„Здѣсь льется кровь“,—писалъ Погодинъ,—„тамъ губитъ огонь, вездѣ падаютъ храбрые, принимая на свою грудь смертоносные удары враговъ Отечества, сердца смущаются безпрестанно различными чувствами, одно другого тягостнѣе, страхъ объемлетъ душу, чѣмъ кончится это Европейское Дѣйствіе, которое открыло намъ сначала такой блистательный, великолѣпный кругозоръ, и обнялось впослѣдствіи со всѣхъ сторонъ такими темными, непроницаемыми тучами... Но вотъ, объявлены въ газетахъ сочиненія Пушкина и Гоголя! Усталое вниманіе отвлекается невольно отъ ужасовъ войны къ любезнымъ страницамъ, перевертываются листы какъ будто

сами собою, встаютъ знакомые, милые образы, смѣняются радующія взоръ картины, слышатся сладостные, родные звуки! Мы забылися, унеслися въ какую-то волшебную даль, насъ вспрыснуло, кажется, живою водою, на сердцѣ стало легко и весело, тоска неизвѣстности исчезла, вѣрится въ добрый конецъ добраго начала, Русское чувство торжествуетъ...

„Удивительная сила поэзіи! Удивительная сила таланта! Честь вамъ и слава и горячая благодарность Отечества, воскликнулъ я недавно, обращаясь къ мужественнымъ защитникамъ Севастополя! Честь вамъ и слава и горячая благодарность Отечества, воскликну я теперь, поминая нашихъ славныхъ витязей слова и мысли, являющихся передъ нами вновь съ завѣтными откровеніями своей души!

„Не даромъ получили и они почетное мѣсто въ Русскихъ лѣтописяхъ! Побѣда досталась имъ также приступомъ съ бою. Чего ни испытали они при жизни! Сколько тяжелыхъ камней брошено въ ихъ безотвѣтныя могилы! Злое невѣжество старалось всѣми силами опозорить ихъ чистое имя, наложить свое черное клеймо на ихъ достойную память, и пламенную ихъ любовь, преданность къ добру и порядку вмѣнить чуть не въ преступное злоумышленіе.

„Да! тернистый путь вообще достался на землѣ поэту, художнику, ученому! Внутреннія ихъ борьбы тяжеле еще внѣшнихъ ударовъ, которыхъ примѣръ сейчасъ мы показали. Люди свѣтскіе, люди такъ называемые занятые, то-есть служащіе *дневи и злобѣ* его, люди пресыщенные и упоенные, не имѣютъ понятія о тѣхъ нравственныхъ терзаніяхъ, которыми исполнена ихъ жизнь, хотя иногда, сознаемся, и по собственной винѣ, составляющей горшее мученіе. Толпа не можетъ вообразить, чего стоитъ имъ часто одно *выраженіе*, которое она называетъ *счастливымъ*! Съ какимъ усиліемъ вырывается изъ сердца звукъ, которымъ услаждается ея тонкой и взыскательный слухъ! Иной отшельникъ переживетъ въ глубинѣ уединенной кельи всю жизнь своего народа, испытаетъ на себѣ всѣ его болѣзни, перечувствуетъ всѣ скорби, — тяжело

ему отыскивать въ вѣкахъ, по кровавымъ слѣдамъ, пути его уклоненій, и еще тяжеле видѣть между ними прямую дорогу, усыпаемую притомъ цвѣтами его послушнаго воображенія. Какое отчаяніе овладѣваетъ имъ по временамъ, когда онъ видитъ невозможность противодѣйствовать злу! Счастливъ еще, что такія минуты для него не пропадаютъ даромъ, что дѣйственный слѣдъ ихъ обнаружится непремѣнно въ его сочиненіяхъ и сдѣлается неизсякаемымъ источникомъ высшихъ наслажденій для отдаленныхъ потомковъ.

„Русская Словесность особенно счастлива въ этомъ отношеніи. Жизнь Кантемира, Ломоносова, Державина, Фонъ-Визина, Карамзина, Крылова, Пушкина, Гоголя и другихъ нашихъ писателей стараго и новаго времени, представляетъ много высокихъ явленій, кои, понятыя и оцѣненныя умною Исторіею, возсіяютъ ярко на вѣнцѣ Русской славы, не уступая въ блескѣ никакимъ другимъ государственнымъ заслугамъ и гражданскимъ доблестямъ прежнимъ и нынѣшнимъ!

„Но къ чему ихъ сравнивать! Онѣ всѣ для насъ равны, и всѣ имѣютъ одинаковое право на нашу благоговѣйную признательность,—въ церкви и на престолѣ, въ судѣ и на полчищѣ, въ избѣ и на каѳедрѣ, кто жизнію, кто смертію, кто годами, кто минутами, кто трудомъ, кто подвигомъ, кто постоянною службою. Пушкинъ намъ за то былъ любезенъ,

Что чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ,
Что прелестью живой стиховъ онъ былъ полезенъ,
И милость къ падшимъ призывалъ.

„Намъ дорогъ также Нахимовъ, десять мѣсяцевъ ежеминутно живя-умиравшій и сраженный наконецъ роковою пулей въ своемъ родномъ Севастополѣ. Мы не нарадуемся на Иннокентія, который *поетъ, дондеже есть*, возбуждаетъ къ дѣятельности за правое и святое дѣло, прославляетъ доблихъ, утѣшаетъ скорбныхъ, призываетъ къ трудамъ усталыхъ, ободряетъ робкихъ, и на пажитяхъ смерти, не смотря ни на какія опасности, спѣшитъ вездѣ сѣять глаголы живота своими краснорѣчивыми устами. Незабвенъ для насъ Гоголь, пла-

менно алкавшій совершенствованія и выставившій съ такою любовью, вѣрностью и силою, наши заблужденія и злоупотребленія, да видя, содрогаемся и исправляемся. Поклонимся низко отцу Александру, совершающему молебное шествіе по стѣнамъ Соловецкой обители, подъ градомъ пуль, ядеръ и картечей, — и храброму Хрулеву, схватывающему Брянскую роту для отраженія непріятелей изъ занятаго предмѣстія. Восхвалимъ юношей Щеголева и Максютовыхъ, проливающихъ кровь до послѣдней капли на своихъ баттареяхъ, въ Одессѣ и Камчаткѣ. Прославимъ Корнилова и Тотлебена, воздвигшихъ изъ земли внезапную ограду Севастополя, предъ которой принуждена остановиться вся Европа; не далѣе! Почтимъ любвеобильныхъ сестеръ милосердія съ ихъ щедрой и великодушной матерью! Памянемъ достойно высокаго покойника, которому судьба предоставила развернуть таинственное знамя! Возблагодаримъ сердечно его преемника, который, принимая оное въ свои державныя руки, повторилъ священный обѣтъ!

„Сколько добра, величія, любви, чистоты, силы!

„Многое можно перенести и перетерпѣть, живя въ такомъ времени, слыша о такихъ событіяхъ, видя предъ собою такихъ людей...

„Но куда унесло меня мое воображеніе отъ новаго изданія Пушкина и Гоголя? Нѣтъ—это все одно, или лучше теперь все вмѣстѣ: слова и дѣйствія, молитвы и желанія, начала и окончанія, мысли и предположенія, Отечество, святая Русь, великое и святое дѣло!

Многое лѣто живымъ!
Вѣчная память почившимъ!
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма“ [169]).

Подъ 21 августа 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Бартеневъ хромой жметъ руку за статью о Пушкинѣ“.

XXXVI.

4 октября 1855 года, Московскій Университетъ, наука, общество понесли горестную, невознаградимую утрату въ лицѣ скончавшагося въ тотъ день Тимоѳея Николаевича Грановскаго.

За два дня до своей кончины, т.-е. 2 октября, Грановскій написалъ замѣчательное письмо къ К. Д. Кавелину, въ которомъ выразилъ свои задушевныя убѣжденія. „Пишу тебѣ жениной рукой, милый Костя“,—читаемъ въ этомъ письмѣ,—„потому что самому неловко писать. Вотъ уже недѣля, какъ я лежу почти неподвижно отъ боли въ ногѣ. У меня сдѣлалось воспаленіе въ жилахъ ноги, и шестьдесятъ поставленныхъ піявокъ до сихъ поръ не помогли еще. Я писалъ тебѣ съ баронессой Раденъ. Письмо было коротко, потому что не было времени написать болѣе, а поводовъ къ бесѣдѣ много. Пикулинъ воротился изъ-за границы и привезъ многое и много разсказовъ о нашемъ пріятелѣ *), у котораго прогостилъ двѣ недѣли. Утѣшительнаго и хорошаго мало. Личность осталась та же, нестарѣющая, горячая, благородная, остроумная, но дѣятельность ничтожная и пониманіе вещей самое дѣтское. Для изданія такихъ мелочей не стоило заводить типографіи. Сотрудники у него настоящіе ослы, не знающіе ни Россіи, ни Русскаго языка. Если бы эти жалкія произведенія и проникли къ намъ, то конечно, не вызвали бы ничего, кромѣ смѣха и досады. Его собственныя статьи напоминаютъ его остроумными выходками и сближеніями, но лишены всякаго серьезнаго значенія. И что за охота пришла человѣку разыгрывать передъ Европою роль Московскаго славянофила, клеветать на Петра Великаго и увѣрять Французскихъ refugiés въ существованіи сильной либеральной партіи въ Россіи. У меня чешутся руки отвѣчать ему печатно

---

*) А. И. Герценѣ. *Н. Б.*

въ его же изданіи (которое называется *Полярною Звѣздою*). Не знаю, сдѣлается ли это. Въ первой книжкѣ *Полярной Звѣзды* напечатана переписка Гоголя съ Бѣлинскимъ. Представь себѣ, что при всемъ томъ, Александръ Ивановичъ мечтаетъ о возвратѣ въ Россію и даже хотѣлъ въ слѣдующемъ году прислать сына въ Московскій Университетъ. Каковъ практическій мужъ! Не только Петръ Великій былъ бы намъ полезенъ теперь, но даже и палка его, учившая Русскаго дурака уму — разуму. Со всѣхъ сторонъ бѣда: нехорошо и снаружи и внутри, а ни общество, ни литература не отзываются на это положеніе разумнымъ словомъ. Московское общество страшно возстаетъ противъ правительства, обвиняетъ его во всѣхъ неудачахъ и притомъ обнаруживаетъ, что стоитъ несравненно ниже правительства по пониманію вещей. На дняхъ здѣшніе сенаторы выражали сильное негодованіе за извѣстіе о Корфѣ. Какъ можно, говорятъ они, такъ компрометировать генерала. Вообще наша публика болѣе боится гласности, нежели 3-е отдѣленіе. Погодинъ читалъ свое послѣднее письмо у Урусовыхъ, а дамы съ трепетомъ говорятъ: cela sent la révolution. Самаринъ, поступившій въ ополченіе, доказываетъ всю важность теперешнихъ событій тѣмъ, что по окончаніи войны офицерамъ, служившимъ въ ополченіи, можно будетъ носить бороду, слѣдовательно, кровь Севастопольскихъ защитниковъ не даромъ пролилась и послужила къ украшенію лицъ Аксаковыхъ, Самариныхъ и братіи. Эти люди противны мнѣ какъ гробы. Отъ нихъ пахнетъ мертвечиною. Ни одной свѣтлой мысли, ни одного благороднаго взгляда.

„Оппозиція ихъ безплодна, потому что основана на одномъ отрицаніи всего, что сдѣлано у насъ въ полтора столѣтія новѣйшей Исторіи. Болѣзнь моя пришла крайне не въ пору. У меня много спѣшной работы и надобно было кое что сдѣлать для факультета, выбравшаго меня деканомъ. Въ первый пріѣздъ Норова мнѣ не удалось съ нимъ переговорить, потому что его часто звали ко Двору, а теперь, на возвратномъ пути его, мнѣ нельзя у него быть. Онъ ко мнѣ пока-

зываетъ большое расположеніе и остался очень доволенъ присланной мною ему запиской. Но что толку? Онъ забываетъ къ вечеру сказанное утромъ. Для факультета я надѣялся выпросить его согласіе на подраздѣленіе на филологическое и историческое отдѣленія. Въ историческое отдѣленіе мы внесли бы и юридическій элементъ. Слово министра здѣсь необходимо, потому что только оно одно могло бы зажать ротъ Бодянскому и Шевыреву, которые, враждуя между собою, всегда согласны, когда дѣло идетъ о противодѣйствіи какому-нибудь полезному и разумному преобразованію. Я впрочемъ дѣйствую на основаніи желаній большинства профессоровъ. Лично отъ себя я разумѣется не сталъ бы призывать вмѣшательство начальства. На студентовъ нашихъ грѣхъ пожаловаться. Есть между ними отличные юноши. Тѣмъ болѣе жаль видѣть хаотическое распредѣленіе занятій на нашемъ факультетѣ. Еще нужно было бы мнѣ поговорить съ министромъ о затѣваемомъ мной съ Кудрявцевымъ *Историческомъ Сборникѣ*. Мы думаемъ издавать двѣ—три книжки въ годъ. Эластическое слово *Историческій* дало бы намъ возможность касаться самыхъ жизненныхъ вопросовъ. Въ числѣ главныхъ сотрудниковъ, на которыхъ мы разсчиваемъ, разумѣется ты. Пора, братъ, стряхнуть лѣнь и снова взяться за дѣло. Отъ тебя многіе ждутъ еще многаго. О тебѣ сохранилось въ Университетѣ такое преданіе, что ты не вправѣ считать свою ученую дѣятельность поконченною".

3-го октября, т.-е. наканунѣ смерти, Грановскій перечелъ послѣднюю часть статьи *о Чтеніяхъ Нибура*, приготовленной имъ для печати въ *Пропилеяхъ*. Онъ остался ею доволенъ и съ улыбкой сказалъ женѣ: „А знаешь, Лиза, эту статью писалъ неглупый человѣкъ". А въ день смерти, т.-е. 4 октября, онъ читалъ сочиненіе Перренса о Саванаролѣ и остановился на пятой главѣ" [170]).

Подъ 5 октября 1855 года, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Извѣстіе о кончинѣ Грановскаго. Огорчился,—а я все собирался навѣстить его".

Всепримиряющая смерть примирила и О. М. Бодянскаго съ почившимъ, о чемъ свидѣтельствуетъ запись Бодянскаго, подъ 5 октября 1855 года: „Кончивши лекцію, я остановился на нѣсколько минутъ въ профессорской. Вдругъ входитъ раздосадованный П. Я. Петровъ *) и говоритъ, что онъ никого не засталъ въ аудиторіи, что чрезвычайно удивляетъ его. Я сказалъ, что и у меня, вопреки обычаю, мало было студентовъ, едва человѣкъ пятнадцать, но странность эта объяснится скоро кѣмъ-нибудь изъ слушателей: должна же быть тому причина, и причина не дюжинная. „А“!—вскричалъ Петровъ: „Понимаю! Знаете ль, что Грановскій умеръ“!— Полноте, шутить. Онъ боленъ, это правда. — „Ну, а теперь умеръ“! сказалъ онъ въ третій разъ. Долго я не вѣрилъ ему, и чтобъ убѣдиться на самомъ дѣлѣ, предложилъ тотчасъ же отправиться со мной въ домъ предмета нашего спора. Пріѣхавши къ нему, мы застали его уже на столѣ, въ залѣ, посерединѣ, и вокругъ его камеліи и лавровые вѣнки. Жена сидѣла подлѣ него и, положивъ лѣвую руку на его руки, вперила на него глаза свои и не замѣчала никого. Это до того поразило меня, что я не могъ и пяти минутъ перенести: слезы брызнули ручьемъ, отъ такой безмолвной, глубоко-сосредоточенной въ высшей степени горести и отъ всей души пожелалъ ей слезъ, которыя могли бы облегчить ее и, можетъ быть, и спасти. Ничья смерть такъ сильно не поражала Университетъ съ незапамятнаго времени, какъ смерть его; всѣ безъ исключенія были подъ гнетомъ ея; съ утра и до поздней ночи двери жилища его не затворялись“ [171]).

„Кто зналъ покойнаго“,—писалъ М. Н. Катковъ,—„и кто же здѣсь не зналъ его? — тотъ пойметъ всю силу этой потери, всю глубину нашей скорби. Смерть похитила его во цвѣтѣ силъ, посреди поприща, на которомъ онъ такъ прекрасно, такъ благотворно, такъ славно дѣйствовалъ! Онъ

*) Профессоръ Санскрита. *Н. Б.*

унесъ съ собою столько сокровищъ, это обаяніе избранной природы, эту ясность и юность духа, эту чистоту убѣжденій, эту возвышенность помысловъ, этотъ даръ возбужденія, эту чарующую прелесть слова!.. Въ многочисленныхъ слушателяхъ Тимоѳея Николаевича, разсѣянныхъ во всей Россіи, скорбно отзовется эта вѣсть. Всѣ они хранятъ въ себѣ прекрасный образъ своего наставника, и высокую поэзію его уроковъ. Московское общество стекалось на публичныя его лекціи, и помнитъ эти минуты умственныхъ наслажденій, помнитъ это лице, столь выразительное, запечатлѣнное думою, и этотъ тихій, глубокій, проникающій въ душу голосъ, и эту рѣчь, столь оживленную, столь изящную. Онъ былъ созданъ для своей науки. Его обширная, изумительная память сохранила всѣ подробности событій; онъ владѣлъ необыкновеннымъ даромъ возсоздавать ихъ для созерцанія; мысль его всегда была согрѣта нравственнымъ убѣжденіемъ, которое и сообщало такую прелесть его слову. Чудные образы вставали передъ слушателями изъ историческихъ могилъ, съ своими завѣтными думами, съ своею скорбію, съ своимъ торжествомъ. Нерѣдко два—три магическія слова вызывали великую историческую тѣнь и оживляли далекую эпоху. Какъ историкъ, онъ, въ созерцаніи человѣческихъ дѣлъ, преимущественно одушевлялся идеалами нравственной красоты, и видѣлъ въ своей наукѣ могущественное средство для воспитанія нравственнаго чувства. Онъ былъ исполненъ любви; мысль его была рыцарски-великодушна. Строго отдѣляя добро отъ зла въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, онъ не отказывалъ въ своемъ участіи погрѣшавшимъ. Въ каждомъ явленіи онъ умѣлъ находить положительную сторону и, сочувствуя торжеству побѣды, онъ не присоединялся къ восклицавшимъ: *Vae victis*! но съ симпатическою грустію, съ чувствомъ примиренія и любви, подавалъ руку побѣжденнымъ; историческія катастрофы не помрачали въ его глазахъ нравственнаго достоинства побужденій и дѣйствій. Таковъ онъ былъ и въ жизни, среди близкихъ и друзей. Онъ обладалъ удивительною силою притяже-

нія. Его всегда ровный, всегда ясный и общительный характеръ дѣйствовалъ освѣжительно на всѣхъ, приближавшихся къ нему. Его уважали люди всѣхъ мнѣній, и трудно сказать, какъ много потеряли въ немъ его товарищи, его слушатели и все юное поколѣніе, черпавшее въ его урокахъ, въ его бесѣдахъ, такъ много прекрасныхъ и живительныхъ возбужденій.—Къ сожалѣнію, онъ писалъ мало, и все написанное имъ, какъ ни драгоцѣнно, не можетъ дать и малѣйшаго понятія о томъ богатствѣ, которое заключалось въ его природѣ и которое расточалъ онъ въ окружавшей средѣ. Домъ, гдѣ жилъ покойный, съ утра до ночи наполняется прибывающими отдать ему послѣдній долгъ. Въ среду, прибылъ на панихиду, не смотря на несовсѣмъ возстановившееся здоровье свое, г. попечитель Московскаго Учебнаго Округа, генералъ-адъютантъ Владиміръ Ивановичъ Назимовъ, умѣвшій цѣнить высокія качества покойнаго. Родные, друзья, товарищи и слушатели покойнаго постоянно окружаютъ его гробъ...

„Да покоится же съ миромъ искренно оплаканный прахъ твой, возлюбленный товарищъ! Ты жилъ не даромъ, и переселился въ лучшій міръ, совершивъ земной подвигъ свой честно и вѣрно“ [172]).

„Прекрасно охарактеризовалъ“, — писалъ О. М. Бодянскій, — „въ краткихъ, но полновѣсныхъ словахъ умершаго М. Н. Катковъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, извѣщая по долгу издателя о кончинѣ его. Лучше, благороднѣе и съ большимъ сочувствіемъ и оцѣнкой нельзя сдѣлать, извѣщая о подобномъ событіи“ [173]).

XXXVII.

5 октября 1855 года, М. Н. Катковъ извѣщалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: „Въ четвергъ, 6-го числа, въ 5 часовъ по полудни, назначенъ выносъ тѣла изъ дома Фролова, въ приходѣ Харитонія въ Огородникахъ, гдѣ жилъ по-

койный, въ университетскую церковь, гдѣ и будетъ происходить отпѣваніе въ пятницу. Тѣло будетъ предано землѣ на Пятницкомъ кладбищѣ".

Въ день выноса тѣла, т.-е. 6 октября, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ подругѣ Грановскаго. Съ Кетчеромъ объ его болѣзни. Обѣдалъ у Павлова. Выносъ. Не поспѣли перешагнуть черезъ веревку".

„Выносъ тѣла",—по свидѣтельству очевидцевъ,—„послѣдовалъ нѣсколько ранѣе противъ объявленнаго времени и, не смотря на то, улица едва вмѣщала всѣхъ прибывшихъ проводить его. Гробъ былъ вынесенъ изъ дома товарищами покойнаго, и потомъ до университетской церкви былъ несенъ на рукахъ студентами, при огромномъ стеченіи лицъ, чтившихъ покойнаго. Свѣжіе цвѣты сыпались, вмѣстѣ съ обычнымъ можжевельникомъ, по пути печальнаго шествія. Господинъ попечитель Московскаго Учебнаго Округа встрѣтилъ гробъ въ дверяхъ церкви и помогалъ профессорамъ при внесеніи его въ церковь".

На другой день, въ пятницу, 7 октября, въ 10 часовъ утра, Божественную литургію и отпѣваніе совершалъ соборне ректоръ Московской Семинаріи архимандритъ Леонидъ *). Предъ окончаніемъ Божественной литургіи, протоіерей П. М. Терновскій произнесъ надгробное слово [174]).

Погодинъ, подъ 7 октября 1855 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „На похоронахъ Грановскаго. Жена у гроба. Кавелинъ, Галаховъ, Кудрявцевъ, Тургеневъ съ благодарностями ко мнѣ за статью".

Долго длилось прощаніе съ тѣломъ.

За тѣмъ,—повѣствуетъ О. М. Бодянскій,—„профессоры Историко-Филологическаго Факультета, при помощи нѣкоторыхъ изъ другихъ, а также и самого Попечителя, вынесли

---

*) Съ 1859 года, викарій Московской митрополіи, епископъ Дмитровскій, скончавшійся въ санѣ архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго.

Н. Б.

гробъ его изъ церкви до сѣнныхъ дверей и сдали студентамъ, которые понесли его гробъ на своихъ рукахъ черезъ весь городъ на Пятницкое кладбище, разстояніемъ верстъ шесть. Путь былъ усыпанъ цвѣтами и лавровыми листьями. Давно наша столица не видала такихъ похоронъ, давно никого она такъ славно, такъ единодушно не чтила. Какъ можно сравнить его похороны съ похоронами человѣка, далеко больше его дѣйствовавшаго на томъ же поприщѣ просвѣщенія и притомъ большею частію во главѣ,—разумѣю похороны бывшаго министра Народнаго Просвѣщенія графа Уварова, случившимися ровно мѣсяцемъ раньше! Тамъ все было должностное, такъ сказать, заказное,—здѣсь, наоборотъ, добровольное, непринужденное чествованіе. Честь и благодарность Москвѣ, умѣвшей понять, оцѣнить и отдѣлить истинныя заслуги отъ мнимыхъ или, по крайности, взять во вниманіе и взвѣсить средства и дарованія двухъ дѣятелей, не увлекаясь громкостью роли перваго, — могшей почувствовать, какъ много требовалось истиннаго дарованія и умѣнья отъ покойника, чтобы возбудить къ себѣ такое повсемѣстное и единодушное сочувствіе на томъ низкомъ поприщѣ, каково поприще профессора" [175]).

Мѣсто на Пятницкомъ кладбищѣ, гдѣ тѣло предано землѣ, выбрано прекрасно. Съ возвышенности, осѣненной старыми деревьями, открывается пріятная мѣстность, которой осеннее солнце придавало задумчивый и грустный характеръ [176]).

„Погребеніе Грановскаго"—писалъ Погодинъ—„представляло зрѣлище умилительное. Искренняя скорбь выражалась на всякомъ лицѣ. Множество вѣнковъ брошено въ могилу, множество задушевныхъ словъ вырвалось у присутствовавшихъ въ память о покойномъ. Профессоръ Кудрявцевъ произнесъ краткую рѣчь надъ опущеннымъ въ землю гробомъ, никто почти не слыхалъ ея, но всѣ угадывали и плакали. Грустно, тяжело было оставить кладбище! Долго ходили мы между деревьями, оглядываясь на засыпанную могилу, какъ будто надѣясь увидѣть любезный образъ.

Quis desiderio sit pudor aut modus
Tam cari capitis.

„Миръ его праху“ [177])!

Послѣ похоронъ, друзья покойнаго собрались и долго бесѣдовали о немъ [178]).

Въ этомъ собраніи Погодинъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Поминая профессора въ кругу ученой братіи, начну стихомъ Горація, который безъ сомнѣнія приходитъ невольно всякому изъ насъ на память:

Quis desiderio sit pudor aut modus
Tam cari capitis!..

„*Tam cari capitis*—вѣдь это, нашъ милый, добрый Грановскій! Да, онъ былъ дорогъ многимъ, многимъ, получившимъ отъ него ободреніе, наставленіе, утѣшеніе, вспомоществованіе. Онъ былъ нуженъ намъ всѣмъ—своимъ характеромъ, своимъ словомъ, именемъ; нуженъ особенно теперь, когда предъ нами открывается новый путь, и вдали занимается свѣтлая, нетерпѣливо ожидаемая заря! Какъ бы онъ пошелъ по этому новому пути, чтобъ онъ сдѣлалъ въ этихъ необыкновенныхъ для насъ обстоятельствахъ, что онъ могъ бы сдѣлать, объ этомъ сказать ничего нельзя: дѣятельность его ограничивалась лекціями, или, вѣрнѣе сказать, бесѣдами. Одно только можно сказать, что онъ любилъ горячо Отечество, былъ отъ души преданъ просвѣщенію, образованію, вѣровалъ въ прогрессъ (въ успѣхъ).

„Принадлежавъ къ другому приходу, отдѣлясь отъ Грановскаго географически, если не исторически, я могу засвидѣтельствовать это безпристрастнѣе другихъ.

„Онъ имѣлъ еще одно горячее убѣжденіе—въ необходимости учиться, и я обращусь теперь къ молодому поколѣнію, меня окружающему: необходимость учиться, много учиться, никогда не ощущалась въ Россіи такъ настоятельно, какъ въ наше время, когда на всякомъ мѣстѣ, высокомъ и низкомъ,

образованность можетъ приносить безконечную пользу, а невѣжество причинить ужасный вредъ.

„Ничѣмъ болѣе не можете вы засвидѣтельствовать вашего уваженія, вашей благодарности къ покойнику, ничѣмъ достойнѣе не можете почтить его имя, какъ ревностнымъ исполненіемъ этого священнаго его завѣщанія. Живи онъ въ нашей памяти“ [179])!

Этою прекрасною рѣчью самъ Погодинъ былъ недоволенъ; ибо въ *Дневникѣ* его, подъ 7 октября 1855 года, читаемъ: „За столомъ было нескладно. Я хотѣлъ было сказать нѣсколько словъ, и сказалъ, но неудачно кажется. Усталъ“.

Между тѣмъ, П. Н. Кудрявцевъ, въ своемъ воспоминаніи о Грановскомъ, писалъ: „Любили же его всѣ мы—друзья, товарищи и ученики разныхъ возрастовъ и поколѣній, и потому всѣ мы охотно присоединяемъ наши голоса къ счастливому напоминанію о немъ Погодина стихомъ древняго поэта, которое какъ будто само-собою сказалось во время застольной бесѣды, бывшей послѣ погребенія, такъ оно шло къ покойному Грановскому;

Quis desiderio sit pudor aut modus
Tam cari capitis [180])!

„На другой день похоронъ, попечитель,—свидѣтельствуетъ О. М. Бодянскій,—призвавши въ одну изъ аудиторій декановъ, нѣсколько профессоровъ и студентовъ, сталъ выговаривать имъ за вѣнки (лавровые), которыми наканунѣ забросали Грановскаго при опущеніи въ могилу гроба его. „Это обычай рѣшительно языческій, противный нашей церкви. Какой нибудь Аѳинскій Ареопагъ или Римская Академія могли то дѣлать, но намъ, христіанамъ, такія дѣла неприличны“. Что прикажете дѣлать съ такими головами? А туда же еще съ ссылками на Исторію! Жди тутъ толку и проку отъ нихъ для Университета“ [181])!

„Вы сожалѣете о Грановскомъ“,—писалъ И. Д. Бѣляевъ къ А. Н. Попову,—„жаль его и всѣмъ, кто его зналъ сколько

нибудь; онъ много дѣлалъ и еще бы многое могъ сдѣлать впослѣдствіи; таковые люди, какъ покойный Тимоѳей Николаевичъ, не могутъ не быть уважаемы. Но его мнимые пріятели, увы, изъ рукъ вонъ. Они подняли по случаю его смерти страшный гвалтъ; сплетнямъ и толкамъ конца нѣтъ. Наканунѣ похоронъ прислали Шевыреву два ругательныхъ безъименныхъ письма, требуя, чтобы онъ не говорилъ рѣчи надъ покойнымъ, хотя Шевыревъ и не думалъ говорить; прислали также безъименное письмо университетскому священнику передъ самою обѣднею, тоже требуя, чтобы не говорилъ рѣчи при гробѣ; распустили слухи, что митрополитъ не дозволяетъ отпѣвать покойнаго и запретилъ семинарскому ректору быть на погребеніи и говорить рѣчь, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого ничего не было: митрополитъ вовсе не думалъ лишать Грановскаго христіанскаго погребенія, а семинарскій ректоръ служилъ обѣдню, отпѣвалъ покойнаго и провожалъ покойнаго до могилы; не говорилъ же при погребеніи рѣчи потому, что не былъ знакомъ съ покойникомъ, а отнюдь, не по запрещенію митрополита, какъ это я знаю отъ самого ректора... Добрые люди, которые занимаются этимъ прекраснымъ дѣломъ, кажется, не столько думаютъ о покойномъ, сколько о томъ, чтобы толками о немъ побольше разгласить о себѣ. Я уже не разъ говорилъ тому или другому изъ панегиристовъ, что дѣло не въ панегирикахъ, что нужно скорѣе издать его лекціи и другіе, какіе есть, труды; что это лучшее воспоминаніе о покойномъ. На это дѣло хотя выбрались желающіе, но начинаютъ его изданіемъ того, что уже напечатано; изданіе же ненапечатанныхъ трудовъ покойника откладываютъ въ дальній ящикъ, ссылаясь на то, что нѣтъ въ сборѣ лекцій и даже поговариваютъ, что не совсѣмъ нужно ихъ печатать“ [182]).

XXXVIII.

„Я пріѣхалъ въ Москву",—писалъ И. С. Тургеневъ къ С. Т. Аксакову,—„къ самому дню похоронъ Грановскаго. Давно ничего такъ на меня не подѣйствовало. Потерять этого человѣка въ теперешнюю минуту — слишкомъ горько; съ этимъ вѣроятно согласятся всѣ, къ какому бы образу мыслей ни принадлежали. Самыя похороны были какимъ-то событіемъ— и трогательнымъ, и возвышеннымъ. Вы навѣрное замѣтили въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статью о Грановскомъ, подписанную: Студентъ *XXX*. Превосходная вещь—желалъ бы я знать, кто этотъ студентъ? Я написалъ о Грановскомъ небольшую статью" [183]). „Смерть Грановскаго",—отвѣчалъ ему Аксаковъ,—„и меня поразила. Что же касается до значенія его въ настоящую минуту, то мы поговоримъ съ вами объ этомъ лично. Статья о Грановскомъ студента *XXX* точно замѣчательна, но фамиліи сочинителя я не знаю. Мнѣ особенно нравится статья Каткова. Надѣюсь, скоро прочесть въ *Современникѣ* вашу статью... Я недавно перечелъ ваши строки о смерти Гоголя, и онѣ сильно на меня подѣйствовали, а Грановскаго вы знали ближе и любили, вѣроятно, больше" [184]).

Вслѣдъ за письмомъ И. С. Тургенева, С. Т. Аксаковъ получилъ изъ Одессы письмо отъ своего сына Ивана, въ которомъ прочелъ: „Какъ жаль, какъ жаль Грановскаго! Вотъ, я думаю, васъ поразило это извѣстіе и увѣренъ, глубоко огорчило Константина! Кто бы подумалъ" [185]).

„Боже мой!",—восклицалъ А. В. Никитенко въ своемъ *Дневникѣ*,—„какое горе, какая потеря для науки, для мысли, для всего высокаго и прекраснаго: Грановскій умеръ! Это былъ въ нашемъ ученомъ сословіи человѣкъ, котораго можно было вполнѣ уважать, въ правоту ума и сердца котораго можно было безусловно вѣрить. Онъ былъ чистъ, какъ лучъ солнца, отъ всякой скверны нашей общественности. Это былъ Баярдъ мысли, рыцарь безъ страха и упрека" [186]).

„Замѣтили ли вы“,—писалъ А. С. Хомяковъ Ю. Ѳ. Самарину, — „въ статьѣ о Грановскомъ похвалу ему, какъ *общественному Русскому человѣку*. Похвала эта была совершенно несправедлива въ отношеніи къ нему; но очень важно то, что это смѣли сказать и напечатать. Царство Николая кончилось. Бѣдный Грановскій! Вы вѣрно о немъ пожалѣли. Мнѣ очень жаль его, хоть и знаю, что онъ себя пережилъ и что въ нихъ даже въ лучшихъ, нѣтъ ничего такого, чтобы отвѣчало требованіямъ Россіи, особенно современной. Но жаль въ немъ прекраснаго таланта, благороднаго сердца, и любви къ просвѣщенію и способности согрѣвать другихъ. Жаль добраго врага. Его въ *Вѣдомостяхъ* помянули хорошо, и это весело видѣть и ту хитрость, съ которою они своей партіи даютъ общественное значеніе, такъ сказать, исключительное. Конечно въ общественномъ значеніи Погодинъ Грановскому не чета“ [187]).

Однимъ изъ любимыхъ учениковъ Т. Н. Грановскаго былъ Борисъ Николаевичъ Чичеринъ, и съ семействомъ котораго Грановскій находился въ дружескихъ отношеніяхъ.

Въ послѣдніе годы Грановскаго, Б. Н. Чичеринъ писалъ свою диссертацію объ *Областныхъ учрежденіяхъ Россіи въ XVII вѣкѣ*. По поводу этой диссертаціи, въ концѣ іюня 1854 года, Грановскій писалъ своему ученику слѣдующее: „Диссертацію вашу я прочелъ. Безъ всякаго комплимента вамъ, я нашелъ ее прекраснымъ и истинно цѣннымъ трудомъ. Ее непремѣнно слѣдуетъ напечатать всю сполна. Я сдѣлалъ два или три цензурныхъ замѣчанія. Этихъ мѣстъ Цензура не пропуститъ... Другихъ замѣчаній я не могъ сдѣлать, ибо не зналъ большей части того, что вычиталъ у васъ... Кто писалъ замѣчанія на краяхъ? Баршевъ или Арнатскій? Должно быть, умный человѣкъ. Я на вашемъ мѣстѣ покрылъ бы лакомъ эти строки и сохранилъ бы ихъ для потомства, какъ матеріалъ для Исторіи Русской Цивилизаціи“ [188]).

Сочиненіе Б. Н. Чичерина *Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ*, вышло въ свѣтъ уже по смерти Т. Н. Гра-

новскаго, въ 1856 году, и авторъ посвятилъ его *Памяти Тимоѳея Николаевича Грановскаго.*

„Издавая въ свѣтъ первый свой опытъ“,—писалъ Б. Н. Чичеринъ,—„конченный два года тому назадъ, я считаю священнѣйшимъ долгомъ посвятить его памяти того, кто при жизни былъ для меня наставникомъ и руководителемъ. Если работа моя не будетъ безполезна, если я что-нибудь могу сдѣлать для науки, то конечно я этимъ обязанъ ему. И я осмѣливаюсь принести ему эту дань искренней любви и благодарности, въ сознаніи, что какъ бы ни было слабо мое произведеніе, я въ этомъ трудѣ былъ руководимъ не полемическою цѣлію, не стремленіемъ перенести въ прошедшее страсти настоящаго, а однимъ желаніемъ истины, которую онъ такъ горячо любилъ и къ которой умѣлъ внушить другимъ такое уваженіе. Но увы! не живому наставнику приносится эта дань отъ ученика; она несется на свѣжую могилу, орошенную и орошаемую столькими слезами. Новыми трудами и неослабною дѣятельностію можемъ мы почтить память усопшаго, но намъ не доведется уже слышать отъ него слово совѣта или одобренія, а кто лучше его умѣлъ дать совѣтъ или ободрить начинающаго? Въ немъ всякій изъ насъ находилъ безпристрастнаго, хотя и снисходительнаго судью и цѣнителя; въ вѣрномъ его сужденіи могли бы познать мѣру своихъ силъ и настоящее призваніе каждаго; въ широкомъ его воззрѣніи на жизнь и Исторію находили мы смягченіе слишкомъ односторонняго или рѣзкаго направленія, въ его сочувствіи—вѣчное побужденіе къ знанію и труду. Но свѣтильникъ, насъ озарявшій, погасъ, и отнынѣ мы предоставлены собственнымъ силамъ. Мы должны ощупью идти впередъ, съ опасностью миновать истинную дорогу, съ недовѣріемъ, а можетъ быть иногда и съ слишкомъ большимъ довѣріемъ къ самимъ себѣ, и храня только въ памяти неизгладимый образъ и незабвенные уроки. Это святыня, завѣщанная намъ его жизнію, сдѣлалась еще драгоцѣннѣе послѣ его смерти. Нося ее въ сердцѣ, мы можемъ смѣлѣе идти въ путь,

какъ бы съ талисманомъ, предохраняющимъ отъ всякаго зла. Не изсякнетъ любовь къ мысли и рвеніе къ труду въ томъ, кто живо запечатлѣлъ въ себѣ образъ благороднаго наставника, во всей его поэтической прелести, во всей его нравственной красотѣ. Голосъ его какъ будто бы еще сильнѣе слышится изъ-за гроба, призывая воспитанныя имъ поколѣнія къ святому дѣлу, которому онъ посвятилъ свою жизнь — къ служенію истинѣ и наукѣ, къ подвигамъ на пользу просвѣщенія. Это былъ человѣкъ, память о которомъ долго и долго будетъ жить въ людяхъ. Во многихъ концахъ Россіи сохранится къ ней благоговѣйная признательность; для многихъ останется она драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ души, и также какъ нынѣ, чрезъ много лѣтъ будетъ сжиматься сердце при мысли объ его утратѣ. Это былъ человѣкъ, какого въ другой разъ уже не встрѣтишь въ жизни и, сокрушаясь о немъ, невольно вспомнишь стихи великаго трагика:

Это былъ человѣкъ,—съ какой стороны его не возьми,— подобнаго ему въ другой разъ не увидишь" [189]).

XXXIX.

Въ своемъ *Москвитянинѣ* Погодинъ посвятилъ Грановскому слово воспоминанія; но помянулъ его не отдѣльно, а вмѣстѣ съ скончавшимися, въ томъ же октябрѣ 1855 года, Неволинымъ и Раичемъ, и при этомъ безъ соблюденія хронологическаго порядка ихъ кончины.

„6-го октября 1855 года, скончался въ Бриксенѣ (въ Тиролѣ), на сорокъ девятомъ году жизни, достойный профессоръ С.-Петербургскаго Университета Константинъ Алексѣевичъ Неволинъ, одинъ изъ трудолюбивѣйшихъ и полезнѣйшихъ дѣятелей Русской науки. Неволинъ родился въ Вяткѣ, обучался сперва въ тамошней Семинаріи, потомъ въ Московской Духовной Академіи, а наконецъ при Второмъ Отдѣленіи Собственной Канцеляріи Государя, подъ руководствомъ графа Сперанскаго. Оттуда былъ посланъ со своими товарищами въ

чужіе краи, гдѣ и оставался три года, слушая курсы знаменитыхъ юристовъ".

„Умеръ Неволинъ",—писалъ В. В. Григорьевъ, изъ Оренбурга къ П. С. Савельеву,—„жаль, больно жаль! Я подлюбливалъ его, какъ человѣка, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился: пріятно было смотрѣть на его житье-бытье; смотришь, человѣкъ въ довольствѣ и довольство это пріобрѣлъ трудомъ, лишеніемъ себя въ молодости многаго, безъ чего мы не могли обходиться; живетъ и продолжаетъ работать, не геніально, но умно, совѣстливо, съ толкомъ; женился на загнанной въ семьѣ старой дѣвѣ, и сдѣлалъ изъ нея отличную жену; завелся дѣтками — тутъ-то бы и жить, а вотъ онъ взялъ—да и умеръ. Отъ чего онъ умеръ? Какая такая смертная немочь засѣла въ немъ, что ни отдыхъ, ни путешествіе, ни воды не могли помочь? Правда, всегда онъ былъ похожъ на спичку, но вѣдь не болѣлъ оттого... Ну, миръ праху твоему, Константинъ Алексѣевичъ! Какъ и мы окачуримся, дай Богъ, чтобъ и насъ помянули добрымъ словомъ, какъ мы тебя поминаемъ. Вслѣдъ за Неволинымъ, долженъ, кажется мнѣ, умереть и Надеждинъ".

„Другаго рода утрату"—писалъ Погодинъ,—„но не менѣе скорбную, понесла Русская наука, въ лицѣ Московскаго профессора Тимоѳея Николаевича Грановскаго. Сколько Неволинъ принадлежалъ кабинету, столько Грановскій принадлежалъ обществу. Тотъ дѣйствовалъ сочиненіями, а этотъ бесѣдою. Многообразныя свѣдѣнія, теплое участіе въ судьбахъ человѣческихъ, сердечное желаніе успѣха, живое, пріятное слово, благородство въ образѣ мыслей, наконецъ какая-то особенная любезность, какой-то природный даръ привлеченія, были причиною общаго расположенія къ Грановскому. Кто его зналъ, тотъ его любилъ, болѣе или менѣе, и старался извинять или забывать его недостатки. Грановскій писалъ очень мало. Написанное имъ отличается пріятнымъ изложеніемъ, и блещетъ счастливыми выраженіями и мыслями. Область критики, такъ сказать, домашней, въ которой онъ

преимущественно подвизался, была слишкомъ тѣсна, и не давала многимъ средствъ узнать его вполнѣ. Въ другихъ обстоятельствахъ, можетъ быть, онъ дѣйствовалъ бы иначе, и показалъ бы себя съ другой стороны. Намъ остается отъ учениковъ его ждать плодовъ его сѣянія. Тогда мы оцѣнимъ вѣрнѣе и собственныя его достоинства".

„Третья наша утрата въ этомъ мѣсяцѣ, и опять совсѣмъ другаго рода (разнообразна область человѣческаго духа), — Семенъ Егоровичъ Раичъ. Онъ скончался 26 октября 1855 г. Добродушнѣйшій человѣкъ, страстно преданный литературѣ, поэтъ-младенецъ въ душѣ до глубокой старости, непроизнесшій ни одного слова ропота во всю свою жизнь, непожелавшій зла никому на свѣтѣ, всегда довольный, всегда веселый, всегда трудолюбивый. Переводъ Виргиліевыхъ *Георгикъ*, въ 20-хъ годахъ, переводъ Тассова *Іерусалима*, переводъ Аріоста, не смотря на недостатки избранной формы, имѣютъ неотъемлемыя достоинства, и показываютъ необыкновенное знакомство съ языкомъ".

„Прочитавъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*",—писалъ М. А. Дмитріевъ,—„о кончинѣ Семена Егоровича Раича, я былъ душевно тронутъ этимъ извѣстіемъ. Еще одного хорошаго поэта и одного добраго человѣка лишилась Россія! Еще одного честнаго и прямодушнаго пріятеля лишились мы, Московскіе его современники"!

Раичъ былъ родной братъ высокопреосвященнаго митрополита Кіевскаго Филарета и первоначальное образованіе получилъ въ Духовномъ Училищѣ. „Знаю только",—свидѣтельствуетъ М. А. Дмитріевъ, — „что Раичъ всегда вспоминалъ съ наслажденіемъ о своемъ отрочествѣ, о времени и способѣ своего ученія. Онъ разсказывалъ съ истиннымъ чувствомъ удовольствія, какъ онъ и другіе его товарищи, лѣтомъ, учили свои уроки въ саду, на вольномъ воздухѣ; какъ наставники воспитывали въ нихъ чувства любви и доброжелательства, своимъ мягкимъ, отеческимъ и разумнымъ обращеніемъ съ ними. Это воспитаніе отразилось въ его характерѣ. Оно оста-

вило въ немъ и свѣтлыя воспоминанія души, которыми онъ любилъ утѣшать себя подъ старость, и при которыхъ онъ, такъ сказать, молодѣлъ душою".

Высшее же образованіе Раичъ получилъ въ Московскомъ Университетѣ; во время своего кандидатства жилъ въ семействѣ Тютчевыхъ и былъ наставникомъ извѣстнаго писателя Ѳ. И. Тютчева. Кончивъ его воспитаніе, Раичъ поселился въ селѣ Покровскомъ, у тетки Тютчева, Надежды Николаевны Шереметевой, и занимался воспитаніемъ ея сына Алексѣя Васильевича. Раичу также обязанъ своимъ литературнымъ образованіемъ и Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Потомъ Раичъ жилъ нѣсколько времени, тоже въ качествѣ наставника дѣтей, въ домѣ Ланскихъ, въ переулкѣ, который ведетъ отъ Никитскаго монастыря къ Пречистенскимъ воротамъ. Наконецъ, Раичъ преподавалъ Русскую Словесность въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, гдѣ многіе молодые люди, и въ числѣ ихъ Лермонтовъ, были обязаны ему же первымъ знакомствомъ съ Русскою Литературою. Вотъ сколько именъ, извѣстныхъ въ нашей литературѣ, соединяется съ именемъ Раича, перваго наставника и руководителя ихъ на этомъ поприщѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Раичъ занималъ мѣсто инспектора классовъ и преподавателя Русской Словесности въ Набилковскомъ заведеніи.

„Недалеко оттуда",—повѣствуетъ М. А. Дмитріевъ,—„за Сухаревою башнею, на Серединкѣ, былъ собственный домикъ Раича, съ небольшимъ садомъ, купленный на деньги, полученныя имъ отъ брата, митрополита. Еще за годъ до смерти онъ съ любовію занимался передѣлкою и окончательнымъ устройствомъ своего теплаго гнѣздышка, и былъ совершенно доволенъ и счастливъ въ своей бѣдности. Немного нужно было ему при его умѣренныхъ желаніяхъ, хотя онъ жилъ и не безъ нужды. Небольшой кабинетъ его радовалъ его своею уютностью и чистотою; небольшая, но избранная библіотека, заключала въ себѣ лучшихъ Русскихъ, Латинскихъ и Италіянскихъ авторовъ; въ залѣ стоялъ рояль для дѣтей его; на

окнѣ Эолова арфа, къ унылымъ звукамъ которой любилъ онъ прислушиваться, когда въ отворенное окно игралъ на ней вѣтеръ... Вотъ и вся роскошь его пріюта! Здѣсь, въ послѣднее время, встрѣчалъ я у него немногихъ; по большей части бывали у него по вечерамъ: художникъ К. И. Рабусъ и молодой Московскій поэтъ Ѳ. Б. Миллеръ. Когда Ѳ. Н. Глинка жилъ постоянно въ Москвѣ, онъ былъ тоже однимъ изъ тѣхъ, которые не забывали Раича, и умѣли цѣнить его прекрасную душу. Раичъ былъ женатъ на иностранкѣ и былъ совершенно счастливъ своею семейною жизнію. Она кончила жизнь свою года за три до кончины Семена Егоровича. Эта потеря замѣтно подѣйствовала на старика, привыкшаго къ домашней жизни; онъ замѣтно сталъ слабѣть въ силахъ отъ своего горя. Часто видалъ онъ во снѣ свою Терезу, и нѣсколько разъ говаривалъ послѣ этого: „Она зоветъ меня“!... Послѣднимъ трудомъ Раича была небольшая поэма: *Райская птичка,* которую онъ, по старой пріязни, посвятилъ М. А. Дмитріеву и подарилъ въ рукописи. Она, кажется, и не предназначалась авторомъ для печати, какъ несоотвѣтствующая направленію современной нашей поэзіи“.

Въ заключеніе своего *Воспоминанія* о Раичѣ, М. А. Дмитріевъ писалъ: „Чистая и мирная душа была у этого тихаго и смиреннаго человѣка! Всегда довольный, нисколько не жаловался онъ на судьбу, которая не наградила его своими матеріальными дарами. Всегда съ добродушною улыбкою встрѣчалъ онъ пріятелей, которые посѣщали его, забытаго многими, въ далекомъ и тѣсномъ его пріютѣ... Никогда, никакая рѣзкая укоризна не вырывалась изъ устъ его. Если случалось говорить ему о направленіи времени, которое не согласовалось съ его воспоминаніями прежняго; о направленіи литературы, отклонившейся отъ чистоты прежнихъ убѣжденій: чистосердечная, веселая улыбка довершала добродушно-строгое его замѣчаніе!

...„Миръ праху его! Вѣчная память душѣ его! Если человѣкъ смѣетъ произнести свое сужденіе въ великую минуту

разлученія другаго человѣка съ землею, то, воспоминая младенчески-незлобивую душу Семена Егоровича Раича, невольно желаешь произнести: *Таковыхъ есть царствіе небесное*“ [190]).

XL.

По смерти Т. Н. Грановскаго, у Погодина завязалась дружба съ К. Д. Кавелинымъ. Если вспомнимъ, что Кавелинъ былъ ученикомъ Погодина и послѣдній всегда смотрѣлъ на перваго какъ профессоръ на студента, и что ученикъ вскорѣ по выходѣ изъ Университета возсталъ противъ своего учителя и, въ качествѣ представителя школы родового быта, вступилъ со своимъ учителемъ въ ѣдкую полемику, то насъ не мало удивятъ нижепомѣщаемыя письма Кавелина къ Погодину, свидѣтельствующія о возникшей между ними дружбѣ.

Переписка Погодина съ Кавелинымъ началась съ 3-го ноября 1855 года. Въ то время Кавелинъ служилъ начальникомъ отдѣленія въ Канцеляріи Комитета Министровъ.

Возвратившись съ похоронъ Т. Н. Грановскаго въ Петербургъ, Кавелинъ писалъ Погодину: „Я пробылъ въ Москвѣ только пятницу и субботу, и въ воскресенье былъ уже на обратномъ пути въ Петербургъ.—Этимъ только и объясняется, почему я не былъ у васъ. Время теперь такое, что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и оставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый—единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда нибудь, можетъ быть столько-же сколько въ 1612 году, Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій. Вы не словами, а дѣлами доказали и доказываете, что слышите это требованіе денно и нощно, и потому, будучи точно также настроенъ, я чувствовалъ глубо-

чайшую потребность поговорить съ вами на единѣ хоть одинъ вечерокъ, и видитъ Богъ, какъ мнѣ досадно и больно, что это не удалось. Такъ меня загубила и подрѣзала потеря Тимоѳея Николаевича, что половина меня съ нимъ умерла и руки отвалились. До сихъ поръ хожу какъ шальной и не могу удержаться отъ слезъ и сѣтованій при мысли, что онъ зароется въ землю. Отъ того ни объ чемъ другомъ въ Москвѣ и не думалось, и никого я не видалъ.

„Много и много надобно было бы перетолковать, особенно людямъ разномыслящимъ, чтобъ не поддерживать духа раздвоенія, ненависти и подозрѣній въ теперешнее трудное и многозначительное время.

„Мнѣ такъ все кажется, что большая часть людей, у насъ на Руси, враждуютъ по недоразумѣнію, отъ того что въ споры входитъ много личнаго, чего можно избѣгнуть, если переговорить серьезно и съ любовью, въ твердомъ намѣреніи уважить справедливыя притязанія противной стороны. Думаю, что вы бы всего легче могли бы сдѣлать это съ своей стороны, Михаилъ Петровичъ! Я разумѣю, что вы всего бы лучше, и рѣшительнѣе могли бы быть звѣномъ замиренія. Все это я говорю между нами, совершенно съ глазу на глазъ, потому что преждевременнымъ заявленіемъ этой мысли можно, пожалуй, и испортить дѣло, а оно очень важныя можетъ имѣть послѣдствія. То ли дѣло, если всѣ голоса будутъ за одно, чѣмъ когда каждый поетъ свое и немощенъ въ одиночку? По этому поводу скажу вамъ, въ видѣ задатка моей готовности и въ память моего или скорѣе нашего дорогаго Грановскаго, что я составляю по немногу нѣчто въ родѣ программы того, что бы у насъ должно было быть иначе. Этого конспекта будетъ много тетрадей и обнимать онъ долженъ весь нашъ бытъ. Само собою разумѣется, что объ большей подробности и думать нечего; сказано только главное, общее. Готово — объ управленіи центральномъ, мѣстномъ, земскомъ и сословномъ, о судѣ и участіи выборныхъ въ дѣлахъ управленія. Написана въ треть статья о крѣпостномъ

правѣ государственномъ и помѣщичьемъ. Этой статьѣ приписываю особенную важность и потому работаю очень обдуманно. Готовъ по крайнему убѣжденію моему отдать все свое, да вдобавокъ принять лѣтъ на пятьдесятъ теперешней неурядицы и беззаконія въ Россіи, если бы этими жертвами можно было бы купить въ пять лѣтъ совершенное освобожденіе мужика съ тою землею, которою онъ теперь владѣетъ, безъ обиды для барина, т.-е. съ выкупомъ. Все это и возможно, и статочно, и не хитро нисколько; только была бы добрая воля, преданность великому дѣлу дорогаго Отечества и если бъ люди не смотрѣли другъ на друга такъ подозрительно, изъ подлобья, какъ теперь смотрятъ. А кромѣ того, набросано такъ, для памяти, и объ церковныхъ дѣлахъ, и объ народномъ просвѣщеніи, объ иностранцахъ, инородцахъ, иновѣрцахъ, о сословіяхъ, о совершенной необходимости сохранить неограниченную власть государя, основавъ ее на возможно широкихъ мѣстныхъ свободахъ и участіи всѣхъ въ мѣстныхъ дѣлахъ и управленіи. Все это со временемъ должно быть отработано въ статьи. Мало времени только. Въ этомъ вихрѣ съ трудомъ полчаса удѣлишь на это въ день. Если бъ можно было бросить службу хоть на годъ, на два, да было бы куда уѣхать въ глушь поработать, послужилъ бы я Россіи вѣрой и правдой, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, и думаю не даромъ бы трудился. Да чтожъ дѣлать, если нельзя"!...

Отвѣчая на это письмо, Погодинъ вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ къ Кавелину какое то письмо Ф—а съ просьбою дать ему ходъ. „Прошу у васъ прощенія,—писалъ Кавелинъ 1 декабря 1855 г.,—за то, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на ваше дорогое письмецо. Я имѣлъ неосторожность, получивъ ваше письмо, отпустить подателя, не спросивъ кто онъ и гдѣ живетъ, и потому долженъ былъ по необходимости ожидать оккавіи. — Письмо Ф — ва посылаю вамъ обратно; боюсь, что если оно пойдетъ черезъ мои руки и безъ вашего письма, то успѣха не будетъ никакого. Меня не долюбливаютъ тутъ, на что есть разныя причины. Притомъ же мы

очень мелочны, честолюбивы и щекотливы. Словесно переданныя письмо и просьба чрезъ посредство посторонняго, легко можетъ показаться недостаткомъ уваженія, а также подозрѣніе можетъ сгубить дѣло, которое безъ того, при непосредственномъ сношеніи почтительнымъ письмомъ, будетъ принято отлично, показано или разсказано выше и возъимѣтъ полный успѣхъ. Не примите, ради Бога, что̀ я говорю, за плѣшивыя извиненія. Мнѣ бы не далеко сходить, всего четверть часа, а сдѣлать вамъ пріятное и въ добавокъ доброе дѣло, радъ бы былъ радостію, да боюсь повредить вмѣсто того чтобъ помочь...

„У насъ всѣ умы поражены самою неожиданною новостью: посреди самыхъ свободныхъ разговоровъ, вдругъ, въ одно прекрасное утро, взяли въ III Отдѣленіе Николая Мордвинова (сына сенатора), служившаго въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ и командированнаго года три тому назадъ въ Тамбовъ, нынѣ же проживавшаго въ отставкѣ и съ два иля три мѣсяца пріѣхавшаго въ Питеръ. Вмѣстѣ, т.-е. въ одно время съ нимъ, взятъ еще какой то, якобы, товарищъ предсѣдателя Уголовной Палаты, прежде въ Тамбовѣ, а потомъ въ Орлѣ. Называютъ (впрочемъ по невѣрнымъ слухамъ) въ числѣ арестованныхъ еще какого то Корфа. Что все это можетъ значить—никто не знаетъ и нѣтъ никакой человѣческой возможности довѣдаться. Какъ вы себѣ легко можете представить, новость эта смутила всѣхъ и навела на грустное раздумье; пошли слухи самые странные; будто бы Мордвиновъ взятъ за распространеніе ходящихъ теперь во множествѣ манускриптовъ; будто бы наряжена цѣлая коммиссія для разбора манускриптовъ и изловленія ихъ составителей и распространителей, и проч. и проч. У страха конечно глаза велики, только впечатлѣніе этихъ арестацій самое неблагопріятное. Всѣ голову повѣсили и призадумались“...

Предпринимаемыя Кавелинымъ работы, само собою разумѣется, сильно заинтересовали Погодина и онъ своею обязан-

ностью счелъ преподать Кавелину такіе совѣты, которые послѣдній принялъ благодушно, и писалъ: „Благодарю васъ тысячу разъ за добрый совѣтъ относительно работъ. Только не примите меня за нахала или влюбленнаго въ самаго себя господина, который думаетъ, что все онъ вмѣститъ въ своей головѣ. Если программа моя широка, то это вовсе не потому, чтобъ я утѣшалъ себя мыслью, что могу сказать обо всѣхъ этихъ предметахъ послѣднее слово: храни меня Боже отъ такого жалкаго самомнѣнія. Мнѣ только хочется обо всѣхъ названныхъ предметахъ сказать то, что думаю, и что считаю самымъ близкимъ ко мнѣ. Само собою разумѣется, что даже сколько-нибудь подробное изложеніе совершенно невозможно. Я останавливаюсь на общемъ обзорѣ, на главныхъ мысляхъ, въ совершенной увѣренности заранѣе, что очень и очень много придется другимъ сказать и лучше и дѣльнѣе. Программы, обозрѣнія, имѣютъ, мнѣ кажется, свою полезную сторону, хотя бы они были и совершенно ошибочны. Они сосредоточиваютъ мысль, сцѣпляютъ подробности въ одно цѣлое, даютъ раму для единой картины. Какъ только есть общій обзоръ, тотчасъ же видно, въ чемъ онъ грѣшитъ противъ фактовъ и въ чемъ ошибались спеціалисты, увлекаясь слишкомъ подробностями дѣла. Знаю, что вы другого мнѣнія обо всемъ этомъ; но что дѣлать, если ужъ голова такъ сложилась! Было бы искренне сдѣлано, изъ любви къ дѣлу, изъ желанія добра, а затѣмъ само окажется, что̀ въ работѣ пустаго, что̀ умнаго и дѣльнаго. Повѣрьте, и спеціалистовъ тоже достанетъ. Но конечно, если правда, что за подобные труды сажаютъ въ крѣпость и допрашиваютъ, то поощренія мало".

Въ томъ же письмѣ Кавелинъ сообщаетъ Погодину, что государю приписываютъ такія слова: *Въ нынѣшній годъ въ послѣдній разъ торжествуется усмиреніе Польскаго бунта; впредь пусть этотъ бунтъ не вспомянется во вѣки.* ...Наконецъ вы конечно уже знаете что Литовское (а не одно Виленское) Дворянство адресомъ просило: 1) возстано-

вленія Университета и Академіи; 2) возстановленія Польскаго языка въ преподаваніи; 3) Литовскаго Статута, 4) уравненія въ правахъ съ Русскимъ Дворянствомъ (въ Западной Россіи отнято у Дворянъ право избирать въ полицейскія должности—земскихъ исправниковъ); 5) постановленіе правиломъ, что при смѣшенныхъ бракахъ дѣти слѣдуютъ непремѣнно вѣрѣ отца, а не матери. Адресъ этотъ принятъ съ гнѣвомъ...... Генералъ-губернатору—строжайшій выговоръ, съ занесеніемъ въ формулярный списокъ. Приписываютъ это тому, что въ докладѣ сдѣланъ намекъ, будто бы Литовскіе Поляки рѣшились на адресъ, расчитывая на слабость и проч. и проч. Вотъ какъ надобно умѣть дѣла обдѣлывать! Умѣть доложить дѣло въ извѣстномъ смыслѣ, чтобъ произвести извѣстный эффектъ, вотъ талантъ, которымъ здѣсь обладаютъ самые даже глупые люди. Впрочемъ и въ этомъ исполняются великія судьбы Исторіи. Какъ знать, можетъ быть безъ этого Польскій элементъ опять получилъ бы возможность усилиться въ Западной Россіи, чего не можетъ и не должно быть.

„Простите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Заболтался о предметахъ, о которыхъ думаешь и день и ночь, стараясь разгадать настоящее, проникнуть хоть ближайшее будущее.

„Не могу закончить письма, не сообщивъ вамъ слышаннаго сію минуту о причинахъ арестаціи Мордвинова: говорятъ, будто открыто общество въ Тамбовѣ, для пропаганды между мужиками, что они де не должны платить ни въ казну, ни барину ничего, время къ тому способное. Говорятъ, взято до сорока человѣкъ. За достовѣрность всего этого не могу ручаться, но не могу не пожалѣть, если правда! Мордвинову всего лѣтъ двадцать семь отъ роду, мальчикъ онъ хорошій, благородный и во всѣхъ смыслахъ порядочный, а сгубилъ себя ни за что. Неужели и теперь также жестоки будутъ казни какъ прежде? ...Аресты продолжаются. Взяты Сабуровы (извѣстный агрономъ Сабуровъ не взятъ потому только, что боленъ).

„Первымъ поводомъ была статья Восточный вопросъ съ

Русской точки зрѣнія, а дальнѣйшимъ—брошюрки Герцена, который, по слухамъ, умеръ въ Парижѣ. Подробности домашнихъ обысковъ въ Тамбовѣ отвратительны. Такъ и чуешь, что тайная полиція, имѣя крайнюю надобность заявить о своемъ существованіи, алчетъ и жаждетъ добычи. Точно возвратились 1849 и слѣдующіе годы. На долго ли"?

„Съ чего начать"?—читаемъ въ письмѣ Кавелина къ Погодину, отъ 30 января 1856 года,—Безакъ изъ начальниковъ Штаба инспектора всей артиллеріи, и временно управлявшаго Артиллерійскимъ Департаментомъ, переведенъ въ корпусные командиры 3-го пѣхотнаго корпуса....... Назначены: Лутковскій—директоромъ и Баранцевъ—начальникомъ Штаба. Обоихъ хвалятъ, особенно втораго, но сомнѣваются, чтобъ они такъ были распорядительны и способны въ административномъ отношеніи. Время покажетъ, справедливы ли сомнѣнія.

......„Тоже палъ Политковскій..... Начальникъ Штаба инспектора по Инженерной части..... Господинъ Политковскій систематически преслѣдовалъ и затиралъ въ грязь Тотлебена, еще бѣднаго, неизвѣстнаго офицера. Тотлебена просили въ гвардейскіе саперы; Политковскій не пустилъ; Тотлебенъ просился въ Штабъ инспектора по Инженерной части старшимъ адъютантомъ — и туда не пустили. Даже послѣ того, какъ Тотлебенъ сталъ нашей славой и честью,—Политковскій говорилъ, что онъ все таки не заслуживаетъ перевода въ гвардію. А въ инженеры, т.-е. въ техническіе офицеры господинъ Политковскій производилъ кондукторовъ, т.-е. чертежниковъ изъ кантонистовъ.....

„Важнѣе новость та, что дѣло освобожденія крестьянъ сдѣлало важный шагъ впередъ. Видимо мы идемъ къ разрѣшенію этого вопроса. Горчаковъ, возвратившись изъ Крыма, сказалъ государю: „Хорошо, что мы заключаемъ миръ; дольше воевать мы были не въ силахъ. Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло—нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ всякихъ золъ". Послѣ того, царь, принимая

въ аудіенціи двухъ предводителей Дворянства, въ томъ числѣ князя Гагарина (мнѣ говорили, что онъ Воронежскій....) говорилъ имъ, что надобно заняться вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ, что вопросъ этотъ на очереди и т. д. въ томъ же тонѣ. Несчастія наши если насъ не умудрили, то много сбавили тону у грязнаго и своекорыстнаго невѣжества. Даже Англійскій клубъ ..... не слишкомъ враждебно говоритъ о предстоящей неизбѣжной развязкѣ крѣпостнаго вопроса. Сколько я могъ только замѣтить, причалчиваютъ объ этомъ вопросѣ болѣе, но уже не считаютъ отъявленнымъ якобинцемъ того, кто говоритъ объ этомъ предметѣ. И то успѣхъ! А между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, въ высшихъ правительственныхъ паражахъ вопросомъ этимъ занимаются: есть проэкты и предположенія, которыя обдумываются. На Александра Николаевича нельзя смотрѣть безъ участія и сожалѣнія. Онъ исполненъ наилучшихъ намѣреній и держитъ себя очень хорошо. До сихъ поръ дѣйствія его грѣхъ корить. Можно бы больше сдѣлать, но спасибо и на томъ, что сдѣлано и дѣлается, особливо при горестной обстановкѣ престола, созданной злонамѣреннымъ или покрайней мѣрѣ неблагонамѣреннымъ самолюбіемъ, тщеславіемъ и бездушною посредственностію......

„О паденіи Бибикова, Ильи, вы уже знаете; я хочу сказать, что вы конечно знаете всѣ подробности этого дѣла. Кажется, что царь узналъ, что Бибиковъ, видя перемѣну вѣтра во внутреннихъ дѣлахъ, сталъ самъ отъ себя подбивать Поляковъ подать адрессъ и заправлялъ его составленіемъ. Кажется, по этому поводу у него съ царемъ вышло крупное объясненіе (въ чемъ оно состояло, знаютъ очень немногіе; что̀ разсказываютъ,—чистыя выдумки), послѣ котораго Бибиковъ не нашелъ возможнымъ не только оставаться генералъ-адъютантомъ, но даже и въ службѣ. По этому поводу нѣкто съострилъ такъ: „Странное дѣло! двое Бибиковыхъ пали: одинъ за то, что слишкомъ преслѣдовалъ Поляковъ, а другой за то, что покровительствовалъ“.

„Разсказываютъ еще, что недавно будто бы въ какомъ то отелѣ собрались студенты, потребовали особую комнату и хотѣли покутить. Къ нимъ привязался шпіонъ и такъ приставалъ, что они его вытолкали и заперлись на ключъ. Изъ этого возникло дѣло, доложили царю, что дескать задумывали юноши заговоръ и т. д. На это послѣдовало рѣшеніе весьма умное: *Не видно еще заговора въ томъ, когда люди не хотѣли кутить при постороннемъ, особливо котораго они считали шпіономъ, потому что очень свойственно желать друзьямъ и пріятелямъ пировать и бесѣдовать между собою, безъ свидѣтелей*.

XLI.

30 января 1856 г., К. Д. Кавелинъ писалъ Погодину: „Дай вамъ Богъ силъ, скорѣе завершить свой трудъ историческій и опять выступить на публицистическое поприще, на которомъ вы такъ славно подвизались сначала войны. Не раздѣляя вполнѣ вашихъ мыслей, я не могъ не восхищаться вашими статьями, которыя считаю, по совѣсти, гражданскими подвигами. Вы, по справедливости, сѣтуете, что осуждены на бездѣйствіе. А вотъ и мы за вами идемъ, цѣлымъ поколѣніемъ позднѣе, и тоже самое насъ ожидаетъ; видно страданій мало еще было и мѣра не исполнилась. Нужно, видно, еще навозу, и мы имъ служимъ. По крайней мѣрѣ я съ этой судьбой давно помирился и если многое въ головѣ работаетъ, то по истинѣ безъ всякаго отношенія къ своему лицу. А много было и надеждъ и желаній и ожиданій“!..

Въ письмѣ своемъ, отъ 17 марта 1856 года, Кавелинъ писалъ Погодиву: „Трудно мнѣ написать вамъ правдивую причину моего молчанія, потому что винить себя не хочется, да и лгать тоже. Не писалось за водоворотомъ, который въ Петербургѣ пожираетъ умъ, сердце, чувство долга, святой трудъ, зрѣлость мысли и все хорошее. Если городская и столичная въ особенности жизнь была очень полезна роду чело-

вѣческому тѣмъ, что вырвала его изъ дремоты и ринула въ могучую дѣятельность внѣшнюю, то теперь, кажется, она свое сдѣлала и какъ все кончившее свое дѣло, представляетъ только уродливую сторону великой мысли и животворнаго начала. Городская жизнь представляетъ теперь судорожную хлопотливость, процессъ движенія безъ содержанія, и я думаю, судя по крайней мѣрѣ по себѣ, что безнаказанно въ Петербургѣ много лѣтъ жить нельзя.

„Впрочемъ, оставимъ это. Стоимъ ли мы того, чтобъ объ насъ думать, когда такое великое идетъ время и дѣло безконечно драгоцѣннѣе нашего маленькаго *я*. Если мое спасибо, глубокое, сердечное, со слезами смѣшанное, что-нибудь стоитъ для васъ, примите его за всю вашу теперешнюю дѣятельность. Вы Русскій гражданинъ, въ благороднѣйшемъ, честнѣйшемъ смыслѣ слова. Есть много темъ, въ которыхъ мы будемъ съ вами расходиться, но святаго жару и любви и правды, которые слышатся въ каждомъ словѣ вашихъ рѣчей, не могу припоминать безъ умиленія и невольныхъ слезъ. Спасибо, тысячу разъ спасибо вамъ! Будемъ вмѣстѣ радоваться общему дѣлу, пока таже любовь и таже вѣра въ общую всѣмъ намъ мать не разведетъ насъ снова въ разные лагери.

„Здѣсь, въ Петербургѣ, общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ—сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все таки толкуетъ и чрезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится. Можетъ быть и не слѣдуетъ, и еще рано, и глупо въ мои лѣта, а я не на шутку начинаю сердцемъ привязываться къ нынѣшнему царю, который . . . . дѣлаетъ умно, и котораго доброе, исполненное вѣрнаго чутья сердце мало по малу выводитъ насъ изъ работы Египетской. Дай то Боже, чтобъ хватило у него силъ на благо, чтобъ

негодяи его не осѣдлали и гниль .... опять не всплыла наружу. А очень ей этого хочется и сторожитъ она крѣпко. Меня также въ ужасъ приводитъ, что когда вымрутъ послѣдніе Александровскіе, ни одной головы не останется. Повѣрьте, что я не преувеличиваю и говорю, къ сожалѣнію, какъ по писанному, ибо подъ глазами у меня происходитъ: какъ только намордники свалились, старичье разболталось и тутъ то вы видите всю разницу между поколѣніемъ Александровскимъ и солдатами и писарями .... Не Богъ знаетъ какъ густы графъ Киселевъ и графъ Блудовъ, а я просто боюсь, когда вспоминаю, что имъ обоимъ за семьдесятъ; за ними идутъ Долгорукіе, Норовы, Броки, Панины, Анненковы, Ростовцовы. Побывайте въ кухнѣ, гдѣ готовятся государственныя мѣры и законы, да послушайте этихъ господъ: и васъ страхъ возьметъ; нѣтъ, лучше мужикъ изъ за сохи, лучше торгашъ базарный, чѣмъ эти .... годные только на мелкія интрижки, ... потерявшіе изъ за нихъ простой здравый смыслъ, которымъ Русскіе люди одарены такъ богато. Этому отребью человѣческаго рода, паріямъ Русскаго міра, предстоитъ предсѣдательство въ Комитетѣ и Государственномъ Совѣтѣ, и самые сильные голоса въ качествѣ министровъ. Киселевъ и Блудовъ еще держатъ ихъ въ порядкѣ; а что когда ихъ не будетъ?........

„Простите за эти горькія слова. Это моя слабость и моя болѣзнь. Не могу равнодушно вспомнить про то, что было и что еще долго будетъ насъ путать и валять въ грязи. Позоръ и униженіе душъ, сердецъ и умовъ Русскихъ жгутъ мнѣ внутренность, особенно когда размышляю, что все это пришло обдуманно, умышленно и расчитанно........

„Разстаюсь съ этой темой, въ которую исковеркана вся моя любовь къ родинѣ, чтобъ сообщить вамъ, а главное поговорить весьма серьезно, объ одномъ дѣлѣ, о которомъ и у васъ и у всѣхъ честныхъ людей въ Россіи болитъ сердце. Объ томъ, что сообщу, если будете говорить, говорите съ выборомъ. Я писалъ вамъ, что царь поднялъ самъ вопросъ

объ освобожденіи крѣпостныхъ, въ разговорѣ съ двумя предводителями, Воронежскимъ и Рязанскимъ. Съ его легкой руки и пошли толковать, и теперь толкуютъ открыто, гласно, вездѣ, всюду, совѣщаются, идетъ обмѣнъ мыслей и статей и проэктовъ множество или уже написано, или пишутся и мысль созрѣваетъ. Замѣчательно, что то, чего ...... не могло добиться въ тридцать лѣтъ, то явилось само собою, готовое, въ одинъ годъ добраго, кроткаго, благонамѣреннаго и простосердечнаго правленія; общественное мнѣніе *единогласно* твердитъ, что непремѣнно рѣшить этотъ вопросъ надо. Помѣщики самые дикіе осуждены на молчаніе; масса даже степныхъ баръ, пріѣзжающихъ сюда, согласна, что положеніе невыносимо. А еще въ 1854 и въ февралѣ или мартѣ 1855 года, Государственный Совѣтъ бился изъ того, чтобъ инвентарей не вводить въ Витебскую и Могилевскую губерніи. Просто, бездна раздѣляетъ 18-е февраля 1855 и 17 марта 1856 года! Партіи, сколько я разумѣю, обрисовываются въ правительствѣ такимъ образомъ: Киселевъ, старый боецъ и его сторонники, смотрятъ на дѣло односторонне и бюрократически: имъ бы все хотѣлось сдѣлать дѣло . . . . безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Но этимъ только испортишь вопросъ, потому что владѣльцы, какъ и естественно, станутъ грудью за свои гражданскія права, т.-е. за свой карманъ. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ и его товарищъ молчатъ, не благопріятствуютъ этому вопросу. Ланской призывалъ даже Предводителей, находящихся въ Петербургѣ, и самымъ пошлымъ образомъ доказывая невозможность и ненужность измѣнить теперешнее положеніе крѣпостныхъ и что совершенно достаточно только не тиранить ихъ, объявилъ, что государь и не помышляетъ дотрогиваться до крѣпостнаго права, и что онъ, Ланской, поручаетъ имъ объявить объ этомъ Дворянству ихъ губерній. Вотъ одна тэма. Другіе, люди тоже заслуживающіе полнаго довѣрія, прибавляютъ къ этой рѣчи нѣсколько словъ, которыя совершенно измѣняютъ смыслъ ея. Они утверждаютъ, будто бы Ланской заключилъ тѣмъ, что правительство теперь

ни мало не помышляетъ объ отмѣнѣ крѣпостнаго права, но что если оно рѣшится принять какія-нибудь мѣры въ этомъ отношеніи, то оно непремѣнно и во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ это не безъ вѣдома Дворянства. Если эти слова были сказаны, то они вѣроятно значатъ слѣдующее: ходятъ разные слухи и толки; будьте спокойны. Правительство не рѣшится ни на что, какъ доселѣ было, втайнѣ, а непремѣнно, въ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ интересахъ Дворянства, посовѣтуется съ нимъ. Какъ бы то ни было, но я могу вамъ сказать за вѣрное, что слова Ланскаго никого не испугали, никого не обрадовали и съ каждымъ днемъ объ этомъ вопросѣ толкуютъ громче и больше. Елена Павловна — горой стоитъ за это дѣло; но ея вѣрный и практическій тактъ указываетъ ей ясно, что безъ вознагражденія владѣльцевъ дѣло не пойдетъ. Константинъ и императрица не произнеслись еще никакъ, но оба сильно интересуются вопросомъ и изучаютъ его. Марья Николаевна противъ, и это нехорошо, т.-е. можетъ повредить дѣлу, по ея вліянію. (Прибавлю, что каковы бы ни были слова Ланскаго, на нихъ очень полагаться нельзя; онъ человѣкъ хитрый, даромъ что обезумѣлъ отъ преклонныхъ лѣтъ, и я знаю положительно, что онъ нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ поручилъ написать ему свое предположеніе объ этомъ вопросѣ) Я, съ своей стороны, убѣжденъ и сердцемъ и умомъ и всѣмъ моимъ существомъ, что изъ всѣхъ вопросовъ,—вопросъ, изъ всѣхъ золъ,—зло, изъ всѣхъ несчастій нашихъ,—несчастье есть крѣпостное право. Не то, чтобъ мало было у насъ худаго и отвратительнаго и безъ того; но все, что вы ни возьмете, прицѣплено къ этому коренному злу и легко измѣнится къ лучшему, когда его не будетъ. Отъ того то, только что царствованіе смѣнилось, я сталъ писать объ этомъ предметѣ большую статью въ самомъ примирительномъ тонѣ, съ одною мыслью свести всѣхъ къ соглашенію, а не къ враждѣ; я живо представилъ себѣ, что бы я сталъ говорить, еслибъ былъ закоренѣлый помѣщикъ и чего бы потребовалъ, и такъ далѣе, старался войти въ

мысль мужика и правительства. Плодомъ этого была большая статья, больше въ видѣ программы съ доводами и разсужденіями, въ которой говорится: о вредѣ отъ крѣпостнаго права, хозяйственномъ или экономическомъ, нравственномъ, политическомъ. Историческій взглядъ; предлагается общій планъ освобожденія выкупомъ съ владѣемою крестьянами землею по существующимъ цѣнамъ, посредствомъ банковъ, съ уплатою крестьянами выкупной суммы въ теченіе тридцати семи лѣтъ, и наконецъ разныя приготовительныя и косвенныя мѣры. По примирительному своему характеру, она принята даже самыми заскорузлыми и деревянными помѣщиками весьма хорошо; была уже и находится: у графа Киселева, у великаго князя Константина, у товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ. Есть надежда довести до царицы. Здѣсь я ѣзжу, читаю, толкую и разжевываю сколько понимаю дѣло, и кажется не безъ успѣха; скучновато подъ часъ ...... Но что дѣлать! Это служба и служба прямая родинѣ, дѣло любви, святѣйшая изъ святѣйшихъ обязанностей, хотя бы въ концѣ ея стояла крѣпость, Сибирь или висѣлица".

XLII.

Изложивъ Погодину свои мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права, Кавелинъ писалъ ему: „Моя просьба къ вамъ теперь, Михаилъ Петровичъ, вотъ какая: Вамъ пол-Россіи извѣстна и васъ вся Россія знаетъ; приложите къ этому дѣлу плечо, обработывайте мнѣніе и распространите мою статью въ концы края. Ужъ конечно вы мнѣ повѣрите, когда я вамъ скажу, что не статья мнѣ дорога; я теперь столько замѣчаній на нее набралъ и на дняхъ примусь писать дополненіе. Стало быть, не въ моемъ *я* дѣло, а въ томъ, что эта статья— довольно полная программа, которая заставляетъ подумать, опровергаетъ много ложныхъ понятій и указываетъ на какой-нибудь безобидный выходъ изъ теперешняго положенія. Чѣмъ

больше эта статья распространится, тѣмъ больше будутъ разсуждать объ этомъ дѣлѣ и тѣмъ скорѣе сложится мысль, какъ освободиться отъ этой коренной язвы. Я послалъ экземпляръ Чичерину, Борису. Возьмите у него. Послалъ бы вамъ особливый, да дорого переписка обходится, а средства мои не Богъ знаетъ какія; да и чиновникъ, которому я могу ввѣрить переписку, у меня всего одинъ, а требуютъ статью очень многіе. — Въ моихъ глазахъ, рѣшить умно и основательно и честно (не такъ какъ вся Европа и нашъ Остзейскій край) этотъ вопросъ, значитъ спасти насъ отъ безсмысленной рѣзни и на пять-сотъ лѣтъ дать Россіи внутренній миръ и возможность правильнаго, спокойнаго преуспѣянія, безъ скачковъ и прыжковъ. Ибо только въ этомъ горестномъ крѣпостномъ правѣ я и вижу возможность востаній и насильственныхъ переворотовъ. Не будетъ перваго, не будетъ и послѣднихъ. Займитесь же этимъ дѣломъ, Михаилъ Петровичъ, какъ вы умѣете заниматься всѣмъ, что касается до чести, блага и счастія родины,—матери нашей, лучшаго нашего блага въ мірѣ, — не въ половину, а всѣми силами сколько у васъ ихъ есть; подставьте плечо (а у васъ оно широко) и вы поможете непомѣрно благому дѣлу. Наши тоже дремать не будутъ. Духъ занимается отъ радости и восторга, при мысли, что можетъ быть и на нашу долю выпадетъ счастіе дожить до рѣшенія этого вопроса, по-человѣчески, безъ обиды для мужика, этого честнаго хранителя народнаго величія и чести и характера Русскаго. Пора же дать гражданскія права и матеріальное обезпеченіе тому, кто на плечахъ своихъ вынесъ все горе и все преступное безуміе наше“!...

Получивъ статью Кавелина, Погодинъ познакомилъ съ содержаніемъ оной Н. Миклашевскаго. Послѣдній писалъ Погодину: „Очень любопытно прочесть статью г. Кавелина, какъ онъ говоритъ,—въ примирительномъ духѣ. Мнѣ что-то сдается несбыточнымъ выкупъ; да и много ли будетъ въ этомъ правды? Право, кажется, надобно возвращать, а не подвергать выкупу“.

3-го апрѣля 1856 года, Кавелинъ писалъ Погодину: „Теперь, какъ и съ того времени, какъ между нами возникла переписка, безпрестанно чувствую себя виноватымъ передъ вами въ неаккуратности. Писать слѣдовало къ вамъ давнымъ-давно, да не писалъ потому что былъ много занятъ разными служебными и неслужебными дѣлами. А побесѣдовать съ вами стало для меня душевною и сердечною потребностiю. Мнѣ что-то говоритъ, что вы читаете мои письма съ тѣмъ же настроенiемъ любви къ общему дѣлу и съ тѣмъ же напряженнымъ участiемъ человѣка преданнаго Россiи до мозга костей, какъ читывалъ ихъ дорогой и безцѣнный Грановскiй. Больше я не могу сказать вамъ, потому что въ этой святой для меня памяти лежитъ половина моего сердца“.

Благодаря Погодина за участiе принятое имъ въ редакторѣ *Московскихъ Вѣдомостей* В. Ѳ. Коршѣ, Кавелинъ писалъ: „Не могу и не хочу, вопреки истинѣ и своихъ собственныхъ понятiй, отстаивать всѣ его (Корша) дѣйствiя и поступки. За одно только смѣю ручаться, положа руку на сердце, что его крайности и увлеченiя всегда, постоянно проистекаютъ изъ самаго благороднаго убѣжденiя. Поживетъ еще — шероховатости сгладятся, а честный человѣкъ останется и окрѣпнетъ. Такова и вся теперешняя молодежь, которую я, волей неволей нѣсколько знаю. Признаюсь вамъ, что около нея у меня отогрѣвается сердце. Тутъ сокровища любви, вѣры и ключи живой жизни. Стóитъ только копнуться—такъ они и текутъ струями. Есть у этой молодежи свои странности, капризы, — это правда. Но, Боже правый, какую же бездушную, невѣжественную, гнилую корку ей приходится пробивать головою. Точно овцы безъ пастыря. Посчитайте-ка, сколько ихъ въ гарнизонныхъ баталiонахъ и въ разныхъ другихъ, подобныхъ службахъ! Приголубьте ихъ,— вы, имѣющiй струнку, связывающую со всѣмъ живымъ, — и право, это будетъ хорошее дѣло, притомъ же дѣло не безъ значенiя для будущаго. Надо же, чтобъ кто-нибудь подалъ этой молодежи руку, помогъ ей вырости и окрѣпнуть, и со-

зрѣть для плодотворной дѣятельности. Посмотрите: теперь бѣгаютъ, высунувъ языкъ, чтобъ пріискать министра Финансовъ, и не находятъ. Отъ чего? Оттого что никто не подготовленъ къ этому дѣлу, только и есть что писаря да взяточники".

Высказавъ это, Кавелинъ продолжаетъ: Анекдотовъ человѣческихъ о государѣ—бездна. Ждутъ большихъ перемѣнъ. Разсказываютъ люди, заслуживающіе довѣрія, что на него имѣетъ большое и мало того—благодѣтельное вліяніе графъ Орловъ (кромѣ Ридигера, котораго вліяніе, тоже наилучшее всѣмъ извѣстно), и что его государь ждетъ съ нетерпѣніемъ изъ Парижа, чтобъ приступить къ разнымъ перемѣнамъ внутреннимъ. На послѣднія все указываетъ единогласно. Царь сказалъ Горчакову Вѣнскому: *Намъ надо забыть Европу, обратиться къ ней спиной и думать только о внутреннемъ*... Плетневу же онъ сказалъ, при представленіи *Чиновника* Соллогуба: *Пора все это выводить на свѣжую воду.* Посмотрите какъ говоритъ *Nord*. Вслѣдствіе того и Пушкинъ *) велѣлъ пропустить забытую *Деревню* Некрасова („У бурмистра Власа бабушка Ненила" и проч.), прибавляя, что глупо писать такія вещи и еще глупѣе находить ихъ хорошими. Ростовцовъ все продолжаетъ твердить, что эта пьеса—вредная и опасная вещь .... Вообще не видно еще временщика, хотя всѣ и были увѣрены, что онъ явится черезъ три мѣсяца. Оттого любовь къ царю ростетъ видимо; но мы не избалованы; все остается большой страхъ за будущее, и особенно недовольны тѣмъ, что вяло и медленно идутъ къ лучшему. Можетъ быть это и хорошо. Признаюсь вамъ, что доброта и чистосердечіе царя, и меня начинаетъ побуждать и привязывать къ нему лично, такъ что если долго еще такъ пойдетъ,—куплю его портретъ и повѣшу у себя въ комнатѣ. А все какъ-то лучше не торопиться. Во что выродился Александръ I-й"?

---

*) М. Н. Мусинъ-Пушкинъ. *Н. Б.*

Познакомивъ нашихъ читателей съ любопытными, можно сказать, историческими, письмами К. Д. Кавелина, мы долгомъ считаемъ замѣтить, что отзывы его о тогдашнемъ министрѣ Народнаго Просвѣщенія и его товарищѣ не отличаются историческимъ безпристрастіемъ.

Въ письмѣ своемъ, отъ 30 января 1856 года, Кавелинъ писалъ Погодину: „Вы, какъ я вижу, и не подозрѣваете, какого хитраго и лукаваго министра Народнаго Просвѣщенія мы имѣемъ. Онъ либеральничаетъ съ Тургеневымъ и ругаетъ съ литераторами цензоровъ на пропалую, а Цензура если не строже, то ужъ ни на волосъ не легче, чѣмъ была въ послѣдніе дни покойнаго императора. Да ужъ если говорить всю правду, то и товарищъ министра Народнаго Просвѣщенія ничѣмъ не лучше самого министра. Какое печальное зрѣлище, Боже мой, представляетъ это Министерство, первое по значенію, но находящееся подъ управленіемъ коварныхъ, лицемѣрныхъ, отжившихъ свой вѣкъ стариковъ“!

Въ другомъ письмѣ, отъ 3-го апрѣля, Кавелинъ писалъ: „О прогнаніи Норова говорятъ довольно сильно, хотя я и не слышалъ объ его преемникѣ“.

Но этотъ отзывъ Кавелина мы имѣемъ счастливую возможность опровергнуть подлинными словами его самого, взятыми изъ тѣхъ же писемъ. Такъ, 1-го декабря 1856 года, онъ писалъ Погодину: „Дошли ли до васъ слухи о томъ, что, по прежнему, разрѣшено имѣть въ университетахъ студентовъ сколько придется, безъ ограниченія ихъ числа? Что въ Сибири разрѣшено учредить Университетъ съ Факультетами Медицинскимъ и Математическимъ, что въ Варшавѣ будутъ Медицинская Академія и Юридическіе курсы“. Въ другомъ письмѣ, отъ 17-го марта, читаемъ: „Разрѣшена посылка за границу молодыхъ людей, предназначаемыхъ къ занятію каѳедръ; затѣваются женскія гимназіи; дѣло, кажется, рѣшеное— возстановленіе классическихъ языковъ въ гимназіяхъ, на прежнемъ основаніи. Словомъ,—говорятъ въ Министерствѣ,—

вытаскиваютъ послѣдніе камни, набросанные Ширинскими, и возстановляютъ положеніе дѣлъ при Уваровѣ. Отдѣляется въ Петербургѣ каѳедра Философіи и ввѣряется отличному молодому священнику, учившемуся въ Германіи *)........
Слышали ли вы объ высочайшемъ повелѣніи, которымъ запрещено печатать иностранныя политическія извѣстія иначе какъ изъ *Journal de S.-Petersb.* и изъ *Инвалида*. Это произошло вслѣдствіе того, что Краевскій напечаталъ особое прибавленіе въ четвергъ на масляницѣ изъ *Ind. Belge* о томъ, что миръ подписанъ. Публика приняла это за оффиціальное объявленіе. Правительство разгнѣвалось и военный Булгаринъ нашего времени, редакторъ *Инвалида*, полковникъ Лебедевъ, воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ наускать военнаго министра на Русскіе журналы. Но Норовъ черезъ два дня вынесъ изъ царскаго кабинета новое высочайшее повелѣніе, которымъ первое отмѣнялось и дѣло тѣмъ кончилось". Наконецъ, 3-го апрѣля Кавелинъ писалъ: „По Министерству Народнаго Просвѣщенія новости вы конечно уже знаете: возстановлено Главное Правленіе Училищъ, кандидаты на каѳедры будутъ опять посылаться за границу. Говорятъ, будто опять возстановится Профессорскій Институтъ въ Дерптѣ: почему это не понимаю! Будто нельзя прямо за границу. Учрежденіе гимназій для женскаго пола по губернскимъ городамъ — не только рѣшено, но уже сдѣлано сношеніе съ министерствами на счетъ денежныхъ источниковъ".

XLIII.

На первыхъ же порахъ дѣятельность князя П. А. Вяземскаго, въ санѣ товарища министра Народнаго Просвѣщенія, ознаменовалась появленіемъ на горизонтѣ нашей Литературы двухъ Московскихъ журналовъ: *Русскаго Вѣстника* и *Русской Бесѣды*.

---

*) Нынѣ духовникъ Ихъ Величествъ протопресвитеръ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ. *Н. Б.*

Но прежде чѣмъ приступимъ къ повѣствованію объ основаніи этихъ новыхъ журналовъ, скажемъ прощальное слово старому *Москвитянину*, который въ это время находился на исходѣ дней своихъ.

16 апрѣля 1855 года, одинъ изъ скромныхъ сотрудниковъ *Москвитянина*, И. К. Купріяновъ, писалъ къ его издателю: „Очень жалѣю, что *Москвитянинъ* матеріаловъ нынѣ не принимаетъ и не печатаетъ, хотя у васъ ихъ и много, по вашимъ словамъ; это давало особую своеобразную физіономію вашему журналу и заставляло дорожить имъ, какъ необходимою справочною книгою. Вообще, говоря откровенно, *Москвитянинъ* въ послѣднее время весьма ослабѣлъ хорошими статьями и весьма многіе полагаютъ въ Петербургѣ, не знаю справедливо или нѣтъ, что онъ вскорѣ совсѣмъ прекратится, подобно *Сыну Отечества*, бывшему въ послѣднее время своей жизни живымъ мертвецомъ, выходившимъ собственно для удовольствія своихъ редакторовъ и сотрудниковъ. Главнѣйшее доказательство къ прекращенію *Москвитянина* находятъ въ несвоевременномъ выходѣ его книжекъ, страшно запоздавшихъ, что̀ и называютъ предсмертною агоніею журналовъ. Если меня здѣсь спрашиваютъ объ этомъ предметѣ, я отвѣчаю, что моя хата съ краю,—ничего не знаю“ [191]).

„*Москвитянинъ* въ агоніи“,—писалъ И. С. Тургеневъ, 3 августа 1855 г., С. Т. Аксакову,—„никто его не читаетъ и печатать въ немъ,—значитъ бросить свои вещи ночью въ темную яму въ безлюдномъ мѣстѣ“ [192]).

„По Казани“,—писалъ профессоръ Ордынскій Погодину,—„ходятъ темные слухи о новомъ Московскомъ журналѣ“. „А по Москвѣ,—сообщалъ Погодину П. А. Безсоновъ,—ходятъ слухи о прекращеніи *Москвитянина*“.

Самъ же Погодинъ жаловался И. И. Давыдову на неуспѣхъ *Москвитянина*. „Вы видите“,—писалъ онъ,—„какъ идетъ *Москвитянинъ* по милости Петербургскихъ интригъ. Вмѣсто восьми книгъ, вышло до сихъ поръ четыре. Отъ цензуры нѣтъ житья, и просить снисхожденія не могу, послѣ увольненія

за *Москвитянина* двухъ цензоровъ. Академія, впрочемъ, очень дѣятельная и достойная всякой похвалы и славы за другіе свои труды, позоря себя представленіемъ царю гадостей и глупостей во вниманіе, могла бы сказать два слова за изданіе *Москвитянина*, честное и полезное,—да вотъ молчитъ, страха ради Іудейскаго. И Богъ съ нею! Истина и правда возьметъ свое". Въ томъ же письмѣ, Погодинъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „Мы не умѣемъ работать сообща, а любимъ всегда въ одиночку; такъ издавалъ Бодянскій, такъ издаетъ Бѣляевъ и почтеннѣйшій Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, котораго, впрочемъ, я уважаю искренно за его труды. Но ему хочется, чтобъ на первой страницѣ вездѣ было его имя. Ну и Богъ съ нимъ! Я радъ всегда всякой чужой работѣ, но свою буду печатать гдѣ-нибудь безъ протекціи".

„Цензура неистовствуетъ",—писалъ Погодинъ 20 марта 1855 года, С. Т. Аксакову,—„какъ будто въ предсмертныхъ судорогахъ, и нынѣшній цензоръ мой таковъ, что г. Флеровъ есть предъ нимъ великодушный и храбрый рыцарь чести, благородства и смѣлости. Можете судить, что должно вытерпѣть. *Москвитянинъ* достается сокомъ. Убыткамъ и счету нѣтъ".

Пользуясь пребываніемъ С. П. Шевырева въ Петербургѣ, Погодинъ поручилъ ему постараться сказать министру Народнаго Просвѣщенія о цензурѣ, которая „просто обезумѣла и не пропускаетъ ничего", что „нужно ободреніе", и что „нѣтъ возможности издавать такъ *Москвитянинъ*, и что этотъ журналъ стоялъ за святое дѣло еще тогда, какъ и прочая! Потолкуй, повторяю, побольше о цензурѣ и о *Москвитянинѣ*. Надо его поддерживать де, какъ послѣднюю опору чистыхъ преданій, и что безъ него будетъ плохо". Къ этому письму къ Шевыреву, Погодинъ прибавилъ и слѣдующее: „Пропустилъ ты меня (въ *Исторіи Московскаго Университета*) мѣстахъ въ шести. — Спасибо! А каково западники выдвигаютъ своихъ".

Въ другомъ письмѣ своемъ къ Шевыреву, Погодинъ по-

вторяетъ свою просьбу: Передай министру исторію *Москвитянина* и его подвиговъ, его службы вѣрою и правдою, за которую теперь онъ получаетъ такую награду, что хоть наложить на себя руку! Цензоръ не пропускаетъ рѣшительно ничего. Статей десять забраковалъ, и вотъ уже 29 января, а книги ни одной не вышло... Я все сижу дома, и не читаю даже газетъ. Воротился къ Исторіи“ [193]).

На сколько было возможно, Шевыревъ исполнилъ возложенное на него порученіе, и, 1-го февраля 1855 года, писалъ А. С. Норову: „Предъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, М. П. Погодинъ прислалъ мнѣ корректуру двухъ статей, не пропускаемыхъ Московскою Цензурою, и собраніе стиховъ, выпущенныхъ ею изъ поэмы Данта, для представленія ихъ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею его просьбою къ вамъ, принять эти статьи подъ ваше просвѣщенное покровительство. Объ одной изъ этихъ статей я имѣлъ честь вамъ докладывать, а другую не имѣю времени прочесть. Симъ исполняю порученіе моего стариннаго друга, издателя того журнала, который въ теченіе многихъ лѣтъ поддерживалъ въ наукѣ и словесности истинныя начала Русскаго Просвѣщенія. Принося вамъ чувство моей искренней душевной благодарности за ваше добро Русскому Просвѣщенію и всѣмъ намъ, и за Русскую вашу хлѣбъ-соль и милостивой государынѣ Варварѣ Егоровнѣ, съ этими чувствами, молясь за преуспѣяніе ваше ко всѣмъ великимъ пользамъ Отечества, неразлучнымъ съ его Просвѣщеніемъ, оставляю Петербургъ“.

Конечно, всѣ эти жалобы Погодина были односторонни, и во многомъ, если не во всемъ, въ неуспѣхѣ *Москвитянина* онъ былъ самъ виноватъ. Безпрестанно отрываясь отъ редакціи, онъ дѣйствовалъ чрезъ свою Контору, которая всегда отличалась классическимъ безобразіемъ. Книжки журнала выходили крайне неисправно. Такъ, напримѣръ, февральская книжка *Москвитянина* 1855 года вышла только въ апрѣлѣ. Этотъ случай подалъ Редакціи *Москвитянина* по-

водъ объясниться слѣдующимъ краткимъ, но выразительнымъ образомъ: „*Москвитянинъ* запоздалъ. Нынѣшняя книжка должна была выйдти 1-го февраля. Происшествія, о коихъ слѣдовало говорить въ ней: Университетскій юбилей и проч. смѣнились другими, и потому теперь должны быть оставлены, по *несовременности*. Такой же участи необходимо подвергнутся и слѣдующія запоздалые нумера". По этому поводу въ *Отечественныхъ Запискахъ* было замѣчено: „Принимая во вниманіе, что *Москвитянинъ*, печатающій на своихъ страницахъ Московскія извѣстія, которыя не отличаются особенно занимательностью, пропускаетъ, не сказавъ ни слова, торжество Московскаго Университета, который сто лѣтъ украшалъ Москву и въ которомъ редакторъ *Москвитянина* былъ профессоромъ,—мы находимъ краткія, но выразительныя слова Редакціи не совсѣмъ ясными" [194]).

Въ это же время произошелъ какой-то скандалъ въ Конторѣ *Москвитянина*, о чемъ свидѣтельствуетъ сохранившійся въ Погодинскомъ Архивѣ слѣдующій юмористическій документъ:

„*Прошеніе:* Во время быша — 19 іюліа мѣсяца. Злокозненный и небогобоязненный врагъ нашъ и супостатъ, именемъ нарицаемый *Василій*, который пришедъ и нападъ на домъ Божій — (сирѣчь Контору *Москвитянина*) рыкая аки левъ искій кого поглотити! отъ чего братія наша разсыпашася аки овцы отъ волка!

„Первый, именемъ нарицаемый Павелъ, иже есть великій чудотворецъ, который прошедъ окномъ аки дверью!

„Вторый, именемъ нарицаемый Ѳеодоръ, иже есть великій богословецъ, который довольно знаетъ наизустъ церковныя книги, а пачѣ Часословецъ.

„Третій, нарицаемый Иліа, иже есть великій храбротворецъ, который видя таковое въ дому Божіемъ разореніе, воспріялъ къ себѣ въ руки ночный мечь (сирѣчь кочергу) и начаша противъ сего вооружатся, аки Давидъ противъ Голіафа! но не могоша устояти, и скрышася въ пещеру—(си-

рѣчь въ трубу), но оный окоянный и тамо мепѣ обретѣ и начаша—мя терзати семо и овамо, аки Діоскоръ Варвару и когда отъидѣ онаго проклятаго ярость, подкинуша мя подъ седалище (сирѣчь подъ лавку) отъидоша!

„О чемъ, вышеизложенныя имена, просятъ предать виновнаго Суду Божію. Аминь".

XLIV.

Не смотря на бѣдственное положеніе *Москвитянина*, Погодинъ къ тому же, въ это время вошелъ въ непріятныя отношенія съ своимъ соредакторомъ Сумароковымъ. Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 3 января 1855 года, мы находимъ слѣдующую лаконическую, но рѣзкую запись: „М......... письмо Сумарокова. Вотъ п..... просто мочи нѣтъ". Тѣмъ не менѣе Погодину тяжело было положить руку на свое дѣтище, *Москвитянинъ*, и онъ всячески старался вдохнуть въ него дыханіе жизни.

3-го января 1855 года, Погодинъ созываетъ совѣтъ, на которомъ присутствовали: Рамазановъ, Ровинскій и Пановскій.

На этомъ совѣтѣ рѣшили: передать *Москвитянинъ* подъ завѣдываніе Е. Ѳ. Корша, который въ это время жилъ въ Петербургѣ и томился по Москвѣ. 11 января 1855 года, онъ писалъ Погодину: „Если вы еще не перемѣнили мыслей на счетъ передачи мнѣ *Москвитянина*, то я покорнѣйше прошу васъ немедленно приступить къ дѣлу. Средства, благодаря Богу, отыскались, и все зависитъ теперь отъ степени вашего довѣрія и добраго расположенія ко мнѣ. На дняхъ возвращается въ Москву Николай Филипповичъ Павловъ; онъ сообщитъ вамъ нѣкоторыя дальнѣйшія подробности; а я между тѣмъ нетерпѣливо буду ожидать рѣшительнаго отъ васъ отвѣта,—рѣшительнаго и для будущей моей судьбы".

Съ своей стороны и Н. Ф. Павловъ сообщилъ Погодину: „Вы писали Коршу, а я говорилъ вамъ, что уполномоченъ

отъ него рѣшительно окончить съ вами начатое дѣло.—Скажите же, пожалуста, послѣднее слово. Онъ, полагая послѣ вашего съ нимъ разговора, что препятствій не будетъ, сдѣлалъ разныя распоряженія и распоряженія очень важныя для него. По этому оставлять дѣло подъ сомнѣніемъ нельзя ему долго.—Онъ на ваши предложенія согласенъ съ тѣмъ только, чтобъ журналъ принадлежалъ ему не менѣе десяти лѣтъ. На это вы мнѣ ничего не возразили и, вѣроятно, изъ этого справедливаго требованія не сдѣлаете затрудненій. Ни на какія другія измѣненія въ условіяхъ Коршъ согласиться не можетъ. Что касается до имени, то по собраннымъ справкамъ въ Петербургѣ, тутъ препятствія быть не можетъ. Онъ издатель офиціальнаго журнала и на немъ нѣтъ ни малѣйшаго пятнышка. Что вы мнѣ говорили лично о Московскихъ газетахъ, это одна изъ бабьихъ сплетень, которыми здѣсь занимаются отъ нечего дѣлать. Все было совсѣмъ не такъ, какъ дошло до васъ. Пожалуста, дайте же мнѣ рѣшительный отвѣтъ" [195]).

Этому дѣлу, да и вообще переселенію Е. Ѳ. Корша въ Москву, не сочувствовалъ близкій другъ его Т. Н. Грановскій. „Ты любишь Москву",—писалъ онъ ему,—„по воспоминаніямъ годовъ, счастливо въ ней прожитыхъ... Тогда мы были молоды, и сколькихъ нѣтъ болѣе между нами! Сколько жизни, ума и сердца было въ нашихъ сходкахъ, а теперь? Сказать ли тебѣ правду? Я люблю попрежнему Кетчера, но говорить съ нимъ мнѣ едвали приходится разъ или два въ годъ. Не о чемъ. Онъ застылъ на извѣстныхъ понятіяхъ и во многомъ пошелъ назадъ. Изъ всѣхъ лично близкихъ, съ однимъ Фроловымъ есть у меня обмѣнъ мыслей. Съ другими пьемъ и болѣе ничего. А пить безъ жажды и безъ веселья на душѣ—скучно. Ты жалуешься на недостатокъ умственной среды въ Петербургѣ. А развѣ она есть здѣсь? Тебѣ это незамѣтно. Ты пріѣзжаешь сюда на короткое время и неуспѣешь высказать и выслушать всего, что было съ тобою и съ нами въ промежутки свиданій. Попробуй, поживи здѣсь.

Я счастливѣе другихъ—у меня Университетъ. Но и притомъ мнѣ бываетъ нестерпимо скучно и, кажется, съ радостью уѣхалъ бы куда-нибудь на югъ или даже къ вамъ, на сѣверъ. Плановъ у насъ и затѣй всякаго рода много, но все это оканчивается болтовнею" [196]).

Когда съ Коршемъ дѣло не уладилось, Погодинъ снова обратился къ членамъ Молодой Редакціи, и въ лицѣ А. А. Григорьева вступилъ съ ними въ переговоры. Подъ 18 и 21 января 1855 года, въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія записи: „По утру Григорьевъ о *Москвитянинѣ*. Выкричалъ двѣсти рублей. Пріятное письмо отъ Григорьева объ участіи въ *Москвитянинѣ*. Кажется, слаживается дѣло". Въ этомъ *пріятномъ* письмѣ читаемъ: „Васъ, безъ сомнѣнія, удивитъ это посланіе послѣ моего долгаго бездѣйствія и молчанія—но какъ бы оно васъ ни удивило — а общее дѣло (хоть мы всѣ и довольно лѣнивые его работники) выше и вашихъ и моихъ личныхъ интересовъ, да и бездѣйствіе мнѣ опротивѣло. Вы глубоко и кромѣ того — совершенно *безполезно* оскорбили меня очной ставкой съ отцемъ—да и я былъ неправъ, впутывая васъ въ хламъ моихъ денежныхъ безпорядковъ. Забудемте оба эту весьма непріятную сцену—и будемте говорить о дѣлѣ".

Сдѣлавъ это предисловіе, Григорьевъ ставитъ вопросъ о существованіи *Москвитянина*, что называется, ребромъ. „Что журналъ",—пишетъ онъ,—„или долженъ пасть—или существовать съ нами, каковы мы ни на есть,—это фактъ. *Фактъ* же (для меня по крайней мѣрѣ)—и то, что всякая попытка съ нашей стороны присоединиться къ другому направленію—окажется невозможностью. Мы слишкомъ чисты, чтобы дѣлать какія бы то ни было уступки. Вотъ два — *несомнѣнныхъ* факта, на основаніи которыхъ и *должно* бы дѣйствовать. Должно бы....... Но прежде всего, когда я говорю: *мы, наши*... кого я разумѣю? Прежде всѣхъ, конечно, Островскаго, потомъ себя, потомъ Н. Шаповалова, потомъ Стаховича, По-

тѣхина, Эдельсона и наконецъ Писемскаго. Садовскій, какъ вамъ извѣстно, ничего не пишетъ.

„Изъ этого маленькаго: *мы*,—трое художниковъ, т.-е. людей, исключительно только къ художеству предназначенныхъ, да и изъ нихъ совсѣмъ *крѣпокъ* только одинъ, Александръ Николаевичъ Островскій, дѣйствительно—центръ, сердце, родникъ идей этого: *мы*.

„Изъ остальныхъ: Эдельсона, я, какъ вамъ и ему извѣстно, я люблю до смерти, но, какъ тоже ему извѣстно — ругаю постоянно за робость, уступчивость, излишнюю литературную деликатность, вообще за отсутствіе крѣпкой, фанатической вѣры въ правду того, что̀ мы несемъ или *должны* нести въ Литературу—и вслѣдствіе этого, за неспособность принимать правду со всѣми ея послѣдствіями и вести самое дѣло съ смѣлою и неумолимою послѣдовательностью.

„Стаховичъ соединяетъ въ себѣ это условіе, но, къ сожалѣнію, онъ тоже больше художникъ, чѣмъ мыслитель. Б. Алмазовъ — моложе и потому энергичнѣе всѣхъ насъ, — но онъ какъ-то отшатнулся отъ центра...

„И вотъ почему—я два раза бѣсился недавно, какъ тысяча бѣшеныхъ собакъ вмѣстѣ: одинъ разъ, когда читалъ журналы за ноябрь, съ гнусной, подлой, оскорбившей меня и за васъ и за молодое поколѣніе статьей Тихонравова,—съ подлѣйшей статьей Дудышкина о Гоголѣ, — съ двумя пошлѣйшими и безстыднѣйшими статьями въ Запискахъ и Современникѣ о трудѣ Берга. Злоба кипѣла во мнѣ такъ, что я плакалъ, что̀ со мною рѣдко бываетъ: я плакалъ о нашемъ малодушіи, самолюбіи однихъ, робости и шаткости другихъ;—о вашемъ равнодушіи къ дѣлу, о вашей, простите меня, безтактности,—еще разъ простите — пылкой и недостойной вашей высокой природы обидчивости, о вашемъ эгоизмѣ... Другой разъ, выходя изъ перваго представленія новой драмы Островскаго, когда нѣкоторые изъ нашихъ *сробѣли* передъ новостью дѣла, я говорилъ, что не было еще въ Русской Литературѣ дѣла чище,

святѣе, честнѣе нашего — и опять плакалъ горько по тѣмъ же самымъ причинамъ!

„Вотъ вамъ вмѣсто вступленія. Да будетъ Богъ судьею между мною и вами, если въ этихъ озлобленныхъ и грустныхъ строкахъ вы увидите *подходъ* или что-нибудь подобное! Есть во мнѣ, погрязшемъ въ тину житейской мелочи, святыя, нетронутыя струны; есть во мнѣ *вѣра*, которая ничего не побоится.

„Во имя этой-то стороны, я разомъ почеркиваю всѣ скверныя, непріятныя сцены, бывшія между нами; становлюсь въ то отношеніе, которое было между нами въ первый годъ моего участія, и имѣю честь предложить вамъ слѣдующее:

„1) По прежней платѣ, т.-е. по пятнадцати рублей серебромъ листъ, я обязуюсь доставлять вамъ въ мѣсяцъ именно не менѣе четырехъ листовъ: а) журналистики, б) статей о пѣсняхъ, самородкахъ, направленіяхъ и т. п., в) *постоянной* театральной хроники. Но изъ журналовъ мнѣ должны принадлежать *оба* главныхъ, по причинамъ, выше объясненнымъ. Плата же сія употребляется на оплату моихъ долговъ, которымъ подробный и точный реестръ я вамъ доставлю, если вы примите мои условія.

„2) Ни одна *чужая* критическая статья, касающаяся произведеній литературныхъ, сомнѣній по Русскому быту и Русской Исторіи — не должна проходить безъ вѣдома вашего и моего;—ни одна повѣсть—безъ вѣдома Островскаго и моего;— ни одна переводная статья по части humaniora—безъ вѣдома моего и Шаповалова. За просмотръ всего по этимъ частямъ, аккуратный и внимательный, — за наблюденіе, что бы въ статьяхъ гг. Любецкихъ, Пановскихъ и иныхъ—не проскакивали противународныя и противучеловѣческія безобразія, приводящія насъ часто въ краску передъ посторонними — мнѣ ежемѣсячно должны быть выдаваемы пятнадцать рублей серебромъ, ибо перечесть и пересмотрѣть всякую дребедень — стòитъ платы за написаніе одного печатнаго листа (NB да и жить мнѣ тоже нужно чѣмъ-нибудь).

„3) Вы обязаны, тотчасъ же по принятіи сихъ условій, испросить мнѣ у Верстовскаго свободный входъ въ театръ.— Я не могу жить безъ театра да и притомъ театръ въ наше время становится самою серьезною стороною Литературы. На первый же разъ—я напишу большую вступительную статью.

„4) О выдачахъ денегъ впередъ, разговоровъ съ моей стороны быть недолжно. *Малѣйшее* нарушеніе условій подвергнетъ меня невыдачѣ, впредь до исправленія. Реестръ долговъ вы получите съ означеніемъ *сроковъ* платежей и сообразите сами, какъ и что.

„5) Сумароковъ ли, другой ли кто—будетъ у васъ factotum: но—въ наши отдѣлы, т.-е. въ стихи, словесность, критическія статьи, оригинальныя и переводныя по литературѣ, исторіи вообще, эстетикѣ, — статьи о Русскомъ бытѣ и вообще о Славянскомъ — онъ да не вмѣшивается никоимъ образомъ: но *мы*—имѣемъ право похерить въ иностранныхъ извѣстіяхъ и въ смѣси то, что̀ несогласно съ нашимъ, т.-е. и съ вашимъ.

„6) Однимъ словомъ, я желаю быть, такъ сказать, вицередакторомъ во всемъ томъ, что̀ я *могу* дѣлать, во всемъ, что относится къ духу и направленію журнала. Естественно, что̀ статьи С. Т. Аксакова, А. С. Хомякова, С. П. Шевырева, М. А. Дмитріева и нѣкоторыхъ другихъ моей цензурѣ не подвергаются. Но—никакой пользы не будетъ и дѣла не выйдетъ, если вы не рѣшитесь смѣло выбрать диктатора— не меня, такъ другого,—а кромѣ меня—нѣкого, по причинамъ выше объясненнымъ... Вы знаете, что когда я *захочу*, я могу работать: а я теперь — хочу и пламенно хочу, ибо приспѣло время, истощилась мѣра терпѣнія и вся кровь во мнѣ кипитъ при мысли, что нѣкоторые господа торжественно уже объявляютъ о распаденіи нашего кружка и нашего направленія.

„Рѣшитесь же разъ, такъ же смѣло, какъ я рѣшился написать къ вамъ это письмо, принять безъ исключенія всѣ мои, кажется ужъ очень умѣренныя, условія. *Авось!*

„Еще одно: чтобы дѣло шло успѣшно—возстановите, хоть

сдѣлавши маленькое насиліе надъ собою—теплоту прежнихъ *нашихъ* отношеній между вами и по крайней мѣрѣ — мною, Евгеніемъ Эдельсономъ и Александромъ Николаевичемъ Островскимъ.

„Послѣднее:—но—опять съ вами теперь я боюсь говорить: вамъ можетъ придти въ голову мысль, обидная для человѣка, который мнѣ дорогъ—для Александра Николаевича, что я—его органъ... *Новая драма должна быть напечатана въ Москвитянинѣ*.

„Жду вашего отвѣта—и явлюсь къ вамъ, когда вы назначите. Всего бы лучше—завтра, т.-е. въ субботу вечеромъ".

XLV.

Между тѣмъ, А. Н. Островскій написалъ новую драму, подъ заглавіемъ: *Не такъ живи, какъ хочется*, и Григорьевъ, какъ мы уже видѣли, настаивалъ, чтобы она была напечатана въ *Москвитянинѣ*. „Письмо, полученное мною вчера отъ вашего превосходительства", — писалъ Григорьевъ къ Погодину, — „отчасти обрадовало меня первою свею страницею, отчасти — повергло въ сомнѣніе второю. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня завтра же, хоть къ вечеру, о вашемъ окончательномъ рѣшеніи: 1) о существованіи журнала вообще; 2) о напечатаніи *Не такъ живи, какъ хочется*; 3) о принятіи вами условій. Въ дополненіе, имѣю честь присовокупить, что Григоровичъ и Тургеневъ сильно хлопочутъ о томъ, чтобы Островскій согласился отдать пьесу *Краевскому*: стало быть, рѣшеніе ваше должно быть *положительное*. Намъ сильно повредитъ, если Островскій не только отдастъ Краевскому, чего онъ по чистотѣ своей и не сдѣлаетъ вѣроятно, — но даже если напечатаетъ отдѣльно... *Бога ради*, сообразите это дѣло: довольно ужъ и того, что *Бѣдность не порокъ* вышла отдѣльно, — довольно того, что мы, кажется, потеряли окончательно Писемскаго, — что Потѣхина *туда* переманиваютъ. Кто-жъ у насъ оста-

нется? Н. Н. Воронцовъ—да авторъ *Мечтателя*... Помилосердуйте".

Въ томъ же письмѣ Григорьевъ обращается къ предложеннымъ Погодину условіямъ и пишетъ: „Притомъ, вы, кажется, не совсѣмъ меня поняли... Я прямо и положительно прошу у васъ хоть на годъ—*диктаторства*, не по самолюбію, котораго, какъ вы знаете, у меня меньше, чѣмъ у многихъ, а по твердому сознанію, что я—одинъ—фанатически вѣрю въ наше дѣло. Значитъ, тотчасъ по принятіи и утвержденіи условій, вы должны объявить *циркулярно*, что сдали мнѣ всѣ распоряженія (кромѣ, разумѣется, денежныхъ) по части Словесности и Критики—стало быть, отъ моего усмотрѣнія зависитъ порученіе тому или другому, того-то и того-то. Безъ этаго, повторяю, толку не будетъ. Прибавьте, пожалуй, въ циркулярѣ—*въ видѣ опыта*—да и пусть это въ самомъ дѣлѣ будетъ опытомъ на четыре мѣсяца".

Григорьевъ продолжалъ все настаивать, чтобы драма Островскаго была напечатана въ *Москвитянинѣ*. „Я все съ тѣмъ же—писалъ онъ,—„1) драма Островскаго *должна* появиться въ *Москвитянинѣ*. Условія его вамъ извѣстны: триста серебромъ и шестьсотъ экземпляровъ: деньги — сполна и въ одинъ разъ. Неужели вы *сомнѣваетесь*, что Краевскій дастъ тысячу серебромъ, даже больше? Вы я думаю слышали, *что̀* онъ заплатилъ Писемскому за страшную дрянь, за *Ветерана—Новобранца*? 2) Еще болѣе настоятельно чѣмъ прежде я прошу себѣ *временнаго* вице-редакторства, съ циркулярнымъ объ ономъ объявленіемъ. *Земля велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ*. 3) До циркуляра — и главное, до окончанія дѣла о драмѣ—я не могу ни за что приняться. Съ минуты рѣшенія — примусь положительно — не съ неистовымъ рвеніемъ, которое скоропреходяще—а основательно и постепенно. Съ этой минуты начнется моя отвѣтственность передъ вами и передъ друзьями моими. До этой минуты—я сижу, буквально какъ турокъ сложивши ноги и занимаюсь преимущественно музыкой. 4) Боклевскій и Стаховичъ сыскали отличную и деше-

вую литографію для иллюстрацій *Ночнаго*, *Не такъ живи, какъ хочется* и другихъ *нашихъ* вещей. Замѣните этими вещами да арранжировками Русскихъ пѣсенъ Дюбюка,—дорогія и между тѣмъ—недостойныя *Москвитянина* модныя картинки,—уничтоженіемъ которыхъ, сколько я знаю, вы всѣмъ угодите, притомъ Аксаковымъ, Хомякову, Шевыреву, Кирѣевскимъ и другимъ вашимъ друзьямъ, старшинство и авторитетъ которыхъ мы всѣ признаемъ съ почтеніемъ и любовію. Бога же ради, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, кончайте. Я не могу же держать Островскаго за полы—да и слишкомъ люблю его, чтобы не входить въ его интересы. Взносъ процентовъ за души и т. п. отлагательствъ не терпитъ—и я не въ силахъ буду обвинять его, если онъ преклонитъ ухо къ прельщеніямъ, тѣмъ болѣе, что идеи, подъ вліяніемъ которыхъ издана его драма, останутся святы и чисты и въ *Запискахъ* и въ *Современникѣ*. Намъ, а не ему будетъ стыдно. Вы сами все это очень хорошо понимаете" [197]).

Григорьеву удалось-таки склонить Погодина къ пріобрѣтенію для напечатанія въ *Москвитянинѣ* новой драмы Островскаго. Въ *Дневникѣ* Погодина 1856 года, объ этомъ мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *9 февраля*: „Съ Григорьевымъ о журналѣ. Сдался купить Островскаго".

— *28* — : „Вечеромъ читалъ Островскій свою комедію. По утру съ Григорьевымъ о покупкѣ. Купилъ".

Наконецъ драма Островскаго *Не такъ живи, какъ хочется* украсила страницы *Москвитянина* [198]).

А. А. Григорьевъ былъ правъ. Изъ *Москвитянина* давно уже стали и продолжали уходить, одинъ за другимъ, наши лучшіе писатели.

„А записки Жихарева",—писалъ Погодину (8 іюля 1855 года) М. А. Дмитріевъ,—„перешли изъ *Москвитянина* въ *Отечественныя Записки*. Очень жаль! Это вещь капитальная для журнала, живая, интересная и прекраснаго слога! Зачѣмъ вы не удержали за собою"?

26 октября 1855 года, А. Ѳ. Писемскій писалъ Погодину: „Извиняюсь, что такъ долго не отвѣчалъ на ваши письма: сначала былъ занятъ разнаго рода хлопотами, а тутъ заболѣлъ, да такъ, что и до сихъ поръ не могу хорошенько поправиться. Милой Петербургскій климатъ добьетъ, кажется, окончательно небольшой запасъ моего здоровья. *Ипохондрикъ* мой имѣлъ успѣхъ, но не въ массѣ публики. Впрочемъ, такъ и должно быть въ толпѣ, воспитанной, съ одной стороны, на Итальянской оперѣ и Французскомъ театрѣ, а съ другой—на передѣланныхъ водевиляхъ и драмѣ Кукольника. Выполнена она прилично, но и только! Не говорю о моемъ *Ипохондрикѣ*, въ которомъ, при нѣкоторыхъ достоинствахъ и куча недостатковъ; но вотъ что грустно, что, хотя по преимуществу передъ всѣми родами Литература наша представляетъ истинно-достойные образцы высокой комедіи, а между тѣмъ всѣ они принимаются болѣе съ уваженіемъ, чѣмъ съ любовью,— для насъ театръ еще не школа, а забава. Смѣются и фразѣ, исполненной глупаго юмора, которую пережилъ и произнесъ актеръ всей своей душей, смѣются тѣмъ же смѣхомъ и по малѣйшему экивоку, который, говоря, актеръ дѣлалъ гримасу, какъ паяцъ. Явленіе грубѣйшаго исполненія публикѣ поставляетъ здѣсь одинъ изъ любимцевъ ея Самойловъ, который играетъ только кожей и мышцами, отъ котораго я еще не слыхалъ ни одного слова безъ нервнаго раздраженія, потому что въ каждомъ словѣ его слышится фальшъ, дерзость и холодный крикъ, а между тѣмъ, его ставятъ выше Мартынова— актера, котораго портили двадцать лѣтъ и дирекція, и авторы, и публика и который все-таки остался задушевнѣйшимъ актеромъ. Написалъ я статью о Гоголѣ, если полюбопытствуете, то прочтите, она, помѣщена въ сентябрской книжкѣ *Отечественныхъ Записокъ*. Сказалъ, по крайнему своему убѣжденію, о нашемъ великомъ мастерѣ правду; многіе на меня, знаю, теперь возстанутъ, но вѣрю въ одно, что съ теченіемъ времени правда останется за мной... У васъ возникаетъ въ Москвѣ два журнала — одинъ Западной, другой—Славянской, — дай

Богъ, обоимъ имъ успѣха. Нѣкоторые Петербургскіе журналы, какъ напримѣръ, *Библіотеку для чтенія* и *Пантеонъ*, слѣдуетъ похоронить. Надобно знать, какую мерзость человѣчества составляютъ сотрудники въ этихъ журналахъ" [199]).

Въ то же время произведеніе свое *Виновата ли она*, Писемскій напечаталъ въ *Современникѣ* 1855 года [200]).

„Наконецъ, я кончилъ драму,—писалъ Погодину (23 января 1855 г.) А. А. Потѣхинъ,—сюжетъ которой разсказывалъ вамъ, бывши въ Москвѣ. Признаюсь, это произведеніе стоило мнѣ большого труда, потому-что ходъ его не завязанъ на интригѣ, которая, служа, такъ сказать, центромъ всѣхъ событій, весьма облегчаетъ расположеніе и группировку ихъ, которая, представляетъ автору самыя сильныя, могущественныя и въ то же время нѣжныя движенія души, самыя граціозныя или восторженныя отношенія его героевъ, даетъ автору болѣе свободы и силы въ его поэтическомъ настроеніи. Въ настоящей драмѣ я долженъ былъ имѣть дѣло съ самыми грубыми элементами души (человѣка): я долженъ былъ прослѣдить паденіе человѣка, вслѣдствіе самой жестокой и ни въ какомъ отношеніи не привлекательной страсти корыстолюбія, и чтобы не запутать мысль произведенія, я долженъ былъ ограничиться этими элементами и заботиться объ ихъ смягченіи и облагороженіи, заботиться тѣмъ болѣе, что дѣйствительность въ той сферѣ, изъ которой взята драма, при подобныхъ отношеніяхъ, не представляетъ ничего граціознаго и весьма мало утѣшительнаго. Не знаю, въ какой мѣрѣ послѣднее произведеніе мое удачно, но знаю, что на него положено много труда съ моей стороны. Вѣроятно, братъ Николай доставилъ уже вамъ эту драму, объяснивъ причины, по которымъ я послалъ ее на его имя и передалъ желанія мои относительно напечатанія въ *Москвитянинѣ* и—вознагражденія. Я прошу у васъ за напечатаніе въ *Москвитянинѣ* этой четырехъ-актной драмы только двѣсти пятьдесятъ руб. сер., но съ присоединеніемъ другой прсьбы: чтобы эти деньги вы потрудились прислать мнѣ поскорѣе, потому-что я очень нуждаюсь и чтобы драма

была напечатана не позже первой мартовской книжки *Москвитянина.* Я увѣренъ, Михаилъ Петровичъ, что вы не откажете мнѣ въ исполненіи этой просьбы и въ согласіи на мои желанія, которыя, какъ видите, очень ограничены. Если Богъ дастъ здоровья и силъ, то я могу васъ увѣрить, что участіе мое въ *Москвитянинѣ* настоящаго года не ограничится этою драмою. Вы видѣли сколько написано у меня романа, въ нѣсколько мѣсяцевъ, съ Божіею помощію, я его кончу — и вотъ *Москвитянинъ* отъ меня будетъ имѣть еще листовъ тридцать печатныхъ, если не болѣе. Прибавлю безъ самохвальства, но съ полнымъ убѣжденіемъ, что если Богъ поможетъ мнѣ кончить этотъ романъ такъ, какъ я его началъ, то онъ займетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ въ числѣ моихъ произведеній. Кромѣ этого романа въ головѣ моей строится планъ еще новаго произведенія, которое я можетъ быть напишу одновременно съ романомъ. Но грустно признаться, что не смотря на всю мою любовь къ труду, на всѣ мои усилія, на всѣ мои труды, я постоянно нуждаюсь въ средствахъ существованія и какъ нуждаюсь — если бы вы знали... Будь я холостой человѣкъ, вы никогда не услышали бы отъ меня этого признанія, я былъ бы совершенно доволенъ тѣмъ, что могу существовать изо-дня-въ день — и не умирать съ голоду: больше для меня ничего бы не было нужно... Но я человѣкъ семейный. Никогда не позволю себѣ не только сказать, но даже подумать, что я недоволенъ вами, какъ своимъ редакторомъ, что вы мнѣ не платите или платите мало за мои труды; напротивъ, я полонъ къ вамъ глубокою благодарностью: вы дѣлали для меня много, очень много... Но я постоянно нуждаюсь въ деньгахъ, постоянно бѣденъ и бѣденъ стѣснительно. Думаю: кто-же виноватъ въ этомъ и убѣждаюсь, что есть одна причина моего безденежья—это необходимость частыхъ поѣздокъ въ столицы, которыя совершенно поглощаютъ всѣ мои доходы. Мнѣ необходимо жить въ столицѣ и я умоляю васъ, Михаилъ Петровичъ, если можно, достаньте мнѣ мѣсто въ Москвѣ или Петербургѣ, но

только такое мѣсто, которое бы давало мнѣ возможность заниматься Литературой. Мнѣ обѣщано было путешествіе по Россіи — это не сбылось, надѣюсь, что въ мѣстѣ мнѣ не откажутъ, если вы замолвите словечко. Какъ ни тяжела для меня чиновническая дѣятельность, какъ ни мало я способенъ къ ней, но я желаю служить, готовъ трудиться, даже съ пожертвованіемъ здоровья, лишь бы на совѣсти моей не лежало упрека въ неисполненіи обязанностей гражданина и семьянина. Великій князь и великій по душѣ человѣкъ Константинъ Николаевичъ выразилъ желаніе, какъ мнѣ лично, такъ и въ письмѣ къ вамъ, чтобы отъ времени-до-времени я писалъ драмы; и, если сказать правду, одно изъ сильныхъ побужденій къ сочиненію послѣдней драмы было желаніе великаго князя. Я вообще не умѣю цѣнить своихъ произведеній, но если вы найдете въ послѣднемъ изъ нихъ какія-нибудь достоинства, то я желалъ бы посвятить его великому князю. Ради Бога, Михаилъ Петровичъ, доставьте мнѣ это счастіе, чтобы хотя одно изъ моихъ произведеній было украшено драгоцѣннымъ для моего сердца именемъ; но, повторяю: только въ такомъ случаѣ, если драма заслуживаетъ этого счастія и этой чести. Великій князь былъ очень, очень милостивъ и снисходителенъ ко мнѣ при чтеніи *Суда людскаго* и я имѣю слабую надежду, что онъ не откажетъ мнѣ въ позволеніи поднести свою новую драму. Вамъ, Михаилъ Петровичъ, при вашихъ отношеніяхъ легко сдѣлать для меня это доброе дѣло, но если вы откажетесь, то научите меня, не могу ли я самъ непосредственно просить великаго князя о позволеніи посвятить ему свой трудъ. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать на это вашего отвѣта и, если посвященіе это потребуетъ удаленія срока напечатанія драмы въ *Москвитянинѣ*, то я отдаю это обстоятельство въ такомъ случаѣ совершенно на вашу волю: лишь бы только увидѣть эту драму съ именемъ великаго князя — въ теченіе текущаго года и имѣть возможность поставить ее на сцену въ слѣдующій зимній сезонъ. Если же возможности къ посвященію никакой не будетъ,

то потрудитесь напечатать драму, какъ просилъ выше, не позже марта мѣсяца".

Но не радостный отвѣтъ получилъ Потѣхинъ отъ Погодина.— „Ваше послѣднее письмо,—писалъ онъ,—огорчило меня въ такой мѣрѣ, какъ вы, вѣроятно, не предполагаете. Ваши слова: „Вамъ дали бы въ Петербургѣ больше за драму: зачѣмъ же вы не печатали ее тамъ" — эти слова, какъ говорится, кольнули меня прямо въ сердце. Думайте обо мнѣ, Михаилъ Петровичъ, какъ вамъ угодно, но по совѣсти вамъ скажу, вотъ какія причины заставляли меня быть исключительнымъ сотрудникомъ *Москвитянина*: сначала уваженіе къ направленію журнала, а потомъ моя безпредѣльная благодарность и преданность къ вамъ лично. Если денежные разсчеты входили въ мои отношенія съ вашимъ журналомъ, то единственно потому, что я человѣкъ бѣдный и литературные труды доставляли мнѣ средства существованія. Дѣйствительно, Краевскій и Панаевъ приглашали меня въ свои журналы, но я хотѣлъ принадлежать только *Москвитянину* или лучше сказать: вамъ. У меня еще сердце молодое и привязчивое: понятно, что обязанный вамъ, я привязался къ вамъ съ юношеской горячностью и неужели не извинительно, что часто, крайне угнетаемый нуждою, я откровенно и иногда съ горечью признавался вамъ въ ней. Мнѣ горько, мнѣ обидно, что человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ столько добра, понимаетъ меня не такъ, какъ я есть. Я увѣренъ, Михаилъ Петровичъ, вы поняли бы и оцѣнили бы меня, еслибъ судьба судила мнѣ постоянно быть возлѣ васъ. Очень хорошо помню ваши слова однажды мнѣ сказанныя: *Молодые люди настоящаго времени очень пристрастны къ себѣ; а между тѣмъ, самая желанная добродѣтель въ молодомъ человѣкѣ — это способность сознаваться въ своихъ ошибкахъ*. Помню я эти слова—и готовый признаться и раскаяться во всякомъ дурномъ поступкѣ, я упорно оставляю за собою одно достоинство, что никогда не забываю добра, которое мнѣ дѣлаютъ, никогда не бывалъ человѣкомъ неблагодарнымъ" [201]).

Но какъ бы то нибыло, драма А. А. Потѣхина: *Чужое добро въ прокъ не пойдетъ*, была напечатана въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1855 года; а романъ его *Крушинскій*—въ *Библіотекѣ для Чтенія* 1856 года [202]).

XLVI.

Такимъ образомъ, въ 1855 году, *Москвитянину* остались вѣрны только А. Н. Островскій и А. А. Григорьевъ.

Въ это время Григорьевъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* цѣлый рядъ статей. Онъ обозрѣвалъ журналы, писалъ о Русскихъ пѣсняхъ, объ отношеніи современной критики къ искусству, о наличныхъ литературныхъ дѣятеляхъ и проч.

Кромѣ того, Григорьевъ началъ печатать въ *Москвитянинѣ* свою обширную статью *о комедіяхъ А. Н. Островскаго и объ ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ.*

Статья встрѣтила цензурное затрудненіе. Такъ, напримѣръ, сдѣланная Григорьевымъ выписка изъ Посошкова, въ которой доказывается „неправый судъ“ въ Россіи и говорится даже „о запустѣніи во многихъ мѣстахъ земли отъ неправды весьма застарѣли“. Эта выписка затруднила Московскаго цензора, и онъ писалъ: „Хотя Посошковъ и современникъ императора Петра I-го, но не подастъ ли это повода къ неправильнымъ толкамъ, тѣмъ болѣе, что авторъ статьи говоритъ, что Посошковымъ начинается цѣлый рядъ возвышенныхъ, рѣзкихъ отрицаній (относительно правосудія), отмѣченныхъ именами извѣстныхъ нашихъ писателей“.

Далѣе, Григорьевъ говоритъ: „о вѣрѣ въ правду, жгучей, сухой и тревожной, которая могла бы изсушить сердце, если бы, въ томъ же народѣ, не умѣрялась высшею вѣрою“. Эти выраженія также смутили цензора. „Не могутъ ли“,—писалъ онъ,—„усиливать поводъ къ ложнымъ толкамъ о неправдѣ, негодованіе на которую, по словамъ автора, отмѣчено именемъ Гоголя, слѣдовательно можетъ продолжаться и до нынѣ“.

Мнѣніе Григорьева о ложномъ направленіи юридическихъ началъ въ Европѣ, также соблазнило цензора. Григорьевъ писалъ: „Подъ вліяніемъ Римскаго права, по этимъ началамъ раздѣлили или, лучше, разрубили юридическія отношенія на двѣ сферы: отношеній уголовныхъ и отношеній гражданскихъ... узаконивая, такимъ образомъ, недовѣріе частнаго произвола къ обществу и давая мѣсто обществу только какъ пугалу въ отношеніи къ частному лицу“. Это туманное мудрованіе возбудило въ цензорѣ опасеніе, чтобы оно не подало поводъ молодымъ людямъ „къ неправильному толкованію и о Россійскомъ законодательствѣ; а Римское право преподается въ нашихъ университетахъ“.

Затруднила цензора также и другая выписка изъ Посошкова, сдѣланная Григорьевымъ, представляющая проектъ Посошкова, „составить судебную книгу посредствомъ людей выбранныхъ изъ всѣхъ сословій... Написавъ тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ“.

По предположенію цензора, подобная выписка можетъ подать поводъ „молодымъ людямъ къ ложнымъ толкамъ о нашемъ законодательствѣ“.

По опредѣленію Московскаго Цензурнаго Комитета, раздѣлявшаго изложенныя затрудненія цензора, статья Григорьева о комедіяхъ Островскаго и ихъ значеніи въ литературѣ и на сценѣ, въ корректурѣ была отправлена въ Главное Управленіе Цензуры.

По прочтеніи этой статьи, членъ Главнаго Управленія Л. В. Дубельтъ на самой статьѣ карандашомъ замѣтилъ слѣдующее: „Сочинитель сказалъ неправду, это не разборъ комедій Островскаго, а это комедія г. Григорьева“.

Разсмотрѣніе статьи Григорьева было поручено чиновнику особыхъ порученій при министрѣ Народнаго Просвѣщенія Волкову, который въ своемъ рапортѣ (30 іюня 1855 г.), между прочимъ, писалъ: „Статья г. Григорьева, хотя и предназначенная для литературнаго журнала, по своему неудобо-

понятному изложенію, переполненному выписками изъ Посошкова, кромѣ наборщика и корректора, едва ли найдетъ себѣ другихъ читателей", и что Григорьеву „нечего болѣе дѣлать, какъ писать подобныя умозрительныя статьи, а Редакціи журнала *Москвитянинъ* необходимо нужно за недостаткомъ дѣльныхъ и умныхъ статей, наполнять чѣмъ нибудь страницы своего журнала"; а потому, по мнѣнію Волкова, „литература наша нисколько не потеряетъ, а также ничего не потеряютъ и читатели *Москвитянина*, если статьи Григорьева вовсе не появятся въ печати".

Такимъ образомъ, 16 іюля 1855 года, состоялся приговоръ Главнаго Управленія Цензуры, въ силу котораго статья Григорьева признана „неодобрительною по правиламъ Цензуры, почему и опредѣлено: не дозволять оную къ напечатанію".

Кромѣ цензоровъ, къ литературной дѣятельности А. А. Григорьева весьма несочувственно относилась и графиня Е. П. Ростопчина. „Жаль, что я васъ давно не видала",— писала она Погодину,—„мнѣ бы очень и очень нужно было васъ пожурить (извините мою откровенность, слѣдствіе давней привычки); чортъ знаетъ, что ваши дикіе бегемоты дѣлаютъ изъ *Москвитянина*, васъ бранятъ за него, а вы позволяете имъ ронять журналъ: что за безпрестанныя, до тошноты пошлыя хваленья и куренья *своимъ*, что за направленье мелочной сотоварищности, настоящая пародія Скрибовой Camaraderie, и кого интересуетъ личное (не знаю, не лучше ли тутъ сказать: *безличное*, ибо дѣло идетъ о нулѣ!..) мнѣніе г-на Григорьева о другѣ его, Островскомъ? И какъ устоитъ слава бѣднаго Островскаго противъ такихъ неумѣстныхъ всесожженій, похожихъ на булыжникъ Крыловскаго медвѣдя?.. Потѣхинъ и его грязь ужъ и такъ много навредили *Москвитянину*: критики его уходятъ. Да помилуйте, вы у насъ человѣкъ съ вѣсомъ, ученая знаменитость, прилично ли чтобъ подъ вашею фирмою издавались такія глупости, произведенья пьяной и шальной бездарности?.. Прогоните всю

эту сволочь писакъ и марателей бумаги, довѣрьте критику кому-нибудь по-дѣльнѣе, хоть бы Алмазову, который несравненно умнѣе, образованнѣе и приличнѣе; да главное, чтобъ статьи и библіографіи были короче, серьезнѣе, *безпристрастнѣе*, согласны съ изящнымъ вкусомъ и общимъ человѣческимъ смысломъ, не то, право, нѣтъ средства даже и заступаться за *единственный* Московскій, и отвсюда уважаемый журналъ; книжка отъ книжки ваши сотрудники являютъ себя безтолковѣе, безграмотнѣе и безцеремоннѣе. Я знаю, что вамъ недосугъ, что вы почти не читаете вашего журнала; этимъ пользуются, чтобъ помѣщать въ него всякую гиль,—а передъ свѣтомъ и публикою отвѣчаетъ ваше имя... Какъ жаль бѣднаго Шевырева; я съ участьемъ о немъ справляюсь ежедневно, и отъ души желаю ему выздоровленья".

Но, бѣдный Григорьевъ былъ постоянно подъ гнетомъ тяжелой нужды. Въ то время, когда онъ писалъ Погодину одушевленныя письма объ обновленіи *Москвитянина*, въ то же самое время онъ писалъ ему угнетенныя, просительныя письма о доставленіи ему мѣста учителя и при этомъ сообщаетъ о себѣ весьма любопытныя автобіографическія подробности. „Вотъ еще дѣло какого рода",—пишетъ онъ Погодину,—„лично до меня касающееся. Но напередъ,—хотите ли вы что нибудь для меня сдѣлать, а сдѣлать вы можете, если только захотите. Во всякомъ случаѣ, я уже такъ обтерпѣлся, такъ привыкъ ко всякимъ нуждамъ, что новая неудача меня и не потревожитъ. Мнѣ *нужно* еще учительское мѣсто, кромѣ Первой Гимназіи; нужно для того, чтобы работать свободнѣе, чтобы не впадать въ уныніе и апатію отъ бѣдствованій и недостатковъ. Чѣмъ больше судьба гнететъ меня, тѣмъ больше я морально падаю. Чтожъ мнѣ дѣлать съ собою? Въ моей натурѣ страшно перемѣшаны безхарактерность съ упорствомъ и энергіею Нужно было много любви къ мысли, чтобы вывести меня изъ унынія и апатіи. Дѣло вотъ какого рода. Въ 4-й Гимназіи умеръ третьяго дня учитель Исторіи Рагозинниковъ. Нельзя ли мнѣ выхлопотать его уроки, сов-

понятному изложенію, переполненному выписками изъ Посошкова, кромѣ наборщика и корректора, едва ли найдетъ себѣ другихъ читателей", и что Григорьеву „нечего болѣе дѣлать, какъ писать подобныя умозрительныя статьи, а Редакціи журнала *Москвитянинъ* необходимо нужно за недостаткомъ дѣльныхъ и умныхъ статей, наполнять чѣмъ нибудь страницы своего журнала"; а потому, по мнѣнію Волкова, „литература наша нисколько не потеряетъ, а также ничего не потеряютъ и читатели *Москвитянина*, если статьи Григорьева вовсе не появятся въ печати".

Такимъ образомъ, 16 іюля 1855 года, состоялся приговоръ Главнаго Управленія Цензуры, въ силу котораго статья Григорьева признана „неодобрительною по правиламъ Цензуры, почему и опредѣлено: не дозволять оную къ напечатанію".

Кромѣ цензоровъ, къ литературной дѣятельности А. А. Григорьева весьма несочувственно относилась и графиня Е. П. Ростопчина. „Жаль, что я васъ давно не видала",— писала она Погодину,—„мнѣ бы очень и очень нужно было васъ пожурить (извините мою откровенность, слѣдствіе давней привычки); чортъ знаетъ, что ваши дикіе бегемоты дѣлаютъ изъ *Москвитянина*, васъ бранятъ за него, а вы позволяете имъ ронять журналъ: что за безпрестанныя, до тошноты пошлыя хваленья и куренья *своимъ*, что за направленье мелочной сотоварищности, настоящая пародія Скрибовой Camaraderie, и кого интересуетъ личное (не знаю, не лучше ли тутъ сказать: *безличное*, ибо дѣло идетъ о нулѣ!..) мнѣніе г-на Григорьева о другѣ его, Островскомъ? И какъ устоитъ слава бѣднаго Островскаго противъ такихъ неумѣстныхъ всесожженій, похожихъ на булыжникъ Крыловскаго медвѣдя?.. Потѣхинъ и его грязь ужъ и такъ много навредили *Москвитянину*: критики его уходятъ. Да помилуйте, вы у насъ человѣкъ съ вѣсомъ, ученая знаменитость, прилично ли чтобъ подъ вашею фирмою издавались такія глупости, произведенья пьяной и шальной бездарности?.. Прогоните всю

эту сволочь писакъ и марателей бумаги, довѣрьте критику кому-нибудь по-дѣльнѣе, хоть бы Алмазову, который несравненно умнѣе, образованнѣе и приличнѣе; да главное, чтобъ статьи и библіографіи были короче, серьезнѣе, *безпристрастнѣе*, согласны съ изящнымъ вкусомъ и общимъ человѣческимъ смысломъ, не то, право, нѣтъ средства даже и заступаться за *единственный* Московскій, и отвсюда уважаемый журналъ; книжка отъ книжки ваши сотрудники являютъ себя безтолковѣе, безграмотнѣе и безцеремоннѣе. Я знаю, что вамъ недосугъ, что вы почти не читаете вашего журнала; этимъ пользуются, чтобъ помѣщать въ него всякую гиль,—а передъ свѣтомъ и публикою отвѣчаетъ ваше имя... Какъ жаль бѣднаго Шевырева; я съ участьемъ о немъ справляюсь ежедневно, и отъ души желаю ему выздоровленья".

Но, бѣдный Григорьевъ былъ постоянно подъ гнетомъ тяжелой нужды. Въ то время, когда онъ писалъ Погодину одушевленныя письма объ обновленіи *Москвитянина*, въ то же самое время онъ писалъ ему угнетенныя, просительныя письма о доставленіи ему мѣста учителя и при этомъ сообщаетъ о себѣ весьма любопытныя автобіографическія подробности. „Вотъ еще дѣло какого рода",— пишетъ онъ Погодину,— „лично до меня касающееся. Но напередъ,—хотите ли вы что нибудь для меня сдѣлать, а сдѣлать вы можете, если только захотите. Во всякомъ случаѣ, я уже такъ обтерпѣлся, такъ привыкъ ко всякимъ нуждамъ, что новая неудача меня и не потревожитъ. Мнѣ *нужно* еще учительское мѣсто, кромѣ Первой Гимназіи; нужно для того, чтобы работать свободнѣе, чтобы не впадать въ уныніе и апатію отъ бѣдствованій и недостатковъ. Чѣмъ больше судьба гнететъ меня, тѣмъ больше я морально падаю. Чтожъ мнѣ дѣлать съ собою? Въ моей натурѣ страшно перемѣшаны безхарактерность съ упорствомъ и энергіею Нужно было много любви къ мысли, чтобы вывести меня изъ унынія и апатіи. Дѣло вотъ какого рода. Въ 4-й Гимназіи умеръ третьяго дня учитель Исторіи Рагозининиковъ. Нельзя ли мнѣ выхлопотать его уроки, сов-

мѣстные съ уроками моими въ Первой Гимназіи. Не скрою отъ васъ трудностей этого дѣла. У Назимова много кандидатовъ съ протекціями, весьма у него сильными. Особенною учительскою славою я не пользуюсь—да и трудно было бы мнѣ получить эту славу, преподавая предметъ для меня чуть что не отвратительный; и то я стараюсь дѣлать хоть что-нибудь и знакомлю учениковъ (вопреки программѣ) больше съ юридическою-историческою древностью. Мнѣніе обо мнѣ Назимова, сколько я знаю, никакимъ образомъ не дурное, но и не особенно хорошее. Начальство мое можетъ похвалить меня только за аккуратность уроковъ, за безпрекословное исполненіе всякихъ обязанностей по долгу очереднаго члена; а похулить развѣ только: a) за частое (NB постоянное) забираніе впередъ жалованья, b) за небрежность костюма и непобѣдимую любовь къ длиннымъ волосамъ; больше не за что. На Назимова вы можете подѣйствовать мыслію, что надобно меня *устроить*, какъ человѣка нуждающагося и литератора довольно полезнаго, что кромѣ того, я буду (говорю безъ ложной гордости) однимъ изъ лучшихъ преподавателей Исторіи, особенно Русской, по любви моей къ дѣлу, по способности къ одушевленію въ передачѣ фактовъ и по моей несомнѣнной опытности въ дѣлѣ преподаванія. Онъ человѣкъ очень добрый, какъ вы знаете. Возьмитесь, *Христа ради*, спасти меня отъ такого душевнаго ада, который вамъ и невообразимъ. Я, какъ Любимъ Торцовъ, прошу вѣдь честнаго куска хлѣба. Вспомните, что самая дѣятельная полоса моей жизни былъ 1851 годъ *Москвитянина*, а тогда были у меня три мѣста и уроки до 8 часовъ вечера! Не времени—а точки душевной опоры не доставало мнѣ въ послѣдніе года. Я запутался морально и запутался денежно. Не говорите мнѣ о воздержаніяхъ и проч. *Назябся ужъ я, наголодался ужъ я* морально, хуже чѣмъ Любимъ Торцовъ физически. Благодарю Бога еще что Онъ не далъ мнѣ пасть совсѣмъ въ этомъ литеорскомъ званіи, что во мнѣ уцѣлѣли, по старому, стремленія къ лучшему и высшему, которымъ хоть не

всегда я служилъ усердно, но всегда служилъ *вѣрно* и *честно*. Пишу вамъ это все не въ видѣ намека на денежное вспомоществованіе—да и вообще возьмите назадъ ваши *жестокія* слова о какой то тактикѣ и т. п. Когда я говорилъ съ вами или писалъ къ вамъ отъ души, то потому, что, не смотря на вашу суровую позу, всегда былъ убѣжденъ въ горячности вашего сердца. Я думаю, самимъ вамъ случалось иногда остановить слишкомъ строгій судъ надо мною, по неимѣнію всѣхъ данныхъ для этого суда. Примите же мою просьбу за то, что̀ она есть въ самомъ дѣлѣ,—за порывъ къ выходу изъ адскаго положенія къ честному, полезному труду. Я знаю себя хорошо: знаю, что только и гожусь въ учителя и въ литераторы; но и учителемъ честнымъ (и даже при предметѣ любимомъ, блестящемъ) и литераторомъ таковымъ же я быть въ силахъ. Ни во что другое я не гожусь—но это—дѣло мое. Тому назадъ года три я ѣздилъ держать экзаменъ на учителя Исторіи въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и выдержалъ. Не смущайтесь этимъ: и дорогой я пьянствовалъ, и въ Петербургѣ я пьянствовалъ—но съ тѣхъ поръ какъ Богъ меня освободилъ отъ этой слабости (а этому теперь уже полтора года)—нечего за меня опасаться. Пожалуй, хоть сами проэкзаменуйте меня изъ Русской Исторіи! Хватаюсь за это дѣло, какъ за доску спасенія. На новыя открывающіяся мѣста обыкновенно присылаютъ теперь педагоговъ, не уважая даже представленій Назимова. А между тѣмъ, можно будетъ написать къ Ивану Ивановичу Давыдову, который вѣроятно не захочетъ отымать мѣсто у одного изъ своихъ старыхъ учениковъ, котораго онъ любилъ и которому покровительствовалъ. Даже я рѣшусь съѣздить дня на три въ Петербургъ и лично явиться съ просьбою къ Ивану Ивановичу".

Мы не знаемъ, исполнилъ ли Погодинъ просьбу Григорьева; но въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 14 марта 1855 года, онъ записалъ: „Вечеромъ Григорьевъ о Литературѣ и за деньгами! Ну что съ ними будешь дѣлать"!

XLVII.

Не уладивъ, какъ и слѣдовало было ожидать, дѣла съ А. А. Григорьевымъ, Погодинъ входитъ въ переговоры съ Славянофилами, въ лицѣ А. И. Кошелева, о сдачѣ имъ своего несчастнаго *Москвитянина*. Въ *Дневникѣ* Погодина 1855 года, мы встрѣчаемъ слѣдующія записи:

Подъ *4 января*: „Утромъ у Хомякова. Хотѣлъ поговорить о журналѣ, но не успѣлъ“.

— *8* — : „Хомяковъ о журналѣ вяло“.

— *20* — : „Кирѣевскій, Хомяковъ. Не слишкомъ охотно желаютъ помочь *Москвитянину*“.

— *27* — : „Вечеръ у Кошелева. Читалъ его проекты. Толковали о *Москвитянинѣ*, но все-таки не горячо“.

— *2 апрѣля*: „Думалъ о *Москвитянинѣ*, съ которымъ просто не знаю что дѣлать“.

— *6 мая*: „Вечеръ у Кошелева, который хочетъ снять журналъ. Радъ бы“.

Въ тотъ же день Погодинъ получилъ отъ Кошелева слѣдующее письмо: „Въ прошедшій разъ, какъ вы у меня были, я не имѣлъ возможности переговорить о разныхъ вещахъ, о которыхъ мнѣ хотѣлось обстоятельно потолковать: былъ боленъ, разстроенъ нервами, а въ такія минуты лучше и не начинать дѣльнаго разговора. Теперь мнѣ лучше, но я не выѣзжаю, нельзя ли вамъ побыватъ у меня сегодня или завтра. Мнѣ хотѣлось съ вами потолковать о *Москвитянинѣ* и о движеніи въ пользу народности. Какъ запрещеніе, вѣроятно, снимется съ общихъ друзей нашихъ, то намъ хочется попытаться завести журналъ. Къ чему заводить новый, когда вы желаете передать вами издаваемый журналъ. Къ тому же стремленіе у насъ общее; слѣдовательно, мы можемъ соединенными силами трудиться въ одномъ журналѣ. Второй предметъ есть движеніе въ пользу возвращенія Русскому языку полнаго господства въ общественномъ и семейномъ

быту. Также толки въ пользу Русскаго платья, многихъ Русскихъ обычаевъ и пр. теперь, кажется, весьма своевременны и умѣстны. Объ этомъ предметѣ намъ необходимо потолковать и условиться. Можно дѣйствовать и черезъ печать, и чрезъ рукописи. Подумайте объ этихъ двухъ предметахъ и побывайте у меня. Откладывать въ длинный ящикъ нельзя, ибо Самаринъ уѣзжаетъ на дняхъ и я, какъ выздоровѣю, то также отправляюсь".

По полученіи этого письма, Погодинъ, подъ 12 мая 1855 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вечеромъ у Кошелева, толковать о журналѣ. Толкуетъ все не такъ, какъ слѣдуетъ".

Переговоры съ Ю. Ѳ. Самаринымъ тоже не утѣшили Погодина. Подъ 13 августа 1855 года, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Съ Самаринымъ о журналѣ. Можетъ быть, онъ сдѣлаетъ мнѣ пособіе. Но, кажется, всѣ ужасные скряги".

Дальнѣйшіе же переговоры съ Самаринымъ дали поводъ Погодину написать ему, хотя въ проектѣ, слѣдующее письмо: „Не могу скрыть отъ васъ, по своему характеру, что вчера встрѣтилъ и проводилъ я васъ, не съ тѣмъ чувствомъ, какъ прежде. Такъ печетъ видно Русская печка! Простѣйшее дѣло поведено было такъ нелѣпо (а какъ я на дняхъ услышалъ, даже невѣроятно), что человѣкъ оскорбленъ, огорченъ и раздраженъ даромъ! Нѣтъ, рано намъ жаловаться на правительство: какое бы оно ни было, все еще оно много достойнѣе насъ. Вотъ, что всего грустнѣе и тяжелѣе. Я махнулъ рукой и рѣшаюсь прервать всѣ сношенія. Стоитъ ли изъ такой глупости? Есть злыя минуты, есть злыя линіи, злыя точки и злые случаи. Попалъ ударъ, ударъ легкой, въ такую линію, и переломилась нога. Мнѣ опротивѣло по этому случаю дѣйствованіе лицъ, я почувствовалъ къ нимъ совершенное охлажденіе, и не хочу притворяться. Можетъ быть, это я позабуду, успокоюсь, увижу дѣло съ другой точки. Дай Богъ,—а теперь такъ. Простите"!

Наконецъ, подъ 16—17 августа 1855 года, мы читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина такую запись: „Прорвался чирій, и я выбросилъ всю дрянь о журналѣ Кошелеву. Онъ принялъ хорошо и согласился въ истинѣ моихъ неудовольствій. Думалъ, какъ повести журналъ своими средствами, не касаясь ихъ, и отказался отъ предложенныхъ ими двухъ тысячъ. Нѣтъ, лучше вытягивать лямку видно одному! Богъ съ ними! Рѣшился положить капиталъ на *Москвитянинъ*".

Послѣ этихъ непріятныхъ переговоровъ съ Славянофилами, Погодинъ нимало не медля, въ сентябрѣ того же 1855 года, обратился къ министру Народнаго Просвѣщенія съ слѣдующею просьбою: „Занятый окончаніемъ своихъ Изслѣдованій о Древней Русской Исторіи, я не могу обращать надлежащаго вниманія на изданіе журнала, и прошу покорнѣйше о дозволеніи передать на время редакцію корректору университетской Типографіи Протошинскому, подобно тому, какъ прежде позволено было мнѣ Министерствомъ передать на нѣкоторое время г. Студитскому, а послѣ—г. Вельтману".

На запросъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія, князя П. А. Вяземскаго, о личности г. Протошинскаго, попечитель Московскаго Учебнаго Округа В. И. Назимовъ, 10 ноября 1855 года, сообщилъ, что „начальникъ университетской Типографіи, принимая во вниманіе обязанности г. Протошинскаго по настоящей его должности, требующія неупустительныхъ и постоянныхъ съ его стороны занятій, счелъ нужнымъ предварительно спросить г. Протошинскаго, можетъ ли онъ при исполненіи своей должности, заниматься и редакціею журнала *Москвитянинъ*; на это г. Протошинскій, въ рапортѣ своемъ, объяснилъ, что принять на себя редакцію *Москвитянина* съ полною отвѣтственностію, онъ не согласенъ, тѣмъ болѣе, что у него съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Погодинымъ, ни письменнаго, ни словеснаго условія по сему предмету не было; а обѣщалъ онъ, Протошинскій, только читать корректуру тѣхъ нумеровъ *Москвитянина*, которые печатаются въ Типографіи, и имѣть над-

зоръ за разстановкою и послѣдовательностію статей, отъ чего и не отказывается. Къ сему начальникъ Типографіи присовокупляетъ, что при четырехъ-лѣтнемъ управленіи, г. Протошинскій должность свою исправлялъ съ особенною похвалою и довѣренностію".

Вслѣдствіе сего, Министерство Народнаго Просвѣщенія, 30 ноября 1855 года, поручило попечителю Московскаго Учебнаго Округа „приказать объявить" Погодину, что „прошеніе его не можетъ подлежать удовлетворенію".

Вслѣдъ за симъ Погодинъ подалъ министру Народнаго Просвѣщенія другую просьбу, которая удивляетъ насъ тѣмъ, что онъ до сихъ поръ не имѣлъ права помѣщать въ своемъ *Москвитянинѣ* политическаго обозрѣнія, на чтò имѣли право Петербургскіе журналы.

Въ этой просьбѣ къ министру, читаемъ: „Желая помѣщать въ своемъ журналѣ политическія обозрѣнія, по примѣру Петербургскихъ журналовъ, получившихъ на то высочайшее дозволеніе, прошу покорнѣйше ваше высокопревосходительство о разрѣшеніи".

11 февраля 1856 года, А. С. Норовъ писалъ государю: „Главное Управленіе Цензуры, имѣя въ виду, что по высочайше утвержденной вашимъ императорскимъ величествомъ, въ 31 день октября 1855 года, программѣ журнала *Русскій Вѣстникъ*, допущено политическое обозрѣніе, полагаетъ возможнымъ дозволить дѣйствительному статскому совѣтнику Погодину печатать въ издаваемомъ имъ журналѣ *Москвитянинъ* обозрѣніе политическихъ событій и военныхъ дѣйствій, составляющее, безъ всякихъ собственныхъ разсужденій Редакціи, лишь связный выборъ извѣстій сего рода изъ періодическихъ изданій, въ Россіи выходящихъ. Принимая въ соображеніе благонамѣренность, дарованія и ученые труды академика Погодина, я имѣю счастіе всеподданнѣйше испрашивать высочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія на приведеніе въ исполненіе вышепрописаннаго заключенія Главнаго Управленія Цензуры".

На этомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, государемъ, 12 февраля 1856 года, начертано карандашемъ: *Согласенъ.*

Но это ничему не помогло, и *Москвитянинъ* быстрыми шагами шелъ къ своему исходу.

XLVIII.

На развалины Погодинскаго Карѳагена явились три мужа, близкіе Погодину съ раннихъ лѣтъ его жизни. Это С. Т. Аксаковъ, А. М. Кубаревъ и М. А. Максимовичъ, и увѣнчали эти развалины своими словесными произведеніями.

Въ это время, С. Т. Аксаковъ оканчивалъ свое знаменитое произведеніе *Семейная Хроника и Воспоминанія*, и желалъ украсить страницы *Москвитянина* отрывкомъ изъ этого произведенія. 17 января 1855 года, онъ писалъ Погодину: „Я понимаю, что всѣ вы пьяны, любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ, потому что я самъ крѣпко на-веселѣ отъ юбилея Московскаго Университета. Третьяго дня, я кончилъ *Казанскую Гимназію* и *Университетъ.* Какъ бы мнѣ хотѣлось сейчасъ прочесть вамъ послѣднія страницы моихъ *Воспоминаній*! Какъ бы это было кстати теперь, когда вы сами взволнованы памятью студентской жизни! А то когда васъ дождешься? И самъ простыну и вы прохладитесь. Теперь я кончилъ огромный томъ, который мнѣ хочется выдать черезъ годъ, если буду живъ. Полгода я посвящу на исправленіе, дополненіе и исключеніе всего того, что ненужно знать публикѣ и того, чего не пропуститъ цензура, по своей глупости. Остальные полгода на мытарства и печатаніе. Мнѣ надобно преодолѣть сильную оппозицію моей семьи и родныхъ, большая часть которыхъ не желаетъ, чтобъ я печаталъ самыя лучшія пьесы. Мнѣ бы хотѣлось въ этомъ дѣлѣ посовѣтоваться съ вами. Теперь же вотъ моя положительная просьба: увѣдомьте меня съ первою почтою, пропускаетъ или нѣтъ цензоръ мой второй отрывокъ изъ *Семейной Хроники?*

Мнѣ это необходимо знать для соображенія и поправки другихъ статей".

Пользуясь пребываніемъ Шевырева въ Петербургѣ, Погодинъ писалъ ему: „Посылаю статью Аксакова. Дѣйствіе за сто лѣтъ почти. Можно приложить замѣчанія, что мы должны де благодарить попечительное правительство, которое своими мѣрами прекратило подобныя злоупотребленія. Привези же этотъ гостинецъ старику, которому единственное утѣшеніе— сочиненія, и если ихъ не будутъ позволять, то что же ему дѣлать".

По порученію А. С. Норова, отрывокъ изъ *Семейной Хроники* С. Т. Аксакова разсматривалъ чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ Народнаго Просвѣщенія, и пришелъ (8 февраля 1855 года) къ заключенію, что въ отрывкѣ „преимущественно описывается противозаконное и безчеловѣчное обращеніе помѣщика съ крѣпостными его людьми и помѣщиками—сосѣдями, при бездѣйствіи и устрашеніи имъ мѣстной полицейской власти... Очевидно, что всѣ эти обстоятельства, хотя они совершались за восемьдесятъ лѣтъ предъ симъ, не могутъ быть допущены къ печати. Конечно, авторъ изображаетъ ихъ собственно въ смыслѣ историческомъ и отнюдь не съ неблагонамѣренною цѣлію, но и самая истина этихъ событій, достовѣрность которыхъ авторъ весьма часто здѣсь утверждаетъ, по мнѣнію моему, можетъ производить тѣмъ болѣе невыгодное впечатлѣніе на читателей, выражая правдивый фактъ злоупотребленія помѣщичьей власти и самозащищенія противу оной крѣпостныхъ людей".

Вслѣдъ за симъ (18 февраля 1855 года), директоръ Канцеляріи министра Народнаго Просвѣщенія Берте, по порученію А. С. Норова, писалъ Шевыреву: „По порученію г. министра, возвращая вамъ двѣ статьи, имѣю честь васъ увѣдомить, что, по мнѣнію Авраама Сергіевича, — терцины недозволенныя цензурою въ переводѣ Дантовой поэмы *Адъ*, могутъ быть одобрены къ напечатанію во вниманіе къ древности и высокому достоинству означенной поэмы; изъ статьи

же подъ заглавіемъ: *Отрывокъ изъ Семейной Хроники*, Сергѣя Аксакова, можетъ быть дозволено только начало; остальная же часть основательно воспрещена цензурою".

Вслѣдствіе этого рѣшенія, Погодинъ имѣлъ печальную необходимость писать С. Т. Аксакову: „Статья ваша изуродована, и потому я рѣшился сохранить ея чистоту и красоту въ рукописи. У подлецовъ нѣтъ никакого человѣческаго чувства".

Упомянемъ здѣсь кстати, что 22 сентября 1856 года, И. С. Тургеневъ писалъ А. И. Герцену: „Кончилъ я твои мемуары *(Былое и Думы)*. Это прелесть,—и только остается сожалѣть о невѣрностяхъ въ языкѣ. Но ты непремѣнно продолжай эти разсказы: въ нихъ есть какая-то мужественная и безъискусственная правда и сквозь печальные ихъ звуки прорывается, какъ бы нехотя, веселость и свѣжесть. Странное дѣло! Въ Россіи я уговаривалъ старика Аксакова продолжать свои мемуары, а здѣсь—тебя. И это не такъ противоположно, какъ кажется съ перваго взгляда. И его и твои мемуары—правдивая картина Русской жизни, только на двухъ ея концахъ и съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Но земля наша не только велика и обильна,—она и широка — и обнимаетъ многое, что̀ кажется чуждымъ другъ другу" [203])!...

Къ юбилейному дню Московскаго Университета, П. М. Леонтьевъ издалъ четвертую книгу *Пропилеевъ*, съ такимъ посвященіемъ: „Памяти основателей Императорскаго Московскаго Университета благоговѣйно посвящаетъ издатель".

Книга эта начинается переводомъ Жуковскаго первой и второй пѣсенъ *Иліады*. Извѣстіе объ этомъ переводѣ было доставлено Леонтьеву П. И. Бартеневымъ. Изъ этого извѣстія мы, между прочимъ, узнаемъ, что еще въ 1828 году, до изданія перевода Гнѣдича, Жуковскій перевелъ отрывки изъ Иліады и напечаталъ ихъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*. Въ 1847 году, трудясь надъ окончаніемъ *Одиссеи*, Жуковскій задумалъ перевести *Иліаду*. Отправивъ же свою *Одиссею* въ Россію, шести-

десятилѣтній старецъ принимается за *Иліаду*. Она начата 2 октября 1849 года, въ Баденъ-Баденѣ, и къ 25 августа 1851 года, онъ перевелъ изъ *Иліады* двѣ пѣсни, которыя и были напечатаны уже по смерти Жуковскаго въ упомянутой выше четвертой книгѣ *Пропилеевъ*.

Вслѣдъ за переводомъ *Иліады*, въ четвертой же книгѣ *Пропилеевъ* было напечатано сочиненіе покойнаго профессора Д. Л. Крюкова: *Мысли о первоначальномъ различіи Римскихъ Патриціевъ и Плебеевъ въ религіозномъ отношеніи* [204]).

Обѣ эти статьи обратили на себя вниманіе А. М. Кубарева, и онъ написалъ на нихъ рецензіи. Желая напечатать эти свои рецензіи въ *Москвитянинѣ*, Кубаревъ, 16 марта 1855 года, писалъ Погодину: „Піеса слажена. Пришли когонибудь за ней для того, чтобы разсмотрѣть, годится ли для журнала. Буде разсудишь печатать, то развѣ черезъ книжку или черезъ двѣ. Потому что здѣсь много типографическихъ особенностей и, вѣроятно, двухъ или трехъ корректуръ мало. Спѣшить ненужно. Тебѣ извѣстно, сколько я былъ огорченъ и отъ неисправности прежней піесы. А потому, пришли ко мнѣ своего корректора, которому я растолкую, что̀ должно соблюдать наборщикамъ. Впрочемъ, едвали до праздника приняться за нее можно. Лутше, я думаю, послѣ праздника; впрочемъ, какъ разсудишь. Я очень нездоровъ и чувствую себя въ самомъ худомъ расположеніи духа“.

Когда же дѣло дошло до печатанія, то Кубаревъ остался недоволенъ и цензоромъ, и членомъ Конторы *Москвитянина* Дементьевымъ. „Цензоръ“,—писалъ Кубаревъ Погодину,—„хотя отнимаетъ у меня силу, но оставляетъ мнѣ еще смыслъ человѣческій. А Дементьевъ отнимаетъ у меня и это. Я написалъ: *Это сообразно съ дворянской гордостью*. Цензоръ исправилъ: *Съ патриціанской гордостью*, что все равно и для меня неважно. А Дементьевъ выкинулъ и цензорово: *съ патриціанской*, и оставилъ только *съ гордостью*. Прикажите эту страницу перепечатать. Для меня это великая обида. Попробуй отдать Дементьеву томъ своихъ *Изслѣдованій*, авось

поймешь, что значитъ безсмысленная поправка. И каково терпѣть нареканіе въ безсмысліи чрезъ Дементьева" [205]).

Какъ бы то ни было, обѣ рецензіи Кубарева были напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1855 года, подъ слѣдующими заглавіями: 1) *Нѣсколько словъ о переводѣ Гомеровой Иліады Жуковскаго и о Русскомъ гекзаметрѣ въ особенности*; 2) *Мысли о первоначальномъ различіи Римскихъ патриціевъ и плебеевъ въ религіозномъ отношеніи* [206]).

Когда съ этими рецензіями познакомился Шевыревъ, то писалъ Погодину: „Статья Кубарева разгромила пустой вздоръ о патриціяхъ и плебеяхъ. Эта бомба здраваго смысла и истиннаго знанія, пущенная на ученый бредъ и туманъ, который разсѣялся, и все стало ясно".

Но Казанскій профессоръ Ордынскій вступился за Крюкова, въ письмѣ своемъ къ Погодину, отъ 9 февраля 1856 г., въ которомъ читаемъ: „Въ послѣднее время появляется такъ много статей о Грановскомъ, появился такой неумѣренный панегирикъ бывшему Казанскому профессору, дѣйствительно, впрочемъ, достойному человѣку, Мейеру, и въ то же время А. М. Кубаревъ—у васъ, Благовѣщенскій—въ *Отечественныхъ Запискахъ*, такъ жестоко отозвались о сочиненіи Крюкова (конечно и стоющемъ такихъ отзывовъ, но... зачѣмъ тревожить давно забытые грѣхи?), что во мнѣ невольно родилось желаніе помянуть добромъ покойнаго Крюкова: онъ, право, *какъ профессоръ*, былъ выше во всѣхъ отношеніяхъ не только Мейера, но даже и Грановскаго. Вліяніе Крюкова было прочнѣе и плодотворнѣе. А что объ немъ было сказано по смерти? Пустой некрологъ изъ десяти строкъ и черезъ десять лѣтъ по смерти, рѣзкое осужденіе сочиненія, отъ котораго и самъ бы онъ отказался, если бы не умеръ такъ рано! И зачѣмъ Леонтьевъ печаталъ это сочиненіе, печаталъ безъ оговорокъ, безъ предисловія объяснительнаго [207])?

„27 декабря 1855 года",—повѣтствуетъ П. С. Савельевъ,—„въ квартирѣ Н. И. Надеждина, было собраніе Этнографическаго Отдѣленія Русскаго Географическаго Общества. Явно

упавшій физическими и нравственными силами Надеждинъ, въ послѣдній разъ предсѣдательствовалъ въ ученомъ собраніи, привыкшемъ къ его живой рѣчи. Но едва нѣсколько невнятныхъ словъ вырвалось у него въ этотъ вечеръ, и всѣ присутствующіе вынесли грустное впечатлѣніе о безнадежномъ положеніи своего даровитаго и любимаго сочлена. Двѣ недѣли волочилъ онъ еще, послѣ того, тяжкую жизнь и наконецъ, 11 января 1856 года, скончался" [208]).

„О Надеждинѣ можете прочесть",—писалъ Савельевъ Погодину,—„въ статьѣ моей, помѣщенной въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Прибавлю для васъ, что въ послѣдніе дни, онъ былъ уже весьма плохъ и въ умственномъ отношеніи; а передъ смертію лишился языка и сознанія... Похоронами распоряжался А. М. Княжевичъ, вмѣстѣ съ И. П. Липранди" [209]).

Бренные останки Надеждина погребены на Смоленскомъ кладбищѣ, въ склепѣ подъ церковью; подлѣ него оставлено мѣсто для предшествовавшаго ему въ вѣчность, достойнаго друга его, Неволина, тѣло котораго было привезено изъ-за границы. Надъ гробомъ Надеждина протоіерей Θ. Θ. Сидонскій произнесъ съ чувствомъ написанное слово на священный текстъ: *Духа не угашайте* [210]).

„Сейчасъ узналъ я",—писалъ Погодину Д. А. Милютинъ,—„что послѣ Н. И. Надеждина осталась его Автобіографія, которая отправлена въ Москву, къ Коршу. Если это правда, то весьма бы хорошо достать эту рукопись; Коршъ едва ли найдетъ, какъ употребить такую вещь".

Узнавъ о кончинѣ Надеждина, М. А. Максимовичъ, 1 февраля 1856 года, писалъ съ своей Михайловой Горы къ Погодину: „Не съ кѣмъ кромѣ тебя помянуть мнѣ стараго товарища нашего Надоумки горемычнаго — которымъ 11-го января повершился сто первый годъ Московскаго Университета нашего... Онъ и Павловъ — были послѣдніе, въ 1834 году, когда я вечеромъ 5-го іюля, послѣ акта, уѣзжалъ изъ Москвы въ Кіевъ—послѣдніе, съ которыми простился я тогда—въ квартирѣ Надеждина, въ университетскомъ домѣ.

Жму тебѣ руку отъ полноты сердца—въ ихъ воспоминаніе... Прощай, будь здоровъ, и да приспѣшаетъ тебѣ Русскій Дажбогъ въ трудахъ и работахъ твоей жизни! Не забывай меня, и повѣсти хотя строками двумя о себѣ... Какъ и что ты!.. А я все такъ же, какъ и былъ—безвыходный медвѣдь нагорной берлоги своей во всю зиму—а на лѣто думаю уже ѣхать къ вамъ, въ Бѣлокаменную, и во что бы ни стало — разлучиться съ пустынею Украйны".

31 марта 1856 года, Максимовичъ уже посылаетъ „*на зубокъ премудрости*, если онъ прорѣжется у старины *Москвитянина*", свои *Воспоминанія о Надеждинѣ* [211]).

За три дня до этой посылки, Максимовичъ получилъ, на своей Михайловой Горѣ, пятый нумеръ *Русскаго Вѣстника*, и въ немъ „съ живѣйшимъ любопытствомъ" прочелъ Автобіографію Н. И. Надеждина, доведенную до 1841 года, и дополненіе къ ней П. С. Савельева. „Глубоко-грустное впечатлѣніе",—писалъ Максимовичъ,—„оставили во мнѣ—и эта недоконченная повѣсть о самомъ себѣ, и біографическій очеркъ, набросанный въ виду свѣжей могилы!.. Съ близкимъ знаніемъ покойнаго и любовью къ нему, Савельевъ означилъ послѣдніе тринадцать лѣтъ жизни его, проведенные въ Петербургѣ... Я узналъ Надеждина лично еще въ первый пріѣздъ его изъ Рязани въ Москву, 1827 года, когда онъ проживалъ не вдалекѣ отъ Сухаревой Башни, у профессора Дядьковскаго, который не могъ довольно налюбоваться своимъ даровитымъ ученикомъ; а съ 1831 года, на вечерахъ у С. Т. Аксакова, я сошелся съ Надеждинымъ въ близкое дружеское братство; и многія воспоминанія моей жизни тѣсно связаны съ воспоминаніемъ о немъ... Въ настоящую минуту я не могу еще отдѣлить отъ мысли своей печальный образъ угасающаго Надеждина... Но я могу теперь же дать нѣкоторыя дополнительныя черты къ его недоконченной Автобіографіи—собственными его словами, изъ нѣсколькихъ писемъ его ко мнѣ, писанныхъ въ 1835—40 годахъ".

Свое *Воспоминаніе о Н. И. Надеждинѣ*, Максимовичъ

заканчиваетъ такими словами: „Думалъ ли, нашъ трудолюбивый историкъ — юристъ Неволинъ, что онъ предупредитъ своего друга? Что гробъ Надеждина въ Петербургѣ, въ церковномъ склепу, будетъ поджидать къ себѣ въ товарищи его гробъ, изъ столицы Австрійской?

„Миръ праху вашему, други-товарищи, незабвенные труженники и строители въ мірѣ наукъ“ [212])!....

„Тронули меня“,—писалъ Погодинъ Максимовичу,— „твои строки о Надоумкѣ. Жаль бѣднаго. А какія способности были у этого человѣка. Дай ему дѣла! Я видѣлъ его въ первыхъ числахъ декабря (1855 г.), зайдя въ первый день моего пріѣзда въ Петербургъ. Былъ очень слабъ, но шутилъ. Я засталъ его за чтеніемъ *Сказокъ*, изданныхъ Аѳанасьевымъ. Въ другой разъ не успѣлъ зайти, потому что пробылъ всего шесть дней... Да скоро ли ты пріѣдешь въ Москву? А остается насъ уже немного“ [213]).

Вмѣстѣ съ Надеждинымъ, закончилъ свое существованіе *Москвитянинъ*; а П. И. Бартеневъ подвелъ итоги за все время его существованія. 9 февраля 1855 года, Бартеневъ писалъ Погодину: „Указатель къ *Москвитянину* за двѣнадцать лѣтъ оканчивается печатаніемъ. Буду имѣть счастіе поднести его вамъ и сказать: *твоя отъ твоихъ*“.

Погодинъ же, въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 10 апрѣля 1855 года, записалъ: „Указатель Бартенева, который не хотѣлъ выставить даже имени издателя при *Москвитянинѣ*“ [214])!

XLIX.

Мы знаемъ, что М. Н. Катковъ давно стремился издавать въ Москвѣ собственный журналъ. Переговоры его съ Погодинымъ, о передачѣ ему *Москвитянина*, какъ мы тоже знаемъ, не увѣнчались успѣхомъ; но тѣмъ не менѣе, мысль о журналѣ не оставляла Каткова. 6 апрѣля 1855 года, онъ писалъ А. В. Никитенко: „Скажите, что теперь цензура? Говорили, что предполагаются многія существенныя облегченія.

Да кстати: не время ли теперь начать хлопоты о журналѣ? Я извѣщенъ, что въ Петербургѣ уже двѣ компаніи ищутъ права издавать журналы. Не начать ли хлопотать и мнѣ, чтобы потомъ не найти дверь замкнутою, какъ юродивыя дѣвы. Если вамъ не тягостно будетъ написать мнѣ объ этомъ нѣсколько строчекъ, очень бы обязали меня. Вы всѣхъ вѣрнѣе можете наставить меня въ этомъ дѣлѣ. Если признаки благопріятны, то я поспѣшилъ бы своею поѣздкою въ Питеръ".

Получивъ благопріятное извѣстіе отъ Никитенко, Катковъ поѣхалъ въ Петербургъ, и 29 мая 1855 года, представилъ министру Народнаго Просвѣщенія докладную записку, въ которой изложилъ проектъ предполагаемаго имъ изданія журнала *Русскій Вѣстникъ*, первоначально названнаго имъ *Русскій Лѣтописецъ*.

Въ этой докладной запискѣ, Катковъ излагаетъ общія соображенія, которыя служили основаніемъ его предположенія издавать журналъ. „Въ нашемъ образованіи", — писалъ Катковъ, — „въ послѣднее тридцатилѣтіе совершился многозначительный переворотъ. Просвѣщеніе, распространявшееся поверхостно и непосредственно изъ чуждыхъ источниковъ, теперь почувствовалось въ глубинѣ собственной нашей народности. Прекрасные проблески поэзіи и искусства возвѣстили міру присутствіе новаго духовнаго дѣятеля въ семьѣ человѣчества. Русское слово раскрыло свое богатство и разнообразіе; оно стало живымъ и гибкимъ орудіемъ творчества и знанія. Нѣтъ сферы мысли, которая оставалась бы ему недоступною. Образованное общество заговорило по-Русски, и предѣлъ между живымъ и книжнымъ словомъ исчезаетъ непрерывно. Народное самопознаніе развилось блистательно быстро, и правительство не пощадило средствъ для открытія и обнародованія памятниковъ нашей Древности.

„Должно желать, чтобы образованіе наше укрѣплялось въ этомъ направленіи; чтобы все болѣе и болѣе прояснялся собственно Русскій взглядъ на вещи; чтобы Русскій умъ также

свергъ съ себя иго чуждой мысли, какъ уже свергъ иго чуждаго слова; чтобы наша Литература, созрѣвая и обогащаясь, могла доставлять удовлетворенiе всѣмъ умственнымъ потребностямъ Русскаго человѣка".

Послѣ сего предисловiя, Катковъ переходитъ, такъ сказать, къ сути предмета и пишетъ: „Особенно важное значенiе могутъ имѣть въ этомъ отношенiи живые органы Литературы, повременныя изданiя. При юности нашей читающей публики и самой Литературы, при недостаточномъ устройствѣ книжной торговли. повременныя изданiя въ нашемъ Отечествѣ, можетъ быть, еще болѣе необходимы, чѣмъ гдѣ-нибудь. Соединяя въ себѣ все, что можетъ быть полезно и занимательно для обширнѣйшаго круга читателей, они, съ другой стороны, вызываютъ способныхъ людей на трудъ и открываютъ имъ поприще для него. Очень нерѣдко значительные труды дремлютъ въ своихъ начаткахъ или прерываются по недостатку нравственной и матерiальной поддержки, какую могли бы находить они въ обширномъ и добросовѣстномъ литературномъ предпрiятiи.

„Однѣхъ запретительныхъ мѣръ недостаточно для огражденiя умовъ отъ несвойственныхъ влiянiй; необходимо возбудить въ умахъ положительную силу, которая бы противодѣйствовала всему, ей несродному. Къ сожалѣнiю, мы въ этомъ отношенiи вооружены недостаточно. Какую опору можетъ найти у насъ молодой умъ противъ отрывочныхъ и смутныхъ возбужденiй, насылаемыхъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ. Къ чему можетъ прислониться онъ? Къ какимъ явственнымъ, своенароднымъ направленiямъ, къ какимъ средоточiямъ самобытной умственной дѣятельности можетъ примкнуть его мысль, чтобы усвоять со стороны лишь то, что соотвѣтствуетъ ей?

„Отъ празднословiя лучшее средство есть трудъ, совершаемый на глазахъ у всѣхъ, подлежащiй общему суду и оцѣнкѣ, и потому должно желать, чтобы сколь можно болѣе процвѣтали у насъ законныя и публичныя средоточiя умственной дѣятельности.

„Конечно, нельзя жаловаться на недостатокъ разнаго рода изданій въ нашей Литературѣ; но, къ сожалѣнію, по случайнымъ обстоятельствамъ, право издавать журналы и газеты стало какою-то исключительною привилегіею нѣкоторыхъ лицъ, и почти превратилось въ монополію, хотя такая монополія никогда не была въ видахъ правительства. Извѣстно, что лица, владѣющія нынѣ органами нашей Литературы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не были къ тому предварительно избраны, а совершенно случайно очутились обладателями Русскаго слова. Не произносимъ суда объ относительномъ достоинствѣ существующихъ у насъ изданій и о томъ, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуютъ они своей истинной цѣли; но нельзя не признать, что для этой цѣли необходимо допустить болѣе обширное соревнованіе. Лишь при взаимодѣйствіи соревнующихъ стремленій, возможна Литература, не какъ слабый отпрыскъ иностранныхъ литературъ, но какъ коренное, своеземное, оригинальное развитіе.

„Если бы почему-либо казалось нужнымъ ограничить количество повременныхъ изданій, то свободное соперничество всего лучше могло бы послужить и для этой цѣли. Удержались бы только лучшіе журналы, а прочіе прекратились бы сами собою. Весьма естественно желать, чтобы поле оставалось за достойнѣйшими, а не за тѣми, которые случайно завладѣли имъ“.

Высказавъ эти соображенія, Катковъ переходитъ къ программѣ предполагаемаго имъ изданія. „Въ настоящихъ обстоятельствахъ“,—писалъ онъ,—„напоминающихъ великую эпоху двѣнадцатаго года, мы не имѣемъ ни одного изданія въ родѣ *Вѣстника Европы* и *Сына Отечества*, съ которыми связано столько патріотическихъ воспоминаній. Умы всѣхъ заняты теперь великою борьбою, изъ которой Богъ поможетъ нашему Отечеству выйти съ такою же славою, какъ и въ ту вѣчнопамятную эпоху. Было бы желательно, чтобы благородное одушевленіе, нынѣ господствующее въ нашемъ обществѣ, нашло особый органъ и въ Литературѣ.

„Вслѣдствіе сего, изданіе, предполагаемое въ Москвѣ, состояло бы изъ двухъ существенныхъ отдѣловъ: политическаго и литературнаго.

„Главная сила изданія будетъ заключаться въ журналѣ, который, смотря по способамъ и по хозяйственнымъ соображеніямъ Редакціи, выходилъ бы книжкою еженедѣльно, или ежемѣсячно, или два раза въ мѣсяцъ, подъ заглавіемъ *Русскій Лѣтописецъ*.

„Но для успѣха изданія, въ настоящее время, необходимо, чтобы текущія извѣстія сообщались ежедневно. А потому при журналѣ предполагается листокъ, въ которомъ бы немедленно, по полученіи, печатались правительственныя постановленія и распоряженія, извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и событіяхъ въ политическомъ мірѣ, краткія замѣтки, литературныя и городскія новости, объявленія о выходѣ книгъ и т. п. Листокъ этотъ носилъ бы названіе *Текущихъ извѣстій Русскаго Лѣтописца*. Безъ такого ежедневнаго сообщенія извѣстій, ожидаемыхъ всѣми съ живымъ нетерпѣніемъ и участіемъ, вновь начинаемое изданіе не будетъ поддерживаться въ настоящее время.

„Въ текстѣ журнала предполагается помѣщать связный лѣтописный обзоръ правительственныхъ постановленій и распоряженій, какъ то ведется въ одномъ изъ нынѣ издаваемыхъ журналовъ, именно въ *Отечественныхъ Запискахъ*. Къ обзору правительственныхъ мѣръ примыкаетъ связная лѣтопись политическихъ событій, военныхъ дѣйствій и всего того, о чемъ ежедневно, но отрывочно, съ неизбѣжными неточностями, извѣщаютъ газеты. Редакція будетъ вносить въ свою лѣтопись лишь то, что въ этомъ отношеніи уже было обнародовано нашими ежедневными листками; но, избѣгая всякихъ сужденій, придастъ этимъ извѣстіямъ связность лѣтописнаго повѣствованія.

„Что же касается до патріотическихъ чувствованій и мыслей, возбуждаемыхъ текущими событіями, то они могутъ быть излагаемы въ особыхъ, болѣе или менѣе обширныхъ,

статьяхъ. Подобнаго содержанія статьи будутъ, въ случаѣ надобности, подвергаться особой правительственной цензурѣ. Тонъ этихъ статей долженъ отличаться достоинствомъ и благородствомъ. Редакція должна блюсти, чтобы при всей живости патріотическаго одушевленія, въ выраженіи его не было ничего излишняго и неприличнаго. Искренность убѣжденія должна составлять главное достоинство подобныхъ статей. По своему назначенію, какъ выраженіе чувства частныхъ лицъ, онѣ могутъ быть умѣстны только въ неоффиціальномъ изданіи, и вообще не должны носить оффиціальнаго характера.

„Литературный составъ журнала долженъ заключать въ себѣ всѣ необходимыя части литературнаго изданія: статьи по части наукъ, искусствъ, промышленности и т. д., произведенія изящной словесности, критику и библіографію, обозрѣніе Русскихъ и иностранныхъ журналовъ, корреспонденцію, разнаго рода замѣтки, смѣсь

„Здѣсь открывается для Редакціи обширное поприще служить средствомъ къ распространенію здравыхъ понятій и полезныхъ свѣдѣній, содѣйствовать очищенію и образованію вкуса, плодотворному направленію дарованій.

„Въ статьяхъ ученаго содержанія цѣль журнала служить посредникомъ между наукою и обществомъ. Московскій Университетъ, какъ одно изъ главныхъ средоточій Русскаго Просвѣщенія, пріобрѣтаетъ новый путь для своего благотворнаго вліянія. Нижеподписавшійся увѣренъ въ постоянномъ сотрудничествѣ прежнихъ товарищей своихъ, преподавателей Университета. *Русскій Лѣтописецъ* вызвалъ бы много даровитыхъ, дѣльныхъ и полезныхъ трудовъ, которые нынѣ или вовсе не предпринимаются, или не выходятъ въ свѣтъ, по недостатку способовъ для обнародованія, или же выходятъ съ большими усиліями и значительною тратою времени. Доказательствомъ ученой производительности и потребности высказываться служитъ множество сборниковъ, выходящихъ въ Москвѣ. Не дѣлаясь излишними, какъ изданія спеціальныя,

они, при новомъ журналѣ, уже не были бы единственнымъ средствомъ къ выпуску статей, назначаемыхъ для болѣе обширнаго круга читателей, и не достигающихъ этого назначенія въ спеціальныхъ сборникахъ.

„Одна изъ существенныхъ задачъ ученыхъ статей должна состоять въ томъ, что бы на основаніи или по поводу важнѣйшихъ появляющихся сочиненій по извѣстной части, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, излагать въ общедоступной формѣ предметы науки и знакомить притомъ съ ея современною Литературою. Спеціальный знатокъ дѣла не будетъ ослѣпленъ блескомъ новаго воззрѣнія, но сохранитъ независимость своей мысли. Зрѣлый и опытный умъ съумѣетъ отличить существенное отъ парадоксальнаго; сличая многое и восполняя одно другимъ, пролагая свои пути, онъ можетъ подобными статьями и для себя прояснять начала будущихъ обширнѣйшихъ трудовъ, и вызывать другихъ на подобные самостоятельные труды, которыми упрочивается независимое отъ разныхъ чуждыхъ вліяній положеніе нашей науки и нашей мысли.

„Подобныя статьи, заключая въ себѣ болѣе или менѣе критическій элементъ, служатъ естественнымъ переходомъ къ статьямъ собственно критическимъ. Критика, въ настоящее время, должно признаться, есть одна изъ слабыхъ сторонъ нашей Литературы. На эту сторону будетъ обращено бдительное вниманіе Редакціи. Она не потерпитъ, чтобы люди, едва знакомые съ предметомъ, брались за оцѣнку умственныхъ трудовъ. Оскорбительно видѣть сочиненіе, плодъ долговременныхъ, добросовѣстныхъ изслѣдованій, подъ ферулою верхогляда, неприготовленнаго даже и къ тому, чтобы съ толкомъ и пользою для себя прочесть сочиненіе, о которомъ судитъ, какъ знатокъ, подъ прикрытіемъ безыменности. Внѣшнимъ ручательствомъ за добросовѣстность критической статьи служитъ имя ея автора, которое непремѣнно должно стоять подъ нею. Никто не посмѣетъ открыто выступать предъ публикою съ опрометчивымъ сужденіемъ. Вообще въ критиче-

скихъ статьяхъ должно господствовать доброжелательство; въ нихъ должна быть соблюдаема величайшая осторожность, и, безпощадно преслѣдуя ложное направленіе, критикъ долженъ всячески щадить дарованіе, такъ чтобы въ самомъ осужденіи находило оно себѣ опору и побужденіе къ лучшему труду. Лучше лишнее доброе слово, чѣмъ лишняя укоризна.

„Отъ произведеній изящной Словесности Редакція будетъ требовать, чтобы они недаромъ носили названіе изящныхъ. Журналъ не можетъ создавать таланты, но можетъ вызывать ихъ и давать имъ направленіе. Въ глазахъ Редакціи наружный блескъ никогда не замѣнитъ внутренняго достоинства. Воображеніе должно быть согрѣваемо нравственнымъ чувствомъ. Мелкій, пустой и раздражительный анализъ, дагерротипное копированіе ежедневныхъ явленій, безъ глубины опыта, безъ животворной мысли, тщеславное фразерство безъ убѣжденія, безъ сердца, все подобное по возможности не только не будетъ допускаемо на страницы *Русскаго Лѣтописца*, но и будетъ вообще преслѣдуемо въ Литературѣ. Не всякому виденъ трудъ редактора, и только тотъ, кто смотритъ глубже, пойметъ, какъ велика его обязанность и какъ много можетъ зависѣть отъ него и направленіе, и форма произведенія. Цензоръ исключаетъ, что находитъ противнымъ уставу; редакторъ можетъ болѣе: онъ можетъ дѣйствовать положительно на самые источники произведенія.

„Редакція будетъ заботиться, чтобы изданіе ея состояло по преимуществу изъ произведеній оригинальныхъ; но этой цѣли можетъ она достигнуть не вдругъ и лишь при постепенномъ усиленіи своихъ средствъ. Во всякомъ случаѣ, Редакція не можетъ пренебрегать достойнѣйшими произведеніями, какія могутъ представиться въ иностранныхъ литературахъ, и будетъ усвоять ихъ нашей Словесности. Смотря по достоинству и объему ихъ, и соображаясь съ своими средствами, Редакція будетъ либо помѣщать ихъ въ текстѣ журнала, либо выпускать особыми къ нему приложеніями“.

Въ заключеніе этой записки, Катковъ выразилъ надежду,

что министръ Народнаго Просвѣщенія приметъ ее благосклонно. „Поприще этой дѣятельности“,—писалъ онъ,—„не было произвольно избрано мною; меня вывело на него стеченіе обстоятельствъ, въ которомъ я вижу нѣкоторое для себя указаніе. И малыя силы, одушевляемыя чувствомъ призванія, могутъ сдѣлать много. Вы признали полезною дѣятельность мою по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*; смѣю думать, что труды мои могутъ быть гораздо полезнѣе, получивъ большій объемъ при управленіи изданіемъ, по представленной программѣ, изданіемъ, которое должно находиться въ полномъ моемъ распоряженіи. Говорить болѣе о самомъ себѣ, считаю неприличнымъ. Одно только могу сказать въ заключеніе, что чувствую всю важность своего призванія, никогда не измѣню своему долгу и въ своемъ служеніи усердно буду дѣйствовать, какъ слѣдуетъ искреннему христіанину, вѣрноподданному и Русскому, глубоко убѣжденному въ величіи судебъ своего Отечества“.

L.

Изложивъ свое, такъ сказать, исповѣданіе вѣры, М. Н. Катковъ обратился къ А. С. Норову съ слѣдующимъ прошеніемъ: „Имѣю честь просить ваше высокопревосходительство, объ исходатайствованіи мнѣ высочайшаго разрѣшенія на изданіе журнала, по представляемой у сего программѣ и на основаніяхъ, изложенныхъ въ докладныхъ запискахъ, поданныхъ мною вашему высокопревосходительству“.

Докладныя записки М. Н. Каткова имѣли въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія полный успѣхъ. 16 іюня 1855 года, А. С. Норовъ писалъ В. И. Назимову: „Какъ по прежней службѣ г. Каткова въ составѣ ученаго сословія Императорскаго Московскаго Университета, такъ и по нынѣшнимъ его занятіямъ, при управленіи Редакціею *Московскихъ Вѣдомостей*, вамъ вполнѣ извѣстны ученые и литературные его труды, а также и степень довѣрія, заслуживаемаго имъ по

образу мыслей. Г. Катковъ и мнѣ лично извѣстенъ съ весьма хорошей стороны, по своимъ способностямъ; сверхъ того, я имѣю въ виду лестный о немъ отзывъ статсъ-секретаря графа Блудова. Все сіе позволяетъ надѣяться, что предпринимаемое Катковымъ изданіе будетъ исполняемо имъ съ успѣхомъ и принесетъ пользу отечественной Литературѣ. Г. Катковъ изъясняетъ, что въ случаѣ дозволенія ему издавать новый журналъ, *Московскія Вѣдомости*, состоящія подъ его редакціею, отъ того не только не упадутъ, но еще возвысятся въ своемъ достоинствѣ. Для большаго въ семъ удостовѣренія, я признаю необходимымъ имѣть въ виду мнѣніе вашего превосходительства по этому предмету".

Но Московскій Цензурный Комитетъ, разсмотрѣвъ прошеніе Каткова, съ приложенными къ нему докладными записками, счелъ полезнымъ препроводить оное на предварительное разсмотрѣніе и заключеніе Правленія Московскаго Университета.

Это смутило Каткова, и онъ писалъ къ А. В. Никитенко: „Изъ Петербурга уѣзжалъ я въ полной увѣренности, что съ Москвою оффиціальнаго сношенія по моему дѣлу не будетъ: вышло совершенно напротивъ. Какъ это случилось— не понимаю... Съ попечителемъ я имѣлъ продолжительныя объясненія; но вы знаете, какъ мало положительнаго можно вынести изъ этихъ объясненій. Онъ рѣшительно протестуетъ противъ *Листка*; но что касается до самаго журнала, то, повидимому, онъ расположенъ къ нему благопріятно... Что скажете вы на все это, дорогой Александръ Васильевичъ? Не сочтете ли нужнымъ, чтобъ я написалъ Аврааму Сергѣевичу письмо, въ которомъ бы просилъ его или прекратить вовсе дѣло до будущихъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, или принять мѣры, чтобы оно не затянулось до такой степени, что и самымъ разрѣшеніемъ, если бы оно воспослѣдовало, я не могъ бы воспользоваться. При этомъ я могъ бы объяснить ему, что готовъ буду пожертвовать *Листкомъ*, если съ этой стороны встрѣчаются затрудненія... Кто-то возымѣлъ

мысль издавать въ Брюсселѣ журналъ въ смыслѣ благопріятномъ для России. Журналъ этотъ—*Le Nord*. Во всѣхъ нашихъ государственныхъ людяхъ встрѣтила эта мысль поддержку... Для Русскаго Просвѣщенія журналъ этотъ не будетъ имѣть ровно никакого значенія... Но вотъ, является человѣкъ съ просьбою позволить ему издавать Русскій журналъ для Русскихъ; программу его находятъ благонамѣренною и полезною; вмѣсто всякой поддержки, онъ проситъ себѣ только право ежедневно извѣщать своихъ читателей о военныхъ дѣйствіяхъ, о распоряженіяхъ правительства, и что же? Ему не только отказываютъ въ этой поддержкѣ, но затрудняются пустить въ ходъ его прошеніе объ изданіи самого журнала, признавая въ то же время и способность, и благонамѣренность просителя, потому что, издавая *Московскія Вѣдомости* по порученію самого правительства, я думаю, что благонамѣренность и способность мои вполнѣ признаны... Обнимаю и цѣлую васъ отъ всей души"...

14 іюля 1855 года, Университетское Правленіе представило Московскому Цензурному Комитету отзывъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Вотъ уже началось второе столѣтіе, какъ Московскій Университетъ пользуется высочайше дарованнымъ ему правомъ издавать въ Москвѣ единственную политическую газету, подъ его отвѣтственностью. Это право составляетъ одинъ изъ главныхъ источниковъ его дохода. Для этого изданія Университетъ отпускаетъ въ оборотъ значительные капиталы, содержитъ Типографію и изъ доходовъ сего заведенія употребляетъ болѣе пятидесяти тысячъ руб. серебромъ въ годъ на расходы по содержанію Университета, вдобавокъ къ суммѣ штатной. Весьма важный ущербъ доходамъ Университета уже былъ нанесенъ уступкою въ пользу *Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостей* большей половины его права публиковать частныя объявленія, до тѣхъ поръ принадлежавшаго ему исключительно. Если же теперь Московскій Университетъ лишится еще исключительнаго права своего на печатаніе въ Москвѣ

всѣхъ постановленій и распоряженій правительства, равно какъ и политическихъ извѣстій, права, составляющаго его столѣтнюю привилегію, и уступить его въ частныя руки,— тогда закроется для Университета и другой источникъ его доходовъ. Усиленные труды редактора *Вѣдомостей*, вызванные обстоятельствами времени, и нѣкоторыя улучшенія въ изданіи ихъ, были признаны начальствомъ и щедро вознаграждены въ лицѣ нынѣшняго редактора. Ни одинъ изъ редакторовъ *Вѣдомостей* Университета не пользовался такими выгодами, преимуществами и средствами, какія дарованы были г. Каткову. Но это вознагражденіе, конечно, не можетъ простираться до того, чтобы Университетъ подѣлился съ редакторомъ своимъ правомъ издавать политическую газету. Изъ предъидущаго слѣдуетъ только, что на редакторѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, въ силу довѣрія правительства и дарованныхъ ему выгодъ, лежитъ обязанность безпрерывно совершенствовать свое изданіе и ставить его въ уровень, какъ съ современными видами правительства, такъ и съ потребностями общественными. Всѣ тѣ предметы, на которые редакторъ устремляетъ вниманіе въ предположенной программѣ, входятъ, за весьма немногими исключеніямъ, въ программу *Московскихъ Вѣдомостей* и многія предполагаемыя статьи, какъ напримѣръ, отчеты въ законодательной и административной дѣятельности правительства, отчеты въ поличическихъ извѣстіяхъ, могли бы точно такъ же быть печатаемы въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* и служить къ улучшенію ихъ внутренняго содержанія. Замѣчаніе Комитета касательно трудности соединить въ одномъ лицѣ редактора газеты, составляющей собственность Университета, и редактора газеты, составляющей его собственность личную, такъ справедливо, что члены Правленія недоумѣваютъ о томъ, какъ самъ г. Катковъ рѣшается поставить себя въ такое затруднительное положеніе, въ которомъ онъ невольно долженъ будетъ или жертвовать личными своими выгодами пользѣ общественной Университета, или обратно: приносить въ жертву сію послѣднюю своей

собственной газетѣ, чего конечно онъ не захочетъ. Если, по его же замѣчанію, *С.-Петербургскія Вѣдомости* наносятъ уже вредъ *Московскимъ*, предупреждая сіи послѣднія обнародованіемъ извѣстій политическихъ,—вредъ, котораго, впрочемъ, избѣгнуть невозможно,—то ежедневный политическій листокъ г. Каткова, который въ самой же Москвѣ будетъ предупреждать университетскую газету въ сообщеніи тѣхъ же самыхъ извѣстій, не нанесетъ ли ей наконецъ вреда рѣшительнаго и неотвратимаго? Не лучшебъ ли было *Московскія* же *Вѣдомости* превратить въ изданіе ежедневное, подобно *Вѣдомостямъ* С.-Петербургской Академіи Наукъ. Что касается до журнала учено-литературнаго, предполагаемаго г. Катковымъ, то это предпріятіе не можетъ имѣть никакого столкновенія съ *Московскими Вѣдомостями*. Трудно повѣрить однако, чтобы, при множествѣ занятій, сопряженныхъ съ изданіемъ *Вѣдомостей* и съ возможнымъ и постояннымъ ихъ улучшеніемъ, достало у него времени и силъ на подъемъ журнала новаго, съ такою разнообразною и обширною программою. Это предпріятіе, конечно, можетъ нанести вредъ существенный успѣшному движенію нашей газеты, поскольку оно зависитъ отъ лица редактора. Члены Правленія, какъ прислушиваясь къ сужденіямъ читателей, такъ и сами лично замѣчаютъ, что въ послѣднее время *Московскія Вѣдомости* не обнаруживали уже такого живого и современнаго движенія въ статьяхъ своихъ, какое замѣтно въ нихъ было прежде“.

Въ заключеніе, Правленіе Московскаго Университета покорнѣйше проситъ Московскій Цензурный Комитетъ представить сіи соображенія ректора и членовъ, по поводу возникшаго вопроса, на благоусмотрѣніе его превосходительства г. министра Народнаго Просвѣщенія.

Препровождая этотъ отзывъ Правленія Московскаго Университета къ министру Народнаго Просвѣшенія, В. И. Назимовъ, 31 іюля 1855 года, писалъ ему: „Отдавая полную справедливость отличнымъ способностямъ г. Каткова и допуская безпрекословно всю пользу, какую задуманное имъ

изданіе могло бы принести читающей публикѣ, я весьма охотно готовъ былъ бы сдѣлать угодное графу Дмитрію Николаевичу Блудову оказаніемъ моего содѣйствія къ удовлетворенію просьбы Каткова. Но, какъ попечитель Московскаго Учебнаго Округа, дорожа выгодами и пользами Московскаго Университета, не могу не признать справедливости мнѣнія по этому дѣлу Университетскаго Правленія".

Такимъ образомъ, дѣло приняло неблагопріятный оборотъ для Каткова, и министръ Народнаго Просвѣщенія готовъ былъ подписать бумагу съ объявленіемъ Каткову, что „дозволеніе на испрашиваемое имъ новое изданіе дано ему быть не можетъ".

Узнавъ о случившемся, Катковъ, 15 августа 1855 года, обратился къ А. В. Никитенко съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Въ ваше отсутствіе разыгрался первый актъ нашей комедіи. Бумаги мои, послѣ полуторамѣсячнаго разсмотрѣнія въ Москвѣ, отправлены, наконецъ, въ Петербургъ, съ мнѣніемъ здѣшняго Цензурнаго Комитета, разумѣется, вполнѣ неблагопріятнымъ. Здѣшняя тактика относительно меня состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно болѣе оборвать мою программу, и воспользоваться случаемъ, чтобъ оттѣснить меня отъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*". Въ томъ же письмѣ Катковъ сообщаетъ Никитенко, что редакція резолюціи Правленія Московскаго Университета принадлежитъ Шевыреву. „Можете понять",—писалъ Катковъ къ Никитенко,—„какъ она должна быть благопріятна для меня"....

Когда слухъ обо всемъ этомъ дошелъ до Т. Н. Грановскаго, гостившаго у Станкевича, въ Удеревкѣ, то онъ писалъ А. А. Краевскому: „Пишутъ мнѣ, что въ Москвѣ затѣвается журналъ, но что Правленіе Университета протестуетъ противъ этого журнала, потому что редакторомъ долженъ быть Катковъ".

LI.

Въ это время въ Москвѣ пребывалъ графъ Д. Н. Блу-
, и Катковъ представилъ ему слѣдующую записку: „На-
ство Московскаго Университета находитъ, что я, какъ
кторъ *Московскихъ Вѣдомостей*, не имѣю права испраши-
себѣ разрѣшенія издавать журналъ. Оно полагаетъ, что
сковскія Вѣдомости пострадаютъ, если редакція ихъ будетъ
одиться въ однѣхъ рукахъ съ редакціею другого изданія.
лько мнѣ извѣстно, проектъ мой подалъ поводъ здѣсь къ
оторымъ неблагопріятнымъ обо мнѣ заключеніямъ. На-
тъ страннымъ, что я, вмѣсто того, чтобъ заботиться объ
чшеніи *Московскихъ Вѣдомостей*, ходатайствую о правѣ
вать свой журналъ; удивляются, что я не испрашивалъ
для *Московскихъ Вѣдомостей*, что̀ находилъ нужнымъ
сти въ проектъ своего журнала.

„Считаю своимъ долгомъ оправдать себя и представить
о въ истинномъ свѣтѣ. Дѣятельность редактора открыта
одлежитъ общей оцѣнкѣ. Въ какой мѣрѣ удалось мнѣ
йствовать улучшенію *Московскихъ Вѣдомостей* — судить
мнѣ. Могу сослаться только на отзывы начальства и
лики, на увеличеніе числа подписчиковъ, возраставшаго
каждымъ годомъ моей редакціи, не смотря на троекратное
ышеніе подписной цѣны, и достигшаго въ текущемъ
до пятнадцати тысячъ; приняты же мною были *Москов-*
Вѣдомости только при семи тысячахъ подписчиковъ.
каковъ бы ни былъ успѣхъ моихъ трудовъ, я по крайней
ѣ могу съ чистою совѣстью сказать, что трудовъ не
илъ. Долгое время я боролся съ величайшими трудностями,
женъ былъ нести на себѣ всю черную работу изданія и
водить ночи у типографскихъ станковъ. Съ расширеніемъ
мѣра изданія требовалось увеличеніе и средствъ его; средства
ались безъ измѣненія: тоже число наборщиковъ, почти
е количество типографскихъ матеріаловъ, а газета отъ

полутора и двухъ листовъ достигла, кромѣ объявленій, до трехъ съ половиною и четырехъ; газета получила литературный отдѣлъ, который сталъ существенною и постоянною ея частью. Послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій, мнѣ удалось организовать Редакцію, такъ что при прежнихъ средствахъ изданіе идетъ правильнымъ порядкомъ, улучшаясь по возможности съ каждымъ годомъ въ своемъ внутреннемъ составѣ.

„Но, не будучи хозяиномъ изданія, я могъ заботиться объ улучшеніи его только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* поставлена въ условія самыя неблагопріятныя. Она ничего не можетъ предпринять для расширенія способовъ изданія. Незначительнѣйшій проектъ ея долженъ проходить столько инстанцій и подвергаться столькимъ затрудненіямъ, что и самое горячее усердіе впадаетъ въ уныніе. Притомъ Редакція находится въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ управленіемъ Типографіи. Отъ Редакціи непосредственно зависитъ только внутренній составъ *Вѣдомостей*; хозяйственная же сторона изданія, равно какъ и доставленіе его подписчикамъ, подлежитъ завѣдыванію Конторы Типографіи. Но публика этого не знаетъ и не хочетъ знать и всю отвѣтственность возлагаетъ на одного редактора. Я получалъ и безпрестанно получаю множество писемъ, наполненныхъ жалобами, обвиненіями и нерѣдко оскорбительными укоризнами по поводу дурной печати, возвышенія подписной цѣны и неправильнаго доставленія или даже просто недоставленія *Вѣдомостей*. — Редакція не можетъ выписать какое-либо нужное ей изданіе, если на то потребуется лишній рубль противъ суммы, ассигнованной на этотъ предметъ; безъ особенныхъ ходатайствъ, нерѣдко безуспѣшныхъ, она не можетъ тиснуть для автора статьи, помѣщенной въ *Вѣдомостяхъ*, особыхъ экземпляровъ ея; при безпрерывно возрастающей матеріальной цѣнности литературныхъ произведеній, она не можетъ выйдти изъ своего скуднаго бюджета, чтобы вознаградить прилично автора какой-либо статьи, которая, по сужденію Редакціи, могла бы придать интересъ ея изданію.

„Въ прошедшемъ году, когда г. министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ желаніе, чтобы я остался при редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, я нераздѣльно съ ходатайствомъ объ улучшеніи собственнаго моего положенія, находившагося, дотолѣ въ крайней неопредѣленности, просилъ объ увеличеніи суммы, назначенной на плату за литературные труды, помѣщаемые въ *Вѣдомостяхъ*. Г. министръ нашелъ доводы мои основательными и предложилъ университетскому начальству войти къ нему объ этомъ съ особымъ представленіемъ. Повидимому дѣло было рѣшено, и однакожъ оно не окончено и доселѣ, почти черезъ полтора года.

„Меня упрекаютъ, зачѣмъ я просилъ о дозволеніи издавать ежедневный *Листокъ*—для себя, а не для Университета. Но начальству Университета было бы всего естественнѣе и прямѣе самому ходатайствовать объ этомъ. Если бы я вздумалъ предупредить его, то отъ него же бы подвергся укору за вмѣшательство не въ свое дѣло. Къ тому же я имѣлъ основаніе быть увѣреннымъ, что подобное усиленіе типографской дѣятельности по изданію *Вѣдомостей* не желалось самимъ начальствомъ Университета. Зная, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ извѣстій съ театра войны, я, по общему обычаю, извѣстія, полученныя по выходѣ нумера газеты, спѣшилъ печатать въ особыхъ прибавленіяхъ и разсылать подписчикамъ; а въ слѣдующемъ нумерѣ, помѣщая ихъ въ текстѣ газеты, объявлялъ о предварительной разсылкѣ ихъ особыми листками. Вскорѣ посыпались на меня рекламаціи: подписчики не получали этихъ листковъ; по справкѣ оказалось, что начальство Типографіи запретило разноску особыхъ прибавленій, находя это невыгоднымъ для Типографіи. Такой урокъ долженъ былъ научить меня осторожности.

„Что касается до *Листка*, на который я испрашивалъ себѣ право, при изданіи предполагаемаго журнала, то *Листокъ* этотъ не имѣлъ бы значенія особой газеты. На полученіе его не было бы отдѣльной подписки, и получать его могли бы только подписчики журнала. Я предлагалъ также, если

бы это было угодно университетскому начальству, разсылать этотъ *Листокъ* желающимъ подписчикамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, такъ чтобы онъ былъ дополненіемъ столько же этой газеты, сколько и новаго журнала. Начальство Университета не приняло этого предложенія и вообще не желаетъ, чтобы мнѣ было дозволено издавать *Листокъ*, находя, что онъ подорветъ *Московскія Вѣдомости*.

„Недоумѣваю, какимъ бы образомъ могъ этотъ *Листокъ* подорвать газету, имѣющую сто лѣтъ существованія, пятнадцать тысячъ подписчиковъ, удовлетворяющую, по своему содержанію, самымъ разнообразнымъ потребностямъ публики и пользующуюся весьма важною привилегіею относительно казенныхъ объявленій,—недоумѣваю тѣмъ болѣе, что *Листокъ* этотъ не былъ бы особымъ изданіемъ и служилъ бы только дополненіемъ журнала. Во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что такой взглядъ на дѣло не совсѣмъ основателенъ. Ни Университетъ, ни какое-либо другое заведеніе не пользуется у насъ монополіею журналовъ и газетъ. *С.-Петербургскія* и *Московскія Вѣдомости* имѣютъ одну и весьма существенную привилегію, въ силу которой всѣ казенныя мѣста должны печатать свои объявленія исключительно въ этихъ двухъ газетахъ. Но этой привилегіи мой *Листокъ* не касается. Я испрашиваю для него, и то съ большими ограниченіями, лишь только то, что̀ принадлежитъ всѣмъ газетамъ. Почему мой *Листокъ* можетъ угрожать университетской газетѣ, когда ей не страшно соперничество многихъ Петербургскихъ изданій, выходящихъ ежедневно и предупреждающихъ ее для самой Москвы сообщеніемъ извѣстій? Какое существенное различіе въ томъ, что *Московскія Вѣдомости* выходятъ въ Москвѣ, а *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Русскій Инвалидъ*, *Сѣверная Пчела* выходятъ въ С.-Петербургѣ? Да и въ Москвѣ недавно издавался Драшусовымъ *Городской Листокъ*, и нынѣ издается полицейская газета, програ̀мма которыхъ отчасти совпадаетъ съ программою *Листка* и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ее.

„Если существованіе университетской Типографіи не препятствуетъ существованію другихъ типографій въ Москвѣ, то почему же *Московскія Вѣдомости* должны быть препятствіемъ къ основанію въ Москвѣ другихъ изданій?

„Г. министръ, согласно съ цензурнымъ уставомъ, предписывающимъ, чтобы прошенія объ основаніи новыхъ изданій предварительно разсматривались въ Цензурномъ Комитетѣ, обратился съ запросомъ о моемъ проектѣ въ Московскій Цензурный Комитетъ, а не къ начальству Университета. Если бы при этомъ имѣлся въ виду вопросъ о соперничествѣ, то слѣдовало бы также спрашивать мнѣнія Академіи Наукъ, отъ которой издаются *С.-Петербургскія Вѣдомости*, Редакціи *Рускаго Инвалида* и прочихъ выходящихъ у насъ изданій, которыя могли бы также протестовать противъ новаго изданія, могущаго вступить съ ними въ соперничество.

„Что же касается до неудобства, находимаго университетскимъ начальствомъ относительно соединенія редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* и новаго изданія въ моихъ рукахъ, то обстоятельство это отнюдь не можетъ служить препятствіемъ въ моемъ исканіи. Какъ ни дорого цѣню я преимущества, дарованныя мнѣ г. министромъ по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, я безропотно откажусь отъ ней, какъ только приступлю къ новому изданію. Увольненіе меня отъ Редакціи тѣмъ легче, что я нахожусь на службѣ въ званіи не редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, а чиновника особыхъ порученій при министрѣ. Если г. министру угодно будетъ удержать меня при себѣ и возложить на меня другое порученіе, я приму это за особенную милость и ручаюсь за добросовѣстное и усердное исполненіе всякой обязанности, какая будетъ мнѣ по силамъ. Начальство же Университета можетъ легко замѣнить меня, тѣмъ болѣе, что редакція при заведенномъ уже порядкѣ можетъ быть продолжаема успѣшно безъ особенныхъ усилій. Если бы не оказалось для меня при Министерствѣ никакого другого порученія для удержанія меня на службѣ, то я просилъ бы только дозволить мнѣ закончить изданіе *Вѣдомостей*

за текущій 1855 годъ, потому что въ октябрѣ сего года истекаетъ срокъ моему старшинству на производство въ слѣдующій чинъ. Къ тому времени я успѣлъ бы перемѣститься въ другое вѣдомство. Но, издавая журналъ, я продолжалъ бы, и можетъ быть, съ большею пользою, мое служеніе на томъ же самомъ поприщѣ, которому доселѣ посвящалъ свои труды.

„Въ случаѣ необходимости внести въ мою программу какія-либо измѣненія, я желалъ бы быть вызваннымъ на короткое время въ С.-Петербургъ: безъ разрѣшенія же г. министра я пріѣхать не могу. Такъ, я могъ бы ограничить мою программу относительно *Листка*, и въ крайности отказался бы отъ него, чтобъ только спасти журналъ. Для ускоренія хода дѣла и во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ затрудненій, готовъ просить, вмѣсто дозволенія основать новый журналъ, право возобновить въ Москвѣ недавно прекратившійся *Сынъ Отечества*".

Записку эту графъ Д. Н. Блудовъ передалъ товарищу министра Народнаго Просвѣщенія князю П. А. Вяземскому съ просьбою, чтобы онъ переговорилъ о ней съ министромъ Народнаго Просвѣщенія и наблюдалъ за ходомъ дѣла. Съ своей стороны, Катковъ писалъ Никитенко: „Князь Вяземскій человѣкъ весьма близкій къ графу Блудову и совершенно ему преданный. Не знаю, что изъ этого выйдетъ... Вашей пріязни ко мнѣ, вашему благородству, вашему благоразумію поручаю я это послѣднее усиліе въ пользу замышленнаго предпріятія".

Но князь П. А. Вяземскій и безъ посредства Никитенко принялъ живое участіе въ предпріятіи Каткова и, отправляя въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія касающіяся онаго бумаги, писалъ: „Возвращаю вашему высокородію бумаги по просьбѣ г-на Каткова, съ приложеніемъ краткаго мнѣнія моего по этому дѣлу. Не угодно ли будетъ г. министру взять эти бумаги съ собою въ Москву, ибо, нѣтъ сомнѣнія, что о нихъ будетъ рѣчь въ Москвѣ и г-нъ Катковъ явится просителемъ. Можетъ быть, на мѣстѣ и въ личномъ сношеніи легче будетъ оцѣнить, разсудить и рѣшить это обстоятельство. Признаюсь, съ моей стороны, хотя и нахожу *отчасти* права и опасенія

Университета заслуживающими вниманія, но не менѣе того нахожу справедливымъ и для общей пользы желательнымъ, чтобы оказано было и г-ну Каткову возможное удовлетвореніе по просьбѣ его". *Краткое* же *мнѣніе* князя Вяземскаго заключалось въ слѣдующемъ: „Для соглашенія противоположныхъ мнѣній и примиренія противоположныхъ интересовъ, а равно и для общей пользы, какъ Университета, такъ и публики, всего, кажется, лучше было бы обратить (нынѣ въ формѣ своей нѣсколько устарѣвшія) *Московскія Вѣдомости* въ ежедневную газету, на что̀ отчасти соглашается и самъ Университетъ. При такомъ преобразованіи должно бы, разумѣется, возвысить содержаніе редактора, опредѣляя ему *столько-то процентовъ* съ суммы, выручаемой отъ подписчиковъ. Московскій Университетъ имѣетъ всѣ средства возвысить и упрочить ученое и литературное достоинство подобной газеты, которая несомнѣнно сдѣлалась бы лучшею Русскою газетой. Соучастниками и сотрудниками въ изданіи могли бы быть многіе члены его, коихъ труды были бы соразмѣрно вознаграждаемы. Для избѣжанія лишнихъ расходовъ по Типографіи можно бы оставить *объявленія* и тому подобныя статьи, въ прежнемъ видѣ, то-есть издавать это прибавленіе не ежедневно. Предварительно можно было бы, на основаніи этихъ предположеній, войти въ сношеніе съ Московскимъ Университетомъ и г-мъ Катковымъ и потребовать ихъ мнѣнія".

Заступничество князя Вяземскаго оказало свое дѣйствіе [215]).

LII.

Въ это время Абрамцово, мѣстопребываніе Аксаковыхъ, посѣтили: Ю. Ѳ. Самаринъ и князь В. А. Черкасскій. 11 августа 1855 года, С. Т. Аксаковъ писалъ къ И. С. Тургеневу: „На дняхъ у меня были Самаринъ и князь Черкасскій, который мнѣ очень понравился; они сказали мнѣ, что въ Москвѣ получено позволеніе издавать журналъ и га-

зету кому-то изъ кружка Грановскаго, что деньги и средства приготовлены огромныя; и я полагаю, что вы принимаете въ этомъ журналѣ участіе". Но Тургеневъ отвѣчалъ: „Я отъ васъ перваго слышу о новомъ Московскомъ журналѣ. Дай Богъ, чтобъ онъ пошелъ хорошо и дѣльно. Давно пора" [216]).

Въ письмѣ же Т. Н. Грановскаго мы читаемъ: „Катковъ, Леонтьевъ и многіе другіе хлопочутъ о журналѣ литературно-политическомъ. Послѣдній отдѣлъ едва ли можетъ быть хорошъ у нихъ. Цензура гораздо мягче"... [217]).

Между тѣмъ, изъ Ярославля, 15 сентября 1855 года, А. С. Норовъ писалъ къ князю П. А. Вяземскому: „Возвращаю вашему сіятельству дѣло о дозволеніи коллежскому совѣтнику Каткову, издавать журналъ *Русскій Лѣтописецъ* съ поданною имъ мнѣ въ Москвѣ запискою по сему предмету. Имѣю честь васъ увѣдомить, что, по ближайшемъ разсмотрѣніи этого дѣла, я, съ своей стороны, не нахожу препятствія къ исходатайствованію Каткову, установленнымъ порядкомъ, дозволенія издавать новый журналъ, но безъ предполагавшагося прежде ежедневнаго *Листка*, каковое предположеніе онъ и самъ отмѣняетъ. Равнымъ образомъ я считаю весьма затруднительнымъ и неудобоисполнимымъ, въ случаѣ дозволенія Каткову издавать журналъ, оставить его, вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей*... За симъ, предоставляю усмотрѣнію вашего сіятельства дать дѣлу Каткова дальнѣйшее движеніе".

На этомъ письмѣ князь Вяземскій положилъ слѣдующую резолюцію: „На основаніи отношенія г. министра и докладной записки г. Каткова, составить докладную записку государю императору, объ исходатайствованіи высочайшаго соизволенія на изданіе журнала *Русскій Лѣтописецъ*".

Еще до подписанія всеподданѣйшаго доклада, М. Н. Катковъ, 21 октября 1855 года, представилъ въ Канцелярію министра слѣдующее заявленіе: „При томъ измѣненіи, которое внесено въ программу предполагаемаго мною журнала, я полагаю приличнѣйшимъ, вмѣсто прежняго названія *Русскій*

Лѣтописецъ, означить этотъ журналъ названіемъ *Русскій Вѣстникъ*".

Наконецъ, 23 октября 1855 года, за подписью князя П. А. Вяземскаго, состоялся слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ: „Чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ Народнаго Просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Катковъ, завѣдывающій редакціею *Московскихъ Вѣдомостей*, проситъ о дозволеніи ему издавать, въ Москвѣ, журналъ, подъ заглавіемъ: *Русскій Вѣстникъ*. Журналъ сей будетъ содержать, кромѣ отдѣла литературнаго, и отдѣлъ политическій, въ который предположено вводить обзоръ постановленій и распоряженій правительства, лѣтопись политическихъ событій и военныхъ дѣйствій и статьи патріотическаго содержанія.

„Дарованія и благонамѣренность коллежскаго совѣтника Каткова вполнѣ извѣстны Министерству Народнаго Просвѣщенія, а о способности къ предпринимаемому имъ дѣлу свидѣтельствуютъ труды его по изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ редакціи коихъ, съ дозволеніемъ ему собственнаго журнала, предполагается его уволить.

„Главное Управленіе Цензуры находитъ возможнымъ дозволить Каткову издавать журналъ по программѣ, повергаемой при семъ на высочайшее усмотрѣніе вашего императорскаго величества. На основаніи сей программы, предполагаемая въ отдѣлѣ политическомъ „лѣтопись политическихъ событій и военныхъ дѣйствій" будетъ составлять, безъ всякихъ разсужденій со стороны редакціи, единственно связный выборъ извѣстій сего рода изъ періодическихъ изданій, въ Россіи выходящихъ.

„Такъ какъ, на основаніи 17-й статьи Устава о Цензурѣ, дозволеніе на изданіе новыхъ журналовъ, газетъ и всѣхъ вообще періодическихъ сочиненій зависитъ отъ высочайшаго разрѣшенія, то я имѣю счастіе испрашивать высочайшаго вашего императорскаго величества соизволенія на дозволеніе коллежскому совѣтнику Каткову издавать въ Москвѣ журналъ *Русскій Вѣстникъ*, по всеподданнѣйше представляемой программѣ".

На этомъ докладѣ, 31 октября 1855 года, въ Бахчисараѣ, государь собственноручно начерталъ карандашемъ: *Согласенъ.*

„Журналъ Каткова позволенъ“,—извѣщала Погодина графиня А. Д. Блудова,—„но только два раза въ мѣсяцъ.—Этому препятствію онъ одолженъ интригамъ Московскаго Университета.—Вотъ вамъ любовь *безкорыстная* къ Наукамъ и Литературѣ старшаго Университета въ Россіи!—Нечего говорить, *всѣ* хороши, и некому хвастаться передъ другими“ [218]).

15 ноября 1855 года, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилось объявленіе объ изданіи *Русскаго Вѣстника* съ 1856 года. Въ объявленіи мы, между прочимъ, читаемъ: „Съ высочайшаго разрѣшенія, предпринимается въ Москвѣ новое періодическое изданіе, подъ старымъ названіемъ *Русскій Вѣстникъ.* Нижеподписавшійся высоко цѣнитъ дарованное ему право и чувствуетъ всю важность соединенной съ нимъ обязанности. Оставляя редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*, находившуюся подъ его управленіемъ въ продолженіе пяти лѣтъ, онъ посвятитъ нераздѣльно всѣ свои силы новому изданію... Онъ не можетъ ручаться за успѣхъ, но смѣло ручается за добросовѣстность своего предпріятія и смѣло обѣщаетъ, что *Русскій Вѣстникъ* будетъ въ нашей Литературѣ дѣятелемъ усерднымъ и честнымъ, съ твердыми и чистыми убѣжденіями, съ полною вѣрою въ важность своего назначенія, какъ общественнаго органа мысли и слова. Сотоварищами нижеподписавшагося по трудамъ редакціи будутъ: Е. Ѳ. Коршъ, П. Н. Кудрявцевъ, П. М. Леонтьевъ,—имена хорошо извѣстныя въ нашей наукѣ и литературѣ. Опираясь на такое содѣйствіе, онъ можетъ смѣлѣе ручаться за достоинство новаго изданія“.

Кромѣ поименованныхъ выше сотоварищей издателя, вотъ имена писателей, которые согласились содѣйствовать редакціи *Русскаго Вѣстника* своими трудами: Д. П. Абашевъ, С. Т., К. С. и И. С. Аксаковы, П. В. Анненковъ, А. Н. Аѳанасьевъ, И. К. Бабстъ, П. И. Бартеневъ, В. П. Безобразовъ, И. Н. Березинъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Н. М. и В. М. Благо-

вѣщенскіе, А. Н. Богдановъ, О. М. Бодянскій, В. П. Боткинъ, Ѳ. И. Буслаевъ, И. В. Вернадскій, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, В. П. Гаевскій, А. Д. Галаховъ, А. И. Георгіевскій, Г. Ф. Головачевъ, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, А. Н. Драшусовъ, А. В. Дружининъ, А. С. Ершовъ, С. В. Ешевскій, И. Е. Забѣлинъ, К. Д. Кавелинъ, М. Н. Капустинъ, В. С. Карелинъ, Д. И. Каченовскій, Н. Х. Кетчеръ, И. П. Корниловъ, В. Ѳ. Коршъ, А. Н. Костылевъ, М. Е. Кублицкій, А. В. Лохвицкій, Н. А. Любимовъ, Н. Э. Лясковскій, С. М. Соловьевъ, Д. И. Мейеръ, Н. А. Мельгуновъ, Д. А. Милютинъ, Ѳ. Б. Мильгаузенъ, Г. Г. Минъ, Д. Г. Минъ, М. Л. Михайловъ, князь Н. С. Назаровъ, Е. Нарская (псевдонимъ), А. В. Никитенко, Н. П. Огаревъ, Н. Ф. Павловъ, И. В. Павловъ, К. Н. Петриченко, П. Л. Пикулинъ, А. Ѳ. Писемскій, Я. П. Полонскій, С. П. Полуденскій, А. Н. Поповъ, Н. А. Поповъ, А. А. Потѣхинъ, А. Н. Пыпинъ, Н. А. Рамазановъ, С. А. Рачинскій, К. К. Рулье, Н. М. Сатинъ, С. А. Смирновъ, А. В. Станкевичъ, М. М. Сухомлиновъ, Н. С. Тихонравовъ, Евгенія Туръ, И. С. Тургеневъ, Ѳ. В. Чижовъ, Б. Н. Чичеринъ, С. Д. Шестаковъ, М. С. и Н. М. Щепкины, Е. М. Ѳеоктистовъ [219]).

Князь П. А. Вяземскій, не зная о дурныхъ отношеніяхъ Каткова къ Шевыреву, 27 ноября 1855 года, писалъ послѣднему: „Что думаете вы о новомъ журналѣ Каткова? Если вы съ нимъ въ хорошихъ сношеніяхъ и имѣете на него вліяніе, будьте ему благоразумнымъ и хранительнымъ руководителемъ... Я очень уважаю способности, дарованія молодой школы Московскихъ литераторовъ, убѣжденъ въ ихъ добросовѣстности и благонамѣренности, но боюсь за ихъ неопытность, можно даже сказать, за ихъ невинность. Они мало свыклись съ жизнью, мало натерты жизнью и обстоятельствами, и витаютъ въ какомъ-то тридесятомъ царствѣ, небываломъ государствѣ. Если вы съ нимъ и не въ короткихъ сношеніяхъ, передайте ему мои слова въ предосторожность“.

На это письмо Шевыревъ отвѣчалъ князю Вяземскому:

„Каткову я передалъ содержаніе вашего письма, которое его касалось. Къ сожалѣнію, я съ нимъ не въ короткихъ сношеніяхъ. Онъ у меня не бываетъ. Руководства никакого и предложить ему не могу. Скажу искренно, что программа его журнала духомъ самонадѣянности мнѣ не полюбилась. Карамзинъ, собираясь издавать *Вѣстникъ Европы*, объявилъ, что не намѣренъ учить, а только занимать публику. *Вносить свѣтъ въ дѣло, устанавливать здравый смыслъ во взглядѣ на вещи. давать направленіе Литературѣ, создавать таланты...* Объ этомъ не объявляютъ, если бы даже и думали идти на такіе подвиги. Но я надѣюсь и увѣренъ, что журналъ Каткова будетъ лучше его программы“ [220]).

Объявленіе объ изданіи *Русскаго Вѣстника* произвело разнообразное впечатлѣніе.

Такъ, 28 ноября 1855 года, Т. И. Филипповъ писалъ къ И. В. Кирѣевскому: „Объявленіе Каткова и грозно, и милостиво; бѣда врагамъ, а подписчикамъ житье...

Недружелюбно отнесся къ явленію *Русскаго Вѣстника* и В. В. Григорьевъ. „Судя по программѣ“,—писалъ онъ Савельеву,—„и еще болѣе по списку сотрудниковъ, будетъ этотъ журналъ такимъ же безхарактернымъ, какъ и Петербургскіе. Хвастовства много: Будетъ-де у насъ наука говорить языкомъ жизни. А кто же пишетъ это? Катковъ. И кто этотъ *извѣстный въ наукѣ и литературѣ* Валентинъ Коршъ? И что путнаго могутъ сказать господа. подобные Сатину, Головачеву, Драшусовымъ и проч. И какъ могутъ мириться убѣжденія Аксаковыхъ съ таковыми же Огарева? Словомъ, программа *Русскаго Вѣстника* произвела на меня впечатлѣніе самое непріятное—потому я и подписался на полученіе этого журнала: будетъ матеріаломъ больше для возбужденія желчи. Заодно ужъ злиться“ [221]).

На первыхъ порахъ, совершенно противоположно смотрѣли Аксаковы на этотъ зарождающійся органъ Западниковъ. Какъ только С. Т. Аксаковъ увидалъ себя и своихъ сыновей въ объявленіи, то писалъ И. С. Тургеневу: „И такъ, мы съ вами вмѣ-

стѣ участвуемъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. По моему, это очень пріятное явленіе. Очень мнѣ досадно, что я ничего не могъ дать Каткову, кромѣ маленькаго отрывка, да и тотъ изъ печатающейся книги, которая выйдетъ въ свѣтъ черезъ нѣсколько дней послѣ выхода перваго нумера журнала. Я хотѣлъ только этимъ доказать Каткову, что дѣйствительно желаю участвовать въ его изданіи". Въ другомъ письмѣ своемъ къ Тургеневу, С. Т. Аксаковъ писалъ: „Что вы напечатаете въ въ новомъ журналѣ Каткова? Къ сожалѣнію, я не могъ принять его великолѣпно-выгоднаго предложенія относительно моей книги: литературная совѣсть не позволила мнѣ разорвать мое сочиненіе на восемь книжекъ журнала" [222]).

„Вчера я",—писалъ И. С. Аксаковъ, 3 декабря 1855 года, изъ Бендеръ, къ своимъ родителямъ,—„досталъ газету—*Петербургскія Вѣдомости* (*Московскихъ* здѣсь не получаютъ) — и каково же было мое удивленіе, когда на заднемъ листкѣ увидалъ наши имена; догадавшись, что дѣло идетъ о журналѣ, я, не читая всего объявленія, пробѣжалъ глазами списокъ сотрудниковъ и не могъ понять, почему не нахожу тутъ имени Хомякова и другихъ; но когда прочелъ подпись внизу, тогда мнѣ все разъяснилось.—Это было объявленіе Каткова объ изданіи *Русскаго Вѣстника*. Весьма важно дозволеніе политическаго журнала въ Москвѣ, хотя онъ и издается людьми, воззрѣнія которыхъ на политическія событія могутъ быть несогласны съ нашими. Изъ такъ называемой Славянофильской стороны въ этомъ журналѣ, видно, участвуемъ только мы трое. Жаль, что нѣтъ тутъ Хомякова. Хотя моего согласія на участіе въ этомъ журналѣ и не спрашивали, однако, я готовъ охотно въ немъ участвовать, если онъ не будетъ враждебнымъ нашей сторонѣ, Хомякову и другимъ нашимъ знакомымъ. Имена Каткова, Корша и Леонтьева порукою въ томъ, что журналъ будетъ серьезный, честный, добросовѣстный,—не Петербургская литературная Сѣнная Площадь, и я очень радъ этому явленію; но Константинъ строже меня въ этомъ отношеніи и его участіе, отдѣленное отъ участія Хомя-

кова и другихъ, бросается въ глаза. Какого же рода статьи будетъ онъ давать, или лучше сказать — какого рода его статьи рѣшатся они помѣщать? Чисто ученыя или же критическія или, такъ сказать, общественно-политическаго содержанія" [223])?

Появленіе *Русскаго Вѣстника*, *Современникъ*, впослѣдствіи лютый врагъ его, привѣтствовалъ въ такихъ выраженіяхъ: „Мы должны привѣтствовать новаго дѣятеля на журнальномъ поприщѣ. Читатели уже знаютъ изъ объявленій о предпринятомъ въ Москвѣ г. Катковымъ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Судя по программѣ и по именамъ сотрудниковъ, это будетъ дѣльный и прекрасный журналъ. Во всякомъ случаѣ, имена людей, стоящихъ въ главѣ изданія, служатъ несомнѣннымъ ручательствомъ, что наша Литература пріобрѣтетъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* дѣятеля доброкачественнаго и добронравнаго" [224]).

Лѣтомъ того же 1855 г., издатели *Современника* И. И. Панаевъ и Н. А. Некрасовъ посѣтили Москву. Покойный Т. Н. Грановскій, за мѣсяцъ до своей кончины, писалъ къ А. В. Станкевичу: „*Современникъ* былъ оба здѣсь лѣтомъ; отлично устроили дѣла свои. Взяли у Солдатенкова, на поддержаніе журнала, три тысячи рублей, да съ Василія Петровича Боткина, снова пылающаго любовью къ Литературѣ, сорвали двѣ тысячи и унеслись, ликуя, въ Питеръ" [225]).

LIII.

Какъ издатель *Москвитянина*, хотя и отходящаго въ вѣчность, Погодинъ, само собою разумѣется, не могъ радоваться, ни появленію *Русскаго Вѣстника*, ни грядущему появленію *Русской Бесѣды*. Но у него въ это время образовались съ М. Н. Катковымъ какія-то особыя непонятныя отношенія. Катковъ въ это время задѣлъ самую чувствительную струну сердца Погодина, это—его чиновное честолюбіе.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ постоянно мечталъ сдѣлаться то вице-президентомъ Академіи Наукъ, то оберъ-про-

куроромъ Св. Сунода, то наставникомъ наслѣдника Русскаго престола, то попечителемъ, то директоромъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, то, наконецъ, дипломатомъ.

Въ *Дневникѣ* Погодина, 1855 г., мы безпрестанно встрѣчаемся съ такими, напримѣръ, записями: „Слухи о моемъ попечительствѣ. Думалъ. Думалъ о попечительствѣ и посольствѣ къ Наполеону. Думалъ о директорствѣ въ Министерствѣ Просвѣщенія. Вечеромъ профессора. Объ Университетѣ и моемъ директорствѣ".

Обуреваемый такими честолюбивыми помышленіями, Погодинъ совершенно неожиданно получаетъ слѣдующее письмо отъ Н. А. Мельгунова, писанное 27 ноября 1855 года: „Я заѣзжалъ давеча по утру къ больному Каткову, котораго не видалъ съ его возвращенія изъ Петербурга. Онъ все ищетъ случая повидаться съ тобою, Михаилъ Петровичъ, и ему не удается это до сихъ поръ. Между тѣмъ, онъ разсказалъ мнѣ кое-какія подробности, не только интересныя для тебя, но и важныя для насъ всѣхъ, ибо безъ преувеличенія и лести можно сказать, что въ послѣдніе два-три года ты значительно поднялся *въ общественномъ мнѣніи* не только Москвы и Петербурга, но чуть ли и не всей Россіи, не только такъ называемыхъ восточныхъ, но и такъ называемыхъ западныхъ. Вчера, напримѣръ, я столько слышалъ похвалъ тебѣ, и между прочимъ, отъ людей, считавшихся отъявленными западниками, что сердцу было весело. Всѣ смотрятъ на тебя, какъ на рѣдкое явленіе, какъ на общественнаго Русскаго человѣка, просвѣщеннаго, умнаго и неутомимаго. Дорожи этимъ *общимъ* мнѣніемъ, и не переставай его заслуживать. И такъ, вотъ что сказалъ мнѣ Катковъ: На упраздненное мѣсто директора Департамента Народнаго Просвѣщенія много соискателей; но все это люди не совсѣмъ благонадежные, особливо тотъ, который имѣетъ всего болѣе шансовъ успѣха. Всѣ истинно благонамѣренные люди желаютъ видѣть тебя во главѣ этого важнаго Департамента. *На тебя* главная надежда. А потому думаютъ, что твоя *обязанность* ѣхать какъ можно скорѣе въ

Петербургъ, чтобъ своимъ присутствіемъ, а по нуждѣ даже искательствомъ, отстравить неблагонадежныхъ людей, которые ничего, кромѣ вреда, не принесутъ Просвѣщенію. Катковъ уполномочилъ меня передать тебѣ сказанное выше. Но мнѣ кажется, что онъ кое-что хранитъ про себя, чтобъ сообщить тебѣ прямо".

На письмѣ означено: *Très-confidentielle* [226]).

Надо замѣтить, что въ это же самое время, какъ мы уже знаемъ, Погодинъ вошелъ въ дружескую переписку съ К. Д. Кавелинымъ.

Вышеприведенное письмо Мельгунова доставило Погодину неописанную радость, и онъ, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 28 ноября 1855 года, записалъ: „Письмо отъ Мельгунова, доставившее много удовольствія о склоненіи мнѣнія общественнаго въ мою пользу. Хватились глупые! Да когда же я говорилъ и дѣлалъ другое".

Самъ же Катковъ, 30 ноября 1855 года, писалъ А. В. Никитенко: „Пишу къ вамъ, драгоцѣнный Александръ Васильевичъ, наскоро, а именно вотъ по какому дѣлу: Сегодня отправился въ Питеръ М. П. Погодинъ. Я намекалъ ему на возможность получить по Министерству Народнаго Просвѣщенія то назначеніе, о которомъ, помните, мы съ вами толковали. Онъ, повидимому, былъ радъ этой мысли, но объявилъ, что самъ искать мѣста не будетъ. Онъ будетъ у васъ, но, вѣроятно, самъ не заговоритъ о директорствѣ; такъ заведите съ нимъ сами объ этомъ рѣчь. Такое назначеніе, если бы оно когда-нибудь состоялось, было бы дѣломъ отличнымъ" [227]).

Сколько намъ извѣстно, мѣсто директора Департамента Народнаго Просвѣщенія занималъ въ то время Павелъ Ивановичъ Гаевскій и не думалъ оставлять своего поста; но тѣмъ не менѣе, Погодинъ, поддерживаемый Катковымъ, 30 ноября 1855 года, отправился въ Петербургъ, мечтая занять мѣсто директора Департамента Народнаго Просвѣщенія. О времени препровожденія его въ Петербургѣ, мы имѣемъ, хотя и скудныя свѣдѣнія изъ писемъ его. „Еще здравствуйте, любез-

нѣйшіе"—писалъ онъ (3 декабря).—„Пишу къ вамъ только два слова, чтобъ извѣстить о себѣ и дать отчетъ. Вчера поутру былъ я у Норова, который принялъ меня очень ласково и разсказалъ всѣ новости по управленію нашему. Потомъ отправился я пѣшкомъ къ Кунику, нѣсколько больному, и наконецъ,—къ Давыдову. Обѣдъ дома съ ухою изъ собственныхъ стерлядей, хранящихся въ садкѣ. Вечеръ у князя Вяземскаго; отъ него Оболенскій, уже въ 1 часу, увелъ къ Тургеневу. Теперь отправляюсь въ Академію,—участвовать въ пріемѣ новаго президента графа Блудова. Оттуда зайду къ Корфу или куда-нибудь по дорогѣ, а обѣдать у Блудовыхъ. Вечеромъ везетъ Кокоревъ къ какому то примѣчательному своему знакомому. Отчетъ за нынѣшній день вы имѣете; слѣдовательно, завтра отчета болѣе не получите. Извѣстіе о Карсѣ, вчера здѣсь разосланное, очень обрадовало всѣхъ: взятъ въ плѣнъ весь гарнизонъ, главнокомандующій Вилліамсъ со всѣмъ своимъ штабомъ, восемь пашей, много орудія. Князь Меньшиковъ назначается главнокомандующимъ всѣхъ силъ на сѣверѣ обороны береговъ. Начальникомъ его штаба—Путятинъ. Посылаю вамъ примѣчательный циркуляръ Константина Николаевича, который дайте прочесть Аксаковымъ. Письма ко мнѣ, если окажутся важныя, посылайте къ Ив. Ѳед. Мамонтову, близъ Ильи пророка, на валу, въ собственномъ домѣ. Адресъ: Петербургъ, въ домѣ Кокорева, на Бассейной".

Въ письмѣ, отъ 4 декабря, читаемъ: „Пользуюсь случаемъ свободной корреспонденціи и пишу къ вамъ опять, мои любезные. Вчера день прошелъ какъ было предназначено. Вечеромъ были у Власова, совѣтника Академіи Наукъ, и воротились въ 12 часу. Теперь собираюсь къ Бычкову, который, слышалъ, женится; оттуда къ Скрипицину. Аверкіеву, Головнину и проч. Обѣдаемъ у Бенардаки. Извѣстите Аксаковыхъ, что Комитетъ 2 апрѣля упраздненъ. Прощайте, цѣлую всѣхъ и благословляю. Прошу васъ всѣхъ, друзья мои, занимайтесь какъ можно больше и дорожите временемъ. На чей счетъ это пишу, пусть догадается тотъ, или, пожалуй, та, самъ,

сама и сами. Думаетъ Кокоревъ (который нравится мнѣ больше и больше) выѣхать въ середу. Разумѣется, и я съ нимъ, хотя и зовутъ остаться многіе".

Наконецъ, въ письмѣ отъ 5 декабря, мы читаемъ: „Вотъ какъ нынѣ я аккуратенъ: пишу всякій день — потому что всякій день поутру отходитъ изъ дома особая почта. Вчера обѣдалъ я у Бенардаки, стараго своего знакомаго, съ которымъ пилъ вмѣстѣ воду въ Маріенбадѣ въ 1839 г., гдѣ Лиза учила его маленькаго сына. Онъ имѣетъ дѣло теперь по откупамъ, золотымъ промысламъ и проч. Послѣ обѣда зашелъ къ Прянишникову, который переѣхалъ въ новый свой домъ. Поздній вечеръ дома съ Айвазовскимъ. Нынѣ обѣдать буду у Прянишникова, потому что обѣщалъ вчера, а сейчасъ прислали приглашеніе Блудовы. Для утра не написалъ еще себѣ маршрута. Завтра вечеромъ буду читать стараго *Петра* своего у Вяземскаго. Кокоревъ просилъ заѣхать къ себѣ въ деревню, въ шестидесяти верстахъ отъ Петербурга, на желѣзной дорогѣ; тамъ живетъ его мать. То-есть, въ середу—пробыть тамъ, а въ четвергъ продолжать путь. Слѣдовательно, въ Москвѣ будемъ, если Богъ дастъ, въ пятницу" [228]).

О чтеніи Погодина на вечерѣ у князя П. А. Вяземскаго своей драмы *Петръ Великій*, А. В. Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 7 декабря 1855 года, записалъ слѣдующее: „Вечеръ у князя Вяземскаго. Погодинъ читалъ свою старую драму *Петръ Великій*. Есть мѣста недурныя—прочее зѣло скучновато. Графъ Сологубъ слѣдующими словами выразилъ свое неудовольствіе:—*Таковое чтеніе—ужъ мое почтеніе*! Да и никто не остался доволенъ. Не знаю, пріятно ли было князю Вяземскому и князю Львову слушать, какъ ихъ дѣды или прадѣды отличались въ скверномъ заговорѣ противъ Петра, въ пользу цесаревича Алексѣя. Они выставлены въ такомъ видѣ, что ихъ, право, не лестно считать своими предками" [229]).

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Погодинъ получилъ слѣдующую записку отъ графини А. Д. Блудовой: „Великая

княгиня Елена Павловна поручила мнѣ передать вамъ, что ея высочество желаетъ видѣть васъ до отъѣзда вашего въ Москву и *назначаетъ вамъ быть къ ней* въ дворецъ, завтра *въ среду вечеромъ въ 8 часовъ*. Не забудьте день и часъ; если вы можете отобѣдать у насъ, и будетъ только черезъ улицу ѣхать; а если не можете у насъ обѣдать, то отъ нея пріѣзжайте къ намъ, чай пить. До 10½ часовъ я буду свободна".

11 декабря 1855 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Вчера узналъ я отъ старичка протоіерея, что ты возвратился изъ Питера. Какія же привезъ новости? Подѣлися ими". На это Погодинъ отвѣчалъ: „Занятъ по уши корректурою *Изслѣдованій*... Новости почти всѣ, вѣроятно, ты уже знаешь, ибо я воротился еще въ субботу. А *Московскіе—обо мнѣ* (т.-е. о директорствѣ) *всѣ вздоръ*"!

Но слухи о назначеніяхъ Погодина не ограничивались Москвою; они достигли и до Харькова. „Одному однако удивляюсь", — писалъ Погодину, 23 декабря 1855 г., князь Н. Н. Голицынъ,—„какъ рѣшились вы покинуть родимую Москву. Какое мѣсто"?

Въ другомъ письмѣ, отъ 30 декабря, князь Голицынъ писалъ: „Очень желалъ бы я, чтобы слухи о перемѣщеніи вашемъ въ Питеръ были бы не что иное какъ *Московскіе слухи*. Въ Харьковѣ поговариваютъ, что вамъ поручаютъ быть наставникомъ Наслѣдника; говорятъ то же о порученіи вамъ завѣдыванія Педагогическимъ Институтомъ, на мѣсто Давыдова".

Дружескія же отношенія Погодина съ Катковымъ продолжались недолго. 30 января 1856 года, т.-е., тогда, когда книжки *Русскаго Вѣстника* стали выходить въ свѣтъ, К. Д. Кавелинъ писалъ Погодину: „О *Вѣстникѣ*, кажется, приговоръ вашъ строгъ. При такомъ подломъ Министерствѣ и Цензурѣ и надежды то нѣтъ разгуляться; а что вы сдѣлаете, когда перо ходитъ, подъ вліяніемъ убійственной мысли: этого-то цензоръ не пропуститъ, это исковеркаетъ, это въ III-е От-

Петербургъ, чтобъ своимъ присутствіемъ, а по нуждѣ даже искательствомъ, отстранить неблагонадежныхъ людей, которые ничего, кромѣ вреда, не принесутъ Просвѣщенію. Катковъ уполномочилъ меня передать тебѣ сказанное выше. Но мнѣ кажется, что онъ кое-что хранитъ про себя, чтобъ сообщить тебѣ прямо“.

На письмѣ означено: *Très-confidentielle* [226]).

Надо замѣтить, что въ это же самое время, какъ мы уже знаемъ, Погодинъ вошелъ въ дружескую переписку съ К. Д. Кавелинымъ.

Вышеприведенное письмо Мельгунова доставило Погодину неописанную радость, и онъ, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 28 ноября 1855 года, записалъ: „Письмо отъ Мельгунова, доставившее много удовольствія о склоненіи мнѣнія общественнаго въ мою пользу. Хватились глупые! Да когда же я говорилъ и дѣлалъ другое“.

Самъ же Катковъ, 30 ноября 1855 года, писалъ А. В. Никитенко: „Пишу къ вамъ, драгоцѣнный Александръ Васильевичъ, наскоро, а именно вотъ по какому дѣлу: Сегодня отправился въ Питеръ М. П. Погодинъ. Я намекалъ ему на возможность получить по Министерству Народнаго Просвѣщенія то назначеніе, о которомъ, помните, мы съ вами толковали. Онъ, повидимому, былъ радъ этой мысли, но объявилъ, что самъ искать мѣста не будетъ. Онъ будетъ у васъ, но, вѣроятно, самъ не заговоритъ о директорствѣ; такъ заведите съ нимъ сами объ этомъ рѣчь. Такое назначеніе, если бы оно когда-нибудь состоялось, было бы дѣломъ отличнымъ“ [227]).

Сколько намъ извѣстно, мѣсто директора Департамента Народнаго Просвѣщенія занималъ въ то время Павелъ Ивановичъ Гаевскій и не думалъ оставлять своего поста; но тѣмъ не менѣе, Погодинъ, поддерживаемый Катковымъ, 30 ноября 1855 года, отправился въ Петербургъ, мечтая занять мѣсто директора Департамента Народнаго Просвѣщенія. О времени препровожденія его въ Петербургѣ, мы имѣемъ, хотя и скудныя свѣдѣнія изъ писемъ его. „Еще здравствуйте, любез-

нѣйшіе“—писалъ онъ (3 декабря).—„Пишу къ вамъ только два слова, чтобъ извѣстить о себѣ и дать отчетъ. Вчера поутру былъ я у Норова, который принялъ меня очень ласково и разсказалъ всѣ новости по управленію нашему. Потомъ отправился я пѣшкомъ къ Кунику, нѣсколько больному, и наконецъ,—къ Давыдову. Обѣдъ дома съ ухою изъ собственныхъ стерлядей, хранящихся въ садкѣ. Вечеръ у князя Вяземскаго; отъ него Оболенскій, уже въ 1 часу, увелъ къ Тургеневу. Теперь отправляюсь въ Академію,—участвовать въ пріемѣ новаго президента графа Блудова. Оттуда зайду къ Корфу или куда-нибудь по дорогѣ, а обѣдать у Блудовыхъ. Вечеромъ везетъ Кокоревъ къ какому то примѣчательному своему знакомому. Отчетъ за нынѣшній день вы имѣете; слѣдовательно, завтра отчета болѣе не получите. Извѣстіе о Карсѣ, вчера здѣсь разосланное, очень обрадовало всѣхъ: взятъ въ плѣнъ весь гарнизонъ, главнокомандующій Вилліамсъ со всѣмъ своимъ штабомъ, восемь пашей, много орудія. Князь Меньшиковъ назначается главнокомандующимъ всѣхъ силъ на сѣверѣ обороны береговъ. Начальникомъ его штаба—Путятинъ. Посылаю вамъ примѣчательный циркуляръ Константина Николаевича, который дайте прочесть Аксаковымъ. Письма ко мнѣ, если окажутся важныя, посылайте къ Ив. Ѳед. Мамонтову, близъ Ильи пророка, на валу, въ собственномъ домѣ. Адресъ: Петербургъ, въ домѣ Кокорева, на Бассейной“.

Въ письмѣ, отъ 4 декабря, читаемъ: „Пользуюсь случаемъ свободной корреспонденціи и пишу къ вамъ опять, мои любезные. Вчера день прошелъ какъ было предназначено. Вечеромъ были у Власова, совѣтника Академіи Наукъ, и воротились въ 12 часу. Теперь собираюсь къ Бычкову, который, слышалъ, женится; оттуда къ Скрипицину, Аверкіеву, Головнину и проч. Обѣдаемъ у Бенардаки. Извѣстите Аксаковыхъ, что Комитетъ 2 апрѣля упраздненъ. Прощайте, цѣлую всѣхъ и благословляю. Прошу васъ всѣхъ, друзья мои, занимайтесь какъ можно больше и дорожите временемъ. На чей счетъ это пишу, пусть догадается тотъ, или, пожалуй, та, самъ,

сама и сами. Думаетъ Кокоревъ (который нравится мнѣ больше и больше) выѣхать въ середу. Разумѣется, и я съ нимъ, хотя и зовутъ остаться многіе“.

Наконецъ, въ письмѣ отъ 5 декабря, мы читаемъ: „Вотъ какъ нынѣ я аккуратенъ: пишу всякій день — потому что всякій день поутру отходитъ изъ дома особая почта. Вчера обѣдалъ я у Бенардаки, стараго своего знакомаго, съ которымъ пилъ вмѣстѣ воду въ Маріенбадѣ въ 1839 г., гдѣ Лиза учила его маленькаго сына. Онъ имѣетъ дѣло теперь по откупамъ, золотымъ промысламъ и проч. Послѣ обѣда зашелъ къ Прянишникову, который переѣхалъ въ новый свой домъ. Поздній вечеръ дома съ Айвазовскимъ. Нынѣ обѣдать буду у Прянишникова, потому что обѣщалъ вчера, а сейчасъ прислали приглашеніе Блудовы. Для утра не написалъ еще себѣ маршрута. Завтра вечеромъ буду читать стараго *Петра* своего у Вяземскаго. Кокоревъ просилъ заѣхать къ себѣ въ деревню, въ шестидесяти верстахъ отъ Петербурга, на желѣзной дорогѣ; тамъ живетъ его мать. То-есть, въ середу—пробыть тамъ, а въ четвергъ продолжать путь. Слѣдовательно, въ Москвѣ будемъ, если Богъ дастъ, въ пятницу“ [228]).

О чтеніи Погодина на вечерѣ у князя П. А. Вяземскаго своей драмы *Петръ Великій*, А. В. Никитенко, въ *Дневникѣ* своемъ, подъ 7 декабря 1855 года, записалъ слѣдующее: „Вечеръ у князя Вяземскаго. Погодинъ читалъ свою старую драму *Петръ Великій*. Есть мѣста недурныя—прочее зѣло скучновато. Графъ Соллогубъ слѣдующими словами выразилъ свое неудовольствіе:—*Таковое чтеніе—ужъ мое почтеніе*! Да и никто не остался доволенъ. Не знаю, пріятно ли было князю Вяземскому и князю Львову слушать, какъ ихъ дѣды или прадѣды отличались въ скверномъ заговорѣ противъ Петра, въ пользу цесаревича Алексѣя. Они выставлены въ такомъ видѣ, что ихъ, право, не лестно считать своими предками“ [229]).

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, Погодинъ получилъ слѣдующую записку отъ графини А. Д. Блудовой: „Великая

княгиня Елена Павловна поручила мнѣ передать вамъ, что ея высочество желаетъ видѣть васъ до отъѣзда вашего въ Москву и *назначаетъ вамъ быть къ ней* въ дворецъ, завтра *въ среду вечеромъ въ 8 часовъ.* Не забудьте день и часъ; если вы можете отобѣдать у насъ, и будетъ только черезъ улицу ѣхать; а если не можете у насъ обѣдать, то отъ нея пріѣзжайте къ намъ, чай пить. До 10½ часовъ я буду свободна".

11 декабря 1855 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Вчера узналъ я отъ старичка протоіерея, что ты возвратился изъ Питера. Какія же привезъ новости? Подѣлися ими". На это Погодинъ отвѣчалъ: „Занятъ по уши корректурою *Изслѣдованій*... Новости почти всѣ, вѣроятно, ты уже знаешь, ибо я воротился еще въ субботу. А *Московскіе—обо мнѣ* (т.-е. о директорствѣ) *все вздоръ*"!

Но слухи о назначеніяхъ Погодина не ограничивались Москвою; они достигли и до Харькова. „Одному однако удивляюсь", — писалъ Погодину, 23 декабря 1855 г., князь Н. Н. Голицынъ,—„какъ рѣшились вы покинуть родимую Москву. Какое мѣсто"?

Въ другомъ письмѣ, отъ 30 декабря, князь Голицынъ писалъ: „Очень желалъ бы я, чтобы слухи о перемѣщеніи вашемъ въ Питеръ были бы не что иное какъ *Московскіе слухи.* Въ Харьковѣ поговариваютъ, что вамъ поручаютъ быть наставникомъ Наслѣдника; говорятъ то же о порученіи вамъ завѣдыванія Педагогическимъ Институтомъ, на мѣсто Давыдова".

Дружескія же отношенія Погодина съ Катковымъ продолжались недолго. 30 января 1856 года, т.-е., тогда, когда книжки *Русскаго Вѣстника* стали выходить въ свѣтъ, К. Д. Кавелинъ писалъ Погодину: „О *Вѣстникѣ*, кажется, приговоръ вашъ строгъ. При такомъ подломъ Министерствѣ и Цензурѣ и надежды то нѣтъ разгуляться; а что вы сдѣлаете, когда перо ходитъ, подъ вліяніемъ убійственной мысли: этого-то цензоръ не пропуститъ, это исковеркаетъ, это въ III-е От-

дѣленіе пошлетъ. Цѣпи на рукахъ и на мысли—тѣ же цѣпи. Кромѣ того, простите, а не могу не сознаться вамъ, что статья Соловьева *) мнѣ въ высшей степени нравится,—такъ нравится, что отъ нея я былъ внѣ себя отъ радости. Конечно, не ученостью, не изложенімъ фактовъ она блистаетъ, а двумя-тремя вѣрными и благородными мыслями, изложенными не только отлично, но даже краснорѣчиво, чтò не всегда есть удѣлъ Соловьева. Бросимте предубѣжденія, которыя насъ губятъ; пусть хорошее будетъ хорошо и для насъ, хотя бы врагъ сказалъ или написалъ. Хоть и разныхъ приходовъ, а все свои. Теперь такое время, что даже за нѣсколько выходящихъ изъ ряда мыслей и даже фразъ, внушенныхъ любовью къ добру и высказанныхъ смѣло, можно сказать спасибо".

На мѣсто М. Н. Каткова, редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей* былъ опредѣленъ В. Ө. Коршъ; тогда какъ Шевыревъ и другіе члены Университета желали видѣть на этомъ мѣстѣ своего товарища профессора В. Н. Лешкова. Само собою разумѣется, что назначеніе Корша, какъ человѣка посторонняго Университету, не могло быть пріятно многимъ членамъ Университета, а въ томъ числѣ и Шевыреву. Между тѣмъ, Кавелинъ принималъ въ Коршѣ живѣйшее участіе. 30 января 1856 года, онъ писалъ къ Погодину: „Михаилъ Петровичъ, вы человѣкъ съ сердцемъ и съ душой, и готовы на доброе дѣло. Съ Шевыревымъ вы близки и имѣете на него вліяніе. Право, не хорошо поступаетъ онъ. Написалъ съ три короба всякой всячины на Корша, редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, Вяземскому; а Вяземскій поставилъ на дыбки Норова, и они такъ и зарятся на бѣдняжку. Вамъ извѣстно, что я не ходатай за свою родненьку, и не былъ имъ никогда, и родня мнѣ—человѣкъ по мысли, убѣжденіямъ и сердцу, а не по крови. Стало быть, собираясь сказать нѣсколько словъ въ пользу теперешняго редактора *Москов-*

*) Вѣроятно: *Древняя Россія*, напечатанная въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1856 г., книга I-я. *Н. Б.*

скихъ Вѣдомостей, я не о шуринѣ говорю, а о человѣкѣ завѣдомо благородномъ и просвѣщенномъ, хотя слова нѣтъ, нѣсколько можетъ быть молодомъ и порывистомъ. Да какъ же не грѣхъ мѣряться сѣдому человѣку съ молодежью; всякое ея слово въ строку ставить, и вдобавокъ начальственнымъ путемъ, вызывая стрѣлы, противъ которыхъ чиновнику въ Россіи что̀ сказать или возразить? Право, ей ей, нехорошо! Недоволенъ—пиши и печатай, а не ходи по начальству, которое не довольно само умно, чтобъ знать какъ себя держать. По разнымъ отзывамъ Вяземскаго и Норова, которые до меня дошли, я боюсь сильно, чтобъ Коршу не пришлось плохо. Норовъ сказалъ прямо Зиновьеву, что жалѣетъ, зачѣмъ не пристроилъ редакторомъ газеты Елагина,—цензора, притчу во языцѣхъ. Чтожъ, лучше это будетъ, хотя, конечно, Елагинъ будетъ всѣ безъ изъятія стихи Шевырева печатать въ *Вѣдомостяхъ*? Притомъ, если ужъ жаловаться, такъ по крайней мѣрѣ говорилъ бы правду. А то написалъ, что подписка уменьшилась при Коршѣ на *Вѣдомости*, а на дѣлѣ она увеличилась. Что же это такое? Сдѣлайте милость, Михаилъ Петровичъ, при свиданіи и при случаѣ поговорите объ этомъ дѣлѣ съ Степаномъ Петровичемъ и обезоружьте его, по крайней мѣрѣ внушите ему другой, болѣе его достойный способъ отместки. Надобно юность беречь и помогать ей, и многое ей спускать, потому только, что молодежь у насъ долго подвержена глупостямъ, и чѣмъ больше она увлекается съ мо̀лоду, тѣмъ больше проку подъ старость. Потребность перебѣситься бываетъ только у того, у кого силъ много".

Вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ Коршъ писалъ Погодину слѣдующее: „Вы, быть можетъ, не знаете, что г. Шевыревъ уже изволилъ писать обо мнѣ князю Вяземскому, какъ о человѣкѣ неблагонамѣренномъ и вовсе незнающемъ литературнаго дѣла, и мнѣ стоило большого труда разсѣять впечатлѣніе, произведенное этимъ милымъ доносомъ. О письмахъ Шевырева къ Вяземскому я узналъ отъ Назимова, который

въ то время былъ въ Петербургѣ и которому говорилъ о нихъ министръ“ [230]).

Но сохранилось и письмо князя П. А. Вяземскаго къ Шевыреву, отъ 28 декабря 1855 г., вѣроятно, отвѣтное, въ которомъ читаемъ: „Передалъ я А. С. Норову то, что вы пишете мнѣ о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Кажется, дѣло въ томъ, что онъ введенъ былъ въ заблужденіе. Ему писали, что профессоръ Лешковъ отказывается отъ редакторства, и вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Назимовъ и графъ Закревскій ходатайствовали передъ нимъ за Корша. Министръ теперь и жалѣетъ о случившемся, но помочь бѣдѣ, кажется, поздно. Впрочемъ, Московскій Университетъ все же можетъ дать редакціи то направленіе, которое онъ признаетъ лучшимъ“.

LIV.

Съ воцареніемъ императора Александра II-го, у опальныхъ Славянофиловъ явилась мысль образовать свой журналъ, чрезъ который они могли бы дѣйствовать на общество, проповѣдью своего ученія православнаго, самодержавнаго и народнаго. Къ мысли этой они приступили съ сомнѣніемъ въ ея воплощеніе, такъ какъ надъ ними тяготѣла, по недоразумѣнію, кара правительственная и они обречены были на безмолвіе. Въ это время Хомяковъ снялъ съ себя фотографію; взглянувъ на нее, И. В. Кирѣевскій сказалъ: *C'est Хомяковъ, subissant le silence* (Это Хомяковъ, подверженный молчанію) [231]).

Прежде чѣмъ приступимъ къ описанію основанія *Русской Бесѣды*, взглянемъ на положеніе Славянофиловъ, въ которомъ застало ихъ новое царствованіе.

Въ то время, когда Славянофилы обречены были на безмолвіе, А. С. Хомяковъ напечаталъ въ чужихъ краяхъ, на Французскомъ языкѣ, двѣ богословскія брошюры, обратившія на Русскаго православнаго богослова всеобще вниманіе. Первая изъ нихъ: *Нѣсколько словъ Православнаго Христіанина*

о Западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, по поводу брошюры г. Лоренса, была напечатана въ Парижѣ, въ 1853 году; а другая, подъ заглавіемъ: *Нѣсколько словъ Православнаго Христіанина о Западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, по поводу одного окружнаго посланія Парижскаго архіепископа*, была напечатана въ Лейпцигѣ, въ 1855 году [232]).

Этими брошюрами весьма заинтересовалась благочестивая императрица Марія Александровна, и по ея порученію, 17 мая 1855 года, В. Д. Олсуфьевъ писалъ нашему богослову: „Государыня императрица, узнавъ, что вы написали продолженіе сочиненія вашего: *Quellques mots d'un Chrétien Orthodoxe*, желаетъ прочитать оное. Почему и обращаюсь къ вамъ съ просьбою прислать мнѣ вашу рукопись, для представленія ея величеству. Ей угодно было приказать сообщить вамъ, что покойный государь императоръ съ удовольствіемъ читалъ вышеписанное сочиненіе и остался имъ доволенъ".

Само собой разумѣется, что это сообщеніе весьма утѣшило и ободрило Хомякова. „У меня потребовалъ",—писалъ онъ Кошелеву,—„или, пожалуй, попросилъ офиціально Олсуфьевъ, отъ имени государыни. Я послалъ весьма некрасивый списокъ, другого не было, и извинился поспѣшностію. Въ письмѣ Олсуфьева, государыня поручаетъ мнѣ сказать, что покойный императоръ былъ брошюрою очень доволенъ. Я въ отвѣтѣ сказалъ, что это мнѣ потому особенно дорого, *что смертію своею государь доказалъ искренность своихъ убѣжденій*. Вѣдь это должно было сказать. Изъ другого источника знаю я и слова покойнаго, очень замѣчательныя: *Dans ce qu'il dit de l'Eglise il est très libéral; mais dans ce qu'il dit de ses rapports avec l'autorité temporelle il a parfaitement raison, et je suis de son avis*. Многіе тутъ хотятъ видѣть лицемѣріе, но изъ чего и для кого? Всѣ мы и духовные, и свѣтскіе, виноваты въ его ошибкахъ... Я думаю, онъ по крайнему разумѣнію желалъ правды. Иные его бранятъ, иные имъ гордятся безъ смысла"...

Вскорѣ послѣ того, Хомяковъ получилъ другое письмо

(отъ 29 іюня 1855), отъ В. Д. Олсуфьева, въ которомъ прочелъ: „Государыня императрица Марія Александровна повелѣть мнѣ соизволила, препроводить къ вамъ Нѣмецкій переводъ книги вашей, по волѣ великой княгини Ольги Николаевны сдѣланный нашимъ Стутгартскимъ священникомъ. Исполняя симъ такую высочайшую волю, покорно прошу о полученіи не оставить меня увѣдомленіемъ". За симъ, отъ себя ли, или отъ императрицы, Олсуфьевъ сообщилъ Хомякову: „Вамъ вѣроятно не безъизвѣстны распри Западной церкви о непорочномъ зачатіи Пресвятыя Богородицы. Посылаю отъ себя, для прочтенія, протестъ аббата Лаборда противъ сего новаго догмата" [233]).

Въ то же время Хомякову приписывали стихи, ходившіе тогда по рукамъ,—*Русскому Царю*, и неизвѣстный авторъ оныхъ, писалъ, изъ Петербурга, къ Погодину: „Вы меня извините, что я васъ безпокою моимъ письмомъ, которое собственно мнѣ слѣдовало бы адресовать г. Хомякову, но мнѣ неизвѣстенъ его адресъ, между тѣмъ какъ я надѣюсь, что чрезъ Университетъ письмо дойдетъ къ вамъ вѣрно. Кромѣ того, обращаясь къ вамъ, я еще выигрываю въ томъ отношеніи, что вашимъ словамъ, вашему авторитету повѣрятъ люди, которые могутъ не повѣрить г. Хомякову и это можетъ имѣть для него лучшія послѣдствія, чѣмъ письмо къ нему адресованное. Къ тому же вы, по слухамъ до меня дошедшимъ, съ нимъ пріятель. Общественное мнѣніе (по крайней мѣрѣ здѣсь) приписываетъ г. Хомякову стихи: *Русскому Царю*, здѣсь довольно распространенные, и автора которыхъ, какъ слышно, ищутъ.—Я вполнѣ убѣжденъ, что люди знакомые съ направленіемъ и со слогомъ г. Хомякова, особенно его пріятели, никогда не ошибутся такъ грубо, приписавъ всегдашнему врагу *гнилаго Запада* стихи далеко уступающіе въ звучности стихамъ одного изъ лучшихъ нашихъ современныхъ поэтовъ, и кромѣ того, выражающіе сочувствіе къ Европейскимъ идеямъ; но не всѣ судьи суть достойные цѣнители. Я слышу, слѣдствія этого подозрѣнія довольно не-

пріятны для г. Хомякова, и потому я рѣшился писать вамъ, чтобы вы имѣли въ рукахъ документъ, хотя и анонимный, по причинамъ довольно яснымъ, но свидѣтельствующій о невинности г. Хомякова въ этомъ произведеніи. Стихи *Русскому Царю* („Европа противъ насъ“ и т. д.), равно какъ и другіе: *Пророчество* (1812) и *Русскому народу* (1854, декабрь), не получившіе большой гласности, писаны мною. Мое имя извѣстно немногимъ. Есть здѣсь люди, которые могутъ меня назвать, но не думаю, чтобы кто-либо изъ жителей Москвы меня зналъ, какъ автора этихъ произведеній, тѣмъ болѣе, что я въ Москвѣ никогда не бывалъ, и какъ стихотворецъ, въ печати никому незнакомъ. Мнѣ приходитъ на мысль, что можетъ быть вамъ совершенно знакомы названныя произведенія; въ такомъ случаѣ, посмѣйтесь надъ самолюбіемъ автора, который Богъ знаетъ что о себѣ воображаетъ и сожгите это письмо. Если же стихи мои точно дошли до Москвы, какъ мнѣ говорили, то прошу васъ сохранить этотъ листъ, какъ документъ, на случай обвиненія г. Хомякова; но вы меня обяжете, если не будете показывать его другимъ безъ крайней необходимости. Мнѣ остается еще просить васъ извинить меня предъ г. Хомяковымъ въ томъ, что я былъ невинною причиною распространенія подъ его именемъ произведенія, недостойнаго его по стиху и чуждаго ему по мысли“ [234]).

Между тѣмъ, Хомяковымъ заинтересовались при Дворѣ, и онъ сталъ получать приглашенія пріѣхать въ Петербургъ. „Матушка передала мнѣ“,—писалъ онъ графинѣ А. Д. Блудовой,— „вашъ добрый и милый совѣтъ побывать въ Пальмирѣ Сѣвера, и что̀ грѣха таить? Признаюсь, многое множество разныхъ чувствъ заговорило во мнѣ, все подговаривая на эту поѣздку. Да не выходитъ! Мнѣ уже суждено сидѣть сиднемъ въ своемъ уголкѣ. Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, какъ я отказался вовсе отъ свѣта и одинаково отъ его удовольствій, какъ и отъ его требованій. Зипунъ по буднямъ и долгополое пальто по праздникамъ право не Петербургскій на-

рядъ. Вамъ все это незамѣтно: но намъ это очень замѣтно. Петербургъ—городъ свѣтскій по преимуществу, и нѣтъ никакой возможности соваться въ него съ своимъ уставомъ. Это было бы крайнимъ неприличіемъ, а я также мало желаю поступать неприлично, какъ твердо положилъ себѣ не отступать отъ своего устава. Я старикъ, отказавшійся отъ свѣта, хотя разумѣется нисколько не отказавшійся отъ жизни общественной; но этого никто не обязанъ признавать, а мнѣ нѣтъ никакой охоты выставлять себя странникомъ. Видите, что мнѣ въ Петербургъ не дорога, какъ бы ни хотѣлось повидаться съ тѣми, кого въ Петербургѣ люблю. Вѣрьте мнѣ, что если желаніе мое побесѣдовать съ друзьями, не можетъ меня заставить отказаться отъ того образа жизни, который мною выбранъ, или лучше сказать, который единственно мнѣ возможенъ, меня также не заставитъ измѣнить своего намѣренія желаніе видѣть или показать дѣтямъ непріятельскій флотъ передъ Кронштадтомъ. Положимъ, что видъ и хорошъ; но онъ хорошъ только для тѣхъ, кто можетъ стать на батарею съ фитилемъ въ рукахъ. Мнѣ нельзя, Митѣ не слѣдуетъ смотрѣть на это съ равнодушнымъ любопытствомъ; вѣдь все-таки это оскорбленіе. Даже на сраженіе, чѣмъ бы оно ни кончилось, я не хотѣлъ бы глядѣть. Для сражающихся оно подвигъ, для зрителей оно гладіаторскій бой".

На вызовъ же А. Н. Попова, Хомяковъ отвѣчалъ ему: „Вы меня зовете въ Питеръ; признаюсь, мало жду я пользы отъ этой поѣздки, но ѣду и даже скоро. Теперь говѣю въ деревнѣ, а потомъ дѣтей—въ Москву, а себя—на желѣзную дорогу... Я сказалъ, что мало жду пользы; видите, мнѣ кажется, что именно противъ меня больше вражды, чѣмъ я прежде думалъ. Напримѣръ, кромѣ меня и Кирѣевскаго, въ Катковскомъ объявленіи стоятъ же тѣ имена, которыя министръ объявляетъ негодными, а журналъ позволенъ. И такъ, или моя личность, или что еще вѣроятнѣе, наше направленіе, крайне оподозрѣно, потому что статья въ чужомъ журналѣ не имѣетъ той силы, что въ своемъ. А все-таки я ѣду,

чтобы меня не винили. Отзывъ А. С. Норова показываетъ, какая страшная слѣпота въ Петербургѣ... Вѣдь это человѣкъ и вѣрующій, и душею искренній, а что дѣлаетъ и говоритъ" [235])!

Какъ бы то ни было, поѣздка Хомякова вскорѣ дѣйствительно состоялась; но объ ней мы будемъ говорить при описаніи основанія *Русской Бесѣды*.

LV.

Осенью 1855 года, С. Т. Аксаковъ переселился въ Москву изъ своего Абрамцева. 6 октября того же года, онъ писалъ Погодину: „Да благословитъ Богъ благія намѣренія ваши. Не могу вамъ выразить своего нравственнаго состоянія: вся внутренность переболѣла, какъ говорится! Я рѣшаюсь переѣхать на зиму въ Москву: все лучше вмѣстѣ съ вами, Хомяковымъ и братомъ, да и книгу напечатаю самъ, и много бездѣлицъ поправлю въ корректурѣ.—Гриша *) задержалъ у меня (между нами) деньги, и потому въ продолженіи мѣсяца можетъ понадобиться мнѣ на перехватъ тысяча цѣлковыхъ: могу ли я взять у васъ? Отвѣчайте однимъ словомъ" [236]).

Разумѣется, Погодинъ отвѣчалъ не отрицательно, а въ *Дневникѣ* его, подъ 28 октября 1855 года, мы уже читаемъ: „Заѣхалъ къ Аксакову, котораго странно видѣть въ Москвѣ. Заговорился".

О своемъ прибытіи въ Москву С. Т. Аксаковъ извѣстилъ И. С. Тургенева: „Я въ Москвѣ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ",—писалъ онъ ему 30 октября 1855 года,—„и живу въ Денежномъ переулкѣ, у Покрова въ Левшинѣ, въ домѣ Пфеллера". Въ томъ же письмѣ С. Т. Аксаковъ увѣдомляетъ Тургенева, что его *Семейная Хроника и Воспоминанія* „пропущены и печатаются" [237]).

---

*) Григорій Сергѣевичъ Аксаковъ. *Н. Б.*

„Поздравляю васъ съ переѣздомъ въ Москву",—писалъ И. С. Аксаковъ, изъ Одессы, 11 ноября 1855 года, къ своимъ родителямъ.—„Какъ-то покажется вамъ пребываніе зимою въ Москвѣ: вы отвыкли уже отъ постоянныхъ гостей, шума и говора" [238]).

Переселившись въ Москву, С. Т. Аксаковъ, по прежнему, зажилъ въ ней хлѣбосоломъ. Въ январѣ 1856 года, онъ писалъ Погодину: „Всякой день перебываетъ у меня человѣкъ десять, а сегодня вдругъ сошлась дюжина. Между прочими пріѣзжалъ познакомиться со мною графъ Л. Н. Толстой и завтра читаетъ у меня свою новую піесу изъ крестьянскаго быта, и проситъ, кажется, искренно самыхъ строгихъ замѣчаній... Дѣла наши крайне *плохи*. Осторожность нужна больше, чѣмъ прежде" [239]).

О своемъ знакомствѣ съ графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, С. Т. Аксаковъ, 7 февраля 1856 года, писалъ И. С. Тургеневу: „Мы оба съ Константиномъ очень рады знакомству съ графомъ Толстымъ. Онъ уменъ и серьезенъ; онъ способенъ понимать строгія мысли, въ какіе бы пустяки ни вовлекала его пошлая сторона жизни. Я ставлю его очень высоко по задаткамъ, которые онъ далъ намъ, и узнавъ его лично, еще болѣе надѣюсь на его будущую литературную дѣятельность". Прочитавъ же повѣсть графа Толстаго *Мятель*, С. Т. Аксаковъ поручилъ И. С. Тургеневу сказать ея автору, что *Мятель* превосходный разсказъ. „Я",—пишетъ Аксаковъ,—„могу объ этомъ судить лучше многихъ: не одинъ разъ испыталъ я ужасъ зимнихъ buрановъ и однажды потому только остался живъ, что попалъ въ стогъ сѣна и въ немъ ночевалъ... Скажите ему, что подробностей слишкомъ много; однообразіе ихъ нѣсколько утомительно. Хотя я мало съ нимъ знакомъ, но не боюсь сказать ему голую правду" [240]).

Въ то же время И. С. Аксаковъ писалъ къ своимъ родителямъ: „Я прочелъ въ *Современникѣ*, Толстаго: *Севастополь въ декабрѣ мѣсяцѣ*. Очень хорошая вещь, послѣ ко-

торой хочется въ Севастополь... Какой тонкій и въ то же время теплый анализъ въ сочиненіяхъ этого Толстаго". Въ другомъ письмѣ И. С. Аксаковъ спрашиваетъ: „Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ поняли вы графа Л. Толстаго? Онъ меня очень интересуетъ и мнѣ бы хотѣлось съ нимъ познакомиться" [241]).

Отвѣтъ на этотъ вопросъ С. Т. Аксаковъ даетъ въ письмѣ къ И. С. Тургеневу: „Послѣ вашего отъѣзда, мы видѣлись съ графомъ Л. Н. Толстымъ. Онъ познакомился съ нѣкоторыми изъ нашихъ и поѣхалъ эмансипировать свою Ясную Поляну. Все это прекрасно, но въ этотъ разъ я замѣтилъ, что вашъ отзывъ о немъ очень справедливъ".

Болѣе откровенно отозвался тому же Тургеневу К. С. Аксаковъ. Онъ писалъ: „Былъ въ Москвѣ графъ Толстой, и я имѣлъ случай замѣтить, что вы вѣрно его очертили. Странный человѣкъ! Молодъ что ли онъ? Не установился? Иногда идетъ съ нимъ разговоръ ладно; онъ слушаетъ умно и ведетъ рѣчь разумно; а иногда, вдругъ упрется, повторяетъ свои слова и какъ будто васъ не понимаетъ. Кажется, въ немъ нѣтъ еще центра" [242]).

Годъ спустя, въ Парижѣ, встрѣтился съ графомъ Л. Н. Толстымъ самъ И. С. Аксаковъ, и вотъ что̀ писалъ своимъ родителямъ: „Толстой въ Женевѣ. То, что мнѣ разсказывали про него, очень характеризуетъ его, и съ хорошей стороны. Можно ли было себѣ воображать, что Парижъ его возмутилъ и оскорбилъ до глубины души... Кто-то посовѣтовалъ ему посмотрѣть казнь. Я, и не съ его нервами, не рѣшался никогда смотрѣть казнь, а на него видъ, какъ публично зарѣзываютъ человѣка, произвелъ такое впечатлѣніе, что гильотина снилась ему во снѣ. Ему казалось, что его самого казнятъ; проснувшись, онъ высмотрѣлъ какую-то царапину на своей шеѣ, страшно испугался, объяснилъ себѣ, что это его чортъ оцарапалъ, и онъ вдругъ исчезъ—и уже написалъ съ береговъ Женевскаго озера, гдѣ живетъ и наслаждается видомъ чудной природы, проклиная Парижъ съ его удовольствіми" [243]).

Почти за годъ до своей смерти, А. С. Хомяковъ, привѣтствуя графа Л. Н. Толстаго со вступленіемъ въ Общество Любителей Россійской Словесности, между прочимъ, сказалъ ему: „....Общество Любителей Россійской Словесности съ радостью привѣтствуетъ васъ, какъ дѣятеля чисто художественной Литературы. Это чисто художественное направленіе защищаете вы въ своей рѣчи, ставя его высоко надъ всѣми другими временными и случайными направленіями словесной дѣятельности. Странно было бы, еслибы Общество вамъ не сочувствовало въ этомъ; но, позвольте мнѣ сказать, что правота вашего мнѣнія, вами столь искусно изложеннаго, далеко не устраняетъ правъ временнаго и случайнаго въ области слова... Права Словесности, служительницы вѣчной красоты, не уничтожаютъ правъ Словесности обличительной... Есть безконечная красота въ невозмутимой правдѣ и гармоніи души, но есть истинная, высокая красота въ покаяніи, возстановляющемъ правду и стремящемъ человѣка или общество къ нравственному совершенству.... Такъ, сливаются двѣ области, два отдѣла Литературы; такъ, писатель, служитель чистаго художества, дѣлается иногда обличителемъ..... Васъ самихъ, графъ, позволю я привести въ примѣръ..... Неужели вы вполнѣ чужды тому направленію, которое назвали обличительною Словесностію? Неужели хоть бы въ картинѣ чахоточнаго ямщика, умирающаго на печкѣ въ толпѣ товарищей, повидимому равнодушныхъ къ его страданіямъ, вы не обличили какой-нибудь общественной болѣзни, какого-нибудь порока? Описывая эту смерть, неужели вы не страдали отъ этой мозолистой безчувственности добрыхъ, но не пробужденныхъ душъ человѣческихъ? Да, — и вы были, и вы будете невольно обличителемъ“.

Въ заключеніе, Хомяковъ сказалъ: „Идите съ Богомъ по тому прекрасному пути, который вы избрали! Идите съ тѣмъ же успѣхомъ, которымъ вы увѣнчались до сихъ поръ, или еще съ большимъ, ибо вашъ даръ не есть даръ преходящій и скоро исчерпываемый. Но, вѣрьте, что въ Словесности

вѣчное и художественное постоянно принимаетъ въ себя временное и преходящее, превращая и облагораживая его, и что всѣ разнообразныя отрасли человѣческаго слова безпрестанно сливаются въ одно гармоническое цѣлое" [244]).

Начало новаго царствованія ободрило и К. С. Аксакова. Сообщая Погодину, что „государыня Марія Александровна распространяетъ на сухопутныя войска то, что завелъ великій князь Константинъ Николаевичъ для морскихъ войскъ, и что это первое ея дѣйствіе, и дѣйствіе прекрасное", Аксаковъ заключаетъ свое письмо такими словами: „Я исполненъ постоянно добрыхъ надеждъ" [245]).

Въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 10 апрѣля 1855 года, мы читаемъ: „Константинъ Аксаковъ прочелъ свою записку, въ которой много прекраснаго". Объ этой запискѣ К. С. Аксакова, даетъ подробныя свѣдѣнія В. А. Мухановъ. „Къ государю поступаетъ множество плановъ",— пишетъ онъ,—„проектовъ и записокъ о различныхъ преобразованіяхъ въ Россіи. Нѣкоторыя изъ нихъ привелось мнѣ читать. Одна записка составлена Аксаковымъ, который доказываетъ исторически, что Русскій народъ никогда не стремился къ принятію участія въ дѣлахъ государственныхъ и потому (по выраженію несовсѣмъ правильному автора) не есть народъ государственный. Его потребность была другая: онъ желаетъ вполнѣ жить своею нравственной, христіанской жизнію. При этомъ развитіи духовнаго начала, онъ не хотѣлъ ограниченія въ своей жизни семейной и домашней. Постоянное благочестіе и вѣрное соблюденіе народныхъ обычаевъ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе предковъ, составляли отличительныя черты народа. Цари Русскіе до Петра I-го благопріятствовали развитію жизни народной. Со времени великаго императора дѣло приняло другой оборотъ. Величіе Петра изумляетъ и, конечно, лѣтописи другихъ народовъ не представляютъ генія, подобнаго нашему Великому; но Петръ наложилъ руку на народъ, на святилище жизни семейной, на все, чѣмъ дорожитъ въ человѣкѣ память его сердца. Все, что освятила Древность,

должно было сокрушиться подъ его желѣзною рукою. При царяхъ, не смотря на удаленіе народа отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла государственныя, въ важныхъ случаяхъ созывались земскіе соборы, которымъ предлагались на обсужденіе различные вопросы. Увлекаясь жаждою перемѣнъ, преобразователь принуждалъ черезъ полицію ходить въ ассамблеи, брить бороды, носить кафтанъ Нѣмецкій и пр. Со времени его, уже болѣе не созывались земскіе соборы. Переворотъ Петра разъединилъ сословія: Дворянство рѣзко отличается отъ народа. Вліяніе Запада, при направленіи, данномъ преобразователемъ, все болѣе и болѣе ослабляетъ начало народное. Одинъ классъ земледѣльцевъ еще сохранилъ его неприкосновенно.

„Сочинитель записки полагаетъ, что нынѣ земскіе соборы созывать невозможно, но думаетъ, что въ необходимыхъ случаяхъ полезно было бы совѣщаться съ сословіями по предметамъ, непосредственно до каждаго касающимся. Такъ, для торговыхъ вопросовъ, призывать купцовъ, для хлѣбопашества—помѣщиковъ и пр. На счетъ народа, предоставить лицамъ всѣхъ сословій полную свободу въ ихъ частной жизни, не стѣсняя ихъ никакими ограниченіями. Пускай всякій занимается дѣломъ по своей наклонности, живетъ, гдѣ заблагоразсудитъ, ѣздитъ, куда хочетъ, одѣвается какъ ему вздумается и все это дѣлаетъ безпрепятственно, пока дѣйствія его не противны существующимъ узаконеніямъ. Вмѣшательство во внутреннюю жизнь народа, не принося никакой пользы правительству, производитъ неудовольствіе и даже негодованіе. Свободу слова и письма подчинить благоразумному контролю относительно вопросовъ, касающихся вѣры, верховной власти и нравственности, допуская во всякомъ случаѣ благонамѣренное сужденіе о всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ и другихъ, относящихся до народнаго благосостоянія. Многое, что теперь неизвѣстно, откроется тогда, и каждому будетъ предстоять возможность

объявить во всеуслышаніе, если онъ былъ жертвою злоупотребленія или недобросовѣстности".

Изложивъ содержаніе записки К. А. Аксакова, В. А. Мухановъ заключаетъ: „Въ запискѣ Аксакова историческіе выводы правильны, есть благородство, прекрасная ревность къ искорененію зла и стремленіе ко благу; но, по замѣчанію Карамзина въ *Запискѣ о Древней и Новой Россіи*, ошибки геніевъ неисправимы и невозможно измѣнить направленіе, данное Петромъ. Что касается до совѣщанія съ сословіями, въ Положеніи Государственнаго Совѣта сказано, чтобы при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ, призывать спеціалистовъ. Гласность возможна единственно въ должныхъ предѣлахъ; а ввести ее, какъ желаетъ того авторъ, не только не полезно, но весьма опасно" [246]).

LVI.

Прежде чѣмъ приступимъ къ повѣствованію о другихъ Славянофилахъ, впрочемъ младшаго поколѣнія, упомянемъ о достопамятномъ событіи, въ которомъ эти младшіе принимали участіе.

По вступленіи на престолъ императора Александра II-го, во всѣхъ церквахъ, въ мартѣ 1855 года, читалось *Воззваніе Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода*: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. По благодати, дару и власти, данымъ отъ Верховнаго Пастыреначальника, Господа и Бога нашего Іисуса Христа, Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ всѣмъ благовѣрнымъ чадамъ православныя церкви Россійскія пастырски изъявляетъ: Господь церкви, Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, и Духъ благодати, живущій въ ней, и Податель Духа, Отецъ Господа Нашего Іисуса Христа, изъ Него же *всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется* (Еф. 3, 15),—Богъ, въ Троицѣ славимый, да благословитъ васъ, возлюбленныя чада церкви, за ваши, повсюду являемыя въ нынѣшней брани, святыя и боголюбивыя чувства

ревности по вѣрѣ, преданности престолу царскому и любви къ православному Отечеству и да *помянетъ всяку жертву вашу* (Пс. 19, 4), принесенную во благо ихъ". Воззваніе заключается такими словами: „Призри съ небесе Боже, и виждь: чада, возлюбленныя церкви Твоея къ Тебѣ обращаютъ души и сердца своя и отъ Тебя единаго чаютъ спасенія. Призри на благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго государя нашего, императора Александра Николаевича всея Россіи, и яви въ немъ Свою силу и крѣпость, славою и честію вѣнчай его и христолюбивое воинство его. Виждь усердныя жертвы, яко Твоя отъ Твоихъ тебѣ приносимыя чадами церкви, готовыми положить и животъ свой за святое имя Твое. Воспріими жертвы сія въ воню благоуханія духовнаго, въ пренебесный жертвенникъ Твой, и ниспосли подвизающимся за святую вѣру Твою великія и богатыя милости Твоя. Ихже возмеши съ поля брани, пріими въ вѣчное царство Твое и даждь имъ часть съ добропобѣдными мученики, а ихже возвратиши въ домы своя, исполни всякаго утѣшенія и умножи надъ ними благословеніе Твое въ роды родовъ. Православное же, вѣрно чтущее Тя царство Россійское заступи, помилуй и спаси. О семъ молимъ и да молятъ съ нами, и со всею церковію православною, всѣ чада церкви Россійскія, устами и сердцемъ непрестанно повторяя: *На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся во вѣки! Аминь*" [247]).

Славянофилы, въ лицѣ своихъ представителей И. С. Аксакова и Ю. Ѳ. Самарина, не уклонились отъ службы въ государственномъ ополченіи, и эта служба ихъ составляетъ любопытный и характерный эпизодъ въ ихъ жизни.

Вступивъ въ ряды Московскаго ополченія, въ апрѣлѣ 1855 года, и пройдя съ ополченцами отъ Серпухова до Бендеръ, И. С. Аксаковъ прослужилъ въ немъ до конца войны, т.-е. до апрѣля 1856 года.

2 апрѣля 1855 года, нашъ ополченецъ писалъ своимъ родителямъ: „Я примѣривалъ вчера мундиръ, т.-е. зипунъ. Ничего. Принесли нынче рубашку... По Москвѣ щеголяютъ

ополченцы: четыре дружины имѣютъ сѣрое, остальныя—сукно: Смольняне—бѣлое. Многіе дѣлаютъ сапоги съ красивыми оторочками и вводятъ другія щегольства,—но мое облаченіе будетъ самое простое и скромное... Разумѣется, полкъ будетъ смотрѣть на дружину, какъ на своихъ чернорабочихъ слугъ, обязанныхъ исправлять за него всякія некрасивыя работы". Въ другомъ письмѣ И. С. Аксаковъ писалъ: „Вчера вечеромъ у Кирѣевскаго былъ въ мундирѣ и привелъ всѣхъ въ зависть и въ восторгъ, разумѣется, не своей фигурой, а платьемъ". Хомяковъ весьма сочувствовалъ ополченію и поощрялъ своихъ друзей вступать въ него. Когда Н. А. Елагина выбрали въ Бѣлевскую дружину, то, вопреки его матери, какъ свидѣтельствуетъ И. С. Аксаковъ, Хомяковъ „настоятельно требовалъ, чтобы онъ шелъ въ ополченіе и сердитъ всю семью. Хомяковъ говоритъ, что желалъ бы видѣть въ ополченіи и Самарина, и Константина и, отвозя вчера меня домой, объявилъ, что если бы жена его была жива, то вѣроятно онъ пошелъ бы въ ополченіе".

Но, въ семьѣ Аксаковыхъ иначе смотрѣли на ополченіе. „Я не согласенъ съ Константиномъ",—писалъ И. С. Аксаковъ,—„насчетъ вступленія въ ополченіе. Толкуютъ о мирѣ и по какому-то тайному инстинкту созываютъ ополченіе. Мира не будетъ и ополченіе будетъ играть немаловажную роль. Вступать въ ополченіе, не значитъ согласиться на разыгрываемую комедію, а значитъ изъявить готовность участвовать въ опасностяхъ, угрожающихъ Россіи, чьей бы виной онѣ ни были навлечены. Въ такихъ случаяхъ не нужно y regarde de si près. Вступать съ одушевленіемъ легче, пріятнѣе, чѣмъ безъ одушевленія, по чувству нравственной обязанности. Призывъ къ ополченію—значитъ возвѣщеніе опасности, угрожающей Россіи: вотъ главное и существенное; можетъ быть, тебѣ опасность не кажется еще столь близкою, можетъ быть, ты не сочувствуешь политикѣ правительства... Покуда ты такъ разсуждаешь, врагъ нагрянулъ на Россію и разорилъ ея пограничныя области. Нечего обращать вниманіе на всѣ

тѣ глупости и вздоры, которыми сопровождается, по милости людей, всякое серьезное дѣло. Ты только относись къ серьезному дѣлу серьезно и честно; и все получитъ иной характеръ. Говоримъ и убѣждены, что эпоха велика, не смотря на всю мелочность современнаго человѣчества, на всю глупость человѣческихъ дѣяній; эпоха велика, полна будущаго, являетъ борьбу міра древняго и новаго и проч. и проч., значитъ, грозитъ опасностями и войною Россіи,—и никто не хочетъ понести тяготы этой эпохи, никто не хочетъ сказать себѣ: *Межъ рабочихъ темныхъ и безвѣстныхъ, другъ! и ты рабочимъ добрымъ будь!* Можно еще не вступать въ военную службу,—это другое дѣло: кромѣ того, что тутъ требуется много знанія, котораго ненужно для ополченца; вступить въ военную службу, значитъ записаться въ извѣстное сословіе, цехъ, занимающійся войною, какъ ремесломъ. Но когда призывъ относится не къ ремесленникамъ только, когда относятся къ вамъ, въ вашъ кабинетъ, и говорятъ, что Россіи грозитъ опасность, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: вы говорите, что грозитъ опасность? Я готовъ защищать Россію отъ опасности. Что касается до меня, то, кромѣ другихъ побужденій, я вступаю по требованію совѣсти,—о чемъ я и не говорю никому, потому что совѣстно это говорить, да и не всѣ расположены этому вѣрить. Уже болѣе года мнѣ совѣстно читать газеты, толковать о значеніи эпохи, желать войны и не участвовать въ жертвахъ, необходимыхъ при исполненіи этого желанія, не участвовать,—хоть страдательно, пассивно, въ качествѣ рабочаго темнаго и безвѣстнаго,— если не въ качествѣ дѣятеля. Разумѣется, очень естественно желать при этомъ участія, болѣе согласнаго съ наклонностями, болѣе дѣятельнаго,—но если этого нѣтъ, такъ надобно понести тяготу со всѣми. Но кромѣ этого, я иду въ ополченіе и потому, что не имѣю другой дѣятельности, и потому, что меня манитъ новость этого пути, что я люблю и перемѣну мѣстъ, и жизнь тревожную, и хочется дохнуть опасностью. Я долженъ сознаться, что повеселѣлъ и помо-

лодѣлъ, вступивъ въ ополченіе, хотя, впрочемъ, надѣвая вчера мундиръ, исполнился въ ту минуту очень серьезнаго и строгаго чувства. Хомяковъ, который бранитъ и Елагина и Самарина, зачѣмъ они не вступили въ ополченіе, сердится, между прочимъ, за то, что имъ нескучно, что не пошлою кажется имъ ежедневность, что они чувствуютъ потребности: *хода дней не слышать надъ собой!* Я привожу все вамъ стихи мои потому, что они у меня въ памяти, ибо Хомяковъ недавно вспомнилъ ихъ и заставилъ меня ихъ нѣсколько разъ прочесть. Я же, на вопросъ—зачѣмъ вступилъ въ ополченіе, всегда говорю, что вступилъ въ послѣдній день царствованія, и что нечего иного дѣлать. Конечно, если бы мнѣ представилась дѣятельность иная, равно живая, полезная и связанная съ современными событіями, я бы охотнѣе принялъ ее, чѣмъ ополченскую. Что Константинъ не вступилъ— это другое дѣло. Его дѣятельность и значеніе болѣе опредѣленны, онъ старше меня и необходимѣе для семьи: для него нужны весьма и весьма серьезныя и настоятельныя причины. Къ тому же у него нѣтъ этого бродяжническаго элемента, какъ у меня, элемента, который во мнѣ, право, не есть что-то преднамѣренное, сознанное и утвержденное. Но, оглядываясь назадъ на жизнь свою, вижу, что такъ у меня постоянно жилось, такъ сама судьба все устроивала. Купилъ я себѣ воинскій уставъ. Я думаю, что, проведя въ Серпуховѣ недѣлю, мнѣ можно будетъ пріѣхать къ вамъ, въ Абрамцево, на нѣсколько дней, и показаться въ мундирѣ. Не знаю, идетъ ли онъ ко мнѣ; но мнѣ въ немъ очень ловко“ [248]).

Начальникомъ Московскаго ополченія назначенъ графъ Г. Строгановъ. По словамъ Т. Н. Грановскаго, графъ Строгановъ явился въ этой должности „такимъ, какимъ былъ въ лучшую пору своего попечительства“ [249]).

Первое свиданіе съ своимъ начальникомъ, И. С. Аксаковъ имѣлъ въ Серпуховѣ. 3 іюля 1855 года, онъ писалъ своимъ родителямъ: „Графъ Строгановъ, пріѣхавши послѣ обѣда и назначивъ смотръ на другое утро, потребовалъ

меня къ себѣ вечеромъ, предварительно поздравивъ Толстого съ тѣмъ, что я рѣшился занимать такія должности и, вопреки моимъ ожиданіямъ и слухамъ о немъ, обращался со мной со всевозможной для него любезностью и учтивостью. Я пробылъ у него болѣе часа,—мы говорили только о хозяйствѣ дружины, но постоянно невольно задѣвали вопросы общіе, такъ, намеками, зная, что оба понимаемъ ихъ,—но не распространялись. Строгановъ нашелъ обозъ и вообще мою часть въ отличномъ видѣ, разумѣется, явно предубѣжденный въ мою пользу. Мнѣ очень пріятно было извѣстіе о Строгановѣ. Это доказываетъ, что, не смотря на его къ намъ нерасположеніе или даже враждебность, онъ не можетъ не признавать въ насъ честныхъ людей. Въ сужденіяхъ объ ополченіи вообще онъ высказываетъ много такъ называемой гуманности и сверхъ того удивленіе и восхищеніе Русскимъ народомъ, по поводу ополченія. Собственно ратниками онъ восхищается, но не офицерами, и требуетъ, чтобы съ ними обращались по-человѣчески, не по-солдатски. Признаюсь, я очень радъ, что онъ такихъ мыслей".

10 іюля 1855 года, въ Серпуховѣ полученъ маршрутъ, по которому все Московское ополченіе должно идти въ Кіевъ, съ тѣмъ, чтобы, войдя въ составъ средней арміи, состоящей подъ начальствомъ генерала Панютина, расположиться за Кіевомъ и въ Подольской губерніи. Дружина, въ которой служилъ И. С. Аксаковъ, выступила первая, и чрезъ Калугу, Мещовскъ, Брянскъ, Бѣлоголовичи, Новгородъ-Сѣверскъ, Борзну, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Умань, Балту, Тирасполь, Одессу, въ концѣ ноября 1855 года, прибыла въ Бендеры, гдѣ и простояла до апрѣля 1856 года.

При встрѣчѣ, 24 октября 1855 г., Московскаго ополченія въ Одессѣ, высокопреосвященный Иннокентій, послѣ молебствія на Михайловской площади, между прочимъ, сказалъ: „Путь вашъ конченъ! Вы стойте уже на берегу Чернаго моря, предъ лицомъ враговъ... Теперь, призвавъ Бога на по-

мощь, остается доказать самимъ дѣломъ, что доселѣ было у насъ только въ сердцѣ и на устахъ"...

Отставка же изъ ополченія И. С. Аксакова состоялась только 29 сентября 1856 года. Въ этотъ день вышелъ высочайшій приказъ объ увольненіи его отъ службы съ переименованіемъ въ прежній чинъ надворнаго совѣтника. „И такъ",—писалъ онъ къ своимъ родителямъ, изъ Николаева, 1 ноября 1856 года,—„я теперь *отставной*, *въ отставкѣ*, опять человѣкъ свободный. Странно немного, что уволили меня такъ просто...; еще страннѣе то, что мнѣ не отдали должнаго: я вышелъ въ отставку, не дослуживъ двухъ недѣль до срока, когда мнѣ слѣдовало бы получить чинъ коллежскаго совѣтника за выслугу лѣтъ. Въ манифестѣ о роспускѣ ополченія сказано, что служба въ ополченіи зачитается,—а потому не въ видѣ награды, а просто за выслугу лѣтъ мнѣ бы слѣдовало получить чинъ не надворнаго, а коллежскаго совѣтника, со старшинствомъ шестнадцати мѣсяцевъ. Разумѣется, это все равно и право мое не пропадаетъ при новомъ поступленіи на службу, но все же, со стороны графа С. Г. Строганова, это несправедливость или, по крайней мѣрѣ, невниманіе. Я немедленно споролъ погоны и снялъ всѣ знаки моего оффиціальнаго значенія,—и запустилъ бороду, но нахожусь въ большомъ затрудненіи относительно платья" [250]).

4 апрѣля 1856 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Слава Богу, любезнѣйшій другъ Михаилъ Петровичъ, Иванъ нашъ вчера ночью прибылъ здравъ и невредимъ. Вѣсти ужасны! Есть дружины, въ которыхъ изъ тысячи человѣкъ—осталось восемьдесятъ" [251]).

Но въ Москвѣ И. С. Аксакову не пришлось долго прожить, и въ маѣ того же 1856 года, онъ былъ приглашенъ княземъ Викторомъ Илларіоновичемъ Васильчиковымъ принять участіе въ слѣдственной коммиссіи, назначенной по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны [252]).

Во время пребыванія князя Васильчикова въ Москвѣ, И. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Князь Васильчиковъ очень

желаетъ съ вами познакомиться и собирается къ вамъ пріѣхать".

25 мая 1856 года, И. С. Тургеневъ, изъ села Спасскаго, писалъ къ С. Т. Аксакову: „До меня дошли слухи, что вашъ сынъ Иванъ сошелся съ Васильчиковымъ и ѣдетъ въ Крымъ; радуюсь за него и за само дѣло. Горько было думать, что такой человѣкъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ, могъ воскликнуть: *Когда же власть твоя прійдетъ, о, молодость, о, тягостное бремя!* [253]).

На это С. Т. Аксаковъ, изъ Абрамцева, 4 іюля того же года, отвѣчалъ: „Иванъ точно былъ вызванъ Васильчиковымъ въ Петербургъ и 31 мая уже уѣхалъ въ Крымъ. Всѣ говорятъ, что Васильчиковъ прекраснѣйшій человѣкъ, но не рано ли вы радуетесь и за дѣло, и за моего Ивана? Дѣло такъ трудно, что дерзко надѣяться какого-нибудь успѣха, а здоровье Ивана такъ разстроено, что ему слѣдовало приняться за серьезное лѣченіе. Я увѣренъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ воротится онъ совершенно больной, и это было бы не самое худшее. При свиданіи разскажу вамъ обо всемъ подробнѣе" [254]).

Годы 1855 и 1856 были суровою школою для И. С. Аксакова и имѣли на него громадное вліяніе. „Усталъ я, Катерина Ивановна" *),—писалъ онъ, 28 октября 1856 года, изъ Николаева,—„вы меня конечно мало знаете, или, лучше сказать, знаете меня только со стороны внѣшней бодрости, мною всегда проповѣдуемой, отъ себя и отъ другихъ требуемой,—но не подумайте, чтобы я собирался лѣниться, бездѣйствовать... Но мнѣ самому такъ надоѣли во мнѣ и эти судороги души, и вѣчная внутренняя тревога, и вся эта неправда крайностей, рѣзкости, заносчивости, величавой неумолимости, доблестной жестокости суда и приговоровъ, благороднаго гнѣва, вся эта суета, пустота, безплодность, неразуміе, близорукость порывовъ, негодованій и тому подобныхъ

---

*) Елагина. *Н. Б.*

движеній, съ подкладкой гордости и нравственнаго кокетства,—что хотѣлось бы мира и мира, спокойствія въ душу съ его разумнымъ, яснымъ, теплымъ воззрѣніемъ, силы прочной и неистощающейся, правды и правды, т.-е. справедливости, такого воззрѣнія, которое всему отводитъ законное мѣсто, такъ, чтобы шумъ и трескотня жизни не заглушали звуковъ міровой гармоніи".

Въ отвѣтномъ же посланіи своемъ къ Я. П. Полонскому, И. С. Аксаковъ между прочимъ писалъ:

Но, какъ плащемъ, рядясь борьбою,
Пустой, не давшею плода,
Стою предъ жизнію живою
Безъ животворнаго труда.
Порывъ, упрекъ, негодованья,
Какъ мнѣ наскучилъ вашъ причетъ!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодовъ живыхъ не принесетъ!.. [255]).

LVII.

26 августа 1855 г., въ Симбирскомъ Дворянскомъ Собраніи были произведены выборы, и въ начальники дружины № 272 былъ избранъ В. Д. Давыдовъ; а Ю. Ѳ. Самаринъ былъ назначенъ, по чину своему коллежскаго совѣтника, капитаномъ въ эту дружину. Въ началѣ сентября 1855 г., Ю. Ѳ. Самаринъ пріѣхалъ въ Сызрань и явился къ своему дружинному начальнику уже въ формѣ ополченія, „покрой котораго такъ соотвѣтствовалъ его мыслямъ о народной одеждѣ". По свидѣтельству В. Д. Давыдова, „эта форма такъ ему нравилась, что онъ, во время службы своей, многихъ уговаривалъ не снимать и послѣ роспуска, дабы сдѣлать изъ нея единственную одежду". Не имѣя никакого понятія о фронтовой службѣ, Самаринъ предложилъ В. Д. Давыдову поручить ему Канцелярію и онъ назначенъ былъ дружиннымъ адъютантомъ. Порядокъ въ дружинной Канцеляріи былъ образцовый.

Въ это время главнокомандующій 2-й арміей генералъ-

адъютантъ Лидерсъ отдалъ приказъ о томъ, чтобы въ случаѣ прикомандированія дружинъ ополченія къ полкамъ, солдаты не поднимали бы на смѣхъ ратниковъ и помогали бы имъ въ узнаніи службы [256]).

Приказъ этотъ произвелъ тяжкое впечатлѣніе. „Какое это наказательное время",—писалъ митрополитъ Филаретъ къ своему Лаврскому намѣстнику Антонію,—„въ которое и благонамѣренность не только встрѣчаетъ затрудненія, но и само себя затрудняетъ собственными претыканіями. Такъ, генералъ Лидерсъ далъ приказъ воинамъ, чтобы не насмѣхались надъ ратниками ополченія, и не примѣтилъ, что симъ уже оскорбилъ ихъ самъ. Можно было бы сказать: Обходитесь съ ними, какъ съ братьями, такими же защитниками Отечества; и нужная мысль была бы подана, и не было бы оскорбленія" [257]).

Вскорѣ, по настоянію В. Д. Давыдова, Ю. Ѳ. Самаринъ сдѣлался ротнымъ командиромъ. По свидѣтельству его начальника, главною заботою Самарина было искорененіе тѣлеснаго наказанія. „Онъ послѣ ученія собиралъ къ себѣ роту и внушалъ ратникамъ со всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, какъ онъ желалъ бы избѣгнуть необходимости наказанія. Дабы не подвергать никого наказаніямъ, идущимъ отъ него лично, онъ завелъ свой ротный судъ . . . Увы, не смотря на всѣ его старанія и на всѣ доводы, за всякую вину рота требовала неминуемо наказанія розгами" [258]).

„Грустно, очень грустно",—писалъ С. Т. Аксаковъ (30 октября 1855 г.) И. С. Тургеневу,—„со всѣхъ сторонъ. Каждую минуту ждать, что выберутъ въ ополченіе моего Константина. Самаринъ уже въ мундирѣ" [259]).

Вѣсть о вступленіи Самарина въ ополченіе дошла до И. С. Аксакова очень поздно. 21 декабря 1855 года, онъ писалъ къ своимъ родителямъ: „Съ этою почтою узналъ я, что Самаринъ поступилъ на службу въ ополченіе, не знаю только, по какой губерніи, Самарской или Симбирской. Разумѣется, онъ захотѣлъ поступить и могъ бы отдѣлаться, если бы хотѣлъ; впрочемъ, я никакихъ подробностей объ

этомъ не знаю и это было для меня совершенно неожиданнымъ извѣстіемъ. Конечно, въ ихъ ополченіи составъ дружинъ будетъ лучше нашего; такого несчастнаго и грязнаго, какой въ Серпуховской дружинѣ,—трудно гдѣ и найти. Если въ одной дружинѣ соберется человѣкъ шесть людей съ благороднымъ образомъ мыслей, умныхъ, образованныхъ и въ добавокъ богатыхъ, то, конечно, можно будетъ много сдѣлать добра,—но все это до присоединенія къ полкамъ. Посмотрю, что скажетъ Самаринъ мѣсяца черезъ три или четыре, когда эти мужики сдѣлаются уже ратниками. У насъ, штатскаго происхожденія офицеровъ, нѣтъ этой привычки командованія, деспотическаго отношенія къ людямъ; никакъ не станешь смотрѣть на людей, какъ на машины, и наше управленіе составляетъ разительный диссонансъ въ общемъ хорѣ, ослабляющій дѣйствіе цѣлаго. Конечно, можно бы повести людей иначе, но трудно согласить это съ требованіями военными (и нужно бы для этого знать эти требованія совершенно, быть ихъ хозяиномъ), — когда все идетъ по другимъ началамъ.—Очень мнѣ любопытно будетъ слѣдить Самарина на его новомъ поприщѣ, тѣмъ болѣе, что онъ поступилъ не въ Штабъ и имѣетъ довольно времени, чтобы обучиться самому военной службѣ“ [260]).

„Жаль и не жаль Самарина“,—писалъ А. С. Хомяковъ къ А. И. Кошелеву,—„ему нужно было освѣжиться, а до пуль авось не дойдетъ“. Самому же Самарину Хомяковъ писалъ: „Съ Богомъ, любезный Юрій Ѳедоровичъ, на новый нежданный путь. Новое время возвращаетъ насъ къ Древности, когда служба государственная не дѣлилась еще на гражданскую и военную . . . Вашей жизни слѣдовало какъ-то пройти черезъ какое-нибудь потрясеніе, чтобы выйти еще свѣжѣе и крѣпче. Отъ того-то на васъ, въ послѣднее время, набѣгалъ не совсѣмъ законный сплинъ . . . Мнѣ самому какъ-то сдается, что я свое дѣло въ общественной жизни почти отдѣлалъ, и потому мнѣ особенно хочется видѣть васъ всѣхъ крѣпкими и добрыми. По моему мнѣнію, Богъ помогъ намъ, посред-

ствомъ самыхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, пробить ту вѣковую стѣну, за которую забили въ Россіи все земское начало; но въ пробитую брешь пройдете *отчасти вы*, а *вполнѣ* послѣдующіе за вами. Мои сверстники, также какъ и я самъ, дойдемъ только до гребня, если дойдемъ. . . . . Отъ души желаю, чтобы ни вамъ, ни И. С. Аксакову, не быть подъ пулями; но мнѣ весело и очень весело, что вы такъ охотно идете на это дѣло. Берегите здоровье, сближайтесь съ кѣмъ только можно... Вы слишкомъ легко пренебрегаете людьми... Сѣйте, гдѣ можно и сколько можно; гдѣ взойдетъ, того никто не возмется сказать. Время дѣла земскаго. Война внѣшняя должна породить миръ внутренній. Вѣрьте мнѣ, я вамъ, идущимъ, завидую. Ополченіе не армія, и если есть что-нибудь мнѣ въ ополченіи не нравящееся—такъ это ополченіе дворцовыхъ стрѣлковъ. Всѣ ими радуются, и дѣйствительно прелесть на видъ: но это не то, что нужно, это — jeunesse dorée, какое-то исключительное и аристократическое явленіе. Всѣ пляшутъ и поютъ по-Русски, но слишкомъ много пляски и пѣсни: тутъ нѣтъ думы народной; какъ будто Карловы кавалеры . . . . О, хоть на двѣ недѣли Суворова въ Крыму! Пелисье просится, чтобы его побили, а мы вездѣ зѣваемъ, страшимся и теряемъ пушки" . . . .

Но дѣятельность Симбирскаго ополченія ограничилась одною только Симбирскою губерніею, и въ апрѣлѣ 1856 года, было распущено; а Ю. Ѳ. Самаринъ еще въ мартѣ того года уѣхалъ въ отпускъ въ Москву [261]).

LVIII.

Мысль объ учрежденіи *Русской Бесѣды* главнымъ образомъ зародилась у А. И. Кошелева и А. С. Хомякова. 7 апрѣля 1855 года, И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Ѣздилъ я вчера вечеромъ къ Погодину, но не засталъ его дома; оттуда проѣхалъ къ Хомякову, который говорилъ о необходимости дѣятельности литературной и изданіи жур-

нала и т. п. Хотя я и полагаю, что теперь еще не время думать о журналѣ, но Хомяковъ предлагаетъ Константину пріѣхать потолковать о семъ предметѣ“ [262]).

Въ маѣ того же 1855 года, А. И. Кошелевъ ѣздилъ въ Петербургъ и имѣлъ свиданіе съ министромъ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовымъ, который упрекалъ ему Москвичей „въ литературномъ бездѣйствіи“. Этимъ упрекомъ, какъ мы увидимъ, Кошелевъ не преминулъ воспользоваться. Лѣтомъ Хомяковъ посѣтилъ Кошелева въ его Рязанскомъ имѣніи Песочнѣ и объ этомъ посѣщеніи писалъ А. Н. Попову: „Я у Кошелева провелъ три дня и очень хорошо и весело, но о журналѣ почти рѣчи не было, да и быть не могло. Запрета съ насъ снимать и не думаютъ; а безъ этого, какъ же приступиться? Отъ Норова ни слова, также какъ и отъ Блудовыхъ, хотя я къ нимъ писалъ“ [263]).

Между тѣмъ, 5 августа 1855 года, Кошелевъ, изъ своей Песочни, писалъ Погодину: „Только два дня что отдѣлался отъ лихорадки; и не знаю, рѣшительно ли она со мною распростилась. Какъ нѣсколько поправлюсь, то думаю ѣхать въ Москву. Располагаю быть тамъ 13-го по утру, развѣ получу отъ Самарина естафетъ — тогда пріѣду и раньше. Совершенно съ вами согласенъ, что надобно ковать желѣзо пока оно горячо. Я написалъ къ Самарину письмо еще до полученія вашей записки; вчера написалъ къ Хомякову. Считаю долгомъ нашимъ непремѣннымъ *теперь* основать въ Москвѣ сильную оборону и живое наступленіе въ пользу началъ Православія и Народности, нами исповѣдуемыхъ, безъ чего цивилизація *Русскаго Лѣтописца* *) захватитъ все и сдѣлаются Катковъ, Грановскій и комп. представителями Москвы. Время таково, что надобно не говорить, не разсуждать, а рѣшаться и издавать или участвовать въ изданіи вашего *Москвитянина*.—Вашъ *Москвитянинъ* слишкомъ упалъ, чтобъ возможно было ему подняться скоро въ общемъ мнѣніи

*) Т.-е. *Русскаго Вѣстника*. *Н. Б.*

безъ какого-нибудь чрезвычайнаго, громко возвѣщеннаго преобразованія. Особенно истекшее полугодіе утомило всѣхъ. Никто его *даромъ* читать не хочетъ. Нужно его освободить отъ многаго и прибавить ему очень многое. Я вызываю Хомякова въ Москву къ 13 августа, авось будетъ и Самаринъ. Жаль, что уѣхалъ Хомяковъ. Впрочемъ, я буду въ Москвѣ непремѣнно, и мы обо всемъ переговоримъ рѣшительно“ [344]).

„Я ѣду въ Москву“,—писалъ Хомяковъ къ А. Н. Попову,—„не для свиданія съ Блудовыми, но по вызову Кошелева. Западникамъ дано позволеніе на *журналъ съ обзоромъ политическихъ* событій. Редакторомъ, говорятъ, Катковъ. Кошелевъ воспламенился и повелъ дѣло рѣшительно. Беретъ *Москвитянинъ*, котораго названіе хочетъ перемѣнить и дѣлаетъ кличъ. Я ѣду дня на два къ нему. Славный человѣкъ! Такихъ дѣятельныхъ людей намъ очень нужно, а мы немножко виленьки... Отъ Норова объ насъ ни слова“.

Но Погодина почему-то на это совѣщаніе не пригласили, и онъ съ негодованіемъ, подъ 15 августа 1855 г., въ своемъ *Дневникѣ*, записалъ слѣдующее: „Вечеромъ Гиляровъ разсказывалъ о совѣщаніи и рѣшеніи журнала у Кошелева, въ которому я не приглашенъ! Взбѣсился, и думалъ какъ ихъ отдѣлать завтра за нелѣпость такого образа дѣйствій“!

Но и сами Хомяковъ и Кошелевъ, послѣ этого совѣщанія, столь огорчившаго Погодина, были не въ радостномъ расположеніи духа. „Печально письмо твое любезный Кошелевъ“,—писалъ Хомяковъ,—„и видно у тебя очень невесело на душѣ. Авось, Крымскія вѣсти не поправятъ ли этого настроенія; авось, не ободрятъ ли народа? Хозяйственный годъ тебѣ также тяжелъ, какъ и мнѣ, съ тою однако большой разницею, что у тебя и средствъ больше и главное, все имѣніе свободно; но я увѣренъ, что въ тебѣ уныніе не отъ хозяйственныхъ неудачъ. Ты пережилъ на свой вѣкъ неудачи и заботы покрупнѣе этихъ и никогда не унывалъ. Тебя гнететъ еще неосвѣжившійся воздухъ, неизвѣстность общаго будущаго; современное страданіе народное и неувѣренность

чтобы болѣзнь была къ росту. Многіе, чуть чуть не всѣ, повѣсили носы. Я одинъ еще бодрюсь, и ко мнѣ приходили за утѣшеніями. Мои обѣщанія сбываются покуда только въ Крыму, и за это меня уже пріѣзжалъ благодарить Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ. Увидите, сбудутся всѣ; но намъ подобаетъ подвизаться. На насъ всѣхъ теперь великая отвѣтственность. Норовъ еще ничего не сдѣлалъ и вѣроятно ничего не сдѣлаетъ, но по крайней мѣрѣ очень милъ. Говоритъ, что непремѣнно исполнитъ мое *порученіе* (не называетъ прошеніемъ), но я все не вѣрю. Если наше дѣло пойдетъ, и будетъ журналъ, Поповъ обѣщаетъ непремѣнно изъ Петербурга перваго сорта наилучшихъ сотрудниковъ. Это было бы важно".

Въ то же время Хомяковъ писалъ И. С. Аксакову: „Дѣла принимаютъ новый оборотъ, но оборотъ также не безопасный. Нѣкоторый духъ жизни и свободы пробудился, очевидно вызываемый правительствомъ. Это уже видно изъ крайне замѣчательнаго приказа великаго князя Константина Николаевича, хотя я не знаю, на какую именно записку онъ ссылается (говорятъ, будто это записка Истомина) *). Но теперь что же? Всѣ молчавшіе, всѣ рабствовавшіе въ то время, какъ мы одни смѣли небезопасно для себя просить свободы и протестовать противъ офиціальнаго одурѣнія, всѣ встрепенулись, и кричатъ, и поютъ про свободу мысли. Западъ встрепенется, правда уже лишенный своей рѣзкой особенности, но тѣмъ не менѣе опасный, потому что опасность его состоитъ не столько въ его цвѣтѣ, сколько въ его безцвѣтности. Что же тогда? Развѣ не тотъ же вздоръ, не та же фривольность? Разумѣется, надо благодарить Бога за свободу слова, но благодарить какъ Аяксъ за свѣтъ дневной, т.-е. какъ за возможность сражаться и слѣдовательно приниматься сильно за борьбу. Вѣрьте мнѣ, все что мы сдѣлали для пробужденія общественнаго сна, весь нашъ протестъ или забудется или же забытъ.

*) П. А. Валуева. *Н. Б.*

Если мы теперь не выступимъ съ силою, нашъ нравственный авторитетъ (хоть и небольшой, но все-таки пріобрѣтенный) пропадетъ въ мигъ. Вспомните, что я сказалъ у Елагиныхъ, кажется, при васъ: Для насъ Николай Павловичъ умеръ слишкомъ рано. Этого забывать не должно. Да: теперь дѣло идетъ завоевать Россію, овладѣть обществомъ, и все это не невозможно. Слѣдовательно, задачу надобно выразить иначе: дѣло идетъ дать обществу если не серіозность, то зачатки серіозности, заготовить торжество нашей мысли тѣмъ, чтобы люди нѣсколько привыкли мыслить и подчинить жизнь мысли и убѣжденію; наконецъ, дѣло идетъ ввести нравственное начало, опредѣленное и строгое, въ шаткость общественной и частной жизни. *Нѣсть наша борьба крови и плоти*".

„По вѣдомству Министерства Просвѣщенія",—писалъ Хомяковъ Ю. Ѳ. Самарину,—„успѣха намъ нѣтъ... Намъ еще не отказали, но и не разрѣшили, и очевидно желаніе есть отказать, между тѣмъ какъ Каткову разрѣшено. Предлогъ, по которому Кошелевскій журналъ признается неблагонадежнымъ, тотъ, что Кошелевъ связался съ людьми опальными, между тѣмъ, какъ изъ этихъ опальныхъ двое Аксаковыхъ допущены въ объявленіи отъ Каткова. По этому собственно боятся только духа журнала, который будетъ нами опредѣленъ... Но чего же просить отъ Норова и Дубельта"?

LIX.

Наконецъ, А. И. Кошелевъ приступилъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. „Рѣшительно дѣйствуешь ты, любезный Кошелевъ",—писалъ ему Хомяковъ,—„и можетъ быть, такъ и лучше. Молодцы Западники, не дремлютъ: дремать не слѣдуетъ намъ. Но какова слѣпота! А едва ли насъ допустятъ къ соучастію въ журналѣ. Впрочемъ, знай, что все, что ты по этому дѣлаешь, мною напередъ уже подписано и о моемъ согласіи не безпокойся [265]). Но И. С. Аксаковъ относился

скептически къ предпринятому дѣлу. „Я совершенно согласенъ съ вами въ томъ“,—писалъ онъ къ своему отцу,—„что Славянофильскій журналъ успѣха имѣть не будетъ, уже потому, что нѣтъ ни одного порядочнаго редактора и потому, что между Славянофилами нѣтъ никакого согласія; наряду нѣтъ, вслѣдствіе чего и становится необходимою диктаторская или деспотическая власть. Но кромѣ того — есть другія, нравственныя причины, почему нельзя ожидать успѣха“.

По совѣту И. В. Кирѣевскаго, редакторомъ *Русской Бесѣды* А. И Кошелевъ избралъ Т. И. Филиппова, и послѣдній, испросивъ благословеніе митрополита Московскаго Филарета и Оптинскаго старца Макарія, принялъ на себя труды и трудности, сопряженные съ званіемъ редактора *Русской Бесѣды*.

5 сентября 1855 г., изъ своего села Песочня, А. И. Кошелевъ писалъ А. С. Норову: „Въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, въ маѣ нынѣшняго года, вы упрекали Москвичей въ литературномъ бездѣйствіи. Слова ваши были для насъ всѣхъ крайне ободрительными, и, на первый разъ, мы рѣшились издавать трехмѣсячный журналъ, подъ заглавіемъ: *Русская Бесѣда*. Г. Филипповъ, молодой человѣкъ, дѣятельный, съ хорошими дарованіями и съ прекрасными правилами и религіозными убѣжденіями, взялся быть редакторомъ. Смѣю покорнѣйше просить васъ, принять его и нашъ журналъ подъ свое покровительство и даровать намъ просимое разрѣшеніе. Программа, нами представленная, содержитъ искреннее выраженіе нашихъ убѣжденій, и заслужитъ, думаю, полное ваше одобреніе“.

23 сентября того же 1855 г., А. И. Кошелевъ и Т. И. Филипповъ вошли въ Московскій Цензурный Комитетъ съ прошеніемъ о дозволеніи имъ, съ будущаго 1856 года, издавать въ Москвѣ журналъ, подъ заглавіемъ: *Русская Бесѣда*, по нижеслѣдующей программѣ: „Журналъ трехмѣсячный, имѣющій выходить въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ и декабрѣ. Онъ будетъ содержать въ себѣ пять главныхъ отдѣловъ: I) Изящная Словесность. II) Науки. III) Критика. IV) Обозрѣнія

историческія важныхъ современныхъ политическихъ событій, достопримѣчательныхъ явленій въ наукахъ, искусствахъ, законодательствѣ и проч. и V) Смѣсь."

Далѣе, въ этой программѣ излагается исповѣданіе вѣры: „Народность, по убѣжденію издателей, есть необходимая почва для самобытнаго и полнаго развитія всякаго народа: а потому они полагаютъ главною цѣлью своего журнала: изученіе Русской жизни въ Исторіи и въ настоящемъ быту, разработку этого богатаго, едва початаго рудника и посильное содѣйствіе къ развитію Русскаго воззрѣнія на науки и искусства, къ поощренію Русской изобрѣтательности и къ утвержденію Русскихъ нравовъ и обычаевъ. Издатели не имѣютъ въ виду, ни воскрешать старины, имѣвшей значеніе въ свое время и которая нынѣ и невозможна, и была бы безсмысленными оковами для настоящаго; ни выставлять все нынѣ существующее въ народѣ образцемъ для слѣпаго подражанія; но они убѣждены въ необходимости для Русскихъ оживляться въ струѣ Русскаго духа, высказываемаго Исторіею, великими событіями нашего времени и знаменательнымъ бытомъ нашего народа.

„Основное начало мнѣній, распространенію коихъ посвящается сей журналъ, есть Православіе. Оно душа всей Русской жизни; оно же должно опредѣлить характеръ всякой умственной дѣятельности въ нашей родинѣ: таково убѣжденіе издателей.

„Посвящая себя преимущественно служенію Русскаго начала, журналъ сей ни мало не будетъ враждебнымъ къ западной цивилизаціи. Всякій просвѣщенный Русскій знаетъ, сколь много онъ ей обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ и убѣжденъ, что еще весьма многому онъ долженъ у нея научиться, преимущественно по части такъ называемыхъ положительныхъ знаній; но вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно для всякаго истиннаго Русскаго, что западная цивилизація, лишенная необходимаго основанія всякаго истиннаго Просвѣщенія— Религіи, можетъ быть для Россіи полезною только по про-

пущенія ея черезъ критику Русскаго духа и его коренныхъ началъ. Заимствовать какъ можно болѣе у богатаго свѣдѣніями Запада, переливать занятое въ Русскія формы, показывать отношенія Запада къ Россіи и Россіи къ Западу и содѣйствовать настоящей оцѣнкѣ въ Россіи западной цивилизаціи,—вотъ предметы, которые *Русская Бесѣда* постарается имѣть постоянно въ виду.

„Будутъ прилагаться къ журналу виды замѣчательныхъ Русскихъ и Византійскихъ зданій, изображенія Русскихъ одеждъ и уборовъ и проч.“

Когда слухъ о предпринимаемомъ изданіи *Русской Бесѣды* разнесся по Москвѣ, то Т. Н. Грановскій, за три дня до своей кончины, 2 октября 1855 года, писалъ К. Д. Кавелину: „Я до смерти радъ, что Славянофилы затѣяли журналъ. Капиталъ даетъ Кошелевъ. Отвѣтственнымъ редакторомъ будетъ Филипповъ; критикомъ литературныхъ произведеній будетъ Григорьевъ. Конечно, этихъ именъ достаточно, чтобы напередъ предсказать характеръ и успѣхъ изданія. Я радъ потому, что этому воззрѣнію надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красотѣ своей. Придется поневолѣ снять съ себя либеральныя украшенія, которыми морочили они дѣтей, такихъ какъ ты. Надобно будетъ сказать послѣднее слово системы, а это послѣднее слово—Православная патріархальность, несовмѣстная ни съ какимъ движеніемъ впередъ. Иванъ Кирѣевскій уже удостоился искомой награды и достигъ своей цѣли. Здѣшніе п . . . нарекли его Русскимъ Златоустомъ. А этотъ Златоустъ смѣло говорить о необходимости изгнать изъ государства всѣхъ иновѣрцевъ, или по крайней мѣрѣ, подчинить ихъ строгому надзору Православной Церкви. Изъ всей этой безобразной партіи, только у Петра Кирѣевскаго и у Ивана Аксакова есть живая душа и безкорыстное желаніе добра“ [266]).

LX.

Въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ прошеніе объ изданіи въ Москвѣ *Русской Бесѣды* и программа были встрѣчены съ полнымъ сочувствіемъ. Препровождая оныя на утверждение Главнаго Управленія Цензуры, вотъ что писалъ В. И. Назимовъ о личностяхъ просителей: „Кошелевъ, какъ богатый и вмѣстѣ весьма просвѣщенный помѣщикъ, извѣстенъ давно своими нравственными качествами и умственными способностями. А Филипповъ, занимая мѣсто старшаго учителя 1-й Гимназіи, заслуживаетъ вполнѣ вниманія и одобренія начальства, какъ способный и благонамѣренный человѣкъ".

Не довольствуясь официальнымъ представленіемъ, В. И. Назимовъ, 27 сентября 1855 года, писалъ товарищу министра Народнаго Просвѣщенія князю П. А. Вяземскому, между прочимъ, слѣдующее: „Независимо отъ оффиціальнаго моего ходатайства, позвольте мнѣ, ваше сіятельство, въ настоящемъ письмѣ, обратить ваше вниманіе на тѣ причины, которыя убѣждаютъ меня въ полезности предполагаемаго изданія и вмѣстѣ съ тѣмъ покорнѣйше просить васъ, подкрѣпить мое ходатайство вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ. Москва, гдѣ въ званіи издателей журнала когда-то дѣйствовали благороднѣйшіе представители Русскаго слова: Карамзинъ и Жуковскій, гдѣ въ томъ же званіи съ пользою трудились Каченовскій, Полевой, Надеждинъ и многіе другіе, гдѣ возникли и развились большая часть нашихъ талантовъ,—въ настоящее время, лишена всякой литературной дѣятельности и почти не имѣетъ журнала, въ которомъ Московскіе ученые и литераторы могли бы размѣниваться своими мыслями и высказывать свои убѣжденія въ пользу Русскаго Просвѣщенія. Я считаю излишнимъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ такого упадка отечественной Словесности въ городѣ, гдѣ она преимущественно процвѣтала въ прежнее время. Но, конечно, всѣ истинно любящіе Русское Просвѣщеніе пожелаютъ, чтобы

наша Словесность выведена была изъ этого усыпленія. Основаніе журнала въ Москвѣ, въ духѣ Русскомъ, могло бы отчасти послужить къ достиженію этой благой цѣли и принести существенную пользу нашей Словесности. По долгу званія моего, я считаю себя обязаннымъ поддерживать всѣ благонамѣренныя начинанія въ этомъ родѣ, особенно когда за нихъ берутся люди, какъ г.г. Кошелевъ и Филипповъ, по своимъ нравственнымъ свойствамъ и положенію въ обществѣ, вполнѣ заслуживающіе довѣрія правительства. Поступившее уже въ Министерство Народнаго Просвѣщенія прошеніе коллежскаго совѣтника Каткова объ изданіи въ Москвѣ журнала, по моему мнѣнію, не должно служить препятствіемъ къ другимъ предпріятіямъ подобнаго рода. Я даже думаю, что совмѣстное изданіе двухъ и болѣе журналовъ могло бы скорѣе содѣйствовать къ пробужденію полезной литературной дѣятельности въ Москвѣ. Вашему сіятельству, болѣе нежели кому-нибудь, дороги успѣхи отечественной Словесности, а потому я убѣжденъ, что Московскіе ученые и литтераторы найдутъ въ васъ, какъ находили и прежде, живое сочувствіе и полное содѣйствіе къ приведенію въ исполненіе ихъ похвальнаго предпріятія. Мнѣ остается присовокупить, что г. министръ Народнаго Просвѣщенія, предупрежденный объ этомъ дѣлѣ, сколько мнѣ извѣстно, вполнѣ ему благопріятствуетъ“.

Въ концѣ сентября 1855 года, Т. И. Филипповъ отправился въ Петербургъ хлопотать въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи изданія *Русской Бесѣды*. Еще до отъѣзда Филлипова, Кошелевъ, 26 сентября 1855 года, писалъ А. Н. Попову: „Программа нашего журнала, осѣненная благословеніемъ отца Макарія (Оптинскаго) и митрополита Филарета, пошла въ ходъ. Редакторъ нашъ Филипповъ подалъ прошеніе за своимъ и моимъ подписомъ. Назимовъ, обѣщался ему всѣми силами помочь въ этомъ дѣлѣ. Къ 3-му октября ожидается въ Москву Норовъ. Филипповъ будетъ ему рекомендованъ Назимовымъ, одобренъ митрополитомъ,

который очень благоволитъ къ Филиппову; сверхъ того, онъ вручитъ Норову письмо отъ меня и будетъ просить его о содѣйствіи къ дозволенію журнала.... На счетъ сотрудниковъ, помогите Филиппову въ переговорахъ съ ними. Пригласите, между прочимъ, Тургенева. Отъ Тургенева надо достать повѣсть въ совершенно Русскомъ духѣ, ибо онъ иногда пишетъ и въ салонномъ вкусѣ. Тоже и объ Григоровичѣ и Писемскомъ. Въ Крыму есть Толстой *), который пишетъ славныя статьи; хорошо бы его пріобрѣсти. Черезъ кого? Говорятъ, что онъ очень друженъ съ Тургеневымъ".

Кошелевъ также стремился привлечь къ *Русской Бесѣдѣ* и графа А. К. Толстаго. „Мы всѣ",—писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ А. Н. Попову,—„въ восторгѣ отъ стиховъ графа Толстаго. Скажите, какъ его зовутъ?.. Стихи его, помѣщенные въ *Современникѣ*, просто чудо. Хомяковъ, Аксаковъ ихъ всѣ наизусть знаютъ. Хомяковъ, прочитавши ихъ, ходуномъ заходилъ и говоритъ: Послѣ Пушкина мы такихъ стиховъ не читали... Нельзя ли его какъ нибудь къ *Бесѣдѣ*".

Въ Петербургѣ, Т. И. Филипповъ не засталъ А. С. Норова. Управлялъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія его товарищъ князь П. А. Вяземскій, которому 28 сентября 1855 года, П. А. Плетневъ писалъ слѣдующее: „Имѣетъ честь представиться вашему сіятельству Тертій Ивановичъ Филипповъ, изъ Москвы, учитель Русской Словесности въ тамошней Первой Гимназіи. Онъ сюда откомандированъ попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа и представитъ вамъ отъ него рекомендательное письмо. Дѣло, по которому онъ принялъ смѣлость безпокоить ваше сіятельство, изложитъ онъ самъ. Я, съ своей стороны, долгомъ считаю присовокупить, что г. Филипповъ принадлежитъ къ небольшому числу такихъ молодыхъ людей, которые еще отстаиваютъ все чистое, доброе и прекрасное въ Литературѣ. Статьи его въ *Москвитянинѣ*, по части Критики, всегда казались мнѣ какимъ-то

*) Графъ Левъ Николаевичъ. *Н. Б.*

раднымъ оазисомъ посреди ужасной степи современныхъ коленій. Поэтому я полагаю, что ваше сіятельство, удооивши съ участіемъ выслушать все, о чемъ будетъ говоть этотъ молодой человѣкъ, отдадите только справедливость слугѣ. Впрочемъ, какъ я надѣюсь сегодня видѣться съ вами, и отлагаю дальнѣйшія объясненія до того времени".

Но, за отсутствіемъ министра Народнаго Просвѣщенія, нязь Вяземскій не могъ дать просимому дѣлу дальнѣйшій одъ, а потому, на письмѣ къ нему Назимова, положилъ, 9 сентября 1855 г., слѣдующую резолюцію: „Справиться, оступило ли въ Главное Управленіе Цензуры упоминаемое редставленіе отъ попечителя Московскаго Университета? твѣчать, что не признаю нынѣ удобнымъ пустить въ ходъ рошеніе г.г. Кошелева и Филиппова о разрѣшеніи имъ здавать журналъ—и представлю просьбу министру, по возращеніи его".

Воротясь, въ половинѣ октября 1855 г., въ Москву, Т. И. илипповъ написалъ Кошелеву письмо, гдѣ совѣтовалъ ему хать хлопотать о журналѣ самому въ Петербургъ и захвать съ собою Хомякова.

Дѣйствительно, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, ѣло объ изданіи *Русской Бесѣды* приняло дурной оборотъ. о возвращеніи, въ ноябрѣ 1855 года, въ Петербургъ, А. С. оровъ писалъ В. И. Назимову: „Я не считаю удобнымъ редлагать на обсужденіе Главнаго Управленія Цензуры дѣло дозволеніи г.г. Кошелеву и Филиппову издавать въ Моквѣ журналъ, подъ заглавіемъ *Русская Бесѣда*... Отказъ мой новывается на объявленномъ вашему превосходительству, тъ 20 іюля 1852 г., высочайшемъ повелѣніи, чтобы на редставленныя къ одобренію, для изданія въ свѣтъ, сочиенія въ духѣ Славянофиловъ, было обращаемо, со стороны Цензуры, особенное и строжайшее вниманіе. Въ сообщенномъ огда же вашему превосходительству спискѣ лицъ, принадлеавшихъ къ обществу Славянофиловъ, находился и отставной адворный совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Если

въ Бозѣ почивающему государю императору благоугодно было обратить особенное и строжайшее вниманіе Цензуры на отдѣльныя сочиненія, написанныя въ духѣ Славянофиловъ, то ваше превосходительство, конечно, согласитесь, что было бы не только опасно, но и противно высочайшей волѣ, ввѣрять члену общества Славянофиловъ, состоящему подъ строгимъ надзоромъ правительства, редакцію журнала, въ которомъ выборъ статей зависѣлъ бы отъ его собственнаго образа мыслей".

LXI.

Въ то время, когда ходъ дѣла о *Русской Бесѣдѣ* принялъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія дурной оборотъ, А. И. Кошелевъ, по совѣту Т. И. Филиппова, въ декабрѣ 1855 года, поѣхалъ въ Петербургъ [267]). Но долго не рѣшался онъ туда ѣхать. „Правда твоя, любезный Кошелевъ",—читаемъ въ письмѣ къ нему Хомякова,—„что тебѣ теперь ѣхать въ Питеръ, кажется, не для чего, но я не вижу, зачѣмъ и мнѣ-то ѣхать? Что я буду дѣлать?.. О чемъ просить? Снова о разрѣшеніи печатать? Да вѣдь разъ уже прошено: вторичная просьба нѣсколько унизительна.... Узкій лобъ этого сановника, очевидно, туго набитъ какимъ-то глупымъ предубѣжденіемъ или, можетъ быть, страхомъ предъ Дубельтомъ. Онъ Аксакову прямо сказалъ, что мы всѣ люди опасные и, между прочимъ, что его статья *о родовомъ бытѣ* совершенно злонамѣренная.... Главный, я думаю, порокъ нашъ, въ глазахъ Норова, то, что мы не мямли, какъ онъ самъ. Скажи, что же я сдѣлаю въ Питерѣ? Дать, скажешь ты, ходъ общественному вліянію? Прекрасно. Но это вліяніе, какъ соломенный пылъ, ярокъ да коротокъ. Будь царь въ Питерѣ, можно бы желѣзо разогрѣть, да и наковальню... Замѣть, что рѣшеніе нашего дѣла непремѣнно отложатъ до этого времени... Одно твое замѣчаніе неопровержимо: это насчетъ Царскосельской жизни. Величайшая, какъ мнѣ кажется, вы-

года была бы та, еслибъ я могъ пріѣхать въ Питеръ, какъ бы за другимъ дѣломъ, а по этому дѣлу уже дѣйствовать—не какъ проситель, а какъ обвинитель. На это у меня есть надежда, и не отдаленная. Ружье на дняхъ будетъ въ пробѣ. ..Явиться мнѣ въ Питеръ, подъ прикрытіемъ этого батарейнаго орудія, очень было бы выгодно. Кругъ вопросовъ, лицъ, интересовъ былъ бы разомъ затронутъ большой. Замѣть, что я еще хочу предложить устройство металлическихъ казематовъ и просить опыта своей московки для винтовыхъ пароходовъ" [268]).

Какъ бы то ни было, А. И. Кошелевъ съѣздилъ въ Петербургъ *одинъ*, и, повидавшись тамъ съ Норовымъ, вернулся въ Москву. Вслѣдъ за нимъ, 3 января 1856 года, отправился въ Петербургъ и А. С. Хомяковъ [269]).

Подъ 20 января 1856 года, А. В. Никитенко записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Познакомился на вечерѣ у министра съ однимъ изъ коноводовъ Московскихъ Славянофиловъ А. С. Хомяковымъ. Онъ явился въ зало министра въ армякѣ, безъ галстука, въ красной рубашкѣ съ косымъ воротникомъ и съ шапкой мурмулкой подъ мышкой. Говорилъ неумолкно и большею частію по-Французски—какъ и слѣдуетъ представителю Русской народности. Встрѣча его со мной была нѣсколько натянута, ибо онъ, не безъ основанія, подозрѣваетъ во мнѣ западника. Но я поспѣшилъ бросить себѣ и ему подъ ноги доску, на которой мы могли легко сойтись. Онъ пріѣхалъ сюда хлопотать о разрѣшеніи ему издавать Славянофильскій журналъ, и я обратился прямо къ этому предмету, сказавъ, что ничего не можетъ быть желательнѣе, какъ чтобы каждый имѣлъ возможность высказывать свои убѣжденія. Это тотчасъ развязало намъ языки, и мы пустились разсуждать, не опасаясь гдѣ-нибудь столкнуться лбами. Онъ уменъ, но, кажется, не безъ того, что называется—себѣ на умѣ" [270]).

„Господи",—писалъ самъ Хомяковъ Ю. Ѳ. Самарину,—„сколько бы хотѣлось вамъ разсказать, и эффектъ, произведенный дерзостью моего зипуна въ Петербургскихъ салонахъ,

и пугливую дружбу Норова". Въ томъ же письмѣ Хомяковъ прибавляетъ: „Время довольно живое. Очевидно, наша общественная жизнь получаетъ какое-то новое значеніе. Надолго ли? Къ добру ли? Кошелевъ утопаетъ въ радости".

Но, къ самому Кошелеву Хомяковъ изъ Петербурга написалъ нерадостное письмо, въ которомъ читаемъ: „Покуда здѣсь до сихъ поръ ничего я не сдѣлалъ и думаю, что ничего не сдѣлаю. Послѣ тебя, дѣло не двинулось ровно ни на волосъ. Норовъ очень хорошъ, очень милъ, и только... Можетъ быть, съ насъ снимутъ запрещеніе, но что толку? Мы останемся подъ страшнымъ присмотромъ, и малѣйшее слово живое будетъ прихвачено. Отказъ въ журналѣ или нашъ отказъ отъ журнала не значитъ ничего. Это насъ не срамитъ; но если насъ будутъ тщательно обезцвѣчивать и лишать всякаго вкуса и содержанія, мы потеряемъ всякое значеніе въ мірѣ людей мыслящихъ, и погибнемъ. Поэтому я и рѣшился дѣйствовать прямѣе и идти на проломъ: отдалъ Норову свою статью (за которую съ меня взята подписка) и сказалъ: или она должна быть позволена, или мнѣ ихъ милость ни на что не нужна. Чтобы ты могъ понять взглядъ здѣшнихъ пошляковъ на наше направленіе, скажу тебѣ только то, что Норовъ жаловался мнѣ на Кирѣевскаго: „Кирѣевскій мнѣ писалъ, и вообразите: онъ проситъ разрѣшенія и въ то же время объявляетъ, что онъ нисколько не хочетъ измѣнить своего взгляда и образа дѣйствій и выраженій". Я тутъ его перебилъ, будто не понимая его: „Конечно, Кирѣевскій смѣшно оговаривается; онъ долженъ васъ знать,—знать, что ваше превосходительство убѣждены, что человѣкъ не мѣняетъ убѣжденіе какъ рубашку"... Вообрази его физіономію при этомъ. Впрочемъ, мы очень хороши, а дѣло не подвигается. Послѣ мира (на который всѣ согласились, кромѣ графа Д. Н. Блудова, который ведетъ себя какъ будто по заказу К. С. Аксакова), двѣ дороги: или поправлять скверное впечатлѣніе большимъ расширеніемъ предѣловъ нашей умственной жизни, или безумно заупрямиться въ войнѣ противъ народности. Государь

за первый путь; весь Дворъ (т.-е. сильные)—за второй, который вѣроятно и восторжествуетъ. Я вездѣ въ Русскомъ платьѣ. Скандалъ былъ страшный, но я выдержалъ, хотя знаютъ, что я заказалъ фракъ на случай. Когда у меня спрашиваютъ, отчего я не надѣваю фрака, уже готоваго, я отвѣчаю: „чтобы не подумали, что Россія меня уступила вмѣстѣ съ берегами Прута".

По свидѣтельству издателя *Русскаго Архива*, „въ эту поѣздку Хомякова въ Петербургъ, императрица Марія Александровна пожелала его видѣть. Онъ, какъ извѣстно, ходилъ въ Русскомъ платьѣ, въ то время опальномъ и для многихъ представителей высшаго общества отвратительномъ. Въ тогдашней Французской газетѣ *Le Nord* была даже статья изъ Петербурга, въ которой описывался Хомяковъ, показавшійся въ поддевкѣ въ Петербургскихъ гостиныхъ. Пріѣхать въ такомъ нарядѣ образованному человѣку во Дворецъ считалось невозможнымъ, и Хомяковъ на этотъ случай заказалъ себѣ иноземное платье. Кажется, даже и день представленія былъ назначенъ; но случилось вотъ какое обстоятельство. У графа Блудова встрѣтилъ его графъ Киселевъ, и, разумѣется, за словомъ Алексѣй Степановичъ въ карманъ не лѣзъ. Потомъ графъ Киселевъ былъ у государя и мимоходомъ выразилъ удивленіе, какихъ людей принимаетъ у себя старикъ Блудовъ, при чемъ комически описалъ, въ какомъ платьѣ и какого гостя тамъ онъ встрѣтилъ. Немедленно выражена была воля, вслѣдствіе которой представленіе не состоялось" [271]).

27 января 1856 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что пріѣхалъ Хомяковъ и привезъ весьма дурныя вѣсти, относительно насъ, что я уже прежде зналъ" [272]).

Самъ же Хомяковъ, 29 января того же 1856 года, писалъ А. Ѳ. Гильфердингу: „Никогда такъ ясно не видалъ я правды Латинскаго *crescit eundo* (растетъ на ходу), какъ теперь. Пріѣхавъ въ Москву, я встрѣченъ цѣлою стаею миѳовъ объ моемъ Петербургскомъ пребываніи. Я чуть-чуть не

ежедневно обѣдалъ во Дворцѣ, я горячо стоялъ за миръ (этотъ миѳъ отъ Фонтона и чуть-чуть не подвергъ меня участи первомученика Стефана), я съ Орловымъ почти закадычный другъ и т. д. Трезвый мой разсказъ никого не удовлетворяетъ; а вѣдь всѣ эти миѳы вылупились изъ ячеекъ, снесенныхъ въ Петербургѣ и о которыхъ я въ Питерѣ уже слышалъ. Быть можетъ, не совсѣмъ мною довольны нѣкоторые мои друзья Московскіе за то чувство благодарности искренней, которое я вынесъ изъ Питера... Признаюсь, не безъ отрады возвратился я въ свой мирный уголъ и, кажется мнѣ, такъ уже привыкъ я къ домосѣдству, что я совершилъ какое-то великое путешествіе" [273]).

LXII.

Между тѣмъ, попечитель Московскаго Учебнаго Округа В. И. Назимовъ настаивалъ на своемъ и, 5 декабря 1855 г., отправилъ къ министру цѣлый трактатъ, въ которомъ читаемъ: „Не получая до сего времени увѣдомленія о послѣдствіяхъ моего ходатайства и между тѣмъ, извѣстясь, частнымъ путемъ, что предположеніе объ изданіи журнала *Русская Бесѣда* встрѣтило будто бы препятствіе въ Главномъ Правленіи Цензуры, я считаю долгомъ моимъ представить вашему превосходительству нѣкоторыя необходимыя, по этому вопросу, объясненія и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать вамъ мои убѣжденія касательно этого, въ настоящее время, немаловажнаго предмета.

„Вашему превосходительству не безъизвѣстно, что въ последнее время, публичная литтературная дѣятельность, вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ мѣръ Цензуры, у насъ замѣтно ослабѣла. Стѣсненіе мысли и умственнаго развитія неизбѣжно должно было имѣть вредныя послѣдствія, какъ для успѣховъ отечественнаго Просвѣщенія, такъ и вообще для нравственнаго состоянія Русскаго общества. Наша публика, уже достигшая извѣстной степени образованія, не находя для себя

мственной пищи въ скудныхъ произведеніяхъ отечественнаго лова, по необходимости, должна была обратиться къ источникамъ иностраннымъ, не всегда безукоризненнымъ, и въ нихъ почерпать всѣ свои насущныя свѣдѣнія.

„Между тѣмъ, Русская мысль и Русское слово, при всѣхъ апретительныхъ мѣрахъ, не могли однако же совершенно становиться въ своемъ развитіи; не имѣя возможности высказываться гласнымъ образомъ, они искали себѣ исхода на другомъ болѣе безопасномъ пути и вслѣдствіе этого приняли странное и совершенно неестественное направленіе. Вмѣсто печатной гласной Литтературы образовалась Литтература безгласная, письменная. Въ рукахъ читающей публики появились, во множествѣ списковъ, разныя сочиненія по всѣмъ современнымъ вопросамъ наукъ и словесности и между ними, разумѣется, нашли себѣ путь и рукописи содержанія несовершенно одобрительнаго. Но что всего прискорбнѣе: невозможность, въ которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди, печатно, высказывать свои мысли,—была, можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ того неудовольствія и того ропота, которые съ нѣкотораго времени, обнаружились въ нашемъ обществѣ. Ваше превосходительство конечно изволите согласиться со мною, что такое неестественное положеніе представляетъ явленіе крайне неутѣшительное и что, наконецъ, слѣдуетъ подумать, какъ бы измѣнить го къ лучшему. Всѣ стѣснительныя, по части Народнаго Просвѣщенія, мѣры вызваны были, какъ мнѣ кажется, излишнимъ опасеніемъ революціонныхъ идей, волнующихъ умы ь Западной Европѣ. Пора наконецъ убѣдиться, что эти идеи, акъ совершенно намъ чуждыя и противоположныя коренымъ началамъ Русской жизни, не могутъ имѣть дѣйствія а большинство нашего общества. Впрочемъ, Русское правительство такъ сильно, что оно всегда можетъ съ успѣомъ противодѣйствовать вторженію вредныхъ и ложныхъ началъ, не препятствуя чрезъ то правильному и неизбѣжному оду Просвѣщенія. И Русскому ли правительству страшиться

истиннаго Просвѣщенія? Оно само было воспитателемъ, образователемъ своего народа; оно было первымъ двигателемъ его на пути умственнаго и гражданскаго развитія. Желательно для славы и благоденствія Россіи, чтобы и на будущее время оно продолжало дѣйствовать въ томъ же духѣ.

„Если изложенныя мною мысли справедливы, то справедлива и та мысль, что, въ настоящее время, необходимо дать большой просторъ и движеніе нашей умственной жизни, для чего слѣдуетъ поощрять нашихъ писателей и наши таланты, обращая ихъ отъ вреднаго бездѣйствія, въ которомъ они коснѣютъ, раздражаясь только въ безплодныхъ сѣтованіяхъ,—къ трудамъ полезнымъ и возвышеннымъ. Само собою разумѣется, что одною изъ первыхъ мѣръ, для достиженія этой цѣли,—должно быть смягченіе цензурныхъ правилъ, доведенныхъ въ послѣднее время до такой степени строгой придирчивости, при которой уже невозможна никакая Литература. Не входя въ подробности по этому вопросу, я скажу только, что для выхода изъ этого запутаннаго положенія, въ которое поставлена наша Цензура, необходимо вернуться къ коренному уставу 1828 года, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, ничего существенно недополняющія и только затрудняющія прямыя дѣйствія благоразумной Цензуры.

„Я увѣренъ, что ваше превосходительство изволите раздѣлять мои мысли по этому предмету. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ исходатайствованное вами высочайшее дозволеніе г. Каткову издавать, съ начала будущаго года учено-литтературный и политическій журналъ. Этотъ знакъ монаршаго вниманія и довѣрія къ нашимъ писателямъ, обрадовалъ всѣхъ любящихъ успѣхи Русскаго Просвѣщенія. Въ настоящее время, въ Москвѣ почти не существовало ни одного замѣчательнаго періодическаго изданія; между тѣмъ, здѣсь возникъ и образовался первый Русскій журналъ, здѣсь на этомъ поприщѣ, когда-то дѣйствовали благороднѣйшіе представители Русской мысли и Русскаго слова: Карамзинъ, Жуковскій и другіе.

„Но если признано полезнымъ, въ видахъ возбужденія на-
ей усыпленной Литературы, дозволить изданіе журнала
Каткова съ товарищами, то я не вижу причины почему,
предоставить того же права гг. Кошелеву и Филиппову,
мъ болѣе, что сіи послѣдніе, не менѣе г. Каткова, пред-
авляютъ ручательствъ относительно своихъ нравственныхъ
честв. Или полагаютъ, что новый журналъ будетъ излиш-
ю и даже вредною роскошью и что для Московской пу-
ики достаточно одного періодическаго изданія? Но почему
е въ тридцатыхъ годахъ, въ Москвѣ, одновременно изда-
лось нѣсколько журналовъ: *Телеграфъ*, *Московскій Вѣст-
икъ*, *Вѣстникъ Европы*, *Атеней*? Всѣ они имѣли читателей
однако же вреда для общества отъ того не происходило?
еужели съ тѣхъ поръ вкусъ къ чтенію и потребность обра-
ванія у насъ уменьшились? Или этимъ правомъ могутъ
зопасно пользоваться только одни Петербургскіе литера-
ры? Я полагаю, что, въ настоящее время, безъ всякаго не-
обства можно разрѣшать изданіе новыхъ журналовъ. Пусть
ши литераторы трудятся, пусть высказываютъ свои мысли,
мъ легче будетъ для правительства слѣдить за ходомъ
щественнаго мнѣнія и, въ случаѣ нужды, направлять его.

„Если же предпріятіе гг. Кошелева и Филиппова принято
благопріятнымъ образомъ, по той будто бы причинѣ, что
рналъ этотъ предназначается служить органомъ для такъ
зываемой Славянской партіи, то я, при семъ случаѣ счи-
ю необходимымъ и удобнымъ сообщить вашему превосхо-
тельству мои мысли по этому предмету, основанныя на
ѣнадцатилѣтнемъ строгомъ наблюденіи моемъ за дѣйствіями
ой партіи, или, выражаясь точнѣе, литературнаго кружка.
ора наконецъ отдать себѣ отчетъ что такое эти Славяно-
лы, которыхъ постоянно представляли людьми опасными
вредными? Въ чемъ же заключаются ихъ цѣль и дѣйствія?
то принадлежитъ къ этой партіи?

„Лѣтъ двадцать тому назадъ, вслѣдствіе естественнаго раз-
тія образованія, а также и ближайшаго знакомства съ

собственною Исторіею, возникло и укрѣпилось между различными Славянскими народами, населяющими Европу, сознаніе своей національности и одноплеменности. Это сознаніе выработалось на почвѣ чисто литтературной и хотя, въ началѣ и не имѣло политическаго значенія, однако же вслѣдствіе постояннаго антагонизма между элементами Славянскимъ и Нѣмецкимъ, перешло и въ область политическихъ убѣжденій. На насъ, Русскихъ, Славянскій вопросъ подѣйствовалъ только со стороны литературной. Но мы не могли однако же остаться равнодушными къ пробужденію Славянской національности, столь долгое время подавленной и потому наши литераторы и мыслящіе люди отозвались сочувствіемъ къ своимъ соплеменникамъ. Образовался литтературный обмѣнъ мыслей между нами и различными Славянскими народностями. Всѣ эти сношенія, опять повторяю, производились внѣ области политики,—въ кругу литературно-ученыхъ интересовъ. Наше правительство, не желая возбуждать неудовольствія дружественной сосѣдней державы, не только чуждалось Славянскаго движенія, но еще не совсѣмъ благопріятно смотрѣло на людей, увлекавшихся этимъ. Между тѣмъ, Западные народы, привыкшіе господствовать и считать себя непогрѣшимыми и первенствующими, какъ въ области мысли, такъ и въ области жизни, непріязненно встрѣтили эти стремленія меньшихъ своихъ братьевъ къ самостоятельности умственной и политической. Западные публицисты сочинили слово *панславизмъ*, подъ которымъ разумѣли ими же придуманное стремленіе Славянскихъ племенъ къ политическому слиянію, провозглашая, при каждомъ удобномъ случаѣ, что Россія будто бы покровительствуетъ этому стремленію, въ видахъ собственныхъ интересовъ.

„Вслѣдствіе этого усилился антагонизмъ между этими народностями. Антагонизмъ этотъ еще болѣе возбудилъ въ народахъ Славянскихъ любовь ко всему родному и страсть къ историческимъ изслѣдованіямъ и разработкѣ Славянскихъ Древностей. Это весьма естественное движеніе отразилось на

на насъ.—Мы въ это время изъ періода подражательнаго переходили въ пору зрѣлаго возраста и сознанія. Отрезвившись послѣ упоенія иноземными образцами, весьма понятнаго во всякой юной Литературѣ, мы обращались къ изученію отечественной Старины и Исторіи. На этомъ благородномъ пути нашихъ ученыхъ и литераторовъ, встрѣтило одобреніе и поощреніе правительства. Лучшимъ памятникомъ этого покровительства служатъ учрежденіе Археографической Коммиссіи и изданіе разныхъ актовъ историческаго и юридическаго содержанія и Древностей Государства Россійскаго. Въ Москвѣ, какъ въ городѣ, гдѣ сохранилось наиболѣе памятниковъ прежней Русской жизни, образовался кружокъ молодыхъ литераторовъ, страстно предавшихся изученію отечественной Старины и Исторіи. Между ними нашлось нѣсколько пылкихъ умовъ, которые увлекшись своимъ пристрастіемъ къ Старинѣ, дошли до крайне односторонняго убѣжденія, что реформа Петра Великаго имѣла во многомъ вредныя для Россіи послѣдствія. Эти-то люди названы были *Славянофилами*. Такое крайнее воззрѣніе встрѣтило, разумѣется, возраженіе и противодѣйствіе со стороны литераторовъ, державшихся такъ называемаго направленія Западнаго. Завязалась литтературная полемика и споръ, не между партіями, которыхъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, не существовало, а между двумя различными мнѣніями. Этотъ споръ заключался въ предѣлахъ чисто литературныхъ,—и былъ совершенно чуждъ политическаго значенія. Къ сожалѣнію, нашлись люди, которые заподозрили такъ называемыхъ Славянофиловъ въ какихъ-то политическихъ замыслахъ и признали ихъ людьми опасными и вредными, чѣмъ-то въ родѣ якобинцевъ, тогда какъ это люди весьма мирные, благочестивые отцы семейства, помѣщики, вовсе непомышляющіе о нарушеніи законнаго порядка вещей. Можно отвергать крайніе выводы ихъ мнѣнія, но нельзя вполнѣ осуждать самое направленіе, потому что оно основано на чистой любви ко всему отечественному, къ уставамъ нашей Церкви, къ на-

роднымъ нашимъ обычаямъ, къ нашему родному языку и вмѣстѣ съ тѣмъ на сочувствіи къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ. Люди, раздѣляющіе этотъ образъ мыслей, даже и въ его исключительности, отличаются благородными нравственными свойствами и не заслуживаютъ того нареканія, которому они, по недоразумѣнію, подверглись со стороны правительства. Если же обвинять всѣхъ любящихъ Славянскую Старину и Исторію, то пожалуй можно назвать Славянофилами и лучшихъ нашихъ писателей. Карамзинъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь,—любили обращаться мыслію къ Древней Россіи и въ ней искать примѣровъ для нынѣшняго поколѣнія; однако же никто изъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей не почиталъ ихъ опасными и вредными писателями. Замѣчательно, что между такъ называемыми Московскими Славянофилами есть люди съ истиннымъ талантомъ. Приведу имена Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскаго. Ваше превосходительство имѣете, въ настоящее время, полную возможность обратить ихъ въ полезныхъ и приверженныхъ правительству дѣятелей. Вотъ что заставляетъ меня вторично ходатайствовать объ испрошеніи высочайшаго дозволенія гг. Кошелеву и Филиппову издавать въ Москвѣ журналъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить разрѣшенія тѣмъ изъ Московскихъ литераторовъ, которые обязаны подпискою представлять свои сочиненія въ Главное Управленіе Цензуры вносить ихъ прямо въ мѣстную Цензуру. Если бы въ предполагаемомъ журналѣ и нашли себѣ мѣсто мнѣнія любителей Славянства,—то это послужило бы для самого правительства средствомъ ближе ознакомиться съ ихъ взглядами. Оно всегда имѣетъ возможность обуздать заблужденіе и своеволіе мыслей, гдѣ бы оно ни обнаружилось".

Въ то же время, 18 ноября 1855 года, нареченный редакторъ *Русской Бесѣды* Т. И. Филипповъ писалъ И. В. Кирѣевскому: „Я бы зажилъ въ дали отъ текущей Литературы, чего тробовало даже спасеніе души: ибо слѣдить за нею съ полезною цѣлію — дѣло другое, а добровольно под-

ергать душу свою такимъ раздражающимъ впечатлѣніямъ—ѣшительно грѣхъ. Теперь же по неволѣ все читаешь—и тааяя мука, что вообразить невозможно. Я въ волненіи жду Хомякова Кошелева, еслибы они поѣхали, дѣло могло бы еще поправиться. Назимовъ вновь писалъ министру о нашемъ журналѣ и убѣждалъ его разрѣшить, дабы различіемъ направленій содержалось равновѣсіе мысли. Отецъ Матѳей—въ Питерѣ, и онъ могъ бы намъ быть полезенъ черезъ графиню Адлербергъ; я бы далъ Кошелеву письмо къ нему, и тѣмъ исполнилъ бы давнее желаніе его съ нимъ познакомиться. Если же намъ разрѣшатъ журналъ, то что вы пришлете въ 1-ю книжку? Можно ли объ этомъ просить? Ибо безъ вашей статьи начинать невозможно, какъ вамъ угодно. Сдѣлайте милость, увѣдомьте меня, чѣмъ вы насъ обрадуете, если намъ суждено радоваться“.

LXIII.

Опальные Славянофилы, въ особѣ товарища министра Народнаго Просвѣщенія князя П. А. Вяземскаго, обрѣли себѣ ходатая предъ правительствомъ. „Не знаю“,—писалъ князь Вяземскій,—„вредно ли, или нѣтъ направленіе, такъ называемое Славянофильское. Но, судя объ этомъ направленіи въ отношеніи чисто-литературномъ (которое одно подлежитъ нашему сужденію), невозможно, по мнѣнію моему, признавать въ немъ что-нибо предосудительное. Если же подъ литературною вывѣскою рывается тайна политическая и вредный умыселъ, то это ло другое. Но оно уже не подлежитъ Цензурѣ, а высшему авительству. Цензура должна судить не лицо, не автора, только представляемое имъ сочиненіе. Если совращать ее прямыхъ правилъ, коими руководствоваться она должна, силу даннаго ей устава, если требовать отъ Цензуры, обы она иначе смотрѣла на рукопись такъ называемаго авянофила, нежели на рукопись, напримѣръ, послѣдоваля, такъ называемой, натуральной школы, то сужденія ея

будутъ неминуемо пристрастны, своевольны и слѣдовательно противозаконны. Обращаясь къ прозванію Славянофиловъ, нельзя не затѣтить, что это прозваніе насмѣшливое, данное одною литературною партіею другой партіи. Это чисто семейныя, домашнія клички. Лѣтъ за сорокъ предъ симъ, мы же, тогда молодые литераторы Карамзинской школы, такъ прозвали А. С. Шишкова и школу его. Въ послѣднее время прозвище это воскресили и обратили къ нѣкоторымъ Московскимъ литераторамъ, приверженцамъ старины. Изъ журнальныхъ сплетней и пересмѣшекъ возникло пугало, облеченное политическою таинственностію. Собственно же, судя о Славянофильствѣ по его словопроизводству, мудрено заключить, что можетъ быть вреднаго въ любви къ Славянамъ, нашимъ предкамъ и одноплеменнымъ братьямъ, и въ любви къ Славянскому языку, который былъ языкомъ нашей Исторіи и есть языкъ нашей Церкви? Отказаться отъ чувства любви ко всему Славянскому, значило бы отказаться отъ Исторіи нашей и отъ самихъ себя. Императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: „*Надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ.* Слѣдовательно, должно сохранять и родовое чувство любви къ Славянскому нашему происхожденію. Повторяю, если гдѣ-нибудь и въ комъ-нибудь, подъ оболочкою Славянолюбія, таится нѣчто другое и вредное, то должно преслѣдовать и преграждать это другое, но нельзя преслѣдовать Славянолюбія, иначе пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей чисто Русскіе и свойственные каждому изъ насъ, кому только дороги имя Русскаго и сопряженныя съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народной исторической и государственной жизни . . . . Скажу откровенно, что всѣ многосложныя, подозрительныя и слишкомъ хитро обдуманныя притѣсненія Цензуры не служатъ измѣненію въ направленіи мыслей, понятій и сочувствій, напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ прави-

тельства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны".

Эти драгоцѣнныя строки сановника и мыслителя отверзли уста людямъ, которые, по недоразумѣнію, обречены были на безмолвіе и дали движеніе дѣлу объ изданіи *Русской Бесѣды.*

6 декабря 1855 г., А. С. Норовъ писалъ къ графу А. Ѳ. Орлову: „Г. генералъ-лейтенантъ Дубельтъ сообщилъ предмѣстнику моему, князю Ширинскому-Шихматову, высочайшее повелѣніе, чтобы на представляемыя къ изданію въ свѣтъ сочиненія въ духѣ Славянофиловъ, было обращаемо со стороны Цензуры особенное и строжайшее вниманіе. Къ сему отношенію приложенъ былъ списокъ лицъ, принадлежавшихъ къ обществу Славянофиловъ въ Москвѣ; въ спискѣ этомъ, между прочими, значится Кошелевъ, Александръ Ивановичъ, отставной надворный совѣтникъ. Нынѣ Московскій Цензурный Комитетъ ходатайствуетъ о дозволеніи надворному совѣтнику Кошелеву и старшему учителю 1-й Московской Гимназіи титулярному совѣтнику Тертію Филиппову издавать въ Москвѣ журналъ, подъ заглавіемъ *Русская Бесѣда.* Комитетъ, съ своей стороны, находитъ это предпріятіе весьма полезнымъ и присовокупляетъ, что Кошелевъ, какъ богатый и вмѣстѣ весьма просвѣщенный помѣщикъ, извѣстенъ давно своими нравственными качествами и умственными способностями; а Филипповъ заслуживаетъ вполнѣ вниманія и одобренія начальства, какъ способный и благонамѣренный человѣкъ. За имѣющимися во ввѣренномъ мнѣ Министерствѣ вышеприсанными свѣдѣніями, я не могу до полученія отъ вашего сіятельства тѣхъ свѣдѣній, которыми угодно будетъ вамъ почтить меня, дать какое-либо разрѣшеніе по сему предмету".

На это письмо, 10 декабря 1855 г., графъ Орловъ отвѣчалъ: „Я отношеніе вашего превосходительства всеподданнѣйше представлялъ на усмотрѣніе государя императора и его величество высочайше соизволилъ разрѣшить изданіе означеннаго журнала, съ тѣмъ однако, чтобы статьи, которыя будутъ представляемы, для помѣщенія въ ономъ, лицами,

на коихъ уже обращено вниманіе правительства, разсматриваемы были, подобно сочиненіямъ Аксаковыхъ, въ Главномъ Управленіи Цензуры; здѣсь же, дабы не задерживать таковыхъ статей, подвергать оныя разсмотрѣнію безъ малѣйшаго замедленія".

Но вскорѣ, именно 27 января 1856 года, воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на то, чтобы сочиненія опальныхъ Славянофиловъ разсматривать *обыкновеннымъ цензурнымъ порядкомъ*. Такимъ образомъ, 3 февраля 1856 года, министръ Народнаго Просвѣщенія извѣстилъ помощника попечителя Московскаго Учебнаго Округа, что „его императорское величество высочайше соизволилъ разрѣшить надворному совѣтнику Кошелеву и титулярному совѣтнику Филиппову изданіе журнала, подъ заглавіемъ *Русская Бесѣда*, и того же числа А. С. Норовъ писалъ графу А. А. Закревскому: „Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ предоставить Ивану и Константину Аксаковымъ, Хомякову, Кирѣевскимъ и князю Черкасскому вносить свои сочиненія установленнымъ *общимъ порядкомъ въ Цензурные Комитеты*".

По свидѣтельству С. Т. Аксакова, 26 января 1856 года, „пошелъ докладъ о снятіи запрещенія (съ Славянофиловъ), мимо III-го Отдѣленія, писанный самимъ Вяземскимъ" [271]).

Не смотря на это, Кошелевъ, 14 февраля 1856 года, не безъ тревоги писалъ А. Н. Попову: „Вы знаете, что подписка снята съ Хомякова, Аксаковыхъ, Кирѣевскаго и пр. и что офиціальная бумага съ разрѣшеніемъ журнала получена, но вы, быть можетъ, не знаете, что секретно предписано Цензурному Комитету имѣть строжайшее наблюденіе за духомъ и направленіемъ *Русской Бесѣды* . . . А потому мы рѣшились, не объявляя объ журналѣ, представить наши статьи въ Цензурный Комитетъ, и по пропускѣ первыхъ статей, мы увидимъ, в состояніи ли мы или нѣтъ издавать журналъ. Всѣ мы одушевлены сильнѣйшимъ желаніемъ работать; но неизвѣстность, подозрительность правительства и пр. убиваютъ всякое желаніе сдѣлать что-либо полезное. Мы видимъ, что Цензур-

ообще сдѣлалась гораздо разумнѣе; отчего же не хотятъ асъ считать равноправными и насильно отъ себя отгоняютъ? росто это ужасно. Знакомы ли вы съ Никитенкою и въ акихъ вы съ нимъ отношеніяхъ? Когда статьи изъ *Русской Бесѣды* будутъ посланы въ Питеръ, то Норовъ отдастъ ихъ а прочтеніе вѣрно Никитенкѣ, и его мнѣніе будетъ мнѣ-іемъ и Норова. Нельзя ли на него подѣйствовать такъ, тобы онъ былъ благопріятенъ къ статьямъ".

Въ то же время и Хомяковъ писалъ къ Норову слѣдую-цее: „Въ бытность мою въ Петербургѣ я имѣлъ честь пред-тавить на ваше разсмотрѣніе статью, нѣкогда писанную мною, ь отвѣтъ Кирѣевскому. Вашъ лестный отзывъ былъ, что вы отовы бы были ее подписать не только какъ цензоръ, но и акъ авторъ. На мой вопросъ, можно ли ее представить въ ензуру, вы сказали мнѣ, чтобы я ее подалъ, а что цензоръ ередастъ ее вамъ же и что вы тогда разрѣшите ее напеча-ать. Ободренный вашимъ высокопревосходительствомъ, я еще азъ прочелъ ее внимательно и всѣ сколько-нибудь сомни-льныя выраженія замѣнилъ вполнѣ несомнѣнными и потомъ редставилъ ее цензору, который передаетъ ее теперь въ ысшее вѣдомство. Въ полной надеждѣ на ваше одобритель-ое мнѣніе о моей статьѣ и на вашу благосклонность ко нѣ, беру смѣлость обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею росьбою: ускорьте сколько возможно разрѣшеніе о напеча-аніи моей статьи и благоволите сообщить это позволеніе ашей Московской Цензурѣ. Ею долженъ начаться первый умеръ журнала и отъ ея пропуска зависитъ самая возмож-ость изданія.

„Вашъ ласковый пріемъ и постоянно дружескіе отзывы аютъ мнѣ увѣренность, что вы не откажете въ моей просьбѣ. овѣрьте, что не только я, но и никто изъ насъ, участни-овъ въ *Русской Бесѣдѣ*, не захотѣлъ бы неосторожнымъ или урно направленнымъ словомъ оказаться недостойнымъ ва-его покровительства". Кошелевъ сообщилъ А. Н. Попову, то, 31 марта 1856 года, онъ получилъ письмо отъ А. С.

Норова „съ разными извиненіями и съ извѣщеніемъ, что статья Хомякова передана имъ въ Главное Управленіе Цензуры“.

Разсмотрѣніе статьи Хомякова было поручено министромъ чиновнику его Родзянко, который, въ своемъ рапортѣ (21 марта 1856 г.), между прочимъ, писалъ: „Не смотря на то, что статья Хомякова написана съ истиннымъ благочестіемъ, съ желаніемъ пользы и съ цѣлію вполнѣ благонамѣренною, особенно прекрасно изложенною на послѣднихъ четырехъ страницахъ, напечатаніе статьи этой я признаю неудобнымъ не по направленію, но по содержанію и основной идеѣ, заключающейся въ томъ, что вслѣдствіе слишкомъ рѣзко осуждаемыхъ авторомъ нравственныхъ недостатковъ государственнаго и религіознаго быта до—Петровской Россіи, ея народное Просвѣщеніе хотя и было основано на принятомъ изъ Византіи Православіи и на нравственно добрыхъ началахъ, не могло получить нужнаго и полезнаго развитія, и потому со временъ Петра Великаго замѣнилось Просвѣщеніемъ западнымъ, признаваемымъ авторомъ, по его нравственному направленію, ложнымъ и вреднымъ“.

По поводу этой же статьи князь П. А. Вяземскій писалъ А. С. Норову: „Всѣ эти дни чувствовалъ я себя довольно плохо, и еще прошедшею ночью были у меня болѣзненные припадки. Но сегодня, мнѣ, благодаря Бога, получше. Не смотря на свои недуги, прочелъ я Хомякова, и это чтеніе въ силу развѣ только здоровому. Въ литературномъ отношеніи, она очень тяжела и болѣе писана по-Нѣмецки, нежели по-Русски. Странные люди, вопіютъ противъ чужеземнаго, а сами рабски подражаютъ Нѣмецкой фразеологіи и туманности.—Въ цензурномъ отношеніи, она, по моему мнѣнію, совершенно удобопропускаема. Что же касается до отношенія ея къ запрещенной статьѣ Кирѣевскаго, то этотъ *законодательный* вопросъ можно, для огражденія совѣсти, передать на рѣшеніе графа Блудова. Впрочемъ, Кошелевъ говоритъ, что не Кирѣевскаго статья подвергла *Сборникъ* за-

прещенію, а какая-то другая. Меня въ то время въ Россіи не было, и я ничего положительнаго о томъ не знаю. Статью Хомякова читали мы съ Плетневымъ, и онъ одного со мною мнѣнія".

Но Главное Управленіе Цензуры, вѣроятно, на основаніи мнѣнія Родзянки, взглянуло иначе на эту статью Хомякова и 5 апрѣля 1856 г., министръ Народнаго Просвѣщенія писалъ помощнику попечителя Московскаго Учебнаго Округа: „Возвращая статью Хомякова *о ходѣ Просвѣщенія на Западѣ и въ Россіи* (отвѣтъ И. В. Кирѣевскому), имѣю честь васъ увѣдомить, что Главное Управленіе Цензуры признало неудобнымъ допустить къ напечатанію сію статью".

Доблестное ходатайство за Русскую Бесѣду было лебединою пѣснію попечителя Московскаго Учебнаго Округа В. И. Назимова. Въ это время онъ получилъ высшее назначеніе быть Виленскимъ генералъ-губернаторомъ.

Когда это назначеніе состоялось и открылась ваканція на должность попечителя Московскаго Учебнаго Округа, то М. Н. Катковъ, 12 декабря 1855 года, писалъ А. Н. Попову: „Вамъ уже извѣстно, Назимовъ назначенъ въ Вильну генералъ-губернаторомъ. Кто будетъ назначенъ на его мѣсто? Вопросъ этотъ имѣетъ великую важность, и при томъ не для одной Москвы. Намъ здѣсь извѣстно, что графъ С. Г. Строгановъ не затруднился бы снова занять это мѣсто. Хотя по своему служебному значенію онъ имѣлъ бы право претендовать на что-либо высшее; однако, повторяю, онъ не отказался бы и отъ этого мѣста. Вы понимаете всю важность такого назначенія. Но графъ Строгановъ, какъ тоже извѣстно вамъ, не сдѣлаетъ шагу, чтобы заявить свою готовность возвратиться къ прежней своей дѣятельности. Вѣроятно, въ высшихъ кругахъ потому только не вспомнятъ о немъ, что побоятся его обидѣть. Надобно разсѣять это опасеніе. Намекните, напримѣръ, графу Блудову о возможности такого назначенія и о томъ, что Строгановъ готовъ принять его (это положительно); отъ него можетъ это распространиться далѣе,

и кто знаетъ, можетъ быть, это и состоится. Славное было бы дѣло... Ради Бога, дѣйствуйте и говорите положительно, что Строгановъ будетъ готовъ принять мѣсто попечителя“ [275]).

„Къ общему сожалѣнію“,—писалъ, 14 декабря 1855 года, С. Т. Аксаковъ къ И. С. Тургеневу,—„Назимовъ оставляетъ Университетъ, и къ общему ужасу носится молва, что на его мѣсто назначается попечитель Петербургскаго Университета... Всѣ безъ исключенія поражены страхомъ... Да и чего ждать отъ человѣка, который считаетъ Гоголя вреднымъ лакейскимъ писателемъ? Очень, очень будетъ жаль, если этотъ слухъ оправдается; это будетъ ударъ для литературной дѣятельности, возникающей въ Москвѣ“ [276]).

Но ни графъ С. Г. Строгановъ, ни М. Н. Мусинъ-Пушкинъ не сдѣлались преемниками Назимова. Преемникомъ же ему былъ опредѣленъ Евграфъ Петровичъ Ковалевскій. 17 апрѣля 1856 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Шевыреву: „Наконецъ вы съ попечителемъ. Не могу сказать, что знаю коротко сенатора Ковалевскаго, но знаю довольно, чтобы удостовѣрить, что онъ человѣкъ умный, образованный, съ Русскими сочувствіями, съ Русскимъ одушевленіемъ, любитъ Просвѣщеніе и вообще *литературенъ*. На служебномъ поприщѣ своемъ онъ всегда считался въ числѣ отличныхъ и пользовался общественнымъ уваженіемъ. Здѣшній Сенатъ теряетъ въ немъ одного изъ своихъ лучшихъ дѣятелей, слѣдовательно, можно надѣяться, что Московскій Университетъ не будетъ съ нимъ въ убыткѣ“ [277])...

Новаго Виленскаго генералъ-губернатора, Погодинъ привѣтствовалъ въ такихъ выраженіяхъ: „Извѣстясь о благополучномъ возвращеніи вашего высокопревосходительства къ мѣсту вашего служенія, въ городъ Вильну, мы Московскіе граждане всѣхъ сословій долгомъ поставляемъ выразить предъ вами чувство нашей Русской гражданской радости. Мы увѣрены также вполнѣ, что съ помощію Божіею, во исполненіе предначертаній благодушнаго нашего государя, вы довершите

освобожденіе исконныхъ Русскихъ областей отъ чуждаго иновѣрнаго ига и утвердите въ нихъ настоящее Русское начало, возстановите права Русскаго языка, возвратите подобающую честь православнымъ церквамъ, духовенству и поднимете духъ...

„Мы молимъ Бога о сохраненіи вашего здоровья. Русская православная церковь, Русскій языкъ, Русская народность вознесутъ главу свою".

„Чудна Москва"!—писалъ, 30 декабря 1855 года, князь Н. Н. Голицынъ Погодину,—„Терпѣть не могла Назимова. Уѣзжаетъ—расхныкалась" [278]).

LXIV.

Наконецъ, программа *Русской Бесѣды* была напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

„Мы можемъ ошибиться",—читаемъ въ *Современникѣ*,—„но у насъ есть твердое убѣжденіе, что *Русской Бесѣдѣ*, такъ или иначе, суждено играть благородную и благотворную роль въ Русской Литературѣ. Какъ бы ни проявились убѣжденія людей, соединяющихся въ *Бесѣдѣ*, въ основѣ ихъ убѣжденій лежитъ начало животворящее—безкорыстная и глубокая любовь къ Россіи; а такая основа уже сама собою исключаетъ апатію, разрѣшающуюся въ дѣятельность рутинную и безплодную" [279]).

„Чудная вещь",—писалъ Хомяковъ Ю. Ѳ. Самарину,—„вообразите: еще *Бесѣда* не выходила, а ужъ бесѣды въ Москвѣ сдѣлались, попрежнему, крикливы съ одной программы. Что же будетъ, когда она выйдетъ въ силѣ? Западъ сначала очень къ ней казался благосклоннымъ, но была ли это только маска или недолговѣчная добродѣтель, а ужъ теперь перемѣнилось; впрочемъ, Кавелинъ и другіе порядочные изъ нихъ говорили мнѣ въ Питерѣ: „Мы съ вами несогласны и не будемъ согласны, а это признаемъ; отъ васъ только можетъ услышаться первое серьезное слово; намъ оно рѣшительно

не дается". Вслѣдствіе этого ли убѣжденія или отъ чего другого, *Современникъ* (котораго первые нумера истинно славные) зоветъ къ себѣ въ критики рѣшительнаго славянофила А. А. Григорьева. А сказать ли вамъ всю правду?.. Были бы вы и И. С. Аксаковъ здѣсь, я былъ бы очень, очень радъ, а что васъ обоихъ здѣсь нѣтъ, я едва ли не болѣе еще радъ. Во первыхъ за васъ: поохотьтесь на Волжскомъ разливѣ, вѣдь это чудо, дохните тихимъ воздухомъ степей; а потомъ за васъ обоихъ и за насъ. Вамъ скучненько, и это хорошо. Здѣсь ходитъ маленькій хмѣль, отъ котораго трудно отбиться. Вы, И. С. Аксаковъ и И. В. Кирѣевскій въ деревнѣ. Я думаю, вы насъ отрезвите, когда подъѣдите. Средства не затемнили бы намъ цѣли, той тихой, строгой, исторической, можно сказать, святой цѣли, которая была намъ ясна въ тишинѣ посланнаго намъ испытанія. Я отчасти предвидѣлъ теперешнее искушеніе, и осенью писалъ объ немъ К. С. Аксакову, съ текстомъ *нѣсть наша брань въ плоти и крови* и пр. Онъ, разумѣется, соглашался и теперь соглашается, но на дѣлѣ удержу ужъ нѣтъ. Эпиграфы наши хороши. Одинъ вашъ извѣстный, предложенный Аксаковымъ: *Только коренью основаніе крѣпко, то и древо неподвижно; только коренья не будетъ, къ чему прилѣпиться?* (изъ окружнаго посланія патріарха Гермогена); а другой отъ Филиппова: *Господь дастъ благость, и земля дастъ плодъ свой*" [280]).

Дѣйствительно, какъ только была напечатана программа *Русской Бесѣды*, такъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* уже появились критическія замѣчанія на нее: „Изъ программы", — читаемъ тамъ, — „признаемся, не видно, чѣмъ именно новый журналъ будетъ отличаться отъ другихъ нашихъ журналовъ. Правда, въ программѣ говорится о посильномъ содѣйствіи къ развитію Русскаго воззрѣнія на науки и искусства, но вѣдь науки и искусство допускаютъ лишь одно воззрѣніе просвѣщенное, слѣдовательно общечеловѣческое".

На это А. И. Кошелевъ и Т. И. Филипповъ отвѣчали: „Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* не видитъ, чѣмъ именно

Русская Бесѣда будетъ отличаться отъ другихъ журналовъ; а вслѣдъ за этимъ сама себѣ противорѣчитъ, ибо говоритъ, что *Русская Бесѣда* обѣщаетъ посильно содѣйствовать *къ развитію Русскаго воззрѣнія на науку и искусство*. Такого обѣщанія мы не встрѣчали въ объявленіяхъ другихъ журналовъ; даже Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* считаетъ его несбыточнымъ; слѣдовательно, его одного достаточно было бы для опредѣленія различія между нашимъ журналомъ и другими журналами, еслибъ въ нашей программѣ и не было выражено другихъ весьма существенныхъ и весьма замѣтныхъ, но, къ сожалѣнію, незамѣченныхъ отличій" [281]).

Замѣчаніе *Московскихъ Вѣдомостей* вызвало со стороны *Русской Бесѣды* нѣсколько статей, имѣющихъ цѣлію доказать необходимость народнаго воззрѣнія на науку [282]).

Но и въ средѣ Славянофиловъ нашлись люди, которые были далеко не единомысленны съ началами, положенными въ основаніе *Русской Бесѣды*. Въ этомъ насъ убѣждаетъ нѣсколько отрывковъ изъ писемъ И. С. Аксакова къ его родителямъ, писанныхъ въ 1855—1857 годахъ.

Въ *письмѣ 11 ноября (1855 г.)*: „Не мечта ли вся эта надежда на помощь Славянъ, на возстановленіе Славянскаго міра, и проч. и проч.? Какъ разграничить Грецію съ Славянскимъ міромъ"?

Въ *письмѣ 23 ноября*: „Ахъ, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело порою жить въ Россіи, въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ—мерзавцевъ, хлѣбосоловъ—взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ—отцовъ и благодѣтелей взяточниковъ!.... Въ моемъ воображеніи предсталъ весь образъ управленія всей махинаціи административной. Вы ко всему этому относитесь отвлеченно, издали, людей видите по своему выбору, только хорошихъ или одномыслящихъ,—поэтому вы и не можете понять тѣхъ истинныхъ мученій, которыя приходится испытывать отъ пребыванія въ этой средѣ, отъ столкновенія со всѣмъ этимъ продуктомъ Русской почвы. Тамъ, что ни го-

ворите въ защиту этой почвы, но несомнѣнно то, что на всей этой мерзости лежитъ собственно ей принадлежащій Русскій характеръ! ...Чего можно ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобы сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго законнаго"!

Въ *письмѣ 7 марта (1856)*: „Что за комедію разыгрываютъ въ Москвѣ! Читать возмутительно. Бѣда отъ *Русскаго направленія*, которымъ изволитъ проникаться свѣтское общество! Слова: *народность*, *Русскій духъ*, *Православіе* производятъ во мнѣ теперь такое же нервическое содроганіе, какъ *Русское спасибо*, *Русскій баринъ* и т. п; охотно согласился бы прослыть въ обществѣ и западникомъ, и протестантомъ. Я недоволенъ программой *Русской Бесѣды*, да и вообще не люблю программъ, не люблю этихъ вывѣсокъ направленія. Не слышится мнѣ во всемъ этомъ ни теплой любви къ истинѣ, ни горячаго стремленія къ ней и къ благу общему, а много умной суеты, самолюбивой потѣхи; нѣтъ исканія истины, а самонадѣянная, заносчивая увѣренность въ томъ, что уж поймали и держатъ ее за хвостъ, гордая проповѣдь, одн сторонняя, гремучая, считающая всѣ вопросы порѣшенными но нисколько не снявшая печати съ таинства Русской жизни"

Въ *письмѣ 22 февраля*: „Я самъ не ожидаю большо успѣха для *Русской Бесѣды*, но не по недостатку редактор а по другимъ причинамъ. Условія, благопріятствовавш успѣху послѣдняго *Московскаго Сборника*, миновались: го полтора тому назадъ *Бесѣда* имѣла бы успѣхъ огромны Это журналъ слишкомъ исключительный, слишкомъ серьезны доступный пониманію очень небольшой части публики и н представляющій, какъ прочіе журналы, большой выставки т варовъ по всякому вкусу".

Въ *письмѣ 14 сентября*: „Мнѣ очень хочется посмот рѣть народъ самый простой въ чужихъ краяхъ, чтобы вни

нуть, не присущи ли всякому народу, на извѣстной степени развитія, тѣ свойства, которыя мы считаемъ почти исключительно принадлежностью Русскаго народа".

Въ *письмѣ 17 сентября*: „Будьте, ради Бога, осторожны съ словами: *народность* и *православіе*. Оно начинаетъ производить на меня тоже болѣзненное впечатлѣніе, какъ и Русскій баринъ, Русскій мужичекъ и т. д. Будьте умѣренны и безпристрастны и не навязывайте насильственныхъ, неестественныхъ сочувствій къ тому, чему нельзя сочувствовать, къ до-Петровской Руси, къ обрядовому православію, къ монахамъ, какъ И. В. Кирѣевскій. До-Петровской Руси сочувствовать нельзя, а можно сочувствовать только началамъ, невыработаннымъ или ложно направленнымъ, проявленнымъ Русскимъ народомъ; но ни одного сквернаго часа настоящаго я не отдамъ за прошедшее! Что касается до православія, т.-е. не до догматовъ вѣры, а до бытоваго историческаго православія,—то, какъ не вертись, а не станешь ты къ нему въ тѣ же отношенія, какъ и народъ или какъ до-Петровская Русь: ты постишься, но не можешь ты на постъ глядѣть глазами народа. Тутъ себя обманывать нечего и зажить одною цѣльною жизнью съ народомъ, обратиться опять въ народъ ты не можешь, хотя бы и соблюдалъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ всѣ его обычаи, обряды и подчинялся его вѣрованіямъ. *Я вообще того убѣжденія, что не воскреснетъ ни Русскій, ни Славянскій міръ, не обрѣтетъ цѣльности и свободы, пока не совершится внутренней реформы въ самой церкви, пока церковь будетъ пребывать въ такой мертвенности, которая не есть дѣло случая, а законный плодъ какого-нибудь органическаго недостатка*... Право, мы стòимъ того, чтобы Богъ открылъ истину православія Западу, а восточный міръ, не давшій плода, бросилъ въ огонь! Я хочу сказать, что поклоненіе до-Петровской Руси и слово *православіе* возбуждаютъ недоразумѣніе, мѣшающее распространенію истины. Разумѣется, цензура всему мѣшаетъ. Невольно припомнишь слова митрополита Платона: *ври, раскольникъ, и молчи, православный*".

Въ *письмѣ 27 сентября*: „Странная земля это Россія! Не смотря ни на что, она совершаетъ заколдованный кругъ своего развитія, подъ вліяніемъ и давленіемъ Европы. И мы сами, поборники народности, не знаемъ другихъ орудій для исцѣленія зла, кромѣ указываемыхъ Европейскою цивилизаціей: желѣзныя дороги, измѣненіе крѣпостнаго права, журналы, газеты, гласность. Разумѣется, при помощи желѣзныхъ дорогъ, пароходныхъ компаній, телеграфовъ и вслѣдствіе сближенія, произведеннаго войною, породитъ совершенное смѣшеніе Россіи съ Европою, объевропеитъ Россію сильнѣе прежняго. Я, разумѣется, нисколько не противъ этихъ мѣръ, готовъ даже признать это вліяніе болѣе внѣшнимъ, но все это не можетъ остаться безъ результата".

Въ *письмѣ 9 октября*, изъ Екатеринослава: „Много я ѣздилъ по Россіи: имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя Гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые бы не знали наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозитъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. *Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*, говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны—взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеалоговъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся

зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Они часто несутъ всякую чепуху и сами не видятъ, что путь ихъ логически оканчивается подлостью Петербургскаго практицизма, но порицаніе и отрицаніе ихъ понятно. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго. О Славянофильствѣ здѣсь въ провинціи и слыхомъ не слыхать, а если и слыхать, такъ отъ людей враждебныхъ направленію. Да оно и не можетъ возбуждать сочувствія молодежи, лѣзущей впередъ, оно требуетъ большой справедливости, безпристрастнаго разумѣнія, основательности и проч. Требованія эмансипаціи, желѣзныхъ путей и проч., и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ; а я помню время, когда, къ сожалѣнію, Славянофилы, хотя и не всѣ, противились желѣзнымъ дорогамъ и эмансипаціи; послѣдней потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей. Вотъ, въ Екатеринославской губерніи во всей нѣтъ ни одного экземпляра *Русской Бесѣды*, а получается *Русскій Вѣстникъ* и другіе журналы. Въ нихъ слышится направленіе новое, требованіе Просвѣщенія, жизни, простора; ему сочувствуютъ съ жаромъ и, невольно подчиняясь авторитету журнала, вмѣстѣ съ хорошимъ принимаютъ и дурное“.

Въ 1857 году, И. С. Аксаковъ предпринялъ путешествіе по Европѣ, и съ восторгомъ описывалъ своимъ родителямъ свое путешествіе по Италіи. Но С. Т. Аксаковъ писалъ своему сыну: „Мать и сестры приходятъ въ восхищеніе отъ мѣстности и природы, тебя окружающей; но мы, съ Константиномъ, испорченные нашею Русской природой, не увлекаемся восторгами и признаюсь тебѣ, ни разу не мелькнула у меня мысль или желаніе—взглянуть на всѣ эти чудеса. Я не могу себѣ вообразить безъ ужаса, тебя, стоящаго на лавѣ, подъ

которой кипитъ море огня! Конечно, я ни за что на свѣтѣ не пошелъ бы туда“.

Приготовляясь быть редакторомъ *Русской Бесѣды*, И. С. Аксаковъ, въ іюнѣ 1857 года, изъ Рима писалъ своему отцу: „Даже подъ небомъ Италіи, въ странѣ лимоновъ и апельсиновъ, лавровъ, миртовъ и кипарисовъ, даже и тутъ, какъ кошемаръ, давитъ меня подъ часъ мысль о предстоящемъ изданіи. Сотрудниковъ нѣтъ. То-есть, издавать можно, статей, пожалуй, наберется для двѣнадцати книжекъ, но журналъ будетъ не тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлъ его сдѣлать.—Очень меня смущаетъ мысль о предстоящемъ изданіи. Пугаетъ даже не столько недостатокъ сотрудниковъ, сколько неудобство возни съ многими наличными сотрудниками: всѣ будутъ обижаться. Программа *Русской Бесѣды*, мнѣ, съ самаго начала, не нравилась и не нравится. Она написана такъ, что, возбуждая недоумѣніе, отвращаетъ отъ насъ сочувствіе молодого поколѣнія и пріобрѣтаетъ сочувствіе, котораго я не желаю, сочувствіе архіереевъ, монаховъ, Святѣйшаго Сѵнода. Между тѣмъ, какъ они всѣ не могутъ, не должны намъ сочувствовать; но такое несчастное положеніе наше, что даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, да и сотрудники таковы: братья Бѣляевы, съ неистовымъ поклоненіемъ Древней Руси, Фили... повъ... Какъ хотите, а въ этой компаніи душно. Смирнова которая теперь въ Баденъ-Баденѣ, проситъ, чтобы къ н... я заѣхалъ. Заѣхать-то къ ней я заѣду, но боюсь, чтобы г... рячее сочувствіе ея не подало повода къ спорамъ. Она с... чувствуетъ все болѣе сторонѣ православной, которую пон... маетъ она самымъ узкимъ образомъ, въ смыслѣ казенна... девиза для герба графа Уварова“.

Тотъ же И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ, из... Венеціи, слѣдующее: „Мудрено упрекать Русскихъ за то, ч... они все стремятся въ чужіе края. Если Англичане, гордые свое... національностію, ищутъ на твердой землѣ разнообразных...

---

*) Александра Осиповна. *Н. Б.*

впечатлѣній природы, лучшей и роскошнѣйшей; Англичане, у которыхъ есть жизнь и дѣятельность дома, въ исполинскихъ размѣрахъ,—то какъ же Русскимъ, у которыхъ дома ни жизни, ни дѣятельности нѣтъ, у которыхъ дома все такъ гладко, плоско, блѣдно, вяло, холодно и душно, не стремиться видѣть явленія дѣятельности жизненной, чудесъ природы и искусства. Намъ, Русскимъ, приходится жить только *вѣрою* въ будущность Русскаго народа, не политическую,— Богъ съ ней,—а въ будущую нравственную и самостоятельную жизнь Русскаго народа. Не всякій къ этому подвигу вѣры способенъ, не у всякаго эта вѣра поддержана изученіемъ старины и т. п. Мысль о возможности дѣятельности въ Россіи, меня не покидаетъ, но если бы я былъ богатъ, то послѣ семи, восьми мѣсяцевъ упорнаго труда и подснѣжной жизни, я бы уѣзжалъ каждый годъ, мѣсяца на четыре или пять, за границу" [283]).

Прочитавъ эти отрывки, чувствуется потребность освѣжиться чистымъ воздухомъ, и вотъ, онъ повѣялъ на насъ съ береговъ Днѣпра, съ Михайловой Горы *). „Мнѣ бывшему нѣкогда кумомъ", — писалъ обладатель этой Горы, М. А. Максимовичъ, 31 марта 1856 года, къ Погодину, — „у всѣхъ почти новорождавшихся Московскихъ и нѣкоторыхъ Петербургскихъ журналовъ, радостно возрожденіе Московской журналистики; и еще на Рождественскихъ Святкахъ я привѣтствовалъ *Русскій Вѣстникъ* статьею о *Боянѣ*... Не знаю, что выйдетъ изъ него, т.-е. изъ *Вѣстника* по возрастѣ: бравый ли молодецъ Русскій, или такой же лоботрясъ, какъ былъ *Телеграфъ*; не знаю и того, что станется съ *Русскою Бесѣдою*,—развернется ли она скатертью браною на весь почетный столъ, али станетъ только во полупирѣ... Но во всякомъ случаѣ, *Москвитянинъ* былъ бы полезенъ, какъ староопытный пѣвецъ въ хорѣ, который помахомъ руки останa-

*) Эти строки писаны 28 октября 1898 года, на берегу Днѣпра, въ Екатеринославлѣ. *Н. Б.*

вливаетъ новичка, затянувшаго дичь..... А впрочемъ, благо и то, если ты, махнувъ рукою на преходящую работу журнальную, обратишь дѣятельность свою и трудъ на *Изслѣдованія* и имъ подобные капитальные томы, въ нихъ же будетъ непреходящая *тебѣ честь и слава* въ потомствѣ...

„А я вотъ это думаю, на дняхъ потянуть въ Кіевъ, котораго не видалъ уже восемь лѣтъ, — чтобы тамъ поговѣть и разговѣться... Прошу же прощенія у тебя, въ чемъ согрѣшилъ передъ тобою, словомъ, дѣломъ и помышленіемъ! Будь здоровъ со всею семьею твоею, живою и книжною.

„У насъ съ Благовѣщенья вдругъ настала весна, и уже бѣлѣютъ парусами на Днѣпрѣ байдаки. Говорятъ, уже и миръ заключенъ“ [284]). . . . . .

LXV.

Въ концѣ декабря 1855 года, въ Русской Литературѣ совершилось событіе, — это выходъ въ свѣтъ классическаго произведенія С. Т. Аксакова: *Семейная Хроника и Воспоминанія.*

„Книга моя“,—писалъ самъ авторъ ея къ своему сыну Ивану,— „вышла, и по мѣрѣ поступленія въ лавку, раскупается нарасхватъ... Похвалы и восторги, къ сожалѣнію, не доставляютъ мнѣ никакого удовольствія“.

Въ семействѣ Аксаковыхъ господствовало даже убѣжденіе, что въ нашей журнальной Литературѣ собственно нѣтъ людей способныхъ оцѣнить настоящимъ образомъ достоинство произведенія главы ихъ семейства. „Не знаю“,—писалъ къ своему отцу И. С. Аксаковъ, — „говорилъ ли кто о высокомъ достоинствѣ правды, о *теплотѣ* безпристрастія вашихъ разсказовъ. Много можно было бы сказать про вашу книгу,—но вы лучше всѣхъ судить ее можете. Право, вы бы хорошо сдѣлали, если бы въ видѣ письма къ кому-нибудь, хоть къ Тургеневу, написали свое собственное мнѣніе и о толкахъ, порождаемыхъ вашею книгою, и о самой книгѣ, и тѣмъ по-

ложили бы конецъ возгласамъ à la Григорьевъ. Все крикливое, шумливое, заносчивое, всякая выходка становится неумѣстною, неприличною, жалкою передъ высокой воздержностью тона вашей книги, предъ зрѣлостью суда, предъ спокойствіемъ изложенія" [285]).

Но самого С. Т. Аксакова всего болѣе интересовало мнѣніе объ его книгѣ Н. А. Некрасова, о чемъ онъ, 7 февраля 1856 года, писалъ И. С. Тургеневу: „Всѣхъ болѣе интересуетъ меня мнѣніе Некрасова. Въ послѣднихъ стихахъ его такъ много истины и поэзіи, глубокаго чувства и простоты, что я пораженъ ими, ибо прежде не замѣчалъ ничего подобнаго въ его стихахъ" [286]).

С. Т. Аксаковъ интересовался также и мнѣніемъ М. А. Дмитріева о своей книгѣ. „Книга Аксакова", — писалъ Дмитріевъ Погодину, — „написана прекрасно, мастерски! Но о ея содержаніи онъ требовалъ отъ меня самой голой правды; я и написалъ ему откровенно эту правду. Вы пишете: „Наши старички видно позапасливѣе силами, чѣмъ нынѣшніе щелкоперы". Именно такъ; да, позапасливѣе и свѣдѣніями. Они ими долго набирались, и не щеголяли съ молодости. Наука была у насъ въ границахъ, но глубока, а теперь расползается въ ширину неудержно, да только на самой поверхности. Возьмите хоть судей изящнагó: всѣ въ полной увѣренности, что до нихъ ничего не знали. Иная статья объ этомъ предметѣ такова, что надо дать премію тому, кто ее пойметъ. Ежели когда-нибудь нынѣшнее поколѣніе судей художественности образумится, оно увидитъ подъ старость, что надобно будетъ учиться снова, но уже будетъ поздно" [287]).

Сынъ автора *Семейной Хроники*, въ письмѣ изъ Екатеринослава, отъ 17 октября 1856 года, писалъ своему отцу: самый „видъ дворянскаго сословія производитъ на меня дѣйствіе раздражающее; ограниченность и узкость взглядовъ, невѣжество, привязанность къ незаконному своему праву, отсутствіе другихъ двигателей, кромѣ интереса, барство и

дармоѣдство, отсталость понятій. Я пробовалъ поднимать вопросъ объ эмансипаціи. Куда! Такъ на дыбы и становятся.“ Высказавъ это, И. С. Аксаковъ ставитъ на видъ своему отцу, что въ рѣчи Бабста, произнесенной въ Казанскомъ Университетѣ „упоминаются *Багровы*, какъ имена нарицательныя, какъ типъ прошлаго быта, для возбужденія къ прогрессу“ [288]).

Но М. А. Дмитріевъ, на убѣдительную просьбу Погодина сказать свое мнѣніе о *Семейной Хроникѣ*, писалъ ему слѣдующее: „Вы меня спрашиваете о книгѣ Аксакова. Онъ самъ требовалъ отъ меня, чтобы я сказалъ голую истину; я и сказалъ, но онъ не вполнѣ согласенъ съ нею. Написано—что и говорить—прекрасно; но вся первая половина книги, по моему мнѣнію, есть дурной поступокъ! *De mortius aut bene, aut nihil.* Положимъ, это правило допускаетъ модификацію, но въ историкѣ, а не въ частномъ человѣкѣ. Что же это за семья, въ которой, кромѣ одной женщины, всѣ тираны и мерзавцы! Я не совсѣмъ довѣряю и вѣрности дѣеписателя! Во-первыхъ, какъ знать всѣ мелочи подробностей, которыя были до нашего рожденія? А я сдѣлалъ ему замѣчаніе даже и о выборѣ его въ члены Общества Любителей Россійской Словесности, въ которомъ слава Филоктета, за много лѣтъ до того родившагося, совсѣмъ не участвовала. Очевидно, что въ его повѣствованіяхъ много участвовало воображеніе. Во-вторыхъ, я зналъ лично Тимоѳея Степановича: онъ былъ совсѣмъ не такой плохой и смѣшной человѣкъ! Я къ нему писалъ объ этомъ“ [289]).

На книгу С. Т. Аксакова написалъ рецензію Н. П. Гиляровъ-Платоновъ и предназначилъ ее для *Русскаго Вѣстника*, но, какъ пишетъ С. Т. Аксаковъ къ своему сыну Ивану: „статья Гилярова о моей книгѣ не принята въ *Русскій Вѣстникъ*, ибо содержитъ въ себѣ рѣзкія Славянофильскія убѣжденія...... И такъ, Катковъ выведенъ на свѣжую воду, и наши имена должны быть выключены изъ числа участниковъ“ [290]).

Незадолго же передъ тѣмъ, самъ С. Т. Аксаковъ писалъ И. С. Тургеневу слѣдующее: „Ефремовъ сказалъ мнѣ,

что вы пишете повѣсть для Каткова. Пожалуйста, пишите. Мнѣ жалко на него смотрѣть. Онъ бьется какъ рыба объ ледъ, а замѣчательныхъ статей взять негдѣ. Петербургъ грабитъ Москву. Поклонитесь графу Л. Н. Толстому. Не напишетъ ли онъ что-нибудь для *Русскаго Вѣстника*? Какое бы это было доброе дѣло" [291]).

Не смотря на это, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* былъ напечатанъ разборъ *Семейной Хроники*, написанный сыномъ М. А. Дмитріева, Ѳедоромъ Михайловичемъ, изъ котораго Т. С. Аксаковъ сдѣлалъ для своего сына Ивана слѣдующую выписку: „Какъ ни пріучилъ насъ авторъ находить всегда чистое золото въ своихъ сочиненіяхъ, какъ ни привыкли мы ожидать живыхъ и поэтическихъ впечатлѣній отъ его слова, о чемъ бы оно ни шло, хотя бы о вальдшнепахъ или ершахъ,—новое сочиненіе его, эта *Семейная Хроника* поразила насъ и навѣрное весь читающій міръ своими первостепенными красотами. Нельзя оторваться отъ этихъ чудныхъ страницъ; съ увлеченіемъ читаешь и перечитываешь эти очаровательные разсказы. Вотъ она чистая и истинная художественность! Какая полнота, какая свѣжесть, какая зрѣлость и истина! Удивительное соединеніе юношескаго огня съ зрѣлостью старца! Только прекрасная, полная жизнь могла увѣнчаться такою силою и чистотою внутренняго зрѣнія".

Къ этой выпискѣ, С. Т. Аксаковъ приписалъ отъ себя: „Вчера я не прочелъ этой статьи, а сегодня поутру прочелъ ее самъ и былъ задѣтъ за живое одной строкою: ты самъ догадаешься, какой".

Прочитавъ эту выписку, И. С. Аксаковъ писалъ своему отцу: „Благодарю васъ за сообщеніе строкъ *Русскаго Вѣстника* о вашей книгѣ; пріятно было мнѣ прочесть ихъ, но понимаю—какою строкою были вы задѣты за живое" [292]).

Во время учрежденія *Русской Бесѣды*, къ Славянофиламъ примкнулъ бакалавръ Московской Духовной Академіи Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ.

По свидѣтельству біографа его, князя Николая Владиміро-

вича Шаховскаго, „1855 годъ былъ для Гилярова самымъ роковымъ въ его жизни. Въ концѣ этого года, онъ вынужденъ былъ покинуть каѳедру въ Московской Духовной Академіи и навсегда". А профессорская дѣятельность была такъ сродна съ его природой. „Это было дарованіе изъ ряда вонъ выходящее", — говоритъ о Гиляровѣ одинъ изъ его учениковъ протоіерей П. А. Смирновъ,— „какая необыкновенная гибкость мысли, какая роскошь фантазіи, какое ясное и живое слово! Это былъ даровитѣйшій профессоръ, и, конечно, это было его призваніе. До сихъ поръ звучитъ въ ушахъ его льющаяся, живая, образная рѣчь. До сихъ поръ предносятся въ воображеніи нарисованныя имъ картины. И читалъ онъ о расколѣ, гдѣ такое обиліе красокъ естественныхъ. Позднѣйшая дѣятельность, какъ публициста, казалась мнѣ уже нисхожденіемъ съ каѳедры. Нѣтъ, не здѣсь, думалось мнѣ, мѣсто этому уму. Здѣсь онъ былъ второй или третій; тамъ онъ могъ быть первымъ и даже какъ бы единственнымъ" [293]).

Но, не смотря на все это, митрополитъ Московскій Филаретъ, 12 октября 1855 года, писалъ А. И. Карасевскому слѣдующее: „Академія представила объ увольненіи бакалавра Гилярова Этотъ человѣкъ хорошо замѣченъ мною, когда еще былъ студентомъ; потомъ на испытаніяхъ дѣло его казалось въ порядкѣ. Но когда ему поручено ученіе о расколѣ и онъ началъ писать о семъ, оказалась нужда въ исправленіяхъ. *Дошло до меня*, что въ его урокахъ встрѣчаются сомнительныя мысли, и не имѣютъ способа повѣрить ихъ, потому что онъ письменные уроки даетъ студентамъ поздно, и не всѣ. Посему я потребовалъ отъ него письменныхъ его уроковъ, и нашелъ ихъ въ неудовлетворительномъ состояніи: и по Герменевтикѣ встрѣтилъ нѣкоторыя невѣрныя мысли, заимствованныя у Нѣмецкихъ писателей. Онъ согласился прекратить сіе затрудненіе самымъ удобнымъ образомъ, то-есть, оставить Академію. *Впрочемъ, не думаю, чтобы образъ мыслей былъ поврежденъ въ основаніи*. Вѣроятнѣе, что плѣняясь новостію, схватывалъ иногда чужую мысль, не обд...

лавъ, къ какой системѣ она принадлежитъ. Онъ человѣкъ естной жизни и семейный. Не вдругъ, вѣроятно, найдетъ другое мѣсто службы и хлѣбъ По сему, если за семилѣтнюю службу, попросятъ ему куска хлѣба на дорогу, — благоволите не отказать" [294]).

По свидѣтельству біографа Гилярова князя Н. В. Шаховкаго, „была и другая скрытная причина увольненія Гилярова изъ Академіи, и едва ли не важнѣйшая,—это неудовольствіе вообще академическихъ духовныхъ лицъ на него а то, что онъ на своихъ чтеніяхъ раскрывалъ будущимъ пастырямъ церкви недостатки и слабыя стороны современнаго уховенства, а также и господствовавшіе фальшивые пріемы ъ борьбѣ съ расколомъ".

Удаленіе Гилярова изъ Академіи сопровождалось и увольненіемъ его изъ духовнаго званія [295]).

Въ судьбѣ Гилярова многіе приняли теплое участіе. 6 октября 1855 г., графиня А. Д. Блудова писала Погоину: „У меня уже давно лежитъ письмо къ вамъ, котораго о почтѣ никакъ нельзя послать. Между тѣмъ, пріѣхалъ Катовъ и привезъ мнѣ ваше письмо и письмо Гилярова. Какъ ольно видѣть, что такіе (въ разномъ родѣ и на разной степени) достойные люди, какъ митрополитъ и Гиляровъ, находятся въ такихъ отношеніяхъ, что безъимянный доносъ можетъ такую произвести исторію! Боже мой! такъ мало людей естныхъ и способныхъ у насъ, а надобно же, чтобъ и это алое число не ладило между собою. Пожалуйста, узнайте, *то именно* доносили противъ Гилярова? и что́ побудило митрополита къ такой строгой мѣрѣ? Это непремѣнно нужно нать, потому что если не имѣть средствъ опровергнуть обвиненіе, то ему непремѣнно испортитъ всю будущность такая *аинственная* исторія и гнѣвъ митрополита. Пользуюсь отъѣздомъ Бутенева, чтобы эти строчки прибавить. Вы знаете, огда бываютъ оказіи изъ Москвы сюда,—напишите поскорѣе ѣ подробности".

Пользуясь поѣздкою въ Москву товарища министра На-

роднаго Просвѣщенія князя П. А. Вяземскаго, графиня Блудова писала Погодину: Постарайтесь познакомить его съ Гиляровымъ и узнать, возможно ли достать мѣсто по Министерству".

Вслѣдъ за симъ и самъ Гиляровъ отправился въ Петербургъ хлопотать о мѣстѣ. Въ ноябрѣ 1855 года, К. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Завтра ѣдутъ въ Петербургъ: Гиляровъ и Княжевичъ. Гиляровъ неожиданно явился къ намъ во время обѣда и будетъ сегодня у насъ въ 6-мъ часу. Все собирается сбѣгать къ вамъ, но пропасть дѣлъ и хлопотъ" [296]).

Благодаря содѣйствію добрыхъ людей, Гилярову удалось получить мѣсто цензора въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ. „Но",—замѣчаетъ князь Н. В. Шаховской,—„скорбь и туга цензорской должности могли ли замѣнить радости творческой работы на поприщѣ родномъ и горячо любимомъ" [297])!

LXVI.

„Вотъ уже 1 февраля 1856 года",—писалъ М. А. Максимовичъ, съ своей Михайловой Горы, Погодину, — „а объ тебѣ нѣтъ мнѣ, ни слуху, ни духу, любезный друже Погодине!—Ни послѣдками прошлогодняго *Москвитянина*, ни началками новаго... Что это значитъ?.. Тогда какъ въ Москвѣ воздвизаются уже, слава Богу, новые дѣятели—и *Вѣстникъ* и *Бесѣда—Русскіе*, ты, Русская душа, съ своимъ заслуженнымъ *Москвитяниномъ* ужь ли замолкаешь и возлежишь?.. Или какія новыя замышленія въ жизни выбиваютъ изъ прежней колеи твой работный возъ или вагонъ?.. Такъ, разныя неясныя мысли приходятъ иногда мнѣ въ голову въ нынѣшнее время, когда и общерусская жизнь — стоитъ ли между огнемъ войны и тепломъ мира—Богъ вѣсть, ставши на порогѣ новаго великаго покоя, въ который должна она, кажется, войти съ новымъ царствованіемъ... Подай Господи". Въ другомъ письмѣ, отъ 15 февраля, Максимовичъ писалъ:

„Что это?.. Совершилось, нѣтъ его!.. А жаль мнѣ *Москвитянина*,—я такъ привыкъ къ нему и любилъ его“ [298])...

На это Погодинъ отвѣчалъ: „*Москвитянинъ* хотѣлъ было и уничтожить и очистить мѣсто новымъ дѣятелямъ, но они выходятъ на сцену что-то мертвенно, и я рѣшаюсь потянуть еще“ [299])...

„Ты усладилъ меня“,—писалъ Максимовичъ Погодину,—„письмомъ твоимъ, отъ 16 февраля, полученнымъ 8 марта. Меня какъ елеемъ умастилъ ты изображеніемъ твоей дѣятельности кабинетной и общественной, и записками о войнѣ и корректурами двухъ томовъ, а равно и вѣстью, что возлюбленный *Москвитянинъ* еще потянетъ“!

Еще въ бытность свою въ Петербургѣ, Погодинъ, 5 декабря 1855 года, писалъ оттуда въ Москву: „Пошлите скорѣе записку къ Степанову, чтобы скорѣе печаталъ *Москвитянинъ*. Просятъ здѣсь и совѣтуютъ, чтобъ не оставлять его. Спросите Аксакова-старика, говорилъ ли онъ съ Кошелевымъ. Пусть онъ велитъ просто собирать имъ первую книжку, а перетолкуемъ все по пріѣздѣ.“

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ получилъ отъ министерскаго чиновника Г. П. Данилевскаго, слѣдующую записочку: „Съ той поры, какъ вы, оставили Петербургъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, ваше имя не переставало долетать до насъ. Въ покояхъ князя Вяземскаго оно раздавалось часто. Радуемся, что *Москвитянинъ* опять будетъ издаваться“.

Въ январѣ 1856 года, князь П. А. Вяземскій писалъ Погодину: „Прошеніе о *Москвитянинѣ* пошло въ ходъ. Надѣюсь, что скоро получите удовлетворительный отвѣтъ“; а 27 января того же 1856 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Правда ли, что живъ курилка, т.-е. *Москвитянинъ*? Я какъ-то обрадовался этому извѣстію“ [300]).

Но *Москвитянинъ* потянулъ недолго. Въ январѣ 1856 г., Погодинъ опять вошелъ въ переговоры съ А. А. Григорьевымъ „о возобновленіи *Москвитянина*“ [301]).

Долго не являлся А. А. Григорьевъ на вызовъ Погодина и наконецъ написалъ ему обширнѣйшее письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Вы звали меня нѣсколько разъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ — и я не являлся. Не явлюсь даже и теперь, по послѣднему вашему зову. Я погибъ вмѣстѣ съ *Москвитяниномъ*, ибо *Москвитянинъ*, въ послѣднее время, былъ *я*. Мнѣ остается одно утѣшеніе — знать, что я могъ матеріально не погибнуть, перейдя подъ другія знамена—и предпочелъ, предпочитаю и предпочту честную (передъ внутреннимъ судомъ) гибель—житейскимъ выгодамъ.

„Н. Н. Воронцовъ говорилъ, что вы посылали его ко мнѣ съ предложеніемъ собрать вокругъ себя сотрудниковъ, и объявить себя редакторомъ *Москвитянина* наканунѣ новаго года. А назадъ тому съ годъ, я пламенно добивался у васъ того, что я называлъ диктаторствомъ, писалъ вамъ проектъ циркуляра ко всей братьи.—Вы назвали это чуть что не ребячествомъ, какъ неудобо забываемый называлъ вѣроятно ученымъ идеализмомъ ваши посланія къ нему. А я зналъ, что именно *головы*, какой бы то ни было, не достаетъ нашему кружку и нашему направленію. Теперь же, чуть что не насмѣшкою былъ вашъ проэктъ. *Москвитянинъ* погибъ и ему не возстать, если 1) *кто-либо* не приметъ твердой рѣшимости *два года* издавать его въ убытокъ и съ пожертвованіями; 2) если *кто-либо* не вырветъ меня изъ ада, въ которомъ я сижу по горло—ибо я одинъ, да... Эдельсонъ твердо знаемъ, что *нашъ* журналъ, *наше* направленіе—былъ не *Вѣстникъ*, не *Бесѣда*, которая едва ли не будетъ журналомъ Троицкой Лавры и проч., а *Москвитянинъ* и ваше направленіе (*народность* демократическая и прогрессивная) и изъ насъ двухъ *плотью* и *кровью* связанъ съ Литературой только я... А между тѣмъ, сидя въ аду только по уши, я не лишился глазъ и ясно вижу, что — *Вѣстникъ* съ первой же книжки „первый блинъ да комомъ“—мертвечина, темна вода въ облацѣхъ воздушныхъ, безжизненный эклектизмъ или худо

крытое (какъ въ Соловьевой статьѣ) презрѣніе къ народно-
ти и кореннымъ началамъ быта—предчувствую (а мои пред-
увствія куда какъ всѣ вѣрны), что *Бесѣда* сойдется съ бла-
женной памяти *Маякомъ*—въ своихъ *послѣднихъ* результа-
ахъ, что жизненное, народное направленіе можетъ сказать
себѣ: *лиси язвины имутъ и птицы гнѣзда, Сынъ же Чело-
вѣческій не имать гдѣ главу подклонити.* Иногда я очень
сно сознавалъ вмѣшательство злого духа въ наше пред-
пріятіе, искусно пользовавшагося самолюбіемъ каждаго изъ
асъ, отъ васъ начиная, какъ головы, и до меня какъ до
хвоста метущаго включительно—и я, кажется, говорилъ вамъ
объ этомъ.

„Я лично истерзанъ до того, что желаю только покоя
смерти, безъ малѣйшей фразы; если что еще воздерживаетъ
меня отъ самоубійства, такъ это — право, не *дѣти*, ибо я
вѣрю, что Богъ *Правосудный* ко мнѣ, будетъ *милосердъ* къ
нимъ, что ихъ не оставитъ дѣдъ и Евгеній: — не *страхъ*
смерти, не вѣра въ будущую жизнь—ибо какъ ни вертись,
невольно остаешься съ вѣрою не догматическою, а вѣрою
въ Бога—любовь всепрощающую и всепонимающую,—а во-
просъ: къ чему же дана эта жажда дѣятельности, эта раз-
ражительная способность жить высшими интересами? Должно
же найдтись всему этому употребленіе. О! какъ бы пла-
менно повѣрилъ я въ Бога, какъ бы я пошелъ за Нимъ,
если бы хоть разъ милосердіе, а не одно неумолимое пра-
восудіе, отвѣтило мнѣ на душевные вопросы.

„Письмо мое похоже на исповѣдь, потому что надобно же
хоть разъ высказаться совсѣмъ—одному изъ немногихъ лю-
дей, въ которыхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, не утра-
тилъ еще вѣры. Не желаю только — и имѣю право не же-
лать, чтобы оно, валяясь на вашемъ столѣ или подъ столомъ,
въ сору разной бумаги, служило пищею для празднаго любо-
пытства приходящихъ.

„А *Москвитянинъ* зеленаго цвѣта! Какъ бы желалъ я воз-
вратить то время, когда мы всѣ такъ вѣрили, такъ надѣя-

лись, такъ любили *наше* дѣло... Но и при этихъ воспоминаніяхъ примѣшивается у меня *желчное* чувство. Были минуты, когда вы выдали меня головою людямъ, которыхъ любилъ я не меньше, чѣмъ вы, которымъ вѣрность и любовь братскую доказывалъ я и доказываю съ смиреніемъ фанатика, но которымъ надобно было показать, что вы придаете мнѣ какое либо значеніе: это было бы полезнѣе и для нихъ, дѣйствовавшихъ тогда подъ вліяніемъ необузданности и ослѣпленія. Вы выдали меня, повторяю я — и при томъ тогда, когда годъ моей энергической дѣятельности доказалъ, по вашимъ же словамъ, „что только на меня можно основательно понадѣяться". Вы и представить не можете, какую важность въ отношеніи ко всему послѣдующему имѣлъ этотъ фактъ.

„Собственно говоря, я не знаю, что еще въ настоящую минуту меня поддерживаетъ. Вѣра въ какія-то чудеса, а чудесъ не бываетъ.

„Повторяю вамъ, что въ возможности выхода изъ положенія—я обманутъ легкомысліемъ и безхарактерностью человѣка, мнѣ близкаго. Я васъ не обманывалъ.

„Убѣдившись въ томъ, что *все* меня обмануло, я впалъ въ отчаяніе. Въ отчаяніи вещи, можетъ быть, представляются хуже, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ. Повторяю вамъ, что я *слоняюсь* безъ дѣятельности, пожираемый жаждой дѣла — и не могу ничего дѣлать, хоть убейте: начинаю, и не въ силахъ продолжать. Что бы я дѣлалъ дѣло, нужно чтобъ я былъ спокоенъ, чтобы я думалъ о дѣлѣ, а не о себѣ. Мысль о себѣ и вѣчно о себѣ — надоѣла мнѣ страшно... Я радъ былъ бы, чтобы расчистили только мои дѣла и на три года заперли бы меня (хоть буквально заперли бы), въ келью, въ тюрьму, пожалуй, съ книгами и бумагой, и чтобы я зналъ, что во время такого моего заключенія, моими трудами въ *довольствѣ* живутъ другіе. Теперь и это даже невозможно... А я все-таки чего-то надѣюсь!

„Въ настоящемъ случаѣ я надѣюсь, впрочемъ, только на

то, что вы все это поймете: поймете, что горько остаться чѣмъ-то въ родѣ подлеца въ отношеніи къ человѣку, котораго съ дѣтства ставилъ высоко, котораго я любилъ съ юношества; что ужасно видѣть въ себѣ Хлобуева и *знать*, что только фантазія поэта выручила такую личность какимъ-то идеальнымъ дѣломъ. Въ этомъ-то идеализмѣ — и ошибка и вредъ моральный *послѣдняго* Гоголевскаго направленія. Онъ покойникъ, какъ я же, дитя его мысли, не могъ разстаться съ мечтою, что „всякое стремленіе рано или поздно благодатію или чудомъ Божіимъ—получаетъ себѣ выходъ“ [302]).

22 января 1856 года, состоялось наконецъ личное свиданіе Погодина съ А. А. Григорьевымъ, и при этомъ послѣдній представилъ „планъ“ *Москвитянина* [303]) съ слѣдующимъ объявленіемъ объ изданіи сего журнала: „*Москвитянинъ*. Историческій и критическій журналъ. Подъ редакціею М. П. Погодина и А. А. Григорьева.

„Вступая нынѣ въ семнадцатый годъ своего существованія, и вмѣняя себѣ въ единственную заслугу постоянную вѣрность основнымъ положеніямъ своего взгляда,—въ настоящую минуту, когда журналы становятся сборниками болѣе или менѣе замѣчательныхъ произведеній беллетристики и учености, *Москвитянинъ* рѣшается, можетъ быть, нѣсколько смѣло— заключить свое содержаніе въ строгіе предѣлы собственно— журнала. Не имѣя ни возможности, ни охоты соперничествовать съ другими журналами въ помѣщеніи замѣчательныхъ литературныхъ произведеній, которыя всѣ—на перечетъ,— не желая, съ другой стороны, распространять литературное безвкусіе помѣщеніемъ оригинальнаго и переводнаго беллетристическаго хлама, — онъ, отказываясь отъ необходимаго для другихъ журналовъ отдѣла Словесности,—льститъ себя надеждою уйти отъ зависимости критики отъ литературы налагаемой нѣкоторымъ образомъ этою необходимостью — и сколь бы ограниченъ ни былъ кругъ его читателей,—будетъ утѣшать себя тѣмъ, что дѣлаетъ дѣло для любящихъ дѣло“.

Въ февралѣ же 1856 года, заключено между Пого-

динымъ и Григорьевымъ слѣдующее условіе: 1) *Москвитянинъ* выходитъ подъ редакціею М. П. Погодина и А. А. Григорьева,—что̀ и должно быть обозначено на заглавномъ листѣ каждаго нумера. 2) Всѣ статьи, предназначенныя для печатанія въ книжкахъ журнала, кромѣ статей самого М. П. Погодина, равно какъ и все, присылаемое въ Редакцію, просматриваются, измѣняются или сокращаются, по надобности А. Григорьева. 3) Назначеніе тѣхъ или другихъ статей въ книжку и распредѣленіе ихъ въ оной, зависитъ отъ взаимнаго соглашенія обоихъ редакторовъ. 4) За критическія статьи, библіографію и театральную хронику (все вмѣстѣ, не менѣе *пяти* листовъ въ мѣсяцъ) и за редакцію, собственно А. Григорьевъ получаетъ ежемѣсячно, 1-го числа,—начиная съ 1-го марта сего года,—*сто десять* рублей серебромъ—и *разъ* въ недѣлю, преимущественно въ представленія новыхъ пьесъ, должны быть доставляемы ему кресла въ театръ. 5) Если число подписчиковъ журнала дойдетъ до 800, то, начиная съ этого количества, А. Григорьевъ, получаетъ по *рублю* серебромъ съ каждаго новаго подписчика. 6) Цѣна *Москвитянина* подписная не должна превышать *восьми* (8) руб. серебромъ, за нынѣшній (1856 г.) неполный и *десяти* (10)—за слѣдующіе полные годы для Московскихъ подписчиковъ и *девяти* и *одиннадцати*—для иногородныхъ. 7) Контора журнала—у какого бы книгопродавца ни была она назначена—обязана доставлять всѣ *нововыходящія* книги немедленно въ домъ М. П. Погодина. Отвѣтственность за утрату книгъ лежитъ на А. Григорьевѣ, который будетъ принимать ихъ подъ росписку въ книгѣ и возвращать также подъ росписку книгопродавца или разсыльнаго. 8) Должны быть выписываемы всѣ Русскіе журналы литературные и тотчасъ по полученіи выдаваться подъ росписку А. Григорьеву. Должны быть выписываемы равномѣрно и газеты Русскія—и аккуратно доставляемы непосредственно въ комнату дома М. П. Погодина, опредѣленную для редакторскихъ занятій А. Григорьева. 9) Корректура, смотрѣніе за

исправностію выхода, за переплетомъ и проч. — вообще типографская часть, должна быть ввѣрена благонадежному человѣку, по выбору редакторовъ. 10) За статьи Эдельсона платится сему послѣднему *по двадцати пяти* рублей сер. за печатный листъ. 11) А. В. Дружинину, если согласится онъ принять участіе въ журналѣ, объ Англійской Литературѣ, платить по *пятидесяти* рублей серебромъ за печатный листъ. А. Н. Сѣрову, за статьи о М. И. Глинкѣ, если онъ согласится дать ихъ,—по *тридцати*; Н. А. Рамазанову,—по *тридцати* же. А. И. Дюбюку, за статьи о концертахъ, за музыкальную библіографію,—по *двадцати пяти* рублей серебромъ, за листъ печатный. 12) Для личныхъ переговоровъ съ нѣкоторыми изъ Петербургскихъ литераторовъ, редакторъ А. Григорьевъ, тотчасъ же по подписаніи сихъ условій, долженъ отправиться въ Петербургъ, на *шесть* дней (включая въ оные и два дня проѣзда). На дорогу и содержаніе себя въ Петербургѣ должно быть ему выдано не въ счетъ его жалованья *пятдесятъ* рублей серебромъ. 13) Первая книжка должна выйдти не ранѣе 10-го марта, вторая—не позднѣе 20-го. 14) Статьи политическаго отдѣла должны быть писаны М. П. Погодинымъ и В. Н. Лешковымъ. Въ этотъ отдѣлъ редакторъ А. Григорьевъ не вмѣшивается".

Сіе условіе подписали и „взаимною довѣренностью утвердили: Дѣйствительный статскій совѣтникъ и академикъ М. Погодинъ. Титулярный совѣтникъ Аполлонъ Григорьевъ".

Но къ этому условію А. А. Григорьевъ присоединилъ и слѣдующее: „Судьбы *Москвитянина*, въ настоящую минуту, такъ тѣсно связаны съ судьбами вашего покорнѣйшаго слуги, что, думая объ одномъ, вы необходимо должны думать и о другомъ. Дѣло въ томъ, что *Москвитянинъ* можетъ быть издаваемъ *дешево и сердито*, если только мнѣ будетъ дана возможность дышать свободно, а для этого нужно, чтобы вы своимъ кредитомъ устроили меня въ служебномъ отношеніи. При моемъ теперешнемъ адски-запутанномъ положеніи дѣлъ, мнѣ нужно внѣ Литературы (которая не должна быть па-

сущнымъ хлѣбомъ)—сто двадцать пять рублей серебромъ въ мѣсяцъ, изъ чего половина отдѣляться будетъ на уплату долговъ, объ этомъ я васъ прошу *слезно*, въ видахъ, какъ собственно своихъ, такъ и *Москвитянина*. Неоднократно замѣчено мною надъ собой, да, вѣроятно, и вами надо мной, что чѣмъ больше у меня дѣятельности, тѣмъ я больше работать способенъ. Однимъ словомъ, устройте меня такъ, какъ былъ я устроенъ за пять лѣтъ назадъ—а остальное предоставимте волѣ Божіей, или правой мысли и времени. Разъ я оперся на прочную почву—я буду и дѣйствовать прочно. Не требуйте отъ меня того, чего отъ современнаго человѣка, къ несчастію его, нельзя уже требовать: твердости въ дѣлѣ при бѣдствіяхъ, забвенія себя и своихъ дѣлъ—въ дѣлѣ. Богъ видитъ всю искренность моего желанія, какъ можно больше служить дѣлу—Богъ же видитъ слабость мою. Онъ спасалъ меня отъ искушенія—обратить общее святое дѣло въ дѣло личной выгоды. Помогите же мнѣ *подняться*, вмѣнивши мнѣ въ заслугу (увы! и отрицательныя добродѣтели *вмѣняемы* современному человѣку), что я, пока еще Богъ не оставилъ меня,—не *перебѣжчикъ*, не *воръ*, не *рабъ*"...

Но изъ всѣхъ этихъ переговоровъ Погодина съ Григорьевымъ, о возстановленіи *Москвитянина*, не вышло ничего.

LXVII.

Послѣ неудачныхъ переговоровъ Погодина съ Славянофилами, о сдачѣ имъ *Москвитянина*, у Славянофиловъ явилась опять мысль, подъ кровомъ *Русской Бесѣды* возстановить *Москвитянинъ*. Для достиженія сей цѣли, впрочемъ, не достигнутой, А. И. Кошелевъ обратился къ А. А. Григорьеву съ предложеніемъ быть сотрудникомъ *Русской Бесѣды*. На это предложеніе А. А. Григорьевъ, отъ 25 марта 1856 года, отвѣчалъ: „Принявши съ величайшею радостью весьма лестное предложеніе ваше, какъ совершенно удовлетворяющее всѣмъ моимъ лучшимъ убѣжденіямъ, я только потомъ могъ

нѣсколько обдумать дѣло; разсмотрѣть его не съ одной, а съ нѣсколькихъ сторонъ... Вы хотите, возстановляя *Москвитянинъ*, сохранить одинъ изъ оттѣнковъ нашего общаго направленія,—оттѣнокъ, замѣтьте, нѣсколько отличный отъ вашего, отъ старшаго Славянофильства. Главнымъ образомъ, мы расходимся съ вами во взглядѣ на Искусство, которое для васъ имѣетъ значеніе только служебное, для насъ—совершенно самостоятельное, если хотите—даже высшее, чѣмъ Наука. Когда я говорю, что *главнымъ* образомъ мы въ этомъ расходимся, то говорю не совсѣмъ точно,—надо бы сказать: единственно въ этомъ,—во всемъ остальномъ, т.-е. въ ученіи о самостоятельности развитія, о непреложности Православія, мы (по крайней мѣрѣ, я лично) охотно признаемъ васъ старшими, а себя учениками. Въ отношеніи къ взгляду на народность, различія наши могуть быть, какъ мнѣ кажется, формулированы въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) Глубоко сочувствуя, какъ вы же, всему разноплеменному Славянскому, мы убѣждены только въ особенномъ превосходствѣ начала Великорусскаго передъ прочими и, слѣдовательно, здѣсь болѣе исключительны, чѣмъ вы, — исключительны даже до нѣкоторой подозрительности, особенно въ отношеніи къ началамъ Ляхитскому и Хохлатскому. 2) Убѣжденные, какъ вы же, что залогъ будущаго Россіи хранится только въ классахъ народа, сохранившаго вѣру, нравы, языкъ отцовъ,—въ классахъ нетронутыхъ фальшею цивилизаціи,—мы не беремъ таковымъ исключительно *одно* крестьянство: въ классѣ среднемъ, промышленномъ, купеческомъ по преимуществу, видимъ старую, извѣчную Русь, съ ея дурнымъ и хорошимъ, съ ея самобытностью и, пожалуй, съ ея подражательностью,—чертой, которою Славянъ попрекали чуть что не до первыхъ минутъ ихъ историческаго существованія, — чертой, которою объясняется и нѣкоторая порча языка средняго сословія, и нѣкоторая *мишура* въ жизни, и нѣкоторыя въ высшей степени комическія явленія быта. *Значитъ*, здѣсь мы менѣе, чѣмъ вы, исключительны, коли хотите—менѣе, чѣмъ вы, цѣломудренны.

„Вотъ наши различія *положительныя*. Изъ нихъ вытекаетъ *покамѣстъ* наружу, литературно, вотъ какое послѣдствіе: *большее* сравнительно съ вами поклоненіе Пушкину и *меньшее* сравнительно съ вами же поклоненіе Гоголю . . . Не любимъ мы того же, что и вы не любите . . . И такъ, хотите ли вы поддержать и сохранить таковый оттѣнокъ направленія, котораго свойства я формулировалъ сравнительно и по крайнему разумѣнію? Если да, то въ такомъ случаѣ, едва ли возможны въ будущемъ *Москвитянинѣ* иныя для насъ отношенія, какъ слѣдующія: 1) Отдѣлъ критики литературныхъ произведеній состоитъ въ моемъ исключительномъ завѣдываніи: мое дѣло— и сотрудникъ для сего отдѣла, и просмотръ статей и т. д. 2) Въ другіе отдѣлы я не мѣшаюсь. 3) Имя мое—вмѣстѣ ли съ вашимъ или другимъ именемъ, но должно быть на журналѣ. 4) Тотчасъ же по рѣшеніи нашего дѣла, вы отправляете меня въ Петербургъ, для набора хорошихъ статей у кого нужно“.

Хотя соглашеніе съ А. А. Григорьевымъ на этихъ условіяхъ не состоялось, но тѣмъ не менѣе, онъ помѣстилъ въ Русской Бесѣдѣ статью, подъ заглавіемъ: *О правдѣ и искренности въ Искусствѣ* [304]).

Въ то самое время, когда А. А. Григорьевъ велъ переговоры, съ одной стороны, съ Погодинымъ, а съ другой—съ Кошелевымъ, о возстановленіи *Москвитянина*, — Погодинъ получилъ слѣдующее письмо отъ И. Д. Бѣляева (29 марта 1856 г.): „Во вторникъ, былъ у меня А. А. Григорьевъ; я ему говорилъ почти все то, что̀ вы писали мнѣ въ вашей запискѣ, хотя еще и не получалъ ее. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что при всемъ душевномъ искренномъ уваженіи къ вамъ, при всемъ согласіи своихъ убѣжденій съ характеромъ *Москвитянина*, онъ, противъ собственнаго своего желанія, долженъ перейти въ *Современникъ*, гдѣ его принимаютъ и куда убѣждаютъ перейти люди, обезпечивающіе существованіе самого *Современника*, и даютъ вознагражденіе гораздо большее, нежели то, которое вы предлагаете за редакцію *Москвитя-*

ина. Сверхъ того, онъ прямо мнѣ сказалъ, что тѣ условія ъ вознагражденіи, на которыя онъ съ вами прежде соглаался, для него недостаточны, да и самый трудъ, по шести истовъ въ книжку, выше его силъ. А ему, очевидно, не хоѣлось бы отстать отъ *Москвитянина*, а еще болѣе ему не очется отстать отъ васъ; онъ прямо говоритъ, что никто акъ не можетъ издавать *Москвитянинъ*, какъ вы, Михаилъ Іетровичъ. Ежели *Современникъ* нашелъ себѣ обезпечивателей, о неужели *Москвитянинъ* такъ несчастливъ, что долженъ януть деньги только изъ вашего кармана. Нельзя ли втяуть въ это дѣло г. Кокорева, который бы далъ средства величить вознагражденіе участникамъ Редакціи, и поставилъ онторскую часть *Москвитянина* въ лучшее положеніе. *Москвитянинъ* не можетъ издаваться не вами, вы его душа, ы сила; ежели *Москвитянинъ* перейдетъ въ другія руки, то отеряетъ весь свой смыслъ. Ради Бога, Михаилъ Петровичъ, одумайте о денежныхъ средствахъ *Москвитянина*, этого усскаго, чисто Русскаго, православнаго молодца, онъ вполнѣ остоинъ того, чтобы поболѣть о немъ. Мы, ваши участники, отовы работать до упаду, но увы, мы не безплотные, а чтобы ормить и поить плоть, нужны деньги“ [305]).

По той же причинѣ принужденъ былъ оставить *Москвиянинъ* и А. Н. Островскій. Въ *Дневникѣ* А. В. Никитенко, одъ 29 февраля 1856 года, мы читаемъ: „На дняхъ былъ а двухъ литературныхъ чтеніяхъ: у князя Вяземскаго, гдѣ италъ свое произведеніе графъ Левъ Толстой, и у Тургеева, гдѣ читалъ Островскій, сперва небольшую пьесу *Семейая Картина*, а потомъ драму, тоже заимствованную изъ Русихъ нравовъ и быта. Островскій, безспорно, даровитѣйшій зъ нашихъ современныхъ писателей, которые строятъ свои озданія на народномъ или, лучше сказать, простонародномъ лементѣ... Самъ Островскій совсѣмъ не то, что̀ о немъ разлашала одна литературная партія. Онъ держитъ себя скромно, рилично: вовсе не похожъ на пьяницу, какимъ его разгла-

шаютъ, и даже очень пріятенъ въ обращеніи. Читаетъ онъ свои піесы превосходно" [306]).

Семейная Картина,—это одно изъ старинныхъ произведеній Островскаго, писанное еще въ 1846 году, и оно появилось въ апрѣльской книжкѣ *Современника* 1856 года.

Оставленный всѣми Погодинъ, снова обратился къ Славянофиламъ за содѣйствіемъ, возстановить свой погибающій *Москвитянинъ*, и, по своему обычаю, кинулъ имъ колкую записку. На эту записку, Кошелевъ, 9 апрѣля 1856 года, отвѣчалъ Погодину: „Ваша записка, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, слишкомъ гнѣвна. Вы говорите, что мы дѣла не понимаемъ,—быть можетъ; но это будетъ рѣшено временемъ. Ваша записка о передачѣ журнала нами найдена вовсе не столько опредѣлительною и точною, какъ вы думаете. Мы переговорили и вотъ что рѣшили. Объ условіяхъ передачи прошлогодней (1855) теперь разговора быть не можетъ, ибо тогда у насъ не было журнала, а теперь мы имѣемъ журналъ, который въ будущемъ году мы можемъ издавать и въ иные сроки, если то сочтемъ болѣе удобнымъ. *Москвитянинъ* мы можемъ взять и весьма охотно на слѣдующихъ условіяхъ: Съ 1-го генваря (1857), мы принимаемъ его совершенно (въ августѣ 1856 г. объ этомъ подадимъ общую просьбу), до 1-го генваря, считая съ 1-го іюля (1856), мы принимаемъ его съ тѣмъ, чтобъ онъ оставался подъ вашимъ именемъ главнымъ редакторствомъ, а подредакторами вы будете имѣть по вашему же назначенію, Безсонова, Бартенева и Григорьева (каждый будетъ имѣть свою часть). Хозяйственную часть по журналу мы принимаемъ на себя; всѣ убытки принимаемъ также на себя; а барыши предоставляемъ въ пользу главнаго редактора. Прежде 1-го іюля (1856) начать изданія нельзя ибо никто не берется за это; а начать неакуратностями или помѣщеніемъ однихъ грузныхъ неживыхъ статей — это невозможно. Слѣдовательно, издавать надобно съ 1-го іюля (1856). Деньги, полученныя вами съ подписчиковъ (количество коихъ по вашимъ словамъ до ста), вы намъ отдадите статьями и

нашему выбору, цѣною по тридцати руб. сер. за листъ. За ваши статьи вы будете получать по пятидесяти руб. сер. съ печатнаго листа. Мы желаемъ, главное, сохранить васъ въ изданiяхъ нашихъ, посвященнымъ общему дѣлу. Вы будете участвовать во всѣхъ совѣщанiяхъ нашихъ по нашимъ изданiямъ, и мы особенно дорожимъ вашею опытностью и смѣтливостью. Теперь пока у васъ свой журналъ, а у насъ свой, то мы дѣйствуемъ каждый особнякомъ, но когда они сольются, то всѣ совѣщанiя будутъ общiя.—Часть хозяйственная также можетъ быть предметомъ совѣщанiй, но рѣшительный голосъ принадлежитъ избранному диктатору—каковымъ на нынѣшнiй годъ,—азъ многогрѣшный. Если въ чемъ недоумѣнiе и неясность, то скажите. Мы съ вами расходиться отнюдь не желаемъ, а напротивъ, — общее дѣло должно быть сообща и вестись. Прощайте. Дайте отвѣтъ рѣшительный, ибо Безсоновъ вчера у меня объ этомъ спрашивалъ. Противъ сильнаго участiя Бѣляевыхъ въ журналѣ мы никакого возраженiя не имѣемъ".

Получивъ это письмо, Погодинъ, подъ 9—10 апрѣля 1856 г., записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Новая досада отъ Кошелева. Думалъ о письмѣ къ нему. Рѣшаюсь издавать *Москвитянинъ* особо, вдали отъ этихъ... Длинное и скучное письмо къ Кошелеву"...

Отправляя это „длинное и скучное" письмо къ Кошелеву, Погодинъ сдѣлалъ слѣдующее надписанiе: *Для прочтенiя только и возвращенiя. Пишу, чтобъ выбросить изъ головы, ибо ненаписанное мѣшаетъ у меня другому*".

Вотъ что писалъ Погодинъ Кошелеву: „О злодѣи! Еще надо брать листъ, чтобъ положить имъ дѣло въ ротъ, а времени нѣтъ ни минуты лишней.

„1) Записка, можетъ быть, имѣетъ тонъ гнѣвный, потому что кровь еще не успокоилась послѣ вчерашняго оффицiальнаго гнуснаго объявленiя, мною слышаннаго, вами равнодушно принятаго, дѣтски обсуженнаго и легкомысленно оставленнаго.

„2) Не сердиться за *формы* выраженія—я, кажется, съ самаго начала ставилъ за первое условіе сношеній.

„3) *О передачѣ прошлогодней, разговора быть не можетъ, потому что у насъ есть журналъ.* Да развѣ о такой передачѣ я говорю? Вѣдь я говорю о передачѣ другого стараго журнала, который будетъ издаваться при первомъ, при вашемъ, который можете вы издавать во всякіе сроки. Помилуйте! Два по вашему единица! Слѣдовательно, вы двухъ перечесть не умѣете, позвольте вамъ сказать въ отвѣтъ на ваше между строками замѣчаніе: *разговора быть не можетъ.* Выходя изъ 2 = 1, вы, разумѣется, нашли мою выкладку неясною и неточною, но я дѣлалъ ее на основаніи 2 = 2.

„4) Я сказалъ, что вы дѣла литературнаго и журнальнаго не понимаете, и вотъ вамъ доказательство: Краевскій, не говоря ни слова, втрое готовъ дать за *Москвитянинъ*, и поручивъ его издавать Галахову или кому другому, онъ, имѣющій у себя газету, и невольнаго союзника въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, издаваемомъ его бывшими сотрудниками, а вы, имѣя противъ себя всѣхъ, и пр.... Дописывать не хочется фразъ, чтобъ кончить поскорѣе. Вамъ *необходимо* печатать комментаріи, объясненіе такъ сказать вашихъ статей, въ другомъ изданія для руководства общему мнѣнію, для отстраненія кривотолковъ, для приданія вѣса. Гдѣ же будете вы дѣлать это? Я проучу васъ! Я вообразить не могъ, чтобы вы на минуту остановились прежними своими условіями, которыя, не говоря о прочемъ, суть только малая уплата вамъ увеличенная для *Москвитянина*. Вы, кажется, никакъ не хотите понять того, что я продолжаю его съ мая (1856), въ видахъ передачи или продолженія, вслѣдствіе переговоровъ съ вами. Если же бы не понадѣялся я на васъ, то съ четвертой книги я наполнилъ бы его матеріалами (которыхъ у меня на десять лѣтъ) и текущими своими статьями и присылаемыми, не прибѣгая ни къ какимъ заказамъ. Въ видахъ соединенія, я на свой счетъ выписывалъ даже людей въ Москву. Вы затрудняетесь издать одинъ мѣсяцъ, а я изда-

ъ вѣдь годъ по вашей милости, вами теперь совершенно абываемый и мною напоминаемый, разумѣется, только въ ѣтъ на вашу выходку: *разговора быть не можетъ*. Переотрите-ка статьи *Москвитянина*, хоть и запоздавшаго, да реестръ заготовленныхъ статей!

„Далѣе, вы не понимаете, сказалъ я,—и повторяю. Вы хое брать у меня статьи *на выборъ*, между тѣмъ, какъ я ъ сказалъ: вотъ статьи, мною одобренныя. Моего одобре- достаточно, смѣю думать, для помѣщенія! А разсуждать вами о статьяхъ,—оборони Богъ! Я давалъ вамъ Максиича, а вы мнѣ отвѣчали: разсмотримъ, и на другой день вратили съ наддраніемъ! Ха, ха, ха! Вотъ вы какъ пониете дѣло. Вся книга *Бесѣды* или даже весь годъ этотъ женъ быть составленъ изъ такихъ статей, какъ Максимоа, чтобъ ни одной задоринки ни для кого тамъ не окаось. Это ученое изслѣдованіе;—вотъ отзывъ, котораго вамъ жно желать. А вы отвергаете такія статьи и помѣщаете тія, за которыми ѣздите пять разъ въ Петербургъ, довое дѣло до государя, приводите въ движеніе всѣ министера,—и подвергаетесь опасности получить новое запрещеніе. что же вы понимаете? Съ такимъ же искусствомъ состаи вы и первую книгу *Сборника* *), которая подарила вамъ мъ кандалы.

„Литературный мой ангелъ хранитель берегъ меня отъ стія въ ней, бережетъ и теперь отъ соединенія съ вами, что я его слезно и благодарю; если бы я былъ въ *Сборъ*, вѣдь я долженъ бы былъ раздѣлить вашу участь... эспектива и теперь не завидная, послѣ вчерашнихъ слуъ, послѣ такой обстановки вашей, что даже предложеніе *Библіотекѣ* производитъ страхъ!

„А у меня въ эту же самую минуту, въ 21 № *Москвитяа*,—котораго Рязанскіе политики даромъ читать не хотятъ, ечатаны слова въ честь общественнаго мнѣнія. *Русскій*

*) Московскаго. *Н. Б.*

Вѣстникъ есть мертвечина западная, а *Русская Бесѣда* будетъ мертвечиною восточною. Живого у васъ много, да не умѣете вы пускать его въ ходъ. Ну кто же умѣетъ дѣло дѣлать лучше, вы или я? Мнѣ васъ слушать или вамъ меня? Повторю—что это я шучу, и выбрасываю изъ головы лишнее, чтобы оно не мѣшало мнѣ въ *наиважнѣйшихъ* моихъ теперешнихъ мысляхъ, какихъ вы и не воображаете!

„Припоминаю еще смѣшную вещь, которая, впрочемъ, много мнѣ причинила досады: этотъ господинъ, который возвратилъ мнѣ Максимовича съ своимъ глубокомысленнымъ отказомъ, незадолго предъ тѣмъ поддоброхоталъ мнѣ *Балтійскихъ Славянъ* *), сказавъ, что они занимательны даже для свѣтскихъ женщинъ. Я сдуру-то и повѣрилъ ему и взялъ статью печатать съ благодарностію, а изъ нея, вмѣсто, 6—8 вышло, 25 печатныхъ листовъ, 400 почти страницъ и протянулась она на другой годъ. Если бы я зналъ впредь эту штуку, то я не взялъ бы тысячи рублей ее печатать, да и ни одинъ журналистъ ни за что на свѣтѣ не принялъ бы ея двадцатой доли. Какое же понятіе имѣете вы о журнальныхъ статьяхъ? Одной такой статьи въ 25 листовъ достаточно, чтобъ повалить журналъ. А теперь объявляется, что это еще только первая часть!! Въ заключеніе имѣется наглость, разумѣется слѣпая, требовать, чтобъ я заплатилъ за напечатаніе шести сотъ экземпляровъ, на которое самъ авторъ указывалъ даже, у кого должно было взять деньги. А, впрочемъ, онъ человѣкъ прекрасный и милый! Такъ точно и любезный Иванъ Васильевичъ **) поддоброхоталъ мнѣ во время оно *Житіе Паисія Величковскаго*, которое я, не читая, напечаталъ, предполагая чудо психологіи, или поэзіи, или простоты! Прочелъ черезъ два года да и ахнулъ!

„Прощайте! О, какъ бы я былъ радъ, если бы въ маѣ не говорилъ вамъ журнально здравствуйте! Во всякомъ слу-

---

*) Сочиненіе А. Ѳ. Гильфердинга. *Н. Б.*

**) Кирѣевскій. *Н. Б.*

нѣ, послѣдняя бѣда бываетъ горше первыя и я радъ, что та послѣдняя остраняется, а я литературно — журнальныя ношенія съ вами, какъ съ людьми *безтолковыми*, мелочными, оняющимися за береженіемъ огарка и сжигающими запасъ ла, превращающими свою крупичатую муку въ пшеничную, е понимающими, какъ дѣло дѣлается, мигнулъ и кивнулъ, рекращаю, совершенно веселый и не сердящійся нисколько.

„Повторяю—что я написалъ все это не для васъ, а для ебя: по свойству своей головы, я долженъ выбросить лишнее, иначе оно мнѣ мѣшаетъ, какъ зараза. Я не сержусь, не рдитесь и вы!

„Желаю вамъ всякаго успѣха; я увѣренъ, что какъ вы ни тараетесь портить, а все-таки будетъ много хорошаго и олезнаго.

„Возвратить прошу съ подателемъ, ибо такія вещи должны ставаться дома“.

Исполняя желаніе Погодина, А. И. Кошелевъ писалъ ему: Возвращаю вашу записку. Вы не сердитесь, да и я сердиться е намѣренъ; да и дни не такіе, чтобы другъ на друга рдиться. Вы находите, что мы люди *безтолковые* — быть ожетъ; но такими насъ матушка зародила, такими мы остаись и въ чужой толкъ взойти не можемъ. Просимъ прощея въ нашихъ прегрѣшеніяхъ и дружелюбно руку протяиваемъ“.

LXVIII.

Профессоръ Казанскаго Университета Ордынскій, въ феалѣ 1856 года, вопрошалъ Погодина: „Будете ли вы проолжать изданіе *Москвитянина* въ настоящемъ году?.. Желъ бы знать хоть о томъ, издадутъ ли книжки за прошлый 855) годъ“?... Въ томъ же письмѣ Ордынскаго читаемъ: Не знаю, помните ли вы Аристова, здѣшняго профессора. нъ съ вами встрѣчался въ Парижѣ, еще въ 1839 году. Мы асто съ нимъ толкуемъ о васъ, и онъ искренно жалѣетъ,

приговоровъ, которые только безплодно раздражаютъ умы, не принося пользы дѣлу. Въ настоящее время, *Московскія Вѣдомости* находятся подъ другою редакціею, и въ нынѣшнемъ году, дѣйствительно, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* встрѣчаемъ мы отзывы о журналахъ: но обо всѣхъ журналахъ, а не объ одномъ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Отдавая нынѣшней Редакціи этой газеты полную справедливость за способность и заботливость, съ какими поддерживаетъ она интересъ своего изданія, стараясь всячески разнообразить его и расширять его сферу, мы думаемъ, однако, что она ошибается, вмѣняя себѣ въ обязанность оцѣнку журналовъ. Впрочемъ, если редакція *Московскихъ Вѣдомостей* убѣждена, что изданіе ея много выиграетъ въ интересѣ и пользѣ, касаясь современной Русской Литературы и Журналистики, то все же мы думаемъ, что дѣло это должно быть ведено иначе. Интересъ и польза не въ быстролетной оцѣнкѣ, не въ эпитетахъ похвалы или порицанія, а въ ознакомленіи читателей съ тѣмъ, что дѣйствительно интересно и полезно... Изложить содержаніе замѣчательной статьи, представить изъ нея выписки — это, кажется намъ, интереснѣе и полезнѣе для читателя, нежели общія оцѣнки. Таково наше мнѣніе, и мы, вынужденные случаемъ, высказали его, но навязывать его никому не можемъ, а потому и протестуемъ противъ намека о существующей будто бы солидарности между *Московскими Вѣдомостями* и *Русскимъ Вѣстникомъ*, намека, который еще точнѣе повторенъ былъ въ другой книжкѣ того же журнала. Хотя и говорится, что должно судить о другихъ по себѣ; однако, всякому должно быть извѣстно, что судить по себѣ позволительно только въ хорошемъ смыслѣ.

„И такъ, повторяемъ, между *Московскими Вѣдомостями* и *Русскимъ Вѣстникомъ*, при всемъ уваженіи, какое оба изданія могутъ имѣть другъ къ другу, нѣтъ никакой солидарности“ [309]).

Подъ 26 апрѣля 1856 года, Погодинъ занесъ въ свой *Дневникъ* слѣдующее: „Написалъ эпилогъ къ *Москвитянину*“.

и этотъ эпилогъ напечаталъ въ послѣдней книжкѣ *Москвитянина* 1855 года. „Оставляя журнальное поприще",—писалъ онъ,—„долгомъ поставляю засвидѣтельствовать искреннюю мою благодарность читателямъ, удостоившимъ мой *Москвитянинъ* благосклоннаго своего вниманія, и сотрудникамъ, помогавшимъ мнѣ добросовѣстными своими трудами. Другимъ долгомъ поставляю просить извиненія у подписчиковъ въ промедленіяхъ, отъ меня и не отъ меня происходившихъ. Обязанности свои, впрочемъ, я выполнилъ. Обѣщанное число листовъ выдано, и въ этомъ отношеніи подписчики получили сполна все имъ слѣдующее. Послѣдніе нумера помѣщались по два въ книгѣ, но тако было предупреждено въ объявленіи о подпискѣ.

„Пятнадцать лѣтъ издавалъ я *Москвитянинъ*. Тяжело мнѣ приходилось часто во многихъ отношеніяхъ, но я держался крѣпко, убѣжденный, что изданіе было нужно и полезно.

„Смѣю надѣяться, что мои и нѣкоторыхъ моихъ сотрудниковъ усилія были не напрасны, и когда-нибудь безпристрастный историкъ Русской Словесности отдастъ имъ справедливость, доказавъ ясно, что многія положенія, историческія и литературныя, которыя теперь сдѣлались почти общими мѣстами въ журналахъ, были провозглашены первоначально на страницахъ нашихъ, подвергались нападеніямъ и возраженіямъ *всякаго рода*, и имѣли нужду въ долгой, постоянной оборонѣ, которая и была главною цѣлію *Москвитянина*.

„Многіе писатели новаго поколѣнія, украшающіе своими произведеніями текущую Русскую Словесность, *начали* свое дѣланіе и знакомство съ публикою посредствомъ нашего журнала.

„Матеріаловъ для Русской Исторіи, преимущественно для Исторіи Русской Словесности, представилъ *Москвитянинъ* столь много, и столь драгоцѣнныхъ, важныхъ, что самъ я, уже не какъ редакторъ, а какъ охотникъ, не нарадуюсь на одно ихъ обозрѣніе, составленное г. Бартеневымъ во *Временникѣ* Историческаго Общества.

„*Москвитянинъ* вмѣняетъ себѣ также въ заслугу, что онъ одинъ твердилъ и твердилъ неумолчно о Славянахъ.

„Въ сужденіяхъ своихъ онъ могъ увлекаться, но онъ говорилъ всегда свое мнѣніе искренно, не имѣлъ никогда никакихъ заднихъ мыслей, и старался соблюдать безпристрастіе. Errare humanum est, и я прошу снисходительнаго извиненія и великодушнаго прощенія у своихъ товарищей по ремеслу (прощая ихъ въ свою очередь) и прочихъ авторовъ, которыхъ случилось мнѣ оскорбить или огорчить словомъ, если не дѣломъ и помышленіемъ.

„Не знаю, долго ли пробыть заграницею заставитъ меня здоровье, разстроенное не столько трудами, сколько разнообразными волненіями послѣдняго времени. Во всякомъ случаѣ, Редакція, которой ввѣряю я изданіе *Москвитянина*, оставаясь его хозяиномъ, будетъ продолжать изданіе въ прежнемъ духѣ, по данному направленію, среднему между восточнымъ и западнымъ, между такъ называемыми Славянофилами, съ наклонностію къ нимъ, и западниками, утверждающими, напримѣръ,—бросаю послѣдній камень,—что Россія стоитъ на Европейской почвѣ только полтараста лѣтъ.

„Всѣ собранные матеріалы, равно какъ и приготовленныя мною статьи, оставляются въ распоряженіи Редакціи, къ которой благоволятъ обращаться и иногородники“.

LXIX.

Вслѣдъ за вышеприведеннымъ эпилогомъ, Погодинъ печатаетъ нижеслѣдующее объявленіе объ изданіи *Москвитянина* въ 1856 году: „Изданіе начнется съ мая мѣсяца. Выдетъ шестнадцать книгъ. Содержаніе *Москвитянина* составятъ статьи, имѣющія отношеніе преимущественно къ настоящему времени. *Москвитянинъ* имѣлъ счастіе получить высочайшее соизволеніе на распространеніе своей программы политическимъ отдѣленіемъ“ [310])...

Прочитавъ это объявленіе, П. И. Бартеневъ, 3 мая

1856 года, писалъ Погодину: „Вчера я видѣлся съ цензоромъ Крузе. Онъ говорилъ, что будущему *Москвитянину* предстоятъ большія затрудненія, такъ какъ въ прощаніи съ читателями вы *объявляете* о своемъ отъѣздѣ за границу и о передачѣ Редакціи въ другія руки, а на подобную передачу будто необходимо имѣть высочайшее разрѣшеніе. Крузе поручилъ мнѣ передать это вамъ, если скоро васъ увижу. Не надѣясь имѣть это удовольствіе въ скоромъ времени, поспѣшаю извѣстить письменно“.

О томъ же и въ тотъ же день писалъ Погодину и Кошелевъ: „Сейчасъ ѣду въ деревню... Говорятъ, что *Москвитянинъ* не можетъ выходить, ибо вы сами простились съ публикою“ [311]).

Объявленіе объ изданіи *Москвитянина* въ 1856 году вызвало въ *Отечественныхъ Запискахъ* ироническое замѣчаніе: „Къ числу неновыхъ, но обновленныхъ по внѣшности журналовъ“,—острятъ *Отечественныя Записки*,—„надобно отнести *Москвитянинъ*, котораго четыре первые номера уже вышли въ свѣтъ. Долго раздумывалъ онъ, съ какого времени начать свое обновленное существованіе: съ января ли, какъ начала гражданскаго года, съ марта ли, какъ начала года астрономическаго, или съ мая, какъ начала дѣйствительной весны. Послѣ многихъ колебаній, онъ выбралъ май, когда поетъ любовникъ розы — соловей. А какъ же-съ насчетъ денегъ-то, присланныхъ за двадцать четыре номера. Насчетъ денегъ-то? Не безпокойтесь: Особы, приславшія лишнія деньги до объявленія о подпискѣ, получатъ оныя обратно, или какой-либо другой журналъ: *Русскую Бесѣду*, *Русскій Вѣстникъ*, *Современникъ*, *Отечественныя Записки*, *Художественный Листокъ* и проч.“ [312]).

Но многіе изъ поклонниковъ *Москвитянина* обрадовались, когда прочли о продолженіи изданія его и въ 1856 году. „Безконечно возрадовался я“,—писалъ отецъ Белюстинъ,— „когда прочелъ объявленіе о продолженіи вашего *Москвитянина*. Осмѣливаюсь высказать вашему превосходительству

правду—передъ Богомъ и передъ людьми согрѣшили бы вы, еслибъ прекратили его. Гдѣ жъ бы тогда пріютился чистый, безпримѣсный Русскій духъ? Ужъ, конечно, не въ *Отечественныхъ Запискахъ* и иныхъ, такъ сильно претендующихъ на европеизмъ, съ намѣреннымъ попраніемъ своего родного. Гдѣ же бы тогда былъ оплотъ противъ погибельнаго наплыва разрушительныхъ идей (послушали бы вы, какъ съ голоса Петербургскихъ журналовъ, разсуждаютъ у насъ иные господа!!), прикрываемыхъ громкимъ именемъ современности?... Гдѣ было бы хранилище свѣтлой, благодатной, Русской науки? Этимъ оплотомъ, этимъ хранилищемъ доселѣ былъ *Москвитянинъ*; о, да будетъ онъ имъ на много-много лѣтъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока подъ его же покровомъ, выростетъ и созрѣетъ все доброе, все прекрасное, посѣянное имъ. Пусть злятся на вашъ журналъ soi-disant европеисты, и какъ имъ не злиться? Volentes-nolentes, они приходятъ къ тѣмъ же убѣжденіямъ, какія высказываемы были въ *Москвитянинѣ* давно-давно; бросаютъ то, за что прежде стояли горячо, и принимаютъ то, противъ чего такъ рьяно ратовали прежде, когда все это видѣли въ *Москвитянинѣ*".

„Считаю *Москвитянинъ* домомъ вашимъ",—писалъ Погодину П. А. Безсоновъ. — „*Ревность дому твоего, снѣде мя*. Признаюсь, давно бы хотѣлось свить бичь отъ вервій и погнать отсюда всѣхъ продающихъ и купующихъ, особенно этихъ писателей и участниковъ, торжниковъ съ голубями и, позвольте сказать, дичью. Отъ васъ, домохозяина, совершенно зависитъ сдѣлать его храмомъ живого слова, славы. При нелѣпости *Русскаго Вѣстника*, при нырянья *Русской Бесѣды*, которая появляется на поверхности только черезъ три мѣсяца, успѣхъ *Москвитянина* несомнителенъ".

„Не оставляйте *Москвитянина*, ради Бога",—умолялъ Погодина М. А. Дмитріевъ,—„онъ журналъ честный. Я готовъ попрежнему быть въ немъ участникомъ. А ежели онъ прекратится, нигдѣ не буду и печатать".

Предъ самымъ концомъ *Москвитянина*, давнія сотруд-

ница его графиня Е. П. Растопчина написала Погодину слѣдующее автобіографическое письмо: „Премного и отъ всей души благодарю свою старую и добрую няню *), за ея совѣтъ, за ея дружеское участіе. Да, она права; я иногда слишкомъ увлекаюсь своимъ негодованіемъ, а самая прямизна моихъ мнѣній вредитъ мнѣ, задѣвая и недобросовѣстность, и ложную премудрость, и все поддѣльное, условное, расчитанное, чѣмъ мы окружены... Да что жъ мнѣ дѣлать съ самой собой, если, по мѣрѣ того, что я старѣюсь, и отстаю отъ бабьихъ суетностей и тряпокъ, тѣмъ шире развивается во мнѣ участіе къ общимъ вопросамъ, любовь ко всему хорошему и высокому,—и тѣмъ пылче, тѣмъ неодолимѣе мое отвращеніе отъ лицемѣровъ, торгашей, продажныхъ умовъ и продажныхъ рукъ?.. Вы знаете, вы помните, что когда я пріѣхала сюда, я не имѣла никакого понятія о *кружкахъ, партіяхъ, приходахъ*,—я просто открывала и душу и объятія всѣмъ дѣлателямъ и двигателямъ на поприщѣ родного слова, готовая всѣхъ уважить, всѣхъ полюбить, не подозрѣвая никакихъ козней, никакихъ интригъ. Что жъ сдѣлали изъ моей прямодушной благонамѣренности?.. Меня возненавидѣли и оклеветали, еще не видавъ; Хомяковъ вооружилъ противъ меня Аксаковыхъ и всю братію; они провозгласили меня *западницею*, и начали преслѣдовать, Богъ вѣсть за что̀, забывая мою *Царевну Софію*, и мое съ ними по многому единомысліе. Западники же, настроенные *Павловыми*, куда я не поѣхала на поклонъ, бранили меня *аристократкою*, и не только писали на меня стихи и прозу, но *приписывали* мнѣ безъимянныя, бранныя стихотворенья, что̀ несравненно для меня обиднѣе. Все это доходило до меня, огорчало, сердило, вооружало противъ этихъ враговъ, которымъ я до тѣхъ поръ ничего не сдѣлала, ни дѣломъ, ни словомъ, ниже помышленьемъ.

„Тогда я осмотрѣлась кругомъ себя, и поняла, что *я одна*, то-есть, безпристрастна, независима, а противъ меня—*партіи*,

*) Такъ графиня называла Погодина. *Н. Б.*

сильныя только своею многочисленностью, и что онѣ затираютъ меня между собою, какъ двѣ глыбы льда бѣдную лодку. До меня доходило и то, что у Черкасскихъ кричалось противъ меня; и то, что̀ Кирѣевы разглашали, и то, что̀ проповѣдывалось у графини Сальясъ, и въ пьяныхъ оргіяхъ *Современника*... Тогда я приняла борьбу, подняла перчатку,—и съ Донкишотскимъ самоотверженіемъ пошла *одна* противъ всѣхъ, вдохновляясь только чистотою моихъ намѣреній и неподкупностью моихъ убѣжденій.

„Я вспомнила, что я принадлежу и сердцемъ, и направленіемъ не нашему времени, а другому, благороднѣйшему,—пишущему не корысти ради, не изъ видовъ какихъ, а прямо и просто отъ избытка мысли и чувства; я вспомнила, что я жила въ короткости Пушкина, Крылова, Жуковскаго, Тургенева, Баратынскаго, Карамзина,—что эти чистыя славы наши любили, хвалили, благословляли меня на путь по слѣдамъ ихъ,—и я отрѣшилась, такъ сказать, отъ своей эпохи, своихъ сверстниковъ и современниковъ, сближаясь все болѣе и болѣе съ моими *старшими*, съ дорогими образцами и наставниками моими. Вотъ почему *презираю* я душевно всю теперешнюю литературную сволочь, исключая только нѣкоторыхъ, подобныхъ вамъ и мнѣ вольнопрактикующихъ, не принадлежащихъ ни къ *симъ*, ни къ *онымъ*. Конечно, меня за это грызли, грызутъ и будутъ грызть: но не лучше ли брань, чѣмъ хвала заслуженная постыдными происками, уступками, чужими разсчетами и соображеніями?.. Право, мнѣ до дружбы журналовъ дѣла нѣтъ, ибо я убѣждена, что ихъ сила мимолетна и скоро пройдетъ, тѣмъ болѣе, что они ужъ захваливали, а потомъ сами же хоронили подъ бранью кучи писакъ, особенно женскаго пола; но мнѣ гадко только то, что у насъ Русское слово служитъ теперь поприщемъ всякой низости, всякой непристойности. *Лицъ* же я въ сущности ни у кого не вижу, не встрѣчаю; стало быть, ничего противъ нихъ имѣть не могу *внѣ* ихъ литературной дѣятельности. Первый задѣлъ меня *Бѣлинскій*, изъ ненависти къ Жуковскому,

Одоевскому, Плетневу, и моимъ друзьямъ высшаго круга и лоя Литературы. Вмѣсто того, чтобъ убояться и сблизиться ъ этимъ міромъ, тогда только рождающимся у насъ въ Россіи, я не обратила на него вниманія, и меня принесли ъ жертву на алтарѣ, воздвигнутомъ *Зинаидѣ* Р.,—то-есть, -жѣ Ганъ *), тогдашнему кумиру журналовъ, гдѣ она печатала свои повѣсти. Потомъ меня уничтожали въ пользу Павловой, Сальясъ, наконецъ, Хвощинской... Какъ же вы отите, чтобъ я не была озлоблена на своихъ противниковъ не прокалывала иногда своею острою шуткою мыльные пузыри ихъ чванства и самодовольства? Если бы за меня заступились люди безпристрастные, если бы у меня была артія,—тогда дѣло другое, тогда я бы отмалчивалась, и редоставила бы мужчинамъ защищать женщину, но гдѣ же ои рыцари?..

„Что́, моя милая *няня*, что́ скажете о моей каттелинаріи“?

Послѣдніе номера *Москвитянина* 1856 г. вышли въ самомъ концѣ 1857 года, и Погодинъ окончательно распрощался съ публикою. 11 сентября 1857 года, онъ писалъ: Отправляясь въ чужіе края, прошлаго года, я передалъ даніе *Москвитянина*. Новой редакціи не посчастливилось, я долженъ былъ, по возвращеніи, принять на себя его ончаніе. Болѣзнь помѣшала мнѣ исполнить эту обязанность ьше. Издавать остальные четыре номера порознь, по минiи всѣхъ сроковъ, не оставалось никакой причины, и рѣшился напечатать послѣднюю часть въ одной книгѣ... стоинства нѣкоторыхъ статей — вознаградятъ читателей, ю надѣяться, за случившееся промедленіе“.

LXX.

Сойдя съ поприща журналиста, Погодинъ углубился въ скую Исторію. „Богъ вамъ въ помощь на историческіе

*) Писательница, покровительствуемая Бѣлинскимъ. *Н. Б.*

труды“! — писалъ ему князь П. А. Вяземскій. — „Углубившись въ минувшее, вы благую часть избрали“ [313]).

Къ столѣтнему юбилею Московскаго Университета, Погодинъ издалъ, опережая пятый, — шестой томъ своихъ *Изслѣдованій, Замѣчаній и Лекцій о Русской Исторіи*, съ слѣдующимъ предисловіемъ: „Прошло около пяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ изданъ четвертый томъ моихъ *Изслѣдованій*. Въ предисловіи я объяснилъ тогда друзьямъ Русской Исторіи причины его замедленія послѣ выдачи первыхъ трехъ томовъ, въ 1846 году. Съ послѣдующими томами произошли подобныя обстоятельства, которыя долженъ я теперь довести до свѣдѣнія моихъ читателей. Въ продолженіи печатанія, мнѣ вздумалось составить біографическій списокъ всѣхъ князей до покоренія Россіи Монголами, нужный для изслѣдователей по многимъ отношеніямъ. Списокъ потребовалъ, разумѣется, много времени, — и мѣста на цѣлый лишній томъ, сверхъ предположенныхъ. Между тѣмъ, одно лѣто (1852) долженъ я былъ посвятить приведенію въ порядокъ и приготовленію къ сдачѣ моего Древлехранилища, поступившаго въ казенное вѣдомство. Воротясь изъ Петербурга, я заперся съ января 1855 года, и къ маю изготовилъ мой списокъ почти вполнѣ, но принужденъ былъ, по совѣту врачей, спѣшить на воды въ чужіе края, оставивъ въ трехъ печатавшихся томахъ по нѣскольку только листовъ неоконченными. Нынѣшній годъ весь посвященъ былъ у меня политикѣ, и только теперь рѣшился я приняться за окончаніе хоть одного тома, чтобъ предстать на славный нашъ праздникъ, торжество Университетскаго Столѣтія, не съ пустыми руками.

„Почитаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о предлагаемомъ Словарѣ. Здѣсь собраны извѣстія о всѣхъ нашихъ князьяхъ, сохранившіяся въ главныхъ лѣтописяхъ, по древнѣйшимъ ихъ спискамъ, Несторовой по Лаврентьевскому, Кіевской и Волынской по Ипатьевскому, Суздальской по Лаврентьевскому, и Новгородской по Синодальному. Лѣтописи позднѣйшихъ составовъ употреблялись только въ нужныхъ случахъ...

..."Собственныхъ вставокъ никакихъ я себѣ не позволялъ— ни объясненій, ни разсужденій. Въ строжайшемъ смыслѣ здѣсь находятся, повторяю, только подлинныя извѣстія источниковъ, переведенныя на новый нашъ языкъ, приведенныя въ порядокъ, очищенныя отъ всякихъ лишнихъ вставокъ. Даже для связи одного извѣстія съ другими я не хотѣлъ сказать отъ себя ничего. Это есть только книга для предварительныхъ справокъ, основаніе для изслѣдованій, пособіе для біографій. Здѣсь нечего искать, слѣдовательно, полныхъ изображеній того или другого князя, для чего нужны особыя изслѣдованія. Какъ обработать должно полныя по возможности біографіи, хотя важнѣйшихъ князей, дополнить и объяснить лѣтописныя извѣстія въ этомъ смыслѣ, образчикъ представилъ я въ сочиненіи объ *Андреѣ Боголюбскомъ*, изданномъ особо въ 1850 году. У меня подготовлено и еще нѣсколько такихъ образчиковъ — о Мономахѣ, объ Ярополкѣ Володимеровичѣ, о Всеволодѣ-Большое гнѣздо, кои издамъ со временемъ въ осьмомъ томѣ.

"Ошибокъ въ издаваемомъ спискѣ, разумѣется, должно быть много. Хотя провѣрялъ я его нѣсколько разъ, употребляя различные пріемы, но при занесеніи такого огромнаго количества данныхъ, при запутанномъ родствѣ князей, при несходствѣ хронологическихъ указаній по лѣтописямъ, кои въ однѣхъ пространствахъ уходятъ впередъ годомъ, двумя, тремя, въ другихъ—отстаютъ назадъ также, въ третьихъ идутъ правильно, и рѣдко сходятся между собою, — и по другимъ затрудненіямъ, о коихъ не считаю нужнымъ распространяться, невозможно представить такого списка съ перваго раза въ совершенно удовлетворительномъ видѣ. А есть вѣрно много ошибокъ и такихъ, какихъ избѣжать было можно!..

..."Прошу о повѣркахъ и объ указаніяхъ: каждое, какъ бы оно ни было мало, приму съ благодарностію. Для молодыхъ друзей Исторіи, преимущественно студентовъ, здѣсь много работы, подъ силу и въ пользу себѣ и общему дѣлу".

Издавъ шестой томъ, Погодинъ самъ дѣлаетъ какъ бы

приговоръ своимъ *Изслѣдованіямъ* въ слѣдующей записи своего *Дневника* 1855 года: „*Изслѣдованія* мало формулируются. Прежнія ясныя убѣжденія подвергаются возраженіямъ и ограниченіямъ".

Въ 1856 году, Погодинъ издалъ седьмой томъ своихъ *Изслѣдованій*. „Ни одного тома *Изслѣдованій*",—писалъ онъ— „не оканчивалъ и не выдавалъ я съ такимъ живымъ удовольствіемъ, съ какимъ окончилъ и выдаю этотъ. Отчего это происходитъ? Больше ли труда онъ мнѣ стоилъ, чѣмъ другіе? Нѣтъ, они всѣ достались мнѣ не легко. Занимательнѣе ль было для меня его содержаніе? Нѣтъ, всѣ предметы удѣльнаго періода такъ тѣсно между собою связаны, что важность ихъ для изслѣдователя почти одинакова. Отчего же я такъ радъ? Отъ того, что, издавая этотъ томъ, я вынимаю изъ души и тѣла моего мучительную занозу, которая не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью, въ самое тревожное для меня время, когда весь духовный составъ мой подвергался жесточайшимъ истязаніямъ,—или воображеніе утѣшалось сладостными надеждами. Дѣйствительно, писалъ ли я разсужденіе о важнѣйшемъ политическомъ вопросѣ, трепеталъ ли при видѣ опасностей, грозившихъ Отечеству, переносился ли мечтою въ Константинополь, къ любезнымъ своимъ Славянамъ, на Дунай,—мысль о печатавшейся главѣ меня не оставляла, вопросы ея мерещились безпрестанно передъ моими глазами, и я отъ *Allgemeine Zeitung*, отъ *Journal des Debats*, отрывался безпрестанно къ Кіевской или Суздальской лѣтописи и *Собранію Грамотъ*, дѣлалъ исправленія и вставки, перечитывая всякаго листа по десяти корректуръ. Читатели, знакомые съ дѣломъ, могутъ себѣ представить теперь, какъ сладко было мнѣ подписать послѣднюю"!

„Смѣю надѣяться, что этотъ томъ обратитъ на себя вниманіе любителей Исторіи, по многимъ новымъ сторонамъ, съ которыхъ случилось мнѣ взглянуть на его предметы,—князей и дружину, званія, города и вѣча, военное дѣло, тор-

говлю и деньги, грамотность и языкъ, частную жизнь и пр. Вниманія этого желаю я не для себя, потому что ужъ давно дошелъ до тѣхъ лѣтъ, когда чужой судъ, въ смыслѣ похвалы и порицанія, теряетъ для писателя бо̀льшую часть своего значенія. Вниманія желаю я для пользы любезной мнѣ Науки, для пользы Русской Исторіи, которой посвящена была моя жизнь и которая, крѣпко убѣжденъ я, можетъ идти впередъ, совершенствоваться, преимущественно по тому строгому пути отчетности, по которому прошелъ я оканчиваемыя теперь четыре столѣтія. Никакая теорія, даже самая блистательная, никакая система, даже самая остроумная, не прочны, повторяю въ сотый разъ, прежде нежели соберутся, очистятся, провѣрятся, утвердятся быти, дѣи.

„Шестой томъ изданъ былъ мною прежде. Въ пятомъ осталось допечатать листовъ пять, кои я долженъ, кажется, отложить до осени, спѣша, по приказанію врачей, на воды.

„При печатаніи седьмого тома вздумалъ я еще составить подробные regesta къ удѣльному періоду. Полный хронологическій списокъ событій нуженъ во многихъ отношеніяхъ, а у меня возьметъ онъ вдесятеро меньше времени, чѣмъ у всякаго другого, по слишкомъ близкому знакомству съ лѣтописями, выученными невольно почти наизусть, и по короткому знакомству съ князьями, которыхъ послужные списки я составилъ прежде. Списокъ займетъ осьмой томъ.

„Наконецъ, въ девятомъ томѣ помѣстится изслѣдованіе о нѣкоторыхъ частныхъ предметахъ удѣльнаго періода, и такимъ образомъ, будетъ вполнѣ представлено ученымъ основаніе моей Древней Русской Исторіи, которая выйдетъ вслѣдъ за Изслѣдованіями".

Въ то же время Погодинъ занимался древними нашими деньгами и свое изслѣдованіе о нихъ печаталъ въ *Извѣстіяхъ* С.-Петербургскаго Археологическаго Общества.

„Корректурные листы вашей статьи о деньгахъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ",—писалъ ему, П. С. Савельевъ,— „получилъ я весьма кстати: въ тотъ же вечеръ было собра-

ніе Отдѣленія Русской Археологіи въ Археологическомъ Обществѣ, и статья ваша была прочитана въ извлеченіи. Нѣкоторые члены возражали, другіе—соглашались съ вашимъ мнѣніемъ, а всѣ отдавали справедливость ясности взгляда. Поэтому положено статью эту въ извлеченіи (т.-е. безъ подробностей) помѣстить въ *Извѣстіяхъ*, которыя выйдутъ въ свѣтъ черезъ мѣсяцъ. Это будетъ періодическое изданіе Общества, выходящее четыре или три раза въ годъ, независимо отъ *Записокъ*".

Въ послѣдней книжкѣ *Москвитянина* 1856 года, которая вышла только въ 1857 году, Д. И. Прозоровскій напечаталъ *Замѣчаніе на главу о древнихъ монетахъ въ Изслѣдованіяхъ М. П. Погодина (томъ VII)*. Препровождая эти *Замѣчанія* для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, какъ бы въ чужой ему журналъ, Погодинъ писалъ: „Прошу Редакцію *Москвитянина* помѣстить ихъ въ своемъ журналѣ". Самъ же Д. И. Прозоровскій, 21 марта 1856 года, писалъ Погодину: „Безъ сомнѣнія, странными покажутся вамъ два мои отвѣта на одно ваше письмо. Это случилось просто: одно я предполагалъ послать съ статьею о *Новгородской лѣтописи*, а другое послѣ. Но какъ у меня оттисковъ этой статьи нѣтъ (что было малое, все расточилъ: не понималъ прежде значенія оттисковъ), то время и прошло въ отыскиваніи, а между тѣмъ поспѣло и *капитальное письмо* *). Теперь представляю и это письмо и статью о *Новгородской лѣтописи* и еще двѣ статьи: *О древнихъ мѣрахъ жидкостей и о древнемъ вѣсѣ*. Въ настоящее время, поспѣшаю окончить Древнюю Метрологію. Трудность—въ собраніи матеріаловъ и въ недостаткѣ времени. Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы ваше превосходительство снабдили меня *Москвитяниномъ* и вашими *Изслѣдованіями*: они необходимы, а пріобрѣсти ихъ трудно. Г. Заблоцкій **) много ошибается, и въ

---

*) Вышеупомянутыя *Замѣчанія*. *Н. Б.*

**) А. П. Заблоцкій-Десятовскій. *Н. Б.*

прошломъ году несправедливо обвинилъ г. Лешкова въ статьѣ о денежномъ рублѣ. Не знаю, отвѣчалъ ли ему г. Лешковъ. Если не отвѣчалъ, то послѣ Пасхи надѣюсь представить вамъ возраженія г. Заблоцкому. Хотѣлось бы сдѣлать многое, но едва успѣваю спрягать что-либо малое: служебныя обязанности какъ-то не вяжутся съ Наукою. Впрочемъ, надѣюсь представлять для *Москвитянина* статьи по нѣкоторымъ предметамъ Русскихъ Древностей. Желалъ бы издать въ Москвѣ *Описаніе древней гражданской службы*; но оно требуетъ еще обработки. Служба моя такъ себѣ! Чиновникъ, занимающійся Наукою, считается плохимъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ и есть. Но теперь обстоятельства мои перемѣнились, и я долженъ позаботиться о перемѣнѣ мѣста, такъ чтобы рублей на двѣсти пятьдесятъ было побольше жалованья, чѣмъ теперь. Прибѣгаю подъ ваше покровительство и всепокорнѣйше прошу удостоить меня переводомъ въ Вѣдомство Народнаго Просвѣщенія, преимущественно по части Русской Археологіи и—въ Москвѣ. Ежели ваше превосходительство удостоите просьбу мою вниманіемъ, то я выйду изъ тьмы на свѣтъ, изъ тюрьмы на свободу. Въ теченіе двадцатилѣтней службы много здоровья унесло у меня напряженіе, съ какимъ мнѣ приходилось поддерживать служебную репутацію и вмѣстѣ лакомиться любимымъ занятіемъ—Литературою" [314]).

LXXI.

Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ Погодину записку графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина о Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Въ этой запискѣ мы, между прочимъ, читаемъ, что Лаврентьевскій списокъ достался графу Мусину-Пушкину отъ Деденева, внука и наслѣдника коммисара Крекшина, жившаго въ царствованіе блаженной памяти государя Петра Великаго. „Опасаясь, — писалъ графъ Пушкинъ въ той же запискѣ,—чтобы находившійся у меня

ніе Отдѣленія Русской Археологіи въ Археологическомъ Обществѣ, и статья ваша была прочитана въ извлеченіи. Нѣкоторые члены возражали, другіе—соглашались съ вашимъ мнѣніемъ, а всѣ отдавали справедливость ясности взгляда. Поэтому положено статью эту въ извлеченіи (т.-е. безъ подробностей) помѣстить въ *Извѣстіяхъ*, которыя выйдутъ въ свѣтъ черезъ мѣсяцъ. Это будетъ періодическое изданіе Общества, выходящее четыре или три раза въ годъ, независимо отъ *Записокъ*".

Въ послѣдней книжкѣ *Москвитянина* 1856 года, которая вышла только въ 1857 году, Д. И. Прозоровскій напечаталъ *Замѣчаніе на главу о древнихъ монетахъ въ Изслѣдованіяхъ М. П. Погодина (томъ VII)*. Препровождая эти *Замѣчанія* для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, какъ бы въ чужой ему журналъ, Погодинъ писалъ: „Прошу Редакцію *Москвитянина* помѣстить ихъ въ своемъ журналѣ*). Самъ же Д. И. Прозоровскій, 21 марта 1856 года, писалъ Погодину: „Безъ сомнѣнія, странными покажутся вамъ два мои отвѣта на одно ваше письмо. Это случилось просто: одно я предполагалъ послать съ статьею о *Новгородской лѣтописи*, а другое послѣ. Но какъ у меня оттисковъ этой статьи нѣтъ (что было малое, все расточилъ: не понималъ прежде значенія оттисковъ), то время и прошло въ отыскиваніи, а между тѣмъ поспѣло и *капитальное письмо*. Теперь представляю и это письмо и статъю о *Новгородской лѣтописи* и еще двѣ статьи: *О древнихъ мѣрахъ жидкостей и о древнемъ вѣсѣ*. Въ настоящее время, поспѣшаю окончить Древнюю Метрологію. Трудность—въ собраніи матеріаловъ въ недостаткѣ времени. Я почелъ бы себя счастливымъ если бы ваше превосходительство снабдили меня *Москвитяниномъ* и вашими *Изслѣдованіями*: они необходимы, а пріобрѣсти ихъ трудно. Г. Заблоцкій **) много ошибается, и

*) Вышеупомянутыя *Замѣчанія*. *Н. Б.*

**) А. П. Заблоцкій-Десятовскій. *Н. Б.*

прошломъ году несправедливо обвинилъ г. Лешкова въ статьѣ о денежномъ рублѣ. Не знаю, отвѣчалъ ли ему г. Лешковъ. Если не отвѣчалъ, то послѣ Пасхи надѣюсь представить вамъ возраженія г. Заблоцкому. Хотѣлось бы сдѣлать многое, но едва успѣваю спрягать что-либо малое: служебныя обязанности какъ-то не вяжутся съ Наукою. Впрочемъ, надѣюсь представлять для *Москвитянина* статьи по нѣкоторымъ предметамъ Русскихъ Древностей. Желалъ бы издать въ Москвѣ *Описаніе древней гражданской службы*; но оно требуетъ еще обработки. Служба моя такъ себѣ! Чиновникъ, занимающійся Наукою, считается плохимъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ и есть. Но теперь обстоятельства мои перемѣнились, и я долженъ позаботиться о перемѣнѣ мѣста, такъ чтобы рублей на двѣсти пятьдесятъ было побольше жалованья, чѣмъ теперь. Прибѣгаю подъ ваше покровительство и всепокорнѣйше прошу удостоить меня переводомъ въ Вѣдомство Народнаго Просвѣщенія, преимущественно по части Русской Археологіи и—въ Москвѣ. Ежели ваше превосходительство удостоите просьбу мою вниманіемъ, то я выйду изъ тьмы на свѣтъ, изъ тюрьмы на свободу. Въ теченіе двадцатилѣтней службы много здоровья унесло у меня напряженіе, съ какимъ мнѣ приходилось поддерживать служебную репутацію и вмѣстѣ лакомиться любимымъ занятіемъ—Литературою" [314]).

LXXI.

Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ Погодину записку графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина о Нестеровой лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Въ этой запискѣ мы, между прочимъ, читаемъ, что Лаврентьевскій списокъ достался графу Мусину-Пушкину отъ Деденева, внука и наслѣдника коммисара Крекшина, жившаго въ царствованіе блаженной памяти государя Петра Великаго. „Опасаясь, — писалъ графъ Пушкинъ въ той же запискѣ,—чтобы находившійся у меня

ніе Отдѣленія Русской Археологіи въ Археологическомъ Обществѣ, и статья ваша была прочитана въ извлеченіи. Нѣкоторые члены возражали, другіе—соглашались съ вашимъ мнѣніемъ, а всѣ отдавали справедливость ясности взгляда. Поэтому положено статью эту въ извлеченіи (т.-е. безъ подробностей) помѣстить въ *Извѣстіяхъ*, которыя выйдутъ въ свѣтъ черезъ мѣсяцъ. Это будетъ періодическое изданіе Общества, выходящее четыре или три раза въ годъ, независимо отъ *Записокъ*".

Въ послѣдней книжкѣ *Москвитянина* 1856 года, которая вышла только въ 1857 году, Д. И. Прозоровскій напечаталъ *Замѣчаніе на главу о древнихъ монетахъ въ Изслѣдованіяхъ М. П. Погодина (томъ VII)*. Препровождая эти *Замѣчанія* для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, какъ бы въ чужой ему журналъ, Погодинъ писалъ: „Прошу Редакцію *Москвитянина* помѣстить ихъ въ своемъ журналѣ". Самъ же Д. И. Прозоровскій, 21 марта 1856 года, писалъ Погодину: „Безъ сомнѣнія, странными покажутся вамъ два мои отвѣта на одно ваше письмо. Это случилось просто: одно я предполагалъ послать съ статьею о *Новгородской лѣтописи*, а другое послѣ. Но какъ у меня оттисковъ этой статьи нѣтъ (что было малое, все расточилъ: не понималъ прежде значенія оттисковъ), то время и прошло въ отыскиваніи, а между тѣмъ поспѣло и *капитальное письмо* *). Теперь представляю и это письмо и статъю о *Новгородской лѣтописи* и еще двѣ статьи: *О древнихъ мѣрахъ жидкостей и о древнемъ вѣсѣ*. Въ настоящее время, поспѣшаю окончить Древнюю Метрологію. Трудность—въ собраніи матеріаловъ и въ недостаткѣ времени. Я почелъ бы себя счастливымъ, если бы ваше превосходительство снабдили меня *Москвитяниномъ* и вашими *Изслѣдованіями*: они необходимы, а пріобрѣсти ихъ трудно. Г. Заблоцкій **) много ошибается, и

*) Вышеупомянутыя *Замѣчанія*. *Н. Б.*
**) А. П. Заблоцкій-Десятовскій. *Н. Б.*

прошломъ году несправедливо обвинилъ г. Лешкова въ статьѣ о денежномъ рублѣ. Не знаю, отвѣчалъ ли ему г. Лешковъ. Если не отвѣчалъ, то послѣ Пасхи надѣюсь представить вамъ возраженія г. Заблоцкому. Хотѣлось бы сдѣлать многое, но едва успѣваю спрягать что-либо малое: служебныя обязанности какъ-то не вяжутся съ Наукою. Впрочемъ, надѣюсь представлять для *Москвитянина* статьи по нѣкоторымъ предметамъ Русскихъ Древностей. Желалъ бы издать въ Москвѣ *Описаніе древней гражданской службы*; но оно требуетъ еще обработки. Служба моя такъ себѣ! Чиновникъ, занимающійся Наукою, считается плохимъ, какъ оно въ самомъ дѣлѣ и есть. Но теперь обстоятельства мои перемѣнились, и я долженъ позаботиться о перемѣнѣ мѣста, такъ чтобы рублей на двѣсти пятьдесятъ было побольше жалованья, чѣмъ теперь. Прибѣгаю подъ ваше покровительство и всепокорнѣйше прошу удостоить меня переводомъ въ Вѣдомство Народнаго Просвѣщенія, преимущественно по части Русской Археологіи и—въ Москвѣ. Ежели ваше превосходительство удостоите просьбу мою вниманіемъ, то я выйду изъ тьмы на свѣтъ, изъ тюрьмы на свободу. Въ теченіе двадцатилѣтней службы много здоровья унесло у меня напряженіе, съ какимъ мнѣ приходилось поддерживать служебную репутацію и вмѣстѣ лакомиться любимымъ занятіемъ—Литературою“ [314]).

LXXI.

Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ Погодину записку графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина о Нестеровой лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Въ этой запискѣ мы, между прочимъ, читаемъ, что Лаврентьевскій списокъ достался графу Мусину-Пушкину отъ Деденева, внука и наслѣдника коммисара Крекшина, жившаго въ царствованіе блаженной памяти государя Петра Великаго. „Опасаясь, — писалъ графъ Пушкинъ въ той же запискѣ,—чтобы находившійся у меня

список впослѣдствіи времени не имѣлъ равнаго жребія съ такъ именуемымъ Кенигсбергскимъ, который даже и изданъ иностранцемъ, я пріемлю дерзновеніе поднести свой списокъ государю императору. Тогда уже безполезны останутся всѣ усилія иностранцевъ, неоднократно покушавшихся о пріобрѣтеніи драгоцѣннаго сего источника нашихъ бытописаній; во свидѣтельство чего, между прочимъ, прилагаю письмо бывшаго у насъ Англійскаго посла г. Дугласа, предлагавшаго мнѣ, чрезъ банкира своего, за сію лѣтопись и имѣющееся у меня Греческое Евангеліе, тысячу червонныхъ, или даже какую самъ положу за оныя цѣну“.

Извѣстно, что драгоцѣнная древняя рукопись, въ которой заключалось *Слово о Полку Игоревѣ*, сгорѣла вмѣстѣ съ остальною библіотекою графа А. И. Мусина-Пушкина, въ Московскомъ пожарѣ 1812 года; но, вотъ, 5 августа 1815 года, А. Ѳ. Малиновскій торжественно донесъ канцлеру графу Н. П. Румянцову: „За долгъ считаю извѣстить ваше сіятельство, дѣятельнѣйшаго любителя отечественныхъ Древностей, о находкѣ моей: случай мнѣ доставилъ другой древнѣйшій списокъ *Слова о Полку Игоревѣ*..... Въ послѣднихъ числахъ мая сего 1815 года, Московскій мѣщанинъ Петръ Архиповъ принесъ ко мнѣ харатейный свитокъ и продалъ за сто семьдесятъ рублей; на вопрошенія мои, откуда онъ досталъ его, я получилъ въ отвѣтъ, что вымѣненъ иностранцемъ Шимельфейномъ на разныя вещицы въ Калужской губерніи, у зажиточной помѣщицы, которая запретила ему объявлять о ея имени. Сей древній свитокъ заключалъ въ себѣ *Слово о Полку Игоревѣ*, переписанное, въ 1375 году, въ Суздалѣ, монахомъ Леонтіемъ Зябловымъ, на одиннадцати пергаменныхъ листахъ.... Пергаменъ очень цѣлъ..... Весь столбъ удивительно сохраненъ и черезъ четыреста сорокъ лѣтъ ни малѣйшаго поврежденія не потерпѣлъ отъ времени..... Текстъ же чернилами уже полинявшими; но четкость удержана чрезъ миндальное масло, которымъ весь столбъ напитанъ. Почеркъ буквъ настоящій уставный... По сличеніи сего текста съ изданною въ печать-

Пѣснію, не оказывается никакой дѣйствительной въ смыслѣ разницы, ниже прибавки, кромѣ измѣненія въ правописаніи и выговорѣ; но много есть писцовыхъ ошибокъ и недописокъ. Послѣ жъ *аминя* приписано слѣдующее: „Написася при благовѣрномъ и великомъ князѣ Дмитріи Константиновичѣ Слово о походѣ Плъку Игорева, Игоря Святъславля внука Олгова, калугеромъ убогимъ Леонтіемъ, по реклу Зябловымъ, въ богоспасаемомъ градѣ Суздали, въ лѣто отъ сотворенія мира шесть тысящь осмь сотъ осемдесятъ третіяго“.

Приводя это донесеніе Малиновскаго, Погодинъ замѣтилъ: „Здѣсь рѣчь идетъ о подложномъ спискѣ, которымъ знаменитый Антонъ Бардинъ обманулъ покойнаго Малиновскаго, чуть ли не вмѣстѣ съ Тимковскимъ, которому въ одно время онъ продалъ другой свой мастерской списокъ“.

Въ настоящее время, этотъ свитокъ хранится у правнука графа Алексѣя Ивановича, графа Владиміра Владиміровича Мусина-Пушкина.

Переводъ *Слова о Полку Игоревѣ*, сдѣланный Гербелемъ, на Русскій стихотворный языкъ, далъ поводъ М. А. Максимовичу напечатать въ *Москвитянинѣ* 1855 года свои замѣчанія на этотъ переводъ, и въ предисловіи къ нимъ онъ писалъ: „Со времени перваго изданія въ свѣтъ *Пѣсни о Полку Игоревѣ*, 1800 года, издано у насъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, семь прозаическихъ и восемь стихотворныхъ переводовъ ея на нынѣшній Русскій языкъ, не говорю о переводахъ на языки иностранные. А сколько написано примѣчаній, изслѣдованій! Такъ велико и постоянно вниманіе, возбуждаемое этою *лебединою пѣснью* Древней Руси!.. И вотъ, она является въ новомъ стихотворномъ переводѣ г. Гербеля и въ такомъ нарядномъ изданіи, въ какомъ ни разу еще не выходила. Перечитавъ съ удовольствіемъ этотъ новый переводъ *Пѣсни Игорю*, вмѣняю себѣ въ новое удовольствіе дать критическій отчетъ объ немъ,—припоминая себѣ давнюю работу мою надъ ея критическимъ разборомъ, въ трехъ лекціяхъ, напечатанныхъ въ 1836 году, и надъ переводомъ ея,

изданнымъ, въ 1837 г., для моихъ слушателей въ Университетѣ Св. Владиміра".

Въ томъ же 1855-мъ году, Максимовичъ напечаталъ и другую статью, подъ заглавіемъ: *Темное мѣсто въ Пѣсни о Полку Игоревѣ* [316]).

Статья эта вызвала полемику автора ея съ Д. Н. Дубенскимъ, издателемъ *Пѣсни о Полку Игоревѣ.* Дубенскій вспомнилъ, что въ 1849 году, Максимовичъ, разбирая разсужденіе Е. П. Новикова *О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій*, замѣтилъ: „Филологія наша, для нѣкоторыхъ—песчаная и безплодная нива; и въ этомъ виновата отчасти самая Филологія наша, которая еще немного выработала живой, плодоносной истины, а между тѣмъ, накопила уже множество сомнѣній и противорѣчій; нагромоздила множество хламу, не зная, что выйдетъ изъ этого запаса. Посмотрите, напримѣръ, на *Пѣснь о Полку Игоревомъ*, въ изданіи Дубенскаго: она вся по-горло въ примѣчаніяхъ, но изъ нихъ и пятой доли не наберется такихъ, чтобы шли прямо къ дѣлу, къ объясненію Древне-Русской пѣсни; а всѣ прочія явились такъ, можно сказать, по пословицѣ,—что есть въ печи, то на столъ мечи".

Эти слова, сказанныя въ 1849 году, Дубенскій не забылъ въ 1855 году и, воспользовавшись вышеупомянутыми статьями Максимовича, напечаталъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1855 года желчныя *Отмѣтки на нѣкоторыя мѣста Слова о Полку Игоревѣ* [316]).

Іюльская книжка *Отечественныхъ Записокъ* дошла до Михайловой Горы только въ октябрѣ. Максимовичъ, познакомившись съ нею, 12 октября 1855 года, писалъ Погодину: „Между тѣмъ, попалась книга *Отечественныхъ Записокъ* съ отмѣтками Дубенскаго. Вотъ тебѣ, въ *Москвитянинъ*, начало моихъ *поясненій*; будетъ еще столько, да пол-столько! Помѣщай, не медля; пишу недурныя, дѣльныя вещи. Въ долгій ящикъ не отлагай" [317]). Земляку же своему Бодянскому Максимовичъ (30 ноября 1855 года) писалъ: „Я въ литературномъ отдѣлѣ моего бытія, встрѣтивъ случайно іюльскую

книжку *Отечественныхъ Записокъ*, съ отмѣтками пана Дубенскаго, началъ писать въ возраженіе ему *поясненія*, которыя посылаю въ *Москвитянинъ*. И такъ какъ вы слѣдите журналы, которыхъ я почти не знаю и не вижу, то если гдѣ будетъ на счетъ этого дѣла моего, освѣдомьте меня, прошу васъ покорно".

Но замѣчаніямъ этимъ Погодинъ не далъ ходу, и Максимовичъ съ упрекомъ писалъ ему: „Да скажи на милость, зачѣмъ ты задержалъ подъ спудомъ мои замѣчанія на Игореву Пѣснь?.. На мою критику Гербелева перевода, помѣщенную въ *Москвитянинѣ*, Морда-Дубенскій набрехалъ на меня въ *Отечественныхъ Запискахъ* всякой клеветы; а ты не далъ оправдаться мнѣ, тѣмъ болѣе, что въ оправданіи моемъ много новыхъ изъясненій. Но если ты не нашелъ ихъ удобными къ печатанію въ *Москвитянинѣ*, ты бы мнѣ воротилъ ихъ,—это можно бы сдѣлать старому товарищу-сотруднику! Я же тружусь помаленьку надъ Игоревою Пѣснію, готовлю ея изданіе; слѣдственно, тутъ уже есть живой для меня интересъ, въ нѣкоторыхъ *новыхъ* моихъ объясненіяхъ. А то и *Русскій Вѣстникъ* тоже: послалъ въ привѣтъ новому журналу *Споръ о Баянѣ* (въ генварѣ прошлаго года),— и какъ въ воду канулъ! Даже и строчкою отвѣтною не удостоили моего привѣтнаго письма" [318]).

Въ 1855 году, князь П. В. Долгоруковъ выпустилъ двѣ части своего капитальнаго труда, подъ заглавіемъ: *Россійская Родословная Книга* и, посылая оный къ Погодину, писалъ ему: „Вотъ первыя двѣ части *Россійской Родословной Книги*. Примите ихъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ ученый и снисходительный учитель принимаетъ слабый трудъ ученика, глубоко уважающаго своего учителя. Цензура изуродовала мою книгу... Въ моемъ трудѣ я слѣдовалъ вашему совѣту: держаться лѣтописей и книгъ разрядныхъ, двухъ самыхъ положительныхъ изъ всѣхъ источниковъ. Да и чьихъ же совѣтовъ слушаться, какъ не вашихъ? Въ концѣ *Россійской Родословной Книги*, будутъ помѣщены фамиліи, имена коихъ просла-

вились на поприщѣ наукъ, словесности и художествъ. Тутъ будетъ и ваше имя, незабвенное въ Исторіи Русскаго Просвѣщенія. Пришлите мнѣ имена членовъ вашего семейства".

О. Іоаннъ Белюстинъ сообщилъ Погодину: Въ Мологѣ продается до пяти пудовъ старинныхъ рукописей. Къ истинному сожалѣнію, купецъ нашъ, которому поручалъ я собрать свѣдѣнія, сдѣлалъ это пребезтолково. Вотъ его разсказъ: цѣлый сундукъ старины; книги переплетенныя и въ тетрадяхъ; писаны, которыя четко, которыя—никакъ не разберешь; все, что было отъ Божества, распродано; а что теперь есть, не то законы, не то другое что, не поймешь; потому что хозяйка не продаетъ, а на пуды.—А хозяйка-то кто?—Вдова послѣ стряпчаго; живетъ съ угла на уголъ съ предводителемъ, а зовутъ ее.... ну вотъ, понадѣявшись на память, не записалъ и забылъ, совсѣмъ забылъ. Впрочемъ, какъ ни безтолково указаніе, а отыскать хозяйку этой старины нетрудно; нѣтъ ли у васъ корреспондента въ Мологѣ, который бы разобралъ сундукъ и поискалъ чего-либо годнаго? Быть можетъ, это и хламъ; а быть можетъ, найдется тутъ, чего и не ожидаешь. Если жъ нѣтъ, то при первомъ удобномъ случаѣ рискну купить и не видавши; продается на пудъ, значитъ за бездѣлицу, и моихъ средствъ станетъ. Найдется годное, — оно заранѣе ваше; окажется все вздоръ, — утѣшу себя мыслью: хотѣлось сдѣлать угодное тому, по чьей милости въ послѣдніе два года я испыталъ столько наслажденій чистыхъ и высокихъ. О, еслибъ Господь помогъ мнѣ такъ или иначе доставить вамъ хоть небольшое удовольствіе" [319])!

Въ тоже время о. Белюстинъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* Судное дѣло 1520 года о Матвѣѣ Судинатовѣ.

Въ *Калужскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, благодаря любознательности графа Д. Н. Толстого, помѣщено было драгоцѣнное извѣстіе объ Евангеліи, сохранявшемся въ Боровскомъ Пафнутіевскомъ монастырѣ, пожертвованномъ, въ 1533 г., знаменитымъ митрополитомъ Макаріемъ, который былъ тамъ первоначально постриженъ. Передъ текстомъ помѣщенъ такъ

азываемый *Лѣтописчикъ*, въ коемъ подробно изложено, чего тоило изготовленіе всей книги. Перепечатывая въ *Москвитянинѣ* этотъ *Лѣтописчикъ*, Погодинъ замѣтилъ, что онъ олженъ „пролить много свѣта на наши свѣдѣнія о древихъ деньгахъ. Благоволятъ наши нумизматы, особенно г. Ірозоровскій, обратить свое вниманіе на этотъ важный доументъ“.

Вотъ текстъ этого Лѣтописчика: ...„Доброписцу черноисному, сирѣчь книжному, вдано двѣ тысящи сребреницъ ротиву трудовъ его, въ Московское число. Живописцу конному — четыреста сребреницъ. Златописцу жъ застаочному писцу и статейному писцу — тысяща сребреницъ четыреста въ Московское жъ число. Злата жъ пошло а заставицы, и на статіи, и на прописи, и на тетроаніе, и на точки, и на запятыя, и на скань въ Еванельскую доску,—осмьдесятъ златницъ Оугорьскихъ; а всякой латой по полтинѣ, и того восмь тысящь сребреницъ. Сребра е чистой плави на всю Евангельскую доску и съ сканіею—ванадесять гривенокъ. А всякая гривенка по полутретья убля съ гривною. И того, шесть тысящь сребреницъ, и двѣгѣ и четыредесять сребреницъ. Бархатъ же на Евангеліи ь четыреста сребреницъ. Застежки же Евангельскія и подовы шесть сотъ сребреницъ. Златокузньцемъ же, и сребоузньцемъ, и сканьному мастеру,—тысяща сребреницъ и четыреста сребреницъ, Московскимъ же числомъ. И всего того лата и сребра считается подъ едино число равеньствомъ вѣстѣ тысящь сребреницъ, въ тысящу же гривенъ и дваадесять гривенъ. Московскимъ же числомъ собирается сто ублевъ и дванадесять гривенъ Московскихъ“ [320]). . .

Н. И. Костомаровъ, стяжавшій себѣ впослѣдствіи славу сторика, 19 сентября 1855 года, обратился къ Погодину о слѣдующимъ письмомъ: „Принимаю смѣлость просить васъ, достоить вниманіемъ представляемую при этомъ статью: *Иванъ Свирговскій, Украинскій гетманъ XVI вѣка*, и помѣтить ее въ *Москвитянинѣ*, если найдете достойною“ [321]).

Разумѣется, это желаніе Костомарова было съ удовольствіемъ исполнено и статья его было напечатано въ *Москвитянинѣ* [322]).

Въ мартовской книжкѣ *Современника* 1856 года, Н. И. Костомаровъ напечаталъ древнее стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело молодца въ иноческій чинъ.* Эта повѣсть была открыта А. Н. Пыпинымъ, въ одномъ сборникѣ XVII—XVIII в. Погодинскаго Древлехранилища, и по этому поводу Шевыревъ съ упрекомъ писалъ Погодину: „Какъ же твои сотрудники, перебирая окончательно всѣ рукописи и сборники твоего Древлехранилища, могли пропустить *Сказаніе о Горѣ и Злочастіи*, которое теперь напечаталъ *Современникъ*? Вещь прекрасная“.

Во Владимірѣ на Клязьмѣ процвѣталъ Константинъ Тихоправовъ, благоговѣйно изучавшій церковныя древности стольнаго, Богоспасаемаго града Владиміра.

Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, постоянно поддерживалъ дружескія связи съ людьми, подобными Тихонравову, и послѣдній, 26 сентября 1855 года, писалъ Погодину: „Весьма радъ, что статья моя о Стоговѣ погостѣ оказалась годною для *Москвитянина*. Имѣю честь представить актъ 1611 года о раззореніи Суздальскаго Покровскаго монастыря и вотчинъ его. Этотъ актъ, какъ нельзя лучше доказываетъ, какъ недалеко ушла въ двѣсти лѣтъ цивилизація даже образованнѣйшихъ народовъ, каковы Англичане и Французы. То же истребленіе частнаго имущества беззащитныхъ жителей, то же мородерство... Весьма пріятно, что моя рукопись послужила г. Бѣляеву къ разрѣшенію недоумѣнія о церкви Св. Іоанна Златоустаго въ Переяславлѣ Рязанскомъ. Рукопись: *Достопамятности, надлежащія изъ Рязанской области*, представлена мною въ Общество Исторіи и Древностей; жаль, что эта рукопись безъ конца,—не достаетъ нѣсколькихъ листовъ; я такъ ее и получилъ“ [323]).

Въ *Москвитянинѣ* 1855 г. К. Тихонравовъ напечаталъ

акты о погребеніи въ Суздальскомъ Спасо-Евѳиміевомъ монастырѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ рода князей Пожарскихъ. Тамъ же напечаталъ Тихонравовъ и письмо царя Ѳеодора Алексѣевича къ основателю Флорищевской пустыни іеромонаху Илларіону [324]).

Въ октябрѣ 1855 года, посѣтилъ Москву баронъ М. А. Корфъ и письменно обратился къ Погодину съ слѣдующими вопросами: „Въ описаніи извѣстнаго посольства въ Россію графа Карлейля, при Алексѣѣ Михайловичѣ, сказано, что чины посольства видѣли, въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы, *пловучій островъ*, напоминавшій собою древній Делосъ, и даже нѣкоторые къ нему приставали. Что это такое и есть ли этому какіе нибудь слѣды въ историческихъ нашихъ преданіяхъ?

„Какъ зовутъ извѣстнаго Лобкова, и можно ли отъ моего визита ему, взявъ къ тому въ предлогъ осмотръ его книжныхъ рѣдкостей, предвидѣть какую нибудь пользу для матеріальныхъ выгодъ нашей библіотеки?

„Вотъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, вопросы Петербургскаго странника, который завтра, въ 11 часовъ, отправляется во свояси, но успѣлъ бы еще, если нужно,—чего не сдѣлаешь для доброй цѣли,—побывать у Лобкова.

„Сейчасъ отправляюсь на поклонъ Кремлевской святынѣ".

Когда же о желаніи барона Корфа Погодинъ сообщилъ Лобкову, то сей послѣдній отвѣчалъ: „Кто такой баронъ Корфъ; я его совершенно не знаю. Скажите, пожалуйста, какое онъ имѣетъ до меня дѣло"? Полицейместеръ Московскій П. К. Щебальскій напечаталъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1856 г. цѣлый рядъ своихъ замѣчательныхъ статей *О правленіи Царевны Софіи* и, посылая Погодину свое сочиненіе, писалъ ему: „Позвольте мнѣ со всевозможнымъ смиреніемъ ударить вамъ челомъ первою главою моей статьи. Не взыщите за незначительность приношенія: я не спеціалистъ, не ученый, а диллетантъ и занимаюсь отечественною Исторіею столько, сколько это возможно Русскому человѣку, уважающему свое прошедшее, но отвлеченному службою" [325]).

Въ 1854 году, Кіевская Временная Коммиссія издала лѣтопись Григорія Гребянка. Авторъ лѣтописи Григорій Ивановичъ Гребянка жилъ и служилъ въ Гадяцкомъ полку, а въ гетманство Данила Апостола, сталъ (съ 1729 года) Гадяцкимъ полковникомъ, называясь уже Грабянкою. „Съ легкой руки нашего лѣтописца-полковника", — замѣчаетъ М. А. Максимовичь, — „бытописаніе Малороссіи велось непрерывно въ продолженіе всего XVIII-го вѣка". Лѣтопись Грабянки доведена до 1708 года; впрочемъ, послѣднія десять лѣтъ едва обозначены въ ней. Главную и лучшую часть ея составляетъ повѣствованіе о гетманствѣ Богдана Хмельницкаго,—важное и потому, что оно пополняетъ собою Величкову лѣтопись, изъ которой, къ сожалѣнію, утратились листы о событіяхъ съ исхода 1648 по 1652 г. Въ *Москвитянинѣ* 1855 года М. А. Максимовичь напечаталъ *Извѣстіе о Лѣтописи Григорія Грабянки.*

LXXII.

И. К. Купріяновъ напечаталъ въ *Москвитянинѣ* рекомендательное письмо Новгородскаго митрополита Іова къ князю Я. Ѳ. Долгорукову, о Посошковѣ (24 февр. 1713.) которое начинается такъ: „Превосходительнѣйшему господину нашему, въ Бозѣ тресвятемъ сыну прелюбезнѣйшему и благодѣтелю великому, благороднѣйшему болярину князю Якову Ѳедоровичу и всему богоблагословенному дому благословеніе отъ Живоначальныя и Богоначальныя и Всеначальныя Троицы и всѣхъ благихъ мирныхъ и премирныхъ архіерей и дненощный вельможности вашей богомолецъ Іовъ митрополитъ вседушно желаетъ и присно молитъ... Сего ради и нынѣ моляще пречестнѣйшее господское лицо ваше о явленіи милости ко вручителю сего посланія господину Посошкову, въ требованіяхъ его, просимъ усердно"...

Печатая это письмо, Погодинъ замѣтилъ: „Очень радъ находкѣ этого письма о Посошковѣ... Миѳъ, какъ хотѣли

его выдать мои противники, когда я издалъ драгоцѣнныя и удивительныя его сочиненія, является намъ яснѣе и яснѣе, осязательнѣе и живѣе“ [326]).

Кромѣ того, И. К. Купріяновъ открылъ какой-то проектъ, написанный Посошковымъ, по поводу котораго, 16 апрѣля 1855 года, писалъ къ Погодину: „Такимъ образомъ, къ прежней славѣ нашего народнаго политика и писателя, неизвѣстнаго и неоцѣненнаго современниками и даже до сихъ поръ по достоинству, но единственно вами, вызваннаго на жизнь въ потомствѣ, мнѣ посчастливилось присоединить еще коечто, чему я душевно радъ. Пропуски въ моемъ спискѣ я сдѣлалъ потому, что не нашелъ въ нихъ ничего важнаго, а между тѣмъ, списыванье ихъ заняло бы у меня немало времени, которое въ Софійской библіотекѣ надо разсчитывать по минутамъ. Первый пропускъ есть ничто иное, какъ примѣрный сокращенный Катихизисъ, а второй—ссылки на постановленія и опредѣленія соборовъ. Впрочемъ, эти пропуски можно будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ списать, хотя я и думаю, что духовная цензура ихъ помараетъ при печатаніи. Я предназначалъ эти проекты въ № 1 *Москвитянина*, въ надеждѣ, конечно, получить за нихъ обыкновенный вашъ гонорарій; но такъ какъ вы предназначаете ихъ для печатанія въ *Временникѣ* Историческаго Общества, то я желалъ бы знать предварительно—платитъ ли Общество и по скольку за статьи и матеріалы, въ его изданіяхъ печатающіеся. Если платитъ не менѣе двадцати-пяти р. за листъ, то печатайте съ Богомъ; я и впредь буду доставлять историческія статьи и матеріалы; если нѣтъ, то я напечатаю ихъ въ Петербургскихъ журналахъ“ [327]).

В. Д. Олсуфьевъ представилъ Погодину, для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, три письма императрицы Екатерины (1763) къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву, изъ которыхъ въ первомъ, писанномъ въ Москвѣ, 28 апрѣля 1763, Екатерина писала: „Я чаю, Ломоносовъ бѣденъ: зговоритесь съ гетманомъ *), не

*) Графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. *Н. Б.*

можно ли ему пенсіонъ дать“. Въ другомъ же письмѣ императрицы читаемъ: „Вы имѣете сказать, а лучше написать Александру Петровичу Сумарокову, что, какъ его сочиненія печатаются на щетъ кабинетный, — онъ впредь воздержался бы соблазнительныхъ словъ для слабыхъ употреблять, какъ нынѣ въ его баснѣ *о двухъ поварахъ*; также и трогающихъ честь кого, какъ въ той же басни исторія его съ княземъ Шаховскимъ. Сей послѣдній, кажется, своимъ весьма умѣреннымъ поступкомъ противъ Сумарокова, сіе не заслужилъ; я желаю, чтобъ остановлена была продажа сей піесы, а впредь предпишите, гдѣ его, Сумарокова, сочиненія на моемъ коштѣ печатаются, чтобъ безъ censure ихъ не печатали, понеже я не хочу, чтобъ подумали, что я дерзости, противъ почтенія закона и благопристойности, потакала; также почтенныхъ людей подъ моимъ покровительствомъ выдавала на непристойное ругательство“ [328]).

Въ то же время В. Д. Олсуфьевъ просилъ Погодина, навести для него историческія справки: «Для нѣкоторыхъ соображеній“, — писалъ Олсуфьевъ, — „мнѣ нужно знать, въ какое именно время были въ милости у Екатерины Великой значущіяся на оборотѣ сего лица. У меня подъ рукою нѣтъ ничего для справокъ, сдѣлайте дружбу, потрудитесь противъ каждаго изъ нихъ выставить хотя приблизительно годы, въ которые они явились играющими нѣкоторымъ образомъ роли при Дворѣ. Простите, что васъ безпокою, но, надѣюсь на ваше снисхожденіе...

1752. С. В. *Салтыковъ.*
1756. Станисл. *Понiатовскій.*
1762. К. Г. Г. *Орловъ.* *)
1774. К. Г. А. *Потемкинъ.*
1777. *Зоричъ.*
1785. А. П. *Ермоловъ.*

---

*) Послѣ Орлова, Погодинъ вписалъ: „1776. Завадовскій 13 мѣсяцевъ“. *Н. Б.*

1779. И. Н. *Римскій-Корсаковъ.*

1772. *Васильчиковъ*

1780. *Ланской.* 1784.

1788. *Мамоновъ.*

1791. К. П. А. *Зубовъ.*

Если они здѣсь написаны не по порядку годовъ, то поставьте №, показывающій ихъ послѣдовательность.

Погодинъ исполнилъ просьбу В. Д. Олсуфьева и при каждомъ лицѣ карандашомъ означилъ годы.

Изъ отдаленнаго Оренбурга, 3 іюля 1855 года, В. В. Григорьевъ писалъ Погодину: „Для человѣка, который полъ жизни упивался благоуханіемъ типографскихъ чернилъ и сильно вкусилъ сладость корректуры,—жить и не печататься, равно тюремному заключенію для любящаго движеніе и просторъ кочевника. Можете представить поэтому, почтеннѣйшій Михайло Петровичъ, каково мнѣ сидѣть въ Оренбургѣ и вотъ уже четвертый годъ не зрѣть дѣтищъ своихъ въ печати. Но такъ глупо распоряжаюсь я своимъ временемъ, что рѣшительно не умѣю ни клочка его урвать у службы. Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, удалось мнѣ смастерить, наконецъ, переводъ съ Турецкаго одной довольно-любопытной и не безинтересной, въ настоящее время, вещицы. Переводцемъ этимъ кланяюсь вашей милости для *Москвитянина* съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи онаго въ журналѣ, сдѣлано было пятьдесятъ особыхъ оттисковъ“ [329]).

Переводъ В. В. Григорьева былъ напечатанъ въ *Москвитянинѣ*, съ предисловіемъ, изъ котораго узнаемъ слѣдующее: „Тринадцать лѣтъ тому, въ *Библіотекѣ для Чтенія* напечатанъ былъ переведенный съ Турецкаго, разсказъ Ресми-Ахмедъ-Эфендія, Оттоманскаго министра Иностранныхъ Дѣлъ, о семилѣтней (1769—1776) борьбѣ Турціи съ Россіей. Переводчикъ, О. И. Сенковскій, объяснилъ, что въ подлинникѣ произведеніе это именуется *Хулосе-и-Ихтебаръ—Сокъ Достопримѣчательнаго*—и что въ Библіотекѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета есть два рукописные экземпляра Турец-

каго текста. Не смотря на такое опредѣлительное указаніе, не смотря на то, что *Сокъ* за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ изданъ былъ уже въ Нѣмецкомъ переводѣ, славившимся въ свое время Дицомъ, подлинность этого произведенія была у насъ заподозрѣна даже нѣкоторыми изъ оріенталистовъ. Причинами тому были, съ одной стороны, необыкновенная бойкость и шутливый тонъ самого *Разсказа*, проникнутаго ироніею и приправленнаго остротами, чего въ извѣстныхъ Европѣ Турецкихъ писателяхъ не встрѣчается; съ другой — расположеніе переводчика къ мистификаціямъ и удивительная способность его писать въ духѣ и нравахъ какого-угодно лица и народа. Даже тѣ, которые знали, что Ахмедъ-Эфенди существовалъ дѣйствительно, и вѣрили, что *Разсказъ*, ему приписываемый, въ основѣ своей не выдуманъ, нисколько не сомнѣвались, однако же, что въ подлинникѣ онъ далеко не таковъ, какъ въ переводѣ О. И. Сенковскаго, который, по всей вѣроятности, сильно передѣлалъ своего автора, снабдивъ его и остроуміемъ, и веселостью, несовмѣстными съ Турецкою флегмою. Такимъ образомъ, переводъ ученѣйшаго изъ оріенталистовъ нашихъ, при появленіи своемъ въ свѣтъ, приня-тый одними за мистификацію вполнѣ, другими—за мистификацію вполовину, былъ съ теченіемъ времени забытъ вовсе.

„Кто, подобно мнѣ, своими глазами видѣлъ въ Петербургскомъ Университетѣ обѣ Турецкія рукописи *Сока*, прочелъ ихъ отъ доски до доски и потому знаетъ, что сочиненіе это переведено О. И. Сенковскимъ почти слово-въ-слово, безъ малѣйшихъ измѣненій, вставокъ или прибавокъ, но съ поразительнымъ искусствомъ въ передачѣ дѣйствительно необыкновеннаго тона и колорита подлинника, тотъ не можетъ смотрѣть равнодушно на незаслуженную участь, постигшую у насъ образцовый переводъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній въ Турецкой Литературѣ. *Сокъ Достопримѣчательный* есть, по убѣжденію моему, источникъ первостепенной важности для Исторіи войнъ нашихъ съ Турками въ Екатерининскій періодъ, и, сверхъ того, едва ли не лучшее пособіе

для уразумѣнія Турецкаго управленія вообще. Поэтому, когда О. И. Сенковскій счелъ приличнымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ перепечатать свой переводъ этого произведенія въ мартовской книжкѣ *Библіотеки для Чтенія*, за прошлый годъ, я возъимѣлъ намѣреніе содѣйствовать, сколько зависитъ отъ меня, вразумленію публики нашей относительно подлинности *Сока* и достовѣрности перевода его, сдѣланнаго почтеннымъ наставникомъ моимъ, познакомивъ сомнѣвающихся съ другимъ сочиненіемъ того же автора. Въ самомъ *Разсказѣ* упоминается (стр. 9), что авторъ его посыланъ былъ Оттоманскою-Портою посломъ въ Пруссію. Посольство это имѣло мѣсто въ 1763—4 году, и офиціальная, представленная султану, записка Ахмедъ-Эфенди о томъ, какими землями ѣхалъ онъ ко Двору Фридриха Великаго, и что̀ видѣлъ въ Пруссіи и на пути туда, включена цѣликомъ въ государственную лѣтопись Васыфъ-Эфенди. Эта авторомъ *Сока* составленная записка о самимъ же имъ правленномъ посольствѣ и представляется теперь читающему міру нашему.

„*Записка*,—сочиненіе, много уступающее *Соку* по прямой для насъ занимательности, въ значительной мѣрѣ отличается отъ послѣдняго и по языку: не могъ же посланникъ, въ офиціальной запискѣ, представленной государю, выражаться такъ же безцеремонно, такимъ же „будничнымъ“ слогомъ, какимъ то же лицо набрасывало, для пріятелей своихъ, памфлетъ, извѣстный подъ именемъ *Сока*. Тѣмъ не менѣе, однако же, и въ *Запискѣ*, сквозь подобающую сановнику степенность, весьма нерѣдко проглядываютъ насмѣшливость, мѣткая наблюдательность и рѣзкій образъ выраженія, свойственные автору *Сока*. Подпоясанный или нараспашку, Ахмдъ-Эфенди въ обоихъ произведеніяхъ своихъ является одинаково умнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ, который вводитъ насъ въ самые сокровенные изгибы Турецкаго ума и Турецкаго пониманія Европы и политическихъ ея отношеній, что́, въ настоящее время, можетъ имѣть для многихъ особую цѣну.

„Какъ выше сказано, *Записка* помѣщена цѣликомъ у Ту-

рецкаго исторіографа Васыфа, государственная лѣтопись котораго, подъ заглавіемъ *Мехасинъ-эль-Асаръ ва Хакоикъ-эль-Ахбаръ* (Отличнѣйшія изъ дѣяній и наипріятнѣйшія изъ сказаній), напечатана первымъ изданіемъ въ Константинополѣ, въ 1805 году, а потомъ, въ 1828 году, перепечатана въ *Булякѣ*. Я пользовался при переводѣ вторымъ изданіемъ. О. И. Сенковскимъ это офиціальное произведеніе Ахмедъ-Эфенди переведено также, только не на Русскій, а на Польскій языкъ.

„Переводя предлагаемую *Записку*, я старался держаться подлинника какъ можно биже; на дальнѣйшія достоинства не имѣю и притензій. Переводить съ восточныхъ языковъ, какъ переводитъ О. И. Сенковскій,—„сохраняя ненарушимо тонъ и колоритъ подлинника, не измѣняя сущности его выраженій и не стирая съ нихъ отпечатка оригинальности“— умѣетъ онъ одинъ. За тѣмъ долженъ я сказать еще, что какъ ни мала *Записка* по объему своему, и той не имѣлъ я досуга перевести до конца: переводомъ послѣднихъ страницъ обязанъ я молодому оріенталисту нашему В. В. Вельяминову-Зернову *), который былъ такъ добръ, что согласился докончить мою работу, чтобы не пропала она вовсе“ [330]).

Д. А. Милютинъ, узнавъ, что Погодинъ пріобрѣлъ бумаги о Суворовѣ, писалъ ему: „Неужели вы, Михаилъ Петровичъ, не дадите мнѣ взглянуть на новыя бумаги, пріобрѣтенныя вами на память о знаменитомъ нашемъ героѣ. Я готовлюсь печатать второе изданіе своей Исторіи 1799 года; теперь именно эти бумаги были бы мнѣ очень кстати; а вы знаете вѣрно, что я человѣкъ аккуратный до педантизма: вы можете мнѣ ввѣрить ваши рукописи, съ тою же увѣренностію въ сохранности ихъ, съ какою запираете ихъ въ собственный свой шкафъ“.

Просьба Д. А. Милютина была исполнена, и онъ, возвращая бумаги Погодину, 1 апрѣля 1856 года, писалъ ему:

*) Нынѣ Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа. *Н. Б.*

„Опять былъ въ Москвѣ,—и опять не удалось быть у васъ, истинно уважаемый Михаилъ Петровичъ. Суета суетъ и всяческая суета! Не было минуты свободной; не видалъ здѣсь никого, и сегодня уже уѣзжаю обратно во-свояси. Возвращаю вамъ при семъ съ благодарностію доставленныя вами—рукопись относительно Суворова, и корректурные оттиски вашей статьи. Суворовскія бумаги не относятся къ той эпохѣ, которая меня интересуетъ [331]).

LXXIII.

Въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1855 г., Н. С. Тихонравовъ напечаталъ рецензію на *Мелочи изъ запаса моей памяти* М. А. Дмитріева [332]).

„Странно",—писалъ М. А. Дмитріевъ, 31 января 1856 г., Погодину,—„что не вѣрятъ даже современникамъ, а вѣрятъ всякому собирателю литературной ветоши. Такъ, г. Тихонравовъ, разбирая въ одномъ Петербургскомъ журналѣ мои *Мелочи*, написалъ, и очень утвердительно, что Жуковскій не переводилъ Флоріанова *Вильгельма-Теля;* что я, вѣроятно, перепуталъ эту поэму съ романомъ Коцебу: *Мальчикъ у ручья*; потому-де, что этотъ романъ начинается словами: „Вильгельмъ сидѣлъ у ручья".—Между тѣмъ, дѣло очень просто: я вспомнилъ о *Вильгельмѣ-Телѣ*, и забылъ о *Мальчикѣ у ручья*; а П. А. Плетневъ, писавшій біографію Жуковскаго, вспомнилъ о *Мальчикѣ у ручья* и, вѣроятно, забылъ о *Вильгельмѣ-Телѣ.* А Жуковскій дѣйствительно переводилъ и то, и другое. Одного я рѣшительно не понимаю у нашихъ нѣкоторыхъ критиковъ: это смѣлости и увѣренности, съ которой они утверждаютъ или опровергаютъ à priori, что̀ было до нихъ, или что̀, по пословицѣ „не при нихъ писано".—Догадка и самоувѣренность замѣняютъ имъ авторитетъ современности. А эти догадки ведутъ вотъ къ чему: вы, я думаю, помните, что одинъ изъ собирателей матеріаловъ разсказывалъ намъ недавно о дѣтствѣ Карамзина, основываясь

на его недоконченномъ романѣ: *Рыцарь нашего времени.* Такъ, изъ новѣйшей біографіи Пушкина и наконецъ изъ Бельгійскаго журнала *Le Nord*, узнали мы, что, вѣроятно, обязанъ Пушкинъ народностію нѣкоторыхъ своихъ произведеній — старухѣ, своей нянюшкѣ, о которой столько нынче пишутъ, что, я думаю, ей икается на томъ свѣтѣ. Словомъ: Пушкина не выводятъ нынче передъ публику иначе, какъ съ старухой-нянькой. Карамзинъ и И. И. Дмитріевъ, я думаю, смѣялись бы этому; а Пушкинъ краснѣлъ бы, представляя изъ себя эту группу. Кстати, о Карамзинѣ. — О мѣстѣ его рожденія недавно разспрашивалъ я родного его племянника, а моего внучатнаго брата. Могу утвердительно сказать теперь, что онъ родился въ нынѣшней Симбирской губерніи (а по тогдашнему раздѣленію Россіи, Казанской губерніи, Симбирской *провинціи* и уѣзда), въ сельцѣ Карамзинка или Знаменское. Одно изъ сильныхъ доказательствъ есть то, что тогда у отца его не было еще и деревни въ Оренбургской губерніи, а была только незаселенная земля, которая была заселена гораздо позже 1766 года. Это та Оренбурская деревня Михайловка, Преображенское то же, которую полагаетъ мѣстомъ рожденія Карамзина г. Старчевскій. Но ея тогда еще не существовало. Вотъ и другое обстоятельство, въ подтвержденіе перваго. Когда императрица Екатерина, во время своего путешествія, пріѣзжала въ Симбирскъ, мать Карамзина была беременна младшимъ его братомъ, Ѳедоромъ Михайловичемъ, и очень сожалѣла, что, по причинѣ своей беременности, не смотря на близкое разстояніе отъ Симбирска, не могла пріѣхать въ городъ и видѣть государыню. А это было въ 1767 году. Слѣдовательно и черезъ два года послѣ рожденія Николая Михайловича отецъ и мать его все еще жили въ Симбирской деревнѣ. За симъ, позвольте сдѣлать и къ вамъ небольшую придирку. Въ *Москвитянинѣ* напечатано письмо митрополита Іова о Посошковѣ. Я желаю знать, почему вы думаете, что это о томъ самомъ извѣстномъ намъ Посошковѣ, о вашемъ

protégé? Въ письмѣ нѣтъ на это никакихъ доказательствъ! Могъ быть Посошковъ и другой. Я нахожу большое сомнѣніе, даже и потому, что митрополитъ Іовъ называетъ Посошкова господиномъ Посошковымъ; а въ тѣ времена этого титула не расточали, такъ какъ нынѣ. Тогда титулы были хотя неопредѣленны, но дороги. Св. Димитрій Ростовскій, въ письмѣ къ царицѣ, титулуетъ ее: *Ваше благородіе*. А крестьянамъ и купцамъ никогда не давали титула господина. Мое сомнѣніе, основанное, во-первыхъ, на безъизвѣстности тождества Посошкова и Посошкова, а потомъ на титулѣ, я думаю, заслуживаетъ опровсерженія, если оно возможно. Что самъ Посошковъ не миѳъ, не выдуманное лицо, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Его предложеніе боярину Головину, 1701 года, было напечатано въ 1793 году. Правда, почти черезъ столѣтіе; но эта книжка всѣми признавалась, по общему преданію, за дѣйствительное предложеніе Посошкова. Никто не сомнѣвался въ его дѣйствительности, потому уже, что знали прежде о его существованіи. Эта книжка, вы знаете, была издана подъ заглавіемъ: *Россіянинъ прошедшаго вѣка*. Что вы, журналисты и Московскіе, и Петербургскіе, а особенно вы, Московскіе, ни слова не сказали объ Раичѣ!—Право у насъ немного такихъ переводчиковъ Виргилія, Тасса и Аріоста. Только и прославляете двухъ боговъ: Пушкина и Гоголя; да одну богиню: няньку Родивоновну! Хорошо отдавать справедливость, но справедливости есть мѣра. Спросите живописцевъ: они вамъ скажутъ, что все, что̀ выходитъ изъ мѣры, становится каррикатурою. Вы всѣ изъ Пушкина, Гоголя и Родивоновны, наконецъ, сдѣлали каррикатуру.—Вы на меня за это не сердитесь: это только шутка, въ которой, однако, много правды".

Въ *Москвитянинѣ* 1855 года, М. Н. Лонгиновъ напечаталъ, какъ озаглавлено, *Два неизданныя стихотворенія И. И. Дмитріева*: 1) Пародія пѣсни: Я птичкой быть желаю и 2) Начинается стихомъ: Прелестна грація, служащая Венерѣ".

По поводу этого сообщенія, М. А. Дмитріевъ писалъ Погодину: „Для точности, которою такъ дорожатъ собиратели и біографы, я нужнымъ считаю увѣдомить васъ, что пародія: *Я моськой быть желаю*, давно и всѣмъ извѣстна, по крайней мѣрѣ всѣмъ людямъ того времени. Она была напечатана въ *Карманномъ Пѣсенникѣ* 1796 года, собранномъ Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ, въ его молодости, и напечатанномъ у Пономарева.—Съ тѣхъ поръ она много разъ перепечатывалась, и во многихъ пѣсенникахъ. Другое же стихотвореніе, напечатанное въ *Москвитянинѣ*, совсѣмъ не принадлежитъ моему дядѣ. Я знаю все, что было имъ писано. Я бы желалъ, чтобы вы напечатали объ этомъ въ *Москвитянинѣ*. Нынче, когда у насъ вошло въ моду собирать всякую старую мелочь, всѣ эти присылки доброхотныхъ дателей и всѣ извѣстія собирателей, не смотря на похвальное ихъ намѣреніе сохранить и напомнить забытое, требуютъ большей разборчивости, чѣмъ прежде. Мы поздно хватились вспоминать, когда уже все перезабыли: отъ того и путаемся“.

К. Тихонравовъ, изъ Владиміра, 7 ноября 1855 года, писалъ Погодину: „Имѣю честь сообщить вамъ, для напечатанія въ *Москвитянинѣ*, если признаете достойнымъ, извѣщеніе о недавно пріобрѣтенной мною I части старѣйшаго изъ Московскихъ періодическихъ изданій *Покоящагося Трудолюбца*, который въ 1784 году издавался студентами Московскаго Университета. Если эта первая статья будетъ напечатана, то я немедленно пришлю и вторую, въ которой сообщу письмо къ издателямъ и другія статьи, какія вы укажете мнѣ *въ примѣчаніи* подъ статьей. Пользуясь давнишнимъ вашимъ желаніемъ, выраженнымъ въ *Москвитянинѣ*, я печатаю теперь при *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, указатель къ нимъ съ начала ихъ изданія, съ 1838 по 1856 годъ. Въ этомъ году окончу хронологическій, а съ слѣдующаго года начну систематическій указатель. Кажется, до сего времени ни при однихъ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* еще не было

сдѣлано указателя. Въ концѣ, присоединю имена всѣхъ сотрудниковъ, съ показаніемъ числа сообщенныхъ ими статей и раздѣлю ихъ по сословіямъ. Это будетъ интересно въ томъ отношеніи, что въ продолженіе восемнадцати лѣтъ были статьи не только отъ дворянъ, купцовъ и мѣщанъ, но даже и отъ крестьянъ,—и ни одной статьи отъ учителей Семинаріи. Должно быть, имъ въ *Губернскихъ* Вѣдомостяхъ печатать свои сочиненія *низко*, а въ *столичныхъ*-то слишкомъ *высоко*,—такъ они взялись за преферансъ и ералашъ. Потомъ приложу извѣстіе о числѣ подписчиковъ за каждый годъ на *Губернскія Вѣдомости* и особый указатель всѣхъ старинныхъ актовъ, помѣщенныхъ въ газетѣ, которые нигдѣ болѣе не были напечатаны. Въ будущемъ году начну печатать Лѣтопись событій, въ хронологическомъ порядкѣ съ 1838 года, особенно замѣчательныя въ губерніи, напр., перенесеніе праха князя Багратіона изъ с. Симы на Бородинское поле, возобновленіе Дмитріевскаго собора и т. п., чтобы въ родѣ лѣтописи соединить всѣ подобныя извѣстія воедино, а они разбросаны по разнымъ годамъ и нумерамъ *Губернскихъ Вѣдомостей*".

Мы уже знаемъ, что Погодинъ, разставшись съ своимъ Древлехранилищемъ, немедленно же приступилъ къ учрежденію въ своемъ домѣ, на Дѣвичьемъ Полѣ, Портретной Галлереи. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* онъ сдѣлалъ слѣдующее воззваніе: „Составляя Портретную Галлерею Русскихъ авторовъ, обращаюсь съ покорнѣйшею, убѣдительнѣйшею просьбою къ особамъ, имѣющимъ какіе-либо ихъ *портреты* или знающимъ, *гдѣ* оные находятся, сообщать мнѣ о томъ *свѣдѣнія*, дабы я могъ принять мѣры для пріобрѣтенія подлинниковъ или снятія копій. Въ особенное одолженіе я счелъ бы, если бы кому угодно было присылать мнѣ самые портреты... До сихъ поръ я собралъ слѣдующіе портреты: св. Димитрія Ростовскаго, князя Антіоха Кантемира, Тредьяковскаго, Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Георгія Конис-

скаго, Болтина, Рубана, фонъ-Визина, Державина, Нелединскаго-Мелецкаго, М. Н. Муравьева, Новикова, Дмитріева, князя Долгорукаго, Шишкова, Карамзина, Буниной, Мерзлякова, Крылова, Жуковскаго, Пушкина, Баратынскаго, Калайдовича, Строева, Языкова, Раича, Лажечникова, Загоскина, Вельтмана, Гоголя, Шевырева, Островскаго, графини Ростопчиной, Аксакова, Хомякова. Нѣкоторыми изъ собранныхъ портретовъ я недоволенъ, а потому желалъ бы достать другіе подлинники, напримѣръ, Георгія Конисскаго, Баратынскаго".

Въ Погодинскомъ Архивѣ за это время сохранилось нѣсколько писемъ, касающихся этого предмета.

Нѣкто Е. М. Ломакина, 1-го февраля 1855 года, писала Погодину: ..."Портретъ, находящійся у князя Д. И. Долгорукаго, правда прекрасной живописи, князя И. М. Долгорукаго, есть моложе того, какимъ онъ представленъ на посланномъ вамъ портретѣ, а именно двадцати-двухлѣтнимъ юношею въ пудрѣ и Французскомъ кафтанѣ. А есть у меня теперь портретъ, который я достала отъ одного изъ старинныхъ Владимірцевъ, сослуживца и почитателя князя; онъ такъ уродливъ и такой безобразной живописи, что я не рѣшилась вамъ послать его; но, говорятъ, сходство удивительное даже въ самой позѣ. Онъ представляетъ князя уже въ лѣтахъ. Пускай, вашъ живописецъ зайдетъ взглянуть на него"..

За портретомъ князя П. А. Вяземскаго, Погодинъ обратился къ графинѣ А. Д. Блудовой, но та (10 февраля 1855 г.) отвѣчала: "Портрета Вяземскаго не знаю, кромѣ литографіи. Врядъ ли и есть портретъ масляными красками".

Съ запросами о портретахъ Погодинъ обратился также и къ А. Н. Муравьеву, который по этому поводу писалъ ему: "Свѣтскихъ не знаю, а изъ духовныхъ лучшій Михаилъ, у Гончаровыхъ, бывшій княгини Софьи Мещерской. Платонъ въ Лаврѣ есть. Ѳеофана великолѣпный портретъ оригинальный, — въ Останкинѣ. Мой оригиналъ также въ Останкинѣ".

Въ своемъ вышеупомянутомъ *Воззваніи*, Погодинъ заявилъ

что онъ недоволенъ доставшимся ему портретомъ Баратынскаго; на это откликнулся И. В. Кирѣевскій и, 8 августа 1855 года, написалъ Погодину слѣдующее: „Баратынскаго портретъ я послалъ къ тебѣ на прошедшей почтѣ. Прошу тебя поберечь его, а возвратить тотчасъ послѣ того, какъ съ него снимутъ копію. Это единственный портретъ, оставшійся отъ него, и хотя краски немного полиняли, но все онъ очень похожъ, и, смотря на него, живо вспоминаешь то время, когда онъ былъ снятъ".

Какъ и подобаетъ, Погодинъ весьма разсчитывалъ на содѣйствіе къ пріумноженію своей Портретной Галлереи на М. А. Дмитріева, но тотъ, изъ своего Богородскаго, писалъ своему другу: „Портретовъ у меня, я писалъ уже къ вамъ, никакихъ нѣтъ, кромѣ Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина. А на что вамъ мою рябую рожу"?

„Есть у меня въ виду",—писалъ Погодину князь Н. Н. Голицынъ,—„портретъ Богдановича. Адресуюсь къ его *Душенькѣ* (Марьѣ Ѳедоровнѣ Токаревой), проживающей въ Курскѣ".

Просьба Погодина о портретахъ привела въ нѣкое недоумѣніе К. Д. Кавелина. „Что касается до портретовъ",—писалъ онъ,—„то я не хорошо уразумѣлъ ваше порученіе. Портретовъ многое множество есть, фотографическихъ и другихъ всѣхъ теперешнихъ литераторовъ. Недавно, напримѣръ, я видѣлъ у графа Толстого, Льва, фотографическую группу семи или осьми теперешнихъ литераторовъ (Григоровича, Толстого, Тургенева, Дружинина, Островскаго и проч.), и думалъ объ васъ.—У меня есть старинный Уткинскій портретъ Жуковскаго. Если онъ идетъ къ вамъ, я вамъ охотно его поднесу. За тѣмъ, если вамъ угодны мои услуги по этой части, укажите, что́ я долженъ дѣлать, и я готовъ исполнить всѣ ваши желанія".

Въ своемъ Собраніи Погодинъ желалъ имѣть портретъ А. Ѳ. Писемскаго; но онъ, на просьбу объ этомъ, 26 октября 1855 года, отвѣчалъ ему: „Нащетъ портрета

моего, откровенно долженъ вамъ сказать, что списать порядочный и прислать вамъ его, у меня, право, нѣтъ на столько лишнихъ денегъ, доказательствомъ чего можетъ служить то, что у меня у самого даже нѣтъ, чисто по недостатку кармана, а не по невниманію къ своей собственной физіономіи" [333]).

LXXIV.

Въ 1855 году, Погодинъ сблизился съ молодымъ, тогда, человѣкомъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Голицынымъ.

Сынъ князя Николая Борисовича, отъ второй его жены, Вѣры Ѳедоровны фонъ-Пэшманъ, единокровный братъ князя Юрія Николаевича и племянникъ Татіаны Борисовны Потемкиной, князь Николай Николаевичъ, родился 21 апрѣля 1836 года, въ слободѣ Михайловкѣ, Ново-Оскольскаго уѣзда, Курской губерніи [334]).

Въ день своего рожденія, 21 апрѣля 1855 года, изъ села Богородскаго, князь Н. Н. Голицынъ обратился къ Погодину съ слѣдующимъ письмомъ: „Я почту себя счастливымъ, если съ вашего соизволенія, мнѣ можно будетъ помѣщать на страницахъ *Москвитянина* рядъ статей, подъ заглавіемъ: *Историческіе этюды Древней Греціи*. — Я открываю рядъ моихъ изслѣдованій характеристикою Пиѳагора; за ними будутъ слѣдовать статьи, подъ заглавіемъ: *Діонисій, Агаѳоклъ, Гелонъ* и друг. Смѣю надѣяться, что мои труды составятъ хотя ничтожную лепту, которую я радостно повергаю къ олтарю отечественнаго Просвѣщенія. Причина же, побудившая меня безпокоить васъ и читателей вашего журнала, моими сухими комментаріями, —слѣдующая.—*Москвитянинъ*, въ своей программѣ, ставитъ себѣ цѣлью—ободрять и поощрять молодые таланты. Что я молодъ, въ этомъ могу васъ удостовѣрить; что касается до талантовъ, то хотя *таковыхъ за мною не водится*, однако, люблю и люблю очень трудиться, питая безпредѣльное уваженіе къ Наукѣ, и эти два свойства, если

они развиты, могутъ замѣнить врожденныя дарованія. Что мой талантъ (т.-е. трудолюбіе и т. п.) молодъ, наконецъ,— въ этомъ вы легко убѣдитесь, просмотрѣвъ, при семъ прилагаемую (первую) статью и увидѣвъ ея неполноту и несовершенства.

„Не могу не сообщить вамъ еще одной (главнѣйшей) причины, побудившей меня отнестись къ вамъ съ моею докучливою просьбою.—Классическая Древность всегда составляла предметъ искреннѣйшей привязанности; не смотря на то, она никогда не была моею *специальностью* (если имѣю право такъ выразиться). Какъ бы то ни было, но года два тому назадъ, я сталъ ревностно заниматься отечественною Исторіею. Постепенно увлекаясь этой безцѣнной Наукою, я началъ, съ Божіею помощью, большой трудъ, имѣющій непосредственное къ ней отношеніе. Теперь, по прошествіи двухъ лѣтъ, трудъ этотъ достаточно подвинутъ; онъ, болѣе чѣмъ когда-либо требуетъ подпоры многихъ меценатовъ Науки. И такъ, цѣлью моею, печатая мои *Очерки*, болѣе или менѣе ознакомить себя съ публикою. Послѣ же 4-го или 5-го *Очерка*, надѣюсь, вы позволите мнѣ изложить нѣсколько мыслей о предметѣ моихъ постоянныхъ занятій, и даже сообщить нѣсколько изъ него отрывковъ.—Вотъ, вамъ по совѣсти, моя цѣль, когда я теперь безпокою васъ своею просьбою. Смѣю надѣяться, что первый мой шагъ. на скользкомъ поприщѣ публицизма, заслужитъ ваше одобреніе. А не смотря на то, не слѣдовало бы мнѣ, съ моими слабыми, неосновательными познаніями, идти навстрѣчу критики, осужденій и т. п.; но я русскій. Магическая сила скрыта въ нашемъ *авось*. Вспомните то же слова нашего общаго пріятеля балагура Горація:

Nil mortalibus arduum est:
Coelum ipsum petimur stultitia; neque
Per nostrum patimur scelus
Iracunda Iovem ponere fulmina.

„При такихъ авторитетахъ, надѣюсь, вамъ не покажется мой планъ слишкомъ отважнымъ. Не имѣя права безпокоить

васъ моею докучливостью, прошу васъ покорнѣйше причесть меня къ 10,000-ному числу вашихъ поклонниковъ, а также принять увѣреніе въ чувствахъ глубочайшаго уваженія".

Въ письмѣ своемъ къ Погодину, 20 августа 1855 года, князь Голицынъ сообщаетъ о себѣ біографическія данныя: „Вы, кажется",—писалъ онъ,—„желаете узнать, кто и что я? Я сынъ князя Николая Борисовича Голицына, котораго вы знаете. Я вступилъ въ Харьковскій Университетъ, въ половинѣ 1853 года. Но Университетъ не открылъ для меня, какъ для другихъ, своихъ отцовскихъ объятій"..... Въ другомъ письмѣ (8 октября 1855 г.), князь Голицынъ сообщаетъ: „Здоровье мое плохо съ шестилѣтняго возраста, хожу я съ костылемъ и палкою. Трудно жить съ такими атрибутами. Отчасти чувствуешь, что занимаешь лишнее на землѣ мѣсто. Но, повѣрьте, что и на этой уединенной тропѣ, Милующій Господь нашъ набросалъ немало ароматическихъ и яркихъ цвѣтовъ, дабы сдобрить жизнь тихую и мирную!.. Природа назначила меня быть превосходнымъ рубакою, но судьба, на подобіе А. И. Тентентникова, осудила меня на пріятную участь *коптителя неба*. Преглупо всегда распоряжается судьба, особенно въ наше время. Сапожника дѣлаютъ главнокомандующимъ, а главнокомандующаго—сапожникомъ".

Въ это время князь Н. Н. Голицынъ проживалъ въ Курскомъ имѣніи своего отца и занимался Классическими Древностями и Русскою Исторіею. Въ *Москвитянинѣ* 1855 г. онъ печаталъ *Историческія Этюды Древней Греціи*. Но въ то же время онъ мечталъ совершить грандіозное предпріятіе и объ этомъ извѣстилъ Погодина. Само собою разумѣется, что Погодинъ живо заинтересовался, какъ личностью, такъ и замышленіями князя Голицына, и написалъ ему сочувственное письмо, на которое тотъ, 20 августа 1855 г., отвѣчалъ: „Примите прежде всего мою глубочайшую признательность за тѣ любезныя и ободряющія строки, которыми вы начинаете письмо ваше. Вы себѣ легко можете представить пріятное впечатлѣніе, произведенное на меня вашимъ

лестнымъ отзывомъ о моемъ первомъ опытѣ. Будьте также увѣрены въ безсмертной моей благодарности за совѣты, которыми вы обѣщаете снабдить меня и въ которыхъ я такъ сильно нуждаюсь...

„Вы желаете узнать подробности о моемъ новомъ трудѣ. Хотя я себѣ было далъ слово никому не говорить объ немъ до его окончанія, однако же теперь я, болѣе чѣмъ когда-либо, чувствую необходимость въ руководителѣ и опорѣ. Если судьба мнѣ такъ благопріятствуетъ, что руководителемъ и опорою являетесь вы, то мнѣ, безъ сомнѣнія, надо считать, это залогомъ успѣха и даже совершенства моего труда. И такъ, между нами, позвольте вамъ сообщить его программу. При издаваемомъ теперь безчисленномъ множествѣ историческихъ матеріаловъ, настала самая благопріятная пора для разработки Русской Исторіи. Одно изданіе матеріаловъ двумя правительственными мѣстами, составляетъ уже важную эпоху въ лѣтописяхъ изученія Русской Исторіи, которая никогда не достигала такой степени развитія, какъ въ нынѣшнее время, и можно сказать справедливо, что мы живемъ въ самую благопріятную пору исторической дѣятельности, сравнительно съ предыдущимъ временемъ. И такъ, интересно бы знать, какимъ образомъ дошла наука Русской Исторіи до настоящаго развитія, какія были ей даваемы направленія, что̀ содѣйствовало или препятствовало ея успѣхамъ. При многосложной и многочисленной литературѣ Русской Исторіи, теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, наступило время и удобство составить изъ разнородныхъ элементовъ литературы Русской науки одно цѣлое, кодексъ, настольную справочную книгу, *Критико-Библіографическій Каталогъ* (Каталогъ нехорошо выражаетъ значеніе такого сочиненія; надо бы сказать: *сводъ всѣхъ сочиненій* и т. д., или, какъ-нибудь лучше). Составленіемъ такого *Критико-Библіографическаго Каталога*, я уже занимаюсь два года. Программа этого труда (вкратцѣ) слѣдующая: Цѣль— *Критико-Библіографическій Каталогъ* долженъ служить настольною книгою для всякаго занимающагося Русскою Исто-

ріею. Въ *Каталогѣ* будутъ рѣзко различены три его *составныя части*: 1) *Часть Біографическая*, т.-е. *біографія* (in extenso, преимущественно факты) *всякаго автора*, хотя бы онъ былъ извѣстенъ однимъ только, и то самымъ неизвѣстнымъ, незначущимъ сочиненіемъ касательно Русской Исторіи и Русскаго быта. Такъ какъ жизнь человѣка имѣетъ ближайшее вліяніе на его занятія, то важность біографическаго отдѣла несомнѣнна. Выражусь вашими же словами (по поводу отысканнаго письма Карамзина къ Ходаковскому): „Мы жалуемся теперь на недостатокъ уваженія молодого поколѣнія къ старшимъ, но чѣмъ питалось, поддерживалось у насъ это уваженіе? Въ чужихъ краяхъ о Гете, о Шиллерѣ, о Байронѣ, написано по библіотекѣ; всякой шагъ ихъ извѣстенъ. У насъ, что̂ напечатано о Карамзинѣ, о Державинѣ, о Пушкинѣ, послѣ ихъ смерти? Мы все разбираемъ, можно ли сказать то или это? Достойно ли оно общаго извѣстія? Не унизитъ ли ихъ въ глазахъ современниковъ;—а между тѣмъ, все изглаживается, позабывается — люди знающіе умираютъ, слѣды исчезаютъ; начинаются гаданія, выдумки, сожалѣнія, что не имѣемъ никакихъ извѣстій объ нашихъ авторахъ, кромѣ ихъ сочиненій. Я увѣренъ, что дѣти наши о Карамзинѣ будутъ знать столь мало, сколько мы о Татищевѣ“. Біографическая часть полагаетъ себѣ цѣлью спасти память Русскихъ авторовъ отъ забвенія. Я уже имѣю много драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ о Карамзинѣ, Полевомъ, Пушкинѣ, Ходаковскомъ и многихъ другихъ, собранныхъ мною изъ устъ современниковъ. 2) Часть Библіографическая; она будетъ состоять въ подробнѣйшемъ *библіографическомъ перечнѣ* всѣхъ сочиненій (сюда даже должна входить оцѣнка *объявленій* литераторовъ до появленія въ свѣтъ сочиненія, какъ выраженіе ожиданій ученыхъ и публики и т. д.), большихъ и малыхъ статей и статеекъ и т. д., имѣющихъ хотя наималѣйшее отношеніе къ Русской Исторіи, ея быту и т. п., въ періодъ времени—съ древнѣйшихъ временъ *до кончины императрицы Екатерины II*. Сюда будутъ входить, по содержанію, всѣ статьи и сочиненія до послѣд-

нихъ журнальныхъ статей, имѣющихъ появиться въ декабрѣ мѣсяцѣ 1855 года. 3) *Критическая часть* (самая главная); тутъ: а) должны быть собраны (часто цѣликомъ перепечатаны) всѣ рецензіи, отзывы, замѣчанія, намеки, разборы какого-нибудь сочиненія, появившіеся во всѣхъ современныхъ Европейскихъ литературахъ; б) современный взглядъ и оцѣнка науки такого-то или такого-то сочиненія; в) выводъ. *Изданіе*: in folio; въ хронологическомъ порядкѣ; 1-я часть будетъ посвящена обозрѣнію школъ, господствовавшихъ въ нашей наукѣ и т. п. *Каталогъ* начнется разборомъ извѣстій отца исторіи Всеобщей и Русской, Геродота, о Скифахъ, и кончится сочиненіями 1855 г. включительно. Программа обширная".

Представивъ Погодину планъ своего грандіознаго предпріятія, князь Голицынъ пишетъ: „Болѣе двухъ лѣтъ, какъ я посвятилъ ему всѣ свои труды и досуги. О пользѣ и необходимости такого труда при настоящемъ направленіи и состояніи Русской Науки излишне, кажется, распространяться. Въ нашей ученой Литературѣ, еще, кажется, никто не думалъ о такомъ трудѣ. Притомъ, при составленіи его не должно пренебрегать опытами въ этомъ родѣ, отъ Сопикова до Старчевскаго, Тихонравова и библіографическихъ замѣтокъ Аѳанасьева и Капустина. Прежде чѣмъ я перенесу свои занятія въ наше отечественное Книгохранилище, мнѣ довольно дѣла и на мѣстѣ. Другими словами, трудъ мой подвигается. Я думалъ, что одинъ начну, одинъ и кончу. Не тутъ-то было: *Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ*. Въ такихъ-то обстоятельствахъ обратился я къ вамъ, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ текущаго года... Не смѣю безпокоить васъ, на первый разъ, просьбою о доставленіи мнѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній, относящихся до моего труда, и потому откладываю на будущее время пользованіе вами мнѣ даннаго права, злоупотреблять вашимъ вниманіемъ и благосклонностью. Если позволите, то я буду вамъ сообщать отрывки изъ моего труда; такимъ образомъ, вы скоро ознакомитесь съ основою моихъ сужденій о Русской Исторіи, основою, на которой воздвигаю я памятникъ нерукотворный,—а заростетъ

ли къ нему, или нѣтъ, народная тропа, это другой вопросъ, покрытый мракомъ неизвѣстности, какъ говаривали въ старину. Во всякомъ случаѣ, я себѣ еще въ молодости далъ обѣтъ посвятить всю свою жизнь на благо Отечества. Безъ сомнѣнья, я былъ бы первымъ въ рядѣ воиновъ, льющихъ кровь свою на Севастопольской Голгоѳѣ, но природа, съ шести-лѣтняго возраста лишила меня ноги. За меня сражается отецъ мой и его два старшихъ сына *). Счастливые люди! Мнѣ выпала другая участь. Но и область духа тоже имѣетъ своихъ героевъ, свои побоища и свои лавры. Поддержите же, теперь, молодого новобранца.....

LXXV.

Къ предпріятію князя Голицына, Погодинъ отнесся хотя доброжелательно, но критически, и преподалъ молодому „другу Русской Исторіи" нѣсколько наставленій, которыя и приняты съ подобающимъ почтеніемъ. „Благодарю, благодарю и благодарю",—писалъ князь Голицынъ (8 октября 1855 г.),— „человѣкъ, болѣе меня самолюбивый, въ дурную сторону принялъ бы ваши замѣчанія. Я же вижу въ нихъ одну хорошую, одно желаніе ваше наставить меня на путь истины и сдѣлать изъ меня со временемъ какого-нибудь толковаго дѣятеля Науки. За все это, еще разъ благодарю васъ. Доказательствомъ, до какой степени я убѣжденъ въ томъ, что наставленія ваши были мнѣ сдѣланы не отъ желчи, а напротивъ, отъ расположенія, можетъ послужить вамъ то, что наставленія ваши изъ области теоріи я перенесъ въ сферу дѣйствительности,—и что на дняхъ посылаю прошеніе о принятіи меня вновь въ число студентовъ Императорскаго Харьковскаго Университета. Тяжко приниматься снова за ферулу, привыкнувъ уже мало-мальски къ болѣе самостоятельнымъ занятіямъ, но что жъ дѣлать! Еще разъ примите увѣреніе въ искренней моей благодарности за совѣты и выговоры ваши".

*) Князья Юрій и Борисъ. *Н. Б.*

Высказавъ это, князь Голицынъ продолжаетъ: „Неужели думали вы, что *Каталогъ* мой издастся въ скоромъ времени? Дай Богъ, развѣ, лѣтъ черезъ десять или пятнадцать. А что *слишкомъ рано* принимаемся за такой обширный трудъ, въ этомъ попрекнуть едва-ли должно. Притомъ-же, и по самому моему труду, я только еще почти чернорабочій. Какъ вы ни недоброжелательствуете къ моему бѣдному *Каталогу*, однако, трудно будетъ мнѣ отъ него отказаться. Слишкомъ уже много пошло на него и мыслей, и времени, и кровныхъ трудовъ. *Qui vivra, verra*, что изъ него выйдетъ. Притомъ же, изъ программы мною вамъ сообщенной, вы еще не подробно знакомы съ цѣлью, составомъ и направленіемъ моего труда. По настоящему, для такого рода труда, надобно бы было *замахнуться еще шире*; а въ ту рамку, въ которую я включилъ его, онъ, надѣюсь, будетъ доступенъ и для меня. Дѣйствительно, богохульство — ставить рядомъ имена Сопикова и Капустина съ именами Тихонравова, Аѳанасьева и Старчевскаго, но надо было взять во вниманіе, что дѣло вовсе не шло о ихъ достоинствахъ и что я хотѣлъ обозначить только предѣлы библіографическихъ изысканій, долженствовавшихъ входить въ мой трудъ. Ахъ! неужели вы думаете, что мнѣ, занимающемуся *Каталогомъ* (въ переносномъ смыслѣ— литературою Русской Науки), такъ мало знакомы вышеупомянутыя личности! Впрочемъ, я было и позабылъ, что: *laus propria* etc. Не буду васъ болѣе безпокоить моимъ бѣднымъ оплеваннымъ *Каталогомъ*“...

Поздравляя Погодина съ днемъ его Ангела, князь Голицынъ, между прочимъ, писалъ ему: „На прошеніе о принятіи въ Университетъ, получилъ я — отвѣтъ, что нынѣшній годъ, въ 1855, слишкомъ поздно. И такъ, поступаю на будущій (1856), въ іюлѣ мѣсяцѣ. Но думаю, не въ Харьковскій, а въ Московскій Университетъ.... ...Боже! если вы бы могли и въ Москвѣ продолжать ко мнѣ ваше участіе. Повѣрьте, что я употребилъ бы всѣ силы, чтобы заслужить и поддержать ваше расположеніе. Я могъ бы быть, надѣюсь,

полезенъ и вамъ. Вы бы могли поручить мнѣ какую-нибудь чернорабочую сторону въ вашихъ трудахъ, что я всегда исполнилъ бы съ величайшемъ стараніемъ... Полюбите, ради Бога, мой *Каталогъ*... Я сегодня *за здоровье* ваше велѣлъ вынуть частицу".

Письма князя Голицына растрогали Погодина, и онъ написалъ ему письмо, которое привело его въ неописанный восторгъ. Отвѣтное письмо князя къ Погодину (9 ноября 1855 г.) начинается Латинскою цитатою: „Litteras Tuas laetissimo animo accepi, in quibus mirificam Tuam erga me benevolentiam cognovi, pro hac Tua erga me benevolentia maximas Tibi gratias debeo agere. Neque merui id tamen, neque ullam hujus rei causam divinare possum, nisi propensum Tuum in me animum cupidinemque nobilem, ne a quolibet liberalitate vincaris". За симъ, князь Голицынъ продолжаетъ: „Сегоднишній день будетъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни. Пришедшая вамъ мысль привела меня въ неописанный восторгъ, — меня, давно уже неувлекающагося. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда читалъ ваше лестное предложеніе. Какъ выразить вамъ мою чувствительность... мою безграничную благодарность... мою надежду, что эта благодатная, пришедшая вамъ на умъ мысль перенесется въ дѣйствительность... Одно только меня смутило: слова, — *по крайней мѣрѣ по окончаніи вашего курса*... А прежде? А при вступленіи вновь, на будущій годъ въ Московскій Университетъ (видите, какъ я напрашиваюсь). Но нѣтъ, это было бы слишкомъ великолѣпно; тогда я былъ бы счастливъ. А сдѣлать теперь меня счастливымъ, зависитъ отъ васъ, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Поставьте себя въ мое положеніе. — Человѣкъ, на перепутьи многихъ жизненныхъ дорогъ, съ широко задуманными замыслами, съ энергіею, съ способностями, пожалуй, — и этотъ человѣкъ встрѣчаетъ вдругъ руку помощи, руку, соглашающуюся руководить имъ; какъ же долженъ смотрѣть человѣкъ этотъ на своего руководителя, какъ же долженъ стараться онъ,

болѣе и болѣе поддерживать вниманіе и участіе наставника? Оттого, если судьба будетъ до такой степени благопріятствовать мнѣ, чтобы сдѣлать меня въ чемъ-нибудь вамъ полезнымъ, то вы можете себѣ представить, какъ я буду стараться доказать вамъ, что выборъ вашъ палъ не на недостойнаго, — что вы найдете во мнѣ неутомимѣйшаго сотрудника во всемъ, въ чемъ только дозволятъ мнѣ быть вамъ полезнымъ мои познанія, мое трудолюбіе, моя къ вамъ преданность... Вчера (8-го ноября), я писалъ къ вамъ, что я надѣюсь поступить къ іюлю мѣсяцу будущаго (1856) года въ Московскій Университетъ. Эта надежда осуществилась бы великолѣпно, если бы вы захотѣли и осуществить вашу мысль двумя годами раньше. Скажу вамъ откровенно, что я человѣкъ уживчивый, работающій, безъ хвастовства прибавлю,— нравственный. Мѣшать и стѣснять васъ никогда не осмѣлюсь. А какъ употреблю всѣ мои усилія, дабы принести вамъ посильную дань моей благодарности и преданности, не нужно болѣе увѣрять васъ, я думаю. А какъ уладить это легко! Черкните два слова фатеру *)—и дѣло въ шляпѣ! Дай Богъ, чтобъ это не были одни мечты! Осуществить ихъ и сдѣлать меня счастливымъ, зависитъ отъ одного вашего почерка пера, достопочтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! И такъ, вы мой патронъ, а я,—вашъ кліэнтъ,—на вѣки! Не правда ли? А, между тѣмъ, рисуя эту очаровательную для меня картину, моего съ вами сожительства, я ни слова не сказалъ о нашей общей цѣли. Если предложенія вашего и не достоинъ я, то, во всякомъ случаѣ,—*Каталогъ* (такой, какъ онъ когда-нибудь долженъ предстать на судъ публики) мой достоинъ того, чтобы вы приняли въ немъ участіе и руководили бы имъ. Вотъ-то, подлинно, дѣло у насъ закипѣло-бы. Наконецъ, со временемъ, что мѣшало бы издать его подъ общею нашею фирмою. Что за утѣшительныя мысли, право, толпятся у меня, въ головѣ, сегодня. Повторяю въ

*) Т. е., князю Н. Б. Голицыну. *Н. Б.*

третій разъ:—отъ васъ зависитъ осуществить все это. На *Каталогъ* я не смотрю, какъ на сочиненіе, чисто-спеціальное. Въ глубинѣ сердца своего, какъ и Палацкій, я обѣщалъ этотъ трудъ своему Отечеству, я его завѣщалъ Русской Наукѣ. Оттого не щадилъ я, не щажу и не буду щадить на него ни силъ, ни средствъ, ни здоровья, ни трудовъ. Въ *Каталогъ* должна входить и Исторія Русскаго образованія и Исторія Русской науки, и библіографія и біографіи. Составъ сложный, но дѣльный. Какъ дорого далъ бы я, чтобы узнать основательнѣе ваше мнѣніе о моемъ *Каталогѣ* и о *значеніи* такого труда. Вы, можетъ быть, думаете, что это будетъ одна сухая полемика—лишь? Сознаете-ли вы (я это вполнѣ сознаю), не только пользу такого труда (она очевидна), но и *необходимость* его при настоящемъ состояніи Русской Науки...

„Вы спрашиваете меня о моей болѣзни.—Техническій для нея, медицинскій терминъ: *cox ewtrocace*. Пролежавъ восемь лѣтъ на одномъ боку и вытерпѣвъ четыре ужаснѣйшихъ операціи, Господь Богъ еще далъ мнѣ возможность удобно передвигаться съ мѣста на мѣсто и укрѣпилъ прочее здоровье. Боли въ ногѣ теперь уже никогда не чувствую. Но въ другомъ отношеніи, я сильно самъ содѣйствую къ разрушенію тѣлесной своей храмины; такъ, безсонныя ночи, кромѣ разрушенія нервной системы и вообще всего организма портятъ зрѣніе... А все *Каталогъ*, завѣтный *Каталогъ*!. Впрочемъ, тоже и другія занятія“...

Такимъ образомъ, между княземъ Н. Н. Голицынымъ и Погодинымъ образовалась тѣсная нравственная связь. „Кто тому виноватъ“?—вопрошаетъ князь Голицынъ;—„*Каталогъ*, *Пифагоръ*-ли, душевное влеченіе... ...не знаю! А вотъ уже послѣ двухъ-трехъ писемъ я смотрю на васъ, какъ на нравственнаго своего благодѣтеля, какъ сынъ на отца. А какъ? По крайней мѣрѣ, въ вашемъ ко мнѣ участіи, я сомнѣваюсь... Я былъ счастливъ, когда въ письмѣ вашемъ 21 ноября (1855), прочиталъ: *Мнѣ пятьдесятъ пять лѣтъ*

о *въ иныхъ отношеніяхъ я тотъ же юноша* ... Но тутъ лѣдуетъ у васъ убійственное *пока.* Il n'y a pas de roses ans épines".

24 февраля 1856 года, отецъ нашего „друга Русской Исторіи", князь Н. Б. Голицынъ писалъ Погодину: „Съ нѣкотораго времени младшій сынъ мой Николай вступилъ въ ношенія съ вашимъ превосходительствомъ, и вы были такъ обры, что согласились его имѣть при себѣ, достигать униерситетскаго курса. Не знаю, какъ изъявить вамъ мою ризнательность за такое вниманіе ваше къ несчастному юношѣ, котораго Провидѣніе надѣлило неизлѣчимою хромоою съ шестилѣтняго возраста. Все лѣто я подвизался на евастопольскихъ бастіонахъ съ Курскимъ ополченіемъ, а еперь нахожусь въ отпуску. Проѣздомъ чрезъ Москву мнѣ казали, что вы отправились въ С.-Петербургъ, а здѣсь узнаю, то вы все-таки находитесь въ Москвѣ. Выѣду изъ Петерурга обратно въ Крымъ на первой недѣлѣ и непремѣнно остараюсь быть у васъ, чтобы переговорить съ вами о оемъ Николаѣ, который, въ настоящее время, нуждается въ лагоразумныхъ совѣтахъ вашихъ, чтобы дать направленіе го чрезвычайному стремленію къ наукамъ, которыя поглоили всю дѣятельность его".

Самъ же князь Н. Н. Голицынъ, 7-го апрѣля 1856 года, исалъ Погодину: „Отецъ, пріѣхавъ домой, привезъ кучу раостей—и посылку вашу, и вѣсточку о томъ, что вы меня омните и, наконецъ, главное — согласіе ваше, на мое съ ами *сожительство.* Нужно ли прибѣгать къ тропамъ и фиурамъ, чтобы убѣдить васъ, въ безмѣрной моей благодарости?.. Нужно ли вамъ говорить, что это былъ счастливѣйій день моей жизни... Что имъ начался періодъ новый, езъ сомнѣнія, счастливѣйшій предъидущаго... Вы подали уку погибавшему! Вы мнѣ сказали: *впередъ!* Это словцо, накомое Русскому человѣку, производящее чудеса надъ его уткой природою. Я не знаю выше подвига, какъ подать уку изнемогшему духомъ... Не мастеръ я передавать свои

чувства на бумагѣ... Да и какъ выражу я вамъ мою безмѣрную благодарность... Раньше мѣсяца увидимся, тогда всѣми силами постараюсь доказать на дѣлѣ. А покамѣстъ, вѣрьте, что съ этихъ поръ, вы мнѣ родной, вы мой второй отецъ... а я вамъ послушный сынъ...

„И такъ, до свиданія въ маѣ... Примите сыновній мой поцѣлуй заочно, въ ожиданіи близкаго свиданія. Желаю вамъ встрѣтить любовно день нашего искупленія. *Обымемъ другъ друга, рцемъ братіе, и ненавидящимъ насъ, простимъ вся Воскресеніемъ!*

Христосъ Воскресе“ [335])!

LXXVI.

Повѣяло миромъ, и Москва возликовала. Конецъ 1855-го и начало 1856 года, ознаменовались въ ея жизни цѣлымъ рядомъ грандіозныхъ, патріотическихъ пиршествъ.

Но, святитель Московскій не раздѣлялъ этого веселія: оно его смущало. Изъ своей келліи, на Троицкомъ подворьѣ, онъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Изъ Петербурга есть печальная вѣсть, что много веселятся. Въ живыхъ картинахъ представляютъ трехъ отроковъ въ пещи и Навуходоносора съ дворомъ его, лѣствицу Іакова, и споръ демона съ ангеломъ за какую-то дѣвицу, описанный въ какихъ-то стихахъ Лермонтова“ [336]).

26 ноября 1855 года, исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, какъ М. С. Щепкинъ выступилъ въ первый разъ на сцену публичнаго театра. „Если“,—писалъ С. Т. Аксаковъ,—„его юбилей пройдетъ безъ всякихъ знаковъ уваженія къ его таланту и къ его постоянному художественному труду, то это будетъ стыдно Московскому обществу. Я очистилъ мою совѣсть и приготовилъ статью съ краткимъ обозрѣніемъ театральной жизни Щепкина; но, къ удивленію моему, покуда не вижу ни въ комъ горячаго желанія дать Щепкину хоть обѣдъ... Я не успѣлъ кончить этого письма, какъ явился ко мнѣ Со-

ловьевъ, и съ жаромъ ухватился за мысль торжествовать юбилей Щепкина обѣдомъ, стихами и поднесеніемъ какой-нибудь вазы“ [337])...

Но, къ юбилею Щепкина былъ также неравнодушенъ и Погодинъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи его *Дневника*:

Подъ *12 ноября 1855 года*: „Вечеръ у Аксакова. О Щепкинскомъ юбилеѣ.

— *20* — : „Кетчеръ, Полуденскій и Катковъ о праздникѣ. Обдумывалъ застольную рѣчь Щепкину.

— *21* — : „Писалъ письмо къ Попову объ орденѣ для Щепкина.

— *26* — : „Перечиталъ рѣчь. Къ Аксаковымъ и Полуденскому. Распоряженіе съ 12 часовъ. Все прекрасно“.

Сохранилась даже программа торжества, собственноручно написанная Погодинымъ, въ которой читаемъ: „Музыку надо набрать изъ старыхъ оперъ: Калифа Багдадскаго, Водовоза... Потомъ, изъ Русскихъ: Жизнь за Царя, Аскольдова Могила, Вадимъ.

„Столы завтрака заставить стульями большими, кои отнять по окончаніи чтенія.

„Если не съѣдутся къ 3-мъ часамъ, то Михаила Семеновича, съ провожатыми, надо поджидать у г. Рамазанова.

„Встрѣча у дверей.

„Послѣ краткаго привѣтствія,—музыка.

„Въ залѣ чтеніе статьи.

„Закуска.

„Обѣдъ.

„Передъ жаркимъ, привѣтствіе скажетъ Погодинъ.

„Отвѣтъ.

„Желающіе.

„Послѣ обѣда представленіе подарковъ: Погодинъ вручитъ сочиненія Гоголя, которыя надо подписать всѣмъ присутствующимъ. Полуденскій — Пушкина. Минъ — Данта. Островскій — комедіи. Кетчеръ — Шекспира. Пикулинъ — Берга.

Кокоревъ—ковшъ на подносѣ и бокалъ. Шевыревъ—кольцо. Мельгуновъ — портреты.

„С. П. Шевыревъ прочтетъ письмо Петербургскихъ литераторовъ.

„Разъѣздъ.

„Проводятъ М. С. Щепкина до дома: Погодинъ и Пикулинъ.

„Надо разсыпаться намъ всѣмъ участвующимъ по разнымъ мѣстамъ, чтобъ наблюдать за порядкомъ, прислугою и т. п., за тишиною во время чтенія.

„О кофѣ съ Порфиріемъ—по утру.

„Водку принесть послѣ чтенія или приготовить до чтенія.

„Гдѣ посадить Михаила Семеновича, при чтеніи статьи"?

Самъ графъ А. А. Закревскій весьма сочувственно отнесся къ празднованію юбилея М. С. Щепкина. „Графъ Закревскій",— писалъ Погодину С. Т. Аксаковъ,—„очень радъ намѣренію дать обѣдъ Щепкину и еслибъ зналъ объ юбилеѣ, то самъ бы предложилъ праздновать его". О томъ же писалъ Погодину и К. С. Аксаковъ: „Казначеевъ вчера говорилъ съ Закревскимъ, который очень радъ юбилею и говоритъ, что чѣмъ будетъ онъ лучше и больше, тѣмъ ему пріятнѣе. Кому не скажешь, всѣ съ радостію желаютъ участвовать" [338])

За два дня до торжества, назначена была депутація объявить Щепкину, о желаніи Москвы дать въ честь его обѣдъ, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его службы, въ залѣ Художественнаго Собранія. Депутатами избраны: А. Ф. Томашевскій, одинъ изъ старшихъ знакомыхъ Щепкина въ Москвѣ, землякъ по Курску, Университетскій библіотекарь С. П. Полуденскій и артистъ С. В. Шумскій.

26 ноября, въ субботу, назначено было быть обѣду. Когда все было готово въ залахъ, и собрались всѣ участники, въ 3-мъ часу, отправились другіе депутаты: А. О. Армфельдъ, П. М. Леонтьевъ (вмѣсто занемогшаго М. Н. Каткова) и Н. И. Самаринъ, просить гостя къ обѣду. Лишь только юбиляръ показался въ дверяхъ, грянула музыка. Онъ встрѣченъ былъ учре-

дителями праздника и отведенъ въ среднюю залу, гдѣ посаженъ былъ на приготовленное ему за столомъ мѣсто.

Началось чтеніе. К. С. Аксаковъ прочелъ *Нѣсколько словъ о М. С. Щепкинѣ*, написанное С. Т. Аксаковымъ. Во время чтенія этой статьи, Щепкинъ плакалъ.

Пріѣхавшій ко дню торжества изъ Петербурга Ѳ. А. Бурдинъ, прочелъ письмо Петербургскихъ артистовъ.

Началась закуска. Къ обѣду Щепкинъ сопровождаемъ былъ М. П. Погодинымъ и С. В. Перфильевымъ. Шумно и весело, среди оживленной бесѣды, начался и продолжался пиръ. Но вотъ всѣ умолкли. Присутствующіе встали. М. П. Погодинъ произнесъ громко: „Мм. гг.! Всѣхъ Русскихъ празднествъ начало одно — во славу царя! Да здравствуетъ державный покровитель Искусства и Науки, и весь Августѣйшій Домъ его“! Раздалося громогласное *ура*, оркестръ грянулъ: *Боже Царя*... Въ срединѣ обѣда, предлагая тостъ за здоровье гостя, М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Мм. гг.! Послѣ живаго, теплаго и вмѣстѣ дѣльнаго слова о достоинствахъ и заслугахъ знаменитаго нашего артиста, которое сейчасъ вы съ такимъ вниманіемъ и одобреніемъ выслушали, мнѣ осталось уже немного сказать, чтобъ возбудить ваше участіе къ тому тосту, который теперь предложить вамъ хочу. Въ продолженіе пятидесятилѣтняго служенія своего Искусству, много удовольствія, прекраснаго, благороднаго удовольствія всѣмъ намъ доставилъ Щепкинъ, много нравственной пользы принесъ онъ обществу, выставляя на посмѣяніе людскіе пороки и ловя ихъ самые тонкіе оттѣнки. Онъ былъ достойнымъ помощникомъ, дополнителемъ и истолкователемъ великихъ мастеровъ сцены, отъ Шекспира и Мольера до нашихъ отечественныхъ писателей: Фонъ-Визина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Шаховскаго, Загоскина и Островскаго. Многіе Мольеровы характеры переданы имъ были такъ, что сами Французы могли намъ иногда завидовать. Въ Малороссійскихъ роляхъ онъ былъ неподражаемъ, и часто знакомилъ насъ съ Малороссіей лучше, чѣмъ сама

Исторія и даже Поэзія. Наконецъ, жиды, начиная отъ Шекспирова Шейлока до нашихъ Бѣлорусскихъ корчмарей, ни на одной сценѣ не явились съ такою поразительною вѣрностію, какъ у насъ. Да, слава отличнаго таланта, возведеннаго трудомъ на высокую степень Искусства, за Щепкинымъ неотъемлема.

„Но онъ имѣетъ еще другія права на наше уваженіе, права, которыхъ я считаю обязанностію теперь коснуться, хотя бы тѣмъ и оскорбилась его скромность. Нашъ славный художникъ есть вмѣстѣ и добрый, благотворительный, благодарный человѣкъ. Много онъ получалъ всегда за свои труды, но никогда не оставалось у него ничего. Онъ воспиталъ на свой счетъ многихъ сиротъ, оставшихся послѣ его старыхъ провинціальныхъ друзей, далъ имъ университетское образованіе и средства служить съ пользою обществу. Нѣкоторые изъ нихъ находятся здѣсь между нами. Онъ содержалъ и содержитъ много семействъ, оставшихся отъ его прежнихъ товарищей. Кто изъ знакомыхъ Щепкина не помнитъ Пантелѣя Ивановича, его перваго парикмахера, убиравшаго его въ Курскѣ, который жилъ до глубокой старости въ его домѣ, и умеръ недавно на его рукахъ, какъ самый близкій родной. Молодые люди, посвящавшіе себя театру, находили всегда у Щепкина пріютъ, пособіе и ободреніе, и были жданными гостями за его открытымъ столомъ. Нечего говорить, что всѣхъ сыновей своихъ онъ провелъ чрезъ Университетъ, гдѣ они получили кандидатскія степени, и теперь, на службѣ, поддерживаютъ честь его имени. Старшій, магистръ, предался изученію восточныхъ Древностей, и обѣщалъ намъ замѣчательнаго ученаго, но тяжкая болѣзнь остановила его на средине поприща.

„Наконецъ, жизнь Щепкина въ ея совокупности представляетъ поучительное явленіе. Если правдива наша старая пословица, что *человѣку вѣкъ прожить—не поле перейти*, то сколько же трудовъ, вообразите, надо было ему употребить, какія препятствія преодолѣть, чтобы изъ грязной передней, въ

деревнѣ степного помѣщика, дойти — до этой великолѣпной залы, пылающей яркими огнями, украшенной среди зимы зеленью и цвѣтами, сіяющей безсмертными произведеніями искусствъ! На сколькихъ крыльцахъ онъ долженъ былъ подождать, во сколько дверей онъ долженъ былъ постучаться, сколько пороговъ, высокихъ пороговъ, ему надо было перешагнуть, черезъ какіе узкіе и темные коридоры пройти, чтобъ изъ средины толпы, которая его окружала сначала, сдѣлаться почетнымъ гостемъ такого избраннаго общества, чтобъ съ самой нижней ступени въ гражданской лѣстницѣ подняться до одной изъ самыхъ почтенныхъ и завидныхъ, то-есть, получить свидѣтельство общественнаго уваженія и признательности. Не оступался ли онъ на своемъ длинномъ и утомительномъ пути? Разумѣется, оступался, можетъ быть и падалъ, нѣсколько разъ падалъ, но кто же изъ насъ, Мм. гг., можетъ похвалиться, чтобъ всегда стоялъ твердо на ногахъ? Умные наши предки говорили: *Конь и о четырехъ ногахъ, да спотыкается*! Великое достоинство—пройдя такое пространство, сохранить до старости свѣжее живое чувство доброжелательства къ людямъ, горячее участіе во всякомъ общемъ дѣлѣ, неизмѣнную преданность своему Искусству. Великое достоинство — сохранить пріятное, благородное воспоминаніе о смиренномъ началѣ своего поприща, не стыдиться его, но также и не кичиться имъ, ибо есть въ наше время и такое чувство, сохранить вездѣ сознаніе своего достоинства, и нигдѣ не забыться. Труженикъ жизни, добрый человѣкъ, знаменитый художникъ, — вотъ права нашего любезнаго гостя на общественное уваженіе. Поздравимъ же старца, впрочемъ, какъ вы видите, нестарѣющаго, съ исполненіемъ пятидесятилѣтія его сценическаго служенія, возблагодаримъ за всѣ удовольствія, кои онъ намъ доставилъ, и пожелаемъ ему еще долгихъ дней для Искусства, для публики, для друзей, для семейства, для добра! Мм. гг., здоровье Михаила Семеновича Щепкина"!

Вслѣдъ за Погодинымъ, подошелъ къ столу К. П. Барсовъ и выразилъ чувство своей благодарности многолѣтнему

благодѣтелю своего семейства. Слезы прервали его рѣчь. Всѣ присутствовавшіе были тронуты и осыпали молодого человѣка изъявленіями своего сочувствія и уваженія. Хорошо тому, кто добро дѣлаетъ; еще лучше тому, кто добро помнитъ, сказалъ кто-то.

Рѣчи слѣдовали одна за другою: говорилъ и С. П. Шевыревъ. Онъ сказалъ: „Два года тому назадъ, когда мы прощались съ вами передъ отъѣздомъ вашимъ въ чужіе края, я выразилъ вамъ мои чувства стихами—и не считаю нужнымъ теперь повторять ихъ. Но отъ меня желаютъ слова на праздникѣ вашемъ. Думаю, что̀ могутъ значить мои слова и рѣчи въ сравненіи съ этимъ собраніемъ, гдѣ каждый изъ присутствующихъ есть для васъ живое слово, живая рѣчь, выражающая вамъ любовь, сочувствіе, благодарность за пятидесятилѣтнее сценическое поприще, которое вы такъ честно и такъ изящно совершили, въ наслажденіе всѣмъ любящимъ Искусство.

„Не пройдетъ еще года,—и 30-го августа, въ день высоко для насъ драгоцѣнный, минетъ столѣтіе учрежденію Русскаго театра. Отъ этого столѣтія вы отхватили на свою долю цѣлыхъ полвѣка, да еще съ годомъ. Вашъ прекрасный праздникъ переноситъ невольно мысль къ началу Русской сцены. Вѣрится, что тѣни всѣхъ славныхъ предшественниковъ вашихъ здѣсь невидимо присутствуютъ съ нами. Помянемъ же теперь Ѳедора Григорьевича Волкова за то, что онъ первый и робко и смѣло вышелъ на Русскую сцену, на которой вы въ полвѣка выросли такимъ славнымъ художникомъ и заслужили теперь этотъ вѣнецъ. Помянемъ перваго директора Русскаго театра, Александра Петровича Сумарокова, и съ нимъ вмѣстѣ тѣхъ кадетовъ, которые были у насъ первыми на Руси актерами: Мелиссино, Свистунова, Остервальда и ихъ товарищей. Они умѣли любовью къ театру сдружить сословія, какъ они сдружаются и теперь на вашемъ праздникѣ во имя нашего прекраснаго Искусства. Помянемъ и первую Русскую актрису: она носила драгоцѣнное намъ имя дѣвицы Пушкиной —

ервая рѣшилась, побѣдивъ дѣвическую стыдливость, украсить енскимъ присутствіемъ Русскую сцену, а что же сцена безъ енщины!

„Много славныхъ тѣней проходитъ теперь въ моей мысли. Iного славныхъ предшественниковъ вашихъ легло въ мать усскую землю. Но вы долго, долго не ложитесь въ нее и олгоденствуйте съ нами, всѣмъ намъ на веселье, а себѣ на лаву!

„Да здравствуетъ многія лѣта Михаилъ Семеновичъ Щепинъ“!

Взволнованный и подавленный впечатлѣніями дня, М. С. Щепкинъ произнесъ *отвѣтную благодарственную рѣчь*: „Мм. г.! Этотъ ничѣмъ неоцѣнимый почетъ, которымъ вы удостоиете стараго представителя Искусства, радостенъ для меня ѣмъ болѣе, что я вижу въ немъ явное свидѣтельство того важенія, которое, въ послѣднее время, развилось къ Искусству, такъ мною любимому.

„Если не ошибаюсь, съ самаго основанія Русскаго театра, два ли я не первый почтенъ такимъ торжествомъ. Искренно знавая, что не вполнѣ заслуживаю чести, которую вы мнѣ оказываете, могу только сказать, положа руку на сердце, то въ продолженіе всей моей пятидесятилѣтней дѣятельности, любилъ мое Искусство, и честно и добросовѣстно выполнилъ, о моему крайнему разумѣнію, все, что оно требуетъ отъ ртиста. Вотъ вся моя заслуга. Но эту любовь, эту добросовѣстность развивали и поддерживали во мнѣ вы же сами, милостивые государи. Многіе изъ присутствующихъ здѣсь были оими двигателями на сценическомъ поприщѣ, а многихъ уже ѣтъ, нѣтъ и дорогого нашего Грановскаго. Простите, господа, мнѣ, старику, что я омрачаю свѣтлую радость этого оржества упоминаніемъ о столь недавней и столь горестной ратѣ не только для меня, но и для всѣхъ. Бесѣды съ рановскимъ поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ стоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и Искусству. И какъ онъ желалъ, чтобы я дожилъ до этого дня!

благодѣтелю своего семейства. Слезы прервали его рѣчь. Всѣ присутствовавшіе были тронуты и осыпали молодого человѣка изъявленіями своего сочувствія и уваженія. Хорошо тому, кто добро дѣлаетъ; еще лучше тому, кто добро помнитъ, сказалъ кто-то.

Рѣчи слѣдовали одна за другою: говорилъ и С. П. Шевыревъ. Онъ сказалъ: „Два года тому назадъ, когда мы прощались съ вами передъ отъѣздомъ вашимъ въ чужіе края, я выразилъ вамъ мои чувства стихами—и не считаю нужнымъ теперь повторять ихъ. Но отъ меня желаютъ слова на праздникѣ вашемъ. Думаю, что̀ могутъ значить мои слова и рѣчи въ сравненіи съ этимъ собраніемъ, гдѣ каждый изъ присутствующихъ есть для васъ живое слово, живая рѣчь, выражающая вамъ любовь, сочувствіе, благодарность за пятидесятилѣтнее сценическое поприще, которое вы такъ честно и такъ изящно совершили, въ наслажденіе всѣмъ любящимъ Искусство.

„Не пройдетъ еще года,—и 30-го августа, въ день высоко для насъ драгоцѣнный, минетъ столѣтіе учрежденію Русскаго театра. Отъ этого столѣтія вы отхватили на свою долю цѣлыхъ полвѣка, да еще съ годомъ. Вашъ прекрасный праздникъ переноситъ невольно мысль къ началу Русской сцены. Вѣрится, что тѣни всѣхъ славныхъ предшественниковъ вашихъ здѣсь невидимо присутствуютъ съ нами. Помянемъ же теперь Ѳедора Григорьевича Волкова за то, что онъ первый и робко, и смѣло вышелъ на Русскую сцену, на которой вы въ полвѣка выросли такимъ славнымъ художникомъ и заслужили теперь этотъ вѣнецъ. Помянемъ перваго директора Русскаго театра, Александра Петровича Сумарокова, и съ нимъ вмѣстѣ тѣхъ кадетовъ, которые были у насъ первыми на Руси актерами: Мелиссино, Свистунова, Остервальда и ихъ товарищей. Они умѣли любовью къ театру сдружить сословія, какъ они сдружаются и теперь на вашемъ праздникѣ во имя нашего прекраснаго Искусства. Помянемъ и первую Русскую актрису: она носила драгоцѣнное намъ имя дѣвицы Пушкиной — и

первая рѣшилась, побѣдивъ дѣвическую стыдливость, украсить женскимъ присутствіемъ Русскую сцену, а что же сцена безъ женщины!

„Много славныхъ тѣней проходитъ теперь въ моей мысли. Много славныхъ предшественниковъ вашихъ легло въ мать Русскую землю. Но вы долго, долго не ложитесь въ нее и долгоденствуйте съ нами, всѣмъ намъ на веселье, а себѣ на славу!

„Да здравствуетъ многія лѣта Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ"!

Взволнованный и подавленный впечатлѣніями дня, М. С. Щепкинъ произнесъ *отвѣтную благодарственную рѣчь*: „Мм. Гг.! Этотъ ничѣмъ неоцѣнимый почетъ, которымъ вы удостоиваете стараго представителя Искусства, радостенъ для меня тѣмъ болѣе, что я вижу въ немъ явное свидѣтельство того уваженія, которое, въ послѣднее время, развилось къ Искусству, такъ мною любимому.

„Если не ошибаюсь, съ самаго основанія Русскаго театра, едва ли я не первый почтенъ такимъ торжествомъ. Искренно сознавая, что не вполнѣ заслуживаю чести, которую вы мнѣ оказываете, могу только сказать, положа руку на сердце, что въ продолженіе всей моей пятидесятилѣтней дѣятельности, я любилъ мое Искусство, и честно и добросовѣстно выполнилъ, по моему крайнему разумѣнію, все, что оно требуетъ отъ артиста. Вотъ вся моя заслуга. Но эту любовь, эту добросовѣстность развивали и поддерживали во мнѣ вы же сами, милостивые государи. Многіе изъ присутствующихъ здѣсь были моими двигателями на сценическомъ поприщѣ, а многихъ уже нѣтъ, нѣтъ и дорогого нашего Грановскаго. Простите, господа, мнѣ, старику, что я омрачаю свѣтлую радость этого торжества упоминаніемъ о столь недавней и столь горестной утратѣ не только для меня, но и для всѣхъ. Бесѣды съ Грановскимъ поднимали меня нравственно, укрѣпляли во мнѣ постоянно упорную и неутомимую любовь къ труду и Искусству. И какъ онъ желалъ, чтобы я дожилъ до этого дня!

„Сегодняшній день, милостивые государи, имѣетъ для меня великое значеніе. Да послужитъ онъ моимъ собратамъ и товарищамъ по Искусству блестящимъ свидѣтельствомъ того, какъ почтенъ честный и добросовѣстный трудъ, какъ признаетъ и цѣнитъ общество истинную любовь къ Искусству.

„Что же касается до меня лично, то чувствъ, которыя волнуютъ меня, всего, что у меня дѣлается на душѣ, я не въ силахъ выразить словами. Скажу только, что истинная и глубокая признательность, которую я питаю къ вамъ, милостивые государи, сохранится въ душѣ моей до послѣдняго дня моей жизни; что она оставитъ меня развѣ только съ послѣднимъ вздохомъ, который вылетитъ изъ моей старой груди“!

Прослушавъ эту рѣчь, историкъ Россіи С. М. Соловьевъ *отъ всея души* сказалъ слѣдующее: „Михаилъ Семеновичъ! Вы произнесли имя, на которое мы будемъ постоянно откликаться до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ изъ насъ останется въ живыхъ. И я, человѣкъ, посвятившій жизнь свою изученію древнихъ памятниковъ, для возсозданія жизни предковъ, жизни многотрудной и суровой, неукрашенной Искусствомъ, я рѣшаюсь говорить объ Искусствѣ, говорить въ честь художника. При слушаніи того, что было нынче сказано о васъ, какъ о человѣкѣ, особенно того, что было сказано моимъ товарищемъ Барсовымъ, во всей полнотѣ явилась для меня истина словъ знаменитаго писателя, которому вы такъ сочувствовали, преждевременную потерю котораго вы такъ горько оплакиваете: *Засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко добрая душа.* Вы очень хорошо помните отвѣтъ Гоголя на упрекъ, что въ извѣстой комедіи его не выведено ни одного честнаго лица: Было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лице былъ смѣхъ. Вамъ, Михаилъ Семеновичъ, принадлежитъ честь за то, что вы всегда выходили на сцену вдвоемъ съ этимъ честнымъ, благороднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Вы серьезно взглянули

а свое Искусство, вы поняли и другихъ заставили понять, го цѣль этого Искусства, не потѣха праздной толпы, что ѣль ея,—смѣхомъ содѣйствовать очищенію нравовъ. Пусть е долго и долго слышится на нашей сценѣ этотъ благоворный смѣхъ! Да поучатся отъ васъ и другіе художники Iосковской сцены выводить на нее это честное, благородное ѣйствующее лицо; да примутъ они поученіе и отъ нынѣшяго дня. Если бы ваше Искусство, если бы вы, честный рецъ этого Искусства, имѣли цѣлію потѣху праздной толпы, не окружало бы теперь васъ такое чистое, такое горячее очувствіе".

За симъ, С. П. Шевыревъ прочелъ письмо Петербургкихъ литераторовъ, подъ которымъ подписались: Александръ Iикитенко, Алексѣй Писемскій, Андрей Краевскій, Михаилъ Iихайловъ, Левъ Мей, Ѳ. Тютчевъ, В. Бенедиктовъ, К. Каелинъ, Е. Ковалевскій, Иванъ Гончаровъ, Иванъ Тургеневъ, лександръ Дружининъ, графъ Алексѣй Толстой, Иванъ Паaевъ, Евгеній Коршъ, Яковъ Полонскій, Алексѣй Потѣинъ, Степанъ Дудышкинъ, графъ Левъ Толстой, Сергѣй Iаксимовъ, князь Петръ Вяземскій, Петръ Плетневъ, А. Воейовъ, П. Сухановъ, Гр. Данилевскій, Никол. Некрасовъ, рафъ В. Соллогубъ.

М. Н. Катковъ, не присутствуя, по болѣзни, на праздикѣ, духомъ присутствовалъ наономъ и, сидя дома, писалъ иновнику торжества: „Болѣзнь помѣшала мнѣ быть наваемъ праздникѣ, дорогой Михаилъ Семеновичъ! Я долженъ ылъ уступить другому предоставленную мнѣ честь сопровоздать васъ на устроенное для васъ пиршество. Мнѣ очень рустно,—и сидя дома, знобимый лихорадкой, въ то время акъ раздаются тосты за ваше здоровье, я въ утѣшеніе себѣ ишу вамъ эти строки.

„Сегодня торжествуемъ мы пятидесятилѣтіе вашего служенія Искусству. Человѣкъ, издавна знавшій и цѣнившій васъ, еловѣкъ, умѣющій сообщать своему слову все очарованіе

живой души *), взялся изобразить вашу пятидесятилѣтнюю дѣятельность. Эта оцѣнка вашихъ заслугъ должна быть прочитана передъ началомъ пира и должна придать ему особенное значеніе: она прекрасно настроитъ души слушателей, собравшихся на ваше торжество. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ слышаннаго, живѣе раздадутся тосты за ваше здоровье, глубже и знаменательнѣе выскажутся привѣтствія вамъ.

„Теперь, въ день вашего торжества, невольно тѣснится въ голову мысль о неблагодарности вашего Искусства. Дѣятельность, посвященная сценѣ, не оставляетъ по себѣ вѣковѣчныхъ памятниковъ. Увы! вотъ пятьдесятъ лѣтъ достославнаго служенія этому неблагодарному Искусству, и что же останется для потомства? Не успѣетъ актеръ сойдти со сцены, какъ уже и слѣдъ его дѣятельности исчезаетъ; и для будущихъ поколѣній остается лишь звукъ имени, да темныя преданія. Какъ, кажется, обижено ваше Искусство передъ всѣми другими!

„Но совсѣмъ ли это такъ? Не преувеличено ли наше мнѣніе о вѣковѣчности вещественныхъ памятниковъ, не преувеличено ли мнѣніе о недолговѣчности сценическаго дѣйствія? Гдѣ краски Апеллеса, гдѣ мраморъ Фидія? Не померкла ли слава этихъ именъ? И исчезло ли ихъ дѣйствіе съ прахомъ ихъ матеріала? Оно осталось и пребудетъ вѣчно въ постигнутыхъ ими идеалахъ, въ созданныхъ ими типахъ, оно живетъ и будетъ жить въ великой Исторіи человѣческаго образованія. Произведеніе поэта и понятно, и ярко, и живо, только для ближайшихъ поколѣній. Время, съѣдающее металлъ и камень, застилаетъ мглою слово генія, и отдаленное потомство благоговѣетъ передъ нимъ большею частію только по авторитету. Проникнуть въ произведеніе, гремящее далекою славою, проникнуть въ сферу его живаго дѣйствія, можно также не иначе какъ путемъ изученія, труднымъ путемъ историческаго преданія...

---

*) С. Т. Аксаковъ. *Н. Б.*

„И вотъ, взглянувъ отсюда, можемъ мы утѣшиться за ваше Искусство. Сценическій художникъ, вы также раскрывали тайны человѣческаго сердца, создавали образы, улавляли летучія явленія жизни и возводили ихъ къ ихъ существенному значенію, и давали имъ типическое выраженіе; вы также служили, по мѣрѣ силъ и средствъ своихъ, великой цѣли человѣческаго развитія, вы также расширяли и обогащали общее сознаніе. Вы дѣйствовали на современныя поколѣнія, — и мы знаемъ, какъ сильно вы дѣйствовали, — будьте же покойны: въ незримомъ, но живомъ мірѣ общественной памяти сохранится ваше дѣйствіе. Преданіе соблюдетъ ваше имя въ связи съ произведеннымъ вами дѣйствіемъ, съ найденнымъ вами направленіемъ, съ созданными вашею мыслію типами!

„Повинуясь влеченію природы, которое вывело васъ на сцену, вы въ своей сферѣ, слѣдовали тому же закону, который управлялъ общимъ движеніемъ нашего образованія. Въ безотчетномъ побужденіи вашей богатой природы сказывалось то же самое начало, которымъ мы гордимся въ лучшихъ представителяхъ отечественнаго слова. Знаете ли куда клоню я свою рѣчь? Сейчасъ скажу я такъ любезное вамъ, такъ часто повторяемое вами слово. Что заботило васъ и чего добивались вы такимъ трудомъ на сценѣ? Что завѣщаете вы молодымъ артистамъ, наставляя ихъ, какъ опытный мастеръ, въ правилахъ своего Искусства? *Естественность*—вотъ ваше слово, и подъ знаменемъ его вы въ ваше прекрасное пятидесятилѣтіе, содѣйствовали общему ходу нашей мысли. Была пора, когда Русская мысль оставалась безплодною и бездѣйственною въ условныхъ формахъ школы. Послѣ нѣкоторой борьбы, жизнь разбила оковы, и Русская мысль коснулась сердца и открыла въ немъ неистощимый родникъ творчества. Подъ разными именами, между которыми особенно громко звучали, теперь уже устарѣвшія, имена классицизма и романтизма, происходила эта борьба, и то, что

вы называете естественностію, составило славу Пушкина, который такъ зналъ и такъ цѣнилъ васъ.

„Да и кто же не зналъ и не цѣнилъ васъ? И можно ли не цѣнить васъ? Какъ славно боролись вы съ трудностями вашего Искусства, внося въ него живую *естественность*! Дѣйствуя сами по себѣ, не сносясь и не сговариваясь, вы усердно содѣйствовали общему дѣлу, и еще не исчислено, какъ было многоплодно ваше содѣйствіе. Будущій историкъ васъ не забудетъ, и какъ бы ни было велико разстояніе времени между имъ и вами, онъ можетъ быть еще яснѣе насъ раскроетъ и оцѣнитъ силу впечатлѣній, произведенныхъ вами на общество.

„Посреди вашей дѣятельности, вамъ предстояли двоякаго рода задачи, и вы умѣли рѣшать ихъ съ равною славою. Вы были превосходнымъ истолкователемъ творческихъ произведеній. Съ необыкновеннымъ воздержаніемъ собственнаго генія, съ удивительнымъ трудолюбіемъ изучали вы особенности великаго произведенія, не пренебрегая никакими мелочами, стараясь,—и всегда съ успѣхомъ,—проникнуть въ его замыселъ и сокровенные изгибы. Сколько прекраснаго успѣли вы раскрыть своею игрою, что безъ васъ оставалось бы незамѣченнымъ и непонятымъ! Какъ много въ этомъ отношеніи былъ обязанъ вамъ другой славный писатель-художникъ Гоголь, такъ васъ любившій!

„Но, въ продолженіе полувѣковой дѣятельности, вамъ приходилось управляться и со множествомъ ничтожнѣйшихъ издѣлій бездарности. Вы однако же не унывали, и изъ жалкаго матеріала умѣли произвести столько прекраснаго! Какой-нибудь пустой водевиль становился при вашей игрѣ художественнымъ произведеніемъ, и мы часто съ восторгомъ рукоплескали тому, на что̀ безъ вашей игры не захотѣли бы и взглянуть. Сколько типовъ создано вами безъ вины и безъ вѣдома авторовъ тѣхъ піесъ, которыя служили только поводомъ къ вашему творчеству! Сколько образовъ, ярко и тонко очерченныхъ, веселыхъ, милыхъ, согрѣтыхъ этимъ добро-

душнымъ юморомъ, наслѣдіемъ вашей родины, благодатной Украйны!

„Много бы пришлось мнѣ писать, неоцѣненный Михаилъ Семеновичъ, еслибъ я захотѣлъ исчислять всѣ ваши заслуги и опредѣлять всѣ ваши достоинства. Я и не имѣю такой претензіи: я хотѣлъ сказать лишь нѣсколько словъ, возбужденныхъ вашимъ праздникомъ. Рука моя проситъ отдыха, и пора уже мнѣ заключить это длинное посланіе.

„Но могу ли умолчать еще объ одномъ весьма существенномъ, могу ли не сказать слова объ васъ, какъ о человѣкѣ. Вы славный художникъ, Михаилъ Семеновичъ, но и человѣкъ вы славный! Теплота благородной души вашей расточалась не на одной сценѣ, но и въ жизни. Общественная благодарность послѣдуетъ за вами и будетъ вашею наградою за общественное служеніе; но мы знаемъ многихъ, которые унесутъ съ собою въ гробъ личную благодарность за ваше добро.

„Вы, слава Богу, не старѣетесь; ваше сердце свѣжо и открыто, какъ у юноши; вы на все отзываетесь... Случится ли дѣло общественной важности, радость ли, скорбь ли, вы непремѣнно тутъ, гдѣ-нибудь около, гдѣ-нибудь близко, съ слезою сочувствія, такъ намъ знакомою.

„Дай Богъ вамъ всякаго счастія, мира и спокойствія, и дай Богъ намъ еще долго радоваться вами въ нашей средѣ“!

Однимъ словомъ, привѣтствіямъ, поздравленіямъ, желаніямъ, не было конца. За симъ, начались тосты въ честь Петербургскихъ и Московскихъ артистовъ. М. П. Погодинъ предложилъ тостъ за здоровье старшаго изъ нашихъ драматурговъ, старшаго изъ Московскихъ друзей Щепкина,—здоровье Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Въ отвѣтъ на общее сочувствіе, съ которымъ былъ принятъ этотъ тостъ, К. С. Аксаковъ отвѣчалъ тостомъ въ честь *общественнаго мнѣнія*. Онъ обратился къ Погодину съ такимъ словомъ: „Тостъ вашъ для меня дорогъ. Благодарю васъ отъ имени моего отца, благодарю всею душою за ваше сочувствіе. Выраженіе

общественнаго сочувствія, *общественнаго мнѣнія* драгоцѣнно, и отецъ мой ставитъ его выше всего. Я не могу лучше отвѣчать на вашъ тостъ, столь для меня драгоцѣнный, какъ предложить тостъ въ честь *общественнаго мнѣнія*“! Раздались новыя рукоплесканія. Вслѣдъ за ними, М. П. Погодинъ предложилъ тостъ за процвѣтаніе Русскаго театра. Рукоплесканія возобновились.

По окончаніи обѣда, когда всѣ гости собрались въ среднюю залу, Щепкину поднесены были приготовленные подарки: серебряный вызолоченный ковшъ,—отъ имени Славянофиловъ; бокалъ,—отъ Европейцевъ; подносъ, золотое кольцо съ вырѣзаннымъ числомъ 26 ноября,—на память о праздникѣ отъ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ; сочиненія Пушкина и Гоголя въ богатомъ переплетѣ, альбомъ съ портретами знаменитѣйшихъ актеровъ, Русскихъ и иностранныхъ. Графиня Л. А. Нессельродъ прислала въ даръ Щепкину, при письмѣ на имя М. П. Погодина, богатый кубокъ съ вырѣзанными на краяхъ именами всѣхъ піесъ, въ которыхъ онъ особенно отличался.

Ковшъ и бокалъ были, разумѣется, обновлены съ разными присловіями, — всѣмъ на здоровье. Начались новые тосты.

Въ 8 часовъ, почтенный юбиляръ, непомнившій себя отъ удовольствія, повезенъ былъ домой.

Домъ весь былъ иллюминованъ; плошки горѣли кругомъ. Актрисы,—какъ свидѣтельствуютъ современники,—красавицы Медвѣдева, Бороздина, Косицкая и прочія, встрѣтили Щепкина въ гостиной съ букетами цвѣтовъ и осыпали поцѣлуями. „Ну, вотъ, изъ пятидесяти лѣтъ большая половина и съ костей долой“! Потомъ послѣдовали поздравленія домашнихъ — жены, неразлучной спутницы-друга впродолженіе почти всего истекшаго пятидесятилѣтія, дѣтей, невѣстокъ, внучатъ, которые пустились плясать...

Грянула музыка, начались танцы и продолжались до поздней ночи.

Вдругъ, является между танцующими Щепкинъ, въ колпакѣ и шлафрокѣ, ступаетъ едва движущимися ногами, держа въ рукѣ тетрадь съ ролью, которую завтра долженъ былъ играть... Новые поцѣлуи и поздравленія, и старикъ еще молодѣетъ. Шампанское льется.

Далеко за полночь разъѣхались гости.

Московскія дамы хотѣли также возблагодарить Щепкина за то удовольствіе, которое столько времени онъ доставлялъ имъ своимъ талантомъ, и вотъ что предполагалось: „Пригласить его на вечеръ въ какой-нибудь домъ, осыпать при встрѣчѣ цвѣтами и потащить по всѣмъ комнатамъ подъ звуками веселой музыки, потомъ усталаго и изнеможеннаго усадить въ залѣ, накинувъ на него шлафрокъ и надѣвъ колпакъ. Въ этомъ положеніи старика опутываютъ гирляндами и даютъ въ руку сигарку. Устроивается живая бесѣдка изъ зелени и цвѣтовъ. Начинаются шумные хороводы,—вдругъ издали доносятся звуки Малороссійской пѣсни, приближаются. Хороводъ остановился. Пѣніе раздается громко. Пѣсня кончена. Въ другомъ углу грянула увертюра изъ Калифа Багдадскаго. Ее смѣняетъ Водовозъ,—и прочія оперы стараго репертуара. Малороссійскія дѣвушки приносятъ угощенье и проч.“ Но не было времени устроить такой вечеръ.

На другой день, Щепкинъ игралъ. Нѣкоторые любители ѣздили нарочно чтобъ встрѣтить его появленіе залпомъ рукоплесканій. Послѣ перваго дѣйствія, представлены были Щепкину еще нѣсколько подарковъ: отъ членовъ публики— Н. А. Жеребцовымъ, богатое брилліантовое кольцо; В. А. Кокоревымъ, который и во вчерашнемъ приношеніи принималъ главное участіе,—большой кубокъ, отъ имени нѣкоторыхъ Петербургскихъ любителей;—Алфераки и проч.

Такъ Московскіе друзья Искусства засвидѣтельствовали знаменитому Русскому актеру свое уваженіе и благодарность за доставляемое имъ публикѣ впродолженіе пятидесяти лѣтъ благородное удовольствіе и почтили постоянную, горячую его преданность своему дѣлу.

Вернувшись домой, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Все прекрасно. Большое собраніе. Щепкинъ былъ тронутъ. Обращеніе ко мнѣ со всѣхъ сторонъ. Вечеръ у Щепкина. Тостъ Аксакова“.

Для исторической же полноты, Погодинъ занесъ въ лѣтопись *Москвитянина* нѣкоторыя частныя обстоятельства, сопровождавшія учрежденіе описаннаго празднества: „Еще на прощальномъ обѣдѣ, въ саду М. П. Погодина, данномъ нашему знаменитому артисту, предъ его путешествіемъ заграницу, въ 1853 году, говорено было о близкомъ пятидесятилѣтіи его сценической службы. Прошли два года, наступилъ ноябрь мѣсяцъ, ужъ оставалось его одна недѣля, а о приготовленіи никто и не думалъ. Авось, дѣло само собою сдѣлается,—такова давняя привычка наша, увы, успокаивать свою лѣнность, неповоротливость, безпечность и равнодушіе. Наконецъ, Русскій человѣкъ опомнился: что же, господа, готово?—Что готово? Мы не начинали.—Какъ не начинали, вѣдь осталось пять-шесть дней!—Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! Какъ же быть? Вѣдь надо сдѣлать... Старикъ заслужилъ, онъ огорчится, онъ имѣетъ право. — Да ужъ не успѣемъ? — Какъ нибудь, давайте! — Ну, давайте! И пошла писать! Объявленія въ газеты, телеграфическія депеши въ Петербургъ, кто къ повару, кто къ музыкантамъ, кто въ театръ... Надо то, надо это! Да гдѣ же? Гдѣ-нибудь! Начались, разумѣется, споры: не такъ, вотъ такъ, нѣтъ вотъ какъ... Но, по щучьему повелѣнію, по нашему прошенію, все наконецъ начало улаживаться, и къ концу недѣли уладилось, въ идеальномъ отношеніи, а въ матеріальномъ—неурядица продолжалась до перваго удара смычка. Поутру, въ субботу, неизвѣстно еще было число будущихъ участниковъ, хоть объявлено было въ газетахъ, что записываться могутъ въ указанныхъ мѣстахъ только до четверга, ибо повару должно заблаговременно приготовить припасы, оффиціанту распорядиться прислугою, запастися винами и т. п. Ни что не помогло. Даже за минуту передъ обѣдомъ являлись охотники,

и требовали настоятельно допущеній. Помилуйте — нельзя! „Отъ чего нельзя? я хочу". Вы должны были записаться прежде: вѣдь было напечатано въ газетахъ. „Да я не читаю газетъ".—Столъ накрытъ на опредѣленное количество приборовъ. „Я сяду гдѣ-нибудь". Кушанье изготовлено по числу записавшихся.—„Одинъ человѣкъ лишній ничего не значитъ". —Да вотъ еще одинъ, еще одинъ. „И, полноте—пустите, пустите, пора"! И приходятъ новые гости, званые и незваные, и набирается всѣхъ около триста человѣкъ. И всѣ усѣлись, и всѣ нашли себѣ мѣсто, и никто не былъ обнесенъ чарочкой. Какъ же это случилось, спросили послѣ у повара, что всѣ были довольны? Откуда взялись кушанья? „Да мы это знаемъ, всегда такъ бываетъ, мы готовимъ лишненькое и винъ привезено было много запасныхъ"!

Далѣе Погодинъ говоритъ, что „весь великолѣпный обѣдъ, на триста почти человѣкъ, готовился на Тверской, привозился къ Мясницкимъ воротамъ на подводахъ, и уже подогрѣвался на спиртѣ передъ залою пира, въ кухнѣ Рамазанова. Какъ же все это могло сдѣлаться такъ хорошо? Подите спрашивайте, какъ у Русскаго человѣка дѣло дѣлается, и извольте размѣрять его по Европейскому правильному маштабу. Слѣдуетъ еще прибавить, что до самого дня праздника, и даже нѣсколько дней послѣ праздника, не истрачено было ни копѣйки. Виноторговецъ прислалъ винъ по одной запискѣ. Поваръ закупилъ всѣ припасы на свои деньги. Садовникъ доставилъ цвѣты, не спрашивая ничего. И до послѣдней минуты неизвѣстно было о количествѣ собранной суммы! Нарочно записываю всѣ эти частности, чтобъ наши внуки, по описаніямъ, не составили себѣ ложнаго понятія объ образѣ веденія нашихъ дѣлъ. Но, можетъ быть, такъ бываетъ только въ Москвѣ? О нѣтъ, такъ ведутся у насъ подобныя дѣла вездѣ...

„О, Русскій человѣкъ!—восклицаетъ въ заключеніе Погодинъ, — неужели тебѣ на роду написано, чтобъ ты всегда криво впрягъ, да поѣхалъ такъ" [339])!

29-го ноября 1855 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Спѣшу увѣдомить васъ, что тостъ Константина не напечатали по приказанію графа Закревскаго“. Но тостъ этотъ былъ напечатанъ въ *Москвитянинѣ*, что Погодинъ ставилъ на видъ *Русской Бесѣдѣ.*

Чествованіе Щепкина произвело въ Петербургѣ впечатлѣніе, и оттуда К. Д. Кавелинъ писалъ Погодину: „Щепкинскій обѣдъ тоже тревожитъ здѣсь всѣхъ и служитъ предметомъ сильныхъ разговоровъ. Если все такъ было, какъ разсказываютъ, то нельзя не пожалѣть, что Аксаковъ поторопился тостомъ“ [340]).

Самъ же К. С. Аксаковъ, 1 декабря 1855 года, писалъ въ Бендеры, къ своему брату Ивану, слѣдующее: „У насъ, въ Москвѣ, совершилось прекрасное событіе: 26 ноября былъ празднованъ пятидесятилѣтній юбилей Щепкина. Еще въ середу явились къ нему избранные, извѣстить его о томъ, что ему готовится юбилей“...

„Константинъ началъ отъ *яицъ Леды*“,—прерываетъ своего сына Сергѣй Тимоѳеевичъ,—„но это слишкомъ длинно и я разскажу тебѣ покороче: 26 ноября данъ былъ Щепкину обѣдъ въ залѣ Училища Живописи и Ваянія. Посѣтителей было до двухсотъ, и въ томъ числѣ нѣсколько лицъ почетныхъ, то-есть: Перфильевъ, Назимовъ, Трубецкіе, Казначеевъ и проч. Передъ обѣдомъ, Константинъ прочелъ мою статью, сидя за особымъ столомъ, вмѣстѣ съ Щепкинымъ, который плакалъ и смѣялся. Слушатели, разумѣется, разсыпались рукоплесканіями. Потомъ, присланный изъ Петербурга депутатъ, актеръ Бурдинъ, прочелъ прекрасное поздравленіе Щепкину отъ Петербургскихъ артистовъ. За обѣдомъ было много спичей. Барсовъ, изъявленіемъ своей благодарности, заставилъ всѣхъ плакать. Погодинъ провозгласилъ тостъ за мое здоровье, который былъ принятъ съ такимъ единодушнымъ восторгомъ, что Константинъ, съ бокаломъ, вошелъ въ средину стола и сказалъ (извѣстный уже намъ тостъ). Двѣ секунды продолжалось молчаніе, и разразилось крикомъ и

громомъ рукоплесканій. Всѣ встали съ своихъ мѣстъ, чокались, обнимались, незнакомые знакомились съ Константиномъ. Въ числѣ послѣднихъ замѣчательны: правитель канцеляріи Закревскаго, Корниловъ *), богачъ Кокоревъ (диковинный человѣкъ), купцы Мамонтовъ и Прохоровъ. Ни музыкой, ни тостомъ въ честь искусства и театра, не могли унять хлопанья и крика. Константинъ поспѣшилъ уѣхать въ домъ къ Щепкину, гдѣ его встрѣтили: иллюминація, толпа актрисъ и знакомыхъ женщинъ и—Малороссійскія пѣсни. Я забылъ сказать, что Щепкину былъ прочтенъ адресъ, прекрасно написанный, отъ всѣхъ Петербургскихъ литераторовъ; разумѣется, тутъ были Плетневъ и князь Вяземскій—и не было Греча и Булгарина. Щепкину поднесено много подарковъ: перстни, кубки, ковшъ, кружка въ видѣ большого золотого пѣтуха, наконецъ книги: Пушкинъ, Гоголь, Шекспиръ, Дантъ. Для финала надобно прибавить, что тостъ Константина былъ запрещенъ для печати, по настоянію графа Закревскаго. Государь утѣшаетъ всѣхъ: на дняхъ получено повелѣніе принимать безграничное число студентовъ во всѣ университеты".

На это письмо И. С. Аксаковъ отвѣчалъ: „Вы говорите, что теперь можно было бы занять мѣсто въ гражданской службѣ. Укажите какое?—Очень пріятно слышать про всѣ дѣйствія и слова государя; вполнѣ ему сочувствую, но онъ возбуждаетъ во мнѣ сожалѣніе: мнѣ онъ кажется жертвою порядка вещей; не совладать ему съ нимъ; слишкомъ глубокіе корни пустило зло, чтобы могло быть уничтожено безъ радикальнаго леченія, безъ полнаго обличенія. Дай Богъ, чтобы во все время своего царствованія онъ удержался на томъ пути, на которомъ находится теперь и чтобы не пугался послѣдствій, которыя произойдутъ отъ нѣкоторыхъ дарованныхъ льготъ. Ну, да нечего объ этомъ распространяться. Теперь всѣ одушевлены, кажется, сердечнымъ расположеніемъ къ нему и готовы ему содѣйствовать. Я увѣренъ,

*) Ѳедоръ Петровичъ. *Н. Б.*

что это настроеніе будетъ очень плодотворно въ литературномъ отношеніи и ожидаю большой дѣятельности отъ Константина *). Мнѣ кажется, что пребываніе въ Москвѣ будетъ содержать его въ пріятно-возбужденномъ состояніи. Очень этому радъ, давно онъ былъ лишенъ этого. Началось оно хорошо, юбилеемъ Щепкина. Пришлите мнѣ прочесть вашу статью: кажется, никто не получаетъ здѣсь въ Бендерахъ *Московскихъ Вѣдомостей*; впрочемъ, я еще не кончилъ розысковъ. Очень я радъ, что такъ удаченъ вышелъ этотъ юбилей, что такъ ясно и торжественно выразилось общее сочувствіе къ вамъ, милый Отесинька, и что могъ Константинъ провозгласить тостъ *въ честь общественнаго мнѣнія*" [341])!

LXXVII.

Въ декабрѣ 1855 года, пріѣхалъ изъ Крыма въ Москву одинъ изъ защитниковъ Севастополя, генералъ-лейтенантъ Степанъ Алексѣевичъ Хрулевъ.

У Погодина въ это время роилась въ головѣ отважная мысль о соединеніи Россіи съ Индіею посредствомъ желѣзной дороги. Покойный Т. Н. Грановскій, за два дня до своей кончины, 2 октября 1855 года, писалъ К. Д. Кавелину: „Теперь Погодинъ избралъ темою проектъ соединенія Россіи съ Индіею посредствомъ желѣзной дороги. Это что-то въ родѣ А. И. Герцена. Говорятъ изъ двухъ противоположныхъ лагерей, а выходитъ одинъ и тотъ же вздоръ" [342]).

Пріѣздъ Хрулева въ Москву окончательно утвердилъ Погодина въ его отважной мысли. Въ Архивѣ III-го Отдѣленія собственной его императорскаго величества Канцеляріи хранится письмо Погодина къ Хрулеву о предположеніяхъ на счетъ похода Россійскихъ войскъ въ Остъ-Индію [343]).

---

*) Аксакова. *Н. Б.*

Повидимому этой мысли сочувствовалъ С. Т. Аксаковъ, ибо писалъ Погодину слѣдующее: „Хрулевъ—молодецъ, а вамъ надо отдохнуть. Я имѣю много сказать замѣчаній на вашъ послѣдній трудъ, но молчу, чтобъ не сбивать васъ. Когда все будетъ высказано и слажено, то дайте мнѣ въ руки. Дѣло серьезное.—И такъ, есть намѣреніе послать въ Индію? Хорошо, если такъ. Пора проснуться. Обнимаю васъ. Завтра крещу дочь у Армфельда, въ 1 часу. Тамъ будутъ наши; не пріѣхать ли вамъ, чтобы поразсѣяться? Я самъ боюсь за вашу голову; постоянное, продолжительное кипѣнье не годится“.

Съ запискою своею Погодинъ познакомилъ и Д. А. Милютина, который писалъ ему: „Читалъ вашу записку объ Индіи. — Остроумно, но, простите откровенность, — слишкомъ смѣло. Дай Богъ, чтобы когда-нибудь сбылись ваши желанія. Вашими устами медъ пить“ [344]).

Но еще болѣе отважная мысль запала въ это время въ голову Погодина: писать государю о Мицкевичѣ.

Въ самый разгаръ Крымской войны, Мицкевичъ, сдѣлавшись однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей Товянскаго, изъ профессора превратился въ проповѣдника и пророка, изъ каѳедры сдѣлалъ орудіе религіозной пропаганды, сталъ предрекать пришествіе новаго Мессіи, котораго предтечею онъ сталъ называть Наполеона I-го. А этотъ Товянскій, появившійся въ Парижѣ, по словамъ Спасовича, былъ „полушарлатанъ, мистикъ съ религіознымъ ученіемъ, которое во многомъ отклонилось отъ преданій католической церкви“. Увлекшись этимъ Товянскимъ, Мицкевичъ потерялъ каѳедру въ Collége de France и отправился въ Константинополь съ порученіемъ отъ Французскаго правительства, содѣйствовать образованію Польскихъ легіоновъ въ Турціи. Труды путешествія и лагерной жизни ускорили кончину Мицкевича, и онъ умеръ 28 ноября 1855 года, въ Константинополѣ; погребенъ въ Монморанси, близъ Парижа [345]).

Когда Погодинъ узналъ о кончинѣ Мицкевича, то, не

взирая на все вышеизложенное, имѣлъ дерзновеніе написать слѣдующее письмо къ государю: „Преданность моя тебѣ извѣстна издавна. Слава твоя, нераздѣльная со славою Отечества, дороже для меня всего на свѣтѣ. Осмѣливаюсь представить тебѣ слѣдующую мысль на благоусмотрѣніе.

„Мицкевичъ, нашъ славный врагъ, поэтъ и любимецъ всего Польскаго народа, скончался. Послѣ него остались вдова и шестеро малолѣтнихъ дѣтей въ бѣдности: вели принять ихъ подъ твое покровительство, то-есть, выдавать ежегодно матери извѣстную сумму денегъ, напримѣръ, три тысячи рублей серебромъ для ихъ воспитанія, и принять ихъ, если она того пожелаетъ, въ какое угодно Русское учебное заведеніе.

„Такое благодѣяніе (будетъ ли оно принято или нѣтъ, ибо враги могутъ не допустить) отзовется не только между всѣми Поляками, но и вообще въ Европѣ, и привлечетъ къ тебѣ много сердецъ.

„Предложеніе должно быть сдѣлано не оффиціальнымъ—мертвеннымъ образомъ, а чрезъ родныхъ или друзей покойнаго Мицкевича. Въ Харьковѣ есть родной его братъ профессоръ; въ Петербургѣ—школьный товарищъ. Могу и я, какъ старый знакомый, сообщить великодушное предложеніе“ [346]).

Но, обратимся къ пріѣхавшему въ Москву Хрулеву и къ празднику, въ честь его данному.

„Нѣтъ надобности“,—писалъ М. Н. Лонгиновъ,—„напоминать о блистательныхъ подвигахъ Хрулева въ Венгріи, подъ Акмечетью, на Дунаѣ и въ Крыму; они пріобрѣли Европейскую славу. Лишь только разнеслась въ Москвѣ вѣсть о его пріѣздѣ, члены Англійскаго Клуба вознамѣрились изъявить ему чувства уваженія и признательности, внушенныя сердцу каждаго Русскаго геройскими его заслугами. Немедленно отправилась къ генералу депутація отъ старшинъ, съ приглашеніемъ пожаловать на устраиваемый нарочно въ честь [illegible] обѣдъ. Генералъ принялъ съ благодарностію приглашеніе.

Устроеніемъ этого праздника занялись старшины Анг-

скаго Клуба: В. А. Панинъ, А. А. Рябининъ, Н. Г. Рюминъ, С. А. Соболевскій, А. А. Тимашевъ-Берингъ и Н. А. Татищевъ [347]).

Между тѣмъ, Погодинъ получилъ отъ С. А. Соболевскаго слѣдующее извѣщеніе: „Честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, что Московскій Англійскій Клубъ in corpore приглашаетъ генерала Хрулева къ обѣденному столу, завтра (18 декабря 1855 г.), въ воскресенье, въ $4^1/_2$ часа. Совѣтую быть: стерлядь ростомъ съ Лихонина, а красотою выше его".

Вслѣдъ за симъ, Соболевскій писалъ Погодину слѣдущее: „Старшины питаютъ надежду, что у васъ будетъ на-готовѣ приличный спичъ. Если такъ, то или заѣзжайте поутру въ Клубъ, или пріѣзжайте на обѣдъ заблаговременно, часовъ до 3-хъ. Мы же будемъ въ Клубѣ съ полудня" [348]).

Въ воскресенье, въ $4^1/_2$ часа, С. А. Хрулевъ пріѣхалъ въ Клубъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ гостей, прибывшихъ изъ Крымской арміи: флигель-адъютанта Бирюлева, капитанъ-лейтенанта Тверитинова, офицеровъ: Самарина, Сихорскаго и Калашникова.

Огромная столовая Клуба, великолѣпно освѣщенная и роскошно убранная цвѣтами и бронзами, вмѣстила въ себѣ двѣсти сорокъ одного посѣтителя. Нечего и говорить, что обѣдъ былъ роскошный и отлично сервированный. Генералъ занялъ почетное мѣсто между угощавшими его хозяевами-старшинами. Противъ него находились его сподвижники, украшенные, какъ и онъ, благородными ранами, полученными на славной службѣ Отечеству. Присутствіе такихъ гостей не могло не одушевить дружескаго общества, уже давно знакомаго съ ихъ именами и подвигами, и дождавшагося счастливаго случая угостить ихъ радушно, по-Московски.

Но вотъ, умолкли звуки игравшей на хорахъ кавалергардской музыки и начались тосты. Первый,—о здравіи государя императора, государынь императрицъ: Маріи Александровны и Александры Ѳеодоровны, и всего Августѣйшаго Дома, разумѣется, былъ встрѣченъ громкими и единодушными воскли-

цапіями: *ура!* Музыка загремѣла: „Боже Царя Храни"! и оркестръ долженъ былъ, по востребованію, повторить народный гимнъ. За тѣмъ, членъ Клуба М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующее теплое, патріотическое привѣтствіе генералу Хрулеву:

„Члены нашего дружескаго общества поручили мнѣ выразить вамъ, генералъ, чувства, побудившія ихъ устроить настоящій праздникъ въ честь вашу. Мудрено было бы мнѣ, мирному гражданину, имѣющему очень темное понятіе о военномъ Искусствѣ, исполнить это лестное порученіе; но, наша настоящая война не похожа на всѣ прочія; она, говоря простою пословицею, задѣла насъ за *живое* съ самаго начала и сопровождалась впослѣдствіи такими событіями, что всѣ мы, ктобъ чѣмъ ни занимался, получили военное настроеніе; всѣ начали раздѣлять ваши опасности, нести ваши тяготы, слѣдуя за всѣми вашими движеніями. Когда вы, въ минуту отчаяннаго натиска враговъ, схватили Сѣвскую роту и понеслись на выручку Корниловскаго бастіона, повѣрьте, сердце наше дрожало не меньше вашего. Нѣтъ, ваше не дрожало: въ порывѣ бранной отваги, вы думали только о спасеніи Русской чести, которой угрожала опасность. Съ тѣхъ поръ, особенно ваше имя, блиставшее въ реляціяхъ князя Горчакова, сдѣлалось для насъ любезнымъ. Я перескажу вамъ въ краткихъ словахъ наши тогдашія ощущенія. Мы видѣли по ходу происшествій, по страшнымъ усиліямъ всей почти Европы, рѣшившейся взять Севастополь *во чтобы то ни стало*, что нѣтъ человѣческихъ силъ держаться долѣе нашимъ героямъ подъ губительнымъ огнемъ, кажется, всей Западной артиллеріи; мы чувствовали, что Севастополь будетъ вскорѣ оставленъ; но, не смотря на это убѣжденіе, роковое извѣстіе 27-го августа поразило насъ какъ бы внезапнымъ ударомъ. Севастопольскій громъ отозвался у всякаго въ сердцѣ. Вы не можете себѣ представить, что̀ мы всѣ перечувствовали въ краткій промежутокъ времени между первымъ и вторымъ телеграфическими извѣстіями. Многія женщины занемогли,

по свидѣтельству врачей, совершенно разстроенныя. Что сталося съ войскомъ? Куда оно отступило? Ну, если оно будетъ отрѣзано? Ну, если ему угрожаетъ плѣнъ? Простите эти опасенія нашего встревоженнаго невѣдѣнія! Только на другой день мы успокоились нѣсколько, узнавъ, что войско въ порядкѣ заняло твердо позицію. Начались новыя мучительныя опасенія: сколько же погибло на шести отраженныхъ приступахъ и на несчастномъ седьмомъ? Кто убитъ? Кто раненъ? И повѣрьте, что изъ трехъ сотъ человѣкъ, которыхъ вы видите въ этой залѣ, безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного, который бы не спросилъ тогда нѣсколько разъ: *А что Хрулевъ?* Такъ ли это было, м.м. г.г., правду ли я говорю? Вотъ этотъ невольный вопросъ, вырвавшійся тогда у каждаго изъ насъ, и лежитъ въ основаніи настоящаго праздника, который даемъ мы вамъ, по обычаю предковъ, по преданіямъ гостепріимной Москвы, по правиламъ нашего дружескаго общества.

„Оборона Севастополя займетъ блистательную страницу въ Русской Исторіи. Одиннадцать слишкомъ мѣсяцевъ она содержала духъ всего Русскаго народа на самой горней высотѣ человѣческихъ чувствованій; она, сѣяла въ нашихъ душахъ, въ душахъ нашихъ дѣтей, такія благодатныя сѣмена, которыя дадутъ свой плодъ сторицею, она служила для всѣхъ насъ, ея участниковъ, животворною банею паки-бытія, освѣжая, обновляя, поднимая всѣ наши нравственныя силы, возвышая духъ; наконецъ, она заставляла самую враждебную намъ Европу отдавать намъ должную честь, Европу, которая не предчувствуетъ, сколько добра, вмѣсто замышленнаго ею зла, Россія можетъ, должна извлечь и извлечетъ непремѣнно, по милости Божіей, внимая царскому гласу изъ нашего грознаго и тяжкаго времени.

„Слѣдовательно, всѣ защитники Севастополя, начиная отъ князя Меншикова, который первый долженъ былъ принять на себя вражескіе удары и встрѣтить съ немногими полками всю ихъ несмѣтную силу,—до послѣдняго офицера, который,

цапіями: *ура!* Музыка загремѣла: „Боже Царя Храни"! и оркестръ долженъ былъ, по востребованію, повторить народный гимнъ. За тѣмъ, членъ Клуба М. П. Погодинъ произнесъ слѣдующее теплое, патріотическое привѣтствіе генералу Хрулеву:

„Члены нашего дружескаго общества поручили мнѣ выразить вамъ, генералъ, чувства, побудившія ихъ устроить настоящій праздникъ въ честь вашу. Мудрено было бы мнѣ, мирному гражданину, имѣющему очень темное понятіе о военномъ Искусствѣ, исполнить это лестное порученіе; но, наша настоящая война не похожа на всѣ прочія; она, говоря простою пословицею, задѣла насъ за *живое* съ самаго начала и сопровождалась впослѣдствіи такими событіями, что всѣ мы, ктобъ чѣмъ ни занимался, получили военное настроеніе; всѣ начали раздѣлять ваши опасности, нести ваши тяготы, слѣдуя за всѣми вашими движеніями. Когда вы, въ минуту отчаяннаго натиска враговъ, схватили Сѣвскую роту и понеслись на выручку Корниловскаго бастіона, повѣрьте, сердце наше дрожало не меньше вашего. Нѣтъ, ваше не дрожало: въ порывѣ бранной отваги, вы думали только о спасеніи Русской чести, которой угрожала опасность. Съ тѣхъ поръ, особенно ваше имя, блиставшее въ реляціяхъ князя Горчакова, сдѣлалось для насъ любезнымъ. Я перескажу вамъ въ краткихъ словахъ наши тогдашія ощущенія. Мы видѣли по ходу происшествій, по страшнымъ усиліямъ всей почти Европы, рѣшившейся взять Севастополь *во чтобы то ни стало*, что нѣтъ человѣческихъ силъ держаться долѣе нашимъ героямъ подъ губительнымъ огнемъ, кажется, всей Западной артиллеріи; мы чувствовали, что Севастополь будетъ вскорѣ оставленъ; но, не смотря на это убѣжденіе, роковое извѣстіе 27-го августа поразило насъ какъ бы внезапнымъ ударомъ. Севастопольскій громъ отозвался у всякаго въ сердцѣ. Вы не можете себѣ представить, что мы всѣ перечувствовали въ краткій промежутокъ времени между первымъ и вторымъ телеграфическими извѣстіями. Многія женщины занемогли,

по свидѣтельству врачей, совершенно разстроенныя. Что сталося съ войскомъ? Куда оно отступило? Ну, если оно будетъ отрѣзано? Ну, если ему угрожаетъ плѣнъ? Простите эти опасенія нашего встревоженнаго невѣдѣнія! Только на другой день мы успокоились нѣсколько, узнавъ, что войско въ порядкѣ заняло твердо позицію. Начались новыя мучительныя опасенія: сколько же погибло на шести отраженныхъ приступахъ и на несчастномъ седьмомъ? Кто убитъ? Кто раненъ? И повѣрьте, что изъ трехъ сотъ человѣкъ, которыхъ вы видите въ этой залѣ, безъ сомнѣнія, нѣтъ ни одного, который бы не спросилъ тогда нѣсколько разъ: *А что Хрулевъ?* Такъ ли это было, м.м. г.г., правду ли я говорю? Вотъ этотъ невольный вопросъ, вырвавшійся тогда у каждаго изъ насъ, и лежитъ въ основаніи настоящаго праздника, который даемъ мы вамъ, по обычаю предковъ, по преданіямъ гостепріимной Москвы, по правиламъ нашего дружескаго общества.

„Оборона Севастополя займетъ блистательную страницу въ Русской Исторіи. Одиннадцать слишкомъ мѣсяцевъ она содержала духъ всего Русскаго народа на самой горней высотѣ человѣческихъ чувствованій; она, сѣяла въ нашихъ душахъ, въ душахъ нашихъ дѣтей, такія благодатныя сѣмена, которыя дадутъ свой плодъ сторицею, она служила для всѣхъ насъ, ея участниковъ, животворною банею паки-бытія, освѣжая, обновляя, поднимая всѣ наши нравственныя силы, возвышая духъ; наконецъ, она заставляла самую враждебную намъ Европу отдавать намъ должную честь, Европу, которая не предчувствуетъ, сколько добра, вмѣсто замышленнаго ею зла, Россія можетъ, должна извлечь и извлечетъ непремѣнно, по милости Божіей, внимая царскому гласу изъ нашего грознаго и тяжкаго времени.

„Слѣдовательно, всѣ защитники Севастополя, начиная отъ князя Меншикова, который первый долженъ былъ принять на себя вражескіе удары и встрѣтить съ немногими полками всю ихъ несмѣтную силу,—до послѣдняго офицера, который,

при отступленіи, зашелъ одинъ въ соборъ, поклониться какъ бы отъ лица всего войска, всего народа, священнымъ могиламъ Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина,—до послѣдняго матроса, который брелъ по сплоченному наскоро мосту *на Сѣверную*, и со слезами, рыдая, оглядывался безпрестанно назадъ на пылавшій Севастополь, всѣ защитники Севастополя намъ равно драгоцѣнны. Они сослужили славную службу Отечеству, нашей матушкѣ святой Руси.

„Въ эту минуту, ты, храбрый,—для насъ ихъ представитель въ Москвѣ! Жалѣемъ, что не видали Тотлебена. Прими-жъ радушный привѣтъ отъ насъ, присутствующихъ здѣсь Московскихъ гражданъ, привѣтъ, который, безъ сомнѣнія, повторится всѣми отсутствующими, потому что Москва издревле любила, умѣла и старалась всегда воздавать *Богови—Божіе, кесареви—кесарево* и всякому свое. Прими отъ насъ выраженіе нашей искренней благодарности за всѣ твои труды, за всѣ твои порывы, за пролитую кровь.

„Мы всѣ желаемъ мира, лишь бы былъ онъ честенъ и благороденъ, чтобъ намъ не стало стыдно, ни предъ нашимъ Петромъ подъ Полтавою и при Прутѣ, ни предъ Екатериною съ Румянцовымъ, Потемкинымъ, и Суворовымъ, ни предъ Александромъ, съ его славными сподвижниками 1812 года, ни предъ покойнымъ государемъ, который видитъ теперь ясно, съ высоты, всѣ дѣла любезной ему Россіи, и который здѣсь свято сохранялъ нашу честь; чтобъ намъ не было стыдно предъ нашею Исторіей, предъ нашими отцами, отъ которыхъ мы получили священное наслѣдство, и предъ нашими дѣтьми, которымъ должны оставить его въ цѣлости и сохранности. И такъ, война можетъ продолжиться, если враги останутся при первомъ своемъ намѣреніи насъ поразить и унизить! Ты явишься опять на полѣ сраженій. Храни жъ тебя, на многія лѣта, Богъ браней во всѣхъ твоихъ удалыхъ подвигахъ, для чести нашего оружія, нашихъ старыхъ знаменъ!

„За Богомъ молитва, за царемъ служба и, прибавлю, за Русскими людьми, добро не пропадетъ.

„М.м. г.г.! Степана Александровича Хрулева“!

Рѣчь эта вѣрно выразила чувства присутствовавшихъ. Когда М. П. Погодинъ, перешедши къ геройскому дню 27-го августа, обратился къ тому чувству, которое заставило всякаго, посреди опасеній за жизнь родныхъ и друзей, сражавшихся подъ Севастополемъ, съ живымъ участіемъ въ первую же минуту спросить: „А что Хрулевъ“?—оглушительное *ура*! загремѣло по всей залѣ.

Тронутый этимъ изъявленіемъ чувствъ общества, генералъ Хрулевъ, въ немногихъ, но краснорѣчивыхъ словахъ, благодарилъ присутствовавшихъ за ихъ сочувствіе. Онъ сказалъ: „Ваше превосходительство Михаилъ Петровичъ, благодарю васъ, за вашъ дорогой патріотическій привѣтъ. Господа, вниманіе ваше ко мнѣ есть блистательная для меня награда. Благодарю васъ за радушный пріемъ, который принимаю, какъ изъявленіе Московской любви къ царю и святой Россіи за мою вѣрную солдатскую службу.—За ваше здравіе“!

Спустя нѣсколько минутъ, генералъ снова всталъ и предложилъ здоровье главнокомандующихъ Крымскою арміей: князя Меншикова и князя Горчакова, принося такимъ образомъ дань уваженія къ заслугамъ храбрыхъ полководцевъ, подъ начальствомъ которыхъ длилась безпримѣрная въ военной Исторіи защита Севастополя.

Многіе другіе тосты были предложены за обѣдомъ. Между ними замѣтимъ тостъ, провозглашенный однимъ изъ членовъ въ честь всѣхъ защитниковъ Севастополя. Тутъ, разумѣется, пронеслось по залѣ имя Тотлебена, въ короткое время сдѣлавшееся столь же славнымъ, любимымъ и вполнѣ народнымъ во всей Россіи, какъ и грознымъ въ станѣ непріятельскомъ и почтеннымъ во всей Европѣ. Всѣ жалѣли душевно, что по болѣзни Тотлебена, Клубъ былъ лишенъ возможности угостить его въ то время, когда онъ былъ въ Москвѣ, и пожелать ему лично долгой жизни на пользу и славу Русскаго оружія.

Передъ окончаніемъ обѣда, С. П. Шевыревъ, внезапно

вызванный желаніемъ старшинъ Клуба заключить послѣднимъ привѣтомъ пиръ, сказалъ славному гостю эти слова: „Вы, храбрый генералъ, у насъ въ Москвѣ,—и намъ видятся святыя стѣны Севастополя и высоты Инкермана; передъ нами горитъ жертвенникъ любви къ Отечеству; льется потоками кровь, которую вы проливали вмѣстѣ съ богатырями нашими; сіяютъ боевыя раны нашихъ славныхъ воиновъ!... Гдѣ же, если не въ Москвѣ, въ тепломъ сердцѣ нашей матушки Россіи, почувствовать сильно боль этихъ ранъ и привѣтствовать васъ горячимъ привѣтомъ любви и благодарности?... Извините меня, генералъ, сердце мое переполнено такими живыми чувствами, что я теперь скорѣе могъ бы плакать, нежели говорить“.

Въ половинѣ седьмаго часа, посѣтители встали изъ-за стола; но оживленная бесѣда продолжалась въ залахъ Клуба. Генералъ Хрулевъ оставилъ Клубъ не ранѣе девятаго часа, еще разъ поблагодаривъ въ лицѣ старшинъ все общество за радушный его привѣтъ.

„Описаніе этого праздника не можетъ не занять мѣста въ лѣтописяхъ Московской жизни. Да останется оно новымъ свидѣтельствомъ тому, что въ древней столицѣ неизмѣнно и старинное хлѣбосольство, и единодушное влеченіе воздавать дань уваженія блистательнымъ заслугамъ, и сердечная любовь ко всему, что̀ прославляетъ наше любезное Отечество“ [349]).

Послѣ праздника, С. А. Соболевскій, писалъ Погодину: „Лонгиновъ стряпаетъ описаніе вчерашняго торжества для газеты, и пріѣдетъ завтра мнѣ оное стряпаніе чести. Не угодно ли, Кикеронъ Демосѳеновичъ, прислать мнѣ вашу рѣчь съ правомъ помѣщенія оной цѣликомъ или отрывками въ вышеупомянутое описаніе? А можетъ быть, мы потомъ втроемъ (то есть Лонгиновъ, я и описаніе) заѣдемъ къ вамъ, для прочитанія написаннаго“?

Но этимъ дѣло не кончилось, и С. А. Соболевскій писалъ Погодину слѣдующее: „Вчера вечеромъ я нашелъ рѣчь въ Конторѣ, вмѣстѣ съ статьей Лонгинова. И то и друг-

отослалъ Лонгиновъ нынѣ къ Каткову; рѣчь будетъ напечатана *цѣликомъ*. Что касается подписки,—то будьте увѣрены, что между нашихъ сочленовъ *наибольшая* часть туги на ухо, когда у нихъ просятъ денегъ. Чего кажется справедливѣе, чтобы платить тѣмъ, кто ѣлъ и пилъ? А и на это вопіютъ: Платите-де, всѣ. Притомъ Клубъ въ такомъ положеніи, что мы почтемъ себя счастливыми, если къ концу года (къ 1-му апрѣля) сведемъ концы, *не источая* будущихъ доходовъ" [320]).

Рѣчь Погодина дошла до уединеннаго Долбина въ самомъ концѣ 1855 года, и обладатель Долбина, И. В. Кирѣевскій, прочитавъ рѣчь, писалъ оратору: „Любезный другъ Погодинъ! Къ намъ, въ деревню, доходятъ новости поздно, однакожъ отъ этого они мало теряютъ своей живости. Въ послѣднемъ померѣ *Московскихъ Вѣдомостей* я прочелъ рѣчь, которую ты говорилъ Хрулеву, и прочелъ съ такимъ удовольствіемъ, какого давно не испытывалъ отъ печатнаго. Тебѣ Богъ вложилъ огонь въ слово. Видно ты въ самомъ дѣлѣ скипѣлся душою съ жизнію нашего Отечества, что при каждомъ явленіи этой жизни, при страданіи ея, при радости, у тебя вырывается изъ сердца настоящій звукъ. Твои голоса, т. е., непечатные,—возбуждаютъ почти общее сочувствіе, разумѣется, не всѣ, но большая часть. Въ рѣчи Хрулеву меня особенно поразила и обрадовала мысль о томъ, что Европа не догадывается, сколько добра извлечетъ Россія изъ того зла, которое она думаетъ ей нанести. Я думалъ, что я одинъ утѣшаю себя этою мыслію, и хотѣлъ бы обнять тебя, видя, что ты говоришь, что̀ я думаю. Твоя увѣренность укрѣпляетъ мою. Да, любезный другъ, эти страданія очистительныя; эта болѣзнь къ здоровью. Мы бы загнили и задохлись безъ этого потрясенія до самыхъ костей. Россія мучается, но это муки рожденія. Тотъ не знаетъ Россіи и не думаетъ о ней въ глубинѣ сердца, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что-то великое, небывалое въ мірѣ!—Общественный духъ начинаетъ пробуждаться. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться. Ужасно, невы-

ъ лѣтомъ куда-нибудь прокатиться для освѣженія силъ, пожить въ деревнѣ на чистомъ воздухѣ и купаться. Хоо бы было тебѣ морское купанье около Гаги. Но скучно ъ жить. Впрочемъ, въ Гагѣ хорошо, а изъ Гаги можно ить ежедневно. Не хандрите. Это грѣхъ. Уныніе, по Нилу скому, есть дьявольскій помыслъ. Апостолъ же говоритъ: *гда радуйтеся*".

„Вы, своимъ болѣзненнымъ состояніемъ духа",—писалъ одину Кокоревъ,—„перенесли меня въ какой-то особый ъ. Я воображаю себя за 1855 лѣтъ тому назадъ, когда овѣкъ такъ истлѣлъ, дошелъ до такой гибели, что обноь его могъ только Сынъ Божій. Отсюда я переношусь къ тоящему времени и содрогаюсь... Между тѣмъ, *дніе лу- суть*, а вѣдь это сказано, *кажется*, о послѣднихъ дняхъ. видимъ на каждомъ шагу? Или истлѣніе, или лукавство. одня вы взялись не за свое, а за Божье дѣло, т.-е., за едѣленіе своей судьбы въ будущемъ. Ну, положимъ, что все случилось. Тогда вѣдь я этимъ буду такъ озадаченъ, заботы земныя будутъ такъ ничтожны, что ничего боне остается сдѣлать, *чтобы не быть въ разладѣ съ сво- душевнымъ настроеніемъ*, какъ отрещись міра и *яже въ* ъ. Вы понимаете меня. Успокойтесь, не давайте хода слямъ, съ портретомъ не говорите. *Брызните* отвѣтомъ. тра пріѣду къ вамъ около часу пополудни".

Угнетенный уныніемъ Погодинъ возбудилъ къ себѣ также стіе П. А. Безсонова. 19-го декабря 1855 года, онъ пиъ ему: „Если прежде немало находилось людей, вамъ занныхъ, то особенно теперь обязана вамъ вся земля ская за подвиги текущихъ и недавно минувшихъ лѣтъ ихъ, за ту смѣлость, съ которою вы, какъ избранный народа, отъ лица его, вѣщали строгую истину передъ столомъ. Потому выборные земли должны бы теперь ться къ вамъ, въ настоящемъ состояніи вашего духа. кдый мысли, — считать себя въ числѣ этихъ выборныхъ, осмѣливаюсь явиться къ вамъ; но, какъ младшій и мень-

шой писецъ при нихъ, рѣшаюсь послать письмо къ вамъ, послѣ дошедшихъ слуховъ о вашемъ видѣніи. Не опасеніе того, чего вы ожидаете, движетъ рукою моею: *тамо намъ всѣмъ быти.* Позвольте, на сколько могу, выразить участіе къ состоянію вашего духа, невольно взволнованнаго, понятнаго въ каждомъ, имѣющаго право на искреннее участіе земли, вамъ обязанной. Сербы говорятъ: *сан е лажа, а Богъ е истина* (сонъ — ложь, а Богъ — истина). Но, если Богъ — истина, то и сонъ, отъ Него посланный, долженъ быть такою же святою истиною. Приникая къ ней пытливымъ умомъ и воспріимчивымъ сердцемъ, никто, однако же, не можетъ похвалиться вѣрнымъ ея постиженіемъ, правильною отгадкою. А каждый можетъ и долженъ приглядываться, каждый можетъ выражать свои заключенія: и намъ да будетъ позволено. Если бы жили мы во времена языческія или туда перенесло бы васъ сновидѣніе, я сказалъ бы, что возложеніе горсти земли значило бы закладъ вашъ землѣ, то, что вы заложены той землѣ, съ которой взята горсть; но вы и безъ того, не символически, а во-очію — *крѣпки Землѣ Русской,* и притомъ Православной. Въ Православной Землѣ ищемъ и смыслу Православнаго: возложеніемъ на главу вы *посвящены* Землѣ Русской. Поздравляю васъ съ этимъ посвященіемъ. Посвятившій да дастъ вамъ на предстоящіе подвиги силы крѣпчайшія и крѣпчайшія; да слышимъ отъ посвященнаго долго и долго слова истины, столь необходимыя Землѣ Русской; въ ту пору, когда они наиболѣе нужны, — вѣрю, не замкнетъ Господь уста, ихъ произносившія и произносить имѣющія. И какъ согласенъ образъ этого посвященія со строгостью вашего характера, со строгостью вашего словывыраженія, съ рѣзкостью и дробностью. Но другое посвященіе — есть посвященіе елеемъ милости и любви; когда совершится оно, совершится и теченіе трудовъ, подвиговъ вашихъ. Возвѣщено ли оно будетъ сновидѣніемъ, или нѣтъ, — вѣрю, что совершится оно въ жизни, когда послѣдующая жизнедѣятельность ваша, ваши слова за Землю Русскую проникнуты буду-

болѣе елеемъ милости и любви, когда сердца, васъ знающія,—а васъ должна еще болѣе узнать Русь,—соединятся съ вами не однимъ признаніемъ свѣдѣній, не однимъ сознаніемъ рѣзкой правды вашей, не однимъ удивленіемъ предъ смѣлостью заступническаго слова, а всею привязанностью любящаго сердца, привязанностью къ писателю и дѣятелю во главѣ современныхъ народныхъ требованій: *и тогда есть кончина*! Вотъ чего еще ожидаютъ отъ васъ многіе. Не презрите и моего желанія приникнуть къ смыслу повѣданной вамъ истины. Пишу вамъ откровенно и искренне, какъ къ человѣку, и именно Михайлѣ Петровичу".

Какъ бы въ дополненіе и подтвержденіе вышеприведеннаго письма, князь Н. Н. Голицынъ писалъ Погодину слѣдующее: „Если бы вы видѣли, какія теплыя и чистосердечныя слезы восторга и умиленія вы заставляете лить вашихъ провинціальныхъ читателей вашими патріотическими статьями!.. Не говорю уже о себѣ!.. Отчего же вамъ тяжко? Отчего же вамъ грустно? Великое прошедшее, чудесное настоящее, славное будущее, развѣ это не священные залоги присутствія Промысла Божія въ судьбахъ возлюбленной имъ Россіи. Русь будетъ всегда та же какъ при Донскомъ и Пожарскомъ; Русскій духъ также безсмертенъ, какъ народъ, въ которомъ онъ живетъ; также животворящъ, какъ и почва, на которой онъ обитаетъ! Не устрашатъ его тщедушные попытки враговъ добра и святыни. Повѣрьте! подъ скипетромъ Александра и протекторатомъ Константина настанетъ золотой вѣкъ для Россіи" [352])...

Но Погодинъ вскорѣ воспрянулъ отъ угнетавшаго его *духа унынія*...

Между тѣмъ, истекъ 1855 годъ, и М. Н. Катковъ, въ послѣдній день этого года, писалъ: „Наконецъ совершилъ оборотъ свой этотъ грозный 1855 годъ! Сколько событій, сколько скорби, сколько стоновъ и крови уноситъ онъ съ собою! Будетъ онъ памятенъ въ лѣтописяхъ міра, и долго громъ его будетъ отзываться въ народахъ и царствахъ.

„Безпримѣрная брань на рубежѣ нашей родины достигла ужасающаго ожесточенія. Русская Земля облеклась въ кровь, схоронивъ того, кто въ продолженіе тридцати лѣтъ держалъ въ своей рукѣ ея судьбы. Пали твердыни славнаго города, изумивъ міръ величіемъ паденія. Всѣ силы нашей Земли пришли въ дѣйствіе, все потряслось и изготовилось къ великому.

„Но, въ грозныхъ испытаніяхъ, въ браняхъ и бѣдствіяхъ обновляются силы народовъ; но, послѣ ужасовъ бури прекраснѣе и свѣжѣе зеленѣетъ земля. Буря еще не стихла, и мы готовы на новыя испытанія, и ждемъ смѣло новой борьбы; но, что бы ни было, мы съ живыми надеждами обращаемся къ будущему. Да благословитъ Провидѣніе нашу добрую Землю, да благословитъ ея страданія и надежды! Да явитъ любовь свою въ ея испытаніяхъ! Въ продолженіе своего тысячелѣтняго существованія много уже страдала она, терпѣливо тая боль въ своемъ сердцѣ и не требуя мзды за свои жертвы. Да будутъ же нынѣ зачтены ей прежнія страданія и жертвы, и да облегчатъ онѣ для нея трудъ настоящаго испытанія.

„Крѣпко будемъ вѣрить, что въ жизни человѣчества и въ судьбахъ народовъ властвуетъ Божественный Промыселъ, что не допускаются имъ, ни напрасныя созиданія, ни напрасныя разрушенія, и что въ народѣ, который такъ долго и съ такими болями рождался и мужалъ, скрыты великія силы и великая будущность.

„Съ чистою и искреннею любовію обращаемъ мы наши взоры къ престолу. Все, что есть въ насъ силы и энтузіазма, все отдадимъ мы нашему царственному вождю; радостно и съ полною преданностію пойдемъ мы въ добрый путь подъ его знаменемъ, пойдемъ съ полною вѣрою, что знамя вождя нашего есть истинная честь, свѣтъ и благо нашей родины“ [353]).

LXXIX.

Въ началѣ 1856 года, по Москвѣ разнесся слухъ, что Севастопольскіе моряки, переведенные на службу въ Архангельскъ и Кронштадтъ, скоро явятся въ первопрестольный градъ, и Москва взволновалась... Произошла удивительная встрѣча, устроилось небывалое угощеніе...

„Лѣтописи", — писалъ Погодинъ, — „сохранили намъ драгоцѣнныя извѣстія о народныхъ празднествахъ въ древности: Князья, бояре, духовенство, купцы, простолюдины, вои, составляли часто одно семейство, радовались одною радостью, тужили объ одной печали, — и сидѣли за однимъ столомъ, безъ всякаго различія.

„Мудрено было повѣрить, чтобъ въ наше время могло случиться что-либо подобное. Мы удалились такъ далеко отъ природы, столько возникло разныхъ условныхъ отношеній между нами, такія стѣснительныя приличія узаконились, наконецъ столько внѣшнихъ обстоятельствъ въ теченіе долгаго времени укрѣпило и утвердило нашъ искусственный образъ жизни, что казалось невозможнымъ возвращеніе къ первобытнымъ явленіямъ Исторіи. Тяжелыя вериги, кои надѣли мы на себя, должны были непремѣнно мѣшать, казалось, всякому естественному, свободному движенію. Этого мало: мы такъ привыкли къ нимъ, такъ срослися съ ними, что уже ихъ и не чувствовали, и намъ ловчѣе, удобнѣе стало ходить согнувшись, или даже на четверинкахъ, чѣмъ по-человѣчески, съ поднятою вверхъ головою, какъ поставилъ ее Богъ.

„Каково же было общее изумленіе, какова же была общая радость, каково же было наслажденіе для всѣхъ истинныхъ друзей родной Земли, когда они увидѣли, что все искусственное, наносное, все притворное, ложное, не смотря на мнимую свою затвердѣлость, можетъ, въ добрый часъ, спасть ветхой чешуею съ нашей души, и мы, нисколько не отка-

зываясь отъ Европейскихъ изобрѣтеній, отъ успѣховъ образованія, отъ усовершенствованій, произведенныхъ временемъ, можемъ встрепенуться, какъ ни въ чемъ не бывалые, можемъ развернуться, оживиться!

„Исполнилось то, чтó слыхали мы въ сказкахъ: Русскаго духа во снѣ не было слышно, а нынѣ Русскій духъ въ очью совершается!

„Какъ же это случилось? Надо, вѣдь, произойдти чему-нибудь особенному, совершенно новому и безпримѣрному, чтобъ чудо такое съ людьми хоть на минуту состоялося.

„Да, надо было со всѣхъ концовъ Европы свезти нѣсколько армій въ одно тѣсное мѣсто; надо было собрать тамъ артиллерію, осадную и всякую, обезоруживъ даже главныя Европейскія крѣпости; надо было изобрѣсти множество смертоносныхъ снарядовъ, новыя пушки, новыя бомбы, новыя пули, особенныя ружья, особенныя батареи; надо было окружить осажденную крѣпость флотами, какихъ никогда и нигдѣ не видало никакое море; надо было съ помощью всѣхъ вновь открытыхъ газовъ развести такой огонь, какого отъ сотворенія міра на землѣ не бывало; надо было грянуть вдругъ тысячамъ орудій и гремѣть почти безостановочно въ продолженіе цѣлаго года, чтобы земля дрожала, горы тряслись, нервы разстроивались, умъ мѣшался.... Вотъ когда Русскій человѣкъ пробудился (крѣпко онъ спалъ!) и перекрестился, началъ всматриваться, вслушиваться, вдумываться...

„Ужасное и вмѣстѣ умилительное зрѣлище представилось ему въ его нечаянныхъ просонкахъ! Тысячи братьевъ ложатся пораженные, другіе становятся спокойно на ихъ мѣста. На вѣрную, очевидную гибель вызываются по стольку охотниковъ, что надо выбирать изъ нихъ тѣхъ, кто имѣетъ болѣе права умереть по своимъ прежнимъ заслугамъ. На опаснѣйшихъ мѣстахъ прислуга не хочетъ смѣняться: непріятель-де бьетъ въ день по пятидесяти человѣкъ, такъ на три дня насъ станетъ; а тамъ чтò Богъ дастъ, то и будетъ. Дѣти заряжаютъ пушки; женщины подносятъ снаряды, бѣгаютъ по

бастіонамъ и кричатъ солдатамъ: *веселье!* Другія перевязываютъ раны подъ выстрѣлами; священники исповѣдываютъ и пріобщаютъ; и ни отъ кого не слышно ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго неудовольствія. Господи помилуй, Господи помилуй насъ грѣшныхъ,—вотъ единственныя слова, кои излетаютъ изъ закрывающихся устъ!

„Изъ обыкновенной среды поднимаются вдругъ люди на высоту чуть видную, — Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Юрковской,—поднимаются и поднимаютъ насъ вмѣстѣ съ собою. Другіе, вдохновенные, какъ Хрулевъ, въ минуту опасности являются для избавленія. Тотлебенъ, въ неистощимомъ умѣ своемъ, отыскиваетъ безпрестанно новыя средства обороны и нападенія. Мельниковъ подъ землею проникаетъ до самихъ траншей непріятельскихъ. Удалыя вылазки Бирюлева, Астапова и прочихъ молодцовъ не даютъ врагу покоя по ночамъ. Васильчиковъ, являясь вездѣ, соблюдаетъ порядокъ и содержитъ все въ исправности...

„Очнулся Русскій человѣкъ! Всѣ чувства его приходятъ въ движеніе; состраданіе, негодованіе, радость, стыдъ, досада, гнѣвъ, оскорбленная честь, желаніе отмстить, горесть, народное самолюбіе, воспоминаніе о прежней славѣ, волнуютъ душу. Вся внутренность переворачивается. У окаменѣлыхъ людей выжимаются слезы, у одеревенѣлыхъ бьется сердце, и у потерявшихъ понятіе о стыдѣ, краска выступаетъ на лицѣ.

„Къ Севастополю обратились всѣ сердца. Туда понеслись всѣ молитвы. Тамъ сосредоточились всѣ желанія. Ничего не существуетъ въ Россіи, кромѣ Севастополя.

„Между тѣмъ, смерть выхватываетъ одного за другимъ лучшихъ людей... Искупительныя жертвы падаютъ, молясь за Отечество... Слова ихъ разносятся съ быстротою молніи по всему пространству Россіи и пронзаютъ сердца.

„Наши потери, ошибки, бѣдствія, недостатки, волнуютъ народное чувство и увеличиваютъ силу нравственнаго сопротивленія.

„Двѣ смѣны непріятельскаго войска легли подъ живыми

зываясь отъ Европейскихъ изобрѣтеній, отъ успѣховъ образованія, отъ усовершенствованій, произведенныхъ временемъ, можемъ встрепенуться, какъ ни въ чемъ не бывалые, можемъ развернуться, оживиться!

„Исполнилось то, что̀ слыхали мы въ сказкахъ: Русскаго духа во снѣ не было слышно, а нынѣ Русскій духъ въ очью совершается!

„Какъ же это случилось? Надо, вѣдь, произойдти чему-нибудь особенному, совершенно новому и безпримѣрному, чтобъ чудо такое съ людьми хоть на минуту состоялося.

„Да, надо было со всѣхъ концовъ Европы свезти нѣсколько армій въ одно тѣсное мѣсто; надо было собрать тамъ артиллерію, осадную и всякую, обезоруживъ даже главныя Европейскія крѣпости; надо было изобрѣсти множество смертоносныхъ снарядовъ, новыя пушки, новыя бомбы, новыя пули, особенныя ружья, особенныя батареи; надо было окружить осажденную крѣпость флотами, какихъ никогда и нигдѣ не видало никакое море; надо было съ помощью всѣхъ вновь открытыхъ газовъ развести такой огонь, какого отъ сотворенія міра на землѣ не бывало; надо было грянуть вдругъ тысячамъ орудій и гремѣть почти безостановочно въ продолженіе цѣлаго года, чтобы земля дрожала, горы тряслись, нервы разстроивались, умъ мѣшался.... Вотъ когда Русскій человѣкъ пробудился (крѣпко онъ спалъ!) и перекрестился, началъ всматриваться, вслушиваться, вдумываться...

„Ужасное и вмѣстѣ умилительное зрѣлище представилось ему въ его нечаянныхъ просонкахъ! Тысячи братьевъ лежатся пораженные, другіе становятся спокойно на ихъ мѣста. На вѣрную, очевидную гибель вызываются по стольку охотниковъ, что надо выбирать изъ нихъ тѣхъ, кто имѣетъ болѣе права умереть по своимъ прежнимъ заслугамъ. На опаснѣйшихъ мѣстахъ прислуга не хочетъ смѣняться: непріятель-де бьетъ въ день по пятидесяти человѣкъ, такъ на три дня насъ станетъ; а тамъ что̀ Богъ дастъ, то и будетъ. Дѣти заряжаютъ пушки; женщины подносятъ снаряды, бѣгаютъ по

бастіонамъ и кричатъ солдатамъ: *веселье!* Другія перевязываютъ раны подъ выстрѣлами; священники исповѣдываютъ и пріобщаютъ; и ни отъ кого не слышно ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго неудовольствія. Господи помилуй, Господи помилуй насъ грѣшныхъ,—вотъ единственныя слова, кои излетаютъ изъ закрывающихся устъ!

„Изъ обыкновенной среды поднимаются вдругъ люди на высоту чуть видную, — Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Юрковской,—поднимаются и поднимаютъ насъ вмѣстѣ съ собою. Другіе, вдохновенные, какъ Хрулевъ, въ минуту опасности являются для избавленія. Тотлебенъ, въ неистощимомъ умѣ своемъ, отыскиваетъ безпрестанно новыя средства обороны и нападенія. Мельниковъ подъ землею проникаетъ до самихъ траншей непріятельскихъ. Удалыя вылазки Бирюлева, Астапова и прочихъ молодцовъ не даютъ врагу покоя по ночамъ. Васильчиковъ, являясь вездѣ, соблюдаетъ порядокъ и содержитъ все въ исправности...

„Очнулся Русскій человѣкъ! Всѣ чувства его приходятъ въ движеніе; сострадавіе, негодованіе, радость, стыдъ, досада, гнѣвъ, оскорбленная честь, желаніе отмстить, горесть, народное самолюбіе, воспоминаніе о прежней славѣ, волнуютъ душу. Вся внутренность переворачивается. У окаменѣлыхъ людей выжимаются слезы, у одеревенѣлыхъ бьется сердце, и у потерявшихъ понятіе о стыдѣ, краска выступаетъ на лицѣ.

„Къ Севастополю обратились всѣ сердца. Туда понеслись всѣ молитвы. Тамъ сосредоточились всѣ желанія. Ничего не существуетъ въ Россіи, кромѣ Севастополя.

„Между тѣмъ, смерть выхватываетъ одного за другимъ лучшихъ людей... Искупительныя жертвы падаютъ, молясь за Отечество... Слова ихъ разносятся съ быстротою молніи по всему пространству Россіи и пронзаютъ сердца.

„Наши потери, ошибки, бѣдствія, недостатки, волнуютъ народное чувство и увеличиваютъ силу нравственнаго сопротивленія.

„Двѣ смѣны непріятельскаго войска легли подъ живыми

стѣнами Севастополя. Отчаянные приступы отражены... Борьба увеличивается. Для враговъ не остается также никакого выбора: или умереть, или взять городъ.

„Что же будетъ? Чѣмъ все это кончится?

„Новыя тучи заходятъ надъ Россіею съ другихъ сторонъ. Число враговъ увеличивается. Грозятъ иные предатели. Надежда смѣняется страхомъ, страхъ смѣняется надеждою...

„Такъ проходитъ цѣлый годъ въ душевныхъ пыткахъ, въ мучительныхъ ожиданіяхъ.

„И не остается никакой возможности, или, лучше сказать, не остается никакой пользы удерживать Севастополь, превращённый въ развалины!

„Велѣно было отойдти, оставить Южную сторону, — и отошли храбрые, плача и рыдая приводя всѣхъ насъ по всей Россіи въ слезы,—*на Сѣверную.*

„Но вотъ, новое въ судьбахъ человѣческихъ—недуманное, неожиданное. Ангелъ мира ниспосылается на усталую, дымящуюся кровью землю“ [354])....

Но прежде чѣмъ приступимъ къ описанію этого знаменитаго праздника, познакомимся съ замѣчательнымъ человѣкомъ, который въ этомъ праздникѣ принималъ живѣйшее участіе.

„Тридцать лѣтъ почти тому назадъ“,—писалъ Погодинъ,—„началъ я проповѣдывать въ Москвѣ о Славянахъ. Впослѣдствіи, познакомясь на мѣстахъ съ обстоятельствами и нуждами разныхъ племенъ, я старался убѣдить своихъ соотечественниковъ въ нашей обязанности принять участіе въ ихъ стѣсненномъ положеніи и подать имъ руку помощи, на пользу родного слова, столь для насъ близкаго. Долго голосъ мой былъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ: помощь ограничивалась скудными моими средствами и приношеніями по временамъ нѣкоторыхъ добрыхъ и просвѣщенныхъ людей. Наконецъ, нашелся у насъ человѣкъ, который внялъ моему голосу отъ души, принялъ къ сердцу мои завѣтныя убѣжденія и вызвался на дѣло. Этотъ человѣкъ есть Русскій ку-

пецъ Василій Александровичъ Кокоревъ, котораго имя сдѣлалось у насъ народнымъ, и пронеслось теперь съ его рѣчью по всей Европѣ. Въ короткое время, лѣтъ въ пятнадцать, своими трудами, оборотами, искусствомъ, отвагой, онъ нажилъ себѣ огромное состояніе, и употребляетъ его великодушнымъ образомъ на пользу общую".

Личныя сношенія Кокорева съ Погодинымъ начались въ 1855 году. Въ *Дневникѣ* Погодина, имя Кокорева въ первый разъ упоминается 8 октября 1855 года. 27 октября того же года, князь Д. А. Оболенскій писалъ Погодину: „Мнѣ писалъ Кокоревъ, что онъ ѣдетъ въ Москву, повидаться съ вами. Постарайтесь поговорить съ нимъ на досугѣ. Это современный Посошковъ" [355]); а 16 февраля 1856 года Погодинъ уже писалъ М. А. Максимовичу: „Познакомился и сблизился я съ Кокоревымъ: примѣчательнѣйшая голова" [356]).

По свидѣтельству П. И. Бартенева, „въ самый разгаръ Крымской войны, вскорѣ по кончинѣ императора Николая I-го, и еще до его похоронъ, графъ А. Ѳ. Орловъ, издавна знавшій В. А. Кокорева, пригласилъ его къ себѣ и въ одиночной бесѣдѣ завелъ съ нимъ рѣчь о трудномъ денежномъ положеніи Россіи, и что государь приказалъ ему, графу Орлову, теперь же озоботиться пріисканіемъ способовъ, чтобы запастись звонкою монетою, которую добыть посредствомъ иностраннаго займа становилось тогда невозможнымъ. При этомъ графъ Орловъ замѣтилъ, что сообщаетъ это въ крайней довѣренности, такъ какъ государю неугодно, чтобы объ этой правительственной заботѣ зналъ даже и министръ Финансовъ, которымъ тогда былъ Брокъ.

„В. А. Кокоревъ предложилъ графу Орлову три мѣры: 1) отмѣнить пошлину съ добываемаго золота, 2) дозволить добычу онаго на огромныхъ пространствахъ Дворцоваго Вѣдомства и 3) уничтожить стѣснительныя канцелярскія распоряженія и формальности, съ которыми сопряжена золотопромышленность. Графу Орлову полюбилась мысль Кокорева; онъ доложилъ о бесѣдахъ съ нимъ государю, и вскорѣ по-

слѣдовало высочайшее повелѣніе, образовать *негласный* Комитетъ изъ графа Орлова и Ростовцова, съ тѣмъ, чтобы Кокоревъ лично докладывалъ этимъ сановникамъ подробности дѣла. Они собирались въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ у графа Орлова, между тѣмъ, какъ на мѣста пріисковъ посланы были Кокоревымъ частныя лица, для отобранія нужныхъ свѣдѣній у золотопромышленниковъ. Весь дѣйствующій уставъ о золотопромышленности былъ пересмотрѣнъ; составлены къ нему измѣненія и дополненія, и, согласно личной волѣ государя, не было пощажено труда и времени на эту работу.

„Въ началѣ осени 1855 года, графъ Орловъ поѣхалъ съ государемъ въ Николаевъ. Выработанный при особомъ участіи Ростовцова, проектъ устава о золотомъ промыслѣ, былъ посланъ къ Орлову, въ Николаевъ, и тамъ доложенъ государю. Государь приказалъ передать его для обсужденія въ Финансовый Комитетъ. Ростовцовъ пришелъ въ отчаяніе... Министръ Финансовъ немедлено отнесся къ этому дѣлу очень недоброжелательно. Онъ имѣлъ по этому поводу горячій разговоръ съ Кокоревымъ. Между тѣмъ, послѣдній въ это время озаботился составленіемъ записки о золотомъ промыслѣ въ Россіи, которую предполагалъ прочесть господамъ членамъ Финансоваго Комитета“.

Въ редакціи этой записки Погодинъ принималъ живѣйшее участіе, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи *Дневника* Погодина, за 1855 годъ:

Подъ *19 октября*: „Кокоревъ о золотопромышленности. Взялъ его бумаги и пересмотрѣлъ. Дѣловой человѣкъ, съ которымъ можно дѣла дѣлать много. Обѣдалъ въ клубѣ, игралъ и выигралъ. Думалъ о золотопромышленности“.

— *20* — : „Устраивалъ записку Кокорева“.

— *21* — : „Надъ золотопромышленностію. Гулялъ и благодарилъ Бога. Какъ ясно все у меня представлятся! А между тѣмъ, и мечтается, безъ всякаго впрочемъ желанія объ исполненіи. Пріятное письмо отъ Кокорева“.

— *22* — : „Надъ золотопромышленностію“.

— *23* — : „Надъ золотопромышленностію; Кокоревъ въ обществѣ друзей добра".

— *26* — : „Перечиталъ и исправилъ Кокоревскую записку".

— *27* — : „Поутру написалъ славное заключеніе къ Кокоревской запискѣ. Толковалъ съ нимъ о Закревскомъ. Пересмотрѣлъ записку. Ясная и быстрая голова".

Въ заключеніи этой записки сказано: „Бываютъ обстоятельства, когда вопросъ долженъ рѣшаться одною необходимостью, мимо всѣхъ толковъ объ его пользѣ или вредѣ. Приведу въ примѣръ желѣзныя дороги. Сколько было у насъ предложено доказательствъ противъ ихъ учрежденія, даже лицами знающими, опытными, благонамѣренными, и доказательствъ важныхъ, основательныхъ, надъ которыми можно было призадуматься..... Теперь только мы увидѣли, что разсуждать объ устроеніи желѣзныхъ дорогъ было вовсе не нужно, а всѣ доказательства противъ нихъ, со всею ихъ премудростію, должно было оставить безъ вниманія, а строить желѣзныя дороги потому только, что мы живемъ въ Европѣ и что вся Европа покрылась желѣзными дорогами. Теперь только мы увидѣли, говорю я; ибо съ милліономъ лучшаго своего войска оказались вездѣ, за неимѣніемъ сообщеній, въ недостаткѣ противъ ста тысячъ на насъ высланныхъ и принуждены до сихъ поръ уступать. Нечего говорить, что война, вѣроятно, и не началась бы, еслибъ у насъ были желѣзныя дороги, кои сторицею такимъ образомъ вознаградили бы за свое построеніе. Точно то же разсужденіе можно приложить, въ настоящую минуту, къ золотопромышленности: намъ нужно золото, во чтобы то ни стало, а мы можемъ искать только на одномъ извѣстномъ пути. Слѣдовательно, и разсуждать нечего, а брать скорѣе въ руки лопату, иначе опять будемъ раскаиваться, какъ по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, и кусать локоть, котораго не достанешь" [357]) ...

30 октября 1855 года, Кокоревъ писалъ Погодину: „Спасибо вамъ, говорю это отъ лица общенародныхъ выгодъ,

за намѣренье и *старательство* разжевать дѣло, до того, чтобы оно переварилось, т.-е., осмыслилось и понялось въ главахъ нашихъ *небашковатыхъ* господъ. Въ этомъ дѣлѣ лежитъ ключъ ко всему. Литература и Грамматика не мое дѣло, но я хлопоталъ только набить въ мою записку все то, что̀ у меня было и рождалось въ головѣ. Пожалуста, передѣлывайте. Мысль человѣческая тянется, это старая калоша изъ резины, или вязига изъ кулебяки, и отъ того мнѣ лѣзутъ въ голову и новые матеріалы. Вотъ съ ними то я и явлюсь къ вамъ въ воскресенье, въ полдень. Если это время неудобно для васъ, дайте знать, удобно — не давайте; молчаніе я истолкую себѣ за знакъ того, что найду васъ дома въ воскресенье. Посылаю сегодништую газету съ замѣтками. Изъ такихъ замѣтокъ за цѣлый годъ можетъ выдти *коко съ сокомъ*. А что̀ скажете о замѣткахъ, напримѣръ, за цѣлое десятилѣтіе. Не могутъ ли эти замѣтки спасти слѣдующее десятилѣтіе отъ промаховъ. Обработывайте бумагу № 2. Прочіе (№ 1 и 3) ушли уже въ ходъ въ томъ видѣ, какъ онѣ есть. Изъ нихъ можно взять разные доводы въ № 2-й, если они стоятъ того. Вообще о финансовыхъ дѣлахъ писать ужасно трудно, въ особенности тому, кто *не вѣритъ въ западныя теоріи*; слѣдовательно, самое основаніе тогда лишь есть въ головѣ, когда есть что-либо подсмотрѣнное въ жизни народа. Основанія не сочиняются, а усматриваются и даже дополняются не умозрѣніемъ, а случаями. Здѣсь умствованіе бѣда и бѣда государственная! Говорятъ, мы идемъ назадъ. Не знаю, правда ли это. Быть можетъ, мы только *зады твердимъ*. Тогда это не бѣда, хотя и ужасно скучно твердить забытые зады" [358]).

Но, въ концѣ концовъ, предвѣщаніе I. И. Ростовцова оправдалось. Не внося записки Кокорева въ Финансовый Комитетъ, министръ Финансовъ Брокъ рѣшилъ отправить ее на предварительное обсужденіе Сибирскихъ губернаторовъ и дѣло кануло въ вѣчность" [359]).

Между тѣмъ, прочитавъ записку Кокорева, К. Д. Кавелинъ, 1 декабря 1855 года, писалъ Погодину: „Читалъ

осхищался запиской о золотопромышленности въ Сибири; акъ бы и отпечаталъ каждое словечко золотыми буквами и ь окладъ бы поставилъ. Право, будто всякая мысль и увство въ ней у тебя изъ головы или изъ сердца вырвали на бумагу поставили. Позвольте только заступиться за орію. Теорія вся, отъ альфы до омеги, въ пользу вашей ысли, она охрипла крича и съ каѳедръ, и на митингахъ, и ь газетахъ, и въ курсахъ, и въ книгахъ то, что̀ вы говорите; иновата ли она, что ее не слушаютъ! А что̀ рѣшитъ нашъ инистръ Финансовъ, что̀ скажетъ намъ Государственный овѣтъ, ей, то̀ не теорія. Повѣрьте, что частью рутина, астью глупость и невѣжество, частью обветшалыя понятія казенномъ интересѣ и управленіи (родномъ братѣ крѣпостного рава) виною, что золотопромышленность у насъ существуетъ въ такомъ видѣ, а совсѣмъ не теорія, которой ниго изъ предержащихъ властей не знаетъ и не понимаетъ. очется вылиться сердцемъ. Опять что-то такъ стало горько больно послѣ разныхъ надеждъ, что сердце сжимается. ъ политической сферѣ что-то готовится, кажется, но что̀?.. окрыто мракомъ. Ходятъ слухи о мірѣ, но знающіе люди оворятъ, что это вздоръ“.

Между тѣмъ, редакторская помощь Погодина потребовалась Кокореву и по другому предмету. Въ это время астворили двери университетовъ, и Кокоревъ писалъ Погодину: „Ѣду отъ васъ и думаю: государь отворилъ университеты и хочетъ озарить насъ Просвѣщеніемъ; чѣмъ же мы будемъ привѣтствовать эту любовь и заботу? Загорѣлся ь сердцѣ какой-то огонь и въ головѣ мелькнула мысль — зять 50 семействъ послѣ раненыхъ на свой счетъ. Пріѣзжаю омой—депеша отъ Ростовцова, призывающая завтра въ Песрбургъ. Ѣду! Ростовцовъ мнѣ сказалъ, что онъ меня позоветъ *только въ самомъ важномъ и нужномъ дѣлѣ*. Общаго ѣла по одиночкѣ не сдѣлаешь. И такъ, что тутъ долго олковать: *завтра же ѣдемъ вмѣстѣ*. Не я, а дѣло васъ

зоветъ. Пріѣзжайте завтра ко мнѣ въ 10 часовъ утра, совсѣмъ по дорожному и съ чемоданомъ".

Въ *Дневникѣ* же Погодина за это время мы находимъ слѣдующія записи: Подъ *30 октября 1855 года*: „Кокоревъ и съ извѣстіемъ, и съ записками. Надо обработать. Присѣлъ, къ 12-му часу кончилъ, усталый. Увѣдомляетъ, что жертвуетъ милліонъ. Мысль о слѣдствіи, по прочтеніи записокъ, со стороны Закревскаго"...

— *1 ноября*: „Писалъ письмо къ государю для Кокорева о пожертвованіи".

— *2* — — : „Новыя поправки для Кокорева, которыя не удались".

— *4* — — : „За Кокоревскими письмами".

— *5* — — : „Обѣдъ у Кокорева. Не такъ знаменитъ, кромѣ винъ".

— *17* — — : „Извѣстіе отъ Кокорева и Мамонтова".

— *19* — — : „Къ Кокореву, за Петербургскими новостями. Все въ розовомъ свѣтѣ. Нѣтъ никакихъ особыхъ движеній".

— *22* — — : „Къ Закревскому по утру. Извиняется, что не можетъ принять: въ халатѣ".

Такимъ образомъ, между Погодинымъ и Кокоревымъ установились вполнѣ дружескія и искреннія отношенія и переписка. Въ самомъ концѣ 1855 года, Кокоревъ писалъ Погодину: „Со всѣмъ было позабылъ доставить вамъ двѣ бутылки мамуровки, которую я выписалъ для васъ; но какъ это очень сладко, то присоединяю къ мамуровкѣ одну бутылку трефоли и все это препровождаю при семъ. Изъ Питера пришлю много трефоли, а теперь болѣе нѣтъ" [360]).

LXXX.

12 февраля 1856 года, послѣдовало слѣдующее отношеніе Инспекторскаго Департамента Морского Министерства: „Общество города Москвы, желая ознаменовать прибытіе въ

Москву флотскихъ экипажей, идущихъ изъ Николаева, дѣлаетъ имъ торжественный пріемъ, приглашая къ этому всѣхъ морскихъ офицеровъ, участвовавшихъ въ защитѣ Севастополя. Коммерціи-совѣтникъ Василій Александровичъ Кокоревъ предлагаетъ къ услугамъ гг. офицеровъ приготовленные имъ заблаговременно вагоны для поѣзда въ Москву и обратно, а также въ самой Москвѣ, на все время пребыванія гг. офицеровъ, домъ, прислугу, столъ и экипажъ. Его императорское высочество генералъ-адмиралъ, принявъ все это благосклонно, изволилъ разрѣшить: желающихъ изъ вышесказанныхъ офицеровъ уволить въ Москву на 7 дней. Поѣздъ по желѣзной дорогѣ изъ С.-Петербурга отправится въ четвергъ, 16 февраля, въ 11 часовъ утра. Остальныя за тѣмъ подробности по этому приглашенію, можно узнать у флигель-адъютанта Бирюлева".

Наканунѣ отъѣзда моряковъ изъ Петербурга, Погодинъ подъ 15 февраля 1856 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Мамонтовъ съ новыми затѣями Кокорева Потемкинскими".

Обязанность лѣтописца предстоящихъ Московскихъ патріотическихъ празднествъ принялъ на себя Погодинъ, и онъ повѣствуетъ: „Московскіе жители, предувѣдомленные о прибытіи гостей, ожидали ихъ на станціи желѣзной дороги. Лишь только показались вагоны, грянуло *ура*, отдалось на дворѣ, повторилось на площади... Вотъ, растворяются дверцы, высыпаютъ морскіе мундиры, блещутъ знаки отличія на фуражкахъ... Сердце забилось. Раздаются восклицанія: здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать! Начинаются поцѣлуи, объятія. Ура не умолкаетъ.

„У крыльца давно дожидаются тройки съ раззолоченными дугами, въ праздничной упряжи, съ заплетенными въ гривахъ разноцвѣтными лентами, съ звенящими бубенчиками. Лихіе кони ржутъ и роютъ копытами землю. Впереди ѣдетъ Кокоревъ съ Бирюлевымъ, уже извѣстнымъ Москвѣ. За нимъ несутся въ порядкѣ тридцать троекъ... Прохожіе по улицамъ останавливаются и спрашиваютъ другъ друга: Кто ѣдетъ?

— Моряки. Какіе? — Севастопольскіе. Кто везетъ? — Кокоревъ. И понесся первый гулъ по городу........ Офицерамъ представленъ списокъ восьмидесяти покоевъ, изъ всѣхъ лучшихъ гостинницъ, кому какіе выбрать угодно. Тотчасъ послѣдовало размѣщеніе по бастіонамъ, какъ прозваны выбранные покои. Между тѣмъ, отдано приказаніе исполнять всѣ требованія гостей съ поспѣшностью и точностью, угадывать, сколько можно, всѣ желанія. Предоставлено въ распоряженіе офицеровъ по пятидесяти билетовъ во всѣ спектакли, концерты и маскарады. Къ каждому крыльцу поставлено по нѣскольку каретъ и саней...

„Въ 2 часа, офицеры представлялись генералъ-губернатору, который принялъ ихъ всѣхъ въ кабинетѣ; разспрашивалъ объ ихъ службѣ, и напомнилъ подвиги, ему извѣстные; потомъ были они у коменданта, Севастопольскаго своего знакомаго.

„Первый обѣдъ назначенъ былъ въ Новотроицкомъ трактирѣ, который славился произведеніями Русскаго поваренназо Искусства. Народъ снималъ шапки и раскланивался съ наѣзжавшими. Многіе ожидали офицеровъ съ открытыми головами. Мудрено было пробраться до крыльца. Столъ приготовленъ былъ въ пяти комнатахъ, соединенныхъ между собою посредствомъ проломанныхъ стѣнъ, открытыхъ дверей. Все, что можно было найти лучшаго, вкуснаго, дорогого, все, чѣмъ славится изстари хлѣбосольная Москва,—все явилось гостямъ на угощеніе: отличная рыба всѣхъ родовъ, свѣжая зернистая и паюсная икра, сочная ветчина, бѣлая и нѣжная телятина, блины красные и гречневые, животрепещущія стерляди, Можайскіе поросята подъ сметаной съ хрѣномъ, кулебяки, растегаи. Однимъ словомъ, исполнилась пословица: Что ни есть въ печи, все на столъ мечи! Тридцать проворныхъ Ярославцевъ, въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, рубашкахъ, подпоясанныхъ шелковыми кушачками, — кваскомъ приглаженные и маслицомъ примазанные, съ вывертомъ и подходцемъ, такъ и сновали между столами и подавали, приговаривая: Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ.

„За каждымъ столомъ сидѣло по два и по три обывателя, на которыхъ возложено угощенiе; въ первой залѣ—Кокоревъ и Погодинъ; во второй—Жеребцовъ и Топоровъ; въ третьей—Нарышкинъ и Клининъ; въ четвертой—Мамонтовъ и Гееръ; въ пятой—Богдановъ и Севастьяновъ и проч. Бокалы поднимались одни за другими; бесѣда шла живѣе и живѣе. Говорено было отъ души...

„Здоровье морскихъ офицеровъ“; „Въ честь погибшихъ“; „Во славу Русскаго флота“; „Здоровье генералъ-адмирала“; „Въ память о первой минутѣ, когда рѣшено было защищать Севастополь во что бы то ни стало, и спасена Русская честь“. О. О. Ѳедоровичъ, въ нѣсколькихъ теплыхъ словахъ благодарилъ общество отъ лица всѣхъ офицеровъ.

„Здоровье трехъ героевъ—кто они? Хрулевъ, Тотлебенъ, Васильчиковъ! Восторженное ура не прерывалось, гремѣло и отзывалось на улицѣ...

„Народъ поглядывалъ другъ на друга съ удовольствiемъ и улыбался. Впродолженiе всего обѣда, часа четыре, не сходилъ онъ съ площади, и однѣ толпы смѣнялись другими, гуще и гуще. Всѣмъ хотѣлось увидѣть любезныя черты Севастопольцевъ и поклониться имъ, въ знакъ своей усердной признательности“.

„18-го числа, вступали первые два экипажа, 32-й и 29-й.

„Въ Чудовѣ монастырѣ совершена была въ этотъ день панихида по покойномъ императорѣ Николаѣ I-мъ.

„По окончанiи панихиды, офицеры отправились на тройкахъ къ Серпуховской заставѣ. Поѣздъ остановился за покупками на площади, предъ памятникомъ Минину и Пожарскому.

„Купцы высыпали изъ рядовъ и узнали о близкой встрѣчѣ. Множество помчалось на извощикахъ вслѣдъ за тройками. Впереди ѣхалъ лейтенантъ Дистерло, привезшiй, по распоряженiю генералъ-адмирала, вновь назначенныя медали всѣмъ чинамъ Морского Вѣдомства, которые принимали участiе въ оборонѣ Севастополя.

„Заѣхавъ нѣсколько впередъ, Дистерло передалъ медали ведшему офицеру; онѣ тотчасъ были розданы и привѣшены; матросы вступали въ Москву новыми кавалерами.

„Лишь только показался ихъ длинный строй, спускавшійся съ пригорка, въ сѣрыхъ истертыхъ шинеляхъ, изъ-за которыхъ виднѣлись бараньи околыши,—сердце затрепетало у встрѣчавшихъ, слезы прошибли. Богъ знаетъ, что почувствовалось — сладко ли, горько ли, страшно ли, весело ли? Только горячо! Кокоревъ съ Мамонтовымъ, снявъ шапки, несли на большомъ серебряномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, какую-то испеченную гору, для которой чуть ли не складена была особая печка. Поровнявшись съ гостями, Кокоревъ передалъ подносъ старшему офицеру. „Други и братья",—сказалъ онъ имъ: едва сдерживая слезы,—„благодаримъ васъ за ваши труды и подвиги, За пролитую вами кровь для насъ, въ защиту родной земли. Примите наше сердечное спасибо и нашъ земной поклонъ". Съ этимъ словомъ, онъ повалился имъ въ ноги. За нимъ поклонились въ землю слѣдовавшіе. Минута была торжественная! Всѣ плакали. Очевидцы, чрезъ долгое время, не могли безъ слезъ разсказывать объ этой минутѣ.

„Одинъ старикъ изъ заднихъ рядовъ бросился впередъ и закричалъ: Батюшки, гдѣ тотъ, что благодарилъ-то за насъ?.— Дайте мнѣ его поцѣловать!

„Матросы выстроились и двинулись въ путь. У заставы ожидали ихъ не толпы, а тучи народа. Они закричали *ура* навстрѣчу. *Ура* грянуло имъ въ отвѣтъ. Клики не умолкали, покуда не подошли матросы къ заставѣ. Тамъ встрѣтилъ ихъ Московскій комендантъ И. И. Кизмеръ, и поздравилъ съ благополучнымъ приходомъ. Купечество, мѣщанство, цеховое общество, поднесли свою хлѣбъ-соль. Отъ заставы потянулось уже цѣлое, безконечное войско, безпрестанно умножавшееся, къ Серпуховскимъ воротамъ, между двумя стѣнами народа; третья стѣна шла впереди, четвертая—позади. *Ура* гремѣло со всѣхъ сторонъ. Шапки летѣли вверхъ.

„На Серпуховской площади приготовлено было откупом

купечествомъ угощеніе. Площадь вся покрыта была наро-
омъ. Въ домахъ выставлены окна. Женщины громоздились
а скамейкахъ, ребятишки торчали на крышахъ, около трубъ.
троились тутъ же подмостки, и вездѣ толкались люди. Со-
ѣднія улицы запрудились экипажами.

„Матросы составили четвероугольникъ. Военный генералъ-
убернаторъ графъ А. А. Закревскій поздоровался съ ними,
бошелъ всѣ ряды, поздравилъ, и спросилъ себѣ чарку водки,
ыпить за здоровье славныхъ моряковъ.

„Какъ хороши они были въ дорожномъ своемъ платьѣ,
ъ Егорьевскими крестами и медалями, въ рубцахъ и цара-
инахъ, загорѣлые, почернѣлые, заскорузлые. Много, много
италося на этихъ грубыхъ лицахъ! Много, много говорили
ти мозолистыя руки! Нѣкоторые изъ народа прикладыва-
ись къ Егорьевскимъ крестамъ.

„Матросы, по данному знаку, начали одинъ за однимъ под-
одить къ столамъ, брали по стакану, выпивали, и покрях-
ивали, откашливались; съ другихъ сторонъ сыпался дождь
алачей и саекъ.

„Какія-то знатныя дамы, стоявшія вблизи на скамейкахъ,
друтъ закричали: Дайте намъ чарку, мы хотимъ пить за
доровье Севастопольскихъ матросовъ. Ура! Ура! Офицеры
бѣжались благодарить за прекрасное движеніе. *Здоровье
Черноморскихъ офицеровъ*! Общій крикъ: Здоровье всѣхъ
ащитниковъ Севастополя, ихъ женъ и дѣтей! ура! ура!

„Матросы были размѣщены въ двухъ сосѣднихъ частяхъ
орода. Купцы рвали къ себѣ матросовъ наперехватъ, кто
прашивалъ 20, кто 30. К. Т. Солдатенковъ взялъ себѣ сто.
собые харчевники наняты были нѣкоторыми хозяевами, уго-
ать гостей *по вкусу*.

„За матросами тянулись повозки съ ихъ семействами. На
аждое семейство роздано по 50 руб. сер.

„Офицеры, пришедшіе съ экипажами, приглашены В. А.
окоревымъ, въ гостинницу Шевалдышева, гдѣ было приго-
овлено для нихъ помѣщеніе. Къ нимъ присоединились офи-

церы, съѣхавшіеся изъ сосѣднихъ губерній: Новгородской, Тверской, Рязанской и проч. Такъ что всѣхъ гостей собралось къ 19 числу около ста.

„Обѣдъ приготовленъ былъ по гостинницамъ.

„18 февраля, день кончился въ подобающей тишинѣ.

„Не смѣшно ли будетъ",—спрашиваетъ Погодинъ,—„придавать такое значеніе празднествамъ, очень простымъ и обыкновеннымъ? Это все преувеличенія, мечтанія, грезы! Въ чемъ можно было видѣть и слышать такія чудеса? Въ чемъ"? Отвѣчаетъ онъ: „Въ земныхъ поклонахъ толпы Севастопольскимъ морякамъ, въ цѣлованьяхъ мужиками Егорьевскихъ крестовъ, въ чаркахъ вина, выпитыхъ барынями на площади за здоровье матросовъ, въ задушевныхъ голосахъ, которыми пѣлся царскій гимнъ, въ искреннихъ рѣчахъ простыхъ людей между собою, въ веселыхъ напѣвахъ плясовыхъ пѣсень, въ разбитыхъ бокалахъ, въ безсмысленныхъ словахъ, въ нелѣпыхъ тѣлодвиженіяхъ, въ незнакомыхъ поцѣлуяхъ... Вотъ чѣмъ можно было видѣть и слышать разсказанныя чудеса тому, кто хотѣлъ и могъ ихъ видѣть и слышать. Вотъ по какимъ образчикамъ, примѣрамъ и выходкамъ можно судить и о томъ, чего не было".

LXXXI.

Въ воскресенье, 19-го февраля, день всерадостнаго восшествія на престолъ государя императора. Торжественн[illegible] литургія и молебствіе о здравіи и благоденствіи его имп[illegible]раторскаго величества, въ Чудовомъ монастырѣ. Поздравлен[illegible] городскаго начальства.

„Отъ генералъ-губернатора,—пишетъ Погодинъ, — оф[illegible]церы, въ полной парадной формѣ, длиннымъ поѣздомъ отпр[illegible]вились засвидѣтельствовать глубочайшее свое почтеніе [illegible]шему славному, нашему достойному... мудрено прибрать [illegible]стоящее имя: этому, что получилъ Егорьевскій крестъ [illegible] рукъ Суворова, что былъ начальникомъ Штаба въ 1812

у Барклая и Кутузова, что принялъ команду подъ Кульмомъ, послѣ раненаго Остермана... этому, еще мощному, бѣлому льву, съ соколиными глазами, котораго имя стóитъ цѣлой арміи, и производитъ во всякомъ Русскомъ сердцѣ какой-то особый трепетъ... къ Алексѣю Петровичу Ермолову, — къ нему, въ его военную лавру, на Пречистенкѣ, являются на поклонъ всѣ военные люди, проѣзжающіе Москву, смотрѣть, слушать, думать... Нечего разсказывать, какъ принялъ молодыхъ Русскихъ бойцовъ боевой Русскій старецъ.

„Обѣдъ у генералъ-губернатора для высшихъ чиновъ. Оберъ-офицеры обѣдали въ гостинницѣ Шевалье, у В. А. Кокорева. Веселъ, шуменъ и радушенъ былъ этотъ обѣдъ. Много было говорено, много прочувствовано, много продумано. Въ серединѣ обѣда, М. П. Погодинъ всталъ и провозгласилъ: „Мм. гг! Нынѣ день восшествія на престолъ государя императора. Дай Богъ ему царствовать долго, счастливо, милостиво, любовно. Сила не въ силѣ, сила въ любви. Да здравствуетъ возлюбленный государь нашъ императоръ Александръ Николаевичъ“!

„Громкими рукоплесканіями покрылась эта задушевная здравица!

„Второй бокалъ поднятъ въ честь Севастопольцевъ. Н. А. Жеребцовъ произнесъ привѣтствіе, выразивъ чувства общей къ нимъ признательности за ихъ подвиги, и вмѣстѣ отдавъ честь ихъ скромности, благородству образа дѣйствій, сравнительно съ поступками нашихъ враговъ“.

С. П. Шевыревъ прочелъ стихи, въ честь гостей сочиненные. Выписываемъ нѣкоторыя строфы:

. . . .

Вамъ привѣтъ Москвы державной,
Вамъ народа общій гласъ:
Въ сердцѣ Руси православной
Горячо мы любимъ васъ.

Гости! Въ васъ, покрытый славой,
Изъ пучины бѣдъ и золъ,
Самъ великій, самъ кровавый
Севастополь къ нимъ пришелъ!

Разстилай же скатерть брану,
Ты во всѣ концы, Москва,
Наливай же брагу пьяну,
Осушай ковши до дна!

Лейся море, брызгай пѣна,
Изъ бокаловъ въ добрый часъ;
Будетъ море по колѣна
Намъ на радости о васъ!

„Не знаемъ какъ благодарить васъ, мм. гг.“—отвѣчалъ одинъ изъ моряковъ,—„но что мы сдѣлали? Мы исполнили только долгъ свой“!

„О! еслибъ всѣ исполняли долгъ свой“,—воскликнулъ Кокоревъ,—„Россіи желать не осталось бы ничего! Мм. гг. во славу исполненія долга“!

„Исполнененіе долга“! — воскликнуло съ шумомъ все собраніе.

Передъ окончаніемъ обѣда, явился Бутаковъ, капитанъ 2-го ранга, описавшій Аральское море и теченіе рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, которому Гумбольдтъ отдалъ полную справедливость. „Замѣчаю это обстоятельство“,—писалъ Погодинъ,—„потому что мы любимъ чужія рекомендаціи. Какъ-то не вѣрится безъ нихъ ни въ какое достоинство. Ну гдѣ же намъ? Что мы за люди! Такъ разсуждаемъ мы обыкновенно въ припадкѣ своей скромности или другой какой-то добродѣтели, сходной съ порокомъ“.

„Здоровье Алексѣя Ивановича! Здоровье Григорія Ивановича“! раздалось между моряками.

Погодинъ сказалъ: „Господа! Враги хотятъ запереть вамъ Черное море, а вотъ вашъ товарищъ, прибывшій съ Аральскаго. Да развернется жъ Русскій флагъ и развѣвается на всѣхъ моряхъ—на Аральскомъ и Черномъ, на Нѣмецкомъ и Средиземномъ, на всѣхъ океанахъ: Тихомъ, Бурномъ... (Кто-то произнесъ имя Сыръ-Дарьи), на всѣхъ Сыръ-Дарьяхъ и Аму-Дарьяхъ. Ура! Въ честь и славу Русскаго флота“!

Новый тостъ въ честь генералъ-адмирала.

Погодинъ сказалъ: „Господа, мы пили за флотъ, за [illegible]ло-

ряковъ; этотъ бокалъ — въ честь вашего генералъ-адмирала. Онъ славно началъ! Дай Богъ продолжать ему съ большею и большею силою. Здоровье великаго князя Константина Николаевича!

„Какое грянуло ура! — мудрено передать. Всѣ офицеры бросились чокаться между собою, и цѣловаться, и поздравлять другъ-друга и провозглашать имя генералъ-адмирала, какъ будто бы онъ былъ между ними.

„Потомъ обратилисъ они къ выражателямъ общихъ чувствъ: предложили за здоровье Жеребцова, Кокорева, Шевырева, Погодина. Тѣ благодарили, у кого сколько словъ нашлось. Начались качанія“.

Шевыревъ отвѣчалъ: ... „Скромность ваша видитъ въ вашемъ подвигѣ только исполненіе долга: съ васъ мы должны брать примѣръ. У каждаго изъ насъ, на всѣхъ поприщахъ жизни есть свой Севастополь: Севастополь правды, Севастополь истины, Севастополь всякаго добра въ Россіи! Отстаивать эту святыню противъ всѣхъ враговъ внутреннихъ, есть долгъ каждаго изъ насъ. Если всякій будетъ думать объ исполненіи долга, какъ вы думаете, счастлива будетъ Россія и этимъ счастьемъ вполнѣ будетъ утѣшаться государь ея“.

Вечеромъ — великолѣпный балъ въ Благородномъ Собраніи.

„20 Февраля, въ понедѣльникъ, обѣдъ давалъ опять В. А. Кокоревъ, въ залахъ Купеческаго Собранія, потому что общественные обѣды ожидали генералъ-губернаторскаго, а этотъ не могъ быть назначенъ прежде 21 числа.

„Оркестръ Сакса разыгрывалъ Русскія пѣсни, съ трудомъ отысканныя, и отрывки изъ Итальянскихъ оперъ.

„Послѣ обѣда, всѣ присутствовавшіе дружнымъ хоромъ пропѣли пѣснь во славу царя, стоя полукругомъ передъ его портретомъ.

„Изъ тостовъ, примѣчательные были: за сестеръ милосердія и за сиротъ Севастопольскихъ. С. П. Шевыревъ, между прочимъ, сказалъ: ...Святы всѣ сироты міра, но сироты падшихъ защитниковъ Севастополя ближе къ нашему сердцу, потому что

Разстилай же скатерть брану,
Ты во всѣ концы, Москва,
Наливай же брагу пьяну,
Осушай ковши до дна!

Лейся море, брызгай пѣна,
Изъ бокаловъ въ добрый часъ;
Будетъ море по колѣна
Намъ на радости о васъ!

„Не знаемъ какъ благодарить васъ, мм. гг.“—отвѣчалъ одинъ изъ моряковъ,—„но что мы сдѣлали? Мы исполнили только долгъ свой“!

„О! еслибъ всѣ исполняли долгъ свой“,—воскликнулъ Боковъ,—„Россіи желать не осталось бы ничего! Мм. гг. во славу исполненія долга“!

„Исполнененіе долга“! — воскликнуло съ шумомъ все собраніе.

Передъ окончаніемъ обѣда, явился Бутаковъ, капитанъ 2-го ранга, описавшій Аральское море и теченіе рѣкъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, которому Гумбольдтъ отдалъ полную справедливость. „Замѣчаю это обстоятельство“,—писалъ Погодинъ,—„потому что мы любимъ чужія рекомендаціи. Какъ-то не вѣрится безъ нихъ ни въ какое достоинство. Ну гдѣ же намъ? Что мы за люди! Такъ разсуждаемъ мы обыкновенно въ припадкѣ своей скромности или другой какой-то добродѣтели, сходной съ порокомъ“.

„Здоровье Алексѣя Ивановича! Здоровье Григорія Ивановича“! раздалось между моряками.

Погодинъ сказалъ: „Господа! Враги хотятъ запереть вамъ Черное море, а вотъ вашъ товарищъ, прибывшій съ Аральскаго. Да развернется жъ Русскій флагъ и развѣвается на всѣхъ моряхъ—на Аральскомъ и Черномъ, на Нѣмецкомъ и Средиземномъ, на всѣхъ океанахъ: Тихомъ, Бурномъ... (Кто-то произнесъ имя Сыръ-Дарьи), на всѣхъ Сыръ-Дарьяхъ и Аму-Дарьяхъ. Ура! Въ честь и славу Русскаго флота“!

Новый тостъ въ честь генералъ-адмирала.

Погодинъ сказалъ: „Господа, мы пили за флотъ, за мо-

ряковъ; этотъ бокалъ—въ честь вашего генералъ-адмирала. Онъ славно началъ! Дай Богъ продолжать ему съ большею и большею силою. Здоровье великаго князя Константина Николаевича!

„Какое грянуло ура! — мудрено передать. Всѣ офицеры бросились чокаться между собою, и цѣловаться, и поздравлять другъ-друга и провозглашать имя генералъ-адмирала, какъ будто бы онъ былъ между ними.

„Потомъ обратилисъ они къ выражателямъ общихъ чувствъ: предложили за здоровье Жеребцова, Кокорева, Шевырева, Погодина. Тѣ благодарили, у кого сколько словъ нашлось. Начались качанія“.

Шевыревъ отвѣчалъ: ... „Скромность ваша видитъ въ вашемъ подвигѣ только исполненіе долга: съ васъ мы должны брать примѣръ. У каждаго изъ насъ, на всѣхъ поприщахъ жизни есть свой Севастополь: Севастополь правды, Севастополь истины, Севастополь всякаго добра въ Россіи! Отстаивать эту святыню противъ всѣхъ враговъ внутреннихъ, есть долгъ каждаго изъ насъ. Если всякій будетъ думать объ исполненіи долга, какъ вы думаете, счастлива будетъ Россія и этимъ счастьемъ вполнѣ будетъ утѣшаться государь ея“.

Вечеромъ—великолѣпный балъ въ Благородномъ Собраніи.

„20 Февраля, въ понедѣльникъ, обѣдъ давалъ опять В. А. Кокоревъ, въ залахъ Купеческаго Собранія, потому что общественные обѣды ожидали генералъ-губернаторскаго, а этотъ не могъ быть назначенъ прежде 21 числа.

„Оркестръ Сакса разыгрывалъ Русскія пѣсни, съ трудомъ отысканныя, и отрывки изъ Итальянскихъ оперъ.

„Послѣ обѣда, всѣ присутствовавшіе дружнымъ хоромъ пропѣли пѣснь во славу царя, стоя полукругомъ передъ его портретомъ.

„Изъ тостовъ, примѣчательные были: за сестеръ милосердія и за сиротъ Севастопольскихъ. С. П. Шевыревъ, между прочимъ, сказалъ: ...Святы всѣ сироты міра, но сироты падшихъ защитниковъ Севастополя ближе къ нашему сердцу, потому что

это дѣти людей, за насъ положившихъ животы и души свои. Да здравствуютъ сироты Севастопольскіе! Память ихъ падшихъ отцовъ да не умираетъ въ нихъ никогда! Да растутъ они и воспитываются, имѣя передъ собою живые образцы славныхъ героевъ Севастополя, насъ окружающихъ!

„Слово такъ пришлось по сердцу морякамъ,—говоритъ описаніе,—что они принялись качать говорившаго. Отвѣчая объятіями на ихъ дружескій привѣтъ, Шевыревъ благодарилъ ихъ за то, что они напомнили ему волну морскую, но безъ ея непріятностей,—что онъ хотя на морѣ и подверженъ его болѣзни, но отъ такой качки и больной бы выздоровѣлъ.

„Русскими пѣснями, пѣтыми хоромъ, заключился праздникъ.

„Вечеромъ—благородный спектакль въ пользу Черноморскихъ экипажей.

21-го Февраля,—повѣствуетъ далѣе Погодинъ,—„происходила встрѣча втораго отряда, взвода, состоявшаго изъ экипажей (не худо бы перевести на православный языкъ и это дикое названіе, вмѣстѣ съ прочими): 38-го—бывшаго Корниловскаго, и 40-го. Кокоревъ, Мамонтовъ и Погодинъ поднесли хлѣбъ-соль передъ Серпуховскою заставою и передали ихъ начальнику, знаменитому Винку (стоявшему въ Севастополѣ цѣлый годъ на самомъ привольномъ для непріятельскихъ выстрѣловъ мѣстѣ). Московскіе головы представили другую хлѣбъ-соль. Комендантъ поздравилъ ихъ также, какъ предшественниковъ. Народу было множество. Толпы валили одна за другою. Шествіе было живо, весело и шумно. Музыка играла военные марши. Вдругъ матросы грянули плясовую. Они кончили, раздалось *ура*, и начали перекликаться этими кликами провожающіе съ ожидающими и встрѣчными. Потомъ опять заиграли маршъ, потомъ опять пѣсни и ура!

Въ пятдесятъ третьемъ году,
Объявилъ хранцузъ войну
На матушку на Москву,
На Россіюшку на всю,
А на Севастополь городокъ
Англичанской сильный флотъ

Силу арміи грузилъ,
Въ Черно море выходилъ.

„На площади было устроено угощеніе, какъ прежде. Нашлось между матросами три мальчика, изъ которыхъ одинъ былъ подъ Синопомъ, другой весь годъ прожилъ на какомъ-то переднемъ бастіонѣ, третій служилъ у Випка. Ихъ совсѣмъ было затормошили, да ужъ нашелся добрый человѣкъ, который увезъ ихъ въ Фотографію. Какой-то старикъ изъ толпы бросился обнимать Бирюлева и цѣловать за удалыя его вылазки“ [361]).

21 февраля 1856 года, былъ обѣдъ у графа А. А. Закревскаго. „Гостепріимный градоначальникъ Москвы“, — повѣствуетъ очевидецъ, — „предложилъ угощеніе у себя въ домѣ, съ тѣмъ же радушіемъ, съ какимъ на праздникѣ университетскаго юбилея угощалъ онъ ученое сословіе. Къ обѣду приглашены были: контръ-адмиралъ Петръ Ивановичъ Кислинскій, капитанъ перваго ранга, предводительствующій вступившими экипажами, А. А. Зоринъ, и всѣ штабъ и оберъ-офицеры Черноморскаго флота и раненые генералы, штабъ и оберъ-офицеры другихъ войскъ, бывшихъ при защитѣ Севастополя. Князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, Михаилъ Ивановичъ Чеодаевъ, многіе сановники и должностныя лица Москвы присутствовали на пирѣ.

„За обѣдомъ хозяинъ провозгласилъ тосты: первый за здравіе государя императора и второй—за здравіе его императорскаго высочества генералъ-адмирала. Они сопровождались тѣмъ громогласнымъ *ура*, которое исторгается изъ груди Русскихъ воиновъ“.

Когда наступилъ третій тостъ, въ честь славныхъ гостей, графъ Арсеній Андреевичъ, глубоко тронутый, произнесъ имъ слѣдующее привѣтствіе: „Радушный пріемъ, который вы встрѣчаете на пути по, родной Землѣ, — есть сердечный отголосокъ того сочувствія, которое возбуждено во всѣхъ геройскою защитою Севастополя, несокрушимою твердостію, блистательнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ Севастополь-

скаго гарнизона. Это вмѣстѣ и голосъ глубокой народной признательности къ вашимъ доблестнымъ начальникамъ и всѣмъ боевымъ товарищамъ, которые погребли себя въ развалинахъ Севастополя, но вѣчно будутъ жить въ лѣтописяхъ Россійской славы. Провидѣніе сохранило васъ, дабы вы передали новому поколѣнію Русскаго флота, во всей чистотѣ, тѣ воинскія доблести, которыми отличаются Черноморцы отъ адмирала до матроса. Господа! За славу Русскаго оружія! За здоровье храбрыхъ защитниковъ Севастополя, и за ваше здоровье"!

Дружное *ура!* огласило залу, въ отвѣтъ на привѣтствіе графа Закревскаго. Контръ-адмиралъ П. И. Кислинскій выразилъ отъ лица всѣхъ моряковъ чувства искренней благодарности.

За тѣмъ, по предложенію графа Закревскаго, профессоръ Шевыревъ сказалъ: „Милостивые государи! Сердце досточтимаго и гостепріимнаго хозяина пира всегда отзывалось и отзывается теплымъ сочувствіемъ на всякое славное событіе Отечества. Графу Арсенію Андреевичу угодно было поручить мнѣ быть органомъ тѣхъ чувствъ, которыя теперь одушевляютъ нашу столицу. Да, отъ этихъ палатъ до послѣднихъ смиренныхъ домовъ Москвы, отъ старцевъ до младенцевъ, всюду въ нашемъ городѣ, теперь думаютъ и чувствуютъ одно: какъ выразить любовь и благодарность нашимъ гостямъ—богатырямъ Севастополя, за подвигъ, совершенный ими во славу и благо Отечества? Въ этомъ подвигѣ любви и самоотверженія человѣческаго повторилось вмалѣ чудо, сопровождавшее вѣчный подвигъ любви Божественной, который разъ совершился на землѣ. Когда сама любовь, принявъ за насъ смерть, сошла въ могилу,—земля потряслась, камни разсѣлись, гробы отверзлись, усопшіе встали, пришли въ святой городъ и явились многимъ. Не тряслась-ли земля подъ стѣнами Севастополя? Не темнѣло ли солнце? Не умирали ли за насъ тысячью смертей наши братья, подражая подвигу любви Божественной?—И вотъ, чудомъ спасающей силы

Божіей, изъ самыхъ устъ гроба Севастопольскаго возстали они, и пришли въ нашъ городъ, и сотворили намъ пасху красную, и мы приняли ихъ въ теплыя объятія любви и благодарности. Радостна эта встрѣча, весело это свиданіе, имъ—послѣ ужасовъ смерти, намъ—послѣ страха за нихъ. Но если вглядываться въ ихъ лица, если отгадывать думы ихъ сердца, то съ радостью возврата, они несутъ и чувство скорби по тѣхъ вождяхъ и братьяхъ, которые тамъ пали, и мнѣ кажется, что мы ничѣмъ такъ сильно не можемъ выразить имъ любви своей, какъ раздѣливши съ ними это тяжелое чувство. Въ день скорби всенародной, въ первый разъ, вступали они въ Москву: совершалась годовщина памяти по государѣ Николаѣ Павловичѣ. Отрадно было думать, что въ послѣднее время жизни своей онъ столько утѣшался ими и что послѣдніе дни его царствованія были озарены славою ихъ подвиговъ. Съ этою священною памятью о почившемъ въ Бозѣ императорѣ соединяется память его вѣрныхъ слугъ и славныхъ сподвижниковъ, положившихъ души своя за царя и Россію. Кто изъ насъ не вложилъ въ сердце свое и не передалъ дѣтямъ словъ, которыя всѣмъ Русскимъ, умирая, завѣщалъ Корниловъ: — *Если я самъ прикажу отступить — коли меня! — Скажите сыновьямъ моимъ, чтобы они вѣрно служили царю и Отечеству! — Господи! спаси царя и Россію!— Сохрани Севастополь и Черноморскій флотъ!—Я счастливъ, что умираю за Отечество! — Кланяйтесь всѣмъ и скажите, какъ сладко умирать, когда совѣсть чиста!* — И вотъ, съ послѣднимъ вздохомъ изъ груди геройской вылетѣлъ нашъ славный крикъ *ура!* столько знакомый воину Русскому. Но мнѣ ли объяснять, что̀ значитъ этотъ крикъ передъ сонмомъ такихъ воиновъ? А Нахимовъ—отецъ матросскій, какъ у насъ въ Университетѣ братъ его былъ отцомъ студенческимъ! Въ героѣ Синопа воплощались исполненіе долга, доброта и смиреніе моряка Русскаго. *Берегите Тотлебена — а я что-съ?*—слова незабвенныя. Защищая Севастополь, онъ находилъ время посылать ежедневно цвѣты раненому Тотлебену

и доставлять лакомства раненымъ своимъ офицерамъ. О! свято то мѣсто, гдѣ лежатъ, вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ, Лазаревымъ, Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ и всѣ до послѣдняго матроса и солдата, падшіе за Отчизну,—и часто къ этому мѣсту, вслѣдъ за молитвой и думой моряковъ нашихъ, будетъ обращаться молитва и дума всякаго Русскаго человѣка. Но, утѣшимся. Они не умерли. Духъ ихъ воскресъ и живетъ въ каждомъ сердцѣ, которое бьется здѣсь подъ морскимъ мундиромъ. Красота ихъ доблестей сіяетъ въ каждой язвѣ, въ каждой ранѣ, въ каждомъ увѣчьѣ и въ каждомъ орденѣ, которыми украшены эти гости Москвы, богатыри Черноморскіе.

„Война кончается. Бурныя туча ея сходитъ съ небосклона Россіи. Миръ или, правильнѣе, надежда на миръ, озаряетъ его. Христіанскій царь христіанскаго народа желаетъ вплести оливу мира въ тотъ вѣнецъ, которымъ украсится священная глава его. Мы ли съ благоговѣйною любовію не полетимъ на встрѣчу прекрасному желанію его любящаго сердца? Но, да не будетъ время мира для насъ временемъ дремы и усыпленія! Болѣе чѣмъ когда нибудь, каждый Русскій долженъ стоять на стражѣ дѣятельности самой неусыпной. Война будитъ силы народовъ. Она много пробудила и наши, породила намъ героевъ, обнаружила достоинства и недостатки Отечества. Постараемся воспользоваться ея уроками.

„Среди надеждъ на будущее Россіи, свѣтло сіяютъ надежды наши на дѣятельность Русскаго флота. Богатое духомъ сѣмя моряковъ его, которые здѣсь передъ нами стоятъ въ сіяніи совершеннаго ими подвига, да собираетъ около себя всѣ народныя морскія силы Россіи! Восемь морей, какъ восемь зерцалъ, по выраженію Державина, окружаютъ престолъ Русскаго Царства, опирающійся на горы Скандинавіи, Камчатки и Кавказа. Да отражаются же въ этихъ зерцалахъ разумъ, могущество, слава и любовь народа Русскаго. Да утѣшаются государь императоръ и августѣйшій братъ его, генералъ-адмиралъ, подвигами моряковъ своихъ.

„А мы впишемъ ихъ Севастопольскую службу навсегда въ сердца свои и будемъ брать съ нея примѣръ для исполненія своихъ обязанностей, на всѣхъ поприщахъ, въ великомъ дѣлѣ служенія нашей возлюбленной матери Россіи и нашему ангелу—отцу государю.

„За процвѣтаніе Русскаго флота и за здоровье Черноморскихъ богатырей его"!

Такимъ-то пиромъ въ домѣ градоначальника Москвы начался рядъ общественныхъ пировъ въ честь славныхъ гостей [362]).

Вечеромъ того же дня былъ маскарадъ въ Купеческомъ Собраніи.

LXXXII.

Въ среду, 22 февраля, гости на тридцати тройкахъ посѣтили М. П. Погодина, въ его домѣ, на Дѣвичьемъ-Полѣ, гдѣ встрѣтили ихъ масляничные блины, пѣсни, пляски и общество Московскихъ литераторовъ. Поднявъ бокалъ за здоровье своихъ дорогихъ гостей, хозяинъ сказалъ: „Вамъ угодно было удостоить благосклоннымъ посѣщеніемъ мою рабочую, смиренную келлію. Примите искреннюю мою благодарность! Дорого цѣню я честь, вами мнѣ оказанную; она останется лучшимъ наслѣдствомъ моимъ дѣтямъ. Если въ продолженіе послѣдняго времени мнѣ удавалось выражать нѣкоторыя Русскія чувства, повѣрьте, что я не выразилъ и сотой доли того, что чувствовала Москва, что чувствовала вся Россія, слѣдя воображеніемъ за вашими опасностями, трудами и подвигами. Позвольте мнѣ здѣсь, у себя въ домѣ, еще разъ предложить тостъ за ваше, драгоцѣнное для Отечества, здоровье! Многія лѣта вамъ, славные защитники Севастополя"!

За тѣмъ, хозяинъ предложилъ выпить за здоровье В. А. Кокорева, и сказалъ при этомъ: „Есть Русская пословица: хорошо тому, кто добро дѣлаетъ, но хорошо и тому, кто добро помнитъ! Позвольте, господа, предложить вамъ выпить

здоровье того Русскаго человѣка, который отъ искренняго сердца выражаетъ такъ прекрасно общую нашу вамъ благодарность и напоминаетъ старинное Русское гостепріимство. Въ качествѣ лѣтописателя, я долженъ занести въ лѣтопись этотъ мирный, гражданскій почетный подвигъ. За здоровье Василья Александровича Кокорева"! Третій бакалъ посвященъ В. Ѳ. Тимму. Погодинъ сказалъ: „Выпьемъ за здоровье того любезнаго художника, который бойкимъ, мастерскимъ своимъ карандашемъ увѣковѣчиваетъ и распространяетъ въ народѣ ваши драгоцѣнныя черты и изображаетъ ваши подвиги. Здоровье Василія Ѳедоровича Тимма"!

Раздались народныя Русскія пѣсни, подъ звуки гитары. „Лазаревъ, отличный нашъ пѣвецъ, превзошелъ самъ себя. Моряки слушали его пѣсни и не наслушивались. Особенно переходы его отъ звуковъ протяжныхъ и заунывныхъ къ быстрымъ и веселымъ приводили ихъ въ восторгъ. Садовскій насмѣшилъ купеческими разсказами о Вѣнскомъ конгрессѣ, объ исторіи Ста Дней и кончинѣ Наполеона. Щепкинъ выскочилъ вдругъ отчаяннымъ охотникомъ, и разсказалъ, со всѣмъ жаромъ молодости, похожденіе своего налета. Лазаревъ затянулъ *Лучинушку*; Садовскій передалъ повѣствованіе купца о февральской революціи 1848 года. — *Разсказъ капитана Копейкина*! закричалъ кто-то. Нѣтъ, господа, сказалъ хозяинъ, Копейкинъ не можетъ быть въ наше время. Это старый миѳъ! Зачѣмъ тревожить его кости!

„Студентъ Потѣхинъ прочелъ стихи, только-что имъ сочиненные, въ честь защитниковъ Севастополя. За нимъ студентъ Татлинъ явился съ своими. А блины стыли. Молодежь звала плясать. Времени не доставало...

„На другой день, по-утру, Погодинъ разослалъ своимъ посѣтителямъ, вмѣсто визитныхъ карточекъ, по портрету Нахимова, съ статьею въ память о немъ и брошюрою о прибытіи императора Александра II въ Москву, въ сентябрѣ 1855 г." [363]).

Графиня Е. П. Ростопчина обидилась, что Погодинъ н

пригласилъ ее на свой пиръ въ честь Севастопольцевъ, и написала ему слѣдующее укорительное письмо:

„Вы пеняли мнѣ, что я васъ забыла, но я то гораздо болѣе въ правѣ упрекать васъ въ томъ-же самомъ грѣхѣ. Изъ газетъ узнала, что у васъ былъ *Русскій пиръ* для нашихъ душекъ Черноморцевъ, а меня вы и не позвали?... Какъ-же вамъ не стыдно?... За что̀ такое исключенье?... Хочу побраниться съ вами лично, и собственно—язычно, а потому прошу васъ къ себѣ, въ середу вечеромъ, съ *пріѣзжею, обоимъ намъ дорогою, Меропой Александровною Новосильцовою* *). Кромѣ нея, будутъ только Русскіе люди, вамъ знакомые; не откажите, ваше превосходительство, а не то я подумаю, что вы... на лаврахъ вашего краснорѣчія“ [364]).

Съ Дѣвичьяго-Поля поѣздъ отправился на поле Воронцово, къ И. Ѳ. Мамонтову, оттуда въ Сокольники,—къ О. Н. Гееру. И. Ѳ. Мамонтовъ предложилъ „дополнительную перекуску: какой-то звѣрь морской протянулся чуть ли не на весь столъ; а около него расположилась всякая челядь помельче: стерлядки, рябчики, куропатки и прочее. Шампанское запѣнилось. Лазаревъ запѣлъ, Садовскій разсказывалъ.

„Въ Красномъ Селѣ, О. Н. Гееръ устроилъ вечерній чай съ новыми тостами за здоровье Черноморцевъ.

„Вечеромъ былъ благородный спектакль и блестящій балъ у Домны Павловны Веселовской.

Въ четвергъ, 23 февраля, утромъ, моряки покланялись святынямъ Московскимъ [365]). Еще 21 февраля Шевыревъ писалъ Погодину: „Въ черверãъ моряки будутъ въ соборахъ, во Дворцѣ и въ Оружейной. Я предупредилъ митрополита и Вельтмана. Въ 10-ть утра собираются у Шевалье, а обѣдаютъ въ Купеческомъ Собраніи, у Кокорева“ [366]).

Великолѣпный обѣдъ въ честь Севастопольцевъ давалъ въ этотъ день В. А Кокоревъ [367]).

Въ этомъ обѣдѣ приняли участіе и Славянофилы. „У насъ

*) Вторая супруга Петра Петровича Новосильцова. *Н. Б.*

теперь",—писалъ С. Т. Аксаковъ своему сыну Ивану,—производится встрѣча и угощенія Черноморскихъ матросовъ и офицеровъ. Зрѣлище въ высшей степени замѣчательное и поучительное. Бывшій откупщикъ Кокоревъ, обладатель тридцати милліоновъ, затѣялъ представленіе народныхъ сценъ, съ энтузіазмомъ. Онъ положилъ истратить на это двѣсти тысячъ; онъ привезъ изъ Петербурга восемьдесятъ человѣкъ адмираловъ, капитановъ всѣхъ ранговъ и всякихъ флотскихъ офицеровъ, для встрѣчи своихъ товарищей. Онъ встрѣтилъ морскіе экипажи за заставой, предводительствуя купцами и толпами народа, одѣтый въ Русскую шубу и гарлатную шапку. Онъ поднесъ матросамъ хлѣбъ и соль на огромнѣйшемъ серебряномъ блюдѣ, повалился въ ноги, чему послѣдовали и другіе, благодарилъ за славные подвиги. За тѣмъ слѣдовало угощеніе и богатыя одѣленія деньгами; матросовъ разобрали по домамъ жители; офицеровъ *Кокоревъ, съ неотлучною тѣнью своей*, *Погодинымъ,* посадилъ на приготовленныя тридцать троечныхъ саней и повезъ въ нанятые для нихъ лучшіе нумера гостинницъ. Съ тѣхъ поръ продолжаются и будутъ продолжаться до понедѣльника—обѣды, балы и спектакли... У Погодина захватило духъ: онъ говорилъ тосты и называетъ Кокорева Потемкинымъ. Дамы, подъ предводительствомъ двухъ графинь, дали нѣсколько благородныхъ спектаклей; нѣкоторыя піесы чисто площадныя, и украшенныя танцами, полькой канканъ... Шевыревъ, разумѣется, написалъ два стихотворенія... Когда безнравственность проникаетъ всѣ слои общества, понятія смѣшиваются и потускнѣетъ умъ, то всякое движеніе, повидимому, доброе и похвальное, превращается въ отвратительную комедію, и чѣмъ выше содержаніе, тѣмъ отвратительнѣе комедія... Я не вытерпѣлъ и сказалъ однако Погодину, что Кокоревъ сдѣлалъ одну ошибку: не сшилъ всѣмъ адмираламъ и офицерамъ по новому мундиру... Сегодня Кокоревъ даетъ обѣдъ Черноморцамъ въ Купеческомъ Клубѣ, куда приглашенъ Константинъ и Хомяковъ и Михаилъ Оболенскій".

Одна строчка приведеннаго письма С. Т. Аксакова объя-

зываетъ насъ сдѣлать отступленіе. Эта строчка слѣдующая: *Кокоревъ, съ неотлучною тѣнью своей Погодинымъ*.... Но эта *тѣнь*, замѣтимъ мы, была *благодѣтельная*. „Вы спрашиваете меня, любезнѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ",—писалъ Погодинъ къ С. Т. Аксакову,—„о количествѣ пособія, назначаемаго Василіемъ Александровичемъ Кокоревымъ, для путешествія Трутовскому. Я уже говорилъ вамъ, что онъ назначилъ Мамонову тысячу рублей серебромъ, изъ которыхъ половину я передалъ сему послѣднему. Точно то же назначаетъ онъ и Трутовскому. Но я считаю своею обязанностію, сказать вамъ нѣсколько словъ, услышавъ отъ васъ, что Трутовскій ѣдетъ съ женою и дитятею. Василій Александровичъ хочетъ помочь художнику, для развитія его таланта, въ видахъ общей пользы. А если художникъ съ собой беретъ жену и дитя, то половина его времени, всецѣло принадлежащаго Искусству, отойдетъ къ семейству, и цѣль пособія не достигнется. А занеможетъ жена, дитя, тогда прощай совсѣмъ изученіе рисунка. Василій Александровичъ добръ безконечно, какъ я теперь всякой день удостовѣряюсь, и онъ, разумѣется, нисколько не остановится въ своемъ пособіи при моемъ извѣстіи, напротивъ, придумаетъ еще новыя причины успѣха отъ сопровожденія жены, но я, какъ посредникъ, дорожа его довѣренностію, долженъ смотрѣть строже. По моему, вотъ какъ должно повести дѣло: пусть Трутовскій до весны или до лѣта напишетъ двѣ-три картины, подобныя написанной, и я ручаюсь за выгодный сбытъ Василію Александровичу, или Бенардаки, или Прянишникову, или Мамонтову. Тогда онъ поѣдетъ на свои деньги, а не на чужіе, и имѣетъ полное право употреблять свое время какъ придется; или пусть онъ считаетъ полученное пособіе ссудою, за которую обязывается представить соотвѣтственный трудъ. Тогда и вы и моя совѣсть будутъ спокойны, а Василій Александровичъ будетъ радъ во всякомъ случаѣ помочь и доставить удовольствіе художнику то или отцу, или мужу. Трутовскому же прибавьте еще, что написать одну картину въ годъ, это просто стыдно! Что̀ онъ

дѣлалъ годъ? Большею частію шатался, гоняясь за многими зайцами. Рубенсы, Вандики писали въ такое время десятками. Противѣетъ мнѣ молодое поколѣніе со всѣми его достоинствами. Дрянь да и только! Все послѣднее, разумѣется, строго между нами. Снесетъ одинъ яйченко да и кудахчетъ полгода! Работать такъ работать, дѣйствовать такъ дѣйствовать".

Когда же одному старинному пріятелю С. Т. Аксакова пришлось тяжко, то за помощью ему, Аксаковъ обратился къ той же *тѣни* Кокорева и писалъ ему: „Великопольскій находится въ самомъ жалкомъ и даже отчаянномъ положеніи. Если у васъ есть *Кокоревскія* деньги на предметы благотворенія, то, право, не грѣхъ выручить бѣднаго Великопольскаго, который въ старые годы не задумался дать тысячу рублей Гоголю, узнавъ, что онъ въ нуждѣ. Самъ я не могу ему помочь" [368]).

Замѣтивъ это, мы, по выраженію нашихъ древнихъ лѣтописцевъ, *на преднее возвратимся.*

Залы Купеческаго Собранія были убраны великолѣпно. Лѣстница усыпана цвѣтами. Число приглашенныхъ особъ простиралось до 300. Московскіе сановники, дворяне и купцы, ученые и художники, нѣсколько студентовъ, составляли избранное общество. При первомъ тостѣ за здравіе государя императора, моряки и всѣ присутствующіе пропѣли гимнъ: *Боже, царя храни*! Второй тостъ провозглашенъ за великаго князя генералъ-адмирала. Далѣе,—всѣхъ адмираловъ Черноморскаго флота, экипажныхъ командировъ и командировъ судовъ, Черноморскихъ офицеровъ. Всѣ слова и рѣчи, стихи и привѣтствія, произнесенныя на этомъ веселомъ, живомъ, восторженномъ обѣдѣ, пришлися всѣмъ по сердцу. Казалось, никто именно не говорилъ, а думалось, чувствовалось всѣми одно и тоже, и потомъ произносилось кѣмъ-то случайно, за всѣхъ.

Предъ возглашеніемъ здоровья защитниковъ Севастополя, М. П. Погодинъ сказалъ: „Чтó сказать мнѣ нынче новаго въ честь славныхъ защитниковъ Севастополя? Я говорилъ въ пятницу, въ субботу, въ воскресенье; я говорилъ вчера,

въ среду; но нынѣ четвергъ? Что же сказать мнѣ въ четвергъ? Въ четвергъ, какъ и въ пятницу, субботу, въ воскресенье, во всю недѣлю, всегда и вездѣ, я и всѣ мы будемъ говорить одно и тоже, повторять одно и тоже, твердить одно и тоже; одно и тоже глубокое уваженіе къ вашимъ подвигамъ, одну и туже горячую благодарность за ваши труды. А развѣ одиннадцать слишкомъ мѣсяцевъ, круглый почти годъ, вы дѣлали не одно и тоже? Развѣ не всякій день, не всякую ночь, вы несли одинаково на жертву вашу жизнь? Развѣ не всякій часъ подставляли вы подъ удары вашу грудь? Развѣ не всякую минуту проливалась, щедро проливалась ваша кровь? Одно ли это и тоже? Разбитыя головы, оторванныя ноги, прострѣленныя руки, испорченное зрѣніе, поврежденный слухъ, выхваченный бокъ, — раны, раны и раны, однѣ и тѣже! Не думаете ли, мм. гг., что я прибѣгаю къ риторическимъ фигурамъ? Смотрите, вонъ сидитъ лейтенантъ Поль, у него часть бока накладная. А вотъ разбитая голова у контръ-адмирала Кислинскаго. А вотъ капитанъ Попандопуло: у него въ обѣихъ ушахъ по инструменту, безъ которыхъ онъ слышать не можетъ. Меньшой его братъ, мичманъ, вонъ онъ сидитъ на краю, былъ засыпанъ землею. Вчера я слышалъ этотъ разсказъ: они сѣли обѣдать трое въ блиндажѣ. Вдругъ, бомба. Одного, Повало-Швыйковскаго, повалила на поваль, у другого офицера оторвало руку и ногу, а его засыпало землею по самую грудь. Матросы пришли провѣдать о своихъ офицерахъ, и успѣли откопать живаго покойника изъ ранней могилы. Однимъ словомъ, изо ста офицеровъ, которыхъ вы здѣсь видите, не наберется и пяти, которые были бы не ранены. Какіе же это нераненые? А вотъ какіе. Смотрите, вотъ тамъ сидитъ молодой офицеръ съ Георгіевскимъ крестомъ, съ Владимірскимъ крестомъ, съ Аннинскимъ крестомъ. Фамилія его уже прославилась: это Бѣлкинъ. Онъ всѣ 11-ть мѣсяцевъ стоялъ впереди, на шестомъ бастіонѣ, командуя батареей. У него перемѣнились три прислуги, тысячи двѣ человѣкъ было перебито около него, а

его ни разу не задѣло; и онъ остался безъ царапины. Вы знаете изъ Священной Исторіи сказаніе о трехъ отрокахъ, которые ввержены были въ пещь огненную, при царѣ Навуходоносорѣ, и вышли оттуда цѣлые и невредимые, хваля и славя Бога. Севастопольскій огонь пожарче Вавилонскаго, который вѣдь разводился безъ всякихъ газовъ, вновь открытыхъ. Такъ и эти нераненые отмѣчены были видно на верху; на звѣздахъ видно было написано, чтобъ ихъ не касалась никакая язва. Они къ смерти, а смерть отъ нихъ, они въ догонку, а та шибче; ну, вотъ и остались они чудомъ, какъ бы для образчика Божіей охраны. Такихъ уцѣлѣло во всемъ флотѣ не больше десяти человѣкъ! Мм. гг. Я такъ взволнованъ и такъ кружится у меня голова, что я боюсь замѣшаться. Позвольте прочесть вамъ привѣтъ, написанный мною для нынѣшняго дня. Мнѣ это очень жаль, потому, что прочтенная рѣчь совсѣмъ не то, что живое слово, но такова наша несчастная привычка: мы все боимся, чтобъ не сказать чего-нибудь неприличнаго, чтобъ не вставить чего нибудь лишняго, чтобъ не позабыть чего-нибудь нужнаго. Если почаще будутъ у насъ встрѣчаться подобные случаи, такъ и мы выучимся говорить безъ приготовленія, не стыдиться никакихъ недостатковъ, не бояться никакихъ кривыхъ толкованій, отъ сердца прямо къ сердцу, и отъ души прямо въ душу. Нѣтъ, не могу я и читать мою рѣчь! Въ эту минуту противны всякія писаныя строки, даже собственныя, все, что напоминаетъ наше бумагобѣсіе и чернилонеистовство. Душа заговорила. Мы видимъ глазами то, что̀ ни перомъ не написать, ни въ сказкѣ сказать. Я лучше перескажу вамъ, на сколько поворотится уставшій языкъ, что я слышалъ нынче же, вчера и третьяго дня. Былъ у меня вчера отецъ Веніаминъ *), служившій во время осады въ Севастополѣ. Онъ исповѣдалъ и пріобщилъ Святыхъ Таинъ на перевязочныхъ пунктахъ и въ походныхъ госпиталяхъ 11,800 человѣкъ. Я попросилъ его сказать мнѣ,

---

*) Скончался въ санѣ архимандрита новаго Іерусалима. *Н. Б.*

чистой совѣсти, какъ вообще умирали люди, въ какихъ вствахъ? А вотъ въ какихъ чувствахъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, о я не могу припомнить вамъ ни одного примѣра ропота, же сожалѣнія, неудовольствія. Рѣшительно всѣ кончали изнь съ теплой вѣрою, раскаяваясь въ грѣхахъ своихъ, едаваясь въ волю Божію. Иной умиравшій былъ такъ хошъ, что не отошелъ бы отъ него, да другіе зовутъ (Заѣтьте, мм. гг., послѣднее выраженіе,—трогательное, высое). Если хочешь, бывало, ободрить иного, протянуть ему изнь, такъ скажи только: а наши пошли тамъ-то впередъ, и: а наши прогнали, взяли верхъ,—онъ тотчасъ привстатъ, перекрестится, и видишь, какъ радость блеснетъ у го въ потухающихъ глазахъ. Къ такимъ свидѣтельвамъ, мм. гг., что́ намъ прибавлять теперь, что̀ сочинять?

„Разскажу вамъ еще быль самую новую. Этотъ же отецъ еніаминъ, въ концѣ нашей бесѣды, сказалъ мнѣ: А что, ли бы офицерамъ доставить случай съѣздить помолиться угоднику нашему Сергію Чудотворцу? Я знаю, что мное желаютъ. Ну, масляницу они погуляли, повеселились, а стъ хорошо бы начать молитвою. Я передалъ тотчасъ ова отца Веніамина одному Русскому человѣку, вотъ онъ оитъ посрединѣ, большая голова: такъ и такъ. Не успѣлъ договорить послѣднихъ словъ, какъ онъ оборотился и омкимъ голосомъ воскликнулъ: Не угодно ли вамъ, госда, ѣхать къ Троицѣ, отслужить благодарственный молеінъ, панихиду? Рады, рады, я, я, я! — Тридцать троекъ риготовить въ Братовищинѣ, тридцать взять отъ Креста. демъ въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ! Хорошо ? Позвольте предложить вамъ вотъ какой тостъ, мм. гг.: все доброе, прекрасное, высокое, что̀ таится въ нахъ душахъ, какъ бы глубоко и далеко оно у кого изъ съ ни опустилось и ни спряталось. За все хорошее, что берегъ въ насъ Русскій Богъ, по неизреченной своей къ мъ милости, молитвами Московскихъ и всея Россіи чудорцевъ, сколько мы, грѣшные люди, ни старались себя

портить и иностранить. Мы всѣ одна семья. Вотъ нашъ отецъ добрый, любезный, милостивый, украшенный цвѣтами. Да здравствуетъ святая Русь! Да живетъ въ ней и процвѣтаетъ всякое добро! Да здравствуютъ достойные сыны ея, наши други, наши братья, славные защитники Севастополя"!

Въ слѣдъ за нимъ, С. П. Шевыревъ прочелъ пѣсню — *Сказаніе объ озерѣ Плещеевѣ.*

За симъ, К. С. Аксаковъ сказалъ: „Обращаюсь къ вамъ, Черноморцы! Не въ первый разъ слышите вы тостъ, провозглашенный въ честь вашу. Этотъ тостъ, этотъ привѣтъ, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, дорогъ для васъ, какъ выраженіе глубокаго сочувствія и уваженія соотечественниковъ вашихъ къ славнымъ вашимъ подвигамъ. Но, для человѣка то, что онъ любитъ, дороже его самого. Вы любите Черное море, вы любите славу Русскаго Черноморскаго флота, вы любите Севастополь, за который бились вы съ врагами, гдѣ легли Нахимовъ, Корниловъ, Истоминъ и много другихъ,—Севастополь, который вашею кровью укрѣпили вы на вѣки за Россіею. Можете-ли вы, можетъ-ли вся Россія забыть Черное море, Черное море, которое покрывали ладьи первыхъ нашихъ князей, Черное море, которое не даромъ въ старину называлось Русскимъ моремъ. И такъ, я предлагаю тостъ за Черное море, за его священные берега, за будущее могущество Русскаго флота"!

Послѣ К. С. Аксакова, говорилъ С. М. Соловьевъ, обратившійся къ отечественной Исторіи и назвавшій Севастопольскую службу великимъ праздникомъ. „Вы славно отпраздновали",—сказалъ онъ,—„великій праздникъ, на которомъ были почетными гостями. И весело мнѣ, человѣку, погруженному въ изученіе родной Отчизны, весело мнѣ привѣтствовать васъ словами, столь дорогими для предковъ нашихъ, столь дорогими и для насъ, весело мнѣ привѣтствовать васъ добрыми страдальцами за Русскую Землю, славно постоявшими на стражѣ родной Земли".

Рѣчью В. А. Кокорева кончился обѣдъ. Онъ сказалъ:

„Присутствіе ваше, доблестные Черноморскіе моряки, одушевляетъ меня желаніемъ высказать вамъ простыя чувства Русскаго человѣка. Ваши достославныя имена принадлежатъ уже Русской Исторіи; она присоединитъ ихъ къ тѣмъ именамъ, въ жизни коихъ были минуты, оживотворявшія собою цѣлыя столѣтія. Всѣ подвиги князя Пожарскаго, Минина и Сусанина, проистекли отъ минутъ, породившихъ первую мысль. Русскіе люди понимаютъ, что мысли, возводящія Отечество къ пользѣ и славѣ, происходятъ не отъ холодныхъ справочныхъ соображеній, а отъ необъяснимаго прилива къ сердцу какой-то особой крови, крови Русской. Въ эти минуты чудодѣйственная благодать касается сердца, отъ него зарождается и обращается въ слово, слово въ дѣло, а дѣло въ неизживаемую жизнь. Таковы были минуты Мининская и Сусанинская, которыми мы живемъ и доднесь. Въ наше время подобная торжественная историческая минута была въ Севастополѣ, когда вы, храбрые моряки, окруженные съ моря и суши непріятелемъ, вдесятеро противу васъ сильнѣйшимъ, рѣшились защищаться и умереть. Сегодня рѣшили, а завтра всѣ пловцы обратились въ витязей, изумлявшихъ своею храбростью и искусствомъ старыя боевыя войска цѣлаго свѣта. Въ началѣ дѣла, днемъ, вы стояли на стражѣ въ ожиданіи приступовъ, а ночью сооружали дополнительныя бойницы, обставляя ихъ орудіями съ кораблей. Потомъ, подъ градомъ непріятельскихъ бомбъ и ядеръ, водзвигали новыя укрѣпленія, изобрѣтаемыя геніемъ Тотлебена, и исправляли поврежденныя, облитыя кровію вашихъ собратій. Удаль морская перенесена вами съ палубы на батарею, и смѣлое крейсерство и вырѣзки судовъ замѣнились отчаянными вылазками, тревожившими и ослаблявшими непріятеля каждую ночь. Всѣ эти чудеса сотворились отъ воспламененія вашихъ сердецъ огнемъ отчизнолюбія. Сила воспламененія была такъ велика, что въ каждомъ изъ васъ воскресалъ духъ истыхъ Русскихъ людей, Минина и Сусанина. Воскресеніемъ этого духа задержаны первые натиски непріятеля и спасена Русская честь.

Нечего говорить о томъ, какое бы измѣненіе произошло въ войнѣ, если бы не былъ остановленъ успѣхъ нападающихъ до прибытія въ Севастополь храбрыхъ подкрѣпленій съ ихъ славными представителями, Хрулевымъ и княземъ Васильчиковымъ. Вѣрные обѣту умереть, вы цѣлый годъ хладнокровно смотрѣли въ очи смерти, и не содрогнулся душею никто, ни офицеръ, ни матросъ. Смерть громоздила около васъ груды труповъ, ваше тѣло раздроблялось на части, а духъ храбрости постоянно возрасталъ; умиравшіе завѣщавали силу воли живымъ, и она переходила у васъ изъ одного въ другого, по закону тѣснаго единодушія, издавна соединявшаго Черноморскій флотъ союзомъ братской любви. Такъ понимаетъ васъ и ваше великое дѣло все Русское купечество, вся Русь. Единство понятій привело тысячи Москвичей къ Серпуховской заставѣ на встрѣчу славныхъ Черноморскихъ моряковъ. Мы стремились безъ предварительныхъ извѣщеній; сердце сердцу вѣсть подавало и стукомъ своимъ говорило: они идутъ, они идутъ! Теперь, избранники Божіи, уцѣлѣвшіе отъ тысячи смертей, водворяются въ домахъ нашихъ, и съ ними невидимо сообитаетъ великій Севастопольскій духъ. Станемъ молиться теплѣе, чтобы духъ сей осѣнилъ нашихъ дѣтей, и усвоился хотя нѣкоторыми изъ нихъ. Не чувствуете-ли, мм. гг., какъ всѣ мы наполняемся какою-то особенною любовію къ царю и Отчизнѣ отъ присутствія трапезующихъ съ нами дорогихъ гостей, язвы коихъ обратились намъ въ исцѣленіе? Такъ чѣмъ же за все это можно возблагодарить васъ? И какъ опредѣлить ваше великое значеніе, когда мы видимъ въ васъ не только исполнителей славныхъ подвиговъ, но и вмѣстилище духа Корнилова, Нахимова, Истомина, Юрковскаго и всѣхъ неустрашимыхъ моряковъ, положившихъ животъ свой при оборонѣ Севастополя. Самъ государь, среди своихъ царственныхъ трудовъ и особыхъ заботъ нынѣшняго времени, поѣхалъ въ Крымъ, и тамъ, въ соприкосновеніи къ вашимъ славнымъ ранамъ и язвамъ, вымолвилъ вамъ, съ слезами благодарности въ очахъ,

свое царское и Русское спасибо. Все царственное семейство, на мѣстѣ брани и дома, со всею силою сердечнаго участія, неутомимо заботилось о васъ мыслію и дѣломъ. Теперь мы находимся въ чаяніи мира, и созерцаемъ въ будущемъ общее благоденствіе, истекающее изъ правильнаго развитія производительныхъ силъ Россіи. Если Европа достигнетъ мира, то конечно отъ того, что обѣ стороны убѣдятся въ безполезности войны между равно храбрыми противниками, и въ основаніи этого убѣжденія будетъ лежать, всетаки, та минута, въ которую вы рѣшились умереть въ Севастополѣ. Многіе изъ вашихъ собратій принесли свою жизнь въ жертву отечественной чести и славы, а васъ, немногихъ, Богъ сохранилъ на радость и пользу Россіи. Да поддерживаетъ вашъ видъ біеніе Русскаго сердца, необходимое для одушевленія человѣчества въ его постоянной борьбѣ со всякою неправдою. Дай Богъ, намъ способность воспріять хотя часть вашего самопожертвованія и забвенія о самихъ себѣ, и тогда, по приложеніи сихъ добродѣтелей къ дѣламъ общей пользы, мы нашли бы скорую возможность возвеселить нашего возлюбленнаго монарха плодами внутренняго преуспѣянія. Возвышаемые симъ духомъ произносимъ къ вамъ, достославные моряки-витязи, задушевныя слова: Примите отъ насъ, Русскихъ людей, Русское спасибо; мы не позабудемъ вашей службы святой Руси, покуда живы, и память объ васъ завѣщаемъ нашимъ дѣтямъ, на сохраненіе въ роды родовъ! Мм. гг! За здравіе всѣхъ доблестныхъ моряковъ Черноморскаго флота“!

Скрипачъ Григорьевъ, приглашенный В. А. Кокоревымъ, доставилъ нѣкоторое развлеченіе и успокоеніе посѣтителямъ очаровательными звуками своей скрипки.

„По окончаніи обѣда, всѣ гости отправились въ сосѣднюю залу, гдѣ находился портретъ государя императора во весь ростъ. Портретъ украшенъ былъ цвѣтами. Съ бокалами въ рукахъ, громкимъ хоромъ, была пропѣта завѣтная пѣснь: *Боже, царя храни*! Послѣ пѣсни М. П. Погодинъ долженъ

былъ повторить свое благое желаніе, выраженное имъ на обѣдѣ, въ день восшествія на престолъ его императорскаго величества. Каждое слово подхватывалось присутствовавшими и громко повторялось всѣмъ собраніемъ по нѣскольку разъ, въ одинъ голосъ:

„Дай Богъ, ему царствовать долго. . . . . долго! долго! долго!

Милостиво. . . . . милостиво! милостиво! милостиво!

Любовно. . . . . любовно! любовно! любовно!

Сила не въ силѣ. . . . . не въ силѣ! не въ силѣ! не въ силѣ!

Сила въ любви. . . . . въ любви! въ любви! въ любви!

Да здравствуетъ возлюбленный государь нашъ Александръ Николаевичъ!..... да здравствуетъ! да здравствуетъ! да здравствуетъ!

Бокалы всѣ были разомъ выпиты, ударены по какому-то общему, единодушному, непонятному движенію о землю и разбиты въ дребезги.

М. П. Погодинъ примолвилъ: Да расточатся такъ всѣ враги его. . . . .

Загремѣла снова пѣснь: *Боже, царя храни*, за которою полились веселые Русскіе звуки.

— Дорого бы далъ государь и великій князь, еслибъ они могли, невидимками, попировать теперь съ нами, сказалъ кто-то.

— Да зачѣмъ же невидимками? отвѣчалъ другой.

Славныя Русскія минуты!—восклицаетъ Погодинъ,—такими минутами бываетъ силенъ царь, бываетъ силенъ народъ. Дай Богъ, намъ никогда не имѣть въ нихъ недостатка! Дай Богъ, намъ имѣть всегда для нихъ свободное побужденіе".

Вечеромъ великолѣпный костюмированный балъ у графа и графини Закревскихъ. Двѣ кадрили, Венгерская и Малороссійская, отличались своими богатыми и изящными костюмами.

LXXXIII.

Пятницу, 24 февраля, можно назвать днемъ отдохновенія и успокоенія. Это не значитъ, чтобы не было въ этотъ день роскошнаго и великолѣпнаго обѣда; трапеза была, и на этой трапезѣ Московскаго Дворянства, — замѣчаетъ Погодинъ, — „все было чинно, тихо, скромно и умѣренно, какъ и подобаетъ заламъ Благороднаго Собранія“ [369]).

21 февраля 1856 года, Шевыревъ писалъ Погодину, что „отъ Благороднаго Собранія распоряженій еще нѣтъ. Тамъ трудно согласить желанія. Есть многіе, говорящіе противъ пировъ морякамъ. Ты знаешь Московскую разнобоярщину“ [370]). Но, тѣмъ не менѣе, обѣдъ 24 февраля въ Благородномъ Собраніи состоялся, и Шевыревъ былъ ораторомъ на этомъ обѣдѣ. При возглашеніи здоровья Черноморскихъ гостей онъ сказалъ: „Московскому губернскому предводителю угодно было возложить на меня теперь же порученіе, быть органомъ, отъ лица Московскаго Дворянства, въ выраженіи чувствъ его любви и благодарности къ славнымъ защитникамъ Севастополя. Я не готовился къ слову; но душа моя такъ полна событіемъ, такъ проникнута этими чувствами, что готова всегда до безконечности изливаться въ ихъ выраженіи, и могу ли я устранить отъ себя высокую честь быть выразителемъ ихъ отъ лица Московскаго Дворянства? Московскаго Дворянства! При мысли о немъ невольно приходитъ на умъ историческая причина, на основаніи которой Москва называется сердцемъ Россіи. Въ ней, какъ жилы, срослись въ одно государство всѣ древніе удѣлы и города Русскіе. Такъ и Московское Дворянство, въ новое время, какъ и въ древнее, по силѣ притяженія жизни къ сердцу Россіи, соединяетъ въ себѣ дворянъ всѣхъ губерній Русскихъ. А потому я имѣю право сказать, что въ лицѣ Московскаго Дворянства, приноситъ любовь и благодарность

свою защитникамъ Севастополя Дворянство всей Россіи—и я увѣренъ, что еслибъ это было возможно, оно откликнулось бы намъ въ эту минуту со всѣхъ концовъ Земли Русской и слилось бы съ нами теперь въ одно полное, единодушное чувство, въ одно слово, въ одинъ голосъ... Здоровье Черноморцевъ и Русской арміи"!

Капитанъ-лейтенантъ Кузминъ-Короваевъ, въ отвѣтѣ своемъ, сказалъ: „Мм. гг., не удивляйтесь молчанію нашему на неслыханный еще доселѣ привѣтъ, которымъ вы насъ удостоиваете. Что̀ можемъ сказать мы вамъ? Что̀ можемъ вамъ отвѣтить? Что̀ можетъ сказать сынъ, возвратившійся въ объятія нѣжно любимой имъ матери? Что̀ можетъ отвѣтить онъ ей, когда она съ материнскою нѣжностію увеличиваетъ его достоинства, труды и опасности, имъ претерпѣнные, и тѣмъ придаетъ еще болѣе цѣны его возвращенію"...

Въ заключеніе обѣда С. П. Шевыревъ провозгласилъ здоровье Морскому Корпусу, къ которому многіе изъ присутствующихъ, съ особенными чувствами, про себя, присоединили здоровье Черноморской гардемаринской роты въ Николаевѣ.

Поутру офицеры осматривали библіотеку и музеи Университета, и потомъ завтракали у стараго своего сослуживца, сочинителя Исторіи Морскаго Кадетскаго Корпуса, инспектора студентовъ, Ѳ. Ѳ. Веселаго.

Вечеромъ — благородный спектакль въ пользу Черноморскихъ экипажей.

Въ субботу, 25 февраля, былъ утренній балъ въ залахъ Благороднаго Собранія, который всегда отличался въ Москвѣ особою живостью и весельемъ; нынѣ, украшенный присутствіемъ дорогихъ гостей, онъ получилъ новую занимательность и прелесть.

Въ тотъ же день, состоялся обѣдъ Черноморцамъ въ домѣ генералъ-губернатора, устроенный Московскими дамами. Вотъ имена ихъ: графиня Агриппина Ѳедоровна Закревская, Наталья Кирилловна Альбединская, Екатерина Александровна

Базилевская, Ольга Николаевна Базилевская, Агриппина Павловна Буланина, Александра Александровна Вадковская, Марья Григорьевна Вырубова, Елисавета Андреевна Дашкова, Ольга Петровна Иваненко, Софья Николаевна Казакова, Екатерина Николаевна Кошелева, Екатерина Васильевна Кроткова, Елисавета Николаевна Кроткова, княгиня Олимпіада Михайловна Лобанова-Ростовская, Софья Осиповна Мартынова, Александра Александровна Мельгунова, Екатерина Сергѣевна Мясоѣдова, Софья Петровна Нарышкина, графиня Лидія Арсеньевна Нессельродъ, княгиня Марья Адамовна Оболенская, Александра Ивановна Пашкова, Надежда Сергѣевна Пашкова, Наталья Андреевна Петрово-Соловово, Софья Ивановна Рахманова, графиня Евдокія Петровна Ростопчина, княгиня Наталья Юрьевна Салтыкова-Головкина, Надежда Евдокимовна Стрекалова, Варвара Николаевна Тимашева-Берингъ, княгиня Надежда Борисовна Трубецкая, княгиня Надежда Ѳедоровна Четвертинская, княгиня Елена Петровна Черкасская, Варвара Степановна Шелашникова, княгиня Наталья Борисовна Шаховская, Анна Евграфовна Шипова, княгиня Зинаида Павловна Щербатова, княгиня Прасковья Борисовна Щербатова [371]).

Шевыревъ заблаговременно писалъ Погодину: „Графъ Закревскій поручилъ мнѣ просить тебя отъ лица дамъ, дающихъ обѣдъ морякамъ, и во главѣ ихъ отъ лица графини, сказать слово на этомъ обѣдѣ“ [372]).

Великолѣпная зала освѣщена была ярко. Столы украшены въ обиліи лаврами, миртами, камеліями, гіацинтами. Музыка гремѣла. Въ 5 часовъ, дамы взяли своихъ гостей подъ руки и повели торжественно за столъ.

Предсѣдательствовала графиня А. Ѳ. Закревская. Когда она подняла бокалъ за здоровье государя императора, громкое ура! огласило залу, и умолкло только передъ гимномъ: *Боже, царя храни!*

М. П. Погодинъ воспользовался правомъ, даннымъ ему дамами, чтобы закрѣпить и утвердить ихъ свидѣтельствомъ

истину своего положенія о силѣ любви, выраженнаго прежде. Онъ сказалъ: „Назначенный дамами быть ихъ глашатаемъ на нынѣшнемъ праздникѣ, я присоединяю къ этой драгоцѣнной для насъ пѣсни Жуковскаго, которая удостоилась уже давно чести сдѣлаться народною, и которой сейчасъ мы отъ отъ всей души вторили, я присоединяю для нынѣшняго государя слѣдующее желаніе: Дай Богъ ему царствовать долго, милостиво, любовно. Свидѣтельствуюсь дамами: сила не въ силѣ, сила въ любви. Да здравствуетъ возлюбленный нашъ государь императоръ Александръ Николаевичъ“!

За тѣмъ, провозглашены были тосты: первый—за здравіе государынь императрицъ, второй—за здравіе великаго князя генералъ-адмирала.

Наступилъ тостъ за здоровье героевъ Севастополя. Едва удерживая слезы, начала говорить графиня Закревская, но заключила свое слово твердымъ голосомъ: „Гг! Прежде всего прошу васъ выпить этотъ круговой кубокъ, въ достославную память героевъ, падшихъ за святую Русь! Теперь скажу отъ души, что пока вы сражались, мы здѣсь, сочувствуя вашимъ богатырскимъ подвигамъ, гордясь вашей безсмертной славой, — мы, женщины, молились о васъ. Теперь, въ часъ отдыха вашего, мы сердечно радуемся, что намъ удалось первымъ встрѣтить храбрыхъ защитниковъ Севастополя, какъ встрѣтитъ ихъ и вся Православная Россія— съ благоговѣніемъ, съ восторгомъ и съ благодарностію. Хвала и честь славнымъ Русскимъ морякамъ и всѣмъ защитникамъ Россіи! Ура“!!!

Лейтенантъ Бѣликовъ, отвѣчая отъ лица моряковъ, сказалъ: „Счастливы мы, что Провидѣнію угодно было сохранить насъ подъ Севастополемъ и привести въ Москву! О, какъ весело на душѣ и какъ трепещетъ сердце, видя то патріотическое чувство, которымъ соединено здѣсь это прекрасное общество! Эта минута принадлежитъ не нашимъ достоинствамъ, но нашему особенному счастію. Позвольте мнѣ увѣрить васъ, что день 25 февраля никогда не будетъ забытъ

въ сердцѣ каждаго изъ моряковъ Черноморскихъ, день, когда мы соединились съ вами въ пламенныхъ желаніяхъ блага Отечеству, благоденствія монарху. Отъ души осушимъ мы этотъ поднятый заздравный бокалъ, въ знакъ того, что чувствуютъ теперь, но чего не могутъ выразить признательныя наши сердца. За здоровье Московскихъ дамъ! Ура"!!!

Графиня Е. П. Ростопчина привѣтствовала моряковъ своими звучными строфами:

Ура! защитники Россія,
Добро пожаловать въ Москву.
У ней вы гости дорогіе;
Про ваши подвиги святые
Давно ужъ чтитъ она молву.

Герои вѣрности и вѣры,
Вы, наши чудо-молодцы,
Затмили удалью безъ мѣры,
Всѣ древнихъ доблести примѣры,
Всѣ бранной чести образцы.

Что Данцигъ, Сарагосса, Троя,
Предъ Севастополемъ роднымъ?...
Нѣтъ битвъ страшнѣй, нѣтъ жарче боя;
Дыша въ огнѣ, вы гибли стоя,
Подъ славнымъ знаменемъ своимъ!...

Двѣнадцать разъ луна смѣнялась,
Луна всходила въ небесахъ,—
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ.

Четыре смѣны вражьей силы.
Четыре войска тамъ легло,
И даромъ раннія могилы
Въ волнахъ морскихъ, въ степи унылой,
Въ борьбѣ безвыходно нашло.

У нихъ, у насъ вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ сражалъ;
И много славныхъ, много чтимыхъ
Исчезло тамъ незамѣнимыхъ,
А Севастополь все стоялъ!...

Но Господу угодно было
Свою Россію испытать.
Не мощь враговъ насъ побѣдила,
Не длань ихъ городъ сокрушила,
А намъ пришлось его отдать.

Честь спасена, а съ ней и слава:
И вамъ та честь принадлежитъ!
Своею памятью кровавой
Вашъ Севастополь величавый
Въ скрижаляхъ родины блеститъ.

Ура! защитники Россіи,
Хлѣбъ-соль вамъ наша будь въ почетъ.
Отъ сердца мы слова простыя
Вамъ скажемъ, гости дорогіе:
Да здравствуетъ Россійскій флотъ!

Княгиня Н. Б. Шаховская произнесла: „Не обладая даромъ слова, господа, не съумѣю выразить такъ краснорѣчиво, какъ графиня Евдокія Петровна, моихъ чувствъ. Но, что слова? Они болѣе изреченіе мысли, нежели сердца. Слава ваша извѣстна не въ одной Европѣ. Лучемъ свѣтлымъ разнеслась она по свѣту и сіяетъ нынѣ передъ нами въ ранахъ вашихъ, въ крестахъ и въ вѣнкахъ безсмертныхъ, коими увѣнчали вы главы ваши, храбрые защитники Севастополя и чести Русскаго Православнаго народа. Не словами намъ благодарить васъ; съ тѣхъ поръ, какъ Москва, съ хлѣбомъ-солью и шумнымъ торжествомъ, встрѣчала васъ у Серпуховскихъ воротъ, вы уже привыкли къ громкимъ восклицаніямъ! И такъ, въ сердцахъ дѣтей нашихъ лишь осталось намъ, признательнымъ матерямъ, запечатлѣть, съ Русской Исторіей, и священныя имена почившихъ героевъ, начальниковъ и товарищей вашихъ, сложившихъ славно на полѣ ратномъ геройскія главы свои. Вѣчная имъ память, а вамъ, господа, многія счастливыя лѣта“!

Въ заключеніе, по требованію дамъ, произнесъ рѣчь М. П. Погодинъ: „Дамамъ угодно, чтобы я выразилъ ихъ чувства дорогимъ нашимъ гостямъ, славнымъ защитникамъ Севастополя. Сейчасъ отъ нихъ самихъ вы слышали, мм. гг., столько

прекраснаго, столько для васъ сладостнаго, что всякое мое слово кажется мнѣ лишнимъ. Но онѣ требуютъ, и я долженъ повиноваться ихъ волѣ: мудреную задачу получилъ я—передать, что чувствуетъ нѣжное женское сердце въ минуту своего лучшаго одушевленія, въ минуту своего благороднаго восторга! Позвольте мнѣ говорить, какъ историку: Русская женщина, когда случится ей возвыситься надъ обыкновенною жизнію, когда какія-нибудь обстоятельства или несчастія унесутъ ее изъ ежедневнаго вихря, гдѣ она иногда кружится, Русская женщина представляетъ собою, надо отдать ей справедливость, высокое явленіе. Въ прошедшее царствованіе мы видѣли много примѣровъ самоотверженія Русскихъ женщинъ. Какъ свято исполнены были ими обязанности женъ, дочерей, матерей! А въ наше время сестры милосердія? На перевязочныхъ пунктахъ, въ самомъ жаркомъ огнѣ, подъ градомъ пуль, картечи и бомбъ, онѣ являлись ангелами-утѣшителями, — промыть запекшіеся ваши уста, освѣжить каплей воды пересохшее горло, остановить текущую кровь. Съ какимъ нѣжнымъ участіемъ онѣ совершали эти подвиги христіанской любви въ походныхъ госпиталяхъ, и между тѣмъ, имъ незнакомы были никакія опасности, онѣ не имѣли понятія въ мирныхъ своихъ жилищахъ, чтó значитъ смерть на полѣ сраженія... А присутствующія здѣсь, не готовы ли онѣ сдѣлать того же завтра, если потребуютъ обстоятельства? Онѣ и теперь завидуютъ сестрамъ милосердія... Нѣтъ, онѣ не завидуютъ, потому что носятъ въ себѣ твердое сознаніе своей готовности, убѣждены въ нашемъ къ нимъ довѣріи. Гдѣ же найду я словъ, чтобъ обнаружить, выставить эти тончайшія, глубоко затаенныя фибры ихъ сердца, а говорить общими мѣстами мнѣ противно! Не лучше ли прервать начатую рѣчь, мм. гг.? На этихъ лицахъ, въ этихъ глазахъ, въ этихъ слезахъ и улыбкахъ, читайте сами похвальное себѣ слово, самое трогательное. Вамъ, вѣрно, пріятнѣе смотрѣть на нихъ, чѣмъ слушать меня. А онѣ будутъ любоваться вами обожженными, опаленными, избитыми, прострѣленными, изувѣченными! Ваши

повязки, ваши перевязки, ваши костыли и эти кресты, сіяющіе ярче всякихъ алмазовъ на вашей груди, — это самая привлекательная для нихъ, мужественная красота. Пусть сердце сердцу вѣсть подаетъ—такое молчаніе сильнѣе всякаго краснорѣчія. Позвольте же мнѣ, не говорить нынѣ ничего, ни о вашихъ трудахъ, ни о вашихъ подвигахъ, ни о безпримѣрной оборонѣ Севастополя. . Вы сослужили славную службу Отечеству, вы сдѣлали много, мы всѣ это знаемъ и чувствуемъ, но вы сдѣлаете еще больше; пусть потоплены наши корабли, взорваны доки, разрушены крѣпости, живъ Русскій духъ! Онъ не упалъ, онъ возбудился, возвысился, онъ въ это тревожное время чуетъ въ себѣ силу. Враги хотѣли запереть вамъ путь въ Черное море, вы найдете путь къ океанамъ, и славный Русскій флагъ развѣется и будетъ развѣваться постоянно на всѣхъ моряхъ, гдѣ являлся прежде только по временамъ и случайно. Изъ этого славнаго гнѣзда, изъ этой умаленной семьи воспитанниковъ Грейга, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Истомина, вылетитъ еще много орловъ, вслѣдъ за молодымъ орломъ,—генералъ-адмираломъ. Кислинскій, Зоринъ, Попандопуло, Шкотъ, Кернъ, Астаповъ, Перелешинъ, Юрьевъ, Голенко, Чебышевъ, Винкъ... Всѣ, всѣ вы прославите Русское имя, и дѣти наши, а можетъ быть, и мы успѣемъ еще, по милости Божіей, забыть наши настоящія потери, наши прошедшія бѣдствія; но ни мы, ни дѣти наши, ни внуки, ни правнуки, ни самые отдаленные потомки, во вѣки-вѣковъ не забудемъ вашихъ трудовъ и вашихъ подвиговъ. Московскія дамы провозглашаютъ здравицу въ честь славныхъ защитниковъ Севастополя. Ура“!

Молодой воинъ на костыляхъ, поручикъ л. гв. Волынскаго полка, А. Е. Станкевичъ, отвѣчалъ на всѣ привѣтствія дамъ и М. П. Погодина, отъ лица воиновъ арміи: „Благодаримъ васъ, ваше сіятельство, за выраженный вами привѣтъ, благодаримъ васъ, представительницы Московскаго благороднаго сословія, васъ графиня Евдокія Петровна,

за звуки вашей патріотической лиры; наконецъ, васъ, представители ученаго Московскаго сословія. Вполнѣ сочувствуемъ и цѣнимъ ваше высокое участіе къ намъ . . . .
Если мы, по мѣрѣ нашихъ силъ, служили Отечеству, то мы достойно награждены участіемъ и теплыми молитвами Отечества за насъ. Какъ въ славный, идеальный вѣкъ рыцарства, дама вѣнчала подвиги рыцаря и тѣмъ поощряла его на новые, такъ и мы, счастливые вашимъ искреннимъ привѣтомъ и задушевнымъ радушіемъ, поспѣшимъ на новые подвиги, если необходимость потребуетъ, зная, какъ цѣнитъ Отечество наши труды. Если воины съ гордостью и самоотверженіемъ умирали на батареяхъ Севастополя, и если Исторія достойно оцѣнитъ ихъ, то тѣмъ не менѣе съ любовію запишетъ она на своихъ страницахъ могучее проявленіе патріотизма и другихъ сословій: дворянство, купечество сыпали милліоны на пользу Отечества, простолюдинъ несъ посильную лепту своихъ трудовъ и вы, милостивыя государыни, явились достойны имени Русскихъ, служа по своему званію достойно нашей славной Россіи. Кто не знаетъ на Руси святыхъ подвиговъ любви и милосердія семьи сестеръ, подъ градомъ пуль и картечи служившихъ любви къ ближнимъ на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя, подавая примѣръ высокой нравственной силы, и сколько храбрыхъ возвращено въ ряды славной арміи помощью и словами утѣшенія этихъ героинь самоотверженія, и сколько пало, съ простою молитвою къ Всевышнему за своихъ матушекъ! Еще разъ благодаримъ васъ за ваше родное, Московское радушіе. Благодарность никогда не умирала и не умретъ въ простомъ сердцѣ солдата. За здоровье ея сіятельства и представительницъ Московскаго благороднаго сословія“!

Поздно уже было, когда разъѣхались гости, унося въ сердцахъ своихъ прекрасное, благородное удовольствіе. Моряковъ ожидали, на Тверской площади, тридцать троекъ, которыя съ шумомъ и крикомъ помчали ихъ въ садъ Корсаковскій. Тамъ устроенъ былъ В. А. Кокоревымъ уве-

селительный вечеръ: катались съ горъ, въ память о старинной Русской масленицѣ, пѣли и плясали цыгане (теряющіе впрочемъ со всякимъ днемъ свой характеръ), гремѣла музыка, горѣли потѣшные огни. Въ заключеніе открылся балъ, въ калошахъ и ботинкахъ, салопахъ и шубахъ.

LXXXIV.

Въ воскресенье, 26 февраля, по утру, моряки являлись къ Московскому митрополиту Филарету, и имѣли счастіе получить его благословеніе и услышать изъ устъ его „слова жизни и любви“.

Въ тотъ день обѣдъ давали въ честь моряковъ нѣкоторые Московскіе купцы, въ залахъ Купеческаго Собранія [373]).

На этомъ обѣдѣ пожелалъ присутствовать и самъ К. С. Аксаковъ, съ своими друзьями. „Мы съ Хомяковымъ“, — писалъ онъ Погодину, — „были третьяго дня же на обѣдѣ у Кокорева, приглашены въ воскресенье въ Купеческое же Собраніе. Предполагаю, что этотъ обѣдъ дается купечествомъ. — Не можете ли вы исполнить слѣдущей моей просьбы: достать пригласительный билетъ на обѣдъ этотъ для князя Валеріана Михайловича Голицына и для Михаила Михайловича Нарышкина. Также нельзя ли пригласить Казначеева съ сыномъ его, который израненъ подъ Карсомъ; это должно было бы сдѣлать. Всѣ добрые бойцы Русской Земли, всѣмъ почетъ. Что это значитъ, что вы не были на обѣдѣ дворянскомъ и не говорили. Князь Михаилъ Оболенскій желалъ бы быть приглашенъ на обѣдъ къ Кокореву. Вѣдь я такъ понялъ: этотъ обѣдъ дается Кокоревымъ въ Купеческомъ Клубѣ, а не Купеческимъ Клубомъ. Еще просьба: князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ проситъ тоже достать ему пригласительный билетъ въ Купеческое Собраніе. Не откажите. Онъ начальникъ нашей Дмитровской дружины. Живетъ онъ въ собственномъ домѣ, на Знаменкѣ, противъ дома Башкова, въ переулкѣ“ [374]).

Устройствомъ праздника 26 февраля озаботились старшины Московскаго Купеческаго Собранія: С. И. Сазиковъ, А. И. Колесовъ, А. С. Кампіони, И. В. Борисовскій, С. С. Кашаевъ, М. М. Варенцовъ, В. И. Готье. Заботы ихъ были награждены полнымъ успѣхомъ. „Это былъ“,—замѣчаетъ Погодинъ,—„самый живой, самый шумный праздникъ“.

Въ 3 часа начали собираться гости, и были встрѣчены старшинами въ первой залѣ. Къ 4-мъ часамъ, залы наполнились посѣтителями. На хорахъ помѣстились дамы. Тосты начались чуть-ли не съ перваго блюда. Прогремѣлъ первый тостъ за здравіе государя императора, государынь императрицъ. Звучно раздался третій тостъ — за здравіе любимаго и чтимаго генералъ-адмирала. Здоровье всѣхъ адмираловъ, начальниковъ экипажей и судовъ, офицеровъ и матросовъ Черноморскихъ, Бѣломорскихъ, Балтійскихъ, Камчатскихъ. Старшины просили М. П. Погодина выразить торжественно ихъ чувства дорогимъ своимъ гостямъ, доблестнымъ офицерамъ Черноморскаго флота.

М. П. Погодинъ съ поднятымъ бокаломъ сказалъ: „Мм. гг! Всѣ сословія и частныя лица, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются засвидѣтельствовать вамъ свое глубочайшее уваженіе, свою горячую благодарность. Восторженные клики народа не умолкаютъ по пути вашего слѣдованія. Гдѣ вы ни показываетесь, прохожіе останавливаются, снимаютъ шапки, передаютъ одинъ другому ваши имена. По домамъ наши дѣти пересказываютъ между собою ваши подвиги и заучиваютъ ваши біографіи. Никогда наша масленица не праздновалась съ такимъ веселіемъ, движеніемъ, съ такимъ прекраснымъ настроеніемъ народнаго духа, какъ нынѣ, благодаря своимъ дорогимъ гостямъ! И еслибъ вы проѣхали вдоль всю Россію, отъ Москвы до Нерчинска и Якутска, и поперегъ, отъ Архангельска до Астрахани, отъ Петербурга до Эривани, вы услышали бы вездѣ одни и тѣже привѣты, вы нашли бы вездѣ, въ городахъ и деревняхъ, въ палатахъ и избахъ, одно и тоже радушіе! Нынѣ Московскіе купцы

желали воздать подобающую вамъ честь. Они поручили мнѣ передать вамъ слѣдующія ихъ слова и мысли: Вы сослужили славную службу Отечеству; вы исполнили свято гражданскій свой долгъ. Десять отчаянныхъ приступовъ вы отразили и оставили Южную часть Севастополя только въ исполненіе высшей воли главнокомандующаго. До Сѣверной стороны, до бухты, непріятели не смѣли до сихъ поръ прикоснуться. Ни одной пяди Русской земли вы имъ не уступили, и они не смѣли нигдѣ отойти отъ береговъ, изъ-подъ защиты безчисленнаго своего флота, какого до сихъ поръ не видало ни одно море. Европа призадумалась, размышляя о безпримѣрной оборонѣ Севастополя, и на вѣсахъ Парижскихъ негоціацій ваша стойкость, безъ сомнѣнія, составляетъ одно изъ самыхъ тяжеловѣсныхъ доказательствъ.... Самый миръ, если онъ состоится, съ пріобрѣтеніемъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ нашимъ Славянскимъ братьямъ, православнымъ Христіанамъ Востока, за которыхъ начата была война, имѣетъ ближайшее отношеніе къ Севастопольскимъ одиннадцати мѣсяцамъ. Да, вы сдѣлали много, но вы сдѣлаете еще больше, позвольте мнѣ повторить, въ исполненіе общаго требованія, мои вчерашнія желанія, которыя отъ души раздѣляетъ наше нынѣшнее общество. Пусть потоплены наши корабли, взорваны доки, сожжены арсеналы, разрушены крѣпости — живъ Русскій духъ! Онъ не упалъ, онъ возбудился, онъ возвысился, онъ чуетъ въ себѣ силу. Непріятели хотѣли запереть вамъ Черное море, — вы найдете путь къ океанамъ, и славный Русскій флагъ развѣется и будетъ постоянно развѣваться на тѣхъ моряхъ, гдѣ онъ показывался прежде только временно и случайно. Изъ этой умаленной семьи воспитанниковъ Грейга, Лазарева, Корнилова, Нахимова, Истомина, изъ этого славнаго гнѣзда вылетитъ еще много орловъ, вслѣдъ за молодымъ орломъ, своимъ любезнымъ генералъ-адмираловъ. Новиковъ, Ильинскій, Гедеоновы, Стеценко, Рябининъ, Бирюлевъ, Свѣшниковъ, Шумовъ, Давыдовъ, Бѣлкинъ (мнѣ представляются

теперь другія имена....) всѣ, всѣ вы прославите Русское имя, и дѣти наши, а можетъ быть и мы успѣемъ еще забыть настоящія наши потери, прошедшія бѣдствія; но ни мы, ни дѣти наши, ни внуки, ни правнуки, ни самые отдаленные потомки во вѣки-вѣковъ не забудутъ вашихъ трудовъ и вашихъ подвиговъ. Да здравствуютъ славные защитники Севастополя"!

Тотчасъ по окончаніи рѣчи, поднесенъ былъ приготовленный кубокъ и представленъ старшему изъ бывшихъ на обѣдѣ гостей, контръ-адмиралу П. И. Кислинскому.

Старшина В. П. Буркинъ, передавая кубокъ, сказалъ: „Въ воспоминаніе того, что мы имѣли счастіе угощать васъ, доблестные Черноморскіе моряки, по-просту Русскимъ хлѣбомъ-солью, просимъ васъ, вмѣстѣ съ нашею душевною благодарностію, за вашу безпримѣрную службу святой Руси, принять подносимый нами кубокъ. Мы почтемъ себя счастливыми, если это малое приношеніе будетъ напоминать вамъ о Московскомъ Купеческомъ Собраніи, украшенномъ подаренною вами картиною славнаго Русскаго художника Айвазовскаго".

П. И. Кислинскій и всѣ офицеры воскликнули въ одинъ голосъ: *великому князю! великому князю!* Кубокъ принялъ адъютантъ великаго князя, капитанъ-лейтенантъ В. А. Стеценко, тотъ самый, что послѣ знаменитаго фланговаго движенія князя Меншикова на Бахчисарай, пробрался сквозь непріятельскія войска въ Севастополь и ободрилъ гарнизонъ доброю вѣстью; тотъ, который послѣ плавалъ на лодкѣ изъ Очакова въ Кинбурнъ, окруженный непріятельскимъ флотомъ, передъ самой бомбардировкой, и доставилъ коменданту нужныя свѣдѣнія,—какъ Шеншинъ въ Бомарзундъ.

Предложено выпить за здоровье всѣхъ офицеровъ поодиначкѣ. Написаны ихъ имена и положены въ кубокъ. Лейтенанту Бѣлкину поручено вынимать свернутыя записки, а В. А. Кокореву читать — кому вынется, тому сбудется.

Всякое вынутое имя сопровождалось рукоплесканіями и

другими знаками одобренія. Первое здоровье вынулось Кузьмина-Короваева. Всѣ гости стояли съ бокалами въ рукахъ, прихлебывали и пили. Кравчіе подливали.

По окончаніи переклички, М. П. Погодинъ сказалъ: „Господа! Здѣсь есть одинъ молодецъ изъ-подъ Карса, съ тремя пулями: пулей въ рукѣ, пулей въ ногѣ и пулей въ шеѣ. Неужели мы обнесемъ его чарочкой“?

— Кто, кто?—раздалось множество голосовъ. „Капитанъ Генеральнаго Штаба Казначеевъ“.—Казначеева! Казначеева! гдѣ онъ? гдѣ онъ? — загремѣла вся зала. Когда Казначеевъ былъ отысканъ и подведенъ къ столу, съ перевязанною головою, М. П. Погодинъ воскликнулъ: „За здоровье Кавказскихъ братьевъ“!

Капитанъ Казначеевъ сказалъ: „Благодарю васъ, мм. гг., я самый меньшой, слабый представитель славныхъ Кавказскихъ войскъ, служащихъ подъ начальствомъ генерала Муравьева“!

— Здоровье генерала Муравьева, твердаго, мужественнаго. Ура! ура!—гремѣло и не умолкало.

С. П. Шевыревъ произнесъ прощальные стихи, которые долженъ былъ прочесть и въ другой разъ среди громкихъ рукоплесканій:

Черноморцы! кубокъ вамъ
    Въ знакъ души привѣта:
Вамъ, морскимъ богатырямъ,
    Золотыя лѣта!

Подвигъ вашъ изъ рода въ родъ
    Перейдетъ въ преданье.
Сохранитъ его народъ
    И бытописанье.

Только теплую любовь
    И хлѣбъ-соль родную
Принесли мы вамъ за кровь,
    Вами пролитую.

Вотъ насталъ конецъ пирамъ!
    Въ Русской день прощанья,
Разставаясь, скажемъ вамъ:
    Братья! до свиданья!

И дамы съ хоръ подали свой голосъ. И. Ѳ. Мамонтовъ явился тамъ ихъ представителемъ, и отъ имени ихъ сказалъ:

„Дамы Московскаго купеческаго сословія, свидѣтельницы торжества настоящихъ минутъ, поручили мнѣ, голосомъ ихъ сердца, сказать вамъ ихъ задушевное слово. Вы явили свѣту подвиги безпримѣрной храбрости, неустрашимости и самопожертвованія: вы показали, какъ долженъ любить всякій Русскій человѣкъ свое Отечество. Да послужитъ же этотъ примѣръ вашъ, примѣромъ всѣмъ юнымъ сыновьямъ нашего сословія: чтобы они были также преданы нашему Отечеству и съ такимъ же самоотверженіемъ жертвовали для него трудами, умомъ, капиталами и всѣми силами, съ какимъ вы жертвовали своею кровію, забывая себя, своихъ женъ и дѣтей. Здоровье доблестныхъ, храбрыхъ моряковъ“!

За симъ слѣдовали стихи студента Потѣхина, которые были также повторены и покрыты рукоплесканіями.

По прочтеніи стиховъ, М. П. Погодинъ предложилъ тостъ за здоровье молодого поколѣнія: „Да здравствуетъ оно, учится и учится, развивается и преуспѣваетъ, въ чувствахъ преданности и любви къ Отечеству, къ Престолу, къ Церкви, на пользу и славу Россіи“!

Старшина Купеческаго Собранія, С. И. Сазиковъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: „Всѣмъ намъ отъ души хотѣлось бы произнести вамъ, доблестные моряки Черноморскаго флота, рѣчь, чтобы выразить вамъ тѣ чувства, которыя находятся въ сердцѣ каждаго изъ насъ; но такъ безпримѣрна ваша храбрость и подвиги на славу Отечества, что всякое краснорѣчіе слабо и безсильно, и нѣтъ словъ для передачи нашихъ чувствъ. При видѣ васъ, храбрыхъ моряковъ и витязей, при видѣ васъ, чудо-богатырей, заговорило наше Русское сердце, и намъ хотѣлось бы, вмѣсто всякой рѣчи, обнять васъ, какъ лучшихъ дѣтей царя Всероссійскаго, какъ родныхъ братьевъ всей Руси, и, крѣпко прижимая васъ къ сердцу, сказать: Да здравствуютъ наши други, наши братья, защитники, да

здравствуютъ храбрые Черноморскіе моряки, и да процвѣтаетъ нашъ Русскій флотъ"!....

Капитанъ-лейтенантъ Кузьминъ-Короваевъ, отъ лица моряковъ, произнесъ слѣдующее привѣтствіе Московскому купечеству: „Мм. гг! Чувства, возбужденныя въ насъ высокимъ почетомъ, который вы намъ оказываете, выше всякихъ словъ. Лестны, много лестны для насъ и ваша хлѣбъ-соль, и ласковыя рѣчи. Что же сдѣлали мы, чтобъ удостоиться такой безпримѣрной чести? Нѣсколько дней изъ жизни нашей подвизались на пользу и славу нашей родины. Но не долгъ ли нашъ, не самая ли священная и вмѣстѣ съ тѣмъ высокопріятная обязанность — всѣ дни, часы и минуты нашего существованія отдать странѣ, насъ родившей? Но вы сами, высокопочтенные граждане Земли Русской, на пути вами избранномъ, не посвятили ли всѣхъ мгновеній своей жизни на пользу Отчизны? Но вы сами, торговлею своею, презирая разнородныя препятствія и даже опасности, встрѣчаемыя вами, не увеличили ли благосостояніе и богатство государства нашего? И наконецъ вы сами, скромно высокими трудами своими, способствуя силѣ и славѣ царя и Россіи, не возбудили ли зависти даже въ самыхъ отдаленныхъ сосѣдяхъ нашихъ? Да здравствуетъ же и благоденствуетъ Русское купечество на славу царя и Россіи и на зависть завистникамъ"!

Все собраніе пожелало засвидѣтельствовать свое уваженіе хозяевамъ пира. М. П. Погодинъ сказалъ: „Перехожу на другой клиросъ, и прошу позволенія сказать нѣсколько словъ, въ честь знаменитаго Московскаго купечества. Оно служитъ вѣрно Отечеству своими трудами и приноситъ на алтарь его безпрерывныя жертвы. Ни одинъ торговый городъ въ Европѣ не можетъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Москвою. Но наши купцы не охотники еще до Исторіи: они не считаютъ своихъ пожертвованій и лишаютъ народную лѣтопись прекрасныхъ страницъ. Если бы счесть всѣ ихъ пожертвованія за нынѣшнее только столѣтіе, то онѣ составили бы такую цифру, какой должна бы поклониться Европа.

И не бываетъ въ Москвѣ никогда промежутковъ, чтобъ переводились даже частные благотворители между купцами. Скончается одинъ, является другой. Святое мѣсто не бываетъ пусто. Каковъ былъ Крашенинниковъ? До десяти милліоновъ простиралось количество его пожертвованій. Колесовъ, Лепешкинъ оставили завѣщанія, изукрашенныя дѣлами благотворительности. Сколько назначилъ для добра Рахмановъ, нашедшій себѣ достойнаго душеприкащика въ Солдатенковѣ; а самъ Солдатенковъ, а Набилковъ, Лобковъ, Гучковы, Прохоровы, Алексѣевы! Всѣхъ и не перечтешь! Да здравствуетъ и успѣваетъ во всѣхъ своихъ добрыхъ дѣлахъ знаменитое благотворительное Московское купечество"!

Достойнымъ вѣнцомъ пира была рѣчь В. А. Кокорева, которая произвела совершенный восторгъ. Вотъ она: „Среди теплыхъ, задушевныхъ торжествъ Москвы въ честь доблестныхъ моряковъ, невольно приходитъ на мысль, что Русская сила рѣдко имѣла постепенное развитіе, а всегда вдругъ, скачками. И эти скачки бывали только въ годы общаго горя. И въ эти годы мы особенно крѣпко прилѣплялись къ нашимъ царямъ, прирастали къ нимъ всѣмъ своимъ существомъ. Въ эти годы открывались въ насъ новыя достоинства, коими мы возвышались въ собственныхъ нашихъ понятіяхъ и узнавали самихъ себя. Вотъ гдѣ нашъ Всероссійскій ростъ! Всѣ войны на Россію, что значили? Это были, отъ самаго Провидѣнія, повѣрки Русскихъ сердецъ и общія намъ переклички. Какъ только слышалось въ отвѣтъ: всѣ любимъ Русь, всѣ станемъ за нее, — какъ только это подтверждалось дѣломъ, война утихала, а могилы павшихъ твердили намъ во время мира: Любите, любите Русь, какъ мы ее любили. Недаромъ же Русская пословица говоритъ болѣе пятисотъ лѣтъ устами всего народа: *Вынеси ты меня, мое горе!* Оно вѣдь и на дѣлѣ такъ. Развѣ не вынесло насъ горе Нарвское, Московское и всѣ прежнія горя, наши славные будильники, наши возносители на ту высоту, которая можетъ удовлетворить насъ по объему нашей Земли. Никогда ни

разу не измѣнялъ намъ нашъ вѣрный союзникъ — Русское горе. Это нашъ двигатель, положенный судьбою на крестъ Россіи при ея рожденіи. А какой онъ могучій, какія придаетъ крылья, какъ освѣжаетъ, обновляетъ, развиваетъ мысль, нагрѣваетъ сердца, соединяетъ всѣхъ къ единодушію и толкаетъ впередъ. Доказательствомъ единодушнаго соединенія служатъ десять дней, проведенные вами въ Москвѣ, доблестные моряки Черноморскаго флота. Мощь Русскаго горя понятна въ одной Руси: у насъ оно никогда не производитъ унынія, а только одну кручину. Не напрасно ты, кручинушка, воспѣваешься въ Русскихъ пѣсенкахъ! Не случайно же въ звукахъ ихъ тянетъ насъ что-то за сердце! Доказано, что жизнь государствъ похожа на жизнь человѣка. Не лучшая ли пора въ жизни нашей та, когда коснется сердца кручина любви? Тогда мы и плачемъ, и радуемся, восхищаемся, стремимся, хитримъ, да такъ хитримъ, что никто насъ не проведетъ; тогда мы очищаемся, возвышаемся, вдумываемся и тоскуемъ, но тоски своей не уступимъ никому. Представляя собою семью влюбленныхъ въ Россію людей, мы дорожимъ нашей кручинушкой, мы чувствуемъ, какъ много въ ней любви къ Отечеству, душевной силы и сладости. Дай Богъ мира, — мы всѣ того желаемъ, — желаемъ мира, согласнаго съ намѣреніями и будущими видами нашего батюшки-царя. Но во всякомъ случаѣ, мы готовы нынѣ, впредь и всегда, на то жертвоприношеніе Отечеству, которое показали намъ вы, храбрые Черноморскіе моряки! Тостъ въ честь славнаго и могучаго Русскаго *горя*"!

Послѣ рѣчи „все собраніе отправилось въ залу къ портрету государя и пропѣло гимнъ въ одинъ голосъ: *Боже, царя храни!* какъ бы передавая ему на руки свое спасительное, сознанное горе, да преложитъ его на радость, согласно съ общими Русскими желаніями, надеждами и молитвами! Торжественна была эта минута, за коей послѣдовало какое-то торжественное молчаніе. Моряки принесли кубокъ, въ который влито восемь бутылокъ шампанскаго, и пошелъ

онъ въ круговую за здравіе Святой Руси! Начались пляски подъ звуки Русскихъ пѣсенъ. Хромые офицеры на костыляхъ пустились въ присядку. Зрители вторили имъ своими движеніями. Всѣ плечи, руки, ноги говорили. Дамы бросали цвѣты, букеты, вѣнки. Старикъ Энгельгардъ съ Прейсишъ-Эйлаускимъ Георгіемъ, старикъ Жерве, на деревяшкѣ, съ сыномъ, по имени котораго называется знаменитая батарея, ходили въ толпѣ; купцы съ бородами, студенты, офицеры, обнимались и цѣловались. Пиръ кончился въ 10 часовъ вечера. Въ дверяхъ стояли старшины съ огромными подносами и потчивали на прощанье уѣзжавшихъ гостей" [375]).

Рѣчь Кокорева произвела впечатлѣніе. „Очень благодарю за рѣчи",—писалъ Погодину С. Т. Аксаковъ,—„Кокоревская по слуху была гораздо лучше, а въ печати много потеряла. На коего чорта подлая любовь къ дѣвкѣ?.. Про Шевырева всѣ говорятъ, что онъ гадокъ и отвратителенъ". Но К. Д. Кавелинъ писалъ Погодину: „Меня поразили двѣ рѣчи Кокорева. Вотъ человѣкъ, рожденный ораторомъ! У него есть мѣста, отъ которыхъ не отказались бы и древніе. И сколько свѣжести, глубины и силы! Такъ не говорятъ у народовъ, собирающихся умереть, хотя гнили, гнили столько, что не оберешься".

Другъ и товарищъ Погодина, С. А. Масловъ, написалъ ему укорительное письмо: „Не огорчись, добрый товарищъ, что передамъ тебѣ пересказанное больному. Въ сердечно простой рѣчи твоей, въ Купеческомъ Клубѣ, вырвалось выраженіе, обращенное къ В. А. Кокореву:—*вотъ тотъ человѣкъ съ козлиной бородкой*.... Помилуй! Да вѣдь это сарказмъ, который многихъ оскорбилъ. Такъ мнѣ сказали. Не напечатай, ради Бога, этой *козлиной бороды*, иначе она сдѣлается *прозвищемъ* достойнѣйшаго изъ представителей Русскаго начала. Довольно и статьи С. П. Шевырева для уничиженія его подвига. Я десятый день не подымаюсь съ постели".

Наконецъ, и самъ С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Я не могу опомниться отъ Кокорева! Это вполнѣ Русское чудо"!

LXXXV.

25 февраля 1856 года, архимандритъ Веніаминъ писалъ Погодину изъ Сергіевой Лавры: „Святая Лавра ожидаетъ и рада принять такихъ дорогихъ гостей, какъ наши моряки. Отецъ намѣстникъ принялъ отъ меня это извѣстіе съ радостію и надѣется успокоить, какъ помѣщеніемъ, такъ и трапезою, впротчемъ сообразною дня великаго поста; но можно думать, что всѣ будутъ довольны. Здѣсь въ святой обители, подъ кровомъ Царицы Небесной и преподобнаго Сергія, первый предметъ—Святыня;—а остальное все второстепенное. Служба Божія, по уставу Церкви, въ понедѣльникъ *): утреня начнется въ 7 часовъ утра; въ 11-ть—часы съ вечернею, а въ 4—повечеріе или мефимоны, кончатся въ 6 часовъ. Между службою будетъ довольно время осмотрѣть все замѣчательное, что̀ есть въ Лаврѣ — и еще достанетъ время посѣтить скитъ Гефсиманію и Виѳанію, мѣсто покоя великаго Платона. Все это, можно надѣяться, что будетъ занимать нашихъ любознательныхъ героевъ и доставитъ имъ большое удовольствіе,—чего искренне желаетъ и мое недостоинство. Я передалъ отцу намѣстнику, что нашихъ гостей будетъ на тридцати тройкахъ“ [376]).

Въ тоже время и митрополитъ Филаретъ писалъ своему лаврскому намѣстнику Антонію слѣдующее: „О Севастопольскихъ гостяхъ я спрашивалъ флотскаго іеромонаха, когда они будутъ въ Лаврѣ, и получивъ отвѣтъ, что въ чистый понедѣльникъ, отвѣчалъ, что они избрали такое время, въ которое неудобно угостить ихъ иначе, какъ духовнымъ угощеніемъ. Въ Москвѣ величали ихъ такъ, что если бы они взяли Константинополь, трудно было бы сдѣлать болѣе. Почтенный профессоръ Шевыревъ не усомнился сравнить взрывъ

---

*) 1-я недѣля Великаго поста. *Н. Б.*

Севастополя съ землетрясеніемъ во время страданія Христова *). Какое смѣшеніе! А если употребить Еврейское слово, то надобно будетъ сказать: какой вавилонъ, не только на западѣ, но и у насъ" [377]).

Въ 2-мъ часу по полуночи (съ 26 на 27 февраля, т.-е. въ *чистый понедѣльникъ*), офицеры собрались къ В. А. Кокореву, въ гостинницу Шевалье, гдѣ у крыльца готовы уже были тройки въ крытыхъ возкахъ, помчавшія ихъ на богомолье къ Троицѣ Сергію. Въ 8 часовъ, пріѣхали они въ Лавру. Тамъ ожидалъ уже ихъ Севастопольскій товарищъ, отецъ Веніаминъ, уѣхавшій заранѣе предупредить отца намѣстника Антонія, о прибытіи Черноморскихъ гостей. Трогательна была минута, когда, собираясь въ церковь, они начали записывать имена павшихъ своихъ товарищей для поминовенія. Листъ скоро былъ исписанъ. Любезные образы одинъ за другимъ вставали предъ ними въ воображеніи и грусть овладѣвала сердцемъ.—Довольно, довольно, господа,— воскликнулъ одинъ, — напишемъ лучше всѣхъ православныхъ убіенныхъ и умершихъ отъ ранъ подъ Севастополемъ! Архимандритъ со всѣмъ соборомъ отслужилъ по нихъ торжественную панихиду и клиръ провозгласилъ имъ вѣчную память. Потомъ принесено было благодарственное моленіе и пропѣто *многая лѣта* Христолюбивому воинству. Офицеры приложились къ мощамъ великаго Русскаго молитвенника чудотворца Сергія, и потомъ осмотрѣли всѣ соборы, ризницу и прочія достопримѣчательности монастыря. Послѣ обѣда они ходили благодарить отца намѣстника, за оказанное вниманіе и получили отъ него въ благословеніе по образу св. Сергія и Описаніе Лавры [378]).

„Горько слышать",—писалъ митрополитъ Филаретъ къ своему лаврскому намѣстнику Антонію,—„случившееся съ моряками въ началѣ поста. И люди, въ которыхъ мы видѣли

---

*) Въ рѣчи своей, на обѣдѣ у графа А. А. Закревскаго, стр. 482—485.
Н. Б.

подвижниковъ, позволяютъ такъ уничижительно побѣждать себя вину“ [379]).

Во вторникъ, 28 февраля, по утру, въ особомъ поѣздѣ, отправились моряки въ обратный путь. В. А. Кокоревъ повезъ ихъ тѣмъ же порядкомъ въ Петербургъ, какъ привезъ изъ Петербурга. Москвитяне всѣхъ сословій проводили дорогихъ гостей на станцію желѣзной дороги.

„Такъ“, — писалъ Погодинъ, — „кончились Московскія празднества, которыя оставили благотворное сѣмя во многихъ душахъ, и долго, долго будутъ вспоминаться съ удовольствіемъ не только въ Москвѣ, но и во всей Россіи“ [380]).

Единомысленнымъ съ митрополитомъ Филаретомъ, касательно Московскихъ праздниковъ, является И. С. Аксаковъ. Изъ отдаленнаго Николаева онъ писалъ своему отцу: „Превознесеніе Черноморцевъ похвалами паче мѣры чрезвычайно обидѣло и раздражило армію, гибнувшую тысячами на бастіонахъ. Вообще хорошъ и истинно высокъ только нижній чинъ; храбрость же большей части офицеровъ не имѣетъ нравственнаго достоинства. По разсказамъ, Севастополь былъ что-то въ родѣ Содома и Гоморры, относительно нравственности; Малаховъ курганъ прозывался: *хребетъ беззаконія*“ [381]).

23 февраля 1856 года, А. В. Головнинъ писалъ Погодину: „Письмо ваше, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, въ которомъ вы поспѣшили сообщить о пріемѣ, сдѣланномъ Москвой Черноморскимъ морякамъ, я читалъ генералъ-адмиралу. Его высочество былъ тронутъ выраженіемъ неподдѣльныхъ чувствъ, которыя явила при этомъ случаѣ Москва и будетъ весьма благодаренъ вамъ за подробное описаніе, для *Морскаго Сборника*, Московскихъ праздниковъ. Его высочество взялъ у меня письмо ваше, чтобъ прочесть императрицѣ Маріѣ Александровнѣ“.

Потомъ Погодинъ отправилъ къ Головнину застольныя рѣчи, и онѣ также произвели впечатлѣніе.

„Присланныя вами застольныя рѣчи, — писалъ Головнинъ, — прочитаны великимъ княземъ генералъ-адмираломъ

съ большимъ удовольствіемъ. Его высочество благодаритъ васъ и ожидаетъ полнаго описанія праздниковъ, которыми Москва угостила нашихъ героевъ. Его высочество выразилъ желаніе видѣть и лично благодарить г. Кокорева".

Исполняя приказаніе великаго князя Константина Николаевича, Погодинъ принялся за описаніе Московскихъ праздниковъ, и въ сотрудничество себѣ привлекъ Шевырева.

„Не имѣешь ты ко мнѣ",—писалъ Погодину Шевыревъ,— „ни малѣйшей жалости, и не хочешь помочь въ описаніи дѣла, которое однако близко твоему сердцу. Даже отнялъ у меня единственнаго помощника, Потѣхина, который самъ же вызвался да не пришелъ. Скажи Митѣ *) отъ меня, что онъ вѣтренъ. Вчера, въ сѣняхъ, надѣлъ на себя шубу Ѳ. П. Корнилова да и исчезъ въ одну минуту. Это было въ то время, какъ мой человѣкъ пошелъ въ кабинетъ за чернильницей. И какъ онъ дорогой не замѣтилъ, что не его шуба: на Корниловской—капюшонъ, на его шубѣ—нѣтъ. И какъ онъ не догадался по росту—и наконецъ, какъ же утромъ не прислалъ ее, а заставляетъ меня посылать нарочнаго въ ваши сугробы Альпійскіе? Еще хотѣлъ я тебѣ сказать кстати: Не хорошо Митя говоритъ о покойномъ государѣ, при мнѣ и при другихъ, особенно при студентахъ, не хорошо тѣмъ болѣе, что Николай Павловичъ все-таки благодѣтель твой и твоего семейства. Когда я вчера замѣтилъ ему это,—онъ отвѣчалъ мнѣ: А этотъ вдвое бы далъ! Мнѣ это противно стало!—Но и ты въ томъ виноватъ твоими безпрерывными намеками на покойнаго и въ бесѣдѣ, и въ рѣчахъ, и въ эпитетахъ: *неудобозабываемый*. — Не хорошо всѣ вины слагать на одного, и ни въ чемъ не обвинять себя. Ты увлекаешься Кошелевымъ, Хомяковымъ съ братіею и мстишь тѣмъ новому поколѣнію. Въ рѣчи твоей *отъ дамъ* мнѣ тоже не понравился намекъ на Сибирячекъ и ссыльныхъ. Думаю, что онъ и тамъ не понравится. Носить корректуры рѣчей твоихъ къ тебѣ,

---

*) Старшій сынъ Погодина. *Н. Б.*

нѣтъ физической возможности. Надобно, чтобы прошлая недѣля не прошла даромъ, а осталась бы у всѣхъ въ памяти. Я говѣю—и работаю безъ устали, думая тѣмъ послужить Московскому міру, который жаждетъ знать, что̀ было. Вели Митѣ отдать шубу моему человѣку, который отвезетъ ее къ Корнилову, а онъ самъ, пускай, пошлетъ къ нему за своей шубой. Или, пускай, онъ самъ въ шубѣ Корнилова съѣздить за своей шубой, да извинится передъ почтеннымъ человѣкомъ въ своей вѣтренности. Отъ Жеребцова я получилъ письмо его къ Коршу, все Коршемъ измаранное и испачканное, такъ что не разберешь. Наборщики разбираютъ съ усиліемъ. Но все-таки нѣтъ помощи, и много траты времени. Твоей рѣчи на Кокоревомъ обѣдѣ, въ четвергъ, до сихъ поръ нѣтъ. Пришли также и купеческую. Слово: *противно*—въ рѣчи тоже не хорошо. Не *дамское* слово, а съ лучкомъ. А *здравица* изъ лексикона Бодянскаго. Этого ни одинъ Русскій не пойметъ".

Но, во время общаго сотрудничества по описанію Московскихъ праздниковъ, два друга успѣли уже поссориться. „Грустно было мнѣ прочесть въ письмѣ твоемъ",—писалъ къ Погодину Шевыревъ,—„что мы давно уже разошлись во взглядахъ. Да въ чемъ же?—Я, право, не думаю. Недѣля масленая доказала, что мы не разошлись. Элементы раздѣленія такъ сильны въ нашемъ Отечествѣ, что если ужъ мы разойдемся, стало быть всѣмъ придется расходиться. Напрасно ты думаешь, что я не расположенъ слушать совѣты. Право, готовъ не только слушать, но и исполнять совѣты добрые. Теперь всѣ говорятъ: надобно правды, правды, правды. Прежде надобно было пожелать ее каждому въ отношеніи къ самому себѣ. Попробуй кому-нибудь сказать его правду,—тотчасъ осердится. И я, вѣроятно, неключимъ со всѣми другими въ этомъ отношеніи. Но какъ же мы будемъ вѣрными возвѣстниками ея въ отношеніи ко всей Россіи и къ другимъ, если не будемъ принимать ее отъ другихъ въ отношеніи къ самимъ себѣ? Въ заключеніе, прошу тебя простить

меня, въ чемъ согрѣшилъ передъ тобою. Трудно соединить правду съ любовью. Правда жестка; только любовь можетъ смягчить ее. Надобно правду передавать любовно. Вотъ въ чемъ я особенно грѣшенъ, грѣшенъ передъ всѣми и передъ тобою. Общественно я, можетъ быть, грѣшенъ въ томъ, что не говорилъ рѣзкой правды. Не умѣю излагать ее такъ, какъ ты умѣешь. Но я готовлюсь сказать многое, благо пришло время. Къ іюлю мѣсяцу постараюсь приготовить это. Въ 1841, 42, 43 годахъ и въ 1848-мъ, въ *Москвитянинѣ*, кажется, я сказалъ довольно — и многое сбылось. Во 1844, 45, 46, 47 годахъ я говорилъ лекціями. Въ 1849—50-хъ, также. Тамъ, читая Педагогію, готовилъ Гоголя, поминая Жуковскаго, готовилъ юбилей. Въ отношеніи къ Университету я грѣшенъ: я мало сознавалъ грѣхи его. Но Университетъ былъ тогда въ опалѣ: какъ же въ день столѣтнихъ его именинъ было нападать на него? Я ему еще скажу правду — и считаю это обязанностію. Въ любви моей къ тебѣ я всегда одинаковъ, что̀ засвидѣтельствовалъ тебѣ и поцѣлуемъ на масленой. Обнимаю и цѣлую тебя и, готовясь къ исповѣди, прошу еще разъ прощенія. Статья не вышла. Графъ Закревскій и цензоръ усомнились на счетъ тѣхъ подробностей статьи Жеребцова, которыя касаются Кокорева, на содержаніе моряковъ. Графъ думаетъ, что это можетъ быть непріятно великому князю и самимъ морякамъ. Въ твоей статьѣ все прекрасно и деликатно сказано, а въ статьѣ Жеребцова слишкомъ рѣзко выражено *иждивеніе*. Это можетъ изгадить половину добра, сдѣланнаго Кокоревымъ. Вотъ почему рѣшились повременить до завтра, а между тѣмъ, все это посгладить“.

Предъ отправленіемъ въ Петербургъ своего описанія Московскихъ праздниковъ, Погодинъ счелъ полезнымъ представить оное на разсмотрѣніе С. Т. Аксакову, но этотъ послѣдній написалъ Погодину слѣдующее суровое письмо: „Вы все любите дѣлать около пальца; отъ того во всемъ смѣсь и безпорядокъ; вмѣстѣ съ драгоцѣнными каменьями всякая дрянь

и мусоръ. Только сейчасъ кончили чтеніе вашихъ бумагъ и приписки Кокорева: замѣчать некогда, негдѣ и не съ кѣмъ. Все это читать надо было вмѣстѣ, переписанное на бѣло въ полномъ составѣ,—тогда, можетъ быть, вышло бы что-нибудь гораздо стройнѣе, цѣльное, строже обдуманное и написанное. Кокоревъ—человѣкъ необыкновенный, ибо съ великимъ умомъ соединяетъ великую даровитость. Я даже постигнуть не могу, какъ онъ можетъ такъ писать, не получивъ настоящаго образованія. Онъ можетъ принесть громадную пользу. Во всѣхъ его послѣднихъ дѣйствіяхъ являются два вредныя обстоятельства: 1) Всякій порядочный человѣкъ оскорбляется, что Русскіе офицеры могли принять отъ частнаго человѣка такого рода угощенье и пожертвованіе; а вы, вмѣсто того, чтобъ скрывать по возможности эту болячку, стараетесь выворотить ее наружу. 2) Часто проглядываетъ заранѣе придуманная комедія, которая разрушаетъ все; а вы и этой стороны не щадите. Я долго молчалъ. Вижу смѣшеніе понятій, которымъ страдаете и вы, и Кокоревъ, и отъ того объ васъ обоихъ говорятъ по большей части дурно; но я задѣлъ такую глубокую матерію, что и самъ не радъ. Польза все-таки будетъ".

Въ *Дневникѣ* же своемъ, подъ 25 мая 1856 года, Погодинъ записалъ: „Бартеневъ разсказалъ о клеветѣ, распущенной на меня по поводу знакомства съ Кокоревымъ.. Грустно"...

Между тѣмъ, А. В. Головнинъ, по полученіи отъ Погодина описанія Московскихъ праздниковъ, писалъ ему: „Вчера утромъ получилъ я вашу статью, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, о Московскихъ праздникахъ въ честь Черноморскихъ моряковъ, а вечеромъ, великій князь генералъ-адмиралъ прочелъ ее съ большимъ чувствомъ, и поручилъ мнѣ сказать вамъ, что его высочество искренно благодаренъ вамъ и за статью, и за горячее участіе въ томъ пріемѣ, которымъ Москва почтила нашихъ героевъ. Статья ваша пришлась его высочеству очень по сердцу и сегодня отправлена въ Редакцію *Сборника*, для напечатанія, не смотря на то, что мно-

гое въ ней будетъ повтореніемъ статьи, которую сама Редакція уже съ недѣлю какъ напечатала; но его высочеству такъ полюбилась ваша статья, что, не смотря на повтореніе, онъ желаетъ видѣть ее въ *Сборникѣ*".

Къ статьѣ своей Погодинъ хотѣлъ сдѣлать какую-то прибавку, но Головнинъ писалъ ему: „На прибавку сообщенныхъ вами словъ, великій князь не согласенъ, полагая, что теперь, при снисходительномъ направленіи цензуры, авторы должны быть вдвое осторожнѣе, чтобъ не могли сказать, что они употребляютъ во зло это обстоятельство, и къ несчастію, есть много охотниковъ перетолковывать самыя благонамѣренныя слова".

LXXXVI.

Описавъ лицевую сторону Московскихъ праздниковъ, Погодину вздумалось представить и ихъ изнанку.

„Мы были на сценѣ",—писалъ онъ,—„отправимся теперь за кулисы: ка̀къ устроилось угощеніе, ка̀къ намѣренія приведены въ исполненіе? Вопросъ и отвѣтъ въ высшей степени любопытные и поучительные, которые заставятъ подумать тѣхъ, кто думать умѣетъ. Привезти и отвезти сто офицеровъ, съ прислугою, размѣстить и заготовить для нихъ все нужное и роскошное, исполнять всѣ ихъ приказанія, въ продолженіе десяти дней, дать нѣсколько великолѣпныхъ обѣдовъ, въ разныхъ мѣстахъ, на триста, двѣсти, сто особъ, сочинить нѣсколько увеселеній и празднествъ, достать билетовъ во всѣ публичныя собранія, приготовить роскошные обѣды, завтраки и ужины на дорогахъ, устроить многолюдные поѣзды и встрѣчи, — все придумать, ничего не забыть, ни въ чемъ не ошибиться, и соблюсти всѣ приличія. Куча, кажется, всякаго дѣла, для котораго нужна постоянная канцелярія, временный комитетъ и много чиновниковъ по особымъ порученіямъ. Нуженъ, сверхъ того, департаментъ для приведенія въ ясность дѣлопроизводства, контроль для по-

вѣрки счетовъ, и ликвидаціонная коммиссія, которая едва ли мѣсяцевъ въ шесть можетъ окончить свою трудную операцію. Все это необходимо, казалось, по нашей привычкѣ, а въ натурѣ не понадобилось ни комитета, ни канцеляріи, ни коммиссіи, ни департамента, и дѣло сдѣлалось легко, скоро и удобно. Какъ такъ? А вотъ какъ: одинъ изъ Петербурга мигнулъ по телеграфу: живо! А другой, въ отвѣтъ, кивнулъ изъ Москвы: ладно! И гости поѣхали, пріѣхали, сыты и веселы, погуляли, повеселились, возвратились къ сроку; вся Москва съ ними отпраздновала. Счеты въ три дня кончены, тысяча человѣкъ удовлетворены съ залишками, и поклонились въ поясъ; никакой жалобы нигдѣ не послышалось, а отъ всѣхъ полное удовольствіе и благодарность; разсказовъ, самыхъ веселыхъ и пріятныхъ на два года, воспоминаніе на всю жизнь! Вотъ что̀ значитъ дѣлать дѣло умѣючи и отъ души! Одинъ мигнулъ, другой кивнулъ, сказано выше, и это не фигура: такъ точно и было. Этотъ одинъ и этотъ другой употребили еще по два человѣка въ Петербургѣ и въ Москвѣ, смышленыхъ, расторопныхъ, честныхъ и главное, имъ преданныхъ: тѣ приложили руки къ дѣлу, и все вскипѣло, и все пошло заведенными часами, по маслу и ни у кого не застряло копейки, а развѣ приложена своя. Вся награда по окончаніи дѣла, въ дружескомъ спасибо. Дѣйствовавшія лица поцѣловались, пожали другъ другу руку—и конченъ балъ! Приложите жъ этотъ образъ дѣйствія къ дѣламъ однороднымъ, а ихъ найдется множество въ системѣ государственнаго управленія, и вы навѣрное получите скорый успѣхъ. *Да какъ, да нельзя, да вотъ вѣдь что можетъ случиться*, скажутъ наши подъячіе всѣхъ чиновъ и видовъ, а я скажу: Прежній образъ дѣйствій оказался недостаточнымъ—это для всѣхъ очевидно: испытайте этотъ, благо приходится онъ по душѣ и по натурѣ, то-есть, изберите людей живыхъ, извѣстныхъ, какъ это бывало у насъ встарину, и поручите имъ разныя части для управленія по совѣсти и присягѣ, они найдутъ себѣ помощниковъ и дѣло закипитъ! Но, возвратимся

къ старому образу дѣйствій, и разсмотримъ, каково было принадлежащее собственно ему въ послѣднихъ событіяхъ. Все принадлежащее ему, было вяло, скучно, досадно, недостаточно, пошло, даже противно, и не выдерживаетъ не малѣйшаго сравненія съ свободными движеніями частныхъ людей и всего народа. Кто же дѣйствовалъ или лучше, не дѣйствовалъ по старому образу? Городскія власти, митрополитъ, генералъ-губернаторъ, предводитель Дворянства, градской голова. Все это люди почтенные, заслуженные, умные, но такъ испортилась машина, что она не могла сдѣлать съ нею ничего хорошаго, и оказались совершенно несостоятельными: инструментъ такъ разстроился, что никакой виртуозъ не можетъ сыграть на немъ ничего порядочнаго. Мое почтеніе къ митрополиту, къ его высокому уму и дару слова, — слишкомъ извѣстно; слѣдовательно, я не могу быть заподозрѣнъ въ пристрастіи. Митрополитъ не выслалъ даже простаго священника со крестомъ, встрѣтить матросовъ, которые во всей Россіи встрѣчаемы были, по древнему православному обычаю. Отъ чего? Отъ того, что онъ, вѣрно, не получилъ оффиціальнаго *отношенія* о вступленіи экипажей въ Москву. Зачѣмъ онъ не распорядился безъ отношенія? Онъ ничего не слыхалъ? Зачѣмъ же онъ не имѣетъ такихъ людей, которые бы сообщали ему подобныя свѣдѣнія? А генералъ-губернаторъ, почему не далъ знать митрополиту? Не пришло ему въ голову. Зачѣмъ же онъ не имѣетъ такихъ людей, которые бы напоминали ему, что̀ нужно, и чего не приходитъ ему въ голову? Одному всего придумать нельзя, а у насъ всякій начальникъ поставилъ себя такъ, что никто не смѣетъ къ нему и подступиться, боясь получить грозный взглядъ: ты учить меня хочешь!.. И всѣ молчатъ, ни кому нѣтъ дѣла ни до чего, и дѣло остается на бумагѣ, то-есть бездѣльное. Генералъ-губернаторъ имѣлъ въ виду простыхъ матросовъ, и назначилъ встрѣтить ихъ исправляющему должность плацъ-маіора съ частнымъ приставомъ; а эти матросы—защитники Севастополя, которыхъ перецѣловать самъ государь сочтетъ

вѣрки счетовъ, и ликвидаціонная коммиссія, которая едва ли мѣсяцевъ въ шесть можетъ окончить свою трудную операцію. Все это необходимо, казалось, по нашей привычкѣ, а въ натурѣ не понадобилось ни комитета, ни канцеляріи, ни коммиссіи, ни департамента, и дѣло сдѣлалось легко, скоро и удобно. Какъ такъ? А вотъ какъ: одинъ изъ Петербурга мигнулъ по телеграфу: живо! А другой, въ отвѣтъ, кивнулъ изъ Москвы: ладно! И гости поѣхали, пріѣхали, сыты и веселы, погуляли, повеселились, возвратились къ сроку; вся Москва съ ними отпраздновала. Счеты въ три дня кончены, тысяча человѣкъ удовлетворены съ залишками, и поклонились въ поясъ; никакой жалобы нигдѣ не послышалось, а отъ всѣхъ полное удовольствіе и благодарность; разсказовъ. самыхъ веселыхъ и пріятныхъ на два года, воспоминаніе на всю жизнь! Вотъ что́ значитъ дѣлать дѣло умѣючи и отъ души! Одинъ мигнулъ, другой кивнулъ, сказано выше, и это не фигура: такъ точно и было. Этотъ одинъ и этотъ другой употребили еще по два человѣка въ Петербургѣ и въ Москвѣ, смышленыхъ, расторопныхъ, честныхъ и главное, имъ преданныхъ: тѣ приложили руки къ дѣлу, и все вскипѣло, и все пошло заведенными часами, по маслу и ни у кого не застряло копейки, а развѣ приложена своя. Вся награда по окончаніи дѣла, въ дружескомъ спасибо. Дѣйствовавшія лица поцѣловались, пожали другъ другу руку—и конченъ балъ! Приложите жъ этотъ образъ дѣйствія къ дѣламъ однороднымъ, а ихъ найдется множество въ системѣ государственнаго управленія, и вы навѣрное получите скорый успѣхъ. *Да какъ, да нельзя, да вотъ вѣдь что можетъ случиться*, скажутъ наши подъячіе всѣхъ чиновъ и видовъ, а я скажу: Прежній образъ дѣйствій оказался недостаточнымъ—это для всѣхъ очевидно: испытайте этотъ, благо приходится онъ по душѣ и по натурѣ, то-есть, изберите людей живыхъ, извѣстныхъ, какъ это бывало у насъ встарину, и поручите имъ разныя части для управленія по совѣсти и присягѣ, они найдутъ себѣ помощниковъ и дѣло закипитъ! Но, возвратимся

къ старому образу дѣйствій, и разсмотримъ, каково было принадлежащее собственно ему въ послѣднихъ событіяхъ. Все принадлежащее ему, было вяло, скучно, досадно, недостаточно, пошло, даже противно, и не выдерживаетъ не малѣйшаго сравненія съ свободными движеніями частныхъ людей и всего народа. Кто же дѣйствовалъ или лучше, не дѣйствовалъ по старому образу? Городскія власти, митрополитъ, генералъ-губернаторъ, предводитель Дворянства, градской голова. Все это люди почтенные, заслуженные, умные, но такъ испортилась машина, что она не могла сдѣлать съ нею ничего хорошаго, и оказались совершенно несостоятельными: инструментъ такъ разстроился, что никакой виртуозъ не можетъ сыграть на немъ ничего порядочнаго. Мое почтеніе къ митрополиту, къ его высокому уму и дару слова, — слишкомъ извѣстно; слѣдовательно, я не могу быть заподозрѣнъ въ пристрастіи. Митрополитъ не выслалъ даже простаго священника со крестомъ, встрѣтить матросовъ, которые во всей Россіи встрѣчаемы были, по древнему православному обычаю. Отъ чего? Отъ того, что онъ, вѣрно, не получилъ оффиціальнаго *отношенія* о вступленіи экипажей въ Москву. Зачѣмъ онъ не распорядился безъ отношенія? Онъ ничего не слыхалъ? Зачѣмъ же онъ не имѣетъ такихъ людей, которые бы сообщали ему подобныя свѣдѣнія? А генералъ-губернаторъ, почему не далъ знать митрополиту? Не пришло ему въ голову. Зачѣмъ же онъ не имѣетъ такихъ людей, которые бы напоминали ему, чтò нужно, и чего не приходитъ ему въ голову? Одному всего придумать нельзя, а у насъ всякій начальникъ поставилъ себя такъ, что никто не смѣетъ къ нему и подступиться, боясь получить грозный взглядъ: ты учить меня хочешь!.. И всѣ молчатъ, ни кому нѣтъ дѣла ни до чего, и дѣло остается на бумагѣ, то-есть бездѣльное. Генералъ-губернаторъ имѣлъ въ виду простыхъ матросовъ, и назначилъ встрѣтить ихъ исправляющему должность плацъ-маіора съ частнымъ приставомъ; а эти матросы—защитники Севастополя, которыхъ перецѣловать самъ государь сочтетъ

себѣ за удовольствіе. Этого также никто ему не напомнилъ. Какой день выбранъ для встрѣчи? 18 февраля, день кончины покойнаго государя. Позволительно ли, прилично ли въ такой день шумное выраженіе какого нибудь чувства? Развѣ нельзя было назначить встрѣчу наканунѣ или на другой день? Ясно, что, по высшему его соображенію, согласно съ старымъ образомъ дѣйствій, генералъ-губернаторъ хотѣлъ, чтобы встрѣча была какъ можно тише, т.-е., онъ боялся выраженія любовныхъ народныхъ чувствованій, точно какъ на Западѣ, правительство боится враждебныхъ демонстрацій оппозиціи. По этой то причинѣ не объявлено было ни въ какихъ газетахъ о предстоящемъ вступленіи моряковъ, и жители ничего объ немъ не знали; но все-таки собралось многое множество, сердцемъ почуя, и зашумѣло и закричало, и возрадовалось и возликовало, а остальные обыватели ввечеру ругательски ругали городское начальство, за преступное или по крайней мѣрѣ неразумное умолчаніе. Пойдемъ далѣе: генералъ-губернатору нельзя было дать обѣда морякамъ ближе пятаго дня, и онъ не позволялъ никому давать имъ обѣда прежде. Несчастные купцы чуть ли не подверглись взысканію за то, что показали прежде всѣхъ свое усердіе. Спрашивается: гдѣ же было обѣдать офицерамъ первые четыре дня, до генералъ-губернаторскаго пятаго? У Кокорева. Ну, Кокоревъ и давалъ обѣды ежедневные на 150 человѣкъ, въ Новотроицкомъ трактирѣ, у Шевалье, въ Купеческомъ Собраніи, еще у Шевалье и проч. Нѣкоторые офицеры однакожъ отправились назадъ въ Петербургъ, сочтя слишкомъ для себя неловкимъ такое продолжительное ожиданіе оффиціальныхъ обѣдовъ.

„Въ день восшествія на престолъ государя императора приглашены были къ генералъ-губернатору одни штабъ-офицеры, а оберъ-офицеровъ опять долженъ былъ угощать Кокоревъ.

„Если въ этотъ табельный день, по придворному этикету, имѣютъ право на приглашеніе къ генералъ-губернаторскому

столу извѣстные высшіе чины, то нечего и упоминать объ офицерахъ, которые сами должны знать, могутъ ли они тамъ быть или нѣтъ.

„Если для штабъ-офицеровъ сдѣлано исключеніе, то не для чего было отдѣлять отъ нихъ оберъ-офицеровъ, ибо лишнихъ сто человѣкъ могутъ помѣститься въ такихъ пространныхъ залахъ.

„Всего менѣе прилично печатное раздѣленіе, которое обидѣло и штабъ-офицеровъ и оберъ-офицеровъ, стоявшихъ и служившихъ подъ огнемъ на бастіонахъ одинаково. Многіе штабъ-офицеры явились на обѣдъ Кокоревскій.

„Губернскій предводитель и градской голова поступили еще хуже митрополита и генералъ-губернатора. Сперва о предводителѣ: давало обѣдъ Дворянство, а Дворянства на обѣдѣ не было, были одни чиновники, выборные и коронные, такъ что тотчасъ послѣ обѣда настоящіе Дворяне протестовали противъ приписаннаго имъ празднества, въ которомъ они не принимали никакого участія, не смотря на свое искреннее желаніе.

„Объ рѣчи въ Благородномъ Собраніи никто и не подумалъ, а гдѣ же должна была быть произнесена главная торжественная рѣчь, какъ не въ залѣ Московскаго Собранія, предъ портретами Екатерины, Александра I, Николая и Александра II! Наконецъ, обратимся къ градскому главѣ.

„Градской голова, во все время проспорилъ и продумалъ, гдѣ быть купеческому обѣду, и далъ обѣдъ отъ себя уже на второй недѣлѣ, когда сто офицеровъ уѣхало въ Петербургъ; такимъ образомъ, купеческое сословіе не имѣло случая показать своего уваженія къ защитникамъ Севастополя, поднеся имъ даже хлѣбъ-соль на глиняномъ блюдѣ, между тѣмъ, какъ Кокоревское, отъ имени иногороднаго купечества, горѣло, какъ жаръ на солнцѣ.

„Всѣ оффиціальные обѣды отличались своею скукою и мертвенностію, но дворянскій преимущественно былъ какимъ-то поминовеніемъ на похоронахъ; между тѣмъ, какъ на част-

ныхъ обѣдахъ кипѣла жизнь, говорила душа и разливалась радость.

„Извольте отыскивать причины, почему это было такъ, и извлеките себѣ правило, какъ поступить лучше на предстоящихъ намъ празднествахъ, чтобъ не опозориться вновь еще хуже.

„Вотъ въ чемъ и заключается цѣль моихъ замѣчаній, коими, повторяю, не хотѣлъ я никого ни обидѣть, ни огорчить, а только навести на нѣкоторыя, по моему мнѣнію, нужныя мысли.

„Въ наше время есть много тонкостей въ чувствахъ и мысляхъ, не принимавшихся прежде въ соображеніе, и эти тонкости оскорбляются даромъ преимущественно по безграмотности, господствующей около нашего начальства.

„Нужны, слѣдовательно, вездѣ, съ одной стороны, грамотные люди, а съ другой,—всякому начальнику должно допускать къ себѣ, и просить совѣтовъ, мнѣній, замѣчаній, какъ митрополиту, такъ и генералъ-губернатору, и прочимъ властямъ, не смотря на ихъ умъ, опытность и всѣ прочія достоинства; одинъ нигдѣ никакого дѣла сдѣлать теперь не можетъ, потому что всякое дѣло сдѣлалось во сто разъ мудренѣе прежняго, а какъ начальники наши надѣются все пробавляться собственными экономическими средствами, то и происходитъ безпрерывное умственное банкротство“!

За симъ, Погодинъ задается вопросомъ: Что̀ стоило Кокореву такое угощеніе, „обширное, разнообразное, роскошное, торжественное“?

На заданный вопросъ, Погодинъ отвѣчаетъ: „Сто тысячъ, по Московскому, православному счету (не на серебро,—пагубное нововведеніе, которое разорило насъ больше Англійскаго нашествія). Сто тысячъ—сумма для частнаго человѣка, конечно, значительная, но ничтожная для общества, для города, для государства! Сколько же удовольствія, сколько пользы, нравственной пользы куплено на эти сто тысячъ? Столько, что и милліонъ заплатить мало! Самыя высокія,

самыя благородныя чувства получили себѣ обильную пользу. Весело было на душѣ у всякаго обывателя въ городѣ, по однимъ слухамъ о томъ, что̀ происходило, по однѣмъ встрѣчамъ съ героями праздниковъ. У лицъ, принимавшихъ непосредственное участіе, столько было пріятныхъ, сладостныхъ минутъ, что на всю жизнь останется имъ драгоцѣнное воспоминаніе.

„Описаніе пріобщитъ къ нимъ и всю Россію! И все это куплено на сто тысячъ! Дешевле пареной рѣпы!

„Перейдемъ теперь къ вещественной сторонѣ дѣла. Здѣсь мы найдемъ новыя его степени. Кому достались эти сто тысячъ? Извощикамъ, поварамъ, торговцамъ съѣстными припасами, разнымъ лавочникамъ, прислужникамъ и прочимъ промышленнымъ людямъ, которые получили все, что требовали, и сверхъ того награждены щедро. Сто тысячъ покатились въ народъ, удовлетворяя различнымъ мелкимъ, но тѣмъ не менѣе обременительнымъ нуждамъ и доставляя средства получить тѣ или другія скромныя удовольствія.

„Умное правительство должно искать случаевъ, поводовъ, занимать такъ по временамъ своихъ гражданъ, и давать имъ подобную здоровую пищу! Всѣ его издержки вознаградятся съ лихвою.

„Гдѣ же искать такихъ случаевъ? Мудрено найти. Кому мудрено, а кому легко. Народныя празднества могутъ быть различныя: однѣ военныя, другія гражданскія, для ученыхъ, для купечества, для городовъ, наконецъ для цѣлаго народа. Невольно припоминаются Олимпійскія игры въ Греціи. Наши театры, концерты и маскарады, гулянья, развѣ ихъ замѣняютъ? Пусть обратятъ вниманіе на этотъ предметъ, который имѣетъ на то полное право.

„Для примѣра я передамъ здѣсь другой планъ угощенія матросовъ, который сто̀илъ бы еще менѣе, а произвелъ бы также большое дѣйствіе. Съ этого плана, принадлежащаго также въ своемъ основаніи В. А. Кокореву, и началось событіе, которому посвящена настоящая статья. Намъ остается кончить и описаніемъ его начала. Планъ найденъ неудоб-

нымъ для исполненія по существующимъ постановленіямъ. Въ Петербургѣ мысль о встрѣчѣ матросовъ возобновилась въ другой формѣ и обратилась преимущественно къ офицерамъ. Доведено было до свѣдѣнія генералъ-адмирала о желаніи многихъ Московскихъ жителей устроить встрѣчу слѣдующимъ экипажамъ, какъ можно блистательнѣе. Его императорскому высочеству угодно было принять предложеніе В. А. Кокорева съ совершеннымъ благоволеніемъ, — и дѣло закипѣло! Начало въ сердцѣ, утвержденіе въ царскомъ словѣ, исполненіе въ Русскомъ толкѣ! Да здравствуютъ царское слово, доброе сердце и Русскій толкъ"!

Разрѣшивъ вопросъ, Погодинъ написалъ: *Насилу дописалъ.*

LXXXVII.

Въ февралѣ 1856 года, прибылъ изъ Севастополя въ Москву графъ Дмитрій Ероѳеевичъ Остенъ-Сакенъ.

„Если жранье и пьянство",—писалъ С. Т. Аксаковъ къ Погодину,—„способны выражать патріотическія чувства, то по совѣсти слѣдуетъ дать обѣдъ Остенъ-Сакену, единственному благочестивому и честному генералу цѣлой арміи. Возьмитесь, пожалуйста, за устройство обѣда. Безъ васъ ничего не составятъ и будетъ стыдно".

Съ своей стороны и Шевыревъ писалъ Погодину: „Что обѣдъ Остенъ-Сакену? Пожалуйста, запиши меня въ участники. Я просилъ о томъ С. П. Шипова, который мнѣ первый сказалъ объ обѣдѣ и просилъ говорить. Я готовъ говорить. Въ такихъ случаяхъ, какъ отказываться? Говорить,—обязанность, хоть меня и считаютъ риторомъ".

Въ тоже время и С. П. Шиповъ писалъ Погодину: „Графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ проводитъ у меня сегодняшній вечеръ и вамъ, конечно, какъ горячему патріоту, пріятно было бы съ доблестнымъ мужемъ побесѣдовать; посѣщеніемъ же вашимъ вы много насъ обяжете. Посылаю вамъ при семъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, послужной списокъ

графа Остенъ-Сакена, составленный изъ документовъ однимъ изъ сподвижниковъ его; я благодарю васъ за доставленныя вами мнѣ предположенія объ обѣдѣ, даваемомъ графу Дмитрію Ероѳеевичу“.

К. С. Аксаковъ уже спрашивалъ Погодина: „Что же цѣна за обѣдъ Сакену? Мы ждали васъ вчера цѣлый день, ибо вчера маменькино рожденіе. Скажите, сдѣлайте милость, цѣну; я намѣренъ ѣхать собирать деньги съ самаго утра“ [382]).

Въ *Дневникѣ* же Погодина мы находимъ слѣдующія записи:

Подъ *2 марта 1856* года: „Въ Купеческомъ Собраніи вербовалъ охотниковъ“.

— *3* — — — : „Хлопоты объ обѣдѣ. Въ депутацію къ Сакену“.

Между тѣмъ, митрополитъ Филаретъ, ничего не зная, ни о приготовленіяхъ, ни о состоявшемся обѣдѣ въ честь Остенъ-Сакена, на другой день торжества, т.-е., 5 марта 1856 года, писалъ своему Лаврскому намѣстнику архимандриту Антонію, слѣдующее: „У меня былъ, во вторникъ, графъ Дмитрій Ероѳеевичъ Сакенъ; а вчера, въ Чудовѣ, выслушалъ всю службу, и оттуда пріѣхалъ опять ко мнѣ. На прошедшей недѣлѣ, и по днямъ, и по нездоровью, не могъ я у него быть, а также и сегодня, потому что по сильной простудѣ вчера едва могъ совершить службу и, возвратясь, нашелъ нужнымъ призвать врача. Поручилъ преосвященному викарію быть у него съ почтеніемъ отъ себя и отъ меня... Не слышу, чтобы Москва его привѣтствовала. Недѣли за двѣ предъ симъ, одинъ пріѣхавшій изъ Петербурга сказалъ мнѣ о немъ странность, будто онъ не выходилъ изъ казармъ во время послѣдняго приступа къ Севастополю. Вскорѣ потомъ случился у меня флотскій іеромонахъ, и я спросилъ его, правда ли это? Онъ отвѣчалъ: Неправда, графъ былъ при главнокомандующемъ и при войскѣ.—Господи, покажи государю правду“ [383])!

Въ залѣ Благороднаго Собранія, 4-го марта 1856 года, данъ былъ обѣдъ въ честь генералъ-адъютанта графа Дмитрія Ероѳеевича Остенъ-Сакена.

„Москвитяне“,—повѣствуетъ Погодинъ,—„въ послѣднее время, чествовали славныхъ защитниковъ Севастополя, офицеровъ и матросовъ Черноморскаго флота, составлявшихъ мужественный, геройскій гарнизонъ крѣпости. Узнавъ на прошедшей недѣлѣ о проѣздѣ чрезъ Москву графа Остенъ-Сакена, бывшаго начальникомъ горнизона, въ продолженіе почти всей осады, многіе граждане, въ томъ числѣ его сослуживцы и знакомые, сочли своею обязаностью выразить ему также чувства своей признательности. Генералъ-адъютантъ Шиповъ, товарищъ графа Остенъ - Сакена, по званію генералъ - адъютанта и близкій къ нему по давней дружбѣ, принялъ на себя распоряженіе предположеннаго празднества. Московскіе сановники показали живое участіе. Въ два дня записалось около двухъ сотъ человѣкъ, — и депутація отправилась къ заслуженному воину, просить, чтобы онъ удостоилъ посѣщенія устроенный въ честь его обѣдъ. Въ первое воскресенье поста, къ четыремъ часамъ, собралось избранное Московское общество, изъ всѣхъ сословій безъ различія, въ обширныя залы Благороднаго Собранія. Столъ убранъ былъ великолѣпно цвѣтами, плодами и зеленью. Въ началѣ пятаго часа, грянула полковая музыка и возвѣстила прибытіе честимаго гостя. Генералъ-адъютантъ Шиповъ встрѣтилъ его въ первой гостинной, и ввелъ въ главную залу, гдѣ и представилъ участниковъ. Въ срединѣ обѣда, когда наполнились шампанскимъ бокалы, старшій изъ участвовавшихъ, князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, всталъ и провозгласилъ тостъ за здравіе государя императора и всего Августѣйшаго Дома. Во всѣхъ концахъ залы раздалось громкое, живое *ура*, и не прерывалось до самого окончанія знаменитой пѣсни. Музыка слышалась только въ краткихъ передышкахъ, за которыми клики вырывались громче и громче, не только въ залѣ, но и на хорахъ. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ замѣтили, что эти клики на всякомъ новомъ обѣдѣ слышатся crescendo, такъ что музыка скоро окажется совершенно ненужною, и достаточно будетъ только услы-

шать возлюбленное имя, чтобъ въ ту же минуту раздался громъ Русскаго общаго сердечнаго чувства, во славу того, кого мы любимъ, на кого мы надѣемся, кому мы вѣримъ... Второй тостъ предложилъ генералъ-адъютантъ Шиповъ слѣдующими словами: Мы, жители Москвы, почитатели заслугъ и достоинствъ графа Остенъ-Сакена, за особенную честь себѣ поставляемъ видѣть сегодня между нами доблестнаго мужа. За здоровье вождя, сколько храбраго, столько же и скромнаго"!

За симъ, произнесъ рѣчь Погодинъ. Рѣчь эта встрѣтила самое живое сочувствіе. „Не придавая ей",—писалъ самъ Погодинъ,—„никакой цѣны въ отношеніи искусства, какъ самому простому выраженію мыслей, принадлежащихъ всему обществу, я, въ качествѣ лѣтописателя, считаю своею обязанностью, въ исполненіе общаго требованія, отмѣтить, при пособіи свидѣтелей, мѣста, кои присутствовавшими признаны торжественно и громко за свои. Рукоплесканія, слѣдовательно, не принадлежали словамъ, а служили только всякому выраженіемъ его собственныхъ мыслей. Не рѣчь важна, а важна быль, важно дѣло"!

Въ этой рѣчи Погодинъ сказалъ: „Московскіе граждане сочли непремѣннымъ своимъ долгомъ засвидѣтельствовать чувства глубокаго своего почтенія вамъ, графъ, начальнику Севастопольскаго горнизона, покрывшаго себя блистательною славою въ продолженіе осады, безпримѣрной въ лѣтописяхъ военнаго Искусства. На прошедшей недѣлѣ мы привѣтствовали офицеровъ Черноморскаго флота, славили ихъ храбрость, неустрашимость, отвагу. Эти доблести для всѣхъ очевидны, но сокровенныя дѣйствія военачальниковъ остаются долго въ неизвѣстности. . Позвольте намъ, графъ, воздавая вамъ честь, пропустить событія, которыхъ мы не знаемъ еще основательно. Позвольте намъ вспомнить теперь только тѣ подвиги изъ вашей долговременной службы, которые сдѣлались уже достояніемъ отечественной Исторіи, которые мы всѣ здѣсь знаемъ. Мы знаемъ, что, начавъ службу еще въ

отрочествѣ, вы участвовали въ Аустерлицкомъ сраженіи, сдѣлались вскорѣ адъютантомъ Милорадовича и принимали, слѣдовательно, дѣятельное участіе во всѣхъ славныхъ сраженіяхъ 1812, 13 и 14 годовъ. Мы знаемъ, что въ Персидскую войну вы начальствовали всею кавалеріею. Мы знаемъ, что въ Турецкую войну вы были начальникомъ Главнаго Штаба у Паскевича, взошли прежде всѣхъ на стѣны Ахалциха и содѣйствовали преимущественно взятію приступомъ Карса. Мы знаемъ, что въ Польскую войну вы охранили Вильну, стянувъ съ особеннымъ искусствомъ разсѣянные отряды и разбивъ шедшаго противъ васъ многочисленнѣйшаго непріятеля. Мы знаемъ, что въ продолженіе нынѣшней войны вы защитили Одессу. Мы знаемъ, что Волынскій, Селенгинскій и Камчатскій редуты были воздвигнуты и оборонены блистательно во время вашего военачальства. Мы знаемъ наконецъ, что не было ни одного опаснаго мѣста въ Севастополѣ, гдѣ бы вы не являлись въ случаѣ нужды съ вашими распоряженіями (*восклицанія*). Вотъ, что̀ мы знаемъ о вашихъ подвигахъ въ военное время. Мы знаемъ, что въ мирное время вы были строгимъ блюстителемъ необходимой въ войскѣ дисциплины; но ваши полки, дивизіи, корпуса, всегда были накормлены сыто (*восклицанія*), одѣты и обуты тепло (*восклицанія*), не изнурялись никакими излишними трудами, и всѣ люди находили себѣ всегда свободный доступъ и справедливое покровительство (*восклицанія*). Мы знаемъ еще одно ваше достоинство, которое дѣлаетъ васъ особенно любезнымъ для насъ, жителей православной Москвы, достоинство, котораго для Русскаго солдата не замѣнитъ никакая наука, никакая ученость, никакой умъ, никакія способности, — достоинство, которое завѣщалъ своимъ примѣромъ всякому Русскому военачальнику нашъ великій мастеръ *науки побѣждать*, Суворовъ. Я не смѣю назвать этого достоинства по имени, но будьте увѣрены, что у православныхъ Московскихъ людей, которыхъ вы здѣсь видите, сердце забилось въ эту минуту сильнѣе и почувствовало къ вамъ

особенное влеченіе! (*восклицанія*). Вотъ, что мы знаемъ, графъ, о вашихъ подвигахъ военныхъ и мирныхъ! Мм. гг.! Довольно ли этого, чтобъ поднять высоко бокалъ и воскликнуть громко: Честь, честь и благодарность соотечественниковъ графу Остенъ-Сакену"! (*Восклицанія*).

Графъ Остенъ-Сакенъ отвѣчалъ: „Глубоко тронутый радушнымъ пріемомъ и сочувствіемъ Москвы, сердца Россіи, колыбели Русской народности, я могу сильно чувствовать, но не съумѣю высказать живѣйшей моей признательности. Скажу только съ простодушіемъ закаленнаго въ бояхъ солдата, что это вниманіе, это сочувствіе даютъ мнѣ новыя силы, къ добросовѣстному продолженію моего служенія. Да здравствуетъ и благоденствуетъ православный, истинно Русскій царь нашъ! Да здравствуетъ и благоденствуетъ благочестивая наша Россія, и да погибнетъ ложь и все гнилое, ей приразившееся! Да здравствуетъ и благоденствуетъ Москва, и да сотрутся съ лица Земли Русской враги правды и безкорыстія"!

Третій тостъ посвященъ былъ Севастопольскому гарнизону. К. С. Аксаковъ, съ особеннымъ чувствомъ, сказалъ слѣдующую рѣчь, возбудившую многими мѣстами и ихъ выраженіемъ общее сочувствіе: „Весьма понятно, что люди, знакомые съ боевыми подвигами, собрались, чтобъ выразить вамъ, графъ, свое глубокое уваженіе. Но между участниками этого обѣда есть люди, которымъ никогда не случалось видѣть боевого поля, которые вовсе незнакомы съ военнымъ дѣломъ, съ военною наукою. Какое же право имѣютъ они цѣнить военные подвиги и привѣтствовать боевого генерала, еще недавно испытаннаго, укрѣпленнаго и освѣженнаго дымомъ и громомъ сраженій? Почему присутствуютъ здѣсь люди вовсе не военные? Потому, что во всякомъ дѣлѣ человѣческомъ, слѣдовательно, и въ дѣлѣ военномъ, есть нравственная сторона, есть внутренняя сила, которая доступна и понятна всякому человѣку, которую, чтобъ почувствовать и оцѣнить, достаточно быть человѣкомъ. Вотъ та сторона ва-

шихъ подвиговъ, доблестный военачальникъ, которая доступна и невоеннымъ людямъ, неимѣющимъ никакого знанія собственно военнаго дѣла. И сказать ли, что сторона, столь живо ощутительная во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, едва ли не существенная сторона всякаго дѣла. Недавно удалось мнѣ слышать выраженіе одного воина, закаленнаго въ Севастопольскомъ огнѣ: Мало одного ума, мало одного знанія — надобно души подбавить. Какъ бы ни шло впередъ военное искусство, какія бы новыя изобрѣтенія ни совершались, но души они не замѣнятъ, ибо души ни выдумать, ни изобрѣсти нельзя (*восклицанія*). Среди всѣхъ усовершенствованій и машинъ, среди новыхъ открытыхъ двигателей на землѣ, первымъ двигателемъ въ человѣчествѣ всегда останется духъ! (*Восклицанія*). Русскій народъ знаетъ, графъ, что вы глубоко чтите то, что составляетъ основу всего бытія Русскаго народа. Я разумѣю вѣру. Вѣра связуетъ насъ неразрывно союзомъ братской любви съ отдаленными единовѣрцами Греками и единоплеменными Славянскими народами (*Восклицанія*). Въ вѣрѣ побѣда, въ вѣрѣ неодолимая сила. Она одна даетъ истинное мужество; въ этомъ мужествѣ уже нѣтъ кипѣнья крови, нѣтъ подстреканія самолюбія, а одно высокое безстрашіе, ибо страхъ Божій избавляетъ отъ всякаго страха! (*Взрывъ восклицаній*). Эти мысли и слова внушаются присутствіемъ вашимъ, графъ. Государство чтитъ заслуги человѣка, возводя его по степенямъ государственныхъ почестей, украшая его внѣшними знаками отличія. Общество чтитъ человѣка добровольнымъ выраженіемъ своего внутренняго сочувствія и уваженія. Примите жъ, Русскій православный воевода, этотъ обѣдъ, какъ общественное выраженіе сочувствія и уваженія къ вамъ, какъ къ воину и какъ къ человѣку" (*восклицанія*).

Послѣдній тостъ посвященъ былъ защитникамъ Одессы. С. П. Шевыревъ сказалъ: „При словахъ: *за храбрость защитниковъ Одессы*!,. по влеченію собственнаго чувства, неуполномоченный никѣмъ, я выхожу сказать вамъ мое привѣтствіе. Конечно, не мое дѣло цѣнить ваши воинскія доблести: намъ

ли мирнымъ труженикамъ науки судить о нихъ?... Не они вызываютъ меня теперь на слово и влекутъ къ вамъ, а та добродѣтель, которая озаряетъ ихъ и служитъ имъ источникомъ. Я не усумнюсь назвать ее во всеуслышаніе, особливо въ недѣлю православія, — это наше древнее Русское благочестіе. Я не посягнулъ бы на вашу скромность, еслибъ эта добродѣтель въ васъ не принадлежала уже Отечеству и не связывалась съ тѣмъ великимъ историческимъ событіемъ, которое оживилось въ нашей памяти, когда вы подняли бокалъ *за храбрыхъ защитниковъ Одессы*. Сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя; противъ адскихъ орудій истребленія, — изобрѣсти другія, болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы Русскія будутъ, пока силы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ его въ нашемъ древнемъ Русскомъ благочестіи".

По окончаніи рѣчи, раздались новыя восклицанія, долго не умолкавшія.

Предъ концемъ обѣда, А. С. Хомяковъ, начавшій службу въ кирасирскомъ полку, подъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена, подошелъ къ нему и сказалъ ему нѣсколько задушевныхъ словъ, выражавшихъ его глубокое личное сочувствіе или, говоря его словами, сочувствіе гордой любви.

Гости встали изъ-за стола веселые, довольные, въ пріятномъ волненіи, радуясь, что случилось имъ сказать вслухъ лежавшее на сердцѣ и услаждаясь единодушными вѣрноподданническими чувствами... [384]).

Возвратившись послѣ обѣда домой, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Написалъ рѣчь. Произнесъ. Торжество. Рукоплесканія и благодарности"; а подъ *6 марта*, въ *Дневникѣ* Погодина мы встрѣчаемъ слѣдующую запись: „Вечеръ у Кошелева съ Сакенымъ. Досадный Хомяковъ несетъ аллилую".

Описаніе обѣда, даннаго въ честь графа Д. Е. Остенъ-Сакена, Погодинъ представилъ на разсмотрѣніе С. П. Шипову, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Исполняя желаніе

шихъ подвиговъ, доблестный военачальникъ, которая доступна и невоеннымъ людямъ, неимѣющимъ никакого знанія собственно военнаго дѣла. И сказать ли, что сторона, столь живо ощутительная во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, едва ли не существенная сторона всякаго дѣла. Недавно удалось мнѣ слышать выраженіе одного воина, закаленнаго въ Севастопольскомъ огнѣ: Мало одного ума, мало одного знанія —надобно души подбавить. Какъ бы ни шло впередъ военное искусство, какія бы новыя изобрѣтенія ни совершались, но души они не замѣнятъ, ибо души ни выдумать, ни изобрѣсти нельзя (*восклицанія*). Среди всѣхъ усовершенствованій и машинъ, среди новыхъ открытыхъ двигателей на землѣ, первымъ двигателемъ въ человѣчествѣ всегда останется духъ! *(Восклицанія).* Русскій народъ знаетъ, графъ, что вы глубоко чтите то, что̀ составляетъ основу всего бытія Русскаго народа. Я разумѣю вѣру. Вѣра связуетъ насъ неразрывно союзомъ братской любви съ отдаленными единовѣрцами Греками и единоплеменными Славянскими народами *(Восклицанія)*. Въ вѣрѣ побѣда, въ вѣрѣ неодолимая сила. Она одна даетъ истинное мужество; въ этомъ мужествѣ уже нѣтъ кипѣнья крови, нѣтъ подстреканія самолюбія, а одно высокое безстрашіе, ибо страхъ Божій избавляетъ отъ всякаго страха! (*Взрывъ восклицаній).* Эти мысли и слова внушаются присутствіемъ вашимъ, графъ. Государство чтитъ заслуги человѣка, возводя его по степенямъ государственныхъ почестей, украшая его внѣшними знаками отличія. Общество чтитъ человѣка добровольнымъ выраженіемъ своего внутренняго сочувствія и уваженія. Примите жъ, Русскій православный воевода, этотъ обѣдъ, какъ общественное выраженіе сочувствія и уваженія къ вамъ, какъ къ воину и какъ къ человѣку“ *(восклицанія).*

Послѣдній тостъ посвященъ былъ защитникамъ Одессы. С. П. Шевыревъ сказалъ: „При словахъ: *за храбрость защитниковъ Одессы*!.. по влеченію собственнаго чувства, неуполномоченный никѣмъ, я выхожу сказать вамъ мое привѣтствіе. Конечно, не мое дѣло цѣнить ваши воинскія доблести: намъ

ли мирнымъ труженикамъ науки судить о нихъ?... Не они вызываютъ меня теперь на слово и влекутъ къ вамъ, а та добродѣтель, которая озаряетъ ихъ и служитъ имъ источникомъ. Я не усумнюсь назвать ее во всеуслышаніе, особливо въ недѣлю православія, — это наше древнее Русское благочестіе. Я не посягнулъ бы на вашу скромность, еслибъ эта добродѣтель въ васъ не принадлежала уже Отечеству и не связывалась съ тѣмъ великимъ историческимъ событіемъ, которое оживилось въ нашей памяти, когда вы подняли бокалъ *за храбрыхъ защитниковъ Одессы*. Сокрушимы всѣ силы человѣческія. На несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя; противъ адскихъ орудій истребленія, —изобрѣсти другія, болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы Русскія будутъ, пока силы небесныя съ нами. Вотъ наше вѣрованіе, а источникъ его въ нашемъ древнемъ Русскомъ благочестіи".

По окончаніи рѣчи, раздались новыя восклицанія, долго не умолкавшія.

Предъ концемъ обѣда, А. С. Хомяковъ, начавшій службу въ кирасирскомъ полку, подъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена, подошелъ къ нему и сказалъ ему нѣсколько задушевныхъ словъ, выражавшихъ его глубокое личное сочувствіе или, говоря его словами, сочувствіе гордой любви.

Гости встали изъ-за стола веселые, довольные, въ пріятномъ волненіи, радуясь, что случилось имъ сказать вслухъ лежавшее на сердцѣ и услаждаясь единодушными вѣрноподданническими чувствами.. [384]).

Возвратившись послѣ обѣда домой, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Написалъ рѣчь. Произнесъ. Торжество. Рукоплесканія и благодарности"; а подъ *6 марта*, въ *Дневникѣ* Погодина мы встрѣчаемъ слѣдующую запись: „Вечеръ у Кошелева съ Сакенымъ. Досадный Хомяковъ несетъ аллилую".

Описаніе обѣда, даннаго въ честь графа Д. Е. Остенъ-Сакена, Погодинъ представилъ на разсмотрѣніе С. П. Шипову, отъ котораго получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Исполняя желаніе

ваше, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, я посылаю вамъ при семъ написанную вами статью. Она исчеркана карандашомъ, рукою Алексѣя Степановича Хомякова, а я, не будучи литераторомъ, не дерзнулъ въ ней измѣнить ни слова. Съ нетерпѣніемъ ожидаю удовольствія съ вами свидѣться".

По порученію графа Д. Е. Остенъ-Сакена, К. С. Аксаковъ писалъ Погодину: „Сакенъ просилъ меня сообщить вамъ тѣ добавленія и измѣненія въ своей рѣчи, которыя онъ произнесъ на обѣдѣ, но которыя забылъ вамъ сообщить. Вотъ они: Да здравствуетъ православный и истинно-Русскій царь нашъ! Да здравствуетъ и благоденствуетъ благочестивая наша Россія и да погибнутъ ложь и все гнилое, ей привившееся, да здравствуетъ и благоденствуетъ Москва, да бичуетъ общее мнѣніе враговъ правды и безкорыстія и да сотрутся они съ земли Русской" [385]).

По поводу обѣда въ честь графа Остенъ-Сакена, А. С. Хомяковъ писалъ Ю. Ѳ. Самарину: „Аксаковъ нѣсколько подгулялъ и съ Сакенскаго обѣда не совсѣмъ протрезвляется, а Погодинъ просто пьянъ и наслаждается своимъ пьянствомъ. Разумѣется, во всемъ этомъ много излишества, и скажу болѣе, много опасности для самой чистоты и трезвенности мысли; но все-таки небезрадостно видѣть это оживленіе; тѣмъ болѣе, что во многихъ оно пробудило охоту къ занятію серьезному и дѣльному" [386]).

Хотя А. С. Хомяковъ не „подгулялъ", подобно Аксакову, и не былъ „пьянъ" подобно Погодину, но обѣдъ, данный въ честь его бывшаго начальника, былъ для него не благополученъ. Начальникъ Второго Округа Корпуса Жандармовъ генералъ С. В. Перфильевъ, сообщилъ въ Петербургъ слѣдующее: „Въ Московскомъ Дворянскомъ Собраніи, по подпискѣ данъ былъ обѣдъ графу Сакену; въ числѣ участвовавшихъ находился рѣзко отличающійся одеждою Хомяковъ (славянофилъ), который, по окончаніи обѣда, подошелъ къ графу и сказалъ самое короткое привѣтствіе. Подлѣ графа сидѣлъ князь С. М. Голицынъ; Хомякова онъ никогда

не видалъ; борода, поддевка—все вмѣстѣ его очень удивило и, какъ видно, оскорбило, ибо впослѣдствіи онъ изъявлялъ сожалѣніе, что поѣхалъ на обѣдъ, тѣмъ болѣе, что и графъ Закревскій не пріѣхалъ. Рѣчи говорили: Шевыревъ, Погодинъ и К. Аксаковъ. Въ рѣчи Погодина многія выраженія признаются неумѣстными и неприличными".

Рѣчь Погодина прочелъ государь 20 марта 1856 года [387]).

Передъ Пасхой 1856 года, Хомякову, по именному высочайшему повелѣнію, запрещено было носить бороду [388]).

„Не знаю",—писалъ С. Т. Аксаковъ Погодину,—„будетъ ли взята подписка съ Хомякова. Государь сказалъ: Предложить Славянофиламъ, ходить въ такомъ платьѣ, какъ ходятъ всѣ". Но А. И. Кошелевъ сообщилъ Погодину: „Съ Хомякова дѣйствительно взяли подписку въ томъ, что онъ не будетъ носить бороды и являться *въ публику* въ *національномъ* платьѣ. Хорошо то, что это дѣлается въ силу секретнаго высочайшаго повелѣнія. Дѣло весьма (важное) и слѣдуетъ объ немъ потолковать. Кирѣевскій свое дѣло сдѣлалъ. Хомяковъ напишетъ къ Блудовой, и я думаю смиренно сказать свое словечко. Прекрасно было бы, еслибъ вы написали объ этомъ къ кому-нибудь письмо и поговорили о впечатлѣніи, которое его произвело; мошенники, взяточники, лакеи торжествуютъ, а люди независимые, мыслящіе всѣхъ партій, повѣсили носъ" [389]).

Кошелевъ же писалъ слѣдующее къ А. Н. Попову: „Вы вѣрно уже знаете отъ Кирѣевскаго и графини Блудовой о подпискѣ, взятой съ Хомякова. Грустно, очень грустно! Хотя подписка и взята по высочайшему повелѣнію, но мы не можемъ вѣрить, чтобы Русскій царь могъ запретить Русскимъ носить Русское платье. Тутъ недоразумѣніе, тутъ обманъ и клевета. Я посылаю къ Кирѣевскому статейку, которая здѣсь ходитъ по рукамъ на счетъ подписки, взятой съ Хомякова... Очень, очень было бы важно произвести реакцію противъ Закревскаго, князя Сергѣя Михайловича Голицына и другихъ".

17 апрѣля 1856 года, князь П. А. Вяземскій писалъ

Шевыреву: „Не можете ли вы достать мнѣ чрезъ Аксаковыхъ полнаго списка *Бродяги*, въ первобытномъ и натуральномъ видѣ, т.-е., до обряда *обрѣзанія* ветхозавѣтной цензуры. Великая княгиня Марія Николаевна желаетъ имѣть такой списокъ. Кстати, объ *обрѣзаніи*: что это приключилось съ Хомяковымъ? А вотъ умеръ и бѣдный Чаадаевъ. Жаль мнѣ его. Москва безъ него и безъ Хомяковской бороды, какъ безъ двухъ родинокъ, которыя придавали особенное выраженіе лицу ея" [390]).

Рѣчь Погодина привела въ восторгъ К. Д. Кавелина, и онъ писалъ ему: „Что касается до вашей рѣчи Остенъ-Сакену, то отзывъ о ней одинъ: всѣ ею восхищаются, ее распространяютъ и списываютъ. Я ее читалъ и въ Министерствѣ Двора, и у меня сняли копію. Хоть и не принято говорить въ глаза пріятныя вещи, однако, я считаю долгомъ вамъ передать, что кромѣ содержанія, въ этой рѣчи любуются и ораторской ея красотой и оконченностью" [391]).

8 ноября 1856 года, изъ Николаева, И. С. Аксаковъ писалъ своимъ родителямъ: „Графъ Сакенъ, въ письмѣ къ генералу Козлянинову, посылаетъ мнѣ поклонъ, хоть и не знаетъ меня лично, какъ за Россію, еще за что-то не помню, такъ и по уваженію его, Сакена, къ родителямъ моимъ и брату" [392]).

Въ концѣ 1856 года, Москву проѣзжалъ герой Карскій Николай Николаевичъ Муравьевъ. „Какъ же это",—писала Погодину О. С. Аксакова,—„Муравьевъ-Карскій здѣсь, а Москва ему и головой не кивнула. Завтра день взятія Карса и завтра же онъ ѣдетъ въ Петербургъ... Константинъ ѣдетъ завтра къ Муравьеву, такъ, просто, изъ уваженія къ нему".

Съ своей стороны и К. С. Аксаковъ доводилъ до свѣдѣнія Погодина слѣдующее: „У Муравьева я былъ, чтобъ только записать мое имя. Здѣсь, мнѣ кажется, бѣды нѣтъ. Онъ за многое стоитъ уваженія, хотя и Николаевскихъ порядковъ [393]).

LXXXVIII.

Т. Н. Грановскій, недѣли за двѣ до кончины своей, 20-го сентября 1855 года, писалъ К. Д. Кавелину: „Еще годъ войны, и вся Южная Россія разорена. Надобно самому съѣздить да посмотрѣть, чтò тамъ дѣлается... Баронесса Раденъ взялась доставить тебѣ это письмо. Я познакомился съ нею здѣсь и очень радъ этому знакомству. Замѣчательно умная и образованная женщина“ [394]).

„Такъ тяжела война“,—писалъ 23 ноября того же 1855 г., И. С. Аксаковъ къ своимъ родителямъ,—„такъ тяжелы жертвы, приносимыя съ инстинктивною увѣренностью въ безплодности ихъ, безъ всякаго одушевленія, что—*какой бы* теперь миръ заключенъ *ни былъ*, онъ принятъ будетъ здѣсь и жителями, и едва ли не большею частію войска, съ радостью. Я говорю здѣсь,—но въ Россіи иное. Но и въ Россіи какъ-то свыклись съ неудачею. Когда Французы высадились въ Крымъ, то мысль о томъ, что Севастополь можетъ имъ достаться, приводила въ ужасъ купцовъ на Кролевецкой ярмаркѣ, и я помню, какъ одинъ богачъ-старикъ Глазовъ говорилъ съ искреннимъ жаромъ, что если Севастополь возьмутъ, такъ вѣдь и я пойду и проч. Севастополь взятъ, онъ не пошелъ и не пойдетъ“ [395]).

За нѣсколько недѣль до подписанія Парижскаго мирнаго трактата, М. А. Дмитріевъ, изъ своего Богородскаго, писалъ Погодину: „Грустно, горько до отчаянія читать все, что вы написали; но оно все такъ! Вообразите, что даже въ провинціяхъ всѣ боятся этого мира, и всѣ оскорблены; но что будешь дѣлать! Какъ хочешь утѣшай себя этимъ миромъ; какъ хочешь говори, что намъ и не нужно флота въ Черномъ морѣ, что Дарданеллы будутъ заперты, а для покровительства береговъ будетъ довольно и небольшой флотиліи. Нѣтъ! миръ этотъ плохъ и унизителенъ! Одно то уже, что

мы не сами уменьшили флотъ, а принуждены къ этому! А потомъ, кто знаетъ будущее? Развѣ мы предвидѣли, въ 1848 г., что̀ сдѣлалось черезъ пять лѣтъ. А если дураки Турки, позабывши урокъ, данный имъ Европой, и обольстясь какими-нибудь обѣщаніями, или какими-нибудь милліонами піастровъ, да вдругъ, ни съ того, ни съ сего откроютъ Дарданеллы? Нынче все можетъ случиться! Тамъ послѣ начинай дѣло судебнымъ порядкомъ, основываясь на трактатахъ! Мы видимъ, долго ли сохранялъ силу Вѣнскій трактатъ! Нынче лучшій трактатъ—матеріальная сила: крѣпости, флотъ, усовершенствованная артиллерія, это очевидно! Я тогда бы благословилъ этотъ миръ, еслибы послѣдствіемъ его была по крайней мѣрѣ хоть такая дружба съ Франціей, чтобы вмѣстѣ съ нею, унизить и въ раззоръ раззорить Англію, да прихлопнуть Австрію, — подлѣйшее изъ государствъ! Но это фантазія! Слѣдовательно, для насъ въ этомъ мирѣ остается одно утѣшеніе, что прекратится война!—Говорятъ о затрудненіяхъ въ финансахъ. Да при лучшемъ распорядкѣ и при уравненіи тягостей, на войну денегъ достать можно! Кто у насъ несетъ тягость войны, и лично, и денежно? Дворяне и крестьяне ихъ, и казенные! А купцы торгуютъ на милліонъ, а платятъ въ гильдію 300 рублей серебромъ! У насъ, въ Сызранѣ, купецъ Мясниковъ былъ записанъ въ 1-ю гильдію, торговалъ хлѣбомъ, и оставилъ наслѣдникамъ шесть милліоновъ. У меня нанимаетъ мельницу за сто пятьдесятъ руб. сер. мѣщанинъ, а торгуетъ мукой на десятки тысячь! Вотъ гдѣ деньги, у тѣхъ, которые не несутъ тягостей! Ополченіе сто̀ило намъ деньгами ужасно дорого. Сдѣлай, чтобы ратниковъ собирать съ крестьянъ, офицеровъ—съ дворянъ, а денежную придачу—съ купцовъ! Было бы ровнымъ. И выходитъ, что Земля наша велика и пространна, да уряду нѣтъ! Будь у насъ голосъ; дозволяй печатать, что̀ написали вы, или что̀ я пишу къ вамъ: можетъ быть кто-нибудь и надоумилъ бы! У насъ что̀ — чудное! Я помню, что еще во времена Александровыхъ

конгрессовъ, графъ Нессельроде считался неспособнымъ, и что онъ шагу не дѣлалъ безъ дядьки Каподистріо; а онъ сорокъ лѣтъ министромъ и канцлеромъ! Точно такъ же дослужился, какъ Казанскій комендантъ Чертовъ до сенаторства: нельзя было обойти! Я служилъ въ 1818 году нѣсколько мѣсяцевъ въ Канцеляріи графа Нессельрода. Я помню, что когда долженъ былъ въ первый разъ къ нему явиться, мнѣ сказали, что онъ у государя съ докладомъ, и скоро будетъ.—Черезъ полчаса онъ входитъ вмѣстѣ съ графомъ Каподистріо. Послѣ, познакомившись уже въ Канцеляріи, я спросилъ, отъ чего они вошли вмѣстѣ? Мнѣ сказали съ улыбкой, что они всегда вмѣстѣ ѣздятъ къ докладу, и вмѣстѣ возвращаются; а потомъ объяснили, что безъ Каподистріо нельзя быть и докладу и проч. У насъ одинъ помѣщикъ Мещериновъ имѣетъ большія дѣла по поставкамъ провіанта на армію. Недавно получилъ онъ эстафету изъ Петербурга съ приглашеніемъ пріѣхать для переговоровъ. Переговоры состояли въ томъ, чтобы подряженную имъ огромную поставку передвинуть съ праваго фланга на лѣвый. Фасъ считается, обратясь къ востоку: это значитъ передвиженіе съ Чернаго моря къ Каспійскому.—Кромѣ того, туда же, на берега Каспійскаго моря, онъ подрядился поставить сорокъ тысячь кулей (т.-е. двѣсти тысячь пудовъ) сухарей. Это, по мнѣнію Мещеринова, показываетъ будущее передвиженіе войскъ къ границамъ Персіи. Не въ связи ли это съ Гератомъ и съ несогласіемъ Англичанъ съ Персіанами? Я вамъ это пишу, какъ извѣстія, какъ замѣтку; вы изъ этого сами что-нибудь лучше разсудите“.

Между тѣмъ, Д. А. Милютинъ писалъ Погодину: „Что касается до мира,—то мы здѣсь (т.-е., въ Петербургѣ) столько же знаемъ, сколько вы въ Москвѣ. Суворовъ—внукъ *), дѣйствительно, бранится за Измаилъ. Но дѣло тутъ поважнѣе, чѣмъ объ одной полуразвалившейся крѣпости. Что̀ будетъ—то будетъ, а будетъ—что̀ Богъ дастъ“!

*) Князь Александръ Аркадьевичъ. *Н. Б.*

Самъ же Погодинъ, 19 января 1856 года, писалъ къ высокопреосвященному Иннокентію: „Ну, вотъ, у насъ и миръ, котораго, признаюсь, никакъ не ожидалъ. Это точно снѣгъ на голову. Должно быть какое-нибудь предварительное соглашеніе, а безъ соглашенія ни съ той, ни съ другой стороны понять нельзя такого крупнаго переворота. Что за часть Бессарабіи уступается? Неужели съ Измаиломъ? А тѣнь Суворова? Неужели съ Болгарскими поселеніями? Христа ради, черкните мнѣ что-нибудь въ ободреніе и утѣшеніе".

Наконецъ, 18-го марта 1856 года, былъ подписанъ Парижскій мирный трактатъ [396]); а 21 марта того же 1856 года, митрополитъ Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику архимандриту Антонію: „Поздравляю и съ миромъ внѣшнимъ, который подписанъ въ Парижѣ, въ прошедшее воскресенье. Услышавъ о немъ, я почувствовалъ нѣкоторое успокоеніе отъ скорби, заботы и опасенія, но не радость. Вчера узналъ о немъ, вчера же прочиталъ я, что и Англійскій министръ почитаетъ его не миромъ, а чѣмъ-то похожимъ на миръ. Богъ мира да даруетъ намъ истинный и совершенный миръ" [397]).

Парижскій миръ обнародованъ высочайшимъ манифестомъ. Манифестъ заключался,—замѣчаетъ Татищевъ,—достопамятными словами, содержащими какъ бы политическую програму новаго царствованія: „При помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новой силою стремленіе къ Просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ. Наконецъ,—и сіе есть первое, живѣйшее желаніе наше,—свѣтъ спасительной Вѣры, озаряя умы, укрѣпляя сердца, до сохраняетъ и улучшаетъ болѣе и болѣе общественную нравственность, сей вѣрнѣйшій залогъ порядка и счастія" [398]).

Въ Кіевѣ появилось какое-то „поученіе“, о которомъ митрополитъ Филаретъ, 18 апрѣля 1856 года, писалъ князю С. М. Голицыну: „Возвращаю Кіевское поученіе. Простите. Оно не очень меня плѣнило. Первый годъ царствованія описанъ чертами свыше нужды темными... Какая въ этомъ польза? Мы должны говорить для наставленія: наставленія изъ сего никакого не выведено. Проповѣдникъ говоритъ, что Севастополь *отданъ* врагамъ. — Неправда. Сѣверная часть не отдана донынѣ. Говоритъ: *враги торжествуютъ*. — Невѣрно. Англичане побѣждены нами; а для Французовъ невелико торжество, когда они отъ нѣсколькихъ укрѣпленій отбиты и одно только взяли. Борется съ вопросомъ: почему враги не наказаны. Они немало наказаны: ихъ много погибло собственно отъ войны, много истреблено болѣзнями и бурею на морѣ... Говоритъ, что государь *не могъ отречься отъ мира*. Опять неточность, имѣющая неблагопріятный видъ. Что за невозможность? Государь властенъ былъ продолжать войну, но заблагоразсудилъ предпочесть миръ. Если Богъ посылаетъ непріятное, надобно сіе смиренно признавать, но не преувеличивать; ибо сіе можетъ вести къ упадку духа, а не къ пользѣ“ [399]).

Кавелинъ же сообщилъ Погодину: „Говорятъ, будто на праздникѣ мира, 25 марта, государь выразился: Теперь мы кончили съ внѣшними врагами; надо начинать войну съ врагами внутренними (ваша фраза)“.

„Слава Богу“,—писалъ Погодину князь Н. Н. Голицынъ“,—теперь настаетъ время, когда, по выраженію Пасхальнаго канона, *другъ друга обымемъ. Рцемъ, братіе и ненавидящимъ насъ.* Миръ. Но вы, въ Москвѣ, не очень желаете его, какъ говорятъ. 12 января, день св. Татьяны, государь былъ у тетушки моей Татьяны Борисовны Потемкиной съ поздравленіемъ, и долго говорилъ о томъ, что онъ соглашается на миръ изъ человѣческихъ, а не капральскихъ видовъ“.

По свидѣтельству В. А. Муханова, будущій канцлеръ, князь А. М. Горчаковъ, утверждалъ, что надобно было про-

должать войну. Противъ этого сильно возставалъ его родственникъ бывшій главнокомандующій Крымскою арміей князь М. Д. Горчаковъ; онъ, въ свою очередь, утверждалъ: „Если бы мы продолжали борьбу, мы лишились бы Финляндіи, Остзейскихъ губерній, Царства Польскаго, Западныхъ губерній, Кавказа, Грузіи, и ограничились бы тѣмъ, что̀ нѣкогда называлось великимъ княжествомъ Московскимъ. Наполеонъ кончилъ свое поприще, потому что хотѣлъ бороться со всею соединенною противъ него Европою. Нѣтъ державы, которая могла бы вести войну безъ союзниковъ противъ общаго на нее возстанія. Заключеніе мира было неизбѣжно“ [400]).

LXXXIX.

29 марта 1856 года, императоръ Александръ II прибылъ въ Москву. Подъ симъ числомъ, Погодинъ записалъ въ въ своемъ *Дневникѣ*: „Въ Кремль. Звонъ. Сердце бьется. Купилъ шляпу и шпагу. Обѣдалъ у Аксаковыхъ“.

Митрополитъ Филаретъ встрѣтилъ государя у священныхъ вратъ Успенскаго собора и сказалъ: „Благочестивѣйшій государь! Къ тебѣ очи наши и сердца, какъ прежде: тогда какъ не прежнее видимъ въ *твоемъ второмъ царскомъ лѣтѣ*.

„Ты наслѣдовалъ войну упорную, противъ насъ и противъ мира: и даровалъ намъ миръ.

„Твоя правда и мужество не отказывались отъ войны: твое человѣколюбіе не отказалось отъ предложеннаго мира.

„Не побѣдили Россію враги: ты побѣдилъ вражду. Христіанскою мыслію одушевлялъ ты войну; Христіанскою мыслію осуществляешь миръ.

„Благодарно тебѣ Отечество: и чуждые отдаютъ тебѣ справедливость и отдадутъ полнѣе, когда утихнутъ страсти.

„Крѣпко должны мы молить и молимъ Бога, чтобы благоспоспѣшилъ тебѣ искусствомъ и попеченіемъ уврачевать раны, безъ которыхъ не могла быть война, чтобы, по слову

пророка, *правда и миръ облобызались* въ державѣ твоей, и чтобы плодомъ ихъ было совершенное благоденствіе" [401]).

Встрѣтивъ государя, митрополитъ Филаретъ писалъ своему Лаврскому намѣстнику Антонію: „Срѣтили мы благополучно. Онъ миренъ и милостивъ. Сегодня былъ я у него въ кабинетѣ и потомъ обѣдалъ со многими приглашенными. Столъ у его величества постный, частію точно по уставу нынѣшняго воскреснаго дня, частію, для гостей, по уставу благовѣщенскому. Желательно, чтобы симъ примѣромъ воспользовались многіе, которымъ онъ нуженъ... Государь императоръ, съ выраженіемъ удовольствія, изволилъ сказать, что древній характеръ иконописанія у насъ возстановляется" [402]).

„Прибытіе государя императора въ древнюю столицу",— писалъ М. Н. Катковъ, — „исполнено, въ настоящее время, особаго для нея значенія. Не за долго предъ симъ Москва встрѣчала его на возвратномъ пути съ поприща кровавой брани, которой не предвидѣлось исхода; нынѣ она встрѣтила царственнаго посѣтителя почти въ то самое мгновеніе, когда, разнеслось во всѣ концы Россіи произнесенное имъ слово мира. Громы умолкли и перуны погасли, и скоро разсѣются послѣдніе остатки бури и откроется успокоенное небо. Наступающій миръ несетъ намъ двойную благодать: прекращается страшное кровопролитіе, возстановляется согласіе между великими державами; и съ этимъ вмѣстѣ разумъ и сила народа, олицетворенные въ правительствѣ, обращаются къ великому дѣлу внутренняго благоустройства; cedant arma togae, сила брани уступаетъ должное первенство силѣ мира. Царское слово, возвѣстившее намъ миръ, исполнено всей благодати его: оно открываетъ для нашего Отечества періодъ новой исторической жизни, новаго величія и блага. Будущимъ временамъ предоставлено судить объ истинномъ значеніи текущихъ событій; потомство произнесетъ окончательный приговоръ объ этомъ грозномъ столкновеніи народовъ, когда разовьются во всей связи своей его слѣдствія. Но что̀ бы ни сказалъ будущій историкъ, мы можемъ быть спокойны

за народную честь нашу. Никогда, можетъ быть, даже въ самыя славныя для нашего оружія войны, не было явлено столько доказательствъ народной доблести на полѣ битвы, какъ въ эту послѣднюю войну, болѣе оборонительную, нежели наступательную. Нашъ народъ можетъ съ честію вспомнить о самихъ неудачахъ этой войны; онъ уступилъ превосходству, котораго можетъ достигнуть, и обнаружилъ доблесть, которая вселена въ него Богомъ и свидѣтельствуетъ о великихъ силахъ въ немъ сокрытыхъ" [403]).

Наканунѣ пріѣзда государя въ Москву, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Константинъ въ собраніи дворянъ, вмѣсто меня; рѣчь идетъ о представленіи государю, который желаетъ видѣться съ Московскими дворянами, и о предложеніи соорудить тріумфальныя врата, по случаю коронаціи. Два императора Александръ и Николай уже отказались. Константинъ предложитъ дворянамъ устроить Публичную Библіотеку. Да что вы сидите на Дѣвичьемъ-Полѣ? Для чего вы не въ Собраніи".

Пріѣздъ государя въ Москву одушевилъ Шевырева, и онъ писалъ: „Мы помнимъ въ Москвѣ день. Небо сіяло надъ нею во всей красотѣ своей. Воскресный звонъ разносился далеко во всѣ концы ея. Была Пасха, нашъ прекрасный, нашъ вселенскій праздникъ. Вдохновенный пѣвецъ пѣлъ свою пророческую пѣсню:

Гряди въ нашъ міръ, младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колѣнопреклоненъ,
Младой отецъ предъ матерью спасенной,
Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишенъ;
Передъ твоей невинностью смиренной
Безмолвная праматерь слезы льетъ;
Уже Москва *своимъ* тебя зоветъ....

„И Божій міръ узрѣлъ желаннаго гостя, и Москва назвала его *своимъ* уроженцемъ.

„Съ тѣхъ поръ, сколько разъ встрѣчала она его, во всѣхъ возрастахъ его жизни, встрѣчала очами любви и надежды,

покоя на немъ мысль о грядущихъ судьбахъ Отечества. И вотъ уже началось ихъ совершенiе.

„Мы помнимъ другой день: онъ былъ еще недавно. Желанный младенецъ перваго дня явился тогда уже Москвѣ и ея народу богоданнымъ царемъ Россiи. Державная супруга и царственная семья его окружали. 2-го сентября 1855 года, небо сiяло не такъ свѣтло надъ Москвою, какъ въ тотъ первый день, когда, по свидѣтельству пѣвца,

Восходъ спокойно соверша,
Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой.

„Тучи лежали тогда надъ Москвою, какъ и надъ всей Россiей: тяжело было на сердцѣ, при всей радости перваго свиданiи царя съ своей древней столицей. Отрада была въ молитвѣ. Она приносилась царемъ и его семьею, въ соборныхъ Московскихъ храмахъ, у нашихъ святынь, а потомъ у гробницы преподобнаго Сергiя.

Тайна этой молитвы теперь открылась передъ нами. Ее услышалъ и благословилъ Богъ. Въ день, когда Церковь приглашаетъ землю благовѣствовать радость великую, она благовѣстила намъ о мирѣ и призвала насъ къ благодарной молитвѣ—и вотъ, слѣдомъ за тѣмъ, явился онъ самъ, нашъ царь-миротворецъ, между нами—и первый даръ его своему народу есть миръ нашъ съ другими народами. 29 марта свѣтло и радостно сiяло надъ Москвою, напоминая блескомъ солнца первый день жизни того, кто во главѣ подвиговъ своего царствованiя полагаетъ конецъ кровопролитiю. Праздникъ мира и любви, въ которой онъ родился, былъ чудеснымъ предзнаменованiемъ его начальнаго дѣйствiя на престолѣ Россiи. Но, прибавимъ къ тому: права Христiанъ на Востокѣ не были бы признаны Турцiею и всѣми Европейскими державами, цѣль войны не была бы достигнута и мира мы бы до сихъ поръ не имѣли, если бы первою рѣшимостью Русскаго государя по вступленiи на престолъ не было настойчивое продолженiе войны. Вспомнимъ, что изъ одиннадцати мѣсяцевъ обороны Севастополя, шесть, столько славныхъ

отбитыми приступами непріятеля, принадлежатъ его царствованію.

„Если первая молитва царя была услышана, то помолимся же вмѣстѣ съ нимъ о правдѣ и милости, о просвѣщеніи, о вѣрѣ дѣятельной, которая знаменуется любовью, добромъ, исполненіемъ долга, о раскрытіи и сближеніи всѣхъ духовныхъ и вещественныхъ силъ нашей великой Земли, нашего славнаго Отечества. Авось, Богъ услышитъ и эти молитвы его, и царственнымъ желаніямъ его сердца, которыя онъ выразилъ, даруя и возвѣщая миръ своему народу,—пошлетъ благословеніе и исполненіе.

„Миръ внѣшній есть первое условіе для возращенія плодовъ внутренней жизни, если уроки, намъ данныя войною, не останутся для насъ безъ послѣдствій. Первое благо нашего Отечества, какъ всѣ мы знаемъ, заключается въ союзѣ и жизни всѣхъ великихъ силъ его. А потому у насъ всякаго рода рельсы и внѣшніе, и внутренніе, и вещественные, и душевные, отъ города къ городу, отъ управленія къ управленію, отъ силы къ силѣ, отъ сословія къ сословію, отъ человѣка къ человѣку—первая, святая, настоятельная потребность. Обратно — всякая сила разъединяющая, разлагающая, есть пагуба для нашего Отечества. Первые же рельсы: самые существенные, основа и связь всѣмъ другимъ, рельсы отъ царя къ народу и отъ народа къ царю.

„О! да глядятся у насъ всегда царь въ лицо народу и народъ въ лицо царю своему. Въ этомъ задушевномъ разговорѣ вся тайна жизни Русской. Царь-миротворецъ ея извнѣ—да будетъ живительнымъ миротворцемъ ея внутри и посредникомъ между всѣми ея дѣятельными силами. Виновны будутъ тѣ, которые, стоя ближе къ солнцу самодержавія, захотятъ явиться не живыми проводниками его свѣтотворной и теплотворной силы ко всѣмъ предѣламъ Отечества, а заслонятъ отъ солнца, тѣнью личнаго эгоизма, хотя малѣйшую часть нашей Земли, хотя небольшую семью членовъ народа и Государства.

„Съ молитвою и желаніями царя соединимъ же свои — и каждый изъ насъ къ его великой силѣ да принесетъ свою малую. Тогда двинется впередъ Россія — и слово, сказанное ея главою въ манифестѣ мира, не останется только словомъ, а падетъ сѣменемъ жизни на почву Русскую и когда-нибудь взойдетъ прекраснымъ дѣломъ къ Господу“.

Не безъ удивленія замѣтимъ, что эти высокія патріотическія чувства встрѣтили неожиданное препятствіе для ихъ обнародованія.

Московскія Вѣдомости, при новомъ редакторѣ своемъ В. Ѳ. Коршѣ, унаслѣдовали нерасположеніе къ Шевыреву. Это нерасположеніе явно выражалось тѣмъ, что университетская газета не принимала на свои столбцы статей знаменитаго профессора Московскаго Университета. Вслѣдствіе сего, Шевыревъ вынужденъ былъ, 14 апрѣля 1856 года, писать министру Народнаго Просвѣщенія А. С. Норову, между прочимъ, слѣдующее: „Осмѣливаюсь препроводить на ваше благоусмотрѣніе двѣ статьи (29-е марта и Застольная рѣчь графу Остенъ-Сакену). Обѣ были здѣсь набраны. Московская Цензура, ихъ совершенно пропустила. Но пріюта здѣсь нѣтъ статьямъ моимъ. Въ объясненіе причинъ, позвольте мнѣ не входить. Не угодно ли будетъ вамъ пріютить ихъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* или въ *Журналѣ Министерства? 17 апрѣля* можетъ оправдать напечатаніе *29 марта* на Святой недѣлѣ. Изъ газеты С.-Петербургской ихъ перепечатаютъ и здѣсь. *29-е марта* было написано 29-го-же марта вечеромъ. То, что̀ прочувствовано было утромъ въ Успенскомъ соборѣ и на площади Кремля, положено на бумагу въ тотъ же день; но вотъ, какъ трудно еще доброму чувству выбраться у насъ на свѣтъ Божій“.

Отвѣтъ министра былъ весьма неблагопріятенъ для Шевырева. „Разсмотрѣвъ“,—писалъ онъ (26 августа 1856 г.),— „двѣ статьи ваши 29-е марта и Застольную рѣчь графу Остенъ-Сакену, я, къ сожалѣнію, не могу исполнить желанія вашего касательно напечатанія статей этихъ, по распоряже-

нію моему, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* или въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Такое распоряженіе придало бы имъ значеніе, болѣе или менѣе оффиціальное, котораго онѣ имѣть не могутъ. Подобныя статьи, по содержанію своему и отношенію къ событіямъ, всего приличнѣе могли бы быть сперва напечатаны въ Москвѣ, но и для сего надлежало бы предварительно разсмотрѣть ихъ въ Министерствахъ Императорскаго Двора и Военномъ".

Во время пребыванія государя въ Москвѣ, Погодинъ былъ потребованъ къ князю Вас. А. Долгорукову. „Правда ли,—писалъ къ Погодину В. Ѳ. Коршъ,—что князь Долгоруковъ выразилъ вамъ свое неудовольствіе за обѣдъ графу Остенъ-Сакену" [404]?...

Самъ же Погодинъ, подъ 31 марта 1856 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Долгорукій прислалъ за мной. Что такое? Ничего. Пробылъ однако пол-часа — о томъ, о семъ, объ Университетѣ: какъ учатся, чѣмъ занимаются. *Сакенымъ вы насъ задѣли, но это ничего.* Какъ пріятенъ пріемъ. Уступки въ Бессарабіи. Тягости войны. *Извините, что васъ обезпокоили: мнѣ хотѣлось видѣться съ вами.* И только? Но неужели онъ присылалъ за мной даромъ? Какая-нибудь цѣль была. Все-таки думалъ о попечительствѣ. Ночевалъ у Кокорева".

За недѣлю до дня своего рожденія, государь возвратился въ С.-Петербургъ. Между тѣмъ, въ это время произошли важныя перемѣны въ составѣ высшаго управленія Имперіи.

3 апрѣля 1856 года, К. Д. Кавелинъ писалъ Погодину: „Вотъ вамъ новости, почти вѣрныя: Нессельроде подалъ въ отставку и не скрываетъ этого. На мѣсто его, по всѣмъ видимостямъ, Горчаковъ Вѣнскій. Дѣло чрезвычайно важное, потому что этимъ мы явно подымаемъ антиавстрійское знамя. Вообразите, что, по разсказамъ, Нессельроде предлагалъ знаменитаго Вѣнскаго Мейендорфа вмѣсто себя. Горчаковъ тяжелаго и сумасшедшаго права. Говорятъ, посланничество въ Вѣнѣ крайне раздражало его. Чернышевъ, раздосадованный,

какъ говорятъ, тѣмъ, что послѣ смерти Паскевича не сдѣланъ фельдмаршаломъ и намѣстникомъ Царства Польскаго, подалъ въ отставку изъ предсѣдателей Комитета и Совѣта. Его мѣсто заступитъ графъ А. Ѳ. Орловъ; Долгоруковъ ѣдетъ посломъ въ Парижъ, а вмѣсто него назначаютъ преемникомъ — кто Берга, кто М. Н. Муравьева, кто Ливена *). Муравьевъ Кавказскій подалъ въ отставку. Это несчастнѣйшій, невыносимѣйшій характеръ, вѣроятно, вслѣдствіе озлобленія, но съ которымъ, однако, нѣтъ никакой возможности ладить **).

28 февраля 1856 года, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, предъ отъѣздомъ изъ Вѣны, писалъ къ своему духовнику протоіерею Базарову: „Не хочу отправиться въ дальній путь, не испросивъ вашего благословенія и не поручивъ себя вашимъ молитвамъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, уже второй разъ обязанности службы отзываютъ меня отъ дѣтей. Это грустно и едвали совмѣстимо съ моими семейными обязанностями. Но, волѣ Божіей и царской должно повиноваться... Я счелъ долгомъ исповѣдаться и причаститься передъ отъѣздомъ, также и въ надеждѣ, что въ пріобщеніи Св. Тайнъ найду крѣпость и умѣнье. Онѣ мнѣ нужны. Задача моя трудна. Миша ***) пишетъ вамъ подробно. Дороги весьма нехороши и погода суровая. Дай Богъ, доѣхать благополучно. Къ гробницѣ въ Сергіевской Пустынѣ принесу незакрытыя раны моего сердца ****). Не оставьте меня вашими молитвами и поминайте ту, которая васъ такъ высоко цѣнила! Убѣдительно васъ прошу, писать мнѣ въ Петербургъ. Голосъ вашъ — созвучіе незабвеннаго прошедшаго и вѣрный указатель на будущее, гдѣ нѣсть ни горя, ни печали“.

Но послѣ этой поѣздки въ Петербургъ, князь Горчаковъ

---

*) Князь Василій Андреевичъ Долгоруковъ занялъ постъ начальника III-го Отдѣленія. *Н. Б.*

**) Преемникомъ Н. Н. Муравьева-Карскаго былъ назначенъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. *Н. Б.*

***) Старшій сынъ князя Горчакова. *Н. Б.*

****) Въ Сергіевой Пустынѣ, близъ Стрѣльны, погребена супруга князя Горчакова. *Н. Б.*

вернулся въ Вѣну, и только 16 іюня 1856 г., онъ окончательно выѣхалъ оттуда съ дѣтьми на должность министра Иностранныхъ Дѣлъ. Старшій сынъ князя Горчакова, князь Михаилъ Александровичъ, писалъ протоіерею Базарову: „Папа рѣшился ѣхать сегодня вечеромъ. Не могу сказать вамъ, сколь мысль о возвращеніи въ Отечество обрадовала насъ! Слава Богу, что наконецъ дано намъ увидѣть его и больше еще полюбить! Папа поручаетъ мнѣ изъявить вамъ свою искреннюю привязанность... Отчаянныя минуты, въ которыя вы его такъ дружелюбно поддерживали, его навсегда къ вамъ привязали". Въ слѣдующихъ за тѣмъ письмахъ князя Михаила Александровича, изъ Петербурга, къ протоіерею Базарову, мы читаемъ: „Папа здоровъ. Онъ цѣлый день, съ утра до поздней ночи, занятъ государственными дѣлами, и мы едва имѣемъ возможность сказать ему два-три слова. Онъ поручаетъ мнѣ душевно поклониться вамъ и проситъ васъ, не оставить его вашими молитвами" [405]).

По пути въ Варшаву, государь, 7 мая того же 1856 года, снова посѣтилъ Москву, и при колокольномъ звонѣ и восклицаніяхъ народа, изволилъ шествовать изъ дворца въ Успенскій соборъ, предъ южными вратами коего былъ встрѣченъ митрополитомъ Филаретомъ съ архіепископомъ Евгеніемъ, Алексѣемъ—епископомъ Дмитровскимъ и съ прочею о Христѣ братіею, въ предносеніи св. иконъ. Митрополитъ привѣтствовалъ государя рѣчью: „Благочестивѣйшій государь! Послѣ недавняго, новое твое пришествіе чѣмъ изъяснить можемъ, если не тѣмъ, что ты, устроя миръ и покой намъ, не даешь покою себѣ, непрерывно продолжая твои царскіе подвиги, не только повелѣніями съ престола, но и непосредственнымъ наблюденіемъ и дѣйствованіемъ повсюду, гдѣ сего наипаче требуетъ благо царства?

„По сему благодарными сердцами призываемъ тебѣ вышнее охраненіе во всѣхъ путяхъ твоихъ, вышнюю помощь, соотвѣтственную твоимъ подвигамъ и благопоспѣшество, удовлетворяющее твоимъ благотворнымъ намѣреніямъ".

XC.

По заключеніи мира, въ Москвѣ опущены въ могилу два мужа, напоминавшіе собою старину.

20 марта 1856 года, скончался Филиппъ Филипповичъ Вигель, авторъ знаменитыхъ *Записокъ*.

„Надъ свѣжею могилою",—повѣствуетъ П. И. Бартеневъ,— „неумѣстенъ судъ и еще менѣе позволительно осужденіе. Мы хотимъ только замѣтить здѣсь, что имя этого человѣка гораздо извѣстнѣе будетъ потомкамъ, нежели сколько оно было извѣстно его современникамъ. Жизнь и служба Вигеля были очень разнообразны; покойникъ говаривалъ про себя, что онъ пилъ воды Иртыша и Сены. Онъ почти ребенкомъ поступилъ на службу въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и окончилъ ее уже въ старости въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ занималъ должность директора Департамента Иностранныхъ Исповѣданій и дѣятельно участвовалъ въ присоединеніи къ Православной Церкви уніатовъ. Вигель былъ близокъ съ замѣчательнѣйшими людьми нашего вѣка. Пушкинъ, съ которымъ онъ сошелся въ Одессѣ, высоко цѣнилъ его умъ, наблюдательность и обширное образованіе. Разнообразіе занятій, частая перемѣна мѣстъ, при постоянной дѣятельности ума и необыкновенномъ дарѣ наблюдательности, обогащали память Вигеля и дали ему возможность оставить потомству драгоцѣнное умственное наслѣдство—любопытнѣйшія *Записки*, къ счастію спасенныя отъ истребленія.... Незадолго до смерти, покойникъ сообщилъ одинъ экземпляръ ихъ для храненія въ Императорскую Публичную Библіотеку.... Нельзя забыть здѣсь также, что въ 1853 году Вигель пожертвовалъ въ Библіотеку Московскаго Университета огромное собраніе литографическихъ и гравированныхъ портретовъ, изъ коихъ особенно замѣчательны портреты Русскихъ людей прошлаго вѣка.

„Жизнь, постоянно озаренная умственною дѣятельностію, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ признательной памяти. Благодарность ему, и миръ его праху“ [406])!

„*Записки* Вигеля“, — писалъ князь П. А. Вяземскій, — любопытное и драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей народной и общежитейской Литературы. Онѣ писаны умно и мѣстами довольно художественно. Есть живость и увлекательность въ разсказѣ, въ картинахъ и портретахъ, нерѣдко бойкою кистью схваченныхъ. Вотъ хорошая, лицевая сторона этихъ *Записокъ*. Но есть въ нихъ и важный недостатокъ: должно читать ихъ, слѣдуетъ довѣрять имъ съ большою осторожностью. Вигель самъ не принадлежалъ къ числу дѣятелей эпохи, имъ описываемой; за нѣкоторыми исключеніями, не былъ онъ съ ними ни въ связи, ни въ сношеніи. Однимъ словомъ, былъ онъ внѣ дѣйствующей и вліятельной среды. Многое разсказано имъ по городскимъ слухамъ, сплетнямъ, кривымъ толкамъ судей, непризванныхъ и мало свѣдущихъ. Ничего у него не провѣрено, не изслѣдовано критически. Авторъ имѣлъ замѣчательный, природный и даже довольно образованный умъ. Скажу болѣе, я убѣжденъ, что онъ имѣлъ даже и мягкое, доброе сердце; но, раздражительный, щекотливый нравъ его портилъ въ немъ дары природы. Во многихъ отношеніяхъ узкость понятій, мелкое чиновничество, доводившее самолюбіе его до малодушія, затмевали свѣтлый умъ его. Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопамятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы. Онъ не прощалъ, если не отплатятъ ему тотчасъ же визита его, если нарушатъ въ немъ права мѣстничества, то-есть, посадятъ его за столомъ, не на мѣсто, которое онъ считалъ подобающимъ чину его, если при посѣщеніи продолжаешь курить сигарку, которой не переносили его слабые и причудливые нервы. Все это вносилось имъ въ книгу разсчетовъ и обязательствъ, по которымъ онъ рано или поздно производилъ свои взысканія и накладывалъ пени на провинившихся предъ нимъ. Въ теченіе жизни, онъ неоднократно ссорился

не только съ отдѣльными лицами, но и съ цѣлыми семействами, съ городами, областями и народами. Не претерпѣвшій никогда особеннаго несчастія, онъ былъ несчастливъ самъ по себѣ и самъ отъ себя. Можно сказать, что при обстоятельствахъ, довольно благопріятныхъ, онъ болѣзненно прошелъ жизнь свою, безпрестанно уязвляемый иглистыми терніями и булавками, которыми онъ самъ осыпалъ дорогу свою. Все это отражается въ *Запискахъ* его и лишаетъ ихъ того здраваго и внушающаго довѣренность характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ Записокъ".

Къ этой характеристикѣ, П. И. Бартеневъ прибавляетъ: „Вигель самъ уже принадлежитъ Исторіи. Можно бы привести множество анекдотовъ, доказывающихъ его чрезвычайную впечатлительность и порою несносную раздражительность. Въ 1853 г., одинъ молодой человѣкъ *) имѣлъ случай съ нимъ познакомиться и не только выслушать всѣ семь томовъ его *Записокъ*, но даже получать ихъ на домъ для выписокъ и извлеченій. Но это благоволеніе продолжалось только мѣсяцъ. Вигель вызвался привести своего новаго знакомца на вечеръ въ одно почтенное, знатное семейство, гдѣ собирались многіе лучшіе люди Московскаго общества; условлено было, что Вигель за нимъ заѣдетъ. Но передъ тѣмъ юношѣ-знакомцу случилось быть у него и какъ то нечаянно выразиться, что торжество Наполеона III-го во Франціи не можетъ быть причислено къ отраднымъ явленіямъ Европейской Исторіи, между тѣмъ, какъ Вигель радовался отъ души подавленію республики. Въ условленный вечеръ, Вигель не заѣзжаетъ; мало того, черезъ нѣсколько дней, профессоръ С. П. Шевыревъ счелъ нужнымъ предостеречь молодого человѣка, что въ томъ самомъ вечерѣ, куда ему не удалось попасть, Вигель въ многочисленномъ обществѣ изображалъ его крайне опаснымъ юношей, зараженнымъ идеями Фран-

---

*) Самъ П. И. Бартеневъ. *Н. Б.*

цузской революціи.—Увѣряютъ, что самыя *Записки* имѣются въ двухъ экземплярахъ: въ одномъ отдѣланы, въ другомъ пощажены извѣстныя лица, и авторъ бралъ ихъ читать, смотря по тому, куда ѣхалъ“ [407]).

Бѣдный Вигель скончался одиноко, на рукахъ наемной прислуги.

Мѣсяцъ спустя, въ апрѣлѣ того же 1856 года, въ великую субботу, скончался въ Москвѣ же современникъ и сопротивникъ Вигеля, Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ.

15 апрѣля 1856 года, Шевыревъ писалъ Погодину: „Христосъ Воскресе! Милый другъ Михаилъ Петровичъ!.. А вотъ какая внезапная кончина! П. Я. Чаадаевъ скончался, въ субботу, въ четверть 4-го. А въ среду былъ еще въ Клубѣ“.

„Во истину Воскресе“!—отвѣчалъ Погодинъ,—„Какъ поразилъ ты меня извѣстіемъ о смерти Чаадаева. Ударъ что ли? Вотъ наша жизнь! Черкни мнѣ два слова, если что̀ знаешь. Гдѣ хоронятъ? Вѣрно въ Дѣвичьемъ монастырѣ“.

17 апрѣля 1856 года, Шевыревъ сообщилъ Погодину: „Чаадаева отпѣваютъ ззвтра, въ среду, а хоронятъ въ Донскомъ монастырѣ. Онъ уже давно былъ боленъ — и 20-го августа еще написалъ духовное завѣщаніе, на случай скоропостижной смерти. Въ великую субботу онъ успѣлъ исповѣдываться и пріобщиться Св. Таинъ и проводилъ своего духовника, а черезъ часъ скончался, сидя на диванѣ. Вчера были всѣ на панихидѣ; но панихиды, которая была назначена въ часъ, до 2 часовъ не было“ [408]).

Д. Н. Свербеевъ, ближайшій другъ П. Я. Чаадаева и родственникъ по женѣ, оставилъ намъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о покойномъ своемъ другѣ. „Съ 1827 по 1856 годъ“,—пишетъ Свербеевъ,—„Чаадаевъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ, и около двадцати пяти лѣтъ на одной квартирѣ, въ Новой Басманной, въ домѣ почетнаго гражданина Шульца, принадлежавшемъ прежде близкому ему семейству Левашовыхъ. Живя въ одномъ мѣстѣ, онъ до того сдѣлался рабомъ своихъ комфортабельныхъ привычекъ, что всѣ эти тридцать лѣтъ ни

разу не могъ рѣшиться провести ночь внѣ города... Тридцать лѣтъ сряду, въ обветшалой своей квартирѣ, изъ трехъ небольшихъ комнатъ, принималъ онъ у себя еженедѣльно своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, сперва вечеромъ по середамъ, потомъ утромъ, по понедѣльникамъ, и любилъ, чтобы его въ эти дни не забывали. Вся Москва знала, любила, уважала Чаадаева, снисходила къ его слабостямъ, даже ласкала въ немъ эти слабости... Конечно, Чаадаевъ самъ заискивалъ знакомства съ извѣстными иностранными путешественниками и заботился, чтобы ихъ у него видѣли; не менѣе старался онъ сближаться и съ Русскими литературными и другими знаменитостями. Я помню, какъ лѣнивый и необщительный Гоголь пріѣхалъ въ одну среду вечеромъ къ Чаадаеву. Почти не обращая никакого вниманія на хозяина и гостей, усѣлся въ углу на покойное кресло, закрылъ глаза, началъ дремать и потомъ, прохрапѣвъ весь вечеръ, очнулся, пробормоталъ два - три слова въ извиненіе и тутъ же уѣхалъ. Долго не могъ забыть Чаадаевъ такого оригинальнаго посѣщенія... Чаадаева обвиняли въ мелкой суетности. Правда, что онъ любилъ видѣть у себя какъ можно болѣе гостей, что искалъ всеобщаго уваженія, что почетъ общества былъ ему дорогъ. Намъ ли, такъ часто гоняющимся за почестями всякаго рода.... упрекать отшедшаго отъ насъ брата за исканіе почести безвинной и конечно безкорыстной?... Событія послѣднихъ трехъ лѣтъ тяготѣли надъ нимъ тяжкимъ бременемъ. Ему, воину славной брани, подъятой за свободу Отечества и освободившей Европу, ему горьки были и начало и конецъ нашей послѣдней войны. Люди другого поколѣнія винили Чаадаева въ томъ, что онъ, по обычаю стариковъ, сравнивалъ часто настоящее съ прошедшимъ и всегда предпочиталъ послѣднее. Чаадаевъ, не принимая никакого участія въ Московскихъ торжествахъ при вступленіи въ столицу защитниковъ Севастополя, говаривалъ, что нѣкоторыхъ изъ воданныхъ имъ почестей не приняли бы воины - освободители Европы (1814 г.), что они никакъ не согласились бы жить,

пить, ѣсть, гулять, плясать, веселиться и молиться на счетъ какого бы то ни было богача, будь онъ хоть какой знаменитый вельможа, будь онъ хоть какой простой гражданинъ и Русскій человѣкъ по преимуществу. Далѣе, то же говаривалъ Чаадаевъ, что ни одинъ знаменитый вождь того времени не дозволилъ бы никакому оратору торжественно и во всеуслышаніе произносить похвалы своей честности и безкорыстію на службѣ. То и другое,—прибавлялъ Чаадаевъ съ грустной улыбкой,—наши современники сочли бы оскорбленіемъ мундира, чтобы не сказать болѣе. Вѣрный своему чувству ненависти къ крѣпостному праву, Чаадаевъ, чтобы не имѣть у себя въ зависимости крестьянъ, продалъ, еще будучи молодымъ человѣкомъ, свое довольно значительное Нижегородское имѣніе другому владѣльцу, по всей вѣроятности, болѣе взыскательному, нежели онъ самъ, и тѣмъ совершенно успокоилъ свою совѣсть. Такъ поступали и поступаютъ многіе, и даже нѣкоторые явные эмансипаторы, умывая себѣ руки въ этомъ вопросѣ и безсознательно отягощая тѣмъ судьбу своихъ крестьянъ, что̀ не мѣшало и не мѣшаетъ имъ, однако, проповѣдывать освобожденіе чужихъ. Слѣдствіемъ продажи имѣнія, была для Чаадаева почти постоянная нужда въ деньгахъ, которымъ онъ не зналъ цѣны, а привычекъ комфорта умѣрять не умѣлъ“.

О послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Чаадаева, Д. Н. Свербеевъ разсказываетъ: „Чаадаевъ имѣлъ постоянное предчувствіе и почти желаніе внезапной смерти. Онъ боялся холеры, но боялся только потому, что конецъ холерою представлялся ему въ какомъ-то неприличномъ, отвратительномъ видѣ. Мало того жить хорошо, надо и умереть пристойно, говаривалъ онъ... Послѣдними любимыми его мыслями были: радость о заключенномъ мирѣ, надежда на прогрессъ Россіи и вмѣстѣ опасеніе, наводимаго на него противниками благодатнаго мира... Весь постъ былъ онъ на ногахъ, бывалъ въ обществѣ и чаще всего въ Англійскомъ Клубѣ, гдѣ, по обычаю, обѣдывалъ, или у Шевалье... Страстная недѣля разлу-

чила съ нимъ его самыхъ близкихъ пріятелей. Клубъ со страстной середы былъ закрытъ... Къ концу страстной недѣли, какъ-то нечаянно узналъ я, что Чаадаевъ боленъ и серьезно... Какъ вдругъ, въ страстную субботу... пришла вѣсть, что онъ очень плохъ и что едва ли застанутъ его въ живыхъ... Чаадаевъ, еще наканунѣ, въ страстную пятницу, чувствовалъ себя нехорошо... Въ тотъ же день, вечеромъ, онъ пригласилъ къ себѣ своего духовника, своего приходскаго священника отъ Петра и Павла, въ Новой Басманной, Николая Александровича Сергіевскаго *). Чаадаевъ намѣревался говѣть великимъ постомъ; на шестой недѣлѣ, онъ былъ у священника и высказалъ рѣшеніе исполнить священнѣйшій долгъ на страстной недѣлѣ. Будучи теперь позванъ къ Чаадаеву, о. Сергіевскій озаботился взять съ собою Св. Дары. Чаадаевъ встрѣтилъ его словами о своей болѣзни. Священникъ сказалъ, что до сего дня онъ ожидалъ увидѣть Петра Яковлевича въ церкви и тревожился, не боленъ ли онъ; нынѣ же рѣшился и самъ навѣстить его и дома предложить ему всеисцѣляющее врачество, необходимое для всѣхъ... Чаадаевъ сказалъ... что теперь онъ не готовъ исповѣдаться и причаститься, а желалъ бы принять Св. Таинства на утро... На другой день, въ великую субботу, послѣ обѣдни, священникъ поспѣшилъ къ больному. Чаадаевъ былъ гораздо слабѣе, но спокойнѣе, и ожидалъ святыню: исповѣдался и пріобщился Тайнамъ Христовымъ; удаляющемуся священнику сказалъ, что теперь онъ чувствуетъ себя совсѣмъ здоровымъ. Онъ собирался даже выѣхать, сталъ пить чай, разговаривалъ съ хозяиномъ своей квартиры о его процессѣ... Вдругъ, голосъ его сталъ слабѣть... Потомъ послѣдовало молчаніе. И онъ умеръ"...

„Предчувствіе Чаадаева сбылось", — заключаетъ Д. Н. Свербеевъ свое печальное повѣствованіе, — „желаніе сердца

---

*) Впослѣдствіи профессоръ Богословія въ Московскомъ Университетѣ. Скончался въ санѣ протопресвитера Московскаго Успенскаго собора.
Н. Б.

исполнилось! Безболѣзненна, непостыдна, мирна была христіанская твоя кончина, наканунѣ Свѣтлаго Праздника, за немного часовъ до перваго полуночнаго удара въ большой Кремлевскій колоколъ“ [409]).

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 17 апрѣля 1856 года, было объявлено: „14 апрѣля, въ 5 часовъ пополудни, скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, одинъ изъ Московскихъ старожиловъ, Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ, извѣстный почти во всѣхъ кружкахъ нашего столичнаго общества. Отпѣваніе тѣла его назначено въ среду, въ 10 часовъ, въ церкви Петра и Павла, на Басманной“ [410]).

Наканунѣ погребенія (17 апрѣля), Шевыревъ извѣщалъ Погодина: „Чаадаева отпѣваютъ завтра, а хоронятъ въ Донскомъ монастырѣ... Вчера были всѣ на панихидѣ; но панихиды, которая была назначена въ часъ, до 2-хъ часовъ не было“ [411]).

У гроба Чаадаева, при его отпѣваніи, духовникъ его, священникъ Н. А. Сергіевскій произнесъ слѣдующее слово: „Если собраніе живыхъ вокругъ этого гроба на сей разъ и не имѣетъ нужды въ поученіи,—то, не думаю, чтобы душа, которой внѣшняя храмина въ послѣдній разъ находится въ земномъ храмѣ, въ настоящія минуты, была равнодушна и къ нашему слову, и къ нашему безмолвію.

„Почившій о Христѣ братъ, Христосъ Вокресе! Побѣда надъ смертію, и адъ въ плѣну: лѣстница къ небеси незыблемо утверждена, и двери Царствія отверсты!

„Вѣруемъ и не думаемъ, чтобы здѣсь были невѣрящіе, что ты, предъ смертію вкусившій Тѣла и Крови Христовыхъ, уже шествуешь по этой лѣстницѣ, какъ шествовалъ Ангелъ въ видѣніи патріарха Іакова. Сопровождаемъ тебя нашими молитвами, да вознесешься на самую верхнюю ступень, на которой Господь утверждашеся: Богъ Авраамовъ, Исааковъ, Іаковлевъ, не мертвыхъ Богъ, но Богъ живыхъ!

„Тебя не привелъ Господь на землѣ съ нами торжествовать сію Пасху; да дастъ тебѣ Христосъ торжествовать

Пасху вѣчную, спасительную, въ невечернемъ днѣ Царствія Его, въ сонмѣ перворожденныхъ, на небеси написанныхъ. Аминь".

„Свѣтло, торжественно было твое погребеніе",—повѣствуетъ Д. Н. Свербеевъ,—„оглашаемое, вмѣсто надгробнаго пѣнія, побѣдной надъ смертью пѣснью и учащаемымъ привѣтствіемъ къ живымъ и къ мертвому: Христосъ Воскресе! Краткое у гроба слово, глубоко прочувствованное и отъ избытка сердца сказанное достойнымъ духовникомъ, и началось и заключилось тѣмъ же привѣтствіемъ о Воскресшемъ Искупителѣ. И мы, друзья покойнаго, цѣлуя его послѣднимъ цѣлованіемъ, не столько со скорбью о смерти, сколько съ упованіемъ воскресенія, сказали ему наше послѣднее: Христосъ Воскресе" [412])!

Возвратясь съ похоронъ Чаадаева, Погодинъ, подъ 18-мъ апрѣля 1856 года, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „На похороны къ Чаадаеву. Умилительное отпѣваніе. Прекрасная рѣчь священника".

Въ годъ своей кончины, А. С. Хомяковъ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, 28-го апрѣля 1860 года, сказалъ: „М. Н. Лонгиновъ представитъ біографію, взятую не изъ высокаго круга историческихъ знаменитостей, не изъ жизни государственной, но изъ нашей Московской, такъ сказать, домашней жизни, — біографію Петра Яковлевича Чаадаева. Почти всѣ мы знали Чаадаева, многіе его любили и, можетъ быть, никому не былъ онъ такъ дорогъ, какъ тѣмъ, которые считались его противниками. Просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце, таковы тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; но въ такое время, когда, повидимому, мысль погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ особенно былъ дорогъ тѣмъ, что онъ и самъ бодрствовалъ и другихъ пробуждалъ,—тѣмъ, что въ сгущающемся сумракѣ того времени онъ не давалъ потухать лампадѣ и игралъ въ ту игру, которая извѣстна подъ именемъ *живъ курилка*. Есть эпохи, въ которыя такая

игра есть уже большая заслуга. Еще болѣе дорогъ онъ былъ друзьямъ своимъ какою-то постоянною печалью, которою сопровождалась бодрость его живого ума. Разгадка этой печали, истекающей не изъ случайностей его жизни, а изъ чисто нравственныхъ причинъ, узнаемъ мы изъ самой біографіи и изъ особенности его внутренняго направленія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ человѣкъ весьма замѣчательный, но чѣмъ же объяснить его извѣстность? Онъ не былъ ни дѣятелемъ-литераторомъ, ни двигателемъ политической жизни, ни финансовою силою; а между тѣмъ, имя Чаадаева извѣстно было и въ Петербургѣ, и въ большей части губерній Русскихъ, почти всѣмъ образованнымъ людямъ, не имѣвшимъ даже съ нимъ никакого прямаго столкновенія. Извѣстны были и утренніе его съѣзды, по понедѣльникамъ, и размѣнъ мысли, происходившій на этихъ бесѣдахъ. Почему подобныя явленія въ другихъ мѣстахъ не получали такой извѣстности? Причина весьма проста. Онъ жилъ, онъ умственно дѣйствовалъ въ Москвѣ, и въ этомъ нельзя, кажется, не видѣть подтвержденія тому, что гдѣ бы ни былъ центръ государственный, Москва не перестала и никогда не перестанетъ быть общественною столицею Русской Земли" [413]).

Въ заключеніе повторимъ слова князя П. А. Вяземскаго: „А вотъ умеръ и бѣдный Чаадаевъ. Жаль мнѣ его. Москва безъ него и безъ Хомяковской бороды, какъ безъ двухъ родинокъ, которыя придавали особенное выраженіе лицу ея" [414]).

XCI.

28 мая 1856 года, воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на увольненіе Погодина въ отпускъ за границу, на четыре мѣсяца, для пользованія минеральными водами въ Эмсѣ и Карлсбадѣ.

„Искренно желаю вамъ",—писалъ Погодину А. В. Головнинъ,—„счастливаго путешествія, но желаю также, чтобы вы подѣлились съ нами мыслями и ощущеніями, которыя оно воз-

будитъ въ васъ, а не оставляли бы ихъ про себя. Въ чемъ же состоитъ *любовь*, о которой вы говорите въ статьѣ вашей, какъ не въ томъ, чтобъ предлагать соотчичамъ то, что имѣешь хорошаго. Иначе *любовь*, остается пустымъ словомъ а не дѣломъ. Если ѣдете за границу моремъ, то торопитесь записаться, ибо на пароходахъ разобраны билеты слишкомъ на мѣсяцъ".

Узнавъ о предпринимаемомъ Погодинымъ путешествіи, И. И. Давыдовъ писалъ: „Намѣреніе ваше отправиться на теплыя воды—не худое. А мнѣ не суждено быть перелетною пташкой: гири на рукахъ и на ногахъ. Впрочемъ, о невозможномъ я и не думаю, помня золотой стихъ букваря: „Что Господомъ дано, ты тѣмъ и наслаждайся; чего же не дано, о томъ не сокрушайся".

С. Д. Нечаевъ дѣлаетъ Погодину и порученіе. „Можетъ быть",—пишетъ онъ—„въ чужихъ краяхъ увидите Ганку. Прошу передать ему мой поклонъ. Переписка наша прекратилась отъ понятной причины—со времени безпокойствъ въ Венгріи. Ни за что, ни про что сенаторъ Московскій могъ бы навлечь на него подозрѣніе Австрійскаго правительства" [415]).

12-го іюня 1856 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Москвы. Путь его въ чужіе края лежалъ черезъ Петербургъ. „Рѣшено",—писалъ онъ,—„я ѣду въ чужіе края на четыре мѣсяца: нужно отдохнуть и провѣтриться послѣ утомительнаго труда, попить Эмса, въ угоду Иноземцову, который считаетъ его моимъ источникомъ спасенія, для облегченія настоящихъ болѣзней и предупрежденія грозящихъ, сдѣлать что-нибудь для образованія Мити *), который потерялъ бы почти это вакаціонное время дома, и наконецъ, чтобъ удалиться изъ Москвы. Оставаясь въ Москвѣ, я долженъ бы былъ писать, а писать нѣтъ уже у меня теперь ни охоты, ни расположенія".

---

*) Старшій сынъ Погодина—Дмитрій Михайловичъ. *Н. Б.*

На второй или на третьей станціи, Погодинъ, благодаря услужливости одного чиновника, котораго онъ встрѣчалъ иногда у В. А. Кокорева, перемѣстился въ особый семейный вагонъ. „Тамъ сидѣли уже: одинъ пожилой дипломатъ и богатый помѣщикъ-откупщикъ. Разговоръ тотчасъ начался общій о томъ, о чемъ говорили тогда всѣ и вездѣ. Посыпались свѣдѣнія о разныхъ злоупотребленіяхъ и неудобствахъ заведеннаго порядка, о вредѣ, происходящемъ отъ формъ. Анекдоты одинъ другаго страннѣе, смѣшнѣе, невѣроятнѣе, сообщались то отъ того, то отъ другаго собесѣдника". Одинъ изъ собесѣдниковъ даже замѣтилъ Погодину, что „многіе наши вельможи раздѣляютъ съ нами ихъ убѣжденія. Они также жалуются, бранятся, опасаются, ноютъ,—и все-таки изъ этого ничего не выходитъ"!

Въ то же время, дипломатъ, близкій графу Нессельроду, сообщилъ объ немъ нѣсколько любопытныхъ подробностей, кои, замѣчаетъ Погодинъ, „заставляютъ жалѣть, что такіе люди, какъ графъ Нессельродъ, молчатъ о своихъ дѣйствіяхъ, и подвергаются иногда несправедливымъ обвиненіямъ. Разумѣется,—продолжаетъ Погодинъ,—служащій человѣкъ, особенно на такомъ высокомъ мѣстѣ, обязанъ соблюдать скромность, но всегда остаются средства дать знать такъ или иначе о своемъ образѣ мыслей. Наши государственные люди какъ будто не имѣютъ понятія о существованіи общаго мнѣнія. которое рано или поздно можетъ возгремѣть надъ ихъ головою или хоть могилою, и надо о немъ подумать заблаговременно".

Не доѣзжая Петербурга, Погодинъ остановился въ Ушакахъ и посѣтилъ владѣльца ихъ, В. А. Кокорева. По разсказу Погодина, Кокоревъ „купилъ эту пустую, болотистую, безплодную землю, выстроилъ домъ, близъ самой станціи, положилъ около четырехсотъ тысячъ на ея воздѣланіе и устройство, высушилъ болота, провелъ канавы, проложилъ мостовыя дороги, разчистилъ лѣсъ, раскинулъ искусственные луга, завелъ отличную скотину, — и ожидаетъ лѣтъ черезъ

пять хорошихъ процентовъ. Если они дѣйствительно соберутся, и онъ не увлекается своей живой фантазіей, то его опытъ получитъ важный хозяйственный смыслъ: какъ самая неблагодарная мѣстность можетъ быть возбуждена къ выгодной производительности, если приложить къ ней руки съ толкомъ и капиталомъ *). Изъ употребленнаго капитала должно исключить еще сумму, коей стоилъ домъ и садъ, да и изъ остальной вычесть тѣ излишки, кои разсыпалъ вездѣ хозяинъ щедрою своей рукою за всѣ работы".

Отъ безплодной и болотистой Ушаковской мѣстности, Погодинъ мыслію переносится на черноземъ и размышляетъ: „Если земля совершенно ничтожная можетъ давать хорошіе проценты, то что же сказать о черноземѣ, о мѣстностяхъ при судоходныхъ рѣкахъ, вблизи большихъ городовъ и значительныхъ портовъ, съ обиліемъ въ тѣхъ и другихъ естественныхъ произведеній; а сколько ихъ есть въ Россіи, и, наоборотъ, какъ мало есть хозяевъ, которые кладутъ капиталъ въ землю? Они на перечетъ, а прочіе—всѣ, всѣ стараются вынимать капиталъ изъ земли; мудрено ли, что она накопецъ истощается, и безпутные хозяева принуждены бываютъ подъ часъ положить зубы на полку. Помѣщиковъ, получающихъ сто тысячь руб. ас. ежегоднаго дохода, у насъ очень много, и всѣ они живутъ въ Петербургѣ, тратятъ по полтораста тысячь на штофные обои, которые перемѣняются черезъ два-три года, на вычурныя мебели, на гастрономическія причуды, на роскошные балы, на модные туалеты, и подобныя необходимости. Они естественно жалуются на недостатокъ въ деньгахъ, напираютъ на управителей, а тѣ, въ свою очередь, при сей вѣрной оказіи,—на крестьянъ. И вотъ, избы разва-

*) Увы! Надъ Ушаками разразилось много несчастій, и успѣха до сихъ поръ, что касается до выгодъ и процентовъ, мало. Перкое стадо, составленное съ великими трудами и пожертвованіями, изъ породъ Голландскихъ, Швейцарскихъ, Тирольскихъ, Холмогорскихъ, стоившее больше ста тысячь руб., пало лѣтъ чрезъ пять; за нимъ слѣдовало другое, постигнутое тою же участью, и наконецъ третье. У хозяина опустились руки! (*Позднѣйшее примѣчаніе Погодина*).

лились, скотина зачахла, горе одолѣло и проч. и проч. Но нельзя помѣщикамъ не жить въ Петербургѣ: у нихъ дѣти служатъ. Да не лучше ли бы имъ было служить дома, въ своихъ деревняхъ, устроивая судьбу своихъ крестьянъ, наслаждаясь природою, удесятеряя свое состояніе. Единственный примѣръ изъ высшаго сословія представлялъ, помнится, князь Барятинскій *), который поселился въ Курской своей вотчинѣ и лѣтъ черезъ десять создалъ себѣ милліонъ дохода. Укажите мнѣ другого князя и графа, живущаго въ деревнѣ съ этою цѣлію.

Я говорилъ о богачахъ, но помѣщики средней руки устремляются также въ Петербургъ — для воспитанія дѣтей? Приготовить къ экзамену въ Петербургское учебное заведеніе стоитъ отъ 1500 до 2000 р. с. въ годъ. Извольте собрать такую сумму,—а если еще дочь на возрастѣ, если за старшимъ сыномъ долженъ поступить второй и третій. Опять помѣщикъ, самый добрый, долженъ налечь на крестьянъ, и

---

*) Князь Иванъ Ивановичъ, отецъ фельдмаршала князя Александра Ивановича, владѣлъ въ началѣ минувшаго XIX-го столѣтія имѣніемъ Ивановскимъ, гдѣ и родился фельдмаршалъ. Ивановское находится въ Курской губерніи, въ двухъ уѣздахъ: Льговскомъ и Рыльскомъ, и заключаетъ въ себѣ 56,000 десятинъ. Когда поселился князь Иванъ Ивановичъ въ Ивановскомъ, то это мѣсто представляло голую степь. Онъ обработалъ землю, засадилъ ее и построилъ домъ. Въ настоящее время, Ивановское чудное имѣніе съ тремя рощами, въ одной изъ которыхъ масса оленей; въ рощахъ растутъ великолѣпныя деревья всѣхъ сортовъ; садъ съ оранжереями и озеромъ. На озерѣ два острова, на одномъ изъ нихъ маленькая кирка, такъ какъ жена Ивана Ивановича, графиня Марія Ѳедоровна Келлеръ была лютеранка. И по-нынѣ разъ въ годъ въ ней служится обѣдня, кажется, въ день именинъ графини Маріи Ѳедоровны, 22-го іюля. Хозяйство ведется правильное экономическимъ способомъ въ большихъ размѣрахъ; обращено вниманіе на скотоводство, свиноводство и существуютъ сыроварный, винокуренный и свеклосахарный заводы. Князь Иванъ Ивановичъ хотѣлъ чтобы и сыновья его занимались земледѣліемъ. По этому поводу онъ и писалъ къ своимъ друзьямъ. До сихъ поръ существуетъ въ Ивановскомъ картина изображающая все семейство, въ Русскихъ платьяхъ гуляющихъ; вдали виденъ домъ въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ при князѣ Иванѣ Ивановичѣ, а по серединѣ картины—будущій фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ стоитъ у плуга. (*Примѣчаніе* княжны Олимпіады Александровны Барятинской).

выжимать соку изъ земли, какъ можно болѣе. Но какая нужда въ этихъ экзаменахъ? Ихъ въ старое время нигдѣ не бывало. Мальчика нужно было только привести въ заведеніе, и его опредѣлитъ начальство въ тотъ классъ, въ который онъ можетъ поступить. И время цѣло у учителей, и денегъ не нужно припасать родителямъ: въ убыткѣ одни экзаменаторы и пансіоно-содержатели, но ихъ нельзя вѣдь имѣть въ виду на первомъ планѣ. Почему нельзя теперь воспитывать дома дѣтей въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго возраста? Потому что отецъ не приготовленъ самъ порядочно, не имѣетъ привычки заниматься, не умѣетъ, какъ взяться за дѣло. Потому что мать любитъ читать только Французскіе романы и выучилась танцовать и играть на фортепіано. Потому что отъ сосѣдняго попа, по выраженію Екатерины, тешкой пахнетъ, и онъ, погрязшій въ схоластическихъ хріяхъ, не можетъ учить ничему по-человѣчески. А перемѣните всѣ эти отношенія, что не невозможно, если сначала и трудно *), и какъ любо жить будетъ въ деревнѣ, сколько семейныхъ лишнихъ радостей представитъ жизнь, какъ укрѣпятся родственныя связи, какъ разыграется румянецъ во всѣхъ щекахъ, какъ будетъ доволенъ умный попъ, какъ развеселятся крестьяне, и какъ возрадуются авторы и журналисты, потому что всякое такое семейство будетъ выписывать журналы и покупать книги! Лѣтъ десять тому назадъ, мнѣ случилось прожить одному въ деревушкѣ моей сестры, верстахъ въ тридцати отъ Москвы. Въ деревушкѣ было душъ двадцатьпять, кажется, и земли десятинъ двѣсти. Имѣніе ничтожное, но отъ этого ничтожнаго имѣнія семейство, поселясь въ немъ, можетъ получать муку, крупу, овесъ, сѣно, масло, молоко, яйца, барановъ, временемъ теленка, домашнюю птицу, овощи, грибы, ягоды, плоды. Купить, слѣдовательно, придется только сахару, чаю,

---

*) Уничтоженіе крѣпостнаго права воздѣйствуетъ непремѣнно на перемѣну этихъ отношеній. — И города должны будутъ отпустить многихъ жителей въ деревню, гдѣ жить дешевле, здоровѣе, пріятнѣе. (*Примѣчаніе Погодина*).

лились, скотина зачахла, горе одолѣло и проч. и проч. Но нельзя помѣщикамъ не жить въ Петербургѣ: у нихъ дѣти служатъ. Да не лучше ли бы имъ было служить дома, въ своихъ деревняхъ, устроивая судьбу своихъ крестьянъ, наслаждаясь природою, удесятеряя свое состояніе. Единственный примѣръ изъ высшаго сословія представлялъ, помнится, князь Барятинскій *), который поселися въ Курской своей вотчинѣ и лѣтъ черезъ десять создалъ себѣ милліонъ дохода. Укажите мнѣ другого князя и графа, живущаго въ деревнѣ съ этою цѣлію.

Я говорилъ о богачахъ, но помѣщики средней руки устремляются также въ Петербургъ — для воспитанія дѣтей? Приготовить къ экзамену въ Петербургское учебное заведеніе стóитъ отъ 1500 до 2000 р. с. въ годъ. Извольте собрать такую сумму,—а если еще дочь на возрастѣ, если за старшимъ сыномъ долженъ поступить второй и третій. Опять помѣщикъ, самый добрый, долженъ налечь на крестьянъ, и

---

*) Князь Иванъ Ивановичъ, отецъ фельдмаршала князя Александра Ивановича, владѣлъ въ началѣ минувшаго XIX-го столѣтія имѣніемъ Ивановскимъ, гдѣ и родился фельдмаршалъ. Ивановское находится въ Курской губерніи, въ двухъ уѣздахъ: Льговскомъ и Рыльскомъ, и заключаетъ въ себѣ 56,000 десятинъ. Когда поселился князь Иванъ Ивановичъ въ Ивановскомъ, то это мѣсто представляло голую степь. Онъ обработалъ землю, засадилъ ее и построилъ домъ. Въ настоящее время, Ивановское чудное имѣніе съ тремя рощами, въ одной изъ которыхъ масса оленей; въ рощахъ растутъ великолѣпныя деревья всѣхъ сортовъ; садъ съ оранжереями и озеромъ. На озерѣ два острова, на одномъ изъ нихъ маленькая кирка, такъ какъ жена Ивана Ивановича, графиня Марія Өедоровна Келлеръ была лютеранка. И по-нынѣ разъ въ годъ въ ней служится обѣдня, кажется, въ день именинъ графини Маріи Өедоровны, 22-го іюля. Хозяйство ведется правильное экономическимъ способомъ въ большихъ размѣрахъ; обращено вниманіе на скотоводство, свиноводство и существуютъ сыроварный, винокуренный и свеклосахарный заводы. Князь Иванъ Ивановичъ хотѣлъ чтобы и сыновья его занимались землѣдѣліемъ. По этому поводу онъ и писалъ къ своимъ друзьямъ. До сихъ поръ существуетъ въ Ивановскомъ картина изображающая все семейство, въ Русскихъ платьяхъ гуляющихъ; вдали виденъ домъ въ такомъ видѣ, какъ онъ былъ при князѣ Иванѣ Ивановичѣ, а по серединѣ картины—будущій фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ стоитъ у плуга. (*Примѣчаніе* княжны Олимпіады Александровны Барятинской).

выжимать соку изъ земли, какъ можно болѣе. Но какая нужда въ этихъ экзаменахъ? Ихъ въ старое время нигдѣ не бывало. Мальчика нужно было только привести въ заведеніе, и его опредѣлитъ начальство въ тотъ классъ, въ который онъ можетъ поступить. И время цѣло у учителей, и денегъ не нужно припасать родителямъ: въ убыткѣ одни экзаменаторы и пансіоно-содержатели, но ихъ нельзя вѣдь имѣть въ виду на первомъ планѣ. Почему нельзя теперь воспитывать дома дѣтей въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ до извѣстнаго возраста? Потому что отецъ не приготовленъ самъ порядочно, не имѣетъ привычки заниматься, не умѣетъ, какъ взяться за дѣло. Потому что мать любитъ читать только Французскіе романы и выучилась танцовать и играть на фортепіано. Потому что отъ сосѣдняго попа, по выраженію Екатерины, тешкой пахнетъ, и онъ, погрязшій въ схоластическихъ хріяхъ, не можетъ учить ничему по-человѣчески. А перемѣните всѣ эти отношенія, что не невозможно, если сначала и трудно *), и какъ любо жить будетъ въ деревнѣ, сколько семейныхъ лишнихъ радостей представитъ жизнь, какъ укрѣпятся родственныя связи, какъ разыграется румянецъ во всѣхъ щекахъ, какъ будетъ доволенъ умный попъ, какъ развеселятся крестьяне, и какъ возрадуются авторы и журналисты, потому что всякое такое семейство будетъ выписывать журналы и покупать книги! Лѣтъ десять тому назадъ, мнѣ случилось прожить одному въ деревушкѣ моей сестры, верстахъ въ тридцати отъ Москвы. Въ деревушкѣ было душъ двадцатьпять, кажется, и земли десятинъ двѣсти. Имѣніе ничтожное, но отъ этого ничтожнаго имѣнія семейство, поселясь въ немъ, можетъ получать муку, крупу, овесъ, сѣно, масло, молоко, яйца, барановъ, временемъ теленка, домашнюю птицу, овощи, грибы, ягоды, плоды. Купить, слѣдовательно, придется только сахару, чаю,

*) Уничтоженіе крѣпостнаго права воздѣйствуетъ непремѣнно на перемѣну этихъ отношеній. — И города должны будутъ отпустить многихъ жителей въ деревню, гдѣ жить дешевле, здоровѣе, пріятнѣе. (*Примѣчаніе Погодина*).

вина, и того немного, потому что наливки домашнія замѣнятъ и вино. И это все при тридцати душахъ, а что могутъ доставить пятьдесятъ, сто, двѣсти, пятьсотъ? У насъ всѣ такіе помѣщики ноютъ безпрерывно отъ безденежья, потому что всѣ живутъ выше своего состоянія, не умѣютъ сводить приходовъ съ расходами, скучаютъ, страдаютъ и заставляютъ страдать другихъ. Злу причиною невѣжество. Невѣжество— въ академіяхъ, университетахъ, гимназіяхъ, обществѣ, вездѣ, вездѣ; вотъ наша главная болѣзнь, противъ которой лекарство, впрочемъ, найдено—образованіе, хотя не такое, какое у насъ еще по недоразумѣніямъ дается. О, пора, пора взлянуть на жизнь, на обстоятельства, на время, по-степеннѣе, по-строже. Мысли родятся въ умной бесѣдѣ, но мы вообще отвыкли говорить, и лишь соберутся гдѣ четверо, такъ уже вставляется между ними зеленый столъ" *).

Въ Ушакахъ Погодинъ услышалъ, что нѣсколько правовѣдовъ, дружныхъ между собою въ продолженіе курса въ Училищѣ, рѣшились оставить службу и посвятить себя промышленности. Они составили капиталъ, положа въ него все, что имѣлъ каждый, и принялись соединенными силами за труды. Много проектовъ у нихъ въ замышленіи, между прочимъ, устройство общества для сохраненія жизненныхъ припасовъ. Они же основали журналъ: *Экономическій Указатель*, и хотятъ варить квасъ для жителей Петербурга, которые до сихъ поръ должны пучить себѣ брюхо противнымъ Рижскимъ квасомъ, составляемымъ Богъ знаетъ изъ какихъ снадобьевъ".

Это пришлось по сердцу Погодину и онъ писалъ: „Вотъ это дѣло, такъ дѣло. Дай Богъ найдти имъ какъ можно больше подражателей,—и вонъ изъ службы, которой молодежь становится въ тягость, точно также служба становится въ тягость молодежи. Пусть остаются тамъ одни охотники, рожденные именно для службы, которыхъ наберется довольно"!

*) Въ интересахъ правды, слѣдуетъ замѣтить, что самъ Погодинъ страстно любилъ подвизаться за карточнымъ столомъ. *Н. Б.*

Въ Ушакахъ Погодинъ провелъ два дня „съ большимъ удовольствіемъ". Онъ съ Ушаковскимъ обществомъ ѣздилъ и гулялъ по окрестностямъ, осматривалъ работы, „кипящія во всѣхъ углахъ", разговаривалъ съ прохожими и проѣзжими, и наконецъ толковалъ „за стаканомъ чаю о томъ и о другомъ, о прошедшемъ и будущемъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ съ удовольствіемъ примѣтилъ, что двѣсти тысячь „разсыпаны" Кокоревымъ „по сосѣднему населенію, за рубку, очистку, за насыпку, за перевозку, за копанье, — и все населеніе развеселилось, поздоровѣло, потолстѣло".

XCII.

Рано утромъ, 15 іюня 1856 года, Погодинъ выѣхалъ изъ любезныхъ ему Ушаковъ, и „пустился" по желѣзной дорогѣ въ С.-Петербургъ, гдѣ остановился въ помѣщеніи Кокорева. Лишь только вошелъ онъ въ комнату, какъ является къ нему конторщикъ Кокорева и спрашиваетъ Погодина: „Слышалъ ли онъ, что г. Кирѣевскій скончался"? —Какой Кирѣевскій?—„Иванъ Васильевичъ"! [416])

Это ошеломило Погодина, „Боже мой"! — воскликнулъ онъ,—„Умеръ Кирѣевскій! Горько! Какая потеря"!

Въ концѣ великаго поста 1856 г., И. В. Кирѣевскій поѣхалъ въ Петербургъ, чтобъ слѣдить за экзаменомъ сына, кончавшаго курсъ въ Лицеѣ. Онъ пробылъ въ Москвѣ нѣсколько дней; останавливался въ домѣ матери своей А. П. Елагиной и повидался здѣсь, въ послѣдній разъ, съ братьями и друзьями. [417])

Въ это время въ *Русской Бесѣдѣ* печаталась статья Кирѣевскаго *о возможности и необходимости новыхъ началъ для Философіи*. По поводу ея, Т. И. Филипповъ, 5 іюня 1856 года, писалъИ. В. Кирѣевскому: „Я сейчасъ пріѣхалъ отъ Троицы, куда возилъ вашу статью на разсмотрѣніе духовной цензуры.

Делицынъ выкинулъ изъ нея слѣдующія четыре строки (46стр.): „чтобы даже внутреній приговоръ совѣсти, болѣе или менѣе очищенной, онъ не признавалъ, мимо согласія другихъ разумѣтельныхъ силъ, за конечный приговоръ высшей справедливости“. Причина выставлена такая: „Эта мысль можетъ иныхъ повести къ ложнымъ перетолкованіямъ, которыхъ конечно не имѣлъ въ представленіи авторъ. Нашъ Попечитель *), во время представленія къ нему Гимназіи, спросилъ меня о журналѣ; потомъ заговорилъ объ васъ и поручилъ мнѣ кланяться вамъ, когда я буду къ вамъ писать, что я исполняю съ большимъ удовольствіемъ, ибо онъ показался мнѣ, какъ и всѣмъ почти, очень хорошимъ человѣкомъ“. [418])

Это письмо еще застало И. В. Кирѣевскаго въ живыхъ.

10 іюня 1856 года, И. В. Кирѣевскій занемогъ холерою, быстро и съ страшною силою развившеюся, и скончался на рукахъ сына и двухъ друзей своей молодости, графа Е. Е. Комаровскаго и А. Веневитинова.

Ошеломленный Погодинъ долго не вѣрилъ, что Кирѣевскій умеръ. „Что ты говоришь, это вздоръ, не можетъ быть“!—говорилъ онъ Кокоревскому конторщику.—Нѣтъ - съ, отвѣчалъ тотъ, правда, я читалъ нынче въ газетахъ. „Когда“? спрашивалъ Погодинъ.—Нынче его отпѣваютъ.—„Гдѣ“?—У Знаменья!

Погодинъ „бросился“ въ церковь. Входитъ. „Стоитъ по срединѣ гробъ“,—писалъ онъ,—„сердце мое сжалось. Нѣтъ, это не онъ, не можетъ быть. Но чрезъ двѣ минуты подходитъ ко мнѣ сынъ Кирѣевскаго, и сомнѣнію не осталось мѣста. Кирѣевскій собрался уже въ возвратный путь. Наканунѣ назначеннаго выѣзда, остановился вспотѣлый гдѣ - то на Невскомъ проспектѣ, встрѣтивъ знакомаго и простудился. Въ нѣсколько часовъ его не стало“.

Кончина Кирѣевскаго погрузила Погодина въ размышленіе. „Смерть“,—писалъ онъ, — „предѣлъ естественный, но

---

*) Е. П. Ковалевскій. *Н. Б.*

нигдѣ кажется, не дѣйствуетъ она съ такимъ злымъ умысломъ, какъ у насъ. Какъ нуженъ былъ нашему времени, и нашимъ обстоятельствамъ, нашимъ отношеніямъ, Кирѣевскій съ его яснымъ умомъ, съ его сладкою рѣчью, съ его строгимъ вкусомъ, съ его благороднымъ характеромъ, съ его собственнымъ взглядомъ на вещи, взглядомъ, можетъ быть, иногда одностороннимъ, но всегда полезнымъ для полнаго обозрѣнія, всегда кстати дополняющимъ прочія воззрѣнія! Долго онъ молчалъ, устамъ запечатлѣннымъ, наконецъ онѣ открыты, накопилось много силы, мысль окрѣпла, слово получило умиротворяющее свойство,—но вотъ, сквозной вѣтеръ подулъ на минуту, и смертная болѣзнь низвела его въ могилу. Я не помню, когда бы я такъ горько плакалъ. Тяжкія минуты, подобныя тѣмъ, которыя мы всѣ, современники и ровесники, испытали тридцать лѣтъ назадъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Димитрія Веневитинова. Въ послѣднее время мнѣ случилось особенно сблизиться съ Кирѣевскимъ, и мои политическія записки нашли въ немъ самаго жаркаго поборника".

По окончаніи обѣдни, стѣснились всѣ, сколько было, около „милаго гроба. Больно отзывалось въ сердцѣ дорогое имя, поминаемое священниками" [419]).

Ключарь Казанскаго собора и знаменитый авторъ *Введенія въ науку Философіи*, протоіерей Ѳедоръ Сидонскій, произнесъ слѣдующее слово: „Немного видно слезъ при этомъ гробѣ: но это не то значитъ, чтобы мы погребали человѣка, чуждаго нашему сердцу, чтобы въ окружающихъ сей гробъ участникахъ печальнаго обряда не было сожалѣнія объ утратѣ изъ своего круга брата почившаго. Нѣтъ! чувства скорби при этомъ гробѣ растворилися для обстоящихъ его сопечалующихъ непричастнымъ печали сознаніемъ, что если сходитъ въ могилу сей мужъ даровитый, то уже послѣ достаточнаго ряда дѣйствій, въ коихъ его дарованія употребились съ пользою; печаль утраты смягчается здѣсь успокоительною мыслію, что мы провождаемъ на вѣчный покой мужа, кото-

рый, подвизавшись на поприщѣ литературномъ некраткій срокъ, не омрачилъ своего литературнаго призванія неумѣстными притязаніями, не всегда безукоризненнымъ служеніемъ влеченіямъ природы чувственной. Да, братія, предъ нами гробъ Русскаго мыслителя, — мыслителя, которому величіе и достоинство Россіи, предшествовавшее и ожидаемое, кроющееся въ ея религіозно-нравственныхъ вѣрованіяхъ, составляли источникъ немаловажныхъ утѣшеній; которому „цѣльный образъ воззрѣнія“, какъ самъ онъ, покойный, выражался,—Православный Славянской старины являлся залогомъ обновленія всего Европейскаго Просвѣщенія, а затѣмъ и общечеловѣческаго преуспѣнія. Не въ простотѣ сердца зародилась эта мысль; не въ неясности сознанія усвоилась, поддерживалась, неоднократно высказывалась она; нѣтъ, въ жизни почившаго она была плодомъ продолжительныхъ пытливыхъ думъ, плодомъ сличенія принятыхъ отъ Запада выводовъ Просвѣщенія съ кореннымъ, вынесеннымъ изъ дѣтства убѣжденіемъ въ непоколебимости Православныхъ началъ нашей Вѣры. Тогда какъ свѣтъ западнаго Просвѣщенія, принимавшійся съ живою, непріудержанною довѣрчивостью, отуманивалъ яркостію своего глаза иныхъ, скажемъ даже, многихъ совозрастниковъ почившаго,—въ немъ онъ какъ бы преломился и отразившись обратился, такъ сказать, на озареніе своихъ истоковъ и обличилъ предъ покойнымъ неполную доброзрачность западнаго развитія и многихъ его отраслей и направленій, особенно въ его видѣ новѣйшемъ, въ которомъ, по выраженію покойнаго, ясно обнаружилась односторонность коренныхъ стремленій Европейскаго Просвѣщенія. Чувство это конечно рано посѣтило нашего почившаго, но не увлекло его въ противуположную крайность: онъ не раздѣлялъ замѣчаемаго во многихъ презрѣнія ко всему иностранному и всячески искалъ дать своему собственному воззрѣнію ясность, отчетность выраженія. И время не напрасно текло для развитія его убѣжденія задушевнаго. Проходитъ семь лѣтъ (отъ 1845 до 1852 г.) отъ его перваго отрывоч-

наго очертанія созрѣвавшей мысли — по поводу обозрѣнія (современнаго тогда) состоянія Русской Литературы, и мы получаемъ обдуманное, пробивающееся до отчетливости изложеніе его убѣжденія. Этого мало. Почившій былъ слишкомъ даровитъ, чтобы не усмотрѣть, что на одномъ убѣжденіи въ односторонности, въ ложности началъ Европейскаго Просвѣщенія нельзя остановиться Русскому подвижнику мысли. Труженикъ умственнаго преуспѣянія, желающій принести свою лепту на зданіе общечеловѣческаго Просвѣщенія, долженъ необходимо пробиваться далѣе. И вотъ, задачею послѣдняго труда почившій поставилъ себѣ если уже не отысканіе, то по крайней мѣрѣ указаніе возможности новыхъ началъ любомудрія.

„Новая теплая мысль готова была возникнуть и можетъ быть выработаться въ ученомъ мірѣ нашемъ, мысль, имѣвшая, можетъ быть, пролить немаловажный свѣтъ въ область знанія. Но, не успѣлъ этотъ послѣдній трудъ почившаго огласиться во всеуслышаніе, какъ подвижникъ самъ отзывается отъ міра сего къ созерцанію лучшихъ зраковъ невечерняго свѣта. Совершился исходъ поборника принятыхъ отъ отцевъ и прадѣдовъ живыхъ убѣжденій. Но трудъ вѣры его возвратить дѣтямъ—юному поколѣнію, сердца отцовъ—живыя убѣжденія въ преданіяхъ вѣры, ужели останется безплоднымъ, ужели пройдетъ въ ученомъ Русскомъ мірѣ, не возбудивъ новыхъ дарованій, не породивъ новыхъ изслѣдованій? Нѣтъ! Усиліе отстоять, раскрыть всю плодовитость убѣжденія, оживляющаго православную Русскую грудь, не погаснетъ съ жизнію почившаго. Начало, и небезжизненное, положено. Иные дѣятели пойдутъ далѣе, разберутъ возбужденный вопросъ частнѣе, обсудятъ его многостороннѣе, и трудъ погребаемаго нами съ нимъ не погибнетъ! Чѣмъ изъ живѣйшаго убѣжденія въ истинѣ происходилъ онъ, тѣмъ больше доставлялъ блаженства работавшему: тѣмъ больше сохранитъ онъ и разовьетъ жизненности въ мірѣ духовномъ!

„Не напрасно же послѣ сего возгласили мы, соучастники

печальнаго обряда, почившему рабу Божію Іоанну вѣчную память, и какъ Христіанину, жившему съ вѣрою, и какъ писателю, не стыдившемуся свидѣтельствовать о вѣрѣ. Онъ не сокрылъ своего таланта въ землю, не поставилъ свѣтильника, въ немъ возженнаго, подъ спудомъ, а поработалъ Господеви, какъ свидѣтельствуютъ знающіе его, со страхомъ, и порадовался Ему съ трепетомъ. Да будутъ же тѣ живыя убѣжденія, коихъ важность желалъ онъ уяснить для оплодотворенія западнаго Просвѣщенія, да будутъ онѣ ему—источникомъ нескончаемыхъ радостей въ жизни иной, какъ онѣ согрѣвали сердце его въ жизни здѣшней! Вѣрующій въ Господа нашего Іисуса Христа, аще и умретъ, живъ будетъ съ Нимъ и о Немъ,—блаженъ будетъ о Немъ—и здѣсь и тамъ" [420]).

По окончаніи отпѣванія, пишетъ Погодинъ, „всѣ вмѣстѣ отнесли мы гробъ въ вагонъ. Боже мой! Какъ встрѣтитъ его мать, братъ и братья, сестра, жена, дѣти" [421])!

Весь тотъ день Погодинъ провелъ съ В. П. Титовымъ, А. В. Веневитиновымъ, графомъ Е. Е. Комаровскимъ, а вечеръ—у Блудовыхъ [422]).

Бренные останки И. В. Кирѣевскаго были перевезены въ Оптину пустынь и положены близъ соборной церкви.

Іеромонахъ Оптиной пустыни Климентъ (Зедергольмъ) говаривалъ К. Н. Леонтьеву, что хотя „всѣ Славянофилы были люди, конечно, православные по убѣжденіямъ, но ни у одного изъ нихъ онъ не находилъ столько сердечной теплоты, столько искренности и глубины чувствъ, какъ у И. В. Кирѣевскаго... Онъ былъ весь душа и любовь" [423]).

„Кирѣевскій", — писалъ Хомяковъ къ Кошелеву, — „не только нашъ былъ дорогой другъ, онъ былъ для *Бесѣды* необходимымъ дѣятелемъ. Его спеціальность не имѣетъ другого представителя; да если бы и имѣла, то не найдется такого, который бы имѣлъ его особенныя, свойственныя ему одному достоинства. Знаешь ли, что когда мнѣ сказали объ его смерти (это сказано мнѣ было при входѣ въ домъ, по воз-

вратѣ изъ Смоленской Губерніи), послѣ перваго потрясенія, мнѣ тотчасъ пришелъ въ голову ты, его старѣйшій другъ... Я долго не могъ опомниться. Какъ вынесетъ Авдотья Петровна *) и бѣдный Петръ Васильевичъ, который такъ давно хвораетъ? Нынче въ ночь я ѣду къ нимъ: раньше не могъ, потому что говѣлъ. Какая то особенная судьба И. В. Кирѣевскаго! То цензура и власть царская остaнавливали его: то теперь смерть, и всякій разъ на половинѣ труда. Какое-то также особенно строгое испытаніе нашему направленію: какъ будто опытъ нашего терпѣнія и постоянства. Рѣдѣетъ кругъ нашъ, жизнь обращается для каждаго какъ будто въ воспоминанье. Подвигъ становится все строже и строже. Видно, такъ надобно" [424]).

„Я не пишу къ вамъ никакихъ пошлыхъ сожалѣній",— писалъ И. С. Аксаковъ къ Е. И. Елагиной,—„соболѣзнованій или утѣшеній. Въ первыя минуты горя, мое естественное движеніе: *безъ словъ* обнять, крѣпко пожать руку горюющихъ" [425]).

25 октября того же 1856 года, скончался въ своей Орловской деревнѣ, и Петръ Васильевичъ Кирѣевскій. Онъ, свидѣтельствуетъ К. Д. Кавелинъ, „умеръ съ горя отъ кончины брата, котораго нѣжно любилъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ и четырехъ дней онъ страдалъ разлитіемъ желчи, страшно мучился отъ этой болѣзни и находился въ мрачномъ состояніи духа; но до конца, всегдашняя, чрезвычайная кротость ему не измѣнила. Онъ умеръ въ совершенной памяти, съ полнымъ присутствіемъ ума; за минуту до смерти перекрестился и самъ сложилъ на груди руки, въ томъ положеніи, какъ складываютъ ихъ обыкновенно покойникамъ".

1 ноября 1856 года, П. И. Бартеневъ писалъ Погодину: „Петръ Васильевичъ скончался 25 числа. Его тѣло должно быть перевезено въ Оптину пустынь; но для этого требуется разрѣшеніе изъ Петербурга. Если у васъ есть знакомые въ

---

*) Елагина. *Н. Б.*

Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, попросите пожалуйста, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, чтобы поторопились прислать въ Орелъ это разрѣшеніе. Этимъ вы одолжите несчастное, и столь любезное всѣмъ намъ семейство [426]).

„Полноте, дорогая Катерина Ивановна“ *),—писалъ И. С. Аксаковъ,—„характеръ вашего горя таковъ, что оскорбляетъ память Петра Васильевича. Вы помрачаете его свѣтлый образъ. Благомъ долженъ онъ вѣять вамъ въ душу, а не вредомъ, ободрять на дальнѣйшій путь жизни, а не лишать силъ... Благословите память человѣка, благодѣйствующаго вамъ и по смерти... Пусть, какъ и прежде, образъ его будетъ для васъ зеркаломъ совѣсти“ [427])...

Безутѣшная мать писала Погодину: „Что же скажу я вамъ, другъ нашъ? Иванъ Васильевичъ скончался! Петръ скончался! Право, это слишкомъ тяжело выговорить!—Петръ скончался, какъ праведникъ, выстрадавши безропотно, терпѣливо жестокую болѣзнь и тѣла, и души. Всѣ подробности разскажутъ вамъ при свиданьи оставшіеся братья. Послѣднее слово его было: *мнѣ очень хорошо*, и этому надобно вѣрить, какъ вѣримъ справедливости Бога... Желаю объ васъ чаще знать, ибо сердечно васъ люблю и уважаю“ [428]).

8-го ноября 1856 года, изъ Николаева, И. С. Аксаковъ писалъ къ своимъ родителямъ: „Вчера получилъ я письмо отъ Елагиныхъ о смерти Петра Васильевича послѣ довольно продолжительной болѣзни, собравшей къ нему всю семью. *Такъ ужъ нѣтъ больше Кирѣевскихъ*“ [429])!

XCIII.

На другой день по отпѣваніи И. В. Кирѣевскаго, 16 іюня 1856 года, Погодинъ сѣлъ на пароходъ и въ 2 часа пополудни отплылъ въ Мемель. Общительный Погодинъ нашелъ и на пароходѣ для себя пріятное общество. Онъ нашелъ

*) Елагина. *Н. Б.*

„множество знакомыхъ"; а „любезный Кунакъ",—пишетъ онъ, —„извѣстилъ его, что отправляется съ нимъ правнукъ Шлецера". Погодинъ тотчасъ же сталъ его разыскивать между пассажирами, и никто не могъ указать на него. Тогда Погодинъ обратился къ капитану и попросилъ у него списокъ; но и въ немъ не нашелъ внука Шлецера, и только подлѣ своего имени встрѣтилъ имя, его удивившее: г. Мятежевъ. „Австрійскія газеты",—замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ— „могутъ сочинить, пожалуй, цѣлую исторію изъ одного этого имени, поставленнаго рядомъ съ моимъ". Наконецъ, привели къ Погодину молодого Шлецера. Своею физіономіею мальчикъ напомнилъ Погодину стараго Геттингенскаго Шлецера, котораго портретъ висѣлъ постоянно передъ глазами Погодина, въ его кабинетѣ. Погодину очень было пріятно разспрашивать юношу обо всѣхъ подробностяхъ и предложить ему житье у него, еслибъ ему вздумалось пройти курсъ въ Московскомъ Университетѣ. „Я", — писалъ Погодинъ, — „былъ бы радъ принести ему какую-нибудь пользу въ благодарность за ученыя благодѣянія, для меня на вѣки приснопамятныя, его прадѣда".

Изъ прочихъ спутниковъ на пароходѣ былъ принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. „Его обходительная вѣжливость, участіе и готовность ко всякимъ услугамъ",—писалъ Погодинъ,—„среди морского качанія, которое началось почти на другой же день,—произвели пріятное впечатлѣніе на всѣхъ путешественниковъ".

Плылъ также старый пріятель Погодина, Н. И. Любимовъ, который везъ больную жену лечиться на водахъ, и генералъ Богдановичъ, внукъ знаменитаго пѣвца *Душеньки*, который обѣщался Погодину достать вѣрнѣйшій портретъ своего дѣда. Тутъ же былъ одинъ почтамтскій чиновникъ, путешествовавшій много по Россіи.

Въ любопытныхъ предметахъ для разговора не было недостатка. Молодой купецъ изъ Риги забавлялъ много сравненіями шампанскаго съ бордо. Шампанское — это вѣтреная любовница, mais Bordeaux—c'est l'ami de l'homme. При всякой

похвалѣ, онъ обращался къ этому другу, велѣлъ подавать себѣ по стакану, и такъ наконецъ усладился, что едва могъ поворачивать языкъ, а все-таки повторялъ съ чувствомъ: Bordeaux—c'est l'ami de l'homme.

На второй день, къ вечеру, началась качка и не прекращалась до Свинемюнде. Всѣ путешественники повалились на койки, изнеможенные и разстроенные, а у Погодина, сверхъ того, распухла щека и заныли зубы.

Вечеромъ уже добрались до гавани. Рѣшили здѣсь ночевать. Кто-то предложилъ нанять особое судно, чтобъ ѣхать не медля, но складчина не состоялась. Принцъ Петръ Георгіевичъ уѣхалъ одинъ. Прогулявшись въ прибрежной аллеѣ, съ особеннымъ удовольствіемъ, послѣ долгаго плаванія, Погодинъ принялся читать Путеводитель, сообщенный ему генераломъ Богдановичемъ. Плывя въ Штеттинъ, Погодинъ вспомнилъ, что тамъ родились Екатерина II-я и Марія Ѳеодоровна.

На другой день, рано по утру, таможенные Прусскіе чиновники начали на пароходѣ разбирать вещи весьма снисходительно и учтиво. Погодинъ сказалъ имъ, что везетъ двѣнадцать фунтовъ чаю, нѣсколько халатовъ, спальныхъ сапоговъ и туфлей для подарковъ, и у него не стали осматривать ничего, взявъ только пошлины около двухъ талеровъ. Одного его мѣшка не оказалось, что́ было для него очень непріятно, потому что весь его скарбъ помѣщался въ этомъ мѣшкѣ, и безъ мѣшка, въ полномъ смыслѣ онъ оставался голъ, какъ соколъ. Исканіе продолжалось по всѣмъ угламъ, между тѣмъ какъ пароходъ пустился въ путь и наконецъ приплылъ въ Штеттинъ. Въ Штеттинѣ, лишь только причалили къ берегу, мѣшокъ Погодина былъ принесенъ на палубу; его захватила было въ темнотѣ прислуга принца Петра Георгіевича, и оставила у консула, для доставленія хозяину на пароходъ.

Въ Штеттинѣ, Погодинъ познакомился съ консуломъ Шлецеромъ, отцомъ молодого спутника, и сталъ разспрашивать

его о домахъ Екатерины и Маріи. Первая родилась въ замкѣ, вторая — въ частномъ домѣ, Rossmarkt. Осмотрѣть ихъ не доставало времени, но Шлецеръ обѣщалъ Погодину сообщить послѣ обстоятельное свѣдѣніе. По этому поводу Погодинъ замѣчаетъ: Какая непростительная, однако, съ нашей стороны, холодность? Сколько Русскихъ проѣзжаетъ ежегодно черезъ Штеттинъ, и никому не приходитъ въ голову позаботиться и сказать два слова во всеуслышаніе о такихъ любопытныхъ для насъ предметахъ. Въ Штеттинѣ надо бы было поставить памятники этимъ славнымъ дочерямъ Германіи, которыя сдѣлались Русскими, и принесли столько добра новому своему Отечеству. Объ Екатеринѣ, при всѣхъ ея недостаткахъ, говорить нечего. И Марія, добродѣтельная Марія, которая, по крайнему своему разумѣнію, отъ души заботилась о благотворительныхъ своихъ учрежденіяхъ, которая принимала живое, дѣятельное участіе въ судьбѣ сиротъ, воспитавшихся на ея иждивеніи, съ неутомимымъ вниманіемъ слѣдила впродолженіе тридцати лѣтъ за всякимъ лицомъ, къ нимъ принадлежавшимъ, имѣетъ неоспоримое право на Русскую благодарность. Ни одного порядочнаго сочиненія объ ней нѣтъ въ Русской Литературѣ. Ясное доказательство необразованности и невѣжества тѣхъ лицъ, которыя ее окружали. Въ доброй волѣ, разумѣется, винить ихъ нельзя. Не понимаютъ, не умѣютъ — вотъ вся ихъ вина. У меня зашевелились разныя мысли, и я написалъ тотчасъ письмо къ В. А. Кокореву, которое здѣсь помѣщается: „...Въ Штеттинѣ родилась императрица Екатерина II, въ Штеттинѣ родилась и императрица Марія Θеоровна. Мы, Русскіе, должны непремѣнно поставить имъ здѣсь памятники. У меня зашевелились мысли въ головѣ, и я спѣшу сообщить ихъ вамъ, любезнѣйшій Василій Александровичъ, какъ человѣку дѣловому, который не любитъ ничего откладывать въ долгій ящикъ и умѣетъ находить удобнѣйшія и легчайшія средства пускать всякое дѣло въ ходъ. Боюсь, впрочемъ, чтобъ вы тотчасъ не послали пригоршни золота

къ Клодту или Пименову на отлитіе статуй. Подождите, наша рѣчь впереди. Роберту Пилю поставили памятникъ, собравшись по грошу бѣдные люди, для которыхъ онъ удешевилъ хлѣбъ. Эта мысль мнѣ очень понравилась, мы должны поступить также. Хорошему и доброму подражать не стыдно. На сооруженіе памятника императрицѣ Маріи должны имѣть право только женщины, кои воспитались въ ея заведеніяхъ, и чиновники, кои служили подъ ея начальствомъ. Для нихъ для всѣхъ была она истинною, попечительною матерью. Моя покойная жена воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и я имѣю право принести свою лепту за нее. Въ чемъ долженъ состоять ея памятникъ. Содержать на вѣчныя времена въ Штеттинѣ пятнадцать бѣдныхъ сиротъ женскаго пола, въ особомъ заведеніи, и на той площади, гдѣ родилась незабвенная Русская благотворительница, поставить ея бюстъ изъ бронзы, съ приличными барельефами. Какъ содержать и воспитывать—напишу послѣ. Скажу только теперь, что я терпѣть не могу нашихъ паркетовъ, и вообще нашей парадной, безразсудной роскоши, обличающей невѣжество. Бюстъ императрицѣ Екатеринѣ поставить предлагаю Русскимъ писателямъ, которые имѣютъ честь видѣть ее въ своемъ смиренномъ сонмѣ. Екатерина любила Словесность, посѣтила скромное убѣжище Ломоносова, покровительствовала Сумарокову, Державину, Петрову, Фонъ-Визину, Богдановичу, Хемницеру, Кострову, Хераскову, выписала изъ Перми талантливаго мальчика Мерзлякова, сочинила Наказъ. Бюсты и барельефы мы поручимъ сдѣлать нашему Рамазанову, и доставимъ ему случай отличиться, или — не открыть ли состязанія? Пусть къ назначенному сроку желающіе представляютъ свои проэкты— это произведетъ нѣкоторое движеніе въ художественныхъ классахъ! Штеттинское начальство радо будетъ нашимъ памятникамъ, которые послужатъ къ украшенію и славѣ ихъ города, а мы, выражая свою признательность незабвеннымъ государынямъ, принесемъ вмѣстѣ удовольствіе и пользу городу, который первый принимаетъ съ моря Русскихъ путе-

шественниковъ. При открытіи зададимъ обѣдъ изъ своихъ припасовъ, привезенныхъ на пароходѣ: сваримъ уху, напечемъ блиновъ, состроимъ кулебяки, нажаримъ Русской дичи, напримѣръ, перепелокъ, которыхъ я не видалъ здѣсь нигдѣ. Я предполагаю обѣдъ на сто человѣкъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ, и другой обѣдъ, на сто человѣкъ,—изъ нищей братіи; но вы вѣрно ухитритесь угостить весь городъ, да чуть ли не прихватится и изъ окрестностей, по крайней мѣрѣ ближайшія. Безъ шутокъ, дайте моей мысли гласность, назначьте мѣста, въ Москвѣ и Петербургѣ, куда могли бы присылаться приношенія, и задайте проэкты барельефовъ. Правительство, не должно допускать ни на шагъ въ наши распоряженія. Мы, частные люди, должны выражать передъ Европою свою благодарность; мы должны показать, какъ мы чувствуемъ добро, намъ сдѣланное. Все казенное и оффиціальное имѣетъ свое клеймо, и приводитъ въ подозрѣніе искренность выраженія. Царствованію Александра Второго предлежитъ дать узнать Русскимъ человѣческое и гражданское достоинство. До сихъ поръ мы походили на мухъ, застылыхъ зимою, на морскихъ путешественниковъ, закачанныхъ волнами и вѣтромъ, у которыхъ, по выходѣ на сушу, кружится голова, какъ теперь у меня. Пусть Европейцы удостовѣряются чаще и чаще, что и въ нашихъ сердцахъ живетъ чувство, что и въ нашихъ головахъ уважается мысль. Штеттинскій консулъ нашъ Шлецеръ, ко времени моего возвращенія въ Россію, соберетъ вѣрно всѣ свѣдѣнія и приготовитъ планы площадей, гдѣ бюсты должны быть поставлены. Я найду можетъ быть еще какія-нибудь свѣдѣнія о воспитаніи императрицъ Екатерины и Маріи".

XCIV.

Въ среду, $\frac{20 \text{ Іюня}}{2 \text{ Іюля}}$, 1856 года, послѣ обѣда, пріѣхалъ Погодинъ въ Берлинъ. Запоздавши нѣсколько минутъ при полученіи вещей, Погодинъ не нашелъ уже экипажа, и

къ Клодту или Пименову на отлитіе статуй. Подождите, наша рѣчь впереди. Роберту Пилю поставили памятникъ, собравшись по грошу бѣдные люди, для которыхъ онъ удешевилъ хлѣбъ. Эта мысль мнѣ очень понравилась, мы должны поступить также. Хорошему и доброму подражать не стыдно. На сооруженіе памятника императрицѣ Маріи должны имѣть право только женщины, кои воспитались въ ея заведеніяхъ, и чиновники, кои служили подъ ея начальствомъ. Для нихъ для всѣхъ была она истинною, попечительною матерью. Моя покойная жена воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, и я имѣю право принести свою лепту за нее. Въ чемъ долженъ состоять ея памятникъ. Содержать на вѣчныя времена въ Штеттинѣ пятнадцать бѣдныхъ сиротъ женскаго пола, въ особомъ заведеніи, и на той площади, гдѣ родилась незабвенная Русская благотворительница, поставить ея бюстъ изъ бронзы, съ приличными барельефами. Какъ содержать и воспитывать—напишу послѣ. Скажу только теперь, что я терпѣть не могу нашихъ паркетовъ, и вообще нашей парадной, безразсудной роскоши, обличающей невѣжество. Бюстъ императрицѣ Екатеринѣ поставить предлагаю Русскимъ писателямъ, которые имѣютъ честь видѣть ее въ своемъ смиренномъ сонмѣ. Екатерина любила Словесность, посѣтила скромное убѣжище Ломоносова, покровительствовала Сумарокову, Державину, Петрову, Фонъ-Визину, Богдановичу, Хемницеру, Кострову, Хераскову, выписала изъ Перми талантливаго мальчика Мерзлякова, сочинила Наказъ. Бюсты и барельефы мы поручимъ сдѣлать нашему Рамазанову, и доставимъ ему случай отличиться, или — не открыть ли состязанія? Пусть къ назначенному сроку желающіе представляютъ свои проэкты— это произведетъ нѣкоторое движеніе въ художественныхъ классахъ! Штеттинское начальство радо будетъ нашимъ памятникамъ, которые послужатъ къ украшенію и славѣ ихъ города, а мы, выражая свою признательность незабвеннымъ государынямъ, принесемъ вмѣстѣ удовольствіе и пользу городу, который первый принимаетъ съ моря Русскихъ путе-

шественниковъ. При открытіи зададимъ обѣдъ изъ своихъ припасовъ, привезенныхъ на пароходѣ: сваримъ уху, напечемъ блиновъ, состроимъ кулебяки, нажаримъ Русской дичи, напримѣръ, перепелокъ, которыхъ я не видалъ здѣсь нигдѣ. Я предполагаю обѣдъ на сто человѣкъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ, и другой обѣдъ, на сто человѣкъ,—изъ нищей братіи; но вы вѣрно ухитритесь угостить весь городъ, да чуть ли не прихватится и изъ окрестностей, по крайней мѣрѣ ближайшія. Безъ шутокъ, дайте моей мысли гласность, назначьте мѣста, въ Москвѣ и Петербургѣ, куда могли бы присылаться приношенія, и задайте проэкты барельефовъ. Правительство, не должно допускать ни на шагъ въ наши распоряженія. Мы, частные люди, должны выражать передъ Европою свою благодарность; мы должны показать, какъ мы чувствуемъ добро, намъ сдѣланное. Все казенное и оффиціальное имѣетъ свое клеймо, и приводитъ въ подозрѣніе искренность выраженія. Царствованію Александра Второго предлежитъ дать узнать Русскимъ человѣческое и гражданское достоинство. До сихъ поръ мы походили на мухъ, застылыхъ зимою, на морскихъ путешественниковъ, закачанныхъ волнами и вѣтромъ, у которыхъ, по выходѣ на сушу, кружится голова, какъ теперь у меня. Пусть Европейцы удостовѣряются чаще и чаще, что и въ нашихъ сердцахъ живетъ чувство, что и въ нашихъ головахъ уважается мысль. Штеттинскій консулъ нашъ Шлецеръ, ко времени моего возвращенія въ Россію, соберетъ вѣрно всѣ свѣдѣнія и приготовитъ планы площадей, гдѣ бюсты должны быть поставлены. Я найду можетъ быть еще какія-нибудь свѣдѣнія о воспитаніи императрицъ Екатерины и Маріи“.

XCIV.

Въ среду, $\frac{\text{20 Іюня}}{\text{2 Іюля}}$, 1856 года, послѣ обѣда, пріѣхалъ Погодинъ въ Берлинъ. Запоздавши нѣсколько минутъ при полученіи вещей, Погодинъ не нашелъ уже экипажа, и

долженъ былъ пробираться пѣшкомъ, почти вплоть до гостиницы. Въ гостинницѣ, новыя представились ему хлопоты: всѣ комнаты были уже заняты; „кое-какъ, наконецъ, досталъ онъ себѣ уголъ“.

Первымъ дѣломъ Погодина, по пріѣздѣ въ Берлинъ, было отыскать тотчасъ молодого Шафарика, который здѣсь занимался Химіей. У него Погодинъ нашелъ кроата Матковича, который работалъ надъ Географіей. Вечеръ провелъ Погодинъ съ ними въ бесѣдѣ о Славянскихъ обстоятельствахъ, о всѣхъ корифеяхъ, о господствующемъ духѣ между племенами.

Утро, 3 іюля, посвящено было обозрѣнію новаго Египетскаго Музея подъ руководствомъ Матковича, который хорошо съ нимъ знакомъ. „Египетъ“,—писалъ Погодинъ, —„съ своими сфинксами, муміями, папирусами, іероглифами, саркофагами, пещерами, и даже пирамидами въ изображеніяхъ, съ своими ибисами, лотосомъ, передъ вами. Пройтись по этимъ заламъ стòитъ цѣлаго курса, котораго наглядность нельзя замѣнить никакимъ чтеніемъ. Стыдъ, что наши университеты не заботятся до сихъ поръ о распространеніи образованія посредствомъ такихъ музеевъ. И какъ легко, удобно имъ это сдѣлать: стòитъ только снять готовые планы, или, еще лучше, воспользоваться живыми совѣтами здѣшнихъ дѣлателей, которымъ опытъ показалъ, безъ сомнѣнія, ошибки ихъ первоначальныхъ проэктовъ. Кто устроивалъ здѣшній Музей, какъ бы вы думали? Лепсіусъ, посвятившій всю свою жизнь изученію Египта. Можно надѣяться на успѣхъ, лишь бы не помѣшалъ какой-нибудь невѣжда-начальникъ изъ тѣхъ, которые любятъ соваться въ устройство дѣлъ, непонимаемыхъ ими, какъ объяснилъ намъ дѣдушка Крыловъ въ баснѣ *Голикъ*. Скажутъ, гдѣ же намъ взять денегъ на устроеніе такихъ музеевъ? А гдѣ беретъ ихъ бѣдная Баварія, которая усыпала не только Мюнхенъ, но всю свою область богатѣйшими и разнообразнѣйшими памятниками во всѣхъ родахъ, храмами, портиками, галлереями, статуями и цѣлыми дворцами, то-есть, дворцами для науки, для искусства, для образованія“.

Прочія залы Музея въ то время еще не были готовы, и Погодинъ, любуясь новою великолѣпною лѣстницею, которая украшена огромными фресками Корнеліуса, замѣтилъ: „Искусство и Наука торжествуютъ, а у насъ только торжественные акты съ схоластическими и педантическими рѣчами, да торжественныя описанія, исполненныя грубѣйшей лести, какъ будто бы и желать ничего не оставалось. Чувствую въ себѣ, продолжаетъ Погодинъ, „совершенную реакцію, и какъ въ первой половинѣ моей жизни мнѣ бросалось въ глаза прежде всего хорошее, которое хотѣлось заявить, охранить, восхвалить, такъ теперь беретъ меня безпрестанно досада и обнимаетъ грусть, что это хорошее, сколько его есть, остается in statu quo и нисколько не развивается, не стремится впередъ, а развѣ подается назадъ; худое же идетъ въ гору не по днямъ, а по часамъ. Мало сказать, что беретъ меня досада и обнимаетъ грусть; нѣтъ, меня схватываетъ часто отчаяніе, особенно послѣ большой какой-нибудь работы, при возбужденныхъ нервахъ. Мнѣ представляются разные страшные образы, и я бѣгу тогда за границу мыкать свое горе, дѣйствительное и мнимое“.

Изъ Музея Погодинъ отправился на лекцію Риттера. Рѣчь шла о Пиренеяхъ. Въ Риттерѣ Погодинъ не нашелъ никакой перемѣны. „Занимательность чтенія таже, слушатели тѣже и аудиторія таже“. Послѣ лекціи, Погодинъ поздоровался съ почтеннымъ старцемъ, который пригласилъ его въ нынѣшнее собраніе Академіи Наукъ, празднующей день рожденія Лейбница.

Матковичъ сообщилъ Погодину свое намѣреніе описать по Риттеровой методѣ Восточную Европу, т.-е. Россію, и просилъ указанія источниковъ. Впослѣдствіи Матковичъ свой взглядъ на этотъ предметъ выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ своемъ къ Погодину: Высокоученый господинъ! Простите, что осмѣливаюсь безпокоить васъ своимъ письмомъ. При первомъ свиданіи и знакомствѣ съ вами въ Берлинѣ, что̀ для меня останется вѣчно драгоцѣннымъ,—говорилъ я вамъ

о моихъ будущихъ ученыхъ занятіяхъ, изслѣдованіяхъ, коихъ, къ сожалѣнію, мы, Славяне, еще не имѣемъ. Теперь пора опомниться, проснуться и доказать невѣрнымъ сосѣдямъ нашимъ, Нѣмцамъ, что мы теперь, чѣмъ были нѣкогда, гдѣ мы обитали и какое образованіе имѣли. Тяжело видѣть, какъ они, однимъ взмахомъ, почеркомъ пера, хотятъ поставить насъ на ряду съ Кафрами и Неграми. Вы хорошо знаете, что эти господа позволяли и позволяютъ себѣ писать объ насъ, не зная ни слова изъ Славянскаго языка, и какъ искажаютъ Славянскую Исторію. Припомните, что я вамъ говорилъ въ прошломъ году въ Берлинѣ о высшей, ученой Географіи Восточной Европы—построить полную Славянскую Науку по Риттеру. Это было мое желаніе, а теперь главная задача моей жизни. Самъ Риттеръ думаетъ и находитъ, что я съ успѣхомъ могу заняться этимъ. Но это—обширное поле, на которомъ можно работать человѣку во всю свою жизнь, провесть на немъ весь свой вѣкъ; источники и литература—неисчерпаемы, неизмѣримы; изучить ихъ въ одинъ день, въ одинъ годъ—нѣтъ никакой возможности. Но прежде, нежели приступить къ самому дѣлу, я думаю, въ видѣ опыта и предварительнаго приготовленія къ дѣлу, составить нѣчто другое, которое бы могло служить основаніемъ, на которомъ могла бы уже строиться и развиваться дальше наукообразная Географія Восточной Европы. Безъ такого предварительнаго опыта нельзя писать прямо о настоящемъ предметѣ. Но, къ сожалѣнію, въ нашихъ библіотекахъ здѣсь мы не находимъ ничего такого, которое бы послужило намъ матеріаломъ, пособіемъ для составленія упомянутаго „опыта", за исключеніемъ только нѣкоторыхъ переводовъ, на коихъ нельзя положиться: ибо неизвѣстно, какъ все это переведено, и въ вѣрности перевода можно усомниться. Для достиженія предположенной цѣли, лучше всего было бы побывать мнѣ на нѣкоторое время въ Россіи для того, чтобы собрать нужные матеріалы, какъ-то карты и все, имѣющее какое-либо отношеніе къ этому предмету. Но это для меня теперь невоз-

можно; а думаю я помочь этому дѣлу иначе, если мнѣ будетъ позволено. Мнѣ остается начать и собирать постепенно, по зернышкамъ, и продолжать это до тѣхъ поръ, пока накопится на цѣлый пирогъ. А между тѣмъ, не теряя времени, дѣлать пока то, что возможно. Настоящее мое разсужденіе, какъ опытъ и проготовительная работа, будетъ имѣть своимъ предметомъ: Географію Славянской Европы въ среднихъ вѣкахъ. (*Geographie des Slav. Europa im Mittelalter*). Начну же съ такой точки зрѣнія, на которую не обратили достодолжнаго вниманія бывшіе доселѣ географы и историки, т.-е. объ открытіи Славянской Европы посредствомъ распространенія христіанской вѣры. Это и составитъ тотъ опытъ, о которомъ я упомянулъ: ибо Исторія какой-либо земли начинается съ тѣхъ поръ, какъ она представляется открытой, извѣстной, и географическія познанія служатъ основаніемъ исторической жизни. Миссія славныхъ мужей по землямъ Славянскимъ для обращенія Славянъ къ вѣрѣ Христовой—есть начало и конецъ моего изслѣдованія: что̀ древнѣе, то составитъ опытъ. А житія святыхъ мужей и первыхъ лѣтописцевъ отнесу къ Географіи Славянскихъ державъ средняго вѣка: ибо такъ раздѣляется сама собой Исторія Славянскаго образованія. Эта мысль теперь сильно занимаетъ меня. И потому обращаюсь къ вамъ, высокоученый господинъ, и надѣюсь, что вы, изъ любви къ Славянской взаимности, благоволите принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Вы долго занимались Древнею Русскою Исторіею. Этотъ предметъ извѣстенъ вамъ, какъ нельзя лучше. И потому прошу васъ сдѣлать мнѣ слѣдующее одолженіе: всѣ тѣ источники и памятники, которые указываютъ на древнѣйшую Географію и Исторію, и особенно на крещеніе Славянъ, о чемъ вы изволили въ разныя времена писать, какъ-то: лѣтописи, хроники, дѣла, житія святыхъ Православной церкви (acta sanctorum), монастырскія грамоты и т. д., Несторову лѣтопись лучшаго изданія, лучшую критическую исторію Русской Церкви, географическія карты среднихъ вѣковъ, космографію, и все, что къ этому дѣлу можетъ

относиться, благоволите доставить мнѣ. Говоря о будущемъ, скажу, что весьма выгодно было бы для меня и полезно, если-бъ я могъ хоть письменно познакомиться съ географами, историками и изслѣдователями Древностей, особенно Русскихъ, по той причинѣ, что предметомъ моихъ занятій во всю мою жизнь будутъ Славянскія земли. Господинъ профессоръ Риттеръ кланяется и благодаритъ вашей великоучености за посланныя вами къ нему карты географическія о Кавказѣ и др.".

Погодинъ, на это письмо, такъ отвѣчалъ Матковичу: „Первымъ источникомъ должна быть Геологія, по урокамъ Мурчиссона и нашихъ его учениковъ. Вторымъ—топографическое описаніе мѣстности въ настоящую минуту: карты, монографіи. Третьимъ, важнѣйшимъ въ историческомъ отношеніи—собственныя имена, изъ которыхъ можно составить цѣлую Науку. Въ нихъ должны открыться слѣды народовъ, проходившихъ чрезъ наши страны, и ихъ разселеніе, а потомъ взаимное вліяніе. Эти имена еще не собраны. Часто твердилъ я объ нихъ въ *Москвитянинѣ*, и начиналъ было выбирать изъ генеральнаго земель размежеванія. Вотъ задача, которую слѣдовало бы предложить Географическому Обществу, вотъ работа, за которую должны бы приниматься учители губернскихъ гимназій, вмѣсто ералаша ихъ, по преимуществу, отъ нечего дѣлать, занимающаго. Кромѣ собственныхъ именъ, вообще языкъ—великій памятникъ не только для Исторіи, но и для Географіи. Иностранцу или даже иноплеменнику трудно успѣть на этомъ поприщѣ".

Пользуясь приглашеніемъ Риттера, Погодинъ, къ 7-ми вечера, прибылъ на засѣданіе Академіи. „Множество знаменитостей",—писалъ онъ,—„присутствовало, а публики человѣкъ пятдесятъ, которая хранила самое благоговѣйное молчаніе впродолженіе всѣхъ чтеній, признаться не слишкомъ занимательныхъ, очевидно кое-какъ составленныхъ въ исполненіе устава. Профессоръ Тренделенбургъ открылъ засѣданіе рѣчью о общемъ языкѣ (lingua characteristica universalis). Пред-

ставлены были нѣкоторыя новыя изданія, относящіяся до Лейбница и его ученой дѣятельности по вновь найденнымъ рукописямъ. Трое поступившихъ членовъ говорили рѣчи, на кои отвѣчали секретари: Эренбергъ и Энке. Въ заключеніе Довъ изложилъ свои соображенія о климатѣ Пруссіи. Съ забавной торжественностью были сожжены девизы и имена сочинителей, неудостоенныхъ преміи за рѣшеніе предложенныхъ Обществомъ задачь. Пора такихъ обществъ миновалась и здѣсь, какъ у насъ".

Послѣ засѣданія, Погодинъ зашелъ къ Риттеру, „и отдалъ свои обычные гостинцы, которые онъ принимаетъ всегда съ особенной признательностію". Риттеръ очень былъ радъ услышать отъ Погодина объ ожиданіяхъ Русскаго народа и надеждахъ на новое царствованіе, о желѣзныхъ дорогахъ, объ Университетѣ въ Сибири, о занятіяхъ Географическаго Общества. Труды же Риттера продолжались постоянно, „и составляютъ цѣлое общество, университетъ и академію". Тогда онъ оканчивалъ Азію, и приступалъ къ Европѣ, а ему въ 1856 году уже было восемьдесятъ лѣтъ.

На другой день, т.-е., 4 іюля (по новому стилю), Погодинъ посѣтилъ Редакцію *Новой Прусской Газеты*, и не заставъ главнаго редактора, познакомился съ первымъ сотрудникомъ по Русской части, докторомъ Аммономъ. Погодинъ выразилъ ему благодарность „за добрыя слова, имъ говоренныя впродолженіе послѣдней войны". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ спросилъ его: „Какія еще газеты показали свое расположеніе или по крайней мѣрѣ безпристрастіе, при разсужденіи о Русскихъ дѣлахъ"?

Выслушавъ отвѣтъ, Погодинъ съ грустью замѣтилъ: „Увы! всѣ были противъ насъ, одна по той причинѣ, другая — по этой, кромѣ *Санчо* и *Сѣвера* въ Брюсселѣ, до Эрдманова Сборника, который издается съ пособіемъ, кажется, Министерства Финансовъ".

Собесѣдникъ Погодина докторъ Аммонъ перевелъ нѣсколько басень Крылова.

XCV.

5 іюля (по н. стилю), 1856 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Берлина въ Дрезденъ. „И здѣсь", — писалъ онъ, — „прекрасная обновка: великолѣпное зданіе для Картинной Галлереи, которая перенесена сюда изъ прежняго затвора. Картины расположены превосходно. Украшенія не такъ богаты, какъ въ Эрмитажѣ, гдѣ потолки и полы состязуются со стѣнами, но за то доступъ открытый для всѣхъ и каждаго. Я поклонился всѣмъ старымъ своимъ знакомымъ. Обошелъ съ молодежью и прочія собранія. Я увѣренъ, что у насъ можно бы даже теперь основать подобныя собранія, еслибъ умѣть взяться за дѣло; но мы не умѣли еще до сихъ поръ сладить даже и съ собственными Древностями и достопримѣчательностями: онѣ разбросаны или расположены въ такомъ безпорядкѣ, за неимѣніемъ удобныхъ помѣщеній и другими причинами, что теряютъ большую часть своей цѣны".

Второй визитъ Погодина, въ Дрезденѣ, былъ къ старому его пріятелю доктору Клемму, который „неутомимо продолжалъ собирать памятники постепеннаго человѣческаго образованія. Сынъ его служитъ теперь въ Америкѣ и присылаетъ безпрестанно новыя пріобрѣтенія".

„Мнѣ", — писалъ Погодинъ, — „непремѣнно хочется перетащить его музей въ Россію, и я, съ одной стороны, стараюсь уговорить его къ уступкѣ, съ другой — закидываю словцо нашему размашистому Кокореву (а больше вѣдь не кому: остальные богачи... ну, да Богъ съ ними!), чтобы онъ пріобрѣлъ это важное собраніе и открылъ для всеобщаго назиданія. По готовому плану, какъ можно бы намъ увеличить, распространить музей, имѣя Сибирь, Кавказъ, Сѣверъ въ своемъ распоряженіи; но у насъ и мысли не зарождается ни о чемъ подобномъ. Густая сѣть невѣжества покрываетъ глаза, на которыхъ наростаютъ катаракты, одинъ другого толще и толще".

Клеммъ написалъ Погодину и планъ особаго дома для цѣлесообразнаго размѣщенія его сокровищъ. „О“!—восклицаетъ Погодинъ,—„какъ я жалѣю теперь, что разстался съ своими! Но кто могъ вообразить такую перемѣну моихъ обстоятельствъ! Теперь можно бы сдѣлать просто чудеса! Увы, что прошло, того не воротишь“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодина изумила „недогадливость, неповоротливость, тупость, у здѣшнихъ простолюдиновъ! Узнаешь“,—замѣчаетъ онъ,—„полдюжины ненужныхъ исторій, а чего надо, то вытеребишь развѣ только посредствомъ операцій“.

Въ воскресенье, поутру, Погодинъ провелъ въ соборѣ, куда знаменитый органъ и хоръ привлекаютъ протестантовъ наравнѣ съ католиками.

Одинъ вечеръ Погодинъ провелъ въ театрѣ, гдѣ съ удовольствіемъ послушалъ *Норму*. „Оркестръ“—замѣчаетъ Погодинъ,—„превосходный. Нечего говорить, какъ все выучено, устроено, прилажено. Никто не опоздаетъ минутою, а мы до сихъ поръ не можемъ еще избавиться отъ безконечно утомительныхъ антрактовъ“.

Нашъ путешественникъ ѣздилъ также за городъ „въ какой-то садъ“, и вынесъ изъ этой поѣздки хорошее впечатлѣніе: „Прекрасная прогулка и спектакль подъ открытымъ небомъ. Дѣйствующія лица въ піэсѣ — мастеровые. Подмастерье, который оказался графскимъ сыномъ, передавалъ нѣкоторыя мѣста очень хорошо. Общія мѣста о барской спѣси возбуждали особенное удовольствіе зрителей, которые въ антрактахъ прохлажались пивомъ, забавлялись буттербродами, ломтиками ветчины и проводили свое время весело, дешево и сердито“.

По окончаніи спектакля, Погодинъ „долго искалъ своего экипажа, не условясь предварительно о мѣстѣ, и подвергался опасности возвращаться пѣшкомъ по пустынной дорогѣ, что—замѣчаетъ онъ,—„весьма непріятно ночью, тѣмъ болѣе, что здѣсь, слышно, пошаливаютъ“.

Изъ Дрездена, 8 іюля (н. стиля), Погодинъ отправился въ Лейпцигъ. Осматривая Лейпцигскія книжныя лавки, Погодинъ, обращаясь мыслію къ обанкротившимся Московскимъ книгопродавцамъ, воскликнулъ: „Ахъ, Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ и Николай Николаевичъ Улитинъ! Если бы заставить васъ поработать хоть денекъ по здѣшнему размѣру, вѣрно на другой день вы проснулись бы съ зародышемъ чахотки! „Покойному Ширяеву“,—продолжаетъ Погодинъ,—„я сказалъ однажды: зачѣмъ вы не опишете своихъ книгъ; вы сами не знаете, что у васъ есть.—А вотъ умру-съ, такъ опишутъ безъ меня: изъ чего мнѣ хлопотать-съ. И въ самомъ дѣлѣ, кураторы описали Ширяевскій магазинъ и конкурсъ получилъ первый каталогъ“.

Прикащикъ книгопродавца Фосса, Гейшель, нанялъ коляску и повезъ Погодина показать городъ. „Новыя улицы“,— пишетъ нашъ любознательный путешественникъ, — „съ прекрасными домами, изящными палисадниками, веселыми балконами. И какая все опрятность—любо посмотрѣть въ окошки. А сколько проживаетъ здѣшній гражданинъ? въ десятую долю меньше въ сравненіи съ нашимъ своимъ ровесникомъ — потому только, что умѣетъ содержать все въ порядкѣ, и обращаетъ вниманіе на всякую бездѣлицу; копейка-де, рубль бережетъ—пословица, которую позабылъ легкомысленный потомокъ, подсмѣиваясь подчасъ надъ степеннымъ предкомъ“.

Въ тотъ же вечеръ покатилъ Погодинъ во Франкфуртъ. „Дождь лилъ“,—пишетъ онъ,—„какъ изъ ведра. Поѣздъ гдѣ-то останавливался ночью, и по утру, какъ мы проснулись мчался безъ памяти, не давая нигдѣ минуты отдыха, чтобъ наверстать пропущенное время. Въ вагонѣ съ нами, между прочими, сидѣли два жида, одинъ старый, другой молодой. Молодой былъ очень тихъ и скроменъ; но что такое былъ старикъ, того описать трудно, и я вообразить не могъ, чтобъ можно было человѣку имѣть такую подвижность. Это было что-то необыкновенное. Ни минуты не оставался онъ въ одномъ положеніи, то оборачивался, то поправлялся на

мѣстѣ, то подвигался впередъ, назадъ, то нагибался, то приподнимался. Это было вѣчное движеніе. Когда взошло солнце онъ началъ шептать молитву и наматывать какой-то ремень съ ладони на локоть, съ изумительной быстротой. Мы поглядывали другъ на друга. Молодой человѣкъ замѣтилъ наше удивленіе, и сказалъ намъ потихоньку: mein Vater ist sehr lebendig. Между тѣмъ, мы мчались и мчались мимо Марбурга, который нынѣ что-то особенно напомнилъ мнѣ Ломоносова; мимо Гессена, гдѣ подсѣла къ намъ такая живая, радостная, любящая парочка—чуть ли здѣсь не было похищенія Прозерпины! Ну, Богъ съ ними. Ни разу мы нигдѣ не остановились, нигдѣ не было предупрежденія, по крайней мѣрѣ, что мы простоимъ здѣсь минуту, двѣ, дабы путешественники могли исправить свои нужды. Это непростительно“!

Наконецъ, нашъ путешественникъ во Франкфуртѣ. „Опять“, — жалуется онъ, — „комнату достали съ трудомъ преплохую, у *Лебедя*, гдѣ я всегда останавливаюсь“. По пріѣздѣ, Погодинъ отправился тотчасъ въ посольство, чтобъ привести въ порядокъ свои паспорты. Тамъ познакомился онъ съ посланникомъ Глинкою, который отправляется въ Бразилію, и молодымъ графомъ Орловымъ *), о которомъ Погодинъ слышалъ много добраго отъ покойнаго М. Н. Загоскина, который былъ „въ восторгѣ отъ него“ и котораго, говоритъ Погодинъ, „дѣльная книга причинила мнѣ столько досады неумѣренными похвалами, раздавшимися ей во всѣхъ нашихъ журналахъ. Это такой былъ признакъ для меня общаго униженія, что опостылѣла на время самая книга“. Послѣ обѣда, графъ Н. А. Орловъ посѣтилъ Погодина въ гостинницѣ, „и мы“,—писалъ Погодинъ,—„провели пріятный часъ въ воспоминаніяхъ о прошедшей войнѣ и разсужденіяхъ о настоящихъ обстоятельствахъ. Молодой человѣкъ произвелъ во мнѣ самое пріятное впечатлѣніе своею простотой, искрен-

*) Графъ Николай Алексѣевичъ Орловъ. *Н. Б.*

ностію, благонамѣренностію, любовію къ родному. Дай Богъ укрѣпить ему свое здоровье, и явиться на жатву, гдѣ дѣлателямъ такой недочетъ".

Вечеромъ Погодинъ прогуливался въ публичномъ саду, на берегу Майна, слушалъ музыку; а „любезный чай" пилъ „у Московскихъ прежнихъ жителей", которые приняли его „съ особеннымъ радушіемъ".

XCVI.

По утру, 10 іюля (н. стиля), 1856 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Франкфурта на Кастель, и оттуда поплылъ по Рейну въ Кобленцъ. „Товарищами были два поляка, кажется изъ Царства, очень умѣренные и любезные. Разговоръ завязался самый пріятный и занимательный, потому что мысли наши",—писалъ Погодинъ,—„сходились. Только что спросилъ я рейнвейну за обѣдомъ, чтобы выпить за здоровье Польши, какъ онъ въ то же время потребовалъ у другого слуги шампанскаго, и мы привѣтствовали на-веселѣ, на зарѣ лучшаго времени".

Въ Кобленцѣ, омнибусъ дожидался парохода, и наши путешественники, не медля, пересѣли съ воды на сушу. Подлѣ нихъ, съ одной стороны, сидѣла нѣмка, съ другой—француженка. „Нѣмка, — писалъ Погодинъ, — это была Мавзолова статуя: какъ сѣла, такъ и приросла къ мѣсту; ни малѣйшаго движенія ни въ глазахъ, ни на губахъ. Француженка чрезъ двѣ минуты разсказала намъ всю свою исторію, описала свое состояніе, свою болѣзнь. Я прописала сама себѣ Эмскую воду, буду пить столько-то... А діета? Нѣтъ, я діеты знать не хочу, буду пить и ѣсть, что̀ вздумается. Какъ хотите вы, чтобъ я отказалась отъ ягодъ? Чрезъ полчаса, передъ Эмсомъ, мы были уже друзьями, и она дала мнѣ адресъ своей дачи подъ Брюсселемъ, другой—гдѣ-то въ Пиренеяхъ, и звала къ себѣ въ гости, если когда случится ѣхать намъ въ сосѣдствѣ".

Въ Эмсѣ, также какъ и въ Берлинѣ и Франкфуртѣ, Погодинъ встрѣтилъ затрудненіе попасть въ гостинницу. Онъ обошелъ ихъ шесть, начиная съ знаменитаго Curhaus, гдѣ жилъ прежде, и гдѣ отдается до двухсотъ нумеровъ; „не нашелъ ни одного порожняго уголка". Наконецъ одинъ „оборванный мальчишка" предложилъ Погодину перейти на другую сторону Лана, въ виллу Бальцеръ, гдѣ онъ и нашелъ себѣ убѣжище, чему путешественникъ нашъ „обрадовался безъ памяти".

Эмсъ уже описанъ Погодинымъ въ *Дорожныхъ Запискахъ 1853 года.* Съ тѣхъ поръ, свидѣтельствуетъ онъ, „выстроено еще нѣсколько прекрасныхъ домовъ, проложено нѣсколько удобныхъ дорожекъ, перекинутъ прочный мостъ для пѣшеходовъ черезъ Ланъ, отдѣлано большое красивое зданіе для ваннъ, оканчивается желѣзная дорога въ Кобленцъ, сооружается церковь для Англичанъ, — вездѣ примѣтно движеніе впередъ, желаніе лучшаго. Въ Эмсѣ множество Русскихъ и Поляковъ со всѣхъ сторонъ—военные и гражданскіе, ученые и дипломаты, дамы и барскія барыни. Свѣдѣній не оберешься всякихъ, была бъ охота спрашивать".

Любимовъ разсказалъ Погодину много любопытныхъ подробностей о путешествіи его въ Китай, о Кулжинскомъ договорѣ, о торговлѣ чрезъ Чугучанъ, о дѣйствіяхъ и вообще о жизни Виткевича, о новыхъ нашихъ консульствахъ въ Средней Азіи и о чиновникахъ, поступившихъ на эти мѣста, наконецъ, подробности о нѣкоторыхъ примѣчательныхъ дѣйствующихъ лицахъ нашего времени. „Всѣ эти свѣдѣнія,— замѣчаетъ Погодинъ, — безъ всякаго ущерба могли бы сдѣлаться общимъ достояніемъ, а мы ихъ таимъ, и въ публикѣ говорить становится намъ не о чемъ". Б. разсказывалъ Погодину много любопытныхъ подробностей о Персіи, гдѣ онъ долго жилъ, о природѣ и людяхъ, о значеніи настоящаго нашего посланника, объ его предшественникахъ. Пр. Г., собирающій свѣдѣнія о дѣйствіяхъ холеры, познакомилъ Погодина съ нѣкоторыми частностями медицинскаго управленія.

Отъ Русскихъ чиновниковъ, служившихъ въ Польшѣ, услышалъ Погодинъ занимательныя вещи о Паскевичѣ и его образѣ жизни, объ управленіи въ Польшѣ по разнымъ частямъ. „На какой высотѣ стоялъ Паскевичъ, — замѣчаетъ Погодинъ,—муха не смѣла, кажется, сѣсть къ нему на плечо! А кто же теперь остановится сказать безъ околичностей и то и другое и всякое о послѣднихъ изъ его поступковъ? И все, самое скрытое, является наружу. Ну, что бы подумать объ этомъ живымъ, сильнымъ и не считать все человѣчество безотвѣтнымъ своимъ рабомъ; ну что бы подумать, что иногда случится и при жизни пошатнуться на своемъ пьедесталѣ, какъ бы ни былъ онъ высокъ, и непріятно бываетъ тогда услышать, или прочесть въ письмѣ по городской почтѣ, горькую правду. Не лучше ли бы предупреждать такія обстоятельства".

Висбаденскій священникъ Іоаннъ Леонтьевичъ Янышевъ, пріѣзжавшій въ Эмсъ, сообщилъ Погодину свѣдѣнія „о состояніи Церкви католической и протестантской, о духѣ, господствующемъ въ западномъ христіанствѣ, о видахъ, открывающихся для Церкви восточной, указалъ на нѣкоторыхъ Грековъ, которые готовятся дѣйствовать въ пользу ея, но нѣтъ средоточія, нѣтъ путеводства, нѣтъ опоры, а гдѣ должно быть все это"?

Между тѣмъ, въ Эмсѣ умирала жена Любимова. „Грѣхъ на душѣ",—писалъ Погодинъ,—„Русскихъ докторовъ, которые посылаютъ безнадежныхъ больныхъ умирать на чужой сторонѣ, и лишаютъ ихъ послѣдняго утѣшенія, спокойной кончины дома, среди милыхъ сердцу. Послѣднія минуты ея растравили мои раны. Несчастный мужъ былъ, разумѣется, безъ памяти отъ горести. Ночью, по пустой улицѣ, между уснувшими домами, въ торжественной тишинѣ, озаряемые блѣднымъ сіяніемъ мѣсяца, пронесли мы гробъ на загородное кладбище". На третій день, пріѣхалъ Висбаденскій священникъ Янышевъ и совершилъ отпѣваніе. Почти всѣ Русскіе, знакомые и незнакомые, съѣхались отдать послѣдній долгъ почив-

шей соотечественницѣ. Дамы украсили гробъ ея цвѣтами. Общее искреннее участіе, напоминая о человѣчествѣ, трогало сердце".

Въ Эмсѣ Погодинъ собралъ много книгъ о Россіи на всѣхъ языкахъ, и на досугѣ перечелъ ихъ „съ живѣйшимъ любопытствомъ". Много узналъ онъ новаго, многое было для него неожиданно, и произвело въ немъ пріятное впечатлѣніе. „И силу, и умъ",—писалъ онъ,—„и сердце, и опытъ, обнаружили нѣкоторыя сочиненія въ высокой степени. Они должны принесть свою пользу. Мечтанія, религіозныя и политическія, должно предоставить личности; а несправедливое, преувеличенное, желчное, можно отложить въ сторону".

Изъ Эмса, Погодинъ посѣтилъ Нассау. „Мы осмотрѣли",— писалъ онъ, — „домъ знаменитаго Штейна, который здѣсь, кажется, и умеръ. Предъ входомъ въ башню, стоитъ статуя Александра Невскаго. Въ башнѣ, на трехъ большихъ доскахъ, исчислены главныя событія войнъ 1812, 13 и 14 годовъ, начиная отъ перехода Наполеонова черезъ Нѣманъ до вступленія союзниковъ въ Парижъ. Домъ очень простъ, кабинетъ наполненъ книгами, кои мы видѣли только чрезъ окошко. На каминѣ бюсты Шиллера и Гёте". Гуляя по обширному саду, Погодинъ „думалъ о политической дѣятельности Штейна и Обществѣ, имъ основанномъ, думалъ, почему у насъ невозможенъ Штейнъ съ своимъ Обществомъ. Что же можно"?

Взойдя на высокую, утесистую гору, на которой живописуются развалины древняго зàмка, Погодинъ взглянулъ по сторонамъ. „Внизу чуть прилипла къ подошвѣ бѣдная деревушка. Герцогъ Нассаускій, богатѣйшій принцъ во всей Европѣ; герцогство обладаетъ драгоцѣнными минеральными водами, привлекающими всѣхъ Европейцевъ: Эмсъ, Висбаденъ, Крейцнахъ, Швалбахъ, Шлангенбадъ, Соденъ,—отъ чего же простой народъ бѣдствуетъ въ нищетѣ? Не бывши коммунистомъ, нельзя не подумать, что новые leges agrariae стали необходимы для нѣкоторыхъ Европейскихъ мѣстностей, но

бѣдное народонаселеніе изъ глубины сердца напрасно зоветъ Гракховъ".

Другую прогулку, пѣшкомъ, Погодинъ сдѣлалъ въ Клемменау, горную возвышенность, „съ которой виды безпредѣльные — на краю струится серебряной лентою самъ Рейнъ".

Въ Эмсѣ Погодинъ любилъ ходить на тамошнее католическое кладбище,—и тамъ нечаянно набрелъ на памятникъ, поставленный Русскими надъ прахомъ достойнаго священника Вѣнской миссіи Гаврилы Тихановича Меглицкаго, который скончался здѣсь въ 1842, кажется, году. „Достойный былъ человѣкъ",—замѣчаетъ Погодинъ,—служившій вмѣстѣ съ своими товарищами по разнымъ миссіямъ живымъ доказательствомъ, какъ можетъ развиться наше духовенство на просторѣ, не въ тѣхъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, кои парализируютъ ихъ способности дома. Наши теперешніе заграничные священники—вотъ надежда Русской Церкви, если имъ откроется поприще для дѣйствія, а не обречены они будутъ на одно исправленіе требъ".

Здѣсь мы позволимъ себѣ спросить у нашего путешественника: Какая же „работа" для священника важнѣе, священнѣе исправленія требъ?

Въ Эмсѣ Погодина посѣтилъ, пріѣхавшій изъ Копенгагена, профессоръ Ширнъ. Отъ него онъ получилъ любопытное свѣдѣніе: по вновь открытымъ несомнѣннымъ документамъ, „оказывается, что вся сѣверная Норвегія, въ XIII столѣтіи, около времени Татаръ, была готова сдѣлаться Русскою, и что Русскіе распространили свои завоеванія даже далеко на югъ. Видно, Новгородцы хотѣли отдать визитъ древнимъ Варягамъ". Профессоръ Ширнъ издалъ изслѣдованія о нѣкоторыхъ островахъ Балтійскаго моря, гдѣ онъ нашелъ слѣды Славянскихъ поселеній. Объ *Antiquitates Rossicae* Погодинъ услышалъ отъ него подтвержденіе своему мнѣнію, „которое боялся выговорить. Это отнюдь не ученое предпріятіе, а парадное, и приноситъ Русской Исторіи гораздо менѣе пользы, нежели сколько ожидать было можно".

Одна „извѣстная Петербургская дама“ изъявила „странное желаніе“ познакомиться съ Погодинымъ. „Я“ — писалъ онъ, — „разумѣется, уклонился; а послѣ подумалъ, не ложный ли стыдъ, не малодушное ли опасеніе меня удержали. Кто далъ мнѣ право бросить въ нее камень, почему знать — можетъ быть судьба хотѣла, чтобъ я сказалъ ей проповѣдь, или по крайней мѣрѣ прочелъ съ нею *Коварство и Любовь* Шиллера. А если бъ я это сдѣлалъ, о Боже мой, какіе клики раздались бы въ Москвѣ и Петербургѣ, какіе намеки посыпались бы въ газетахъ и журналахъ! Удивительно настроено наше общество, и много нужно времени, чтобъ оно сколько-нибудь уладилось! Какъ оно радо всякому поводу сказать что-нибудь злое, растолковать что-нибудь въ худую сторону! Оно какъ будто пріобрѣтаетъ себѣ что-то всякою мерзостію, истинною или ложною! Скажите мнѣ одно имя, которое пользовалось бы общимъ расположеніемъ. А съ другой стороны, не чувствуется ли прискорбіе, что нѣтъ ни одного. Да, мы всѣ испорчены, повреждены нравственно, и всякое преобразованіе должны начать съ самихъ себя. Намъ нужно перевоспитаніе, — и опять припомнился Штейнъ, съ его замыслами. Однажды, продолжаетъ Погодинъ, я увидалъ эту даму за рулеткою. Кучи золота и серебра лежали передъ нею. Я готовъ былъ прошептать ей проклятіе, при мысли, откуда привезла она это золото, но она держала себя очень умѣренно и ловко, играла смѣло и счастливо и я прошелъ мимо, успокоенный“.

По окончаніи питья и ваннъ, медики смутили Погодина такими разнообразными совѣтами, что онъ счелъ себя здоровымъ и неимѣющимъ нужды ни въ какомъ дальнѣйшемъ леченіи. Иноземцевъ посылалъ его изъ Эмса въ Карлсбадъ; Енохинъ — въ Ахенъ, Эмскій Франкъ — въ Вильдбадъ; случившійся въ то время въ Эмсѣ Цецуринъ — въ Крейцнахъ, а Фейеръ — въ Ниццу. Изъ этихъ совѣтовъ Погодинъ заключилъ, что для него нѣтъ никакого яснаго лекарства, а потому рѣшился ѣхать въ Ниццу, чтобы, какъ онъ говоритъ, „побы-

вать въ Сардиніи и посмотрѣть на физіономію тамошнихъ Италіанцевъ, которые одни подаютъ какую-то надежду".

XCVII.

6 августа 1856 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Эмса и направился обратно въ Кобленцъ. Въ ожиданіи парохода, нашъ путешественникъ успѣлъ обойти городъ.

„Плаваніе по Рейну до Майнца,—какъ пишетъ Погодинъ,—не доставило никакой особенной черты, кромѣ удовольствія, неразлучнаго съ вѣчными красотами природы".

Въ Майнцѣ, Погодинъ осмотрѣлъ соборъ и памятникъ Гуттенбергу съ прекрасною надписью. Ночевалъ во Франкфуртѣ. На другой день съѣздилъ въ Гомбургъ, навѣстить Любимова. Погодинъ отыскалъ его тотчасъ, „благодаря порядку полицейскому". Вмѣстѣ съ Любимовымъ—осмотрѣлъ здѣшній казино, „знаменитѣйшій на Рейнѣ",—писалъ Погодинъ,—„гдѣ ежегодно огромныя суммы пересыпаются изъ рукъ въ руки, а всего больше въ хозяйскую кассу; прошлись по богатѣйшимъ заламъ, украшеннымъ зеркалами и бронзами, гдѣ обреченныя жертвы приготовляются къ закланію, заглянули въ журнальную комнату, наполненную всѣми возможными газетами, и прогулялись по великолѣпному, что касается до растительности, саду маркграфа Гессенъ-Гомбургскаго. Какіе виды, какія аллеи, какія мѣста, а гулявшихъ никого. Рулетка привлекательнѣе природы. Роились мысли, но незаписанныя пропали: память отказывается ихъ удерживать, а время беретъ свое".

Любимовъ очень расхвалилъ Погодину Гейдельбергскаго медика Хеліуса, что̀ и заставило его ѣхать въ Гейдельбергъ, просить совѣта Хеліуса, „и вмѣстѣ показать ему молодежь", т.-е., своего сына.

Вечеромъ нашъ путешественникъ былъ уже въ Гейдельбергѣ.

Здѣсь Погодинъ, узнавъ, что докторъ Хеліусъ принимаетъ

у себя въ 3 часа, нашелъ возможнымъ посвятить утро обозрѣнію Гейдельберга. Съ этою цѣлью онъ взялъ провожатаго и съ нимъ взобрался на гору и оттуда осмотрѣлъ въ подробности развалины Гейдельбергскаго замка Фридриха V, которыя такъ живо еще напоминаютъ средніе вѣка. Обошелъ залы, лѣстницы, корридоры, башни, не исключая подземныхъ мѣстъ тайнаго суда и заточенія, въ сосѣдствѣ съ знаменитою бочкою. Дочерь привратника хотѣла объяснять Погодину, какъ иностранцу, все на Французскомъ языкѣ, и она, писалъ Погодинъ, „очень была смѣшна съ своими примѣчаніями, выученными, разумѣется, наизусть“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ восхищенъ былъ видами на Некеръ, на городъ, на противоположную сторону.

Послѣ этого осмотра Погодинъ нашелъ еще время посѣтить историка Шлоссера. „Старикъ“,—писалъ Погодинъ,—„все тотъ же, какимъ я встрѣтилъ его двадцать лѣтъ назадъ (1839 г.), только квартира перемѣнилась. Мнѣ нужна комната на солнцѣ,—сказалъ онъ,—съ видами изъ окна въ садъ. Я порадовался его здоровью. Нѣтъ, нѣтъ, слабѣю, отвѣчалъ онъ, и тотчасъ упомянулъ о Гумбольдтѣ и Гаммерѣ *), которые его старше. Разсказалъ дѣйствія Гаммера по поводу послѣдней изданной имъ книги о Крымѣ, прочелъ его предисловіе, исключенное теперь изъ книги. Въ книгѣ есть много хорошаго. Видно было, что старикъ прочиталъ уже ее и сдѣлалъ изъ нея свои excerpta. Жалѣлъ о торгово-матеріальномъ направленіи времени, осуждалъ дѣйствія католическаго духовенства, которое никакъ не хочетъ отказаться отъ своихъ притязаній, радовался зарѣ новаго порядка вещей въ Россіи ко благу человѣчества. Шлоссеръ — одинъ изъ немногихъ, принадлежащихъ къ золотому вѣку Нѣмецкой Словесности. Поучительно смотрѣть на этихъ старцевъ, посвятившихъ всю жизнь свою одной Наукѣ“.

---

*) Теперь нѣтъ уже ни Гаммера, ни Гумбольдта. *Примѣчаніе М. П. Погодина.*

вать въ Сардиніи и посмотрѣть на физіономію тамошнихъ Италіанцевъ, которые одни подаютъ какую-то надежду“.

XCVII.

6 августа 1856 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Эмса и направился обратно въ Кобленцъ. Въ ожиданіи парохода, нашъ путешественникъ успѣлъ обойти городъ.

„Плаваніе по Рейну до Майнца,—какъ пишетъ Погодинъ,—не доставило никакой особенной черты, кромѣ удовольствія, неразлучнаго съ вѣчными красотами природы“.

Въ Майнцѣ, Погодинъ осмотрѣлъ соборъ и памятникъ Гуттенбергу съ прекрасною надписью. Ночевалъ во Франкфуртѣ. На другой день съѣздилъ въ Гомбургъ, навѣстить Любимова. Погодинъ отыскалъ его тотчасъ, „благодаря порядку полицейскому“. Вмѣстѣ съ Любимовымъ—осмотрѣлъ здѣшній казино, „знаменитѣйшій на Рейнѣ“,—писалъ Погодинъ,—„гдѣ ежегодно огромныя суммы пересыпаются изъ рукъ въ руки, а всего больше въ хозяйскую кассу; прошлись по богатѣйшимъ заламъ, украшеннымъ зеркалами и бронзами, гдѣ обреченныя жертвы приготовляются къ закланію, заглянули въ журнальную комнату, наполненную всѣми возможными газетами, и прогулялись по великолѣпному, что касается до растительности, саду маркграфа Гессенъ-Гомбургскаго. Какіе виды, какія аллеи, какія мѣста, а гулявшихъ никого. Рулетка привлекательнѣе природы. Роились мысли, но незаписанныя пропали: память отказывается ихъ удерживать, а время беретъ свое“.

Любимовъ очень расхвалилъ Погодину Гейдельбергскаго медика Хеліуса, что̀ и заставило его ѣхать въ Гейдельбергъ, просить совѣта Хеліуса, „и вмѣстѣ показать ему молодежь“, т.-е., своего сына.

Вечеромъ нашъ путешественникъ былъ уже въ Гейдельбергѣ.

Здѣсь Погодинъ, узнавъ, что докторъ Хеліусъ принимаетъ

у себя въ 3 часа, нашелъ возможнымъ посвятить утро обозрѣнію Гейдельберга. Съ этою цѣлью онъ взялъ провожатаго и съ нимъ взобрался на гору и оттуда осмотрѣлъ въ подробности развалины Гейдельбергскаго замка Фридриха V, которыя такъ живо еще напоминаютъ средніе вѣка. Обошелъ залы, лѣстницы, корридоры, башни, не исключая подземныхъ мѣстъ тайнаго суда и заточенія, въ сосѣдствѣ съ знаменитою бочкою. Дочерь привратника хотѣла объяснять Погодину, какъ иностранцу, все на Французскомъ языкѣ, и она, писалъ Погодинъ, „очень была смѣшна съ своими примѣчаніями, выученными, разумѣется, наизусть".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ восхищенъ былъ видами на Некеръ, на городъ, на противоположную сторону.

Послѣ этого осмотра Погодинъ нашелъ еще время посѣтить историка Шлоссера. „Старикъ",—писалъ Погодинъ,—„все тотъ же, какимъ я встрѣтилъ его двадцать лѣтъ назадъ (1839 г.), только квартира перемѣнилась. Мнѣ нужна комната на солнцѣ,—сказалъ онъ,—съ видами изъ окна въ садъ. Я порадовался его здоровью. Нѣтъ, нѣтъ, слабѣю, отвѣчалъ онъ, и тотчасъ упомянулъ о Гумбольдтѣ и Гаммерѣ *), которые его старше. Разсказалъ дѣйствія Гаммера по поводу послѣдней изданной имъ книги о Крымѣ, прочелъ его предисловіе, исключенное теперь изъ книги. Въ книгѣ есть много хорошаго. Видно было, что старикъ прочиталъ уже ее и сдѣлалъ изъ нея свои excerpta. Жалѣлъ о торгово-матеріальномъ направленіи времени, осуждалъ дѣйствія католическаго духовенства, которое никакъ не хочетъ отказаться отъ своихъ притязаній, радовался зарѣ новаго порядка вещей въ Россіи ко благу человѣчества. Шлоссеръ — одинъ изъ немногихъ, принадлежащихъ къ золотому вѣку Нѣмецкой Словесности. Поучительно смотрѣть на этихъ старцевъ, посвятившихъ всю жизнь свою одной Наукѣ".

---

*) Теперь нѣтъ уже ни Гаммера, ни Гумбольдта. *Примѣчаніе М. П. Погодина.*

Отъ Шлоссера Погодинъ отправился къ Хеліусу, который нашелъ для нашего путешественника всего болѣе полезнымъ купанье въ Остенде. „И такъ“,—восклицаетъ Погодинъ,—„направо кругомъ“!

Въ пятницу, 8 августа, Погодинъ „отпустилъ не безъ страха своихъ молодыхъ людей въ Швейцарію на двѣ недѣли,—пусть поучатся распоряжаться по своей волѣ“, а самъ отправился рано поутру въ Мангеймъ.

Спутниками Погодина былъ старикъ, „высокій ростомъ, бѣлый, худощавый, съ дочерью, дѣвушкой лѣтъ двадцати пяти, у которой онъ былъ, кажется, на рукахъ, какъ будто изъ романа Августа Лафонтеня. „Это вѣрно“, — замѣчаетъ Погодинъ,—„пасторъ или профессоръ Богословія, и я отпустилъ ему Латинскую фразу, по поводу его какого-то ученаго замѣчанія, подавшаго мнѣ это право, и мы тотчасъ познакомились, такъ что, пріѣхавъ въ Мангеймъ, онъ предложилъ мнѣ нанять вмѣстѣ коляску до парохода. Оказалось, что они также ѣдутъ въ Кельнъ. Чего же лучше—я очень радъ. Мы наняли вмѣстѣ коляску, взяли мѣста на пароходѣ, перенесли всѣ свои вещи. Минхенъ знала наизусть всѣ таксы, и разсчитывалась такъ бойко съ kutscher'ами, träger'ами и прочими соприкосновенными, so viel Stück, so viel Kreutzer, Rheinisches Geld Deutsches Geld, etc., что они всѣ пялили на нее глаза и выражали свою досаду только бормотаньемъ сквозь зубы, за то, что имъ не приходится сорвать ничего лишняго. Sie können schon ruhig seyn, meine Tochter, ist mächtig der Sache, сказалъ мнѣ въ полномъ удовольствіи пасторъ, и я разсыпался въ выраженіяхъ искренней благодарности за принятыя ею на себя хлопоты Für einen Ausländer es ist sehr schwer и проч.“

По замѣчанію Погодина, „Мангеймъ, въ послѣднее время, разбогатѣлъ сильно и завелъ обширную торговлю хлѣбомъ, о которой прежде здѣсь не было и понятія. Промышленность вездѣ развивается, замѣтилъ профессоръ. Люди богатѣютъ физически. И бѣднѣютъ нравственно, прибавилъ я. Что дѣлать,

заключилъ профессоръ, таковы условія времени. Теперь составился особый разговоръ изъ общихъ мѣстъ на эту тему, которыми и пробавляются путешественники".

На пароходѣ случился и Шведскій епископъ, который ѣздилъ въ Базель навѣстить какого-то своего стараго товарища. „Богословы",—писалъ Погодинъ,—„завели между собою разговоръ, а я слушалъ. Профессоръ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, жизнь Штрауса, который поселился въ Гейдельбергѣ. Примѣтно, что онъ, какъ и всѣ почти Нѣмецкіе ученые, сколько мнѣ случалось читать ихъ и слышать объ нихъ, силятся опровергнуть Штрауса на его почвѣ; но на его почвѣ съ нимъ не сладить, а надо перетащить его на другую, гдѣ онъ и долженъ покориться". Еще подсѣлъ къ Погодину молодой финляндецъ, который путешествуетъ для изученія торговыхъ оборотовъ, и разсказалъ Погодину свои похожденія. Въ Майнцѣ прибавилось много путешественниковъ, и обѣдъ былъ очень оживленъ. Что за движеніе по Рейну, замѣчаетъ Погодинъ, „безчисленные пароходы шмыгали взадъ и впередъ. Да сверхъ того, по одной сторонѣ проложена желѣзная дорога, а теперь затѣваютъ прокладывать и по другой. Капиталъ чуть ли не собранъ".

Наступилъ вечеръ. Огни по берегамъ сообщили картинѣ новую прелесть. Въ Боннѣ наши путешественники „высадили" Шведскаго епископа, а сами приплыли въ Кельнъ поздно вечеромъ.

Поутру, въ воскресенье, 10 августа, Погодинъ обошелъ соборъ внутри и снаружи: „величественное зданіе, нельзя не повторить въ десятый разъ. Но такъ медленно идутъ работы возстановленія, что вчужѣ жалко". Со вторымъ поѣздомъ желѣзной дороги Погодинъ поѣхалъ въ Ахенъ и остановился на нѣсколько часовъ. Пользуясь этимъ временемъ, Погодинъ обошелъ городъ, до самыхъ отдаленныхъ улицъ. „Мѣстоположеніе",—записалъ Погодинъ,—„самое несчастное. Прогулокъ никакихъ. Новая улица довольно красива. Зашелъ въ древній соборъ, единственный памятникъ старины, и послушалъ проповѣдника, который кри-

чалъ громко, но до сердца его возгласы не доходили. Народу множество, особенно женщинъ, очень нарядныхъ". Воротясь на станцію, Погодинъ прочелъ въ какомъ-то объявленіи, что путешественники, ѣдущіе въ Бельгію, должны имѣть визу консула; спросилъ какого-то Beamten, и тотъ его напугалъ, что недавно съ границы были возвращены двое. „Я",—писалъ Погодинъ,—„благимъ, матомъ, взялъ коляску,—къ консулу: контора заперта, и никого нѣтъ дома. Воротился назадъ съ разспросами къ новымъ лицамъ, которыя меня успокоили, что визы никакой не нужно, и я прокатался и перепугался по пустому".

Поздно вечеромъ, нашъ путешественникъ пріѣхалъ въ Литтихъ, стоящій „среди мечущихъ искры и пламя желѣзныхъ заводовъ". На послѣдней станціи, гдѣ было какое-то гулянье, насѣло къ нашимъ путешественникамъ такое множество народа, что они „всѣ сжались, какъ сельди въ бочепкѣ". Въ вагонъ, въ которомъ сидѣлъ Погодинъ, „попало",—пишетъ онъ,—„семейство благословенное: человѣкъ пятнадцать дѣтей, малъ-мала-меньше, открыли такую увертюру, что пришлось уши зажать".

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Погодину не везло на гостинницы. „Комнаты",—жалуется онъ,—„въ ближайшей гостинницѣ не нашлось, и я былъ отосланъ съ рекомендаціей въ другую. Гадость страшная; ужинъ подали такой, что даже съ голодомъ трудно было приступить". Сожителемъ Погодина случился одинъ полякъ, „очень благовоспитанный и основательный".

По пріѣздѣ въ Брюссель, Погодинъ отыскалъ адресъ Лелевеля, прогулялся по городу, и потомъ зашелъ въ театръ. „Пьесы",—писалъ Погодинъ,—„одна другой глупѣе, такъ что я рѣшительно не могъ высидѣть и половины".

Поутру отыскалъ Погодинъ Редакцію *Le Nord* и поразспросилъ о политическихъ новостяхъ и состояніи журнала, и узналъ, что *Le Nord* „начинаетъ входить въ извѣстность и пріобрѣтать публику". Въ Редакціи Погодинъ встрѣ-

тилъ Консидерана, сотрудника *Indépendance Belge*, который отправлялся въ Москву для описанія коронаціи, возбуждавшей тогда общее вниманіе Европейское. Погодинъ написалъ для него письмо къ Московскимъ своимъ пріятелямъ, и былъ увѣренъ, что они доставятъ ему полное удовольствіе.

Въ Москву же отправлялся сотрудникъ газеты *Le Nord* Луи Геймансъ, о которомъ, изъ Остенде, Погодинъ писалъ слѣдующее Московскому сvнодальному ризничему архимандриту Саввѣ: „Съ береговъ Нѣмецкаго моря пишу къ высокопреподобнѣйшему отцу Саввѣ и прошу принять подъ свое покровительство подателя—Луи Гейманса и показать ему Ризницу, Библіотеку, соборы, Чудовъ, а отчасти пусть покажетъ Капитонъ Ивановичъ Невоструевъ и укажетъ ему путь къ Троицѣ. Больше писать мнѣ теперь некогда. Желаю кончить успѣшно великое дѣло (т.-е., коронацію), а мы здѣсь только мысленно можемъ вамъ содѣйствовать“.

Этотъ протеже Погодина надѣлалъ отцу Саввѣ много хлопотъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ принялъ „съ обычнымъ радушіемъ и охотно показалъ ему всѣ сокровища Патріаршей Ризницы и Библіотеки. Какъ бы въ благодарность за пріемъ, этотъ бельгіецъ послалъ изъ Москвы въ газету *Le Nord* слѣдующую корреспонденцію: „Рѣшившись ѣхать къ Троицѣ, я немедленно принялся искать спутника: это уладилось въ одинъ часъ. Найдя этотъ первый необходимый предметъ, нужно было достать еще два: экипажъ и способъ войти въ монастырь. Получить дозволеніе было легко; но получить его немедленно—вотъ въ чемъ было затрудненіе... Къ счастію, я вспомнилъ, что знаменитый исторіографъ Погодинъ далъ мнѣ рекомендательное письмо къ одному почтенному Греко-Россійской церкви архимандриту, и я рѣшился имъ воспользоваться. Этотъ священникъ, который долженъ имѣть санъ епископа, живетъ въ Кремлѣ, въ домѣ патріарха, гдѣ хранится множество сокровищъ, которыя и находятся подъ его вѣдѣніемъ. Я взобрался на лѣстницу Крестовой Палаты и былъ изумленъ двумя вещами: во-1-хъ, тѣмъ, что нашелъ

караульнаго солдата даже у дверей священника, во-2-хъ, тѣмъ, что я былъ принятъ безъ замедленія. Я увидѣлъ предъ собою человѣка лѣтъ сорока, съ кроткою и привѣтливою физіономіею. Его длинные, русые волосы густыми волнами падали на плечи. Большой золотой крестъ блисталъ на его фіолетовой рясѣ, черное покрывало спускалось съ его монашескаго клобука и пальцы его перебирали четки изъ чернаго дерева. Архимандритъ протянулъ мнѣ руку и заговорилъ со мной по-Русски, я ему отвѣчалъ по-Французски, по-Нѣмецки—но все напрасно, мы не понимали другъ друга. Мы нѣсколько минутъ глядѣли другъ на друга въ замѣшательствѣ; потомъ собесѣдникъ мой улыбнулся и сказалъ мнѣ: Loqueris ne linguam Latinam? Я такъ испугался этого вопроса, что отвѣчалъ по-Итальянски: Se, signor! un poco. Я, кажется, когда-то получилъ награду за Латинское сочиненіе. Но, признаюсь не краснѣя, этотъ языкъ сдѣлался для меня вдвойнѣ *мертвымъ* съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ училище. Между тѣмъ, разговоръ завязался. Я понималъ довольно хорошо; но, такъ какъ мнѣ казалось, что невѣжливо говорить „*ты*“ такому важному лицу, то я говорилъ ему vos и vobis, вмѣсто tu и tibi. Пусть лучше онъ сочтетъ меня неучемъ, чѣмъ невѣжливымъ. Главное состояло въ томъ, чтобы объяснить ему цѣль моего посѣщенія. Это удалось мнѣ довольно хорошо.

„Cupio ire ad monasterium sancti Sergii et ibi admitti. Dabo tibi epistolam, sed tibi opus erit comprehendi“.

— „*Каращо*“!

Это была уже не латынь; но архимандритъ сдѣлалъ еще болѣе и сказалъ мнѣ: „*Сичасъ*“?

Онъ спрашивалъ, сейчасъ ли мнѣ нужно письмо? Я ему отвѣчалъ: сейчасъ! Въ свою очередь, и онъ мнѣ сказалъ: *Каращо*! Мы какъ нельзя лучше понимали другъ друга. Черезъ пять минутъ я получилъ запечатанное письмо, адресованное господину Горскому, профессору въ монастырѣ св. Сергія.

Gratissimus sum, domino!—сказалъ я своему собесѣднику. Въ отвѣтъ онъ пожалъ мнѣ руку. Это понятно на всѣхъ языкахъ.

— Difficile est inter nos colloqui, сказалъ онъ потомъ, приглашая меня слѣдовать за собою.

Я прошелъ вслѣдъ за нимъ чрезъ нѣсколько узкихъ и темныхъ корридоровъ. Мы скоро вошли въ древнюю Ризницу, гдѣ онъ показалъ мнѣ митры и облаченія патріаршія, изъ которыхъ одно украшено шестидесятью шестью тысяч. жемчужинами. Я осмотрѣлъ также Библіотеку, наполненную драгоцѣнными рукописями и, наконецъ, огромные серебряно-вызолоченые котлы, подобные тѣмъ, въ какихъ варятъ пиво; въ нихъ приготовляется для всей Имперіи мνро для мνропомазанія и соборованія. Трудно было намъ объясняться, и это значительно уменьшило интересъ при осматриваніи всѣхъ этихъ сокровищъ, которыхъ такъ мнѣ хотѣлось слышать описаніе. Однако я вышелъ, очарованный архимандритомъ и его пріемомъ“ [430])...

Сдѣлавъ это отступленіе, вернемся изъ Москвы въ Брюссель, гдѣ въ то время пребывалъ Погодинъ.

Въ тотъ же день, въ который Погодинъ посѣтилъ Редакцію газеты *Le Nord*, нашъ путешественникъ посѣтилъ и историка Польши, бѣднаго изгнанника Лелевеля, и вотъ что записалъ въ своемъ *Дорожномъ Дневникѣ*: „Старикъ живетъ у цирульника. По темной лѣстницѣ взобрался я къ нему наверхъ. Въ коморкѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, среди всякой всячины, двоимъ было тѣсно, и мы перешли въ другую комнату, также заваленную, но однѣми книгами. Лелевелю за семьдесятъ лѣтъ, но онъ живъ и бодръ, хотя и примѣтно изнеможеніе. Таже, кажется, была на немъ толстая темнозеленая куртка, которую я видѣлъ въ 1842 году. Панталоны спущенные, дикіе. Мы говорили съ нимъ о положеніи Европы, объ отношеніи къ Польшѣ Запада, на который онъ не надѣется. Въ голосѣ его слышится отчаяніе, но порой мелькаетъ предъ нимъ и лучъ надежды. Слово его получаетъ особенную силу

и звучность, когда онъ воспламеняется. C'est une insulte, воскликнулъ онъ съ такою силою, выражая свое негодованіе объ одномъ событіи, что я вздрогнулъ. О Польшѣ хранитъ онъ высокое понятіе. Польша и Россія, заключилъ онъ, и никто въ Европѣ не осмѣлится заикнуться противъ нихъ. Меня безпокоитъ, сказалъ онъ, судьба моихъ книгъ. Есть рѣдкія. Боюсь, что послѣ моей смерти онѣ распропадутъ. Нѣкоторыя рукописи готовы къ печати. Я тотчасъ предложилъ ему уступить его книги мнѣ, на какихъ угодно условіяхъ, и обѣщалъ ему за себя и за своихъ наслѣдниковъ представить ихъ сполна въ ту первую Польскую національную библіотеку, которая когда-нибудь, гдѣ бы то ни было будетъ основана. Рукописи же брался напечатать, если онѣ ученаго содержанія. Старецъ былъ очень благодаренъ и обѣщалъ отвѣчать мнѣ въ Остенде".

XCVIII.

По чугункѣ покатилъ Погодинъ изъ Брюсселя, и передъ сумерками былъ уже въ Остенде. Здѣсь нашелъ онъ своего стараго пріятеля, однофамильца, Варшавскаго сенатора Погодина, и провелъ съ нимъ „пріятный вечеръ въ воспоминаніяхъ о Москвѣ, и его тамошнихъ знакомыхъ". Онъ собирался уже на другой день выѣхать, но остался для своего однофамильца на день, передалъ ему свою квартиру и на другой день посвятилъ его „въ Остендскія таинства, т.-е., окунулъ въ морскія волны". Сенаторъ Погодинъ былъ близокъ къ Паскевичу, служилъ генералъ-интендантомъ въ Венгерскую и Турецкую войны.

„Морскія купанья",—писалъ Погодинъ,—„превосходны. Ни съ чѣмъ нельзя сравнить удовольствія купаться въ морѣ. Какая-то особенная бодрость, свѣжесть, оживленіе, разливается по всему организму. Въ самую дурную погоду, подъ дождемъ и на вѣтру—окунешься въ морѣ, и не чувствуешь никакого ненастья, и любо тебѣ подставлять спину волнамъ,

напирающимъ на тебя одна за другою, сильнѣе и сильнѣе до девятаго вала, который обдаетъ тебя торжественно. А послѣ, пріятнѣйшая прогулка по стянутому отливомъ песку, какъ по лучшему паркету, подъ теплыми лучами солнца, проникающаго во вся внутренняя. И наконецъ кофе, въ исполненіе требованій возбужденнаго желудка, и отдыхъ столько же пріятный. Что за великолѣпное захожденіе солнца бывало на морѣ! Какъ удивительно отражается и дробится луна въ морскомъ зеркалѣ. Фосфорный свѣтъ по ночамъ бываетъ иногда очень ярокъ. Нигдѣ и никогда не чувствовалъ я себя такъ хорошо, какъ въ Остенде и послѣ Остенде".

О жителяхъ Погодинъ замѣчаетъ, что „сначала производятъ впечатлѣніе очень непріятное своими прижимками, неумѣренными требованіями, грубостію и даже наглостію. Такъ было со мною, такъ было и со многими другими Русскими. Я возвращаюсь, напримѣръ, на другой день по пріѣздѣ въ свою гостинницу, и вижу свои мѣшки въ сѣняхъ. Что это значитъ? Мы думали, что вы переходите на другую квартиру, и отдали вашу комнату новому постояльцу. Кто же сказалъ вамъ это? Я говорилъ вамъ, напротивъ, что буду обѣдать у васъ, и оставилъ въ комодѣ денегъ больше тысячи франковъ. Пойдемте. Мы пошли вмѣстѣ съ прикащикомъ. Въ комнатѣ моей лежалъ на постели какой-то больной, какая-то женщина разбиралась въ чемоданахъ. Я отперъ комодъ и нашелъ все свое въ цѣлости. Видите ли? А вѣдь это все могло пропасть. Бездѣльники не хотѣли даже извиниться предо мною, и отговаривались недоразумѣніемъ. Въ новой квартирѣ, продолжаетъ Погодинъ, „оставленной сенаторомъ Погодинымъ, я долженъ былъ приплатить за двѣ кровати для ожидаемыхъ моихъ юношей, чего почти стоила бы особая квартира. За что вы кладете такъ дорого? Деньги вамъ уже заплачены. Mais vos deux jeunes gens auront le droit de circulation, чѣмъ истаптываются ковры, трется покрышка на мебеляхъ. Что касается до circulation, отвѣчалъ

я, вы можете быть спокойны, это Русскіе лежебоки, которые не истопчутъ вашихъ ковровъ. Плата должна была начаться съ ихъ пріѣзда, но въ счетѣ я увидѣлъ требованія за нѣсколько дней лишнихъ. Помилуйте — за что! Молодые люди пріѣхали тогда-то. Mais les lits pour eux étaient placés. Ну, извольте же съ ними толковать! Квартиры здѣсь дороги, столъ порядочный въ гостинницахъ, но продолжается долго, и мы устроили наконецъ обѣдъ у себя дома. Главное блюдо рыба, если совершенно свѣжая. Вино прекрасное и недорогое. Гулянье по взморью по площадкѣ всегда очень оживлено. Народу толкается множество. Языки слышны всякіе, и даже Русскій. Внизу, во время прилива, дѣти строятъ обыкновенно крѣпости изъ песка, и охраняютъ ихъ отъ напирающихъ волнъ. Шумъ, крикъ и движеніе... Прекрасная игра и вмѣстѣ школа, духъ, характеръ испытываются и крѣпнутъ.

Много думы возбуждается на берегу. И куда стремится человѣкъ, чего онъ ищетъ, чего хочетъ, для чего предпринимаетъ всѣ эти труды, изъ чего подвергается всѣмъ этимъ опасностямъ"!

Въ Остенде нашъ путешественникъ проводилъ время очень пріятно и полезно. Онъ пилъ чай въ знакомомъ обществѣ, игралъ въ ералашъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учился Англійскому языку, платя за это учителю „по франку за часъ".

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Остенде Погодинъ завязалъ знакомство съ Поляками Австріи, Пруссіи, Царства Польскаго, Литвы и эмигрантами. Это дало возможность ему коротко познакомиться со всѣми ихъ отношеніями. Особенное вниманіе Погодина обратилъ на себя авторъ многихъ извѣстныхъ сочиненій о Гегелевой Философіи и членъ Берлинской Палаты Депутатовъ Чешковскій. Къ тому же Лелевель не забылъ исполнить своего обѣщанія и прислалъ Погодину въ Остенде отвѣтъ на его предложеніе о библіотекѣ. Отвѣтъ этотъ былъ доставленъ „однимъ господиномъ", въ которомъ Погодинъ увидѣлъ „типъ радикала". Лелевель писалъ: „со-

отечественники мои принимаютъ на себя обязанность заботиться о моей библіотекѣ".

Большая часть прогулокъ Погодина посвящена была „размышленіямъ о Польшѣ". Сопровождавшіе въ его прогулкахъ чиновники Польскіе, Поляки и Русскіе, военные и гражданскіе, доставляли ему много матеріаловъ для размышленій.

Изъ Русскихъ, Погодинъ былъ очень радъ встрѣтить А. Ѳ. Гильфердинга, котораго не видалъ онъ года три. „Я",— писалъ Погодинъ,—„не узналъ его: такъ онъ развился, столько свѣдѣній пріобрѣлъ; это благонадежный дѣятель для Науки и Литературы".

5 августа 1856 года, Погодинъ выѣхалъ изъ Остенде, и отправился въ Брюгге и Гентъ. „Брюгге",—писалъ нашъ путешественникъ,— „нѣкогда знаменитый своею торговлею въ средніе вѣка, заключаетъ въ себѣ еще нѣсколько остатковъ старины въ расположеніи улицъ, съ безконечными поворотами, въ нѣкоторыхъ домахъ Готической архитектуры, обширнымъ гостинымъ дворомъ, обращеннымъ теперь на другое употребленіе, древнимъ соборомъ съ герцогскими и епископскими гробницами". Въ Брюгге Погодинъ осмотрѣлъ еще одну больницу, помѣщенную въ монастырской нѣкогда церкви. „Здѣсь безнадежные",—сказалъ нашему путешественнику проводникъ—„и ему тяжело было взглянуть на эти обреченныя жертвы смерти"!

Изъ Брюгге, Погодинъ посѣтилъ Гентъ,—родину Карла V. „Вонъ Русскій мундиръ",—сказалъ Погодину проводникъ, указывая вдали на молодого офицера.—„Я",—писалъ Погодинъ,— „обрадовался ему, какъ родному, и тотчасъ подошелъ къ нему поздороваться. Какое-то особенное чувство возбуждается видомъ своего на чужой сторонѣ".

Изъ Гента Погодинъ думалъ-было проѣхать прямо въ Парижъ, но, принимая въ соображеніе, что пріѣдетъ туда ночью, отправился ночевать въ Брюссель.

Вагонъ, въ которомъ ѣхалъ Погодинъ, занятъ былъ аббатами. „Человѣкъ ихъ было",—писалъ Погодинъ,—„двадцать,

старыхъ, пожилыхъ и молодыхъ. Они пріѣзжали въ Гентъ, къ епископу, для выслушанія какикъ-то поученій и сообщенія свѣдѣній о своихъ приходахъ. Были и три монахини,— одна, молодая, очень красивая, высокая ростомъ. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые аббаты, видно коротко знакомые между собою, переглядывались между собою и ухмылялись. Монахини показывали величайшую покорность. У старичковъ запелъ между собою очень веселый разговоръ, и они заливались смѣхомъ, такимъ добродушнымъ, такимъ искреннимъ, что вчужѣ стало весело. Станціи за двѣ до Брюсселя, они всѣ вышли, и остался со мною одинъ изъ окрестностей Антверпена. Этотъ заговорилъ тотчасъ о войнѣ, узнавъ, что я Русскій, выразилъ свое негодованіе противъ Англичанъ, и удивленіе силамъ Россіи, которая представила такой-де славный отпоръ".

Въ Брюсселѣ, Погодинъ успѣлъ еще побывать въ театрѣ, „но такая",—замѣчаетъ онъ—„давалась дребень, что я не выдержалъ и половины".

На другой день, поутру, Погодинъ отправился къ Лелевелю, но не засталъ его дома.

Между тѣмъ, Погодинъ торопился въ Парижъ, чтобы въ тамошней посольской церкви провести 26 августа 1856 года и „присоединить свою искреннюю мольбу о благополучномъ царствованіи новаго нашего государя".

XCIX.

Съ быстрымъ поѣздомъ Погодинъ помчался въ Парижъ. Въ такъ называемую столицу міра, онъ въѣхалъ подъ дождемъ. Остановился въ Hôtel Province. На другой день, т.-е., 26 августа, раннимъ утромъ, отправился въ магазинъ De la Jardinière, отысканный имъ по догадкамъ, и купилъ тамъ готовое платье. Нарядившись, Погодинъ отправился въ церковь, которая была наполнена Русскими. „Смѣло сказать можно",—замѣчаетъ Погодинъ,—„что молитвы были искреннія

и горячія. Ни одинъ государь не былъ встрѣченъ съ такою довѣренностію, съ такою любовію, съ такою готовностію всѣхъ порядочныхъ людей служить ему, какъ этотъ. Дай Богъ ему оправдать общее расположеніе, и возвратить Россіи принадлежащее мѣсто въ Европѣ; а съ другой стороны, что еще нужнѣе и желаннѣе, водворить порядокъ дома, распространить Просвѣщеніе, поднять духъ, облагородить стремленія, привести свой народъ къ сознанію человѣческаго достоинства“.

Въ Парижѣ Погодинъ нашелъ много новаго. Лувръ въ то время приближался къ окончанію. Погодину всего болѣе хотѣлось осмотрѣть Ассирійскія Древности; но залы тогда только что отдѣлывались, и всѣ вещи были заперты.

„Самое же важное, драгоцѣнное пріобрѣтеніе, сдѣланное Парижемъ въ послѣднее время“,—говоритъ Погодинъ,—„это свѣжая чистая *вода*, которая бѣжитъ безпрестанно по всѣмъ канавкамъ, сгоняетъ нечистоту, освѣжаетъ воздухъ и производитъ какое-то особенно пріятное впечатлѣніе во всякомъ пѣшеходѣ“. Но, продолжаетъ Погодинъ, — „на театрахъ даютъ по тридцати разъ такія глупости, такія нелѣпости, что просто мочи нѣтъ. Только Comedie Française держится своихъ старыхъ правилъ, и вечеръ почти всегда проведешь съ удовольствіемъ. Нынѣ посчастливилось Мольеру, и я пересмотрѣлъ теперь тамъ нѣсколько изъ его безсмертныхъ піэсъ“.

Погодинъ не преминулъ зайти и въ судъ. Тамъ разбиралось дѣло надъ однимъ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго обвиняли въ покушеніи на смерто-убійство. Убить хотѣлъ свою любовницу, которая упрекала его въ измѣнѣ. Выслушивались свидѣтели и свидѣтельницы. „Что это за лица“?—восклицаетъ Погодинъ.—„Страшно смотрѣть на нихъ. Чьимъ словамъ можемъ мы вѣрить, сказалъ одинъ адвокатъ. Отецъ и мать молодого человѣка находились между слушателями. О, какъ глубоко упадаетъ человѣчество въ большихъ городахъ! Преступленіе само по себѣ не такъ ужасно, какъ

эта жестокость, остервененіе, неистовство, потеря всѣхъ человѣческихъ чувствованій, кои вы видите во всѣхъ чертахъ несчастныхъ преступниковъ, кои вы слышите во всѣхъ звукахъ ихъ голоса, кои вы примѣчаете во всѣхъ движеніяхъ ихъ тѣла“.

Нѣсколько часовъ по утрамъ посвящено было Погодинымъ и политикѣ, въ бесѣдахъ съ нашимъ посланникомъ, барономъ Брунновымъ.

Во время пребыванія Погодина въ Парижѣ, было положено начало святому дѣлу. Дотолѣ наша посольская церковь была устроена въ зданіи бывшей конюшни и иконостасъ ея составляли пять-шесть образовъ. Настоятелю церкви протоіерею Іосифу Васильевичу Васильеву пришла благая мысль воздвигнуть въ Парижѣ Русскую церковь, которая бы могла подать католикамъ достойное понятіе о православномъ богослуженіи во всѣхъ подробностяхъ. Само собою разумѣется, мысль эта пришлась совершенно по душѣ Погодину. „Надо выбрать“,—говорилъ онъ,—„хорошее мѣсто, въ лучшей части города; въ архитектурѣ сообразоваться съ нашими древними церквами, главы вызолотить, иконостасъ поставить не нынѣшній, а въ нѣсколько тяболъ“. Въ этомъ святомъ дѣлѣ и баронъ Брунновъ принималъ живое участіе. Приготовлены были докладныя записки, и дѣло пошло въ ходъ. Вскорѣ было получено на это согласіе Французскаго правительства, и начатъ былъ сборъ.

C.

Глубокое впечатлѣніе произвела на Погодина Парижская Биржа. „Представьте себѣ“,—писалъ онъ,—„что всѣ грѣшники, заключенные въ аду отъ сотворенія міра до нашего времени, получили вдругъ позволеніе подышать полчаса чистымъ воздухомъ. Какой крикъ и гамъ поднимутъ они, сорвавшись съ съ цѣпей своихъ. Такой крикъ и гамъ услышалъ я на Биржѣ, переступивъ за дверь и входя по лѣстницѣ въ верх-

нюю галлерею. Странные, пронзительные, дикія звуки приносились ко мнѣ на всякую ступень, такъ что волосы у меня начали становиться дыбомъ. Наконецъ, взошелъ я на галлерею, взглянулъ изъ-за перилъ внизъ, откуда неслось *дыханіе бурно*. Черная сплошная бездна зіяла предъ моими глазами. Волны поднимались, оборачивались, толкались, представляя какую-то клокочущую поверхность. Вниманіе мое тотчасъ привлекла къ себѣ круглая обширная загородка на одномъ краю залы, около которой бѣсновались какія-то человѣческія фигуры... Потъ катился съ нихъ градомъ, лица красныя горѣли, какъ огонь, всѣ члены—головы, руки, ноги, туловище дергались съ неистовствомъ. Они перекрикивались между собою изъ всѣхъ силъ. Какіе-то разсыльные черти шмыгали отъ нихъ безпрестанно къ толпамъ, толпы приходили въ движеніе вдругъ и издавали глухіе звуки. Черти возвращались съ этими отвѣтами. Особые дьяволы оборачивали ушами во всѣ стороны и записывали что-то. Я не выдержалъ четверти часа и совершенно одурѣлый, опьянѣлый, поспѣшилъ вонъ изъ безумнаго водоворота".

Выйдя на улицу, душу Погодина объяло грустное прискорбное чувство. „Бѣдное человѣчество",—думалъ онъ,—„неужели здѣсь высшій градусъ твоего прогресса, неужели это желанные плоды твоей цивилизаціи, награда твоихъ тяжкихъ трудовъ и страданій".

Послѣ случилось Погодину говорить „съ степенными Французами, знающими коротко всѣ здѣшнія отношенія. Они объяснили ему азартную игру и увѣряли, пожимая плечами, что большая часть этихъ людей сознаютъ ужасъ своего положенія, и потому мечутся, какъ угорѣлые, изъ угла въ уголъ, ухищряясь спастись какъ-нибудь въ настоящемъ, рано или поздно, кораблекрушеніи, изобрѣтаютъ всякій день новые проекты, затѣваютъ разныя предпріятія на землѣ и подъ водою, въ Австраліи и Индіи, на перешейкѣ Суезскомъ и перешейкѣ Панамскомъ, рѣжутся не на животъ, а на смерть, готовые на все съ отчаянія, что богатство ихъ и нищета

смѣняются здѣсь ежедневно, производя одинъ дымъ, чадъ и фейерверкъ".

Настроенный этими разсужденіями, Погодинъ въ другой разъ пошелъ на Биржу, и встрѣтилъ тамъ тоже явленіе. „Но иная мысль пришла мнѣ въ голову", — писалъ онъ, — „когда я посмотрѣлъ сверху внизъ на метавшихся тамъ людей: неужели эти алчные псы, эти голодныя вороны, бросятся когда-нибудь на Россію и налетятъ стаями на наши дѣвственныя поля, проникнутъ въ непочатыя наши горы, захватятъ наши заповѣдныя озера, разведутся на семи нашихъ моряхъ? Что же надѣлаютъ у насъ съ своимъ умомъ, блескомъ, любезностью, дерзостью, искусствомъ. Души наши они возьмутъ себѣ на откупъ".

Возвратясь въ Москву, Погодинъ услышалъ о предоставленіи постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ Французской кампаніи, и „вспомнилъ онъ о Парижской Биржѣ".

Въ Парижѣ Погодинъ „имѣлъ честь" познакомиться съ княземъ Александромъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Онъ сообщилъ Погодину много любопытныхъ подробностей объ устроенной имъ въ двадцатыхъ годахъ Русской Типографіи въ Парижѣ и вновь отлитыхъ тогда шрифтахъ, кои поступили, кажется, въ Главный Штабъ, о напечатаніи имъ, въ 1821 г., у Дидота, этимъ шрифтомъ Евангелія отъ Матѳея и молитвъ при Божественной Литургіи на Русскомъ языкѣ, кои онъ и подарилъ Погодину, о намѣреніи его печатать Русскихъ классиковъ, о чемъ даже представлена была имъ докладная записка".

Въ Европейской Литературѣ, князь Лобановъ „почетно" извѣстенъ изданіемъ вновь найденныхъ имъ писемъ и документовъ для Исторіи Маріи Стюартъ. „А мы", — замѣчаетъ Погодинъ, — „ничего не знали до сихъ поръ объ его благородныхъ усиліяхъ на пользу отечественнаго Просвѣщенія".

Освѣживъ себя прогулкою въ коляскѣ по Булонскому лѣсу, Погодинъ отправился обозрѣвать Тріаноны, большой и малый. Объ этомъ посѣщеніи вотъ что мы читаемъ въ *До-*

рожномъ Дневникѣ нашего путешественника: „Домъ, особенно садъ, заставляетъ задуматься. Здѣсь Марія Антуанетта, на своей фермѣ, въ одеждѣ молочницы, доила коровъ и подчивала Парижскихъ гостей сывороткою и сыромъ. Прибытіе ихъ возвѣщалось съ башни, по близости построенной. Несчастная! Забавляясь здѣсь, среди смѣховъ и игръ, ты не думала, какія тучи грянутъ скоро надъ твоей беззаботною головою! Кого хочетъ наказать Богъ, тому насылаетъ ослѣпленіе. Придворные, это племя отверженное, держали своихъ злополучныхъ господъ въ ихъ недоумѣніи, думая только о себѣ, продолжая сосать кровь изъ нѣдръ родной земли". Гуляя по оставленнымъ дорожкамъ, Погодинъ читалъ про себя стихи К. К. Павловой:

Ночь лѣтнюю смѣнило утро,
Отливомъ блѣднымъ перламутра
Востокъ во мракѣ просіялъ,
Погасъ рой звѣздъ на небосклонѣ.
Не унимался въ Тріанонѣ
Веселый шумъ, и длился балъ.

И въ свѣжемъ сумракѣ боскетовъ
Вездѣ вопросовъ и отвѣтовъ,
Живые шопоты неслись,
И въ толкахъ о своихъ затѣяхъ
Гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ
Толпы напудренныхъ маркизъ.

„Но вотъ",—продолжаетъ Погодинъ,—„блеснула молнія, грянулъ громъ,—и все несчастное поколѣніе пало жертвою своихъ заблужденій. Страшный урокъ, а какъ имъ пользуются люди? Что дѣлалъ Карлъ X-й и что дѣлали прочіе, и прочіе".

Погодину хотѣлось увидѣть Людовика Наполеона, чтобы дополнить картину настоящей Европы, какъ она нарисовалась въ воображеніи,—услышать звукъ его голоса, поймать его взглядъ, подмѣтить тѣлодвиженіе".

Для достиженія своей цѣли, Погодинъ приготовилъ письмо къ министру Двора и былъ увѣренъ, что оно откроетъ ему

двери въ кабинетъ; но въ это время императоръ отсутствовалъ, и должно было дожидаться его возвращенія недѣли три, а у сопровождавшей Погодина „молодежи“,—какъ замѣчалъ онъ,—„начинала кружиться голова. Нѣтъ,—подумалъ Погодинъ,—лучше домой“ [431]).

Въ Парижѣ Погодинъ очень сошелся съ о. Іосифомъ Васильевичемъ Васильевымъ. Простившись съ нашимъ путешественникомъ, о. протоіерей писалъ ему: „Вопреки принятому обычаю и въ подражаніе вамъ, сердечно уважаемый мною Михаилъ Петровичъ, начинаю мою записку увѣреніемъ васъ въ чувствахъ моего глубочайшаго уваженія, уваженія, лично пріобрѣтеннаго. Теперь я пишу вамъ по просьбѣ подателя сего письма, г. Сегуена, которому вздумалось побывать въ Россіи, поучиться нашему языку и поучить Русскихъ своему нарѣчію. Этотъ французъ есть старинный мой знакомый, очень милый и честный человѣкъ. Скажите ему по добротѣ вашего сердца доброе слово и дайте полезный совѣтъ, который въ чужой сторонѣ важнѣе всего. О дѣлѣ же спиритуальномъ, или лучше спиритуозномъ, или вѣрнѣе — спиртовомъ, вы получите отъ меня письмо чрезъ три или четыре дня *). Ваши совѣты производятъ вездѣ добрые плоды, начиная отъ барона Бруннова, проходя чрезъ княгиню Трубецкую, пригласившую меня учить ея сына, и оканчивая по нисходящей линіи княземъ Мещерскимъ, который охотно прочиталъ брошюрки Хомякова. Отвѣта о церкви еще нѣтъ; да и рано ожидать! Оканчиваю тѣмъ, чѣмъ началъ и уже не отъ своего только лица, но и отъ жены моей, т.-е., свидѣтельствую мое душевное почтеніе и благословляю васъ на все доброе и благодѣтельное для Россіи. Кланяюсь моимъ любезнымъ знакомымъ: вашему сыну Дмитрію Михайловичу и г. Мамонтову“.

Надо замѣтить, что кромѣ сына, Погодину въ Парижъ сопутствовалъ и Ѳ. Мамонтовъ, который, лѣтомъ 1856 года,

---

*) Это, очевидно, по порученію Кокорева. *Н. Б.*

посѣтилъ Шафарика въ Прагѣ, и изъ Маріенбада, 30 іюня 1856 года, писалъ Погодину: „Найдя Шафарика дома, передалъ ему въ кабинетѣ, ваше письмо, книги, чай и проч. Портрета В. А. Кокорева у меня не оказалось. Шафарикъ принялъ меня очень благосклонно, спросилъ какъ выговаривается моя фамилія и спрашивалъ, отъ чего она происходитъ и когда я не могъ ему на это хорошенько отвѣтить, то обѣщался сдѣлать мнѣ филологическое изслѣдованіе, и на другой день далъ мнѣ, въ знакъ памяти, записочку, писанную своею рукою, гдѣ онъ выводилъ мою фамилію отъ св. Мамонта“ [432]).

Чрезъ Страсбургъ и Брухсаль, Погодинъ, 30 сентября, прибылъ въ Стутгартъ.

„Городъ“,—писалъ нашъ путешественникъ,—„былъ пустехонекъ. Всѣ жители укатили въ Капштатъ на гулянье, по случаю, кажется, рожденія короля. Я написалъ письмо къ священнику и пустился также вслѣдъ за другими, съ моими молодыми людьми. А сколько тамъ было народа—видимо-невидимо! И всѣ веселятся. И всѣ радуются. Съ грустію подумалъ о нашихъ народныхъ гуляньяхъ: да что же другіе люди мы что ли? Возвратились поздно вечеромъ въ шумѣ, гамѣ и толкотнѣ“.

Въ Стутгартъ Погодинъ заѣхалъ съ цѣлію познакомиться съ финансистомъ Молемъ [433]).

Еще до пріѣзда Погодина въ этотъ городъ, протоіерей Базаровъ, 20 августа 1856 года, писалъ ему: „Въ отвѣтъ на почтенное письмо ваше изъ Остенде, имѣю честь вамъ сообщить, что отыскиваемое вами лицо называется Фонъ-Моль, финанцъ-ассессоръ и живетъ въ Стутгартѣ. Ближайшія свѣдѣнія объ немъ, при проѣздѣ вашемъ чрезъ Стутгартъ, можетъ сообщить вамъ нашъ повѣренный въ дѣлахъ, г. Штофрегенъ. Я крайне буду сожалѣть, если не буду имѣть удовольствія видѣться съ вами въ Стутгартѣ. Опасаться этого я могу потому, что я теперь большую часть времени провожу въ Карлсруэ, гдѣ занимаюсь приготовле-

ніемъ великой княжны *), къ принятію Православія. Но для воскресныхъ и праздничныхъ дней я возвращаюсь въ Стутгартъ, гдѣ бываетъ впрочемъ служба только въ присутствіи великой княгини. Въ противномъ случаѣ, я служу на Ротенбергѣ" [434]).

Лѣтъ за семь до своего пріѣзда въ Стутгартъ, Погодинъ прочелъ въ *Allgemeine Zeitung* объявленіе, что какой-то житель Стутгартскій нашелъ средство выплачивать государственные и городовые долги въ короткое время, безъ новаго отягощенія народа, и предлагаетъ объявить оное, кому угодно, по взаимномъ соглашеніи въ условіяхъ. Это объявленіе обратило на себя вниманіе Погодина. Хотя посѣдній никогда не занимался въ особенности Политическою Экономіею, но ему часто приходила въ голову мысль объ отношеніи капитала къ его движенію: одинъ рубль, думалъ онъ, переходя изъ рукъ въ руки двадцать разъ, замѣняетъ собою двадцать рублей, покупая въ сложности вещей на двадцать рублей; слѣдовательно, общее богатство зависитъ преимущественно отъ движенія капиталовъ. Погодинъ задумывался надъ тѣмъ, не заключаетъ ли проектъ неизвѣстнаго господина чего-либо, относящагося къ подобной мысли.

По пріѣздѣ въ Стутгартъ, Погодинъ отправился отыскивать Моля, „и, ходя около его дома, переспросилъ человѣкъ десять, даже полицейскихъ служителей о названіи улицы. Нѣтъ, да и только". Наконецъ, одинъ мальчикъ, слушая его разспросы, сказалъ ему: пойдемте, я васъ отведу, и привелъ чрезъ двѣ минуты къ дому Моля.

Погодина встрѣтилъ старичекъ „почтенной наружности, невысокаго роста, сѣдой". Объявивъ ему свое имя и званіе, Погодинъ сказалъ: „Сообщите мнѣ вашъ секретъ — у насъ теперь новое царствованіе. Нѣтъ момента удобнѣе для новыхъ мыслей. Подъ своей отвѣтственностію я покажу вашъ проектъ довѣреннымъ знающимъ людямъ, и если въ

---

*) Ольги Θеодоровны. *Н. Б.*

немъ окажется что сбыточное, буду искать случая передать его такимъ лицамъ, которые могутъ пустить его въ ходъ. Отъ васъ будетъ зависѣть войти съ ними въ ближайшее сношеніе и условиться о вознагражденіи". Старикъ подумалъ и сказалъ: Хорошо, извольте, я согласенъ, сообщите мнѣ только письменно то, что вы передали теперь изустно. Погодинъ обѣщалъ и они разстались" [435]).

Возвратясь въ Москву, Погодинъ, 26 октября 1856 года, написалъ слѣдующее письмо къ А. М. Княжевичу: „Я говорилъ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Максимовичъ, о финансовомъ проектѣ одного Стутгартскаго дѣльца, о которомъ когда-то было писано въ *Allgemeine Zeitung*. Вотъ онъ, вмѣстѣ съ письмомъ сочинителя къ государю и ко мнѣ. Не угодно ли будетъ вамъ отдать его кому-нибудь на разсмотрѣніе. Если окажется что-нибудь дѣльное, тогда можно будетъ войти въ сношеніе съ г. Молемъ и опредѣлить условія. Я обѣщалъ ему только, что секретъ его во всякомъ случаѣ не будетъ употребленъ во зло и имъ никто не воспользуется безъ его согласія" [436]).

CI.

Путевымъ товарищемъ Погодина отъ Стутгарта до Ульма былъ одинъ гимназическій учитель, который разсказывалъ ему въ подробности учебное устройство въ Виртембергѣ.

Въ Ульмѣ Погодинъ посѣтилъ византиниста Тафеля и засталъ его „за прежнимъ стаканомъ вина, въ его темномъ кабинетѣ, по темной лѣстницѣ". Онъ показалъ Погодину томъ Венеціанскихъ матеріаловъ, изданный имъ послѣ его послѣдняго свиданія, и указалъ на одно вновь вышедшее сочиненіе о Скиѳахъ.

На другой день, поутру, Погодинъ, осмотрѣвъ древній Ульмскій соборъ, отправился въ Мюнхенъ, спѣша застать знаменитые ихъ Octoberfeste; но праздники должны были

ніемъ великой княжны *), къ принятію Православія. Но для воскресныхъ и праздничныхъ дней я возвращаюсь въ Стутгартъ, гдѣ бываетъ впрочемъ служба только въ присутствіи великой княгини. Въ противномъ случаѣ, я служу на Ротенбергѣ" [434]).

Лѣтъ за семь до своего пріѣзда въ Стутгартъ, Погодинъ прочелъ въ *Allgemeine Zeitung* объявленіе, что какой-то житель Стутгартскій нашелъ средство выплачивать государственные и городовые долги въ короткое время, безъ новаго отягощенія народа, и предлагаетъ объявить оное, кому угодно, по взаимномъ соглашеніи въ условіяхъ. Это объявленіе обратило на себя вниманіе Погодина. Хотя послѣдній никогда не занимался въ особенности Политическою Экономіею, но ему часто приходила въ голову мысль объ отношеніи капитала къ его движенію: одинъ рубль, думалъ онъ, переходя изъ рукъ въ руки двадцать разъ, замѣняетъ собою двадцать рублей, покупая въ сложности вещей на двадцать рублей; слѣдовательно, общее богатство зависитъ преимущественно отъ движенія капиталовъ. Погодинъ задумывался надъ тѣмъ, не заключаетъ ли проектъ неизвѣстнаго господина чего-либо, относящагося къ подобной мысли.

По пріѣздѣ въ Стутгартъ, Погодинъ отправился отыскивать Моля, „и, ходя около его дома, переспросилъ человѣкъ десять, даже полицейскихъ служителей о названіи улицы. Нѣтъ, да и только". Наконецъ, одинъ мальчикъ, слушая его разспросы, сказалъ ему: пойдемте, я васъ отведу, и привелъ чрезъ двѣ минуты къ дому Моля.

Погодина встрѣтилъ старичекъ „почтенной наружности, невысокаго роста, сѣдой". Объявивъ ему свое имя и званіе, Погодинъ сказалъ: „Сообщите мнѣ вашъ секретъ — у насъ теперь новое царствованіе. Нѣтъ момента удобнѣе для новыхъ мыслей. Подъ своей отвѣтственностію я покажу вашъ проектъ довѣреннымъ знающимъ людямъ, и если въ

---

*) Ольги Ѳеодоровны. *Н. Б.*

немъ окажется что сбыточное, буду искать случая передать его такимъ лицамъ, которые могутъ пустить его въ ходъ. Отъ васъ будетъ зависѣть войти съ ними въ ближайшее сношеніе и условиться о вознагражденіи". Старикъ подумалъ и сказалъ: Хорошо, извольте, я согласенъ, сообщите мнѣ только письменно то, что вы передали теперь изустно. Погодинъ обѣщалъ и они разстались" [435]).

Возвратясь въ Москву, Погодинъ, 26 октября 1856 года, написалъ слѣдующее письмо къ А. М. Княжевичу: „Я говорилъ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Максимовичъ, о финансовомъ проектѣ одного Стутгартскаго дѣльца, о которомъ когда-то было писано въ *Allgemeine Zeitung*. Вотъ онъ, вмѣстѣ съ письмомъ сочинителя къ государю и ко мнѣ. Не угодно ли будетъ вамъ отдать его кому-нибудь на разсмотрѣніе. Если окажется что-нибудь дѣльное, тогда можно будетъ войти въ сношеніе съ г. Молемъ и опредѣлить условія. Я обѣщалъ ему только, что секретъ его во всякомъ случаѣ не будетъ употребленъ во зло и имъ никто не воспользуется безъ его согласія" [436]).

CI.

Путевымъ товарищемъ Погодина отъ Стутгарта до Ульма былъ одинъ гимназическій учитель, который разсказывалъ ему въ подробности учебное устройство въ Виртембергѣ.

Въ Ульмѣ Погодинъ посѣтилъ византиниста Тафеля и засталъ его „за прежнимъ стаканомъ вина, въ его темномъ кабинетѣ, по темной лѣстницѣ". Онъ показалъ Погодину томъ Венеціанскихъ матеріаловъ, изданный имъ послѣ его послѣдняго свиданія, и указалъ на одно вновь вышедшее сочиненіе о Скиѳахъ.

На другой день, поутру, Погодинъ, осмотрѣвъ древній Ульмскій соборъ, отправился въ Мюнхенъ, спѣша застать знаменитые ихъ Octoberfeste; но праздники должны были

начаться только съ перваго воскресенья, а ожидать ихъ нашъ путешественникъ не имѣлъ возможности.

Новостью для Погодина въ Мюнхенѣ была вторая Пинакотека, огромное зданіе, насупротивъ первой, посвященное произведеніямъ современной живописи. Погодина заняла особенно зала съ видами alfresco Греціи. Здѣсь и Коринѳъ, и Микены, и Дельфы, и Ѳивы, и Лакедемонъ, и Олимпъ, и Аѳины. Въ театрѣ Погодинъ нашелъ „глупость страшную".

Изъ Мюнхена Погодинъ рѣшилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Донавертъ, а изъ Донаверта, внизъ по Дунаю, въ Регенсбургъ—и до Вѣны. Сначала маршрутъ этотъ удался. Въ Донавертъ пріѣхалъ ко времени отплытія парохода, какъ назначено, а оттуда въ Регенсбургъ очень рано. Видовъ по Дунаю нѣтъ, кромѣ одного мѣста. Въ Регенсбургѣ Погодинъ „подхватилъ" коляску и поѣхалъ въ Валгаллу, но когда взобрались они на гору, начало темнѣть, и они успѣли только „поклониться великимъ мужамъ и женамъ Германіи, уже въ таинственномъ сумракѣ вечера". Спустились по великолѣпной лѣстницѣ, и берегомъ Дуная добрались до своей коляски.

Отъ Регенсбурга нашъ путешественникъ могъ „добраться" только до Пассавы, потому что началъ опускаться туманъ, и капитанъ боялся идти далѣе. Но у Погодина относительно осторожности капитана явилось и другое предположеніе: „капитанъ сторговался съ мѣстными трактирщиками, которые были рады такому количеству гостей, и приняли ихъ подъ свой кровъ". Вечеромъ нашъ путешественникъ обошелъ городъ, который, по его замѣчанію, „очень скученъ для проходящихъ". На другой день туманъ продолжался за полдень, и они стояли „въ прескучномъ ожиданіи". Пользуясь свободнымъ временемъ въ Линцѣ, Погодинъ обошелъ этотъ городъ. Въ Таможнѣ нашелъ онъ „благосклонный осмотръ".

На другой день наши путешественники выѣхали, и недоплывъ до Вѣны, принуждены были остановиться въ какомъ то городишкѣ. „Кто побойчѣе",—писалъ Погодинъ,—„и поопытнѣе изъ путешественниковъ, тотъ занялъ мѣсто въ гостинницахъ;

мы помѣстились кое-какъ въ каютахъ и провели пребезпокойную ночь — самый непріятный эпизодъ изъ всего путешествія".

Въ Вѣнѣ, замѣчаетъ Погодинъ, „всегда бываетъ скучная исторія при переѣздѣ отъ пристани до гостинницы. Извощики здѣшніе—нѣчто особое, среднее между человѣкомъ и звѣремъ, ближайшее къ послѣднему".

Не найдя въ Вѣнѣ нашего протоіерея М. Ѳ. Раевскаго, Погодинъ отправился къ Миклошичу, который въ то время началъ уже печатать мелкія сочиненія Капитара. Миклошичь, замѣчаетъ Погодинъ, „работаетъ больше всѣхъ". Старый Вукъ все „тотъ же", и разсказывалъ Погодину много любопытнаго о Славянскихъ племенахъ въ продолженіе войны, о причинахъ, почему они были такъ спокойны, о Сербіи и Черногоріи. Погодинъ „толковалъ" также съ его дочерью, которая намѣревается заводить женское училище въ Бѣлградѣ, и Погодинъ взялся доставить ей пять воспитанницъ.

Въ засѣданіи Академіи Наукъ Погодинъ познакомился съ нѣкоторыми членами,—а также и съ Гаммеромъ: „старикъ", замѣтилъ Погодинъ, „еще бодрѣе Риттера, не только Шлоссера". Объ академическомъ засѣданіи Погодинъ замѣтилъ, что читать на ономъ „было нечего, какъ и у насъ грѣшныхъ въ иное засѣданіе. Пробормоталъ секретарь какую-то записку отъ Рафна изъ Копенгагена, да еще нѣсколько замѣтокъ. Нѣкоторые члены извинялись предо мною въ скудости засѣданія: не всѣ собрались члены, только что кончились ваканціи и тому под. Знаемъ мы, думалъ я, всѣ эти причины".

На ночь нашъ путешественникъ пустился въ Прагу и пріѣхалъ туда въ 11 часовъ.

„Прага",—говоритъ Погодинъ,—„совсѣмъ не то, что была за двадцать лѣтъ: какое-то общее разслабленіе, не только что успокоеніе. Старики устарѣли и забились по угламъ. Шафарикъ хлопочетъ о глаголитѣ, Палацкой—о Гусситахъ, Пуркиніе—о физіологическихъ опытахъ, Прешль умеръ. Съ

молодыми связь у нихъ какъ будто прервалась. Непримѣтно никакого стремленія, не только восторга, какъ было прежде, а казалось бы обстоятельства благопріятствуютъ національному движенію гораздо больше, чѣмъ тогда: союзъ Австріи съ Россіей уничтоженъ, да и другихъ искреннихъ союзниковъ она не имѣетъ; слѣдовательно, всякое желаніе или даже требованіе со стороны подвластныхъ племенъ она должна выслушивать снисходительнѣе. Странное состояніе духа: вѣетъ гдѣ и когда хочетъ"!

Въ такомъ настроеніи духа Погодинъ оставилъ Прагу и поѣхалъ въ Варшаву. На этомъ пути его поразила „чрезполосность Польская". Ему пришлось нѣсколько разъ останавливаться то въ Австріи, то въ Пруссіи, то опять въ Австріи, и наконецъ начинается Царство Польское. „Каково поляку",— замѣчаетъ Погодинъ,— „ѣхать этими полосами? Не должно ли сердце обливаться у него кровью"?

Къ Мысловице наши путешественники подъѣзжали поздно вечеромъ. По правой сторонѣ вездѣ свѣтились огни, и даже пылало пламя. „Что это такое"? спросилъ Погодинъ своего спутника. — Это желѣзные заводы и угольныя копи. „Кому принадлежатъ онѣ"? — Одному владѣльцу, Винклеру.

Объ этомъ Винклерѣ вотъ что узналъ Погодинъ отъ своего спутника: „Это богатѣйшій частный человѣкъ не только въ Пруссіи, но во всей Германіи. У него капитала болѣе сорока милліоновъ талеровъ. Какъ онъ могъ собрать такое богатство? Въ двадцать лѣтъ. Сначала у него было малое хозяйство и небольшой участокъ земли. Онъ началъ разработывать, скупать сосѣднія земли и увеличивать мало-помалу свое дѣлопроизводство. Надо отдать справедливость его дѣятельности, честности и добродушію. Весь край его благословляетъ. Здѣсь, по его милости, возникли не только селенія, но цѣлые города. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ по всѣмъ сторонамъ доставило ему выгодный сбытъ угля и желѣза. Въ 1855 году, онъ умеръ и оставилъ все свое огромное состояніе единственной дочери, которая вышла замужъ за поручика Мекленбургской службы. Они

живутъ очень хорошо и ведутъ всѣ дѣла по прежнему. — „Но скажите мнѣ“, —продолжалъ вопрошать Погодинъ своего спутника, — „почему же огни мы видимъ только по правой сторонѣ, почему ихъ нѣтъ на лѣвой“? —По лѣвой идетъ Русское Польское владѣніе, это уже Царство! „Что же тамъ нѣтъ угля и желѣза“?—О нѣтъ, тамъ копи гораздо богаче, какъ утверждаютъ знающіе люди. „Такъ почему же онѣ не разработываются“? —Спросите у нихъ: мы не знаемъ“.

Дорога отъ Мысловице до Варшавы, замѣчаетъ Погодинъ, „очень весела, по множеству путешественниковъ, которые подсѣдаютъ на всякой станціи больше и больше. Сначала былъ только одинъ чиновникъ таможенный изъ Границы. Съ этимъ чиновникомъ Погодинъ, по обычаю, разговорился. Предметомъ разговора были угольныя копи. Чиновникъ оказался „очень смышленый молодой человѣкъ“, и онъ сообщилъ Погодину много любопытныхъ подробностей. Это обратило вниманіе Погодина, и онъ спросилъ: „Почему бы не собраться товариществу для разработки такихъ богатыхъ рудниковъ, для разработки, которой образчикъ представляется въ сосѣдствѣ“?

По пути до Варшавы была остановка для ужина „презабавная и преживая“, какъ замѣчаетъ Погодинъ. „Музыка такъ и отдираетъ! Всѣ проголодались. Бѣготня. Ищутъ мѣстъ. Кто кричитъ котлетъ, кто жаркаго. Шумъ, движенье. Хватаютъ изъ рукъ, что̀ приносится“.

По пріѣздѣ въ Варшаву, на станціи, Погодина ожидалъ Ив. Ив. Поплонскій и перевезъ его къ себѣ на квартиру. Помѣщеніемъ Погодинъ остался очень доволенъ: „преспокойное и препріятное“.

Въ Варшавѣ нашъ путешественникъ повидался со старыми своими друзьями: Мацѣевскимъ, П. А. Мухановымъ и С. П. Бутурлинымъ.

Театръ Варшавскій очаровалъ Погодина. „Я“, — писалъ онъ,—„вовсе не ожидалъ найти его въ такомъ блестящемъ положеніи. Это одна изъ первыхъ Европейскихъ сценъ и не уступитъ никакой Парижской, развѣ превзойдетъ

вную. Такой цѣлости я не встрѣчалъ нигдѣ. Здѣсь всѣ дѣйствующія лица играютъ въ одно время, и тотъ, кто говоритъ, и тотъ, кто слушаетъ, и всѣ тѣ, которымъ случается быть свидѣтелями или участниками разговора. Сюда актеры должны ѣздить учиться драматическому искусству. Я просто былъ очарованъ. *Пани Кастелянша* Корженевскаго разыграна была превосходно".

CII.

Подъ впечатлѣніемъ Варшавскаго театра выѣхалъ Погодинъ изъ столицы Царства Польскаго. Иное впечатлѣніе произвели на него дороги, ведущія въ Москву. „Дороги",—писалъ онъ,—„западными нашими губерніями наводили на меня всегда грусть. Такой бѣдности, такого однообразія, отсутствія всякой нравственной, умственной жизни, не встрѣтимъ, я думаю, и въ Турціи. Особенно несчастные жиды, разстрепанные, въ лохмотьяхъ, блѣдные, худые раздираютъ человѣческое сердце, а ихъ домишки часто безъ крыши, безъ воротъ, развалившіеся, покачнувшіеся, сквозные. Всякій разъ, проѣзжая этою стороною, думалъ я, чѣмъ бы можно было облегчить ихъ участь, а вмѣстѣ употребить ихъ въ дѣло. Нынѣ я попалъ, кажется, на счастливую мысль. Къ земледѣлію жиды неспособны. Что ни говорится въ нашихъ отчетахъ о жидовскихъ колоніяхъ—есть ложь. Тяжелую работу вообще на жидовъ возлагать нельзя, по слабости и тщедушности ихъ организаціи. Но почему не употребить ихъ на ремесла ручныя и легкія. Это племя умное, ловкое, догадливое—оно можетъ успѣвать значительно во многихъ ремеслахъ. Еслибъ на первый случай взять съ каждаго двора изо всѣхъ этихъ мѣстечекъ и городовъ по мальчику и отдать въ ученье мастерству портному, слесарному, башмачному, сапожному, столярному, малярному, токарному, въ наборщики, въ золотыхъ, серебряныхъ, часовыхъ дѣлъ мастера, въ Кіевѣ, Одессѣ, Петербургѣ, Москвѣ,—чрезъ пять-шесть лѣтъ

каждое семейство пріобрѣло бы себѣ въ такомъ мастеровомъ помощника, а наши здоровяки могли бы быть обращены къ другимъ занятіямъ. Жиды, разумѣется, будутъ рады отдать дѣтей своихъ въ ученье и даже возьмутся представить сами въ показанныя мѣста; а хозяевъ, которые берутъ къ себѣ мальчиковъ въ ученье въ годы, безъ всякой платы, множество вездѣ. Весь трудъ собрать дѣтей и развести ихъ по городамъ. Это будетъ стоить бездѣлицы".

Погодинъ весьма сожалѣлъ, что не могъ остановиться въ Слуцкѣ, для свиданія съ тамошнимъ Каширинымъ, котораго онъ двадцать лѣтъ тому назадъ уговорилъ вмѣстѣ со многими его товарищами опредѣлиться въ Виленскій округъ на службу, по просьбѣ Г. И. Карташевскаго, перваго Виленскаго попечителя. „Молодые люди",—писалъ Погодинъ,—„отправились жить; имъ сперва было порядочно, а потомъ начальство перемѣнилось, и они были забыты или хоть полузабыты".

Наконецъ, кое-какъ, на „несчастныхъ обывательскихъ" лошадяхъ, Погодинъ дотащился до Москвы [437]).

18 октября 1856 года, С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Добро пожаловать. Слава Богу, что вы воротились благополучно! Спасибо, что не замедлили дать о себѣ вѣсточку! Вы вѣрно уже видѣлись съ моей старухой и съ моими дочерьми, а потому получили отвѣты на всѣ ваши вопросы, посланные въ Абрамцево. Мы сидимъ здѣсь, застигнутые рановременною зимою и скучаемъ. Константинъ, по обычаю, работаетъ, а я—ничего! Или нашелъ столбнякъ, или исчерпалъ неглубокій источникъ своего дарованія, или старость вступаетъ въ свои права".

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ задумалъ дать балъ. Днемъ торжества онъ избралъ академическій праздникъ 29 декабря. Но это торжество, кажется, не совсѣмъ удалось. Подъ 29 декабря 1856 года, въ *Дневникѣ* Погодина записано: „Приготовленіе къ вечеру. Не совсѣмъ удаченъ. Нужныя лица не могли быть. Пѣніе не уладилось. Съ профессорами

и проч.“. А приглашенный на этотъ балъ Шевыревъ писалъ своему другу слѣдующее: „Сожалѣемъ очень, что изложенныя въ запискѣ твоей причины помѣшали дѣтямъ твоимъ провести у насъ вечеръ, а было очень весело и дѣти танцовали за полночь. Ужъ конечно я не подумалъ бы платить тебѣ тою же монетою и повезъ бы къ тебѣ дѣтей своихъ; но ты самъ же своею запискою нагналъ на насъ страхъ. Лошади у меня не всѣ еще поправились и каретою я располагать не могу; но если бы и могъ, то побоялся бы увязить ее съ дѣтьми въ снѣгахъ твоихъ. А ѣхать въ саняхъ, судя по твоему письму, еще страшнѣе: ужь не говорю о нападеніи и грабежѣ, а одинъ испугъ дѣтямъ чего стóитъ. Но какъ же ты это распорядился? Если какая бѣда случится съ приглашенными гостями, ты за нее отвѣчаешь. Насъ ты предупредилъ: мы и не поѣдемъ. Но для другихъ ты долженъ бы былъ по крайней мѣрѣ приготовить конвой и попросить о томъ Беринга.—Я къ тебѣ не иначе теперь пріѣду, какъ утромъ, чтобы уѣхать до обѣда. Вотъ что значитъ жить въ такой отдаленности. Поневолѣ разобщаемся другъ съ другомъ и на дѣтей простираемъ это разобщеніе“.

Въ чужихъ краяхъ Погодинъ отростилъ себѣ бороду и съ нею не только пріѣхалъ въ Москву, но даже отважился въ такомъ видѣ посѣщать театръ. Въ *Дневникѣ* своемъ 1856 года, подъ 6 декабря, онъ записалъ: „Въ театръ съ бородою, но безъ мысли о возможныхъ непріятностяхъ“.

На бороду Погодина обратилъ вниманіе самъ директоръ Московскихъ театровъ, А. Н. Верстовскій, и писалъ ему: „Зачѣмъ же борода! А? Такъ де въ Европѣ ходятъ! А зачѣмъ прежде не ходилъ“? Графиня Е. П. Ростопчина, приглашая Погодина къ себѣ на вечеръ, писала ему: „Дамъ не будетъ, стало быть, ваша борода не помѣха“.

Борода Погодина вдохновила М. А. Дмитріева написать ему слѣдующее саркастическое посланіе:

Delenda Carthago! Обрѣйте усы!
Михаилъ Петровичъ! Ну, что въ нихъ красы!

Знакома намъ ваша на пользу отвага,
И Русской вашъ разумъ и къ Руси любовь!
На что бородой ихъ доказывать вновь?
Обрѣйте усищи! Delenda Carthago!

Я Русскій душою: служилъ и царю,
И правду объ Руси я вслухъ говорю;
Живалъ я и въ свѣтѣ, живалъ съ бородами:
Одно я замѣтилъ у всѣхъ и вездѣ,
Что умъ, честь и совѣсть едва ль въ бородѣ;
Безмездная жъ честность едва ли съ усами!

Жуковской и Пушкинъ, Крыловъ, Карамзинъ—
Изъ нихъ съ бородой не ходилъ ни одинъ,
А жили и умерли перломъ народа!
Въ бритьѣ ли и плутни, и прочее зло?
Нѣтъ! съ нимъ лишь на степень искусства взошло,
Что было въ небритыхъ простая природа!

Поѣхали Русскимъ во всей вы красѣ;
Съ бородкой и въ фракѣ jeune français!
Подъ лѣты ль такія выкидывать штуки!
Повѣрьте, что Кліо, вашъ дамскій патронъ,
И самъ предводитель всѣхъ Музъ, Аполлонъ,
Всѣ брились: къ бородкамъ не льнутъ и науки*)!

„Жду возвращенія Хомякова",—писалъ къ Погодину Шевыревъ,—„для возобновленія Общества Любителей Россійской Словесности. Но какъ возобновлять Общество, когда вы всѣ съ бородами, въ зипунахъ, въ горлатныхъ шапкахъ, и когда полиція имѣетъ право вывести васъ всѣхъ изъ засѣданія, какъ дѣла публичнаго. Ты все-таки не сбрилъ бороды—и даешь балы. Охъ! не въ бородѣ дѣло" [438]).

КОНЕЦЪ КНИГИ ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ.

5 ноября, 1899 года.
Екатеринославъ.

---

*) На подлинникѣ этого посланія рукою Кокорева карандашомъ написано: *Просто вздоръ. Н. Б.*

1) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 23.

2) *Русскій Архивъ*. 1879. № 3. стр. 381.

3) *Русскій біографическ. словарь.* Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 1896. I. 453. 455.

4) *Письма*. XXIII.

5) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 23. — *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1887. XI. 208—209.

6) *Письма Филарета м. Московскаго къ высочайшимъ особамъ и разнымъ лицамъ*. Тверь. 1888. II. 19—21.

7) *Письма*. XXIII.

8) *Письма Филарета м. Московскаго къ высочайшимъ особамъ* и пр. II. 21—22.

9) *Письма*. XXIII.

10) *Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета м. Московскаго*. М. 1886. IV. 35—36.

11) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. М. 1883. III. 321.

12) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 65.

13) *Письма м. Московскаго Филарета къ архіепископу Тверскому Алексію*. М. 1883. стр. 129.

14) *Москвитянинъ*. 1855. II. 39—43.

15) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. III. 321.

16) *Письма*. XXIII.

17) *И. С. Аксаковъ*. М. 1892. III. 105—106.

18) *Русскій Архивъ*. 1878. № 7. стр. 381.—1884. № 4. 226—327.

19) *Письма*. XXIII.

20) *Русскій Архивъ*. 1897. № 8. стр. 619—620.

21) *И. С. Аксаковъ*. III. 115.

22) *Русскій Архивъ*. 1884. № 4. стр. 327.—1878. № 7. стр. 381.

23) *И. С. Аксаковъ*. III. 106—109. 112. 118.

24) *Письма*. XXIII.

25) *И. С. Аксаковъ*. III. 149—150.

26) *Письма м. Мсковск. Филарета къ Антонію*. III. 329—330. 332.

27) *Письма*. XXIII.

28) *Историко-политическ. письма и записки*. М. 1874. стр. 310—313.

29) *Письма*. XXIV.

30) *Татищевъ*. стр. 454—456.

31) *Русская Старина*. 1896. янв. стр. 100.

32) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. III. 334.

33) *Кіевская Старина*. 1896. май. стр. 154.

34) *Русскій Архивъ*. 1878. № 7. стр. 382.

35) *Письма*. XXIII.

36) *Русскій Архивъ*. 1879. № 3. стр. 382.

37) *Письма*. XXIII.

38) *Русскій Архивъ*. 1897. № 8. стр. 622.

39) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію.* III. 329.

40) *Современникъ.* 1855. № 9. стр. 5—30.

41) *Кіевская Старина.* 1896. апр. стр. 35.—май. стр. 154.

42) *Письмо Погодина* къ С. Т. Аксакову, получено мною отъ О. Г. Аксаковой.

43) *И. С. Аксаковъ.* III. 128.

44) *Письма.* XXIII.

45) *Русскій Архивъ.* 1877. № 1. стр. 124—142.

46) *Кіевская Старина.* 1896. апр. стр. 27—28.—май. стр. 146—148.

47) *Русскій Архивъ.* 1897. № 8. стр. 626—627.

48) *Кіевская Старина.* 1896. май. стр. 149. 151. 165.

49) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 86.

50) *Кіевская Старина.* 1896. май. стр. 156—158. 161.

51) *Татищевъ.* стр. 458.

55) *Кіевская Старина.* 1896. май. стр. 167—169.—*Севастопольскія письма Н. И. Пирогова.* Спб. 1899. стр. 120.—*Письма.* XXIII.—*Кіевская Старина.* 1896. май. стр. 171—174.

53) *Татищевъ.* стр. 458—459.

54) *Русскій Архивъ.* 1891. № 6.

55) *Вѣнокъ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія.* М. 1867. стр. 131—136.

56) *Московскія Вѣдомости.* 1855 № 99.

57) *Вѣнокъ.* стр. 131—136.

58) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 112.

59) *Вѣнокъ.* стр. 131—136.

60) *Кіевская Старина.* 1896. май. стр. 174—175.

61) *Москвитянинъ.* 1855. IV. 32—35.

62) *Русскій Архивъ.* 1891. № 6. стр. 235.

63) *Кіевская Старина.* 1896. іюнь. стр. 280.

64) *Письма.* XXIII.

65) *Московск. Вѣдомости.* 1855. № 91.

66) *Письма.* XXIII.

67) *Москвитянинъ.* 1855. IV. 32.

68) *Письма.* XXIII.—*Т. Н. Грановскій.* М. 1897. I. 261.—*Письма.* XXIII.

69) *Дневникъ.* 1855. подъ 9 мая.

70) *Историко-политическія письма и записки.* М. 1874. стр. 318—322.—*Письма.* XXIII.

71) *Русскій Архивъ.* 1890. № 4. стр. 471.

72) *Воспоминаніе князя Д. И. Святополкъ-Мирскаго о сраженіи при Черной рѣчкѣ 4 Августа 1855.* Пенза. 1897. стр. 2—7.

73) *Татищевъ.* стр. 460—461.

74) *Русскій Архивъ.* 1884. стр. 329.

75) *Кіевская Старина.* 1896. іюнь. стр. 287—290. 293.

76) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 105.

77) *Кіевская Старина.* 1896. іюнь. стр. 294. 299.—*Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель.* М. 1879. стр. 396—398.

78) *Русскій Архивъ.* 1874. стр. 1580—1582.

79) *Татищевъ.* стр. 462—463.

80) *Письма м. Московск. Филарета къ Антонію.* III. 346—347.

81) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 г.* М. 1891. стр. 130.

82) *Т. Н. Грановскій.* М. 1897. II. 455.

83) *Вѣстникъ Европы.* 1894. февр. стр. 492.

84) *И. С. Аксаковъ.* III. 161—165. 180.

85) *Письма.* XXIII.

86) *Дневникъ.* 1855. подъ 29 августа.

87) *Письма.* XXIII.

88) *Письма м. Московск. Филарета къ Антонію.* III. 343—344.

89) *Сочиненія Филарета м. Московскаго.* 1885. V. 323—324.

90) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 109.

91) *Письма.* XXIII.

92) *И. С. Аксаковъ.* III. 169.
93) *Письма.* XXIII.
94) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенко.* Спб. 1893. II. 19.
95) *Т. Н. Грановскій.* М. 1897. II. 455—456.
96) *Татищевъ.* стр. 463.— *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891.* М. 1891. стр. 133.
97) *Т. Н. Грановскій.* М. 1897. II. 305—306.
98) *Татищевъ.* стр. 463—464.
99) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891.* М. 1891. стр. 133.
100) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1886. X. 161.
101) *Письма.* XXIII. — *Русскій Архивъ.* 1896. № 6. стр. 247—248.— *Письма.* XXIII.
102) *Дневникъ.* 1855. подъ 19 сентября.
103) *Письма.* XXIII.
104) *Т. Н. Грановскій.* II. 458.
105) *Письма.* XXIII.
106) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1884. IX. 49—50.
107) *И. С. Аксаковъ.* III. 220. 217.
108) *Письма.* XXIII.—Стихотвореніе это доставлено мнѣ А. А. Титовымъ изъ пріобрѣтеннаго имъ Архива О. М. Бодянскаго.
109) *Татищевъ.* стр. 464—465.
110) *Письма.* XXIII.
111) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1896. XII. 399—401.
112) *Письма.* XXIII.—*Московскія Вѣдомости.* 1855. № 130.
113) *Письма.* XXIII.
114) *Гражданинъ.* 1898. № 18.
115) *Татищевъ.* стр. 465—466.
116) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 135.
117) *И. С. Аксаковъ.* III. 189—190.
118) *Татищевъ.* стр. 466.
119) *Копія* съ подлиннаго письма, сообщенная мнѣ Т. И. Филипповымъ.
120) *Кіевская Старина.* 1896. іюль—августъ. стр. 44—46. 51.
121) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 136.
122) *Письма м. Московск. Филарета къ Антонію.* III. 370.
123) *Татищевъ.* стр. 466.—*Письма.* XXIII.
124) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 147.
125) *Воспоминніе князя Д. И Святополкъ-Мирскаго о сраженіи при рѣкѣ Черной.* Пенза. 1897. стр. 22—25.
126) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 153.
127) *Семейный Архивъ М. А. Беневитинова.*
128) *Письма м. Московск. Филарета къ Антонію.* III. 362.
129) *Письма.* XXIII.
130) *Татищевъ.* стр. 466—467.
131) *Письма м. Московск. Филарета къ А. Н. М.* Кіевъ. 1869. стр. 481.
132) *Татищевъ.* стр. 467.
133) *Кіевская Старина.* 1896. іюль-августъ. стр. 56.
134) *Письма м. Московск. Филарета къ Антонію.* III. 374. 375.
135) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1886. X. 167.
136) *Письма.* XXIII.
137) *Русскій Архивъ.* 1884. № 4. стр. 329.—1879. III. 286.
138) *Вѣстникъ Европы.* 1894. февр. стр. 491.
139) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* стр. 119.
140) *Письма.* XXIII.
141) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1886. X. 161.
142) *Письма.* XXIII.
143) *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1886. X. 159—161.

144) *Русскій Архивъ*. 1885. III. № 6. стр. 313—314.

145) *Русская Старина*. 1896. янв. стр. 100—101. 92.

146) *Сочиненія и Переписка П. А. Плетнева*. Спб. 1885. III. 419.

147) *Москвитянинъ*. 1855. IV. 247—249.

148) *Письма*. XXIII.

149) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. стр. 131.

150) *Русскій Архивъ*. 1871. стр. 2107—2112.

151) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. стр. 131.

152) *Русскій Архивъ*. 1871. стр. 2107—2112.

153) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. стр. 133.

154) *Русскій Архивъ*. 1871. стр. 2107—2112.

155) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. стр. 134.

156) *Русскій Архивъ*. 1871. стр. 2107—2112.

157) *Письма*. XXIII.

158) *Русскій Архивъ*. 1871. стр. 2107—2112.

159) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878. стр. 520—521.

160) *Письма къ М. П. Погодину изъ Славянскихъ земель*. М. 1879. стр. 398—400.

161) *Русскій Архивъ*. 1885. № 6. стр. 313—314.

162) *Прибавленія къ Извѣстіямъ Императорской Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности*. 1855. стр. 43—48.

163) *Письма*. XXIII—XXIV. —*В. В. Григорьевъ*. стр. 144.—*Русскій Архивъ*. 1886. № 6. стр. 300—301. — *Письма*. XXIV.

164) *П. В. Анненковъ и его друзья*. Спб. 1893. II. 493.

165) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 42.

166) *Письма*. XXIV. XXIII.

167) *Копія* съ подлиннаго письма, сообщенная мнѣ Т. И. Филипповымъ.

168) *Письма*. XXIII.

169) *Москвитянинъ*. 1855. № 19—20. кн. 1—2. стр. 1—56. № 12. кн. 2. стр. 1—4.

170) *Т. Н. Грановскій*. М. 1897. II. 455—457. I. 276—277.

171) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. стр. 134.

172) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 120.

173) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. стр. 135.

174) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 120. 122.

175) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891*. стр. 134—135.

176) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 122.

177) *Москвитянинъ*. 1855. VI. 244—245.

178) *Московскія Вѣдомости*. 1855. № 122.

179) *Рѣчи*. М. 1872. стр. 184—185.

180) *Отечественныя Записки*. 1855. CIII. Науки и Художества. стр. 88.

181) *Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности*. 1891. стр. 136.

182) *Русскій Архивъ*. 1886. № 10. стр. 256—257.

183) *Вѣстникъ Европы*. 1894. февраль. стр. 493.

184) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. стр. 121.

185) *И. С. Аксаковъ*. III. 194.

186) *Записки и Дневникъ А. В. Никитенко*. II. 21.

187) *Русскій Архивъ*. 1879. III. 343.

188) *Т. Н. Грановскій*. II. 443—444.

189) *Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ*. М. 1856.

190) *Москвитянинъ.* 1855. VI. стр. 244—245.—*В. В. Григорьевъ.* Спб. 1887. стр. 140. — 141. — *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 141.

191) *Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина.* Спб. 1897. I. жизнь и дѣятельность К. Д. Кавелина (Д. А. Корсакова). стр. XXII.—*Письма.* XXIII—XXIV.

192) *Вѣстникъ Европы.* 1894. февраль. стр. 491.

193) *Письма.* XXIII.

194) *Отечественныя Записки.* 1855 CIV. Журналистика. стр. 49—50.

195) *Письма.* XXIII.

196) *Т. Н. Грановскій.* II. 470.

197) *Письма.* XXIII.

198) *Москвитянинъ.* 1855. V. 17—70.

199) *Письма.* XXIII.

200) *Современникъ.* 1855. XLIX. 207—304.

201) *Письма.* XXIII.

202) *Отечественныя Записки.* 1855. CIII. Словесность. стр. 49—114.

203) *Письма.* XXIII.—*Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену.* Женева. 1892. стр. 90.

204) *Пропилеи.* М. 1854. IV. 1—32. 1—80.

205) *Письма.* XXIII.

206) *Москвитянинъ.* 1855. II. 47—66. 107—126.

207) *Письма.* XXIII—XXIV.

208) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. мартъ. Кн. 1-я. стр. 49.

209) *Письма.* XXIII.

210) *Русскій Вѣстникъ.* 1856 годъ. мартъ. Кн. 1-я. стр. 78.

211) *Письма.* XXIV.

212) *Москвитянинъ.* 1856. I. 225—236.

213) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу.* Спб. 1882. стр. 71.

214) *Письма.* XXIII.

215) *Русская Старина.* 1897. декабрь. стр. 572. 575—578. 586. 579—580.—*Т. Н. Грановскій.* II. 473.

216) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* стр. 119.

217) *Т. Н. Грановскій.* II. 306.

218) *Письма.* XXIII.

219) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 137.

220) *Русскій Архивъ.* 1885. № 6. стр. 314.

221) *Копія съ подлиннаго письма къ И. В. Кирѣевскому,* сообщенная мнѣ Т. И. Филипповымъ.—*В. В. Григорьевъ.* стр. 143.

222) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* стр. 126.

223) *И. С. Аксаковъ.* III. 209.

224) *Современникъ.* 1855. LIV. Замѣтка о журналахъ. стр. 283.

225) *Т. Н. Грановскій.* II. 306.

226) *Письма.* XXIII.

227) *Русская Старина.* 1897. ноябрь. стр. 371.

228) *Письма.* XXIII.

229) *Записки и Дневникъ.* III. 26.

230) *Письма.* XXIII—XXIV.

231) *Русскій Архивъ.* 1885. № 6. стр. 315.—1878. № 7. стр. 380.

232) *Полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова.* Прага. 1867. II. 23—145.

233) *Русскій Архивъ.* 1881. II. 41.—1879. III. 285—286.—1881. II. 41.

234) *Письма.* XXIII.

235) *Русскій Архивъ.* 1879. № 3. стр. 381—382.—1884. № 4. стр. 329.

236) *Письма.* XXIII.

237) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* стр. 120—121.

238) *И. С. Аксаковъ.* III. 200.

239) *Письма.* XXIV.

240) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* стр. 129, 134.

241) *И. С. Аксаковъ.* III. 154. 237.

242) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* стр. 135. 138.

243) *И. С. Аксаковъ.* III. 317.

244) *Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ.* М. 1861. стр. 678—680.

245) *Письма.* XXIII.

246) *Русскій Архивъ.* 1896. № 10. стр. 161—162.

247) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 30.

248) *И. С. Аксаковъ*. III. 9—11. 115—117.

249) *Т. Н. Грановскій*. II. 454—455.

250) *И. С. Аксаковъ*. III. 130.—*Московскія Вѣдомости*. 1855. № 136. — *И. С. Аксаковъ*. III. 297—298.

251) *Письма*. XXIV.

252) *И. С. Аксаковъ*. III. 244.

253) *Вѣстникъ Европы*. 1894. февр. стр. 495.

254) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. стр. 135.

255) *И. С. Аксаковъ*. III. 296 прил. стр. 106.

256) *Русскій Архивъ*. 1877. № 5. стр. 42—46.

257) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. III. 371—372

258) *Русскій Архивъ*. 1877. № 5. стр. 47—49.

259) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. стр. 121.

260) *И. С. Аксаковъ*. III. 217.

261) *Русскій Архивъ*. 1879. III. 287. 540—541.—1877. № 5. стр. 49.

262) *И. С. Аксаковъ*. III. 114.

263) *Русскій Архивъ*. 1884. № 4. стр. 327.

264) *Письма*. XXIII.

265) *Русскій Архивъ*. 1884. № 4. стр. 328.—1879. III. 285—286. 218—219. 344. 286.

266) *И. С. Аксаковъ*. III. 150.— *Т. Н. Грановскій*. II. 457.

267) *Русскій Архивъ*. 1886. № 3. Калюпановъ.—*Біографія А. И. Кошелева*. М. 1892. II. 238.

268) *Русскій Архивъ*. 1879. III. 286—287.

269) *Біографія А. И. Кошелева*. II. 238.

270) *Записки и Дневникъ*. II. 29.

271) *Русскій Архивъ*. 1879. № 11. стр. 345—346. 290—291.—1884. № 4. стр. 330—331.

272) *Письма*. XXIV.

273) *Русскій Архивъ*. 1878. № 7. стр. 382—383.

274) *Копія съ письма къ И. В. Кирѣевскому*, сообщенная мнѣ Т. И. Филипповымъ. — *Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1882. VII. 28—30.—*Письма*. XXIV.

275) *Русскій Архивъ*.

276) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. стр. 126.

277) *Русскій Архивъ*. 1885. I. 316.

278) *Письма*. XXIII.

279) *Современникъ*. 1856. LVI. Замѣтки о журналахъ. стр. 234.

280) *Русскій Архивъ*. 1899. № 11. стр. 345—346.

281) *Московскія Вѣдомости*. 1856. № 27. 29.

282) *Русскій Вѣстникъ*. 1856. III. Совр. лѣтоп. стр. 62.

283) *И. С. Аксаковъ*. III. 205—207. 243. 239. 276. 281—282. 286. 290—291. 340. 327—328. 342—343.

284) *Письма*. XXIV.

285) *И. С. Аксаковъ*. III. 223. 242.

286) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. стр. 128.

287) *Письма*. XXIV.

288) *И. С. Аксаковъ*. III. 293. 295.

289) *Письма*. XXIV.

290) *И. С. Аксаковъ*. III. 242.

291) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу*. стр. 132.

292) *И. С. Аксаковъ*. III. 237.

293) *Русское Обозрѣніе*.

294) *Письма Филарета м. Московскаго къ высочайшимъ особамъ и разнымъ другимъ лицамъ*. Тверь. 1888. II. 28—29.

295) *Русское Обозрѣніе*.

296) *Письма*. XXIII.

297) *Русское Обозрѣніе*.

298) *Письма*. XXIV.

299) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу*. Спб. 1882. стр. 70.

300) *Письма*. XXIII. XXIV.

301) *Дневникъ*.

302) *Письма*. XXIV.

303) *Дневникъ*. подъ 22 января 1856.

304) *Письма*. XXIV. — *Біографія А. И. Кошелева*. II. 260—261.

305) *Письма*. XXIV.

306) *Записки и Дневникъ.* II. 21—22.
307) *Письма.* XXIV.
308) *Москвитянинъ.* 1855. VII. 297—309.
309) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. Соврем. лѣтопись. III. 218—219.
310) *Москвитянинъ.* 1855. VII. 297—309.
311) *Письма.* XXIV.
312) *Отечественныя Записки.* 1856. Литература и Журналистика. CVII. 128.
313) *Письма.* XXIV.
314) *Дневникъ* подъ 16 марта 1855.—*Письма.* XXIV.
315) *Москвитянинъ.* 1855. V. 10—14.—I. 157 и пр. II. 175—178.
316) *Отечественныя Записки.* 1855. іюль. Критика. стр. 1—12.
317) *Письма.* XXIII.
318) *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.* 1887. I. 143.—*Письма.* XXIV.
319) *Письма.* XXIII.
320) *Москвитянинъ.* 1855. IV. 121—136. 351.
321) *Письма.* XXIII.
322) *Москвитянинъ.* 1855. V, 79 и пр.
323) *Письма.* XXIV. XXIII.
324) *Москвитянинъ.* 1855. I. 89—92.—VI. 177—179.
325) *Письма.* XXIII. XXIV.
326) *Москвитянинъ.* 1855. V. 145—158. 8—9.
327) *Письма.* XXIII.
328) *Москвитянинъ.* 1855. V. 14—15.
329) *Письма.* XXIII.
330) *Москвитянинъ.* 1855. V. 77—132.
331) *Письма.* XXIV.
332) *Отечественныя Записки.* 1855. январь. Критика. стр. 1—22.
333) *Московскія Вѣдомости.* 1856. № 37.—*Письма.* XXIII, XXIV.
334) *Родъ князей Голицыныхъ.* Спб. 1892. I. 193. 276—277.
335) *Письма.* XXIII. XXIV.
336) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію.* III. 410.
337) *Письма Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу.* стр. 123—124.
338) *Письма.* XXIII.
339) *Москвитянинъ.* 1855. №№ 21—22.
340) *Письма.* XXIII.
341) *И. С. Аксаковъ.* III. 214—215.
342) *Т. Н. Грановскій.* II. 456.
343) *Архивъ III-го Отдѣленія.* 1856. № 27.
344) *Письма.* XXIV.
345) *Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ.* Спб. 1865. стр. 457.
346) *Письма.* XXIII.
347) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 154.
348) *Письма.* XXIII.
349) *Московскія Вѣдомости.* 1855. № 154.
350) *Письма.* XXIII.
351) *Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго.* М. 1861. I. 108—110.
352) *Письма.* XXIII.
353) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. Совр. Лѣтопись. стр. 1—2.
354) *Москвитянинъ.* 1856. № 1. стр. 35—48.
355) *Письма.* XXIII.
356) *Письма М. П. Погодина къ М. А. Максимовичу.* стр. 71.
357) *Русскій Архивъ.* 1882. № 2. стр. 333—354.
358) *Письма.* XXIII.
359) *Русскій Архивъ.* 1882. № 2. стр. 333—334.
360) *Письма.* XXIII.
361) *Москвитянинъ.* 1856. № 1. стр. 35—48.
362) *Вѣдомости Московской Городской Полиціи.* 1856. № 46. стр. 246—247.
363) *Москвитянинъ.* 1856. № 1. стр. 35—48.
364) *Письма.* XXIV.
365) *Москвитянинъ.* 1856. № 1. стр. 35—48.
366) *Письма.* XXIV.
367) *Москвитянинъ.* 1856. № 1. стр. 35—48.

368) *И. С. Аксаковъ*. III. 231—232.—*Письма*. XXIV.

369) *Москвитянинъ*. 1856. № 1. стр. 35—48.

370) *Письма*. XXIV.

371) *Москвитянинъ*. 1856. № 1. стр. 35—48.

372) *Письма*. XXIV.

373) *Москвитянинъ*. 1856. № 1. стр. 35—48.

374) *Письма*. XXIV.

375) *Москвитянинъ*. 1856 № 1. стр. 35—48.

376) *Письма*. XXIV.

377) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. III. 391—392.

378) *Москвитянинъ*. 1856. № 1. 35—48.

379) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. III. 397—398.

380) *Москвитянинъ*. 1856. № 1. 35—48.

381) *И. С. Аксаковъ*. III. 255—256.

382) *Письма*. XXIV.

383) *Письма м. Московскаго Филарета къ Антонію*. III. 393.

384) *Москвитянинъ*. 1856. I. 250—256.

385) *Письма*. XXIV.

386) *Русскій Архивъ*. 1879. № 11. стр. 345.

387. *Архивъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи*. 1856. № 94.

388) *Русскій Архивъ*. 1885. I. 316.

389) *Письма*. XXIV.

390) *Русскій Архивъ*. 1886. № 3. стр. 358—359. I. 316—317.

391) *Письма*. XXIV.

392) *И. С. Аксаковъ*. III. 301.

393) *Письма*. XXIV.

394) *Т. Н. Грановскій*, II. 455.

395) *И. С. Аксаковъ*. III. 204—205.

396) *Письма*. XXIV.—*Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей*. XV. 14.—*Татищевъ*. стр. 480.

197) *Письма м. Московскаго Филарета* къ *Антонію*. III. 399.

398) *Татищевъ*. стр. 484.

399) *Письма Филарета м. Московскаго къ князю С. М. Голицыну*. М. 1884. стр. 101—102.

400) *Письма*. XXIV.—*Русскій Архивъ* 1896. № 10. стр. 195.

401) *Сочиненія Филарета м. Московскаго*. М. 1885. V. 369.

402) *Письма м. Моск. Филарета къ Антонію*. III. 401.

403) *Русскій Вѣстникъ*. 1856. II. Совр. Лѣтоп., стр. 241—242.

404) *Письма*. XXIV.

405) *Татищевъ*. стр. 485—486.—*Письма* XXIV.—*Русскій Архивъ* 1896. № 3. стр. 349—350.

406) *Московскія Вѣдомости*. 1856. № 55—56. 37.

407) *Русскій Архивъ*. 1866. стр. 219—220.

408) *Письма*. XXIV.

409) *Записки Дмитрія Николаевича Свербеева*. М. 1899. II. 385—411.

410) *Московскія Вѣдомости*. 1856. № 46.

411) *Письма*. XXIV.

412) *Записки Д. Н. Свербеева*. II. 411.

413) *Собраніе отдѣльныхъ статей и замѣтокъ А. С. Хомякова*. М. 1861. I. 720—721.

414) *Русскій Архивъ*. 1885. I. 316—317.

415) *Письма*. XXIV.

416) *Дорожныя Замѣтки 1856 года*.

417) *Полное собраніе сочиненій И. В. Кирѣевскаго*. М. 1861. стр. 110.

418) *Копія съ письма Т. И. Филиппова къ И. В. Кирѣевскому*, отъ 5 іюня 1856 года.

419) *Дорожныя Замѣтки* 1856.

420) *Русская Бесѣда*. 1856. II.

421) *Дорожныя Замѣтки 1856 года*.

422) *Дневникъ* 1856. подъ 15 іюня.

423) *Отецъ Климентъ Зедергольмъ*. М. 1882. Изд. 2-е. стр. 5.

424) *Русскій Архивъ*. 1879. № 11. стр. 201.

425) *И. С. Аксаковъ*. III. 258—259.

426) *Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина.* Спб. 1898. II. 1219.—*Письма.* XXIV.

427) *И. С. Аксаковъ.* III. 308.

428) *Письма.* XXIV.

429) *И. С. Аксаковъ.* III. 300.

430) *Дорожныя Замѣтки 1856 года.*—Савва. *Хроника моей жизни.* Св. Троицкая Сергіева Лавра. 1899. II. 286—289.

431) *Дорожныя Замѣтки 1856 года.*

432) *Письма.* XXIV.

433) *Дорожныя Замѣтки 1856 года.*

434) *Письма.* XXIV.

435) *Дорожныя Замѣтки 1856 года.*

436) *Письма.* XXIV.

437) *Дорожныя Замѣтки 1856 года.*

438) *Письма.* XXIV.

